Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Министерство высшего образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный аграрный университет»

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Коллективная монография

К 100-летию образования
Союза Советских Социалистических Республик

Екатеринбург
2021

УДК 323.2:342 511 (470)
ББК 66.3(2): 67.99 (2) 06
И90

Рецензенты:
А. А. Керимов, доктор политических наук, Уральский государственный экономический университет
В. Н. Осташкин, доктор исторических наук, Военный университет Министерства обороны РФ
В. С. Прядеин, доктор исторических наук, Уральский государственный федеральный университет

И90 Исторический опыт развития советской цивилизации / Ред. М. Ю. Карпухин, К. П. Стожко. Екатеринбург: Издательство Уральского ГАУ, 2021. – 449 с.

Авторский коллектив: Абдаллаев Н. А. (гл. 10, §2); Благодатских В. Г. (гл. 9, §3); Быков М. Ю. (гл. 2); Ветошкин А. П. (гл. 2); Воронин Б. А. (гл. 9, §2); Воронина Я. В. (гл. 9, §2); Жилина В. А. (гл. 7); Журавлева Л. А. (гл. 6, §1); Зарубина Е. В. (гл. 6, §1); Кефели И. Ф. (гл. 10, §3), Князев В. М. (Заключение); Коноплева Л. А. (гл. 10, §1); Кружкова Т. И. (гл. 9, §1); Лавров В. Н. (гл. 9, §4); Леднев В. П. (гл. 8, §1); Марцева Л. М. (гл. 9, §4); Митин А. Н. (гл. 8, §3); Некрасов С. Н. (гл. 4); Потехин Н. А (гл. 8, §4); Потехин В. Н. (гл. 8, §4); Семин А. Н. (гл. 8, §4); Стегний В. Н. (гл. 6, §2); Стожко Д. К. (гл. 3; гл. 5, гл. 9, §1, 5); Стожко К. П. (гл. 3; гл. 5; гл. 8, §2; гл. 9, §3, 5); Шабатура Л. Н. (Введение); Шепелева В. Б. (гл. 1); Шиловцев А. В. (гл. 9, §4).

В монографии освещены наиболее важные аспекты истории развития Советского Союза: появление советского проекта, его социальные, культурные, идеологические и экономические основы, а также роль СССР в мировом социально-экономическом развитии и в укреплении мира. Дан анализ современных социокультурных, политико-экономических и иных трансформаций в развитии российского общества в контексте формирования новой «социальной реальности». Приведена обобщенная оценка развития науки, образования, промышленного и аграрного производства в условиях социалистического планирования, сохраняющая актуальность и в современных условиях макроэкономической и политической нестабильности.

УДК 323.2:342 511 (470)
ББК 66.3(2): 67.99 (2) 06

© Коллектив авторов, 2021
© Уральский ГАУ, 2021

Оглавление

Введение 4
Глава 1. Начало «советского проекта» в отечественной истории 12
Глава 2. Духовно-нравственные основы советского политического строя 37
Глава 3. Гражданская война и советское государство 62
Глава 4. Диалектика развития советского общества 74
Глава 5. Социалистические альтернативы в советской истории 119
Глава 6. Советский человек как новый тип личности 141
6.1. Советский человек: историко-социологический портрет 141
6.2. Политическая информированность советского человека – 149
показатель культуры 149
Глава 7. Феномен советской идеологии 166
Глава 8. Идеологическая борьба 194
и советский опыт государственного развития 194
8.1. «Теория» социокультурного опыта: критика некритической «критики» 194
8.2. Антисоветизм и русофобия как препятствия 218
на пути развития российского общества 218
8.3. Трансформация ценностей и судьба Советского Союза 248
8.4. Исторический опыт развития советской системы образования 264
Глава 9. Социально-экономическое развитие Советского Союза 279
9.1. Новая экономическая политика: уроки истории 279
9.2. Аграрный вопрос и советская аграрная политика 286
9.3. Продовольственная проблема в России 301
9.4. Трансформация советской социально-экономической системы 357
во второй половине XX века 357
9.5. Труд в истории советской цивилизации 363
Глава 10. Межнациональные отношения в Советском Союзе 376
10.1. Опыт федерализации и формирования интернациональных отношений 376
10.2. Исторический опыт формирования и развития Советского Казахстана 389
10.3. Советская цивилизация: 427
минувшая реальность в современном дискурсе 427
Заключение 441
Сведения об авторах 447

Введение

Прошло столетие с момента появления на нашей планете первого в мировой истории социалистического государства – Советского Союза, объединившего разные народы и нации, обеспечившего им суверенитет, безопасность и развитие. Что бы ни говорили некоторые политики, философы и историки о том, что в основу создания Советского Союза была заложена какая-то «бомба» в виде «права наций на самоопределение, вплоть до выхода из состава Союза» [1], все это несерьезно и конъюнктурно. Походя «критиковать» тех, кто создал огромное и мощное государство – Советский Союз, – и домысливать события далекой эпохи с «современных позиций», значит переписывать, переиначивать историю, против чего сами же «переписчики» и возражают. А несерьезно и конъюнктурно потому, что именно это право в конкретно-исторических условиях той эпохи было единственным и главным условием для объединения, стало основой для существования нового государства. В гимне Советского Союза четко было сказано:

«Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь».

Именно свободных, а не захваченных, не покоренных, не присоединенных силой! И Советский Союз был создан «волей народов», он стал оплотом дружбы объединившихся в одну семью свободных республик. Свободных от капиталистической эксплуатации, от внешнего гнета, от геноцида.

Без этого права «на свободу вплоть до выхода» объединить огромную страну, стремительно разваливавшуюся после трех революций, проигранной русско-японской войны, надломленной испытаниями Первой мировой и Гражданской войн было просто невозможно. Именно поэтому Советская власть предоставила это право многим народам, населявшим Российскую империю, стремившимся к образованию своей государственности.

И это право в конце прошлого века узурпировала и нарушила предательская клика политической элиты страны. Взяв на себя роль народных трибунов, отдельные политики просто развалили огромную державу вопреки воле самого народа, высказанной им вновь уже 17 марта 1991 г. По существу, они, эти политиканы, совершили государственную измену.

А народная воля была высказана более чем однозначно: в подавляющем своем большинстве (148,5 млн чел., или 79,5 % от общего населения Советского Союза), люди высказались за сохранение Советского Союза. Но не случилось... Политическое руководство отдельных республик и часть союзных чиновников сочли для себя предательство и вероломство – лучшим сценарием поведения. Только для кого?!

Для «малых» народов? Для коренных народов Севера? Для национальных меньшинств? Для населения союзных республик? Нет, конечно. Для своего кармана, для своих амбиций, для своего счета в банке (желательно в зарубежном).

О финансовых махинациях, о взятках и иных поборах в окружении М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина сегодня уже достаточно известно [2; 3; 4]. Это и чек на 100 тыс. долларов, полученный М. С. Горбачевым от президента Южной Кореи в апреле 1991 г. И еще как минимум семь международных «премий» идеологу перестройки за его политические уступки Западу. И коробка из-под ксерокса с 538 тыс. долларов, вынесенная в июне 1996 г. из Дома правительства А. Евстафьевым и

С. Лисовским, представителями предвыборного штаба Б. Н. Ельцина. И «пожертвования» Центру защиты частной собственности во главе с А. Б. Чубайсом от М. Б. Ходорковского, нагло вытребованные будущим «героем» «Роснано», которого, как и других младореформаторов, уже тогда «плотно опекал Госдеп США» [5; 6]. И любовь к деньгам, а как результат – состояние в 200 млн долларов гражданки Австрии Т. Б. Дьяченко (Юмашевой), дочери Б. Н. Ельцина [7]. И много-е-многое другое.

Алчность и стяжательство продажных политиканов и чиновников, попавших во власть, привели к гибели целой страны. Вот и сейчас все еще стараются их «идейные соратники» задним числом своих спонсоров обелить, нашу страну очернить, а ее народ – унизить. Особенно в этом направлении стараются представители так называемого Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара (в попечительском совете которого, как же без этого, и Г. Греф и, конечно же, А. Чубайс).

Но как бы ни хотели современные антисоветчики и русофобы, лицемерно прикрываясь заявлениями о поиске исторической справедливости, шельмовать советскую историю, делить советский народ на «большие» и «малые» народы, на «угнетаемых» и «угнетателей», как бы они ни старались очернить советскую страну, ее прошлое и ее достижения, это выглядит абсолютно безнравственно и ненаучно. Как бы ни желали отдельные авторы доказать, что великая страна – Советский Союз – была «тюрьмой народов», ничего у них из этого не получается. Да и никогда не получится.

Большое, как известно, видится на расстоянии. Сегодня, спустя тридцать лет после исчезновения Советского Союза, в условиях растущей политической и экономической нестабильности, угрозы новой мировой войны, падения уровня жизни людей в бывших республиках СССР только слепой не видит того, что советское прошлое было «золотым веком» в нашей новейшей истории. Но, как гласит известная мудрость, «что имеем, не храним, потерявши – плачем».

Советский Союз просуществовал семьдесят лет. По историческим меркам – срок очень небольшой. Но за это время было достигнуто очень и очень многое. Была устранена поголовная безграмотность населения и создана система всеобщего среднего образования. Была осуществлена индустриализация, превратившая аграрную Россию в передовую могущественную промышленно развитию сверхдержаву. Была создана одна из лучших в мире систем здравоохранения, позволившая дать людям бесплатное медицинское обслуживание, кардинально повысить качество и продолжительность жизни. Была одержана Великая Победа над чумой XX века – немецким фашизмом. Была, наконец, осуществлена послевоенная реконструкция народного хозяйства. В итоге из «страны с сохой» Советский Союз превратился в могущественную страну с атомной бомбой; страну, освоившую космос; страну, создавшую мощный щит против любой агрессии. И это стало гарантией семидесятилетнего периода мира без новой всеобщей войны.

Наш народ на практике осуществил завет великого русского реформатора П. А. Столыпина, который когда-то говорил: «Русский народ имеет только одно историческое право – право быть сильным». Именно сильным было Советское государство, пока под влиянием западных партнеров внутри не созрело предательство, не появились изменники, предавшие свой народ и провалившие свое государство. Они, эти новые лидеры, утверждали, что будто бы не было иного

выхода, будто советский строй изжил себя, будто социализм – вчерашний день истории. Им все чаще вторят и современные апологеты, кричащие о диктатуре, терроре и насилии в советской истории. Все это – оправдание своей подлой сущности – предателей не любят ни в одной стране. В нашей – особенно. Их время еще придет. Ведь сказано в Библии: «Есть время разбрасывать камни, а есть время их собирать».

Что же касается всестороннего и научного осмысления исторического опыта развития советской цивилизации, то столетний юбилей – хороший повод для этого. Потому что растут новые поколения, на смену старшим приходит молодежь. И от того, будет ли она знать свою собственную историю (в том числе и советскую), свое прошлое, зависит судьба России.

Лучше, чем в песне, не выразишь те эмоции и чувства, которые охватывают россиян, переживших трагедию Беловежского сговора и предательства. На обломках великой страны сегодня проливается кровь, гремят военные конфликты, растет угроза новой большой войны. То там, то здесь пылают костры межнациональной вражды: Донбасс в Украине, Нагорный Карабах на Кавказе, Приднестровье в Молдавии, Ош в Киргизии, Фергана в Узбекистане…

Разве об этом думали те, кто рвался в начале 90-х гг. прошлого века к власти? Разве думали они о собственном народе, о своих согражданах, двадцать пять миллионов которых из русских в один миг стали чужаками, превратились в новых государствах в так называемых «русскоязычных»? Нет, конечно, не думали. Предательство потому и предательство, что предатели всегда думают только о себе, и никогда – о других. И пусть пока им строят разные памятники и создают разные центры, нахваливают их «мудрость» и «вклад в историю». Народ давно уже вынес им свой приговор. Великий и многонациональный российский народ, переживший великую катастрофу, но сохранивший и любящий свою Россию, считает тех, кто развалил единую страну, предателями. Но Россия не погибла. Она сохранилась. Она окрепла и вновь становится Великой.

Вот они, слова советского поэта Леонида Дербенева к песне на музыку композитора Игоря Матеты, выражающие чувства нашего многонационального российского народа:

Не было на свете ближе и милей,
Не было прекрасней Родины моей.
Вечная, святая, добрая Страна,
Ты не знала, что придут такие времена.
Была Страна – необъятная моя Россия!
Была Страна, где встречала с мамой я рассвет.
Была Страна, где влюблялась я под небом синим.
Была Страна, а теперь мне говорят, что нет.
Также входит утро в наши города,
И большое солнце светит, как всегда,
И людьми все также улицы полны,
Что ж вы лжете, будто нету у меня Страны!
Живет Страна – необъятная моя Россия!
Живет Страна, где встречала с мамой я рассвет.
Живет Страна, где влюблялась я под небом синим.

Живет Страна, и напрасно говорят, что нет.
Нам того, что было, зачеркнуть нельзя,
Что б ни говорили новые князья.
Будет жить на свете вечная Страна!
Что ни делай, никуда не денется Она!

Да, к несчастью для многих тысяч семей, для миллионов людей, исчез Советский Союз – наша общая Родина. Что тому виной? Были ли для этого объективные причины? Скажем открыто – их не было. По всем показателям (индекс человеческого развития, качество жизни, уровень ВВП и т. д.) наша страна казалась прочной, незыблемой, твердой. Даже в условиях холодной войны она смогла переломить общий вектор развития и остановить гонку вооружений. Победив в накале военного противостояния США и НАТО (Карибский кризис, 1962), она реально доказала своим врагам, что не допустит по отношению к себе никакой безнаказанной агрессии.

Но, как сказано в Евангелии, «если царство разделится само в себе, оно не может устоять; и, если дом разделится в себе, он не устоит». Рост центробежных тенденций, политического и экономического сепаратизма, подогреваемый нашими врагами из-за рубежа, подготовил катастрофу. А прямой подкуп части политической элиты, соблазненной хвалебными лицемерными комплиментами и финансовыми подачками из зарубежных фондов, привели к трагедии. Главное – не было политической воли у союзного руководства преодолеть те трудности, которые искусственно создавали нам зарубежные «доброхоты». Да и необходимых способностей у тогдашних политиканов не было: знаний, воли, веры в свою страну, в свой народ.

Первый и последний президент Советского Союза М. С. Горбачев показал себя демагогом, не способным к принятию и реализации серьезных управленческих решений. Все его разговоры о «новом мышлении», о «демократизации и гласности», «ускорении» и «перестройке» вызывали неприятие старой политической элиты и непонимание новых лидеров на местах. Аплодировали ему только на Западе. Посмеиваясь над его «мудростью» и говорливостью.

Сознательно затягивая петлю на шее Коммунистической партии, обладавшей в то время монополией на государственную власть просто потому, что она была единственной и единой политической партией в стране, он, этот самый «реформатор», мечтал стать «вольным» и «суверенным» президентом страны и освободиться от зависимости коллегиальных партийных органов управления (Политбюро, Пленум ЦК). Разрушая сами основы коллективного государственного управления, этот персонаж новейшей отечественной истории «воспринял» (одно из его любимых словечек) общечеловеческие ценности, которые ему активно внушали западные лидеры (М. Тэтчер, Р. Рейган, Г. Коль и проч.).

То же можно сказать и о Б. Н. Ельцине. Характерно, что автор специальной книги о первом президенте постсоветской России А. В. Коржаков выбрал в качестве эпиграфа для своей работы слова М. Талейрана, министра иностранных дел Франции, предавшего своего императора Наполеона I: «Целые народы пришли бы в ужас, если б узнали, какие мелкие люди властвуют над ними» [4].

Колоритный персонаж новейшей российской истории, хронический алкоголик, Б. Н. Ельцин, как и положено было любому крупному партийному начальнику того времени, мечтал о власти. С подачи Е. К. Лигачева оказавшись в Москве, он попытался очень быстро оказаться в самой «высшей лиге» политического руководства страны. Но когда не получилось сходу войти в «священное семейство» членов Политбюро ЦК КПСС, будущий президент независимой России быстро поменял позицию и решил отомстить своим политическим оппонентам, уничтожить и партию, и государство. Кстати, при полном попустительстве высшего союзного руководства [8, с. 176] «новый лидер» собрал вокруг себя разного рода политических диссидентов, явных и скрытых врагов нашей Родины. Существует даже версия, что имел место прямой сговор между М. С. Горбачевым и Б. Н. Ельциным по разрушению Советского Союза [9]. Интересны в этой связи и признания Председателя Верховного Совета Российской Федерации Р. И. Хасбулатова, обвиняющего Б. Н. Ельцина в сознательном курсе на уничтожение единого государства (и, конечно, отрицающего свою причастность к этому) [10]. О сомнительной «чести» главного гробовщика великой страны сегодня спорят разные авторы [11–15].

Самое главное событие XX столетия длиною в семьдесят лет, существование Советского Союза, ушло в прошлое. Но сегодня существует Россия. И в назидание своим врагам с каждым годом она становится только крепче! И сегодня словами П. А. Столыпина наш народ отвечает западным «доброхотам» и внутренним «оппозиционерам»: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна Великая Россия!»

Все наглее становится современный национализм. Охваченные ненавистью к советскому прошлому, националистические круги в странах – бывших республиках СССР занимаются порой открытым очернительством и клеветой. Но вот вопрос: лучше стало тем, кто стремился вырваться из придуманной ими «тюрьмы народов»? Лучше стали жить националисты и обманутые ими народы в своих самостийных национальных «княжествах»? Нет. Только хуже. «Нахлебались» они своей «самостийной демократии», пожалуй, дальше – некуда. Вот и ищут помощи у России, вот и волнуются, что либо газ пойдет мимо них в Западную Европу, либо новый мост построят без них и вокруг них…

Как когда-то откровенно призналась одна российская диссидентка и ярая антисоветчица (В. Новодворская), «демократия – это, конечно, хорошо, но иногда и кушать хочется» … И потому так яростно ненавидят современные националисты Россию, которая доказала всему миру и «кто кого кормил», и кто обеспечивал «мир во всем мире», и что такое «советский народ». Некогда процветавшая советская Прибалтика сегодня превратилась в задворки Европы: население прибалтийских стран стремительно сокращается, люди бегут в другие страны, где есть работа, где можно выжить. То же происходит и с Украиной: ежегодно миллионы ее граждан ищут заработки в России или европейских странах.

Пытаясь переосмыслить исторический опыт советской цивилизации, авторы настоящей книги обращаются к самым разным аспектам советской истории и сопоставляют ее с современностью. В такой исторической последовательности и преемственности развития нашей страны они видят основание для действительно научного, критичного, объективного анализа.

Коллектив авторов един в общем мнении: нельзя называть события, которые привели к распаду Советского Союз, неудачной модернизацией, как это пытаются

делать некоторые современные зарубежные авторы (С. Блэк, П. Бергер, Д. Эптер, Б. Мур и др.). И в этом смысле следует четко сказать, что горбачевская перестройка была непродуманной, непоследовательной и внутренне порочной попыткой сохранить бюрократическую систему управления национальной экономикой, оказавшейся в антагонистическом противоречии со сложившейся и функционировавшей в стране системой демократического централизма. Системой, предполагающей, в первую очередь, широкую практику делегирования полномочий самим трудовым коллективам и развитие трудового (рабочего) самоуправления.

Многие авторы обычно относят Россию к особому типу стран с ярко выраженной бюрократической системой управления и традиционалистской системой ценностей. И будто бы именно поэтому ей не удалось преодолеть трудности «модернизации» 80-х годов XX века, тогда как, например, та же Япония, также относящаяся к данному типу стран, с подобными трудностями в свое время успешно справилась («японское экономическое чудо») [16, с. 29–30]. Вряд ли такие сравнения правомерны. Бюрократия сегодня процветает и в Евросоюзе, и в США. Причем бюрократия наглая, агрессивная. Бюрократия, которая плюет на национальные интересы, которая расстреливает своих граждан на городских улицах. Бюрократия, которая даже отказывается лечить своих граждан от пандемии коронавируса из-за собственных политических «заскоков». Тем не менее государства существуют, не распускаются, не исчезают.

Что касается горбачевской «модернизации», которая будто бы привела Советский Союз к распаду, то это явный оксюморон. Настоящие, глубинные причины нужно искать в перерождении политического руководства страны, в его отщепенстве, отчуждении от народа.

Что же касается проблемы модернизации, то для обоснования современных попыток либерального переустройства в политической и экономической сферах жизни нашего народа сегодня используются разные лексические паллиативы: «постмодернизация», «неомодернизация», «модернити» и т. д. [17–19]. В действительности процесс, который предшествовал развалу СССР, следует обозначать как деградацию самой политической элиты страны и созданной ею номенклатурной, бюрократической системы управления страной. А поскольку «политика есть концентрированное выражение экономики» (В. И. Ленин), то оказалась разрушенной и советская экономика.

В связи с этим интересно мнение известного специалиста в области психиатрии Г. Л. Хоффмана, согласно которому ключевую роль в жизни человека и общества играет способность переключиться с режима противостояния на сотрудничество. Современный политический анализ позволяет сделать вывод о том, что таким ключевым «фактором переключения» является степень угрозы для объективных экономических интересов людей и сообществ, а также для всей иерархии человеческих потребностей. В условиях растущих рисков, нестабильности и неопределенности степень угроз нарастает, появляются разные дисфункциональные расстройства, в силу которых вся система (политическая, экономическая) может попасть в нисходящую спираль [20, с. 80, 81].

Именно это и произошло с нашей страной и нашим обществом. В силу глубокого межличностного конфликта между двумя политическими лидерами и концентрации вокруг них различных политических, экономических, военных и идеологических сил в стране возникло два антагонистических полюса власти (двоевластие).

Когда-то такое двоевластие (1917) закончилось Великой Октябрьской социалистической революцией. В 1991 году ситуация сложилась иначе. Центробежные тенденции, охватившие страну в силу противостояния двух полюсов власти, привели к ее распаду и уничтожению. Все остальные факторы и причины, хотя и играли определенную роль в этом процессе, все же имели вторичное значение.

Такие случаи в истории и нашей страны, и других стран случались неоднократно. Поэтому весьма актуальной является проблема исследования эндогенных и экзогенных факторов в развитии мировых цивилизаций, в том числе советской цивилизации. Но не стоит верить заявлениям о том, что все особенности нашей цивилизации заимствованы извне. Это очередная русофобская и западническая трактовка исторического процесса, в которой мало правды и много лжи. Полагать, что коллективизм нам «привили» монголы или что этатизм на Русь пришел из Византии [21, с. 5], это все равно что за деревьями не видеть леса, за некоторыми внешними схожестями не видеть исторической самобытности. Такие заявления отдельных историков напоминают своеобразный перепев «норманнской теории» в новой упаковке.

Именно в силу наличия в современной научной и популярной литературе попыток переиначить историю, исказить реальные причины и последствия разрушения Советского Союза, а также его роль в отечественной и мировой истории авторы посчитали для себя необходимостью подготовить данную книгу. Конечно, с надеждой на ее полезность для читателей.

Библиографический список

1. Путин В. В. Об историческом единстве русских и украинцев // Коммерсант. 12. 07. 2021 [Электронный ресурс]: https://www.kommersant.ru/doc/4898918
2. Ивашов Л.Г. Маршал Язов: роковой август 91-го. М.: Мужество, 1992. – 112 с.
3. Янаев Г.И. ГКЧП против Горбачева: последний бой за СССР. М.: Эксмо, 2010. – 240 с.
4. Коржаков А. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М.: Интербук, 1997. – 480 с.
5. Аитов Н.А. Чубайсология. Алма-Аты: Art-Depo studio, 2018. 96 с.
6. Насибуллин Р.Т. «Чубайсология» не только о Чубайсе… // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. № 2. С. 113-123.
7. Челноков А. «Крестная дочь» Кремля. Семейные тайны Татьяны Дьяченко. М.: Яуза-Пресс, 2012. – 288 с.
8. Полторанин М.Н. Власть в тротиловом эквиваленте: наследие царя Бориса. М.: Эксмо, 2010. – 512 с.
9. Костин А.Л. Заговор Горбачева и Ельцина: кто стоял за хозяевами Кремля? М.: Алгоритм, 2010. – 608 с.
10. Хасбулатов Р.И. Как развалили СССР. Крушение сверхдержавы. М.: Эксмо, 2016. – 736 с.
11. Камынин Е. Человек, который развалил СССР. М.: Зебра-Е, 2011. – 480 с.
12. Сазонов А.А. Кто и как уничтожал СССР? М.: Алгоритм, 2018. – 576 с.
13. Лигачев Е.К. Кто предал СССР? М.: Алисторус, 2015. – 330 с.
14. Шамбаров В.Е. Предательство в КПСС. Хроника разрушения СССР. М.: Родина, 2020. – 480 с.

15. Шевякин А. П. Кто готовил развал СССР. М.: Алгоритм, 2014. – 448 с.
16.Сперанский А.В. Модернизация России: перекресток мнений // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII – XX вв. Екатеринбург: Банк культурной инициативы, 2012. – 168 с.
17. Саква Р. Россия: альтернативная модернити? Неомодернизационные и цивилизационные вызовы // Россия реформируется. 2013. № 12. С.205-245.
18. Бодрунов С.Д. России необходима новая индустриализация // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2016. № 1(50). С.5-11.
19. Губанов С. Неоиндустриализация: к вопросу о «вопросе» (некоторые уточнения) // Экономист. 2017. № 4. С.43-53.
20. Хоффман Г.Л. Разрешение конфликтов в глобальном мире // Век глобализации. Исследования современных процессов глобальных процессов. 2018. № 4. С.79-92.
21. Роль эндогенных и экзогенных факторов в развитии российской цивилизации (XVIII-XX в.) / отв. ред. Е.В. Алексеева. Екатеринбург: УрО РАН, 2014. – 248 с.

Глава 1. Начало «советского проекта» в отечественной истории

Советская эпоха, ее истоки – эти пласты истории вызывают в постсоветское время ожесточенные дискуссии среди политиков, историков, гуманитариев, исследователей самого широкого спектра знаний, мировоззренческих и познавательных ориентиров, полемику среди людей неравнодушных, мыслящих, стремящихся к исторической правде.

Данное обстоятельство неудивительно. Думается, очень верно и вовремя сказано было: «Как мы сейчас прочтем свою историю, таким и будет наше будущее» [1]. Или как мы ее сохраним [2]. И это так. Тем более что существуем мы объективно в «эпоху проектов делания Истории» – эпоху осознанной необходимости, эпоху совершеннолетия человечества (вне зависимости от наших желаний и от того, осознаем мы это или нет).

А между тем еще в конце прошедшего столетия И. Валлерстайн констатировал, что «чрезвычайно важно, чтобы произошло широкое, разумное обсуждение возможностей исторического выбора и уж обязательно в такой стране, как Россия». И это, подчеркнем, логично: сама проблема исторического выбора теоретически (А. И. Герценом), а затем и практически была преподнесена миру Россией. А кроме того, Россия именно в рамках «советского проекта» обнаружила нечто уникальное: «советский проект» оказался «одной из наиболее успешных попыток России приблизиться по уровню развития к центру миросистемы, тогда как отказ от него привел к резкому скатыванию к периферии». Большевики успешно реализовали требования «капиталистической экономики», при том что либералам новейшего образца это оказалось совершенно не по плечу [3].

Относительно перспектив собственно России И. Валлерстайн утверждал, что через некоторое время «ученые начнут переоценку национальной и всемирно-исторической роли Ленина … Народ испытает чувство гордости, и это будет иметь политические последствия, потому что … русским … сейчас очень не хватает этого чувства, а ведь Ленин дает вполне реальный повод» [4].

Более того, если исходить из планетарных измерений, то, как подчеркивает сегодня Т. Краус, «сейчас никто не может сказать, куда идти», однако «если принять тезис о хорошем капитализме», то «это означает конец человеческого развития». Зато «Ленин актуален сейчас именно потому, что поставил вопрос: возможна ли альтернатива капитализму?» [5].

Вообще, выдающиеся мыслители признавали, что советский проект – это «новое мировое явление», «новое большое дело». В частности, движение к ноосфере, которое «в основе своей не исчезнет», несмотря даже на «безумства власти», и, «несомненно, в большевистском движении много глубокого, народного» [6].

Итак, пореформенная Россия конца XIX – начала XX вв. переживала прогрессивные процессы ускоренной (форсированной) капиталистической трансформации и в целом к рубежу веков – страна определенно капиталистическая в экономике, но с грузом серьезных пережиточных явлений («переживаний крепостничества») и с абсолютистской самодержавной политической системой [7]. Отсюда и программа-минимум РСДРП с расчетом на демократическую трансформацию – буржуазно-демократическую революцию с лидирующей ролью пролетариата, большевистской партии (во всяком случае, так представлялось для большевиков), и с противоречиями – для ряда меньшевистских лидеров).

Однако большевики уже по ходу первой русской революции серьезно скорректировали свои представления о социально-экономической и социально-классовой природе российской действительности, действительности аграрно-крестьянской.

Поясним, что еще в январе 1905 г. в условиях начавшейся революции в статье «От народничества к марксизму» В. И. Ленин называет остатками народничества в проекте программы ПСР «теорию благоприятного и неблагоприятного отношения между положительными и отрицательными сторонами капитализма». Особенно в «земледелии, и в целых странах», определяет ее как «внесение в марксизм старого русского субъективизма» с его идеей «об особых „судьбах капитализма в России“ и представлениями о возможности „будто бы… выбирать более или менее благоприятные пути для отечества“» [8].

Отметим, что самим ходом истории реальность заставит честных реалистов, в т. ч. и В. И. Ленина, признать себя ошибавшимися, увидеть и признать и новую роль субъектного начала в жизни общества, в историческом процессе [9].

Пока же, в первой четверти 1905 г., готовя материалы для III съезда партии, Ленин пишет: «Крестьянину нужна земля, и его революционное чувство, его инстинктивный, первобытный демократизм не может выразиться иначе, как в наложении руки на помещичью землю. <…> Социалисты-революционеры останавливаются на этом положении… Социал-демократы на основании… [классового] анализа утверждают, что все крестьянство вряд ли может солидарно идти дальше требования возвращения отрезных земель, так как… неизбежно выступит ярко антагонизм сельского пролетариата и „хозяйственных мужичков“» (иначе: «мелкой буржуазии» или «крестьянской буржуазии»). И в этой связи «социал-демократы…, – по словам Ленина, – не могут вдаваться в авантюризм… не могут заслонять классовой борьбы против собственников розовыми перспективами». А потому «до полной победы крестьянского восстания… революционный лозунг необходимо должен учитывать антагонизм мужика и помещика; и пункт об отрезках совершенно верно подчеркивал это обстоятельство», тогда как «всевозможные „национализации“… „социализации“ и т. п.» якобы «игнорировали и затемняли… [этот] антагонизм» [10].

Но если брать первое: «крестьянин», «его инстинктивный демократизм», «революционное чувство», «земля», «помещичье землевладение», кажется, тут намечается одна естественная логическая линия: требование ликвидации помещичьего землевладения. Однако в тексте идут формулировки про «затемняющие», в общем негодные «всевозможные „национализации“ и т. п.». Тысячекратно звучит: «крестьянство», «крестьянин», «его инстинктивный, первобытный демократизм» – и тем не менее настойчиво пишется про «сельский пролетариат», с одной стороны, и «хозяйственного мужичка» – «крестьянскую буржуазию» – с другой. Думается, логические несопряженности здесь все-таки достаточно ощутимы. Попробуем детальнее разобраться в этой слишком существенной ситуации для преимущественно крестьянской страны.

Еще в 1899 г. в рецензии на книгу К. Каутского В. И. Ленин подчеркивал, что этот авторитетнейший марксист «естественно, против всяких попыток поддержки и „спасения“ крестьянского хозяйства», причем, по его словам, «нечего и думать… чтобы деревенская община могла перейти к крупному общинному земледелию». А вместе с тем оказывается, что «именно собственность крестьянина и есть главная причина его обнищания и принижения» [11].

Но – «нечего и думать… чтобы деревенская община могла перейти к крупному общинному земледелию», – если данный тезис применить к России, это ведь не только против народников, против А. И. Герцена, но и против солидарных с Герценом признаний К. Маркса, а отчасти и Ф. Энгельса – известных теперь, но Ленину неведомых. Кстати, даже в НЭПе общину Ленин каким-то специальным образом не выделяет. Кроме того, «именно собственность крестьянина… причина» его бедствий – все-таки, видимо, речь у К. Каутского не об общинной поземельной собственности, но о частной парцеллярной. Но ведь тогда объективно речь в данных текстах и не о российском преобладающем общинном крестьянстве, не о российской деревне?

Однако далее выясняется, что Ленин рубежа веков был убежден: хотя в России «процесс коренного преобразования капитализмом всего сельского хозяйства только еще начинается», тем не менее он «быстро идет вперед, вызывая превращение крестьянина в наемного рабочего и усиленное бегство населения из деревень». И чуть позднее относительно эсеровской формулы о «трудовом крестьянстве» лидер эсдеков-большевиков разъясняет, что «среди этого трудового крестьянства… уже безусловно преобладает у нас крестьянская буржуазия», да имеющая «право на звание трудящегося», но тем не менее «не обходящаяся без найма работничков». А потому солидарно с К. Каутским Ленин утверждает, что «при капиталистическом способе производства всякое земледельческое производство является капиталистическим» [12]. Здесь (как и в предыдущих положениях) все вызывает вопросы применительно к России.

Та же ситуация и относительно таких формул и посылов Каутского – «деньги… или, что есть то же… капитал»; «аренда земли… есть… великий результат капиталистического способа производства»; «фанатизм собственников» – констатируется не только для западных, но и, по мнению Ленина, «среди русских „общинных“ крестьян». И потому «прекурьезными» полагает он намерения эсеров «использовать… против буржуазно-собственнических начал как общинные, так и вообще трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства… в особенности взгляд на землю, как на общее достояние всех трудящихся».

На самом деле в вопросе, кто кого использует, В. И. Ленин склоняется в данном случае в пользу реальности именно второго варианта, ибо эта перспектива, по его представлениям, «уже на девять десятых осуществилась» [13]. И вполне логично выделение К. Каутским повсеместной европейской тенденции – «сделать сельских рабочих оседлыми… наделив их землей», Ленин приравнивает к российскому процессу распространения батрачества, отмечая, что «и это явление… свойственно …всем капиталистическим странам». Однако в реальности в данном случае речь идет о внешне похожем, а на самом деле разном.

В России батрак – человек родом из позднего феодализма или воздействий на феодальную деревню раннего («худшего» по Ленину) капитализма. Тогда как в Германии, то же во Франции, «всеобщий факт», «производство» (условно говоря) «оседлых сельских рабочих» из уже существовавших, порожденных капитализмом «сельских пролетариев», то есть этот факт – следствие уже состоявшейся аграрно-капиталистической модернизации, в частности, пролетаризации деревни. В итоге «в Европе массу карликовых [условно] крестьянских хозяйств вызвал на свет [аграрный] капитализм … и это [по Каутскому и по Ленину] – «пролетарские» хозяйства [14].

Но в силу отмеченного выше приравнивания: отождествления российского батрачества и европейских сельских рабочих; а реально «капитализма в деревне» (иначе раннего капитализма) и «аграрного капитализма» [15], батрацкие хозяйства неадекватно трактовались Лениным как «пролетарские».

При этом еще в 1899 г. в «Проекте программы нашей партии» сам В. И. Ленин обращает внимание на то, что «крестьянский вопрос в России существенно отличается от крестьянского вопроса на Западе… в капиталистическом, буржуазном обществе». Что в России «крестьяне … не менее, если не более страдают от докапиталистических … отношений», что здесь имеет место именно пауперизация крестьянства. И тем не менее он настаивает, что «процесс разложения крестьянства на мелкую буржуазию и на наемных работников идет у нас с громадной силой и поразительной быстротой», хотя и «в рамках старых, крепостнических учреждений», которые ассоциируются прежде всего (как выясняется), с «тяжелой цепью круговой поруки» и с «фискальной общиной», сковывающих крестьян. И отсюда, по ленинскому мнению, должна следовать «поддержка крестьянства … не как класса мелких собственников или мелких хозяев … [но лишь] поскольку … крестьянство способно на революционную борьбу против остатков крепостничества … абсолютизма».

Поддерживать «демократические требования мелкой буржуазии, – писал тогда еще «В. Ильин», – … не значит поддерживать мелкую буржуазию», и в духе чистого прогрессизма-рационализма и никакой этики (видимо, главное – «открещивание» от народничества) пояснял: «напротив… политическая свобода будет с особенною силой [вести] … к гибели мелкого хозяйства под ударами капитала». Вопрос лишь в том, по его мнению, «как выработать … требования, которые бы не сбивались на поддержку мелких хозяйчиков в капиталистическом обществе», а кроме того, проблема – «способно ли хоть отчасти наше крестьянство на революционную борьбу с остатками крепостничества и с абсолютизмом». В итоге сам В. И. Ленин как несомненный факт фиксировал «революционный элемент в российском крестьянстве».

Но при этом настаивал, что «безрассудно выставлять носителем революционного движения крестьянство» и повторял снова и снова об абсолютной необходимости (с массой перестраховок) «отгородить себя от защитников мелкого хозяйства», «собственности крестьян» (содержание последней не уточнялось, но негативное отношение к общине прослеживается по 1915–1916 гг.).

Отметим положение группы «Освобождение труда», гласящее: «главнейшая опора абсолютизма именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства» принималось как безусловное [16]. Правда, с разъяснением двойственности крестьянства [17].

При этом на рубеже веков у В. И. Ленина представлена основательная критика крестьянской реформы 1861 года. «„Освобожденный“ от барщины, крестьянин вынужден „добровольно“ идти на барщину … арендуя у барина свои же отрезные земли, подряжаться зимой – за ссуду хлеба» и т. д. «Отработки и кабала – вот чем оказался на деле… „свободный труд“», – пишет Ленин в статье «Рабочая партия и крестьянство». Он неоднократно подчеркивает, что в России «крестьянство страдает, прежде всего, от гнета остатков крепостничества», «от докапиталисти-

ческих … отношений». «Крестьянский вопрос» по этим основаниям «не случайно занимает так много места в русском общественном и революционном движении». Однако проблема, насколько российское общество действительно капиталистическое, представлялась тогда «В. Ильину» однозначно и положительно решенной в пользу капитализма (и в опровержение народничества). И если сначала Ленин полагает ситуацию с «крестьянским вопросом» «отражением того, что и первая борьба [крестьянство против помещиков] продолжает сохранять большое значение» и потому «социал-демократы [должны поддерживать и ее], поскольку это не противоречит интересам общественного развития», то позднее это положение было скорректировано [18].

В 1901 г. Ленин, с одной стороны, первым называет (исходя явно из заостренного классового подхода) противоречие «сельских рабочих и сельских предпринимателей». Вторым – «всего крестьянства и всего помещичьего класса», подчеркивая, что первое как движение «развивается и растет», второе – «постепенно ослабевает», первое – «все в будущем», второе – «в значительной степени уже в прошлом». И тем не менее оказывается, что «для современных русских социал-демократов именно вторая противоположность/противоречие имеет наиболее существенное и наиболее практически важное значение», тогда как первое («вторая социальная война в деревне»: противостояние труда и капитала) уровня «общенациональной» значимости «никак не может получить ни теперь, ни даже в ближайшем будущем».

И начинают выясняться такие корректирующие частности, как, например, сущность крестьянской земельной аренды, которая, оказывается, вовсе не есть знак аграрного капитализма (что утверждалось ранее), но «очень часто … в России» лишь «прикрывает переживание барщинных отношений» с их сверхвысокой рентой, «ростовщичеством и кабалой». Вместе с тем деньги – денежные отношения – обнаруживаются далеко не тождеством капиталу, аграрному капитализму, а простое товарное хозяйство крестьянина качественно отличающимся от капиталистического.

Но тем не менее Ленин и тут подчеркивает: аренда, кабала и прочее «тяжко давит крестьянина как рабочего». Он замечает, что речь идет о «крупном чисто барщинном» помещичьем хозяйстве, тогда как мелкое крестьянское хозяйство «прогрессивно», поскольку это якобы хозяйство, «свободное от всяких средневековых стеснений» (что противоречило и реальности, и собственным ленинским фиксациям). В том же «аграрно-капиталистическом» духе автор подчеркивает необходимость «отгородить себя от обильных в России стремлений сгладить классовую борьбу в деревне»; настаивает, что «гнет капитала … власть денег» «разоряли и превращали в пролетариев … громадную массу» крестьянства и «все пореформенные 40 лет – один сплошной процесс раскрестьянивания, медленного мучительного вымирания» и «крестьянин бежал от своего надела, когда только было куда» и т. д., и выход здесь один: «борьба за социализм». И потому «социал-демократы будут всегда бороться против неотчуждаемых наделов, круговой поруки, запрещения выхода из общины» и прочего и поддерживать крестьянство «внесением классовой борьбы в деревню» [19]. Повторим: герценовско-марксовская трактовка возможных и крайне желательных перспектив общинного российского крестьянства, российской деревни здесь объективно радикально отрицается.

Думается, что противоречия в ленинских толкованиях российского крестьянства конца XIX – начала XX вв. все-таки трудно не заметить. Нацеленность на выявление общего с капиталистической Европой, с процессами капиталистической трансформации мира, издержки полемики с народниками, а одновременно и с коллегами/радикалами из социал-демократии, видимо, не могли не сказаться. И при всех точных, глубоких зарисовках/фиксациях и суждениях степень аграрно-капиталистической модернизации России Лениным оказалась существенно завышена, российская деревня представлена фактически в европоцентристском измерении: есть сельские рабочие/сельские пролетарии, с одной стороны, и «буржуазное трудовое крестьянство» с другой. И потому, по Ленину, по выводам второго съезда РСДРП, необходимо «разъяснять сельскому пролетарию неизбежность завтрашней борьбы против этого крестьянства» [20].

Однако реальность мощной аграрно-крестьянской революции – массовой опоры революции 1905–1907 гг., реальность потому крестьянства как целого в противостоянии всему помещичьему землевладению, заставило, повторим, в ходе и по итогам первой русской революции Ленина, большевиков серьезно скорректировать свои представления о социально-экономической природе российской деревни, аграрно-крестьянской действительности. В частности, скорректировать представление о содержании программы-минимум РСДРП в ее аграрной части – исправить «ошибку … „отрезочной“ программы 1903 года» (что по живым следам и произошло, если иметь в виду большевиков и не формальный подход). Как уяснил для себя и разъяснял для коллег Ленин, «источником ошибки» при «верном определении направления развития» был просчет в «определении момента развития». «Мы предположили, – писал он, – что элементы капиталистического земледелия уже вполне сложились <…> и в помещичьем, и в крестьянском хозяйстве <…> казалось, выделившем крепкую крестьянскую буржуазию и не способном, поэтому, к „крестьянской аграрной революции“». То есть «переоценка степени капиталистического развития русского земледелия»: «остатки крепостного права казались нам тогда мелкой частностью», – вот основа «ошибочной программы» РСДРП, конкретно позиций большевиков. Но «революция разоблачила эту ошибку», а «исправление» ее заключалось в замене «частной задачи борьбы с остатками старого в земледельческом строе … задачами борьбы со всем старым земледельческим строем». Иначе: «Программа 1903 года ставит вопрос <…> о борьбе крестьянских и помещичьих интересов <….>. Но решает этот вопрос <…> неверно <…>, вместо того чтобы противопоставить последовательно-крестьянский и последовательно-юнкерский способ осуществления буржуазного переворота, программа искусственно конструирует нечто среднее» [21].

То есть Ленин теперь признает, что аграрно-капиталистическая трансформация в России далека еще от уровня, обеспечивающего утверждение аграрного капитализма, который вытеснил бы феодальный способ производства. Она идет, но по «прусскому» – помещичьему, а точнее, русско-прусскому, крайне мучительному для крестьянства варианту (что многократно отмечали современники, В. И. Ленин, М. Вебер, когда все было на грани выживания, на грани гибели крестьянского хозяйства, но в России это проблема выживания и гибели страны) [22].

Преобладали в модернизирующейся относительно промышленности, транспорта, сферы обращения и финансов России отработочные – феодальные и полуфе-

одальные отношения между крестьянством и помещиками, трудовым крестьянством и деревенской буржуазией. Реально существовало крестьянство как целое в противостоянии помещичьему (а вместе с тем и казенному, удельному и т. д.) землевладению, крестьянство – основа мощной аграрно-крестьянской революции, которая и оказалась «оселком» и первой, и всей второй российской революции – «буржуазно-демократической революции нового типа», по Ленину. По Ленину, это была аграрно-крестьянская революция за демократический американский аграрный капитализм, «последовательно-крестьянский способ осуществления буржуазного переворота».

Относительно неформального подхода уточним: уже в 1906 г. на IV Объединительном съезде РСДРП В. И. Ленин попытался провести требование национализации земли в качестве ядра аграрной программы партии вместо прежнего положения о возвращении «отрезков».

Большинство делегатов-меньшевиков оказалось категорически несогласно с предложением большевистского лидера, будучи убежденным, что подобная установка абсолютно неприемлема для «частнособственнической – мелкобуржуазной» психологии крестьянства и лишь способна спровоцировать радикальное противодействие – «вандейскую» реакцию деревни. «Мы имели бы не одну Вандею, а всеобщее восстание крестьянства … против попытки … национализации» (П. П. Маслов). Г. В. Плеханов утверждал: «Ленин смотрит на национализацию земли глазами социалиста – революционера <…> становится на народническую точку зрения <…> начинает усваивать даже их терминологию»; А. Мартынов усматривал в соображениях Ленина по аграрному вопросу совершенные аналогии идеям П. Ткачева и М. Бакунина [23].

Вообще-то подобная реакция коллег по партии была вполне ожидаемой. По позднейшим оценкам самого Ленина, «и эта [отрезочная] непомерно узкая аграрная программа казалась слишком широкой правому крылу с.-д. партии в то время» [24].

В 1908 г., учитывая характер и содержание революции 1905 г., руководитель социал-демократов большевиков, в отличие от собственных дореволюционных представлений относительно уровня капиталистической трансформации деревни, подчеркивал: «В России борьба идет не между социализмом и капитализмом, а между двумя формами капитализма, двумя путями его развития».

Таковы на деле исторические альтернативы [25]. При том что «русской историей вопрос о том или ином пути… еще не решен», но «в обеих Думах крестьянские депутаты со всех концов России высказались – за национализацию», «трудовики», таким образом, «доказали муниципалистам… [кто] был прав» [26].

После того как выяснилась неудача – провал столыпинской реформы, лидер большевиков записывал: «Первая задача РСДРП – воспитывать массы для демократической революции». Причем вопросом, от которого зависит демократизация России, является не национальный (как это было в Германии), а «именно аграрный (даже уже крестьянский) вопрос». И «лишь полное единство революционной армии пролетариата различных национальностей в борьбе за демократию (следовательно, в условиях России – за решение прежде всего вопроса аграрно-крестьянского) есть основа решения национального вопроса» [27]. Аграрно-крестьянская проблема – оселок грядущей революции, по убеждению Ленина, после того как

«прусско-капиталистическая» аграрная реформа Столыпина в целом не удалась – встретила упорное сопротивление крестьянской России [28].

В 1915 г., дискутируя с Л. Д. Троцким, Ленин подчеркивал: «Теперь мы снова идем к революции». Средоточием всех феодальных пережитков, материальным оплотом царизма В. И. Ленин определял аграрный строй дореволюционной России [29]. Таким образом, «общая цель, которая стоит теперь перед крестьянами и рабочими, не имеет в себе ровнехонько ничего социалистического… Цель эта – исключительно демократическая», по мнению лидера эсдеков-большевиков.

Поясним: еще в 1909 г. в дискуссии с меньшевиками – Мартовым – Ленин подчеркивал: «Основная ошибка Троцкого – игнорирование буржуазного характера революции, отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции к революции социалистической». Спустя годы сам Ю. О. Мартов признавал, что «откол от меньшевистского литературного штаба видного его деятеля Н. Троцкого» означал выстраивание последним концепции, «совершенно порывавшей с официальной программой партии». Оба «сходили с лежащего в ее основе признания неизбежности в России „буржуазной революции“ и … диктатуру пролетариата переводили из программы-максимум в программу-минимум» [30].

В 1913 г., после шести лет опыта реализации в России нового аграрного законодательства, Ленин отмечал, что «Теперь эта… [столыпинская] система исчерпала себя», «вопрос об изменении типа капиталистического развития» стоит на повестке дня. Причем «реформистских возможностей в современной России нет» и даже «октябристская» печать в это время писала – «дальше так жить невозможно». Страна «стоит перед новой … демократической революцией» [31].

В октябре 1913 г. Поронинское совещание ЦК РСДРП (б) констатировало, что вопрос о новой революции господствует над всей политической жизнью страны. Одни с надеждой, другие с ненавистью, но все сознают, что приближаются новые бурные времена [32]. При этом заметим, Ленин полагал: «А когда мы выполним это … радикальнейший буржуазный аграрный переворот … мы посмотрим, каковы будут дальнейшие перспективы; мы посмотрим, окажется ли такой переворот лишь основой для американски быстрого развития производительных сил при капитализме, или же он станет прологом социалистической революции на Западе» [33].

Относительно же «военного происхождения» революции 1917 г. большевистский лидер уточнял тогда же, что «революция стояла на очереди в 1914–1916 гг., таясь в недрах войны, вырастая из войны» [34]. И, в частности, он полагал: «… не будь войны, Россия могла бы прожить годы и даже десятилетия без революции против капиталистов» (но, заметим, не против «военно-феодального империализма»!) [35]. Вообще это очень непростое соображение, здесь есть над чем основательно задуматься.

Но в любом случае это соображение, на наш взгляд, говорит в пользу внимания основной с февраля 1917 г. (а по существу – с 1905 г.) революции, т. е. многосоставной внутри себя «революции масс». Или, иначе, «социальной демократической революции», или «буржуазно-демократической революции нового типа», по Ленину, оселок которой – революция аграрно-крестьянская.

Революции, которая поразительным образом упускалась из вида или в пользу обычной буржуазной революции, или в пользу революции пролетарской, со-

циалистической многими большевиками. Отсюда и мартовская 1917 г. позиция Петербургского комитета большевиков, и зафиксированное А. М. Коллонтай неприятие или непонимание среди однопартийцев ленинских «Апрельских тезисов», и острая партийная дискуссия в апреле 1917 г., и множество последующих просчетов по крестьянству и не только [36].

Добавим, что на фоне всех отечественных политических партий и группировок в восприятии политической предвоенной/предреволюционной реальности России выделялись неадекватностью, пожалуй, меньшевики. Видимо, не случайно даже в оценке Московского декабрьского вооруженного восстания 1905 г. кадеты (П. Н. Милюков, П. Б. Струве) оказались едва ли не «левее», ближе к большевикам, чем Г. В. Плеханов [37].

Напомним: в 1908 г. Вера Засулич сообщала Ю. О. Мартову: «Среди верных марксистов, меньшевиков, концепции такие – наша история идет по прусскому образцу. Второй буржуазной революции у нас не будет… сопротивляться не надо». Во всяком случае, меньшевистские «ликвидаторы» – А. Н. Потресов, Ф. А. Череванин, П. А. Гарви, В. О. Левицкий и др. – склонны были к этой позиции, отстаивая фактически необходимость интеграции в третьеиюньскую систему. «Рабочий класс должен организоваться не для революции и не в ожидании» ее, а для борьбы за реальные частичные требования, способные практически улучшить положение пролетариата, подчеркивали отечественные социал-реформаторы, сторонники концепции «малых дел» [38].

Как разъяснял некоторое время спустя Ю. О. Мартов, «третьеиюньский эксперимент мог исторически оправдать себя … постольку, поскольку на почве его удалось бы создать политическое и экономическое могущество … чтобы использовать все благоприятные шансы, созданные для России». Этот «единственный случай» (или такой вариант), по словам Мартова, действительно «может снять с очереди дня проблему новой буржуазной революции в России». И вот это предположение о «единственном случае» стало основой для принципиального отвержения меньшевиками «постановки … политики пролетариата на … карту буржуазной революции», зато надежной «почвой» для деятельности меньшевиков-ликвидаторов стал «начавшийся процесс взаимоприспособления старой и новой России», а потому и идея «открытой партии». Причем, по словам Мартова, «ирония истории» привела к тому, что «миссию довести [эту ликвидаторскую установку] до логически беспощадного вывода … [о] подчин[ении] всецело судьбы … пролетарского движения успеху империалистско-либерального эксперимента буржуазии… (да будет победа!) … взяли на себя Плеханов» и др., т. е. люди, боровшиеся первоначально «с „ликвидаторством“» [39]. Но в таком случае добавим, что уж говорить о взглядах самих многочисленных меньшевиков «ликвидаторов».

Впрочем, и персонально Мартов был убежден: «…не подлежит никакому сомнению … что в русском рабочем движении … среди боевых элементов … была тенденция принять за окончательно данное … „безболезненное“ развитие третьеиюньской России к „прусскому типу“» и что в годы мировой войны «сказалась… отрыжка тенденций 1909–1911 гг. строить заранее будущее российского пролетариата на исторической победе российской буржуазии в ее попытке … идти к европеизации России». Единомышленники же Мартова, получается, не на сто процентов были с этой тенденцией согласны – лишь «отвергали» ставку «на одну

карту буржуазной революции», однако выдвигали при этом «как лозунг» нового исторического этапа «борьбу за открытую партию». Но «открытая партия» и – революция? Как-то очень уж неубедительно, тогда как склонность к «ликвидаторству» очевидна вполне [40].

Между тем ведущие специалисты по аграрному вопросу среди меньшевиков П. П. Маслов, известный историк Н. А. Рожков доказывали, что в ходе реализации столыпинских преобразований «произошла смена грубохищнического полукрепостнического хозяйствования культурным капитализмом» и потому «после столыпинской реформы снимается проблема революции» [41].

Здесь явно срабатывала европоцентристская узость представлений, доктринальная зажатость меньшевиков [42]. Не случайно и Ю. О. Мартов в 1910–1911 гг. полагал, что о «крепостничестве» в России, как и об аграрной революции, теперь нечего и говорить, при том что якобы именно марксизм определяет каждый шаг меньшевиков, невзирая на текущую реальность. Правда, антиликвидаторскую линию (как упоминалось выше) проводили меньшевики-партийцы во главе с Г. В. Плехановым. А позднее склонялись в их сторону в большей или меньшей степени и Ю. О. Мартов, и Л. И. Аксельрод, и А. С. Мартынов, и другие, допускавшие, что впереди у России возможна буржуазная – политическая (иначе: «национальная буржуазная», или классическая буржуазная [43]) революция из-за неминуемого столкновения буржуазии с царизмом, с помещичьей реакцией. Еще в конце 1908 г. Ю. О. Мартов писал: «Apriori было несомненно, что ход общественного развития неумолимо ведет русскую буржуазию как класс к резкому противопоставлению себя режиму <…> 3 июня», причем оказывается, что «трудовицкая борьба за землю ослабляет борьбу за волю [и] победа трудовиков была бы [не больше и не меньше как] реакционной победой деревни над городом» [44]. В общем, кадет прогрессивнее трудовика – это из состава твердого меньшевистского кредо. Кстати, «антиликвидатор» Георгий Валентинович Плеханов и в 1913 г. не верил в близость новых революционных потрясений в России.

Вообще настроения социал-реформизма, русского тред-юнионизма после поражения Первой русской революции среди меньшевиков, лидеров меньшевизма, определенно преобладали [45].

Несомненное сходство с аграрной концепцией меньшинства РСДРП обнаруживали суждения Л. Д. Троцкого, как это ни парадоксально, если учитывать приверженность его сверхрадикальной идее перманентной революции. Объединяло их умаление (как минимум) революционных, прогрессивных потенций российского крестьянства и потому – вывод о невозможности в России эпохи капиталистического империализма крестьянской революции, жесткое убеждение в неминуемом со временем столкновении пролетариата и крестьянства. И позднее – в начале 20-х гг. – он растолковывал: «Но ведь что такое наша революция, если не бешенное восстание против стихийного бессмысленного, биологического автоматизма жизни, против то есть мужицкого корня старой русской истории, против бесцельности ее <…> против ее «святой» идиотической каратаевщины – во имя сознательного, целесообразного, волевого и динамического начала жизни» [46]. Троцкий настаивал фактически, что страна стоит прямо перед социалистической революцией и надо говорить не о каком-то революционно-демократическом, а о рабочем правительстве. «Русская революция создает <…> такие условия, при которых власть

может (при победе революции – должна) перейти в руки пролетариата, – писал он еще в 1906 г., подчеркивая, что «пролетариат, оказа[вшийся] у власти, вынужден будет стать на путь социалистической политики» [47].

Таковы в крайне сжатом варианте политические концептуальные ориентиры социал-демократов России в предвоенный – предреволюционный период, при том что предчувствовали, просчитывали приближение новой революции в это время фактически представители всех (за исключением меньшевиков) политических партий и группировок страны [48].

И говорить в данном случае приходится не просто о предвидении, прогнозах, но и формировании – подготовке по-своему «грядущего конфликта» силами мыслящей, тем более тонко чувствующей, пророчествующей и творящей России. И тем более подобный онтологизм мысли, чувства, воли, творчества единиц, групп – прежде всего политически организованных – сказывался (имел шансы сказаться) в условиях тотальной разбалансированности общества – в условиях общенационального революционного кризиса, конкретно – 1917 г. [49], в нашем случае. Тем более что мысли, чувства, интуиция, воля в этих обстоятельствах оказывались зачастую непосредственно увязанными с политической, социальной практикой.

А относительно известного афоризма Е. Лундберга «кому в истории … придется подвинуться – Ленину или плетню?» [50] (т. е. каково в истории соотношение сил политических лидеров, партий и массовых сил страны), ответ здесь в любом случае подразумевает уяснение направленности, «стратегического» содержания активности и первых и вторых. А затем – соотношения их между собой, с «внутренними тенденциями развития» и с «вызовом Времени» [51].

В этой связи подчеркнем, что работы многих ведущих политических лидеров с конца XIX – начала XX вв., несомненно, есть лишь часть формировавшихся представлений о разворачивающемся революционном процессе [52], свидетельство линейного восприятия «исторического процесса [53]. А кроме того, это подход вне ощущения «стрелы времени» [54].

Следует подчеркнуть, что сказанное выше относительно политических, общественных деятелей применимо и к творческой интеллигенции в целом. Напомним следующее суждение: «Виновники русской революции – Пушкин и Лев Толстой» [55].

Кстати, Ф. А. Степун писал в эмиграции: «Вспоминая довоенную Москву, я не в силах подавить в себе ощущения, что философия Бердяева и искусство Белого были своеобразным „небесным прологом“ столь же великой, как и страшной, русской революции» [56].

Н. А. Бердяев свидетельствовал: «В статье, написанной в 1907 г. … я определенно предсказал, что если в России будет настоящая большая революция, то в ней неизбежно победят большевики» [57]. Об апокалипсических настроениях российской интеллигенции писал и эсер М. Вишняк [58; 59].

Между тем идеи об альтернативности, не жесткой линейности, но вариативности исторического процесса в пределах определенных фундаментальных закономерностей стали достоянием обществоведческой мысли еще в первой половине XIX в. Речь прежде всего об открытиях марксизма, обозначивших конец эпохи исторической бессознательности и потому совершенно по-новому высвечивавших возможную и должную роль субъекта в жизни общества, создавших свою

долю предпосылок для качественно нового соотношения стихийного и сознательного в социальных системах [60].

Одновременно и независимо от выводов К. Маркса российской обществоведческой мыслью была прямо сформулирована концепция альтернативности, выбора пути исторического развития применительно к судьбам России (работы А. И. Герцена, вся историософская традиция, начиная от П. Я. Чаадаева, декабристов, позднее – славянофилов) [61].

В этой связи представляется, что поиски и предложения В. И. Ленина относительно путей и способов спасения России 1917 г. проходили в русле отмеченных выше тенденций гносеологического свойства в полной увязке их с российской действительностью (вопреки давней и усилившейся ныне традиции приписывания ему волюнтаристского подхода к реальности) [62]. Второй подход более характеризовал взгляды Л. Д. Троцкого [63; 64].

Поясним: в данном случае, как и в ряде других, в сталинский период парадоксальным образом оказалась фактически закреплена концепция Л. Д. Троцкого о «перевооружившихся» большевиках, т. е. «преодолевших» наконец в начале 1917 г. свою установку на революционно-демократическую диктатуру в пользу диктатуры пролетариата [65]. В итоге вывод об апрельской ориентации Ленина, большевистской партии якобы непосредственно на социалистическую революцию как на следующий за двоевластием этап начавшегося революционного процесса стал абсолютно преобладающим и едва ли не преобладает поныне [66].

И это так, хотя, скажем, прямой источник – пятое издание собраний сочинений В. И. Ленина – доступен вроде бы любому и каждому. Но ленинские выступления, заметки, письма, статьи свидетельствуют: содержание, смысл «переходной полосы» (двоевластия) для большевиков усматривался в обеспечении реализации революционно-демократической альтернативы с переходом всей полноты власти в руки существующих Советов, т. е. в руки революционно-демократической диктатуры (где большевики в меньшинстве – и весьма продолжительное время) [67].

Видимо, «традиционалисты» и «неотрадиционалисты» в советском обществоведении попросту игнорировали подобные соображения, «сомнительные» с точки зрения официальной – «идеологически выверенной концепции». Тем более что, скажем, по выводам авторов «Советской историографии Великой Октябрьской социалистической революции» (1981 г.), «борьба рабочего класса за социализм началась задолго до марта 1917 г.».

В любом случае закрепилось в советской и зарубежной литературе, что Ленин в апреле 1917 г., вернувшись в Россию, провозглашает курс на социалистическую революцию. И если убрать утверждение Троцкого относительно «перевооружения» Ленина, большевиков вообще на основе его – Троцкого – теории перманентной революции, то действительно совпадение интерпретаций «вооруженного пророка революции» и сталинской несомненно. Правда, если говорить о существе подобных интерпретаций, непонятно, как быть в таком случае со всей бурной апрельской дискуссией среди большевиков, между Лениным и Л. Б. Каменевым, прежде всего, тем более что объективно по этим толкованиям получается (вне зависимости от намерений авторов), что прав-то был Л. Б. Каменев с коллегами в своих претензиях к Ленину, точнее, в своей интерпретации ленинских представлений. И зачем же в таком случае столько сил было потрачено большевистским

лидером на опровержение позиций Льва Борисовича, «старых большевиков», при том что партия в общем и целом последовала за лукавящим (выходит) Лениным? Между тем материалы дискуссии в сборниках протоколов по Петроградской общегородской и VII Апрельской Всероссийской конференции РСДРП (б) не раз издавались, как и упомянутый добротный источник по теме – собрание сочинений В. И. Ленина (как, впрочем, и протоколы плюс материалы Петербургского комитета РСДРП (б) за 1917 г. и др.) [68; 69].

Едва ли не важнейшая концептуальная дилемма идеи революции у большевиков: или буржуазно-демократическая революция (в смысле классической буржуазной), и тогда несомненна поддержка буржуазного Временного правительства, или революция пролетарская, социалистическая.

Характерны в этой связи толкования И. В. Сталина: революция с 1905 по февраль 1917 года – буржуазная, а с марта 1917 года – социалистическая, пролетарская [70]. Несколько иной была позиция Л. Б. Каменева [71].

Мировая война оказалась при этом важным корректирующим фактором представлений о революции в России. В этой связи интересны оценки М. Вебера [72]. Результат – действительно «два в одном»: ожидавшаяся большевиками и последовательными эсерами «революция снизу – революция масс», социальная демократическая революция, стержень которой – революция аграрно-крестьянская, а вместе с тем (при всем искреннем нежелании, опасении относительно нее со стороны ее лидеров) – революция буржуазная: классическая политическая буржуазная революция. Или, по Ленину, «буржуазно-демократическая революция обычного типа» [73].

По представлениям Ленина весны 1917 г., появились шансы, что первый этап сложного по составу революционного процесса в России не будет последним и переходная неустойчивая полоса двоевластия разрешится не в сторону буржуазной моновласти (что тем не менее вполне реально, по его оценкам), но – единовластием Советов, революционной демократии. Однако последнее – лишь при условии действительного выполнения своего долга по развертыванию демократической революции революционно-демократическими партиями, в частности большевиками. И главное, как это виделось Ленину, – преодоление массовых настроений «доверчиво-бессознательного» отношения к либералам, буржуазии; настроений, порожденных и слиянием вместе двух разнородных революционных потоков в условиях Февральского взрыва (массовые представления об одной, единой, общей революции), и стихийным стремлением (особенно солдат) легитимизироваться именем – знаменем Госдумы, сплотиться вокруг какого-нибудь реального – наличного легального известного оппозиционного центра [74], стремлением вообще-то обойтись минимальными жертвами (наиболее безболезненно расстаться со старым).

Но это – сразу после, и даже еще в ходе февральско-мартовских событий. А далее задача – помочь массам избавиться от иллюзий «революционного оборончества [75; 76].

Оговоримся, Ленин просчитывал варианты, при которых либерально-буржуазная альтернатива развития страны может стать окончательной (крестьянство согласится ждать с решением аграрного вопроса до окончания войны, или – землю возьмет, а Временное правительство с этим смирится; в целом внутри революци-

онной демократии «собственнические элементы» одержат верх над трудеческими). Однако все это означало бы неуспех, срыв демократической революции масс, неспособность российской революционной демократии ответить на «вызов времени», смысл которого – расчистить наконец почву для решительной и стремительной модернизации страны (что, в свою очередь, в перспективе означало бы реальные «шаги к социализму») [77].

Между тем многие были убеждены, что февралем не заканчивается, а лишь начинается революционный процесс в России, что впереди новая – настоящая революция и Временное правительство (скорее всего) «не выдержит – лопнет под напором масс» прежде всего по вопросам войны и мира, земли и т. д. [78].

И тем не менее ситуация двоевластия долго не разрешилась [79]. Однако власть государственную, официальную, правительственную советские центры взять могли, но не брали, подставляя вместо того и плечи, и спину (то «ответственно», то «безответственно») не выдерживающему требований момента буржуазному Временному правительству.

В этой связи возникает вопрос. Быть может, это упорное нежелание политического (правительственного) самоопределения революционной демократии, превращения ее в государственно-политического субъекта России (со стороны меньшевиков и эсеров, вопреки настояниям большевиков) было связано с абсолютно неприемлемой для них экономической политикой, предлагавшейся большевиками?

Кратко представим в этой связи ленинскую экономическую программу весны и лета 1917 года. Если определять существо ее самым общим образом, это программа государственно-капиталистических мер революционно-демократической диктатуры, программа, призванная мобилизовать все живые социально-экономические силы, программа смешанной экономики (с государственным, государственно-капиталистическим, по возможности «осоюзненным» и просто частнокапиталистическим, мелкотоварным и натурально-патриархальным укладами), с активным вмешательством общества через революционно-демократическое правительство, Советы, общественные демократические и социалистические организации в регулирование экономической жизни.

Впрочем, основным первоочередным Ленин полагал даже не регулирование экономики, а только контроль над производством и распределением, «установление государственного контроля над всеми банками, с объединением их в единый центральный банк, а равно за страховыми учреждениями н крупнейшими синдикатами … с постепенным переходом к более справедливому, прогрессивному обложению доходов и имуществ». И при этом, подчеркивал Ленин, «необходима чрезвычайная осмотрительность и осторожность, завоевание прочного большинства населения и его сознательного убеждения в практической подготовленности той или иной меры» [80].

В общем и целом ничего невиданного, фантастически-социалистического в этой программе большевиков не было. Все пункты ее уже были провозглашены и так или иначе реализованы союзными державами и Германией во имя спасения подорванных Первой мировой войной национальных экономических систем. И российскому Временному правительству антантовские правительственные социалисты настойчиво рекомендовали, как известно, пойти на подобные госкапиталистические по существу действия. Более того, никто из объективно мыслящих,

думающих о России экономистов, политиков не предложил, не мог предложить в 1917 г. ничего рационального по спасению экономики страны, что не укладывалось бы в пределах этой госкапиталистической экономической стратегии [81].

Действительно, в майской резолюции – программе экономического отдела исполкома Петроградского Совета – читаем: «Для многих отраслей … промышленности назрело время для торговой государственной монополии (хлеб, мясо, соль, кожа) … для … регулируемых государством трестов (уголь, нефть, металл, сахар, бумага) … почти для всех отраслей промышленности современные условия требуют регулирующего участия государства в распределении сырья и вырабатываемых продуктов, а также фиксации цен…

Следует поставить под контроль государственно-общественной власти все кредитные учреждения для борьбы со спекуляцией товарами … принять самые решительные меры для борьбы с тунеядством, вплоть до введения трудовой повинности». «Программа великолепна», подчеркивал в этой связи В. И. Ленин, но только «помилуйте, да чем же это отличается от „ужасного“ большевизма?» [82]. «Мы должны ввести трудовую повинность для гг. акционеров, банкиров и заводчиков, у которых настроение вялое вследствие того, что нет стимулов» [83].

Программа умеренного социалиста, умеренного до степени министериализма, не только высоко положительно была оценена Лениным, не только совпадала с большевистской, но и оказалась радикальней ее.

Однако и этот – до отдельного члена правительства – уровень совпадения позиций (в конце концов, хоть и министр, да социал-демократ, да и представляет Министерство труда) не оказался пределом. Первое коалиционное Временное правительство сам факт рождения своего зафиксировало майской декларацией, где, в частности, торжественно заверяло, что «будет неуклонно и решительно бороться с хозяйственной разрухой страны дальнейшим планомерным проведением государственного и общественного контроля над производством, транспортом, обменом и распределением продуктов, а в необходимых случаях прибегнет и к организации производства» [84]. Если бы не «дальнейшим», то просто превосходное (по-большевистски) намерение, что и отмечал Ленин, причем с выходом на признание «в необходимых случаях» даже национализации производства.

Итак, и Петроградский Совет, и Временное правительство, и независимые экономисты, в самом мягком обозначении – оппоненты большевиков, – все они объективно солидаризировались тем не менее с большевиками. Солидаризировались в признании необходимости, как единственно возможной, реальной политики во спасение Отечества, политики государственно-капиталистической, причем неслыханно демократизированной по европейским меркам. Дело в том, что степень народнохозяйственного, в целом общественного надлома России, с одной стороны, и политической свободы ее, благодаря Февралю, с другой, со всей безусловностью требовали серьезной корректировки известного в Европе ГМК. Видимо, можно отметить в этой связи, что еще в момент постановки проблемы на программно-декларационном уровне отечественный госкапитализм уже был необычным, своеобразным. Ведь небольшевистская пресса, политические противники большевиков весной 1917 г. утверждали: в сложившейся обстановке «частный интерес частного предпринимателя» направлен не к укреплению и тем более развитию производительных сил страны, а к их разрушению, следствием чего и является «разуха-

бистая вакханалия мародерства … систематического расхищения национального достояния» [85].

Парадокс, но в буржуазном обществе – в капиталистической России и особенно с приходом буржуазии к власти – она выступила объективно главным (после войны и царизма) организатором стремительного сползания страны в бездну общенациональной катастрофы. И это вынужден был признавать всякий, непредвзято подходящий к российской действительности. И потому не приемлющие большевизма деятели заявляли тем не менее о необходимости «общего плана», «регулирования … всей экономической жизни», «государственно-общественного» и собственно «общественного контроля над производством, транспортом, обменом и распределением», с участием государства в нормировке цен, с государственной торговой монополией и регулируемыми государством трестами и т. д. [86; 87].

Итак, большевистскую экономическую (да и политическую) программу, видимо, нельзя оценить иначе, как адекватный ответ на всеохватывающий кризис в стране, ответ во спасение России. Что отсюда следует, помимо вывода о правильности, объективности ленинского анализа российской реальности (одновременно – ленинской концепции начавшейся революции)?

Самое существенное, как представляется, вопрос о «реально третьем пути», об упущенной наиболее желательной – оптимальной возможности, наиболее исторически ценной альтернативе. Речь, пользуясь определениями В. И. Ленина, о революционно-демократической диктатуре, революционно-демократической, следовательно, альтернативе. Ведь не только Советы, ЦИК были фактом, но и, как выясняется, принципиально единые подходы к существу экономической политики со стороны основных сил, составляющих революционно-демократический лагерь России. Сохранение непредвзятости, объективности анализа российской реальности и принципиальной последовательности в собственных выводах – вот, казалось бы, и все необходимое, дабы революционно-демократическая альтернатива обрела плоть действительности, статус государственно-политической властной реальности.

История трижды до 24–25 октября (период двоевластия, провал «корниловщины», Демократическое совещание) предоставляла России 1917 года самую безболезненную, самую органическую, исключавшую вовсе гражданскую войну возможность. Возможность реализовать революционно-демократическую альтернативу с властью данных Советов, особенно советских Центров, с ответственным перед ними правительством, с парламентской борьбой внутри этих Советов различных партий революционно-демократического лагеря (включая, естественно, большевистскую), с государственно-капиталистической (но предельно демократизированной) политикой в сфере экономики и экономикой смешанного типа [88].

К сожалению, и четырехмесячный период двоевластия, и кратковременный, но тем не менее, очевидно, имевший место, послекорниловский (двухактный) период реального существования возможности революционно-демократической альтернативы, о чем прямо и настойчиво говорили многие [89], были упущены, как и упущены были еще несколько «точечных» моментов позднее [90]. Упущены, хотя, повторим, именно эта альтернатива имеет все основания бы*ть* оцененной как максимально адекватная глубинным фундаментальным пластам российской действительности, как представляющая интересы абсолютного большинства населения

страны. В конце концов, если говорить об экономическом стержне рассматриваемой альтернативы – программе государственно-капиталистических мер, – угроза гибели заставляла так или иначе становиться хотя бы порой реалистами «еще царское правительство, Николая Романова, которые тоже, и немало, вынуждены были „рассуждать по части контроля“» [91].

Итак, чрезвычайность обстановки вынуждала всех признать необходимость неординарных мер, причем во всех странах – участницах Первой мировой войны. Вся последующая история свидетельствует, что человечество постепенно осознавало все более растущую ответственность за каждый свой шаг в разных сферах деятельности [92].

На строго научном уровне эта тенденция-закономерность продолжала разрабатываться в русле марксизма. С учетом саморазвития капитализма, во-первых, российских социально-экономических и политических реалий начала XX в., во-вторых, Первой мировой войны с ее катастрофическими последствиями (для России особенно), в-третьих, В. И. Лениным эта мощная тенденция-закономерность была переведена на язык социальной теории и вместе с тем – политики и практики [93].

Большевистская программа весны – осени 1917 г. предполагала смешанную экономику с включением в ее структуру государственного уклада, в том числе на базе национализируемых трестов и синдикатов (но при подчеркивании важности не столько национализации, конфискации, сколько реального контроля), государственно-капиталистического и других; государственное и общественное регулирование народного хозяйства с помощью созданного к тому времени «капиталистическим империализмом» и революцией механизма такого регулирования; многопартийную, в пределах революционно-демократического лагеря, организацию политической системы общества с парламентской борьбой за власть внутри нее [94].

Таким образом, Первая мировая война не только выявила потребность в широкой государственно-капиталистической («военно-социалистической», по определению современников) программе, но и обнаружила двуслойность ее. В первую очередь, – да, здесь адекватный ответ на чрезвычайную военную ситуацию.

Но одновременно Первая мировая война знаменовала собой вступление мира в новую эпоху [95].

Кстати, и в определении неординарных мер европейских держав в годы войны как «военно-социалистических», возможно, есть смысл усматривать объективное проявление этой глубинной долгосрочной тенденции на социализацию. Однако на уровне теории, стратегии и программы действий политических сил только большевиками улавливалась эта сущностная, фундаментальная сторона государственно-капиталистических, или ГМК-подвижек. Только в Советской России 1917 г. была предпринята и осуществлялась в 20е гг. попытка реализации госкапиталистической политики, политики сочетания плана и рынка на базе многоукладной экономики, попытка начать ликвидацию разнонаправленной отчужденности человека. Но собственно послевоенная, а в огромной степени конкретно послеоктябрьская реальность вынуждала и Запад, так или иначе, следовать обозначенной общей цивилизационной тенденции. Мировой экономический кризис 1929–1933 гг., «новый курс» Рузвельта, «Кейнсианская революция» [96], наконец, потрясение мира Второй мировой войной, и ныне прогнозирование, планирование, регули-

руемый рынок, социальная политика, социальное государство, наука – непосредственная производительная сила, движение к все большему признанию (на уровне экономического расчета) самоценности личности, – все это реалии современных развитых капиталистических стран (см. идеи «постиндустриального», «информационного», «постэкономического» общества, во всяком случае – до крушения советской системы).

Следовательно, глубинная тенденция общественного развития была верно уловлена в ленинской экономической программе 1917 г. Вместе с тем если все политические силы, кроме большевиков, принимали вмешательство государства в экономику как чрезвычайные, тактические шаги и не более, то большевики, В. И. Ленин, видимо, склонны были все действия по спасению страны возводить в ранг стратегии применительно к политике переходного периода.

По крайней мере, вплоть до декабря 1917 – начала 1918 г. каких-либо попыток дифференциации этих действий никто из большевиков не предпринимал [97].

Между тем, как показали дальнейшие события, скажем, всеобщая трудовая повинность, поголовное принудительное объединение населения в распределительных организациях – карточная система, она же в снабжении промышленности, принудительное синдицирование и т. п., – меры только временные, чрезвычайные.

Видимо, в целом ленинские теоретические изыскания предоктябрьского периода, имея в виду отмеченное выше, а кроме того, и особенно соображения, в концентрированном виде изложенные в работе «Государство и революция», «Злободневный вопрос сегодняшней политики: экспроприация капиталистов, превращение всех граждан в работников и служащих одного „синдиката“… полное подчинение всей работы всего этого синдиката государству», «каковым являются вооруженные рабочие…» [98].

Все предоктябрьские представления В. И. Ленина о будущем экономическом устройстве страны (общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда … и платы» и т. п.) позволяют характеризовать их как внутренне разнородные и, как стало ясно позднее, иллюзорные [99].

Эта разнородность, как правило, не учитывается в историографии, акцентированной или на первом, или на втором (втором – третьем) аспектах дооктябрьских ориентиров. При этом в первом варианте речь, помимо приверженцев линейной советской апологетики, об историках НЭПа – сторонниках нэповской альтернативы, тогда как во втором – об интерпретаторах большевиков (прямо или же по факту) как доктринеров, утопистов или авантюристов. К такому же результату приводит отбрасывание (необъяснимое, но нередкое) всех дооктябрьских наработок при характеристике первых шагов советской власти.

В. И. Ленин, большевики отстаивали революционно-демократическую альтернативу в 1917 г., при этом предлагая определенный компромисс. Потому и переход к новой экономической политике (1921) исторически представляет собой не что иное, как политический, как продолжение, развертывание некоторых экономических ленинских и иных изысканий весны – осени 1917 г., только в новых политических и экономических условиях.

Итак, в ходе Первой мировой войны проявилась (на изломе истории человечества) общая цивилизационная, как теперь выясняется, закономерность, – закономерность вступления человечества в эпоху совершеннолетия, небывалого

возрастания роли субъекта в историческом процессе, а потому и все большей социализации различных сфер человеческого бытия. Так или иначе, эта тенденция тогда же была уловлена всеми жизнеспособными слоями и силами. Однако как сущностная, фундаментальная на уровне целостной политической программы для нового этапа в истории закономерность эта усвоена была только большевиками (во всяком случае, в 1917–1918 гг. и если говорить о политических силах, а не об отдельных личностях). Госкапиталистическая по характеру экономическая политика (но в революционно-демократическом варианте) с опорой на многоукладную, смешанную экономику и с революционно-демократической организацией политической системы, – все это, как представляется, наиболее органический, адекватный ответ на глубинные российские реалии второго десятилетия XX в.

Между тем «сдача» умеренными социалистами «революции масс», «боязнь власти» умеренных не оставляла никакого иного конструктивного варианта, кроме спасения революции большевиками и левыми эсерами: итог – Октябрь 1917 года. Советская власть в результате возникла в урезанном революционно-демократическом варианте, что радикально осложняло положение большевиков. И хотя огромный плюс, спасительный шанс – сама ленинская инверсионная концепция Октября: адекватное уловление «вызова времени», намеченная госкапиталистическая политика с ее первоочередными, среднесрочными и перспективными задачами по спасению страны от надвигающейся катастрофы, восстановлению и, наконец, всесторонней модернизации, т. е. достижению необходимого для социализма уровня «цивилизованности», тем не менее оптимальный выход, видимо, заключался в организации максимального востребования интеллектуальных, созидательных сил общества, создание условий для самореализации, количественного и качественного нарастания этих сил (ибо «инверсионная концепция» – ставка на субъект – означает в пределе все общество: каждый член общества – субъект). То есть проблема «Советская власть и наука, культура» связана с самой сутью «советского проекта» и раскол организованной революционной демократии – тяжелый удар по возможностям его реализации.

Между тем В. И. Ленин уже в 1917 г., затем в 1918, 1919, 1920, 1921 гг. говорил о неоднозначности Октября. На VII съезде РКП(б) заявлял: «Мы должны рассмотреть весь предыдущий ход развития революции и выяснить, почему … мы имеем такие переломы …, а именно Октябрьскую революцию». То есть речь о едином революционном процессе 1917 г., стержень которого – «общенародная», аграрная, крестьянская революция. Но для спасения этой (для большевиков – буржуазно-демократической нового типа) революции понадобился Октябрьский перелом. Вторая русская революция есть многосоставное единое, включая на первых порах и классическую буржуазную политическую революцию. Октябрь при этом – изнутри многосоставной революции масс.

Год спустя на VIII съезде партии Ленин уточняет: «…пролетариату выпала роль агента мелкобуржуазной революции – наша революция … до лета и даже осени 1918 г. была в значительной мере революцией буржуазной. Мы этого сказать не боимся. Мы так легко проделали Октябрьскую революцию, потому что крестьянство в целом шло с нами». Выступая в 1920 г. на I Всероссийском съезде трудовых казаков и обращаясь к правящим в 1917 г. партиям меньшевиков и эсеров, Ленин спрашивал: «Нашелся бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на

революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу?». Но о каких «социальных реформах» могла идти речь в майско-октябрьский период 1917 года? Только реформах, реализующих требования массовой революционной демократии. То есть и в 1920 г. Предсовнаркома признает: основные задачи революционного процесса 1917 г. – задачи революционно-демократические. Чуть позже Ленин повторяет, что «русская революция после переворота 25.X.1917 г. проходила через стадию «общедемократической» борьбы всего крестьянства в целом против помещиков». В августе 1921 г., вычленяя «1-й этап» Октябрьской революции, Ленин уточняет: «Была ли тогда революция буржуазной? И отвечает: «Конечно, поскольку … делом … было довершение буржуазно-демократической революции», хотя «в то же время [большевики] сделали гигантски многое сверх буржуазной революции». Позднее, подводя итоги четырехлетней годовщины Октября, В. И. Ленин подтверждал: «Непосредственной … задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая», которую большевики реализовали «до конца, как никто» еще в мире. И далее разъяснял: «Мы вполне сознательно, твердо и неуклонно продвигаемся вперед, к революции социалистической, зная, что только борьба решит, насколько нам удастся продвинуться …». И уточнял затем, говоря о соотношении буржуазно-демократической и социалистической революции: «Первая перерастает во вторую. Вторая закрепляет дело первой. И только борьба решает, насколько удастся второй перерасти первую». И еще в марте того же года записывал: «Теоретический экскурс – буржуазная или социалистическая революция? Решит борьба», помечая для себя в мае: «Термидор? Трезво, может быть, да? Будет? Увидим». И почти тогда же отмечал: «Союз этот [рабочих с крестьянством] против Деникина и К° не то, что союз в экономическом строительстве. Первый = буржуазная революция. Второй = социалистическая революция». А осенью 1921 г. соглашался: «Можно спорить … что выйдет „в конце концов“ из земельных преобразований великой Октябрьской революции» [100]. Как уже фиксировалось в историографии, Ленин исходил из того, что «характер революции в конечном итоге определяется ее экономическими и социально-политическими результатами».

Повторим: большевики отстаивали РДА в 1917 г., а реальные партнеры упорно отвергали этот вариант, Фундаментальность же, глубина его подтверждается ходом событий: НЭП представляет собой не что иное, как продолжение революционно-демократического пласта ленинских и иных изысканий весны – осени 1917 г. в новых условиях.

И, видимо, можно провести некоторые параллели между ситуацией упущенной полномасштабной РДА 1917 г. и ситуацией срыва нэповской альтернативы конца 20-х гг. Первая с большой долей вероятности чревата была гражданской войной, вторая привела к «Великому перелому», прежде всего относительно крестьянства, к широкой волне государственного террора. Наиболее существенное в способе избежать братоубийственной трагедии в первом случае – революционно-демократическая диктатура, или Советская власть, партийно, классово представляющая интересы громадного большинства населения страны (рабочих и крестьянство – непременно!). Наиболее существенное в способе ликвидации НЭПа – административно-командная в пределах однопартийности система власти и управления. В первом случае субъективный фактор оказался не полностью адекватным требо-

ваниям момента, во втором – произошел срыв в субъективизм на уровне решающего звена – правящей партии.

Добавим, если после Октября намечался «левый» способ реализации революционно-демократической альтернативы, то вскоре обстоятельства свели эту ситуацию к «диктатуре пролетариата» и к однопартийности. Однако российская действительность оптимально соответствовала РДА, что хаос гражданской войны, сам характер Октябрьской революции выявляли достаточно четко, что не только в 1917 г., но и в 1921–1922 гг. (и позднее) Ленин, целый ряд руководящих партийцев осознавали – признавали. Плюс к тому – нельзя не учитывать страшного подрыва за годы революции и гражданской войны и без того немногочисленного российского пролетариата. В сложившихся обстоятельствах не обнаруживалось ли опасности подмены – условий для возможности вызревания чего-то вроде АКС, угрозу чего Ленин фиксировал многократным обращением к проблеме бюрократии – «если что нас погубит, то это», тогда как должное: Советы – власть для народа и через народ [101].

Относительно выросшего из недр гражданской войны казарменного социализма отметим, что логика, алгоритм именно этой тенденции существенным образом предопределял формирование «левой», а одновременно и «сталинской» – аппаратной. Относительно же несостоявшейся дискуссии по «казарменному социализму» нужно добавить, что все моменты борьбы с бюрократизмом (весь цикл последних работ В. И. Ленина, линия В. П. Ногина, Л. Б. Красина, Ф. Э. Дзержинского и уже на исходе НЭПа – Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, так называемых «правых») свидетельствуют о ее необходимости.

НЭП исторически представлял собой непоследовательную, не целостную революционно-демократическую систему, поскольку так и не распространился на политико-управленческую сферу при всем осознании необходимости того, начиная с X съезда РКП (б), и в значительной степени не преодолел линейно-классового, вульгарно-идеологического подхода в сфере культуры. Упомянутая «казарменно-социалистическая» тенденция, настроения из недр гражданской войны ощутимо давали знать о себе.

Вообще XX в. чем далее, тем более обнаруживал «конец эпохи исторической бессознательности», но слишком нередко в стратегических вопросах жизни советского общества субъективизм политического руководства подменял решения владеющего условиями своего существования исторического субъекта. То, что от начала было решающим преимуществом большевиков, затем советской системы – действия на субъектном уровне, – позднее в большей степени декларировалось, нежели применялось. Восхищавшиеся «пластичностью мира» относительно человеческой активности, внутренней «экзистенциальностью марксистской социологии, которая видит первичную реальность в трудовой человеческой активности» [102], очень скоро оказались погребены, обездвижены болотом бюрократического оцепенения, рутины, упования на автоматизм срабатывания «самого передового социального учения». Обратная сторона подобного положения дел – субъективизм, прямой произвол над реальностью.

В целом Октябрь, «советский проект», политика национализации, военного коммунизма, продразверстки, а затем НЭП – это важные органические пласты исторического бытия Советской России.

Библиографический список

1.Закат России? (семинар 8 ноября 2012 г, ИНИОН РАН // Современная Россия: дискуссия (Матер. семинаров Центра россиеведения ИНИОН РАН, 2008-2013). М., 2014. С.248.
2.Глебова И.И. Предисловие // Современная Россия: дискуссия (Матер. семинаров Центра россиеведения ИНИОН РАН, 2008 – 2013). М., 2014. С. 11.
3.Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 10-12; Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: «Логос», 2003.
4.Валлерстайн И. Ленин и ленинизм завтра и послезавтра // URL: http: //expert.ru/expert/2011/01/lenin-i-leninizm-segodnya-i-poslezavtra/ 11.02.2013
5.Современная Россия: дискуссия (Матер. семинаров Центра россиеведения ИНИОН РАН, 2008-2013). М., 2014. С.195, 196, 197.
6.Вернадский В.И. Из дневников октября–ноября 1917 г. // Огонек. 1990. № 49. С.13–14
7.Ленин В.И. Проект Программы нашей партии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.4, С.220–222, 224, 226–227, 432.
8.Ленин В.И. От народничества к марксизму // Полн. собр. соч. Т. 9. С. 190–192.
9. Речь о формировании Лениным концепции Октябрьской революции в течение 1917 года.
10.Ленин В.И. О нашей аграрной программе (Письмо III съезду) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 357.
11.Ленин В.И. Рецензии на кн. К. Каутского «Аграрный вопрос» // Там же. Т.4. С.93.
12. Там же. С.93.
13.Ленин В.И. Капитализм в сельском хозяйстве // Полн. собр. соч. Т.4. С. 106, 113.
14. Там же. С. 129, 131.
15. Шепелева В.Б. Россия 1917–1920 гг.: проблема революционно–демократической альтернативы. Вопросы теории, методологии, историографии. Омск: Изд–во Ом. гос. ун–та, 2009.
16. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.
17. Ленин В.И. Проект программы нашей партии. Рецензия // Полн. собр. соч.Т.4. 227–232.
18. Ленин В.И. Рецензия //Полн. собр. соч. Т.4. С.56.18.
19.Ленин В.И. Капитализм в сельском хозяйстве // Полн. собр. соч. Т.4. С.115.
20.Ленин В.И. От народничества к марксизму // Полн. собр. соч. Т.9. С. 194.
21. Ленин В.И. Пересмотр аграрной программы рабочей партии // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 239–270.
22. Во всяком случае, стремительное сокращение дворянского землевладения и сельхозпроизводства за пореформенный период – это жесткая реальность.
23. Четвертый (объединительный) съезд РСДРП. Апрель (апрель – май) 1906 г.: протоколы. М., 1959. С. 109 – 110, 139, 159, 192.
24. Ленин В.И. Проект программы нашей партии // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 235, 237–239.
25. Ленин В.И. Аграрные прения в III Думе // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 309, 312, 315–320 и др.

26. Ленин В.И. Аграрная программа социал–демократии в первой русской революции // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 154, 167, 171.
27. Ленин В.И. Цель борьбы пролетариата в нашей революции // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 382, 385 и др.
28. Ленин В.И. По поводу юбилея // Полн. собр. соч. Т. 20. – С. 166 – 169.
29. Ленин В.И. О двух линиях революции //Полн. собр. соч. Т. 27. – С. 79–80.
30. Мартов Ю.О. История российской социал–демократии // Мартов Ю.О. Избранное. М., 2000. С. 105 – 107.
31. Ленин В.И. Трудовики и рабочая демократия // Полн. собр. соч. Т. 21. С. 269.
32. Ленин В.И. Там же. Т. 20. С. 179.
33. Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в русской революции // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 172.
34. Ленин В.И. О брошюре Юниуса // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 14; Он же. Письма издалека. // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 13, 45, 73.
35. Там же. Т. 32. С. 31.
36. См. упомянутое «новое направление» и близких ему исследователей.
37. Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М.: РОССПЭН, 1997. С. 224–226;
38. Ленин В.И. Как В. Засулич убивает ликвидаторство //Полн. собр. соч. Т. 24. С. 22–44.
39. Мартов Ю.О. Война и российский пролетариат // Избранное. М., 2000. С. 328–329;
40. Там же. С. 329.
41.Тютюкин С.В. Указ. соч. С. 298.
42. Там же. С. 158 – 159, 169.
43. Там же. С. 239 – 240, 249, 283 – 285.
44. Ленин В.И. «Левение» буржуазии и задачи пролетариата // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 409, 413.
45. Тютюкин С.В. Указ. соч. С. 244 – 250, 279 – 286, 298 –300.
46. Троцкий Л.Д. Литература и революция. М., 1991. С. 91 – 92.
47. Троцкий Л.Д. Итоги и перспективы // Л.Д. Троцкий. К истории русской революции. М., 1990. С. 95–109.
48. Шепелева В.Б. Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 года в России по материалам отечественной и зарубежной историографии. Омск: ОмГУ, 2005. С. 112 – 124.
49. Наверное, есть смысл говорить в данной ситуации, скажем, о «большом 1917 годе», имея в виду 1917–1920 гг., хотя бы в силу своего рода «второго издания» политического этапа революции в рамках гражданской войны.
50. Котеленец Е.А. В.И. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография. М., 1999. – С. 116.
51. Шепелева В.Б. Россия 1917–1920 гг.: проблема революционно–демократической альтернативы (вопросы теории, методологии, историографии). Омск: ОмГУ, 2009.
52. Гордон А.В. Великая французская революция как явление русской культуры: К постановке вопроса // Исторические этюды о французской революции. М.: ИВИ РАН, 1998. С. 219–245.

53.Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация: в 2 т. Т. 1. С. 292–293.
54. Шепелева В.Б. Россия 1917–1920 гг.: проблема революционно–демократической альтернативы. Вопросы теории, методологии,
историографии. Омск: ОмГУ, 2009.
55. Шаховской Д.И. Письма о Братстве // Звенья: исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 285–286;
56. Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. London, 1990.
57. Ермичев А.А. Степун Федор Августович // Русская философия. Энциклопедия. М.: Наука, 2020. С. 484–485.
58.Булгаков С.Н. Агония // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск: Наука, 1991. С. 300, 340.
59.Сапов В.В. Булгаков Сергей Николаевич // Русская философия. Энциклопедия. М.: Наука, 2020. С. 67–69.
60. См.: Платонов С. После коммунизма. М., 1989. С. 21,76, 242. 61. Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1957 – 1958. Т. 12. С. 185 –186; Т. 14. С. 154.
62. Начиная от меньшевиков: от Ю.О. Мартова, Н.А. Рожкова до Г.В. Плеханова; К. Каутского, эсеров – от В.М. Чернова и далее вправо.
63. Дойчер И. Троцкий в изгнании. М.: Политиздат, 1991.
64. Предисловие // Ленин В.И. Полн. собр.соч. Т.31. С. X, XI–XIX.
65. Троцкий Л.Д. Итоги и перспективы. Движущие силы революции // К истории русской революции. М., 1990. С. 95 – 108.
66. Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М.: Политиздат, 1987. С.151–154, 157, 165–167, 194.
67. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С.109.
68. Петербургский комитет РСДРП (б) в 1917 году: протоколы и материалы заседаний. СПб.: Бельведер, 2003.
69. Ленин В.И. Предисловие к брошюре «К вопросу о новой экономической политике» // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 246 –248;
70. Сталин И.В. О войне // Сочинения. Т.3. С. 4 – 8.
71. Петроградская общегородская и Всероссийская конференции РСДРП (б) в апреле 1917 г. С. 53–58.
72. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990. С. 61–306;
73. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 139–140.
74. См. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С.7, 8; 11 – 47; 55; 73 –75. 75. Там же. С. 48–57; 99; 103–106, 108, 112, 113–114, 124 и др.
76. Бутенко А.П. Виновен ли К. Маркс в «казарменном социализме»? // Философские науки. 1989. № 4.
77. См. там же.
78. Ленин В.И. Письма издалека // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 29, 31, 35, 36, 73.
79. Чернов В. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного Собрания. 1905–1920. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2007. – С. 104–108, 123.

80. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 31. С. 44–45,58–59,109–110,143,163–164, 168–169, 202–203, 355–358, 360, 411–414,Т. 32. – С. 445, 451, 446.
81. В.А. Мау. Реформы и догмы. 1914–1929. М., 2013. С.15–56.
82. Там же. С. 75.
83. Там же. С. 105 – 106, 205 – 206.
84. Там же. С. 482.
85. Там же. С. 203.
86. Там же. С. 20 – 208.
87. Суханов Н.Н. Записки о революции. М.: Политиздат, 1991. С.206, 221, 338.
88. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 107 – 110; 115 – 117; 134 – 138 и др.
89. Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 131 – 135, 242 – 243, 338.
90. Милюков П.Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. С. 605.
91. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 96.
92. См.: Рассел Б. Практика и теория большевизма. М.: Наука, 1991.
93.Андерсон П. Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма. М.: Интер – Версо, 1991. С.22–23,26,30 – 31; 165, 173.
94. Если быть точнее: программа периода первого Двоевластия и затем – кратковременного второго в сентябре.
95. Фюре Ф. Постижение французской революции. СПб.: Инапресс, 1998. С. 340, 342.
96.Беседа тов. Сталина с английским писателем Г. Уэллсом // Большевик. 1934. № 17. Электронный ресурс: «Ситуация в России»– 29.07.2011: http://www.situation.ru/app/j_art_1202.htm
97. Шепелева В.Б. Кустари в теории, стратегии и тактике большевиков от империализма до НЭПа // Вестник Омского университета. Вып. 2(4). Омск, 1997. С. 47–50.
98. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 273.
99. Там же. Т. 33. С. 97, 101.
100. Ленин В.И. Седьмой экстренный съезд РКП(б) 6 – 8 марта 1918 г. // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 3 – 4.
101. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С.204; Т.54. С.180.
102. Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. № 1. С. 126–127; № 2. С.151.

Глава 2. Духовно-нравственные основы советского политического строя

Советская история связана с утверждением первого в мире государства, основанного на принципах социальной справедливости. С победой нашей страны в самой страшной войне. С великим и беспримерным подвигом индустриализации, колоссальными экономическими, научными, культурными и социальными достижениями. Это и есть история высочайшего подъема русского народа. Подъема, в котором проявились его воля и безграничные созидательные способности.

В этом одна из главных причин того, почему так ненавидят советскую идею и советскую историю профессиональные антикоммунисты, абсолютному большинству из которых глубоко чужд и враждебен и русский народ. Достаточно проанализировать содержание пропагандистских выступлений антисоветчиков и деяния тех, кто настойчиво нападает на наше прошлое, чтобы убедиться: все они одновременно и русофобы.

Это они не устают вещать о «рабской сущности» русского народа, давшего человечеству множество бесстрашных героев, внесшего колоссальный вклад в мировую науку и культуру. Они кричат с экранов и со страниц печатных СМИ, что идеалом русских якобы всегда было тоталитарное государство, представляющее собой бесконечный ГУЛАГ. Они стремятся представить русского солдата-освободителя захватчиком и поработителем «свободной Европы».

Это в полной мере подтверждает состоявшееся в 2015 г. открытие в Екатеринбурге Ельцин-центра, на строительство которого были потрачены миллионы долларов. Оно стало издевательским и самым злобным плевком в лицо нашему народу. Но власть не намерена на этом останавливаться и собирается перенести Ельцин-центр в столицу России. КПРФ решительно заявляет: мы не позволим осуществить эту кощунственную акцию!

Наследие ельцинских девяностых, которому по-прежнему привержена сегодняшняя «элита», – это разрушение промышленности и сельского хозяйства. Разгул криминала и коррупции. Внешнеполитические провалы и потеря союзников. Деградация отечественной культуры. Нищета десятков миллионов граждан. И фактическая легализация политики истребления русского народа, страшные результаты которой мы продолжаем пожинать.

В наши дни системный кризис испытывает на прочность все более нестабильный мир. Два предыдущих подобных кризиса закончились мировыми войнами. И нынче враг не намерен ограничиваться лишь экономической и информационной войнами. Они давно развернуты им против России.

Натовские «псы-рыцари» откровенно бряцают оружием у наших границ. Публично обсуждают перспективы нового «дранг нах остен». Нас все плотнее окружает кольцо фронтов. Заокеанские провокаторы продолжают хозяйничать на Украине. Их бандеровская обслуга регулярно пытается обострить ситуацию на границе с Крымом и на Донбассе. Русофобские режимы в Прибалтике и Восточной Европе не прекращают гнусный шабаш на могилах советских воинов. Так реализуется глобальная стратегия США и их подельников, рассматривающих новую большую войну как последний козырь в борьбе за сохранение власти транснационального капитала. Той власти, которая вызывает все более активный протест на всех континентах.

Для отражения растущих внешних и внутренних угроз России крайне важна консолидация общества. Но нынешний курс, густо замешенный на русофобии и антисоветизме, убивает возможность единения. Рушит любую перспективу национального сплочения.

Возрождение России – наша судьбоносная задача. Осознать это призван каждый из нас. Для победного движения вперед необходима твердая почва под ногами. Но она может быть только у такой страны, для которой священно бережное отношение к истории и к государственно образующему народу, являющемуся ее духовным, социальным и демографическим стержнем.

Вопреки этому вдохновители политики, которая проводится у нас, настойчиво стремятся лишить русских национальной самоидентификации. Растворить их в каком-то безличном мифическом «россиянстве», идея которого была поднята на щит в годы ельцинского погрома державы и активно используется нынешней властью. Одно из доказательств тому – ликвидация упоминания о национальной принадлежности в паспорте нового образца. Те, кто внимательно вникал в аргументы авторов этой «новации», не могли не понять: она направлена прежде всего против русских и основана на русофобских мотивах.

На фоне этой катастрофы только откровенные лжецы и безумцы могут утверждать, что ликвидация Советского Союза принесла России и русским независимость и национальное освобождение.

Правда состоит в том, что уничтожение СССР открыло дорогу к их фактической колонизации.

Декларация о государственном суверенитете, принятая в июне 1990 г. Съездом народных депутатов РСФСР, стала одним из главных шагов на пути к развалу Советского государства. Провозглашение в начале 1990-х «суверенитета» России явилось предвестником тех процессов, которые как раз и привели к фактической утрате нашей страной суверенности. К тому, что Россия была включена в неоколониальную систему глобального капитализма. И не на правах могучей самостоятельной державы, а на правах сырьевого придатка и обворованного «партнера».

Нужно честно признать: именно русские платят самую большую цену за авантюрную и, по сути, преступную политику, навязанную стране «демократами-победителями».

В марте 1991 г. абсолютное большинство советских граждан высказались за сохранение СССР. Но в декабре того же года их воля была беззаконным образом попрана беловежскими заговорщиками во главе с Ельциным, опьяненным алкоголем, властью и похвалами заокеанских опекунов. Объявив о прекращении существования Советского Союза, они совершили одно из самых мерзких политических преступлений в истории человечества. И прежде всего это преступление против русских, сопоставимое по своим масштабам с теми, которые творили против них самые подлые иноземные захватчики.

В результате предательского разрушения СССР русский народ стал крупнейшим разделенным народом в мире. Вне границ России оказались 25 миллионов его представителей, живших в других союзных республиках. И против своего желания оказавшихся за границей.

Россия, Украина и Белоруссия в одночасье были превращены заговорщиками в отдельные государства. В результате единая русская цивилизация оказалась ра-

зорванной на три части. Для каждой из них последствия такого разделения разрушительны. И в экономическом, и в демографическом, и в культурном планах. Вопрос о новом воссоединении славянских республик связан отнюдь не только с восстановлением утраченного геополитического статуса России. Вопреки утверждениям наших недругов он не исчерпывается исключительно российскими интересами. Это вопрос жизнеспособности всех трех республик и населяющих их народов, накрепко связанных общими корнями, которые не могут быть разорваны никакими противниками и никакими временными разногласиями.

Восстановлению полноценного союза России, Украины и Белоруссии помешало прежде всего отсутствие должной политической воли со стороны российского руководства. Именно это в итоге развязало руки проамериканской бандеровской клике, захватившей власть в Киеве в 2014 г. Именно это провоцирует сегодня процессы, грозящие недопустимым охлаждением в отношениях между Россией и Белоруссией. Эта политика должна быть немедленно изменена.

Русские превращены в наиболее стремительно убывающий народ на планете. И это случилось, казалось бы, в мирную эпоху. Но можно ли назвать ее по-настоящему мирной, если утвердившаяся в России социально-экономическая система представляет собой самую настоящую войну против народа, о многомиллионных жертвах которой свидетельствует статистика?

Бюджетный кодекс РФ предусматривает, что соотношение между доходами, поступающими в федеральную казну, и доходами региональных бюджетов должно составлять 50 % на 50 %. На деле же это соотношение грубо нарушается, из года в год существенно колеблется в пользу федерального бюджета. И обкрадываются при этом в первую очередь коренные русские регионы.

Там сегодня наблюдается самая масштабная демографическая катастрофа. Это обязывает руководство страны оказать наиболее существенную финансовую поддержку именно им. Но власть проводит прямо противоположную бюджетную политику. Более щедро дотируются из государственной казны не вымирающие русские регионы, а как раз те, где наблюдаются самая высокая рождаемость и рост населения. По сути, реализуется, хотя и негласно, идея об ущемлении классических русских регионов.

Затевая приватизацию в начале 1990-х, власть полностью игнорировала интересы абсолютного большинства и вовсе не ставила перед собой задачу развития российской экономики. Задача была принципиально иной: разворовать государственную и народную собственность, ключевая роль в создании которой принадлежит русским, и передать ее в руки криминальных нуворишей, приближенных к новоявленным правителям. Сформировать олигархический класс новых хозяев России, где русским духом и не пахнет, а господствует лишь дух наживы.

Процитируем фрагмент экспертно-аналитического заключения Счетной палаты РФ о приватизации государственной собственности за период 1993–2003 гг.: «На основании выявленных и доказанных фактов необходимо в судебном порядке обеспечить восстановление прав законного собственника – государства. Речь может идти о безусловном возвращении государству незаконно приватизированного имущества». Как следует из этого заключения, главное контрольное ведомство признало приватизацию преступной. Но те, кто управляет страной, по-прежнему не желают пересмотреть ее криминальные итоги. Хотя этого требуют абсолютное большинство граждан, что неоднократно подтверждали социологи.

Итог бандитского процесса формирования класса новых «хозяев» России – отстранение трудового народа от собственности, созданной его усилиями. К крупной частной собственности капитализм народ не подпустил и никогда не подпустит. А государственную собственность у него украли, тем самым лишив его важнейшего материального источника благополучия и безопасности.

Россия на треть покрывает потребности Европы в газе. Она способна давать 500 млн кубометров возобновляемых лесных ресурсов. Формирует четвертую часть алмазного рынка планеты. Богатства нашей страны и ее доходы базируются на собственности, созданной в первую очередь усилиями русских. На трудовых ресурсах, большая часть которых формируется русскими. На ресурсах природных, которые дает земля, где основное население – русские. И по законам справедливости, и с юридической точки зрения на русский народ должна приходиться пропорциональная, сообразная доля получаемого в итоге национального дохода. Так было в советские годы. Но в условиях современного капитализма принцип социальной справедливости нарушен. Народ, создавший Российское государство и обеспечивающий большую часть его национального богатства, стараниями новых «хозяев жизни» превращен в самый нищий, обездоленный и обворованный.

Те, в чьи руки попало созданное в советские годы достояние народа и государства, либо уничтожили его, либо превратили в источник безудержного личного обогащения. Российские богачи, пользуясь покровительством власти, за последние четверть века вывели в иностранные банки и офшорные зоны не менее триллиона долларов. По нынешнему курсу это почти четыре федеральных бюджета. На эти деньги можно было удвоить расходы государства на образование, науку и здравоохранение, утроить пенсии, стипендии и зарплаты. Но власть молчит об этом и продолжает потворствовать разграблению страны.

Россия и русский народ заплатили за это уничтожением бессчетного числа производств, тысяч заводов и фабрик, потерей миллионов рабочих мест. Самой настоящей колонизацией финансовой сферы и экономики, посаженной на сырьевую иглу и тотально зависимой от импорта. Это несет колоссальную угрозу национальной безопасности в условиях нарастающей враждебности со стороны наших так называемых партнеров.

Пока такой колонизации не будет положен конец, даже самая успешная внешняя политика не сможет обеспечить государству и гражданам безопасность и независимость. Но те, кто правит нами сегодня, ведя настойчивую полемику с Западом на внешнеполитической арене, ничего, по сути, не делают для того, чтобы освободиться от финансово-экономической оккупации, очевидной внутри России.

После развала СССР в стране наблюдалась целая серия кризисов: дефолт 1998 г., финансово-экономический кризис (с 2007 г.) и т. д.

В 2020 г. новый виток кризиса, к которому Россия не смогла достойно подготовиться, привел к тому, что стремительное падение экономики возобновилось. Ускорилось обнищание людей. Нанесен очередной удар по производственной сфере, по малым и средним предприятиям, по миллионам семей.

В сохранении разрушительной системы, возникшей на руинах великой Советской державы, заинтересованы лишь олигархия, захватившая наши национальные богатства, и обслуживающие ее чиновники. Но народ заинтересован в том, чтобы из руин восстала великая, подлинно независимая страна. И наша исто-

рия подтверждает, что это возможно только при условии, если в борьбе за свое возрождение Россия будет опираться на социалистические принципы.

Развитие ситуации в мире и внутри нашей страны доказывает: проводимая у нас неолиберальная политика, изначально задуманная Западом и его наместниками как антироссийская и русофобская, полностью исчерпала себя и близка к краху.

Рубеж двух веков был отмечен нашими бесконечными уступками Западу. Россию вынудили считаться с давлением извне. «Брать под козырек» перед ВТО. Соглашаться с господством доллара. Проводить безудержную приватизацию. По сути, отказаться от государственного регулирования в экономике и социальной сфере. Подчиниться диктату Международного валютного фонда.

Даже теперь, в условиях острейшего кризиса, наши финансовые власти продолжают ссылаться на его рецепты, которые не позволяют направить хотя бы часть гигантских российских резервов на поддержку нищающих и теряющих работу граждан. На инвестиции в национальную экономику, науку, образование, медицину. Хотя ситуация с обрушившимся на нас опасным вирусом безоговорочно доказала: их финансирование необходимо удваивать.

Порочность навязанного России рыночного фундаментализма налицо. Но «реформаторский» зуд его адептов не иссякает. Продолжается демонтаж прикладной науки, являющейся основой экономики, и лучшей в мире советской системы образования.

Вопреки масштабным планам, содержавшимся в президентских «майских указах» 2012 г. и в их обновленной версии, обнародованной шестью годами позже, процесс реализации стратегически необходимого для России импортозамещения так и не стал реальностью. Должную поддержку государства не получили ни промышленность, ни сельское хозяйство, ни строительство. Заводы и сельхозпредприятия закрываются сегодня так же, как и в «лихие 90-е». С трудом выживая на протяжении четверти века, они не смогли провести обновление основных фондов, не сумели найти стабильные рынки сбыта, не выдержали конкуренции с западными транснациональными корпорациями. Когда весной 2020 г. начал с новой силой разгораться кризис, обещания власти помогать малому и среднему бизнесу обернулись практически ничем. По сути, она равнодушно наблюдает за тем, как эта сфера, в которой трудятся миллионы людей, летит под откос.

Речь идет не просто о тупиковой социально-экономической модели. Конечная цель, ради достижения которой такая модель навязана России, состоит в подрыве жизненных сил ее народа и в его фактическом уничтожении. В «зачистке» богатейшей страны для захвата ее ресурсов. И главной мишенью здесь является крупнейший, государствообразующий русский народ, без которого страна рухнет и станет легкой добычей для захватчиков.

Неолиберальная социально-экономическая модель – это смертоносное оружие, направленное против него. По сути, это нейтронная бомба в руках наших внешних противников и их агентов внутри России.

Их интересам служит проводимый социально-экономический курс. Сегодня власть выполняет двойную задачу: свести на нет свои обязательства перед гражданами и одновременно снять с себя всякую юридическую ответственность за это. Такой принцип распространяется на всю социально-экономическую политику.

Прямое отражение этого принципа – развернутая в стране антинародная пенсионная реформа. Она представляет собой откровенное ограбление тех, кто долгие годы честно трудился на благо страны и общества. Оправдывая возмутившее граждан увеличение уровня пенсионного возраста на пять лет, власть ссылается на то, что у нас якобы существенно растет средняя продолжительность жизни. Однако официальные данные расходятся с выводами специалистов. Росстат и Минздрав настаивают на том, что ожидаемая продолжительность жизни в России превысила 72 года и составила 67,5 лет для мужчин и около 78 лет для женщин. Но, согласно выводам ученых, в действительности она на 5–6 лет ниже. Международные организации ставят нашу страну по этому показателю не выше 120-го места в мире. Здесь Россия оказалась в одной группе с такими странами, как Бангладеш и Гайана. При нынешней политике такой результат, увы, закономерен.

В 2006 г. немецкий военный эксперт и журналист Петер Шолль-Латур снял для крупнейшей телекомпании Германии ЦДФ документальный фильм «Россия в двойных тисках». Говоря о нем, автор произнес горькие и страшные слова: «Россия неумолимо движется к гибели. Главная проблема России сегодня – это катастрофическое сокращение доли русских». Как бы это ни было тяжело, приходится признать справедливость такой оценки. И если мы не хотим, чтобы гибель нашей Родины действительно стала реальностью, необходимо честно оценивать происходящие разрушительные процессы и принимать срочные меры для того, чтобы их остановить.

Все очевиднее антирусская, антиславянская направленность курса, проводимого внутри страны. Русские и другие коренные народы, которые исторически составляют основу тысячелетней государственности России, оказались сегодня самыми обездоленными и униженными. Вымирание коренных русских областей в 2–3 раза опережает средние по стране показатели убыли населения. Представительство русских в ключевых сферах – в управлении, экономике, культуре, средствах массовой информации – категорически не соответствует их преобладающей доле в общем национальном составе государства.

Доказательством того, что нынешний курс оборачивается по отношению к русскому народу самым настоящим геноцидом, является демографическая катастрофа, с которой страна столкнулась после развала Советского Союза и социалистической системы.

В сегодняшней России, согласно официальной статистике, люди в среднем живут всего на год дольше, чем 53 года назад. То есть на фоне выдающегося советского прогресса тут прогресс практически нулевой. При этом, как уже было сказано, независимые специалисты настаивают, что официальная статистика завышает реальные показатели продолжительности жизни.

Навязанный нам капитализм обернулся для русского народа поистине смертоносной демографической жатвой.

Очевидно, что подлинные масштабы вымирания русского народа гораздо более значительны, чем это показывает официальная статистика. Ведь постсоветская смертность живших в Российской Федерации до развала СССР была существенно компенсирована переездом, а зачастую и вынужденным бегством русских из бывших союзных республик в Россию. Что же касается официальной статистики вымирания русских, оставшихся за ее пределами, то она, по сути, отсутствует.

Но демографы приходят к выводу: с начала 1990-х до настоящего времени общее число русских на планете сократилось на 20 миллионов. За годы капитализма русский народ понес такие же людские потери, какие принесла ему война с гитлеровской Германией!

Официальные данные о масштабах убыли русских в России во втором десятилетии XXI в. последуют только после новой переписи, которая была проведена в 2020 г. Неудивительно, что они оказались плачевными.

За советскую эпоху численность русских увеличилась более чем вдвое. За три капиталистических десятилетия она сократилась на 13 %. Какие еще нужны доказательства тому, что социализм отвечает национальным интересам русских, а капитализм откровенно им враждебен, убийственен для них? Какие еще нужны подтверждения тому, что отказ от нынешнего курса, от нынешней губительной системы управления – это не просто вопрос социально-экономического благополучия нашего народа, но вопрос его физического выживания?

Не так давно власть обещала нам демографический взрыв. Мы предупреждали: при сохранении нынешнего разрушительного курса такие обещания не могут воплотиться в жизнь. К сожалению, наши предупреждения подтвердились. После нескольких лет незначительного прироста, который обеспечивался исключительно миграцией при непрекращающемся вымирании коренных жителей страны, уже и миграция не может его компенсировать. «Естественная убыль населения», как цинично именуют чиновники вымирание коренных граждан, с 2019 г. опять стала стремительно нарастать.

Эксперты активно обсуждают демографические проблемы России. Но при этом почти все они обходят главный вопрос, умалчивают о ключевом и катастрофическом явлении, сопровождающем демографическую ситуацию в нашей стране. Это явление состоит в том, что вымирают в России прежде всего русские.

Демографический кризис, связанный с низким уровнем рождаемости и высокой смертностью, усугубляется проблемой детского и подросткового здоровья. Дети и подростки – это завтрашний день нашей страны. Поколение нынешних выпускников школ через 20–25 лет должно будет взять на себя ответственность за Россию, за управление ею, за ее сохранение и развитие. Но что может ждать страну в будущем, если только 10 % старшеклассников, согласно заключению врачей, могут быть признаны абсолютно здоровыми? Более половины имеют ослабленное здоровье. Значительная часть к моменту окончания школы уже имеет хронические заболевания. В советские времена подобное было невообразимо. Мы слышали о таком только в рассказах об отсталых странах третьего мира. А теперь это наша собственная реальность.

Остановить катастрофу вымирания России могут только принципиальная смена курса, восстановление и укрепление тех социально-экономических принципов управления, которые действительно стимулируют высокую рождаемость. А не топят демографическую проблему в демагогии и пустых обещаниях, как это происходит при нынешней власти.

Действенной программой национального спасения русских и других коренных народов нашей страны может быть лишь такая программа, в основу которой положены твердые и эффективные социально-экономические принципы. Ответ на вопрос о том, какими они должны быть, дает социализм.

Идеология антисоветизма, надругательства над собственной историей, западнического подражания несет России и русскому миру истребление духовное. На словах декларируя патриотизм, власть на деле полностью отказывается от поддержки русской национальной культуры. Способствует ее вытеснению и замещению примитивными и безнравственными поделками, созданными по самым низкопробным западным лекалам. Эти поделки с подачи чиновников и циничных коммерсантов от культуры заполонили телеэкраны, кинотеатры, книжные издательства. Нынешняя система способствует окончательному отказу государства от того, чтобы нести обществу нравственное воспитание и просвещение, помогать тем, кто стремится это делать.

Откровенно подрывается и традиционная национальная основа, на которой развивалось высшее и среднее образование в советскую эпоху. Последствия погрома образовательной сферы становятся все более очевидными. Вот лишь один красноречивый пример.

В 2018 г. Рособрнадзор подвел итоги организованного им тестирования школьных учителей. Каждый второй учитель математики не справился с проверочной работой по своему предмету. Среди учителей истории, русского языка и литературы неудовлетворительную оценку получил каждый четвертый. За этими плачевными цифрами просматривается прямая угроза национальной безопасности России, ее способности успешно развиваться.

Душа народа и его сознание, его интеллект – это в первую очередь родной язык. Но русский язык, на котором создана величайшая классическая литература, являющаяся одним из главных культурных достояний человечества, подвергается ежедневному поруганию. И это тоже происходит при попустительстве власти.

Наш язык – богатейший в мире. Но это великое богатство буквально втаптывается в грязь сегодняшней масс-культурной, образовательной и информационной политикой. Язык активно засоряется новоязом, бессмысленными англицизмами, которые символизируют колониальную сущность системы, навязанной нашему народу. По сути, этот новояз – язык оккупации. Пройдитесь по улицам наших городов – и вы убедитесь: иностранные названия западного и восточного происхождения сегодня встречаются на них намного чаще, чем русские. Нам как будто намеренно дают понять: русский народ не хозяин на своей земле. Он не имеет права на национальное самосознание, на самобытность, на родную речь.

В 2005 г. был принят закон «О государственном языке Российской Федерации». Его смысл состоит в защите русского языка. Но та же самая власть, которая этот закон принимала, не желает его защищать.

В этом законе сказано: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка». Но на каком языке то и дело говорят сегодня чиновники, управленцы, журналисты, многие деятели культуры? Разве это литературный русский язык? Разве это речь людей, которые относятся к нему с уважением, берегут его?

Мы видим, что западные страны захлестнул миграционный кризис, который грозит обернуться для них кризисом политическим. Но попробуйте там устроиться на сколько-нибудь приличную работу. А у нас такое становится практически нормой.

Преодолеть системный кризис и вернуться на путь полноценного развития удастся только тогда, когда от управления в политической, экономической, финансовой сферах будут отстранены те, кто причастен к преступному развалу СССР и к установлению в России системы дикого криминально-олигархического капитализма.

Основой идеологии, открывающей путь к возрождению, должна стать традиционная для нашей цивилизации и культуры русская идея, направленная на сбережение народа, на сохранение ее исторического опыта, способная объединить все народы страны во имя общего дела и общего блага. Идея, опирающаяся на социализм и тысячелетние духовные, патриотические ценности.

Обозначим некоторые ее основные черты.

1. Упреждающая, системная и эффективная социально-экономическая стратегия может быть выстроена только на духовно-нравственной основе, социальной справедливости, братском соработничестве в общем деле спасения народа, страны, государства. Каждому с незамутненным сиюминутным взглядом и либерально-демократическим чужебесием понятен живой нерв того, что и как следует делать, – по направлениям, системно и поэлементно; сегодня, здесь и сейчас, и в перспективе. Опорные звенья домостроительства и человекосозидания: хозяйство, производство и труд; образование и наука; здоровье и безопасность; культура и храм; дом и семья. И есть выработанные концепции, проекты, программы, а главное – люди, подвижники и энтузиасты, творцы и созидатели. И все они строятся на духовном основании. Главное в человеке – это дух, его духовное состояние. Наиболее динамичными гранями духовной зоркости человека выступают вера, совесть и любовь. Именно они множат силу разума и профессионализма в общем деле творчества и созидания. В течение последних лет прошло плодотворное обсуждение целостного и взаимосвязанного общенационального стратегического проекта в рамках «Сергианского проекта и Русской доктрины», «Общего дела», «Имперских технологий», Столыпинского клуба и стратегии РОСТА, Агентства стратегических инициатив, Программы КПРФ и других политических партий и движений. В их разработке приняли участие известные ученые, крупные специалисты-хозяйственники, общественные и государственные деятели. Сформирован и предложен целостный комплекс экономических, научных, информационно-технологических, региональных, отраслевых проектов и значимых социальных инициатив. Их характеризует серьезное историософское и концептуальное обоснование сквозных и прорывных идей, взаимосвязь, целостность и полнота, увязка стратегических задач со злобой дня.

2. Каковы основные контуры и приоритеты духовно-нравственного вектора развития, соответствия его историческому пути России? Какой должна быть экономика? Соотношение рынка и плана. «Власть предержащим» и «власть имущим» понадобилось почти три десятилетия разрушительных реформ, чтобы осознать (хотя бы декларативно, на словах) пагубность проводимого курса. Намечаются лишь общие контуры выхода из радикализма неолиберальной социально-экономической стратегии и разрыва с «новым мировым экономическим порядком» и глобализмом «по американскому» образцу. Россия совершает вновь своеобразный и уникальный путь перехода от плана к рынку. Сегодня, пожалуй, нет таких общественных сил и идейно-политических течений, которые бы не признавали и не при-

нимали тех или иных вариантов рыночного развития экономики. Принципиальное значение имеет здесь понимание рынка как сложного общественного отношения, как социально-экономического механизма саморегулирования хозяйственных процессов с распределением ограниченных ресурсов. Это – способ и формы организации экономических связей между хозяйствующими субъектами по производству и обмену необходимыми благами путем их купли и продажи. Это система организации экономической жизни, при которой хозяйственные решения принимаются каждым экономическим агентом самостоятельно. Рынок основывается на свободном предпринимательстве, конкуренции и частной собственности. На «свободном и совершенном» рынке должен властвовать «естественный порядок» как движущая сила микро-, макро- и мегаэкономики. Рынок возникает и функционирует в рамках товарного производства. Что может выступать товаром, каковы пределы самого товарного рынка? Какова субстанциональная природа товаров? Какие ценности и блага не могут в принципе стать объектом купли-продажи и обретать товарную форму? Речь идет в первую очередь о ценности самого человека и его жизни как величайшего блага. В принципе и по самому определению в орбиту рыночных отношений не могут включаться ценности духовно-нравственного порядка: любовь, вера, совесть, честь и т. п. Широкий спектр ценностей социальной сферы жизни общества и человека диаметрально противоположен товарно-рыночному способу функционирования хозяйства. Образование, воспитание, здоровье – не товар и не услуга. Школа – не базар; больница – не рынок.

Особого внимания заслуживает затягивающийся сложный узел социальных проблем под влиянием рыночных отношений и ценностей в современном обществе. Речь идет о социализации личности, особенно вступающих в жизнь новых поколений, о социальной защите и поддержке практически всех групп населения. Резонно встают вопросы: кого защищать, от кого защищать, кому защищать и как защищать? Необходимо ясно видеть и различать несомненные плюсы и очевидные минусы рынка. Укажем здесь, прежде всего, на такое принципиальное положение: рынок реагирует эффективно на частное, отдельное и единичное и расписывается в своем бессилии в решении проблем общего и целостного характера. Рынок представляет собой совокупность отношений в сфере обмена, посредством которых осуществляется реализация товаров и услуг, окончательно подтверждается общественный характер затрат на производство.

На одном из самых оживленных перекрестков Екатеринбурга взметнулась огромная рекламная растяжка: «Дорога – не место соперничества, а путь сотрудничества». И с таким утверждением нельзя не согласиться в полной мере. Более того, эту выстраданную и оплаченную тысячами человеческих жизней истину следует перенести на хозяйство, социальное устроение, в каждую сферу бытия, на весь жизненный путь общества и человека! Конкуренция и соперничество в экономике ведут к колоссальным растратам общественных и человеческих сил, ресурсов, а главное – к нравственному оскудению хозяйствующих субъектов. Рыночный механизм с помощью конкуренции «очищает» общественное производство от экономически слабых, нерентабельных, нежизнеспособных хозяйственных единиц (людей?!) и, напротив, дает дорогу более эффективным и перспективным производствам. В этом рынок – строгий арбитр и регулятор экономического отбора полезных обществу производств, в результате действия которого повышается

средний уровень эффективности национальной экономики в целом. Но это не означает, что общество в лице своих государственных органов управления не может или не должно регулировать данный процесс. При необходимости сохранения экономически нерентабельных, но социально важных производств, выпускающих жизненно необходимую продукцию, государство должно вмешиваться в рыночные процессы и поддерживать через экономические регуляторы существование соответствующих отраслей экономики. Отметим, что ни в одной промышленно развитой стране сельское хозяйство, системы здравоохранения или образования не являются рентабельными. Государство дотирует их развитие, перераспределяя прибыль, полученную посредством налоговых сборов из других отраслей хозяйства.

Совокупность рыночных отношений охватывает не только все аспекты купли и продажи товаров и услуг, отношения спроса и предложения. В более общем плане рынок – это определенный способ координации общественных и личных экономических интересов, система удовлетворения потребностей производителей и потребителей товаров и услуг. Иначе говоря, рынок выступает в качестве специфического механизма, регулирующего все процессы в общественном производстве, определяющего сферы наиболее выгодного приложения труда и капиталов. Но эта идеальная картина совершенного рынка как организатора, регулятора и механизма производства, обмена и распределения на взаимовыгодных и эквивалентных началах начинает сразу тускнеть, если ее наложить на реальную жизнь общества и человека. В экономической теории хорошо известен так называемый «парадокс Смита». Вот его суть: вода гораздо полезнее для человека, чем алмазы. Почему же алмазы стоят так дорого, а вода имеет ничтожно малую стоимость? Хотя за стакан воды в пустыне человек готов отдать все свои алмазы. А в недалекой уже перспективе запас чистой пресной воды будет весьма дефицитен. И в качестве «товара» вода выйдет на первый план. Главный герой романа Э. Хемингуэя «Снега Килиманджаро» рассуждает так: «Мир – это рынок, на котором мы покупаем необходимое себе за деньги, точнее – за время, которое отнимаем у себя, от своей жизни... Я живу той жизнью, за которую мне платит мир». Пожалуй, в этих словах довольно точно передано экзистенциально-художественное выражение сущности рынка, его чуждости подлинной природе человека как духовно-нравственного существа.

3. Экономическая сфера претерпевает качественные изменения в сторону ее деградации. Необходима переоценка собственного исторического опыта социалистического строительства и нового «пореформенного» постсоветского развития. Советскую социалистическую экономику называют порой квазиэкономикой, тоталитарной, директивной, мобилизационной, огосударствленной, административно-командной и т. п. Но все это эмоциональные, публицистические и хлесткие оценки, от которых следует уходить в серьезном и объективном научном анализе. При всех своих явных и скрытых недостатках она позволила за сравнительно короткий исторический срок превратить отсталую страну во вторую мировую державу по экономическому потенциалу. А достигнутый культурный и научно-образовательный потенциал СССР-России до сих пор остается достаточно высоким, а по многим параметрам – непревзойденным. «Мы сами ничего не создали великого, но мы сами обесчестили великое прошлое» (Фрэнсис Бэкон). В настоящее время

социалистическая модель экономического развития в России полностью демонтирована. Осуществлена масштабная и скоростная приватизация – «альфа и омега» рыночных отношений. Цена так называемого неизбежного «трансформационного спада» оказалась непомерно высока в экономической области и невосполнима в социальной сфере. Главную задачу «реформаторы» видели в том, чтобы пройти точку «возврата» в прежнюю экономику, сделать рыночные преобразования необратимыми. Вместо квазисоциалистической экономики получен реальный квазирынок с его ужасающими аномалиями: прибыли приватизируются, а долги и убытки национализируются. Капитал, криминал и маргинал сложились в уродливый симбиоз.На протяжении трех десятилетий страну ведут путем либерализма, капитализации и глобализма.

Обратимся к современности. Нравится это кому-либо или нет, компрадорский либерализм образца 1990-х гг. как социально-экономическая, политическая и тем более мировоззренческая программа в России провалился. Истина, если она обретена, не мягкая и пушистая, а проявляется жестко и порой диктаторски. Если социально-политический перевес получает капитал (тем более криминальный, компрадорский и спекулятивный) и связанный с ним либерализм, страна впадает в смуту, кризис, революцию. Когда все идет на продажу, страна утрачивает свой онтологический фундамент – религиозно-государственное начало. Экономика страны в результате «реформ» отброшена на десятилетия назад. Так, ВВП РФ составляет 85 860 млрд руб., или 1,1 трлн долларов. Это 14-е место в мире. На душу населения – 73-е место. По паритету покупательной способности (ППС) – 6-е место в мире. В результате погружения в омут стихийного рынка хозяйство оказалось в тисках криминализации, натурализации, неликвидности, финансовой несостоятельности реального сектора, отрыва денежных потоков от материального производства, все большей эксплуатации человеческих, производственно-технических и природных ресурсов.

4. Сегодня необходимо преодолеть упрощенное представление о рынке и максимально быстрой либерализации хозяйства. Рынок теперь охватил практически все основные сферы производства и жизнеобеспечения. Но если здраво посмотреть на весь товаропроводящий путь продукта от производителя до конечного потребителя, то на поверку он оказывается заблокированным и осложненным не только произволом монополистов, но и многочисленными посредниками, «бумажными», весьма «наваристыми» перекупщиками. И в итоге цена взлетает в несколько раз! Давайте зададимся вопросом: что и почем? То есть каковы затраты, издержки, себестоимость, стоимость, цена, прибыль. Каков механизм их образования? Вот «священная корова», и вот где таится кощеева игла наживы. Разница в ценах на сельхозпродукцию и ресурсы, приобретаемые крестьянами, получила определение так называемых «ножниц». И они «стригут» земледельцев как послушных овец, подчистую. Молоко закупается у производителя по 10 рублей за литр, зерно – по 8 рублей за килограмм, а до конечного потребителя они доходят кратно дороже. А самому крестьянину в лучшем случае остается лишь десятина. Таков путь рыночного движения товара от производителя к конечному потребителю и такова «цена», или плата, рожденная рыночной экономикой.

Для сравнения укажем, что в советские времена в целях компенсации расходов, связанных с обращением товаров, в их стоимость закладывалась торговая нацен-

ка. Она составляла не более 15 % от розничной цены. За счет нее и финансировалась работа торговли. Сегодня в это даже трудно поверить! Механизм ценообразования, стоимости и себестоимости должен быть прозрачен, ясен и доступен для понимания каждому грамотному человеку. С него необходимо снять завесу так называемой коммерческой тайны, которая оказывается «секретом полишинеля», а на самом деле простым плутовством и прямым воровством.

Кто сегодня диктует цены на продукты питания, на самые социальные из них, хлеб в первую очередь? Как тут не прислушаться к словам Д. Н. Мамина-Сибиряка, который на исходе XIX в. написал известный роман «Хлеб» на материалах города Шадринска (который назван в его романе Запольем): «Хлеб – все, а в России у нас в особенности. Цена хлеба „строит цены“ на все остальное, и от нее зависит вся промышленность и торговля. Собственно, в России и тот процесс, каким хлеб доходит от производителя до потребителя, трудно проследить» [1].

Стоит уточнить только, что к хлебу сегодня добавляются энергоносители, колебания мировых валют, многослойное посредничество и т.д. Понятие нормальной рентабельности (доходности, в рыночных категориях – прибыльности) должно быть социально оправдано, экономически обосновано, выверено с финансовой стороны и должно получить юридическое закрепление. Цена того или иного товара или услуги в рыночной экономике определяется соотношением платежеспособного спроса и предложения, с учетом покрытия общественно-необходимых затрат и издержек производства и получения дохода. Механизм ценообразования сегодня надежно закрыт от народного контроля, упрятан за так называемый «независимый» аудит. А если провести не подставной, а объективный, государственно-общественный и достоверный финансовый контроль и аудит? Для осуществления прорыва необходима полная и объективная инвентаризация всей ресурсной базы развития.

5. Достигнутое (в известных и определенных параметрах) относительное состояние социально-экономической стабильности позволяет обозначить восстановительную и созидательную линию развития. Началось «возвращение» государства (другое дело – как и в каких формах?) в экономику, образование, здравоохранение, науку, демографическое развитие и в другие жизненно важные социальные направления. У крупных компаний, социально ответственного бизнеса планирование и работа на перспективу являются неотъемлемой частью их производственно-финансовой и социально-экономической деятельности. Низовое звено предприятий и организаций любого типа и формы собственности вообще не может обойтись без планирования своей работы. Момент истины и миг прозрения настоятельно требуют восстановления государственного социально-экономического прогнозирования (пусть пока это еще и не план, и не жесткое директирование, а индикативные показатели, рекомендации и т. д.). В новых условиях и на современной технологической основе возобновлен опыт разработки по формированию модельных территорий, крупномасштабных региональных программ по комплексному освоению природных богатств и социокультурному развитию, практика разработки и принятия трехлетних проектов бюджета и социально-экономического прогноза.

Накопленный опыт планирования и хозяйствования в рыночных условиях вплотную подводит к необходимости широкого обсуждения и принятия стратегии социально-экономического развития страны. Ее основные принципы, цели и при-

оритеты должны быть артикулированы не в партийной многоголосице и не в митинговой стихии, а ответственными государственными структурами в лице президента, правительства, Федерального собрания, большой академической науки и социально ответственного бизнес-сообщества. Следует разработать и вынести на всенародное обсуждение проект комплексного социально-экономического развития России на ближайшие 10 лет. Необходим ясный и вдохновляющий общенациональный созидательный проект, способный объединить народ, его передовые, ответственные и способные, социально-авангардные силы. Необходимо стратегически определиться в самом типе и курсе социально-экономического развития, модели применения рыночных инструментов.

В современном мире явно проступают четыре основных типа социально-экономического развития: рыночной экономики; социалистической экономики; планово-рыночной экономики и социально-рыночной экономики. В чистом виде выделенные типы не существуют. Идет необратимый процесс их взаимодействия и взаимовлияния друг на друга. Можно сказать и так: западный мир социализируется, а в социалистических странах – КНР, Вьетнам, Куба, КНДР – нарастают процессы капитализации и либерализации. Хозяйство никогда не было и не будет отвлеченно человеческим, неким экономическим «эсперанто». Оно всегда имеет свои самобытные национально-исторические формы и содержание. И лишь в таком варианте оно оптимально, эффективно, социально справедливо и направлено на духовное развитие человека и улучшение его качества жизни. Многообразие моделей рынка и используемых рыночных механизмов связано с социально-историческими особенностями стран и прежде всего с тем, что в рыночных отношениях принимают участие товаропроизводители, потребители, государственные структуры, профсоюзы и другие общественные организации, а также международные финансовые и экономические структуры. Необходимо учитывать, что в зависимости от того, кто из названных участников рыночных отношений занимает доминирующее положение на рынке, выделяются и модели рынка.

Дж. К. Гэлбрейт давно отметил, что развитие научно-технической революции блокирует многие функции рыночной экономики и не социалисты – враги рынка, а передовая наука и техника, которые требуют общего, коллективного использования результатов фундаментальной науки и прорывных наукоемких технологий [2]. Вряд ли экономически и социально эффективно будет производство и потребление, допустим, электроэнергии на атомных, тепловых или гидростанциях, или нефти и газа с их последующей транспортировкой и переработкой на предприятиях малой мощности и отсталой технической оснащенности. То же самое можно сказать в отношении многих современных наукоемких и высокотехнологических отраслей, производств. Вырастают производительные силы такого масштаба производства и технико-технологического уровня, которые по самому своему существу требуют социальной целостности, комплексности, концентрации, плановости и управляемости в масштабах всего общества.

6. НТР на первых своих этапах стала своеобразной «кислородной подушкой» для частнособственнической экономики. В своем логическом развертывании она может найти и получить адекватную социально-экономическую форму только в условиях общественного характера производства, социально направленного и очеловеченного, духовно-нравственного развития экономики. Теория и прак-

тика социально-экономической жизни раскрывают и подтверждают, что социализм является универсальным общественным строем. Он способен адаптировать, интегрировать и синтезировать в хозяйственном развитии товарно-денежные, рыночные отношения и план, сочетать во взаимодействии и дополнительности противоположные типы и разнообразные формы собственности, широко использовать аренду и кооперацию, государственное регулирование и частную инициативу. В. В. Путин в выступлении на пленарном заседании ПМЭФ назвал четыре ключевых принципа развития России: «Наше видение развития страны базируется на четырех ключевых принципах.

Первое. Мы намерены строить нашу политику вокруг человека, его благополучия, интересов и запросов. Для этого нам предстоит продолжить модернизацию экономики и создание современных рабочих мест, обеспечить рост доходов граждан, сделать отечественное здравоохранение и образование одними из лучших в мире. Мы намерены использовать передовые практики в обустройстве городов и поселков, в организации комфортных пространств для жизни, работы, для отдыха людей, существенно нарастить объемы жилищного строительства и решить проблему доступности жилья, прежде всего, для семей со средним достатком, семей с детьми. Важнейшее направление – это улучшение состояния окружающей среды, что также станет вкладом России в решение глобальных экологических проблем.

Второе. Мы будем расширять пространство свободы. Это принципиально важно для становления сильного гражданского общества, для развития экономики и социальной сферы, науки и культуры. Курс на снятие барьеров, на либерализацию законодательства отвечает, прежде всего, интересам и запросам наших граждан. Будем формировать такие условия для ведения бизнеса, для работы в России, которые будут соответствовать самым высоким стандартам, в том числе это касается и поддержки деловых инициатив.

Третье. Для технологического прорыва, для того чтобы быть конкурентоспособными в современном динамичном мире, мы должны быть восприимчивыми для новых идей, для технологий, которые меняют жизнь людей, определяют будущее страны и мира. Мы приняли большую, комплексную программу цифрового развития.

Четвертый ключевой принцип нашего развития – это открытость страны, ее нацеленность на активное участие в мировых процессах и интеграционных проектах. Развивая транспортный, энергетический, цифровой каркас России, мы намерены эффективно встроить его в глобальную инфраструктуру и тем самым открыть новые возможности для наших граждан, для отечественного и иностранного бизнеса в России, усилить роль нашей страны в мировой транспортной и информационно-коммуникационной системе» [3].

Второй глобальный саммит производств и индустриализации пройдет в будущем году в России, на Урале, в Екатеринбурге. В центре внимания будут вопросы использования передовых, перспективных технологий в экономике, промышленности и других сферах. Промышленное и сельскохозяйственное развитие должно быть сориентировано на потребности внутреннего рынка и отечественного производства. Необходимо преодолеть ущербность концепции «запаздывающей модернизации» и «догоняющего» импортозамещения. Промышленная политика по своему содержанию должна быть нацелена на создание нового технико-тех-

нологического уклада, наукоемкого, инновационно-активного, прорывного и альтернативного характера, не имеющего аналогов и утверждающего отечественные приоритеты. Таковыми были в свое время наши атомный и космический проекты, которые, по выражению И. В. Курчатова, позволили СССР обойти США, не догоняя их. Промышленная политика призвана обеспечить разработку конкретных и перспективных отраслевых проектов.

Требуется целостная и комплексная программа общеэкономического характера развития основных производств (по всему технологическому циклу разработки, создания, освоения, производства и продвижения на рынок) продуктов и товаров с высокой добавленной стоимостью и высоких переделов, налаживанию импортозамещающих отечественных производств. Чтобы осуществить действительный социально-экономический прорыв, необходимо не просто «сойти с нефтяной иглы» и «отвязаться от газовой трубы». Необходимо целенаправленное формирование «полюсов развития», «локомотивов», точек и зон экономического роста в ключевых отраслях современного и новейшего технологического уклада. Это ракетно-космическая, атомная, авиационная, нанотехнологические, биотехнологические, информационно-технологические и другие наукоемкие отрасли. Только государство может быть инициирующим, направляющим и координирующим центром решения таких масштабных задач, интегрируя усилия предпринимательских структур и науки, высококвалифицированного инженерного корпуса, специалистов и рабочих, классного менеджмента, устойчивого инвестирования. Развитие промышленного и сельскохозяйственного производства должно содержать не только меры технико-технологического перевооружения соответствующих отраслей.

Необходимы восстановление и подъем перерабатывающих отраслей. Воссоздание собственной текстильной и легкой промышленности. Вывод из катастрофического состояния машиностроения и станкостроения на новой технологической основе. Развитие собственного авиапрома, автопрома, судостроения, обновления локомотивного и вагонного парка. По этим направлениям созданы мощные государственные корпорации, своеобразные аналоги советских министерств. И они должны быть очищены от бюрократизма, всепроникающей коррупции и некомпетентного, нечистого на руку менеджмента.

Детище современного этапа научно-технического развития – наукограды, научные парки, технополисы, венчурные и инновационные центры, своеобразные «силиконовые долины», возникшие в русле НТР и на ее острие. Они выступают наиболее эффективными, инновационными и оптимальными формами организации не только производственной, научно-технической, но и социокультурной жизнедеятельности. Мировой наукой разработаны и рекомендованы к применению в производстве несколько десятков самых современных прорывных технологий последней волны. К ним отнесены субатомарные технологии, нанотехнологии, технологии синергетического характера, трансформации вещества и преобразования энергии, технологии применения лазерных принципов на основе использования квантовой термодинамики, биотехнологии, информационно-коммуникативные и когнитивные технологии, технологии социально-гуманитарной инженерии. По заглавным буквам этих ключевых направлений современный технико-технологический уклад квалифицируется как НБИКСТ.

Сегодня его достижения концентрируются в основном в рамках военно-промышленного комплекса. Актуальной стратегически становится задача не просто выявления потенциальных возможностей этих достижений, но и практического их ввода в гражданские отрасли. Средоточием духовно-интеллектуальной, научно-технической и технологической мощи страны был, остается и должен быть впредь оборонно-промышленный комплекс. Оборонная промышленность – не только современные вооружения, надежная безопасность страны, но и нарастающий объем высококачественной продукции широкого потребительского назначения, товаров народного потребления (а не просто тарелки, кофемолки и тому подобный пресловутый «ширпотреб»). Без выхода на высшие рубежи экономики, науки и техники, производительности труда и эффективности производства принципы и идеалы социальной справедливости утопичны и нежизненны.

7. Деревня взрастила современный город, вложив в него весь свой производственный и, прежде всего, демографический людской ресурс. Настала пора всенародной помощи селу, его восстановления и возрождения в новых условиях. Село и агропромышленный комплекс находятся в состоянии развала и ускоряющейся деградации. На наших глазах деревня уходит с земли русской. Между переписями населения 1989 и 2010 гг. из 142 тысяч деревень ушли в небытие 35 тысяч, а большинство оставшихся пребывает сегодня на грани исчезновения. Сельское хозяйство не было процветающей отраслью и в советский период. Но даже показатели исходного 1990 г. в сравнении с сегодняшним днем демонстрируют размеры происшедшей в России катастрофы. Импортная продовольственная зависимость подрывает основы национальной безопасности страны. Катастрофа свалилась не с неба и не сама по себе. Если на нужды АПК раньше выделялось до 20 % госбюджета, то сейчас в сто раз меньше. Большинство предприятий убыточно, их доходы даже на треть не покрывают понесенные затраты. Село душит диспаритет цен. Если в 1990 г. за 1 т зерна можно было купить 6 т дизтоплива, то сегодня с точностью наоборот! Более разрушительного обвала, которому подверглось наше село в социальном и техническом отношении, мировая практика ведения сельского хозяйства не знает. Стратегическим просчетом преобразований в этой жизненно важной сфере является его ориентация только на фермерские хозяйства, личные подворья, которые в основе своей многозатратны и малотоварны. Да и в лучшие времена малые подсобные производства «тремя ногами» опирались на общественные формы крупного хозяйствования. Земля, ее недра и все сущее на ней, весь окружающий нас мир не могут принадлежать одному человеку, или группе людей, или даже какой-то сословно-номенклатурной прослойке. Все это принадлежит даже не государству, а именно народу. Поколение за поколением он обильно поливал и удобрял эту землю своим потом и кровью. Государство оберегает землю, организует работу граждан на ней, обладает правом поощрять радетельных и наказывать нерадивых. В итоге государство по полномочию народа может сдавать в аренду частным лицам какие-то конкретные участки земли. Но право собственности на общую землю принадлежит только народу, исключительно ему [4].

Рентабельное и высокопродуктивное сельское хозяйство перспективно только в крупных предприятиях, общественных формах его возрождения, способных использовать высокотехнологичные и современные промышленные способы произ-

водства, потенциал кооперации и специализации. Храм, школа, больница, добротный дом-усадьба, родовое поместье, повсеместная газификация, современная инфраструктура, а главное – высококвалифицированные кадры и восстановление русской традиции позволят вдохнуть жизнь в деревню, не дадут ей уйти Град-Китежем в подводный Светлояр. Но без крестьянства не будет и самой России [5].

8. Вместо прежней слаженной и целостной банковской системы образовались и действуют разрозненные и остро конкурирующие между собой многочисленные коммерческие банки. Было создано более 2000 банков! Сейчас остается менее 500. Центральный банк России, лишенный общегосударственных начал, не выполняет своей регулирующей роли. Необходимо привести его статус в соответствие с Конституцией РФ. Деньги, финансы вместо действенного и эффективного технологического средства и инструментального механизма как кровеносной системы экономики превратились в непроходимый тромб, парализующий ее нормальное функционирование. Укажем лишь на ряд самоочевидных моментов. Экономической наукой давно просчитаны формулы объемов денежной массы. У нас же они многократно занижены, составляя лишь четверть от необходимого для нормального финансирования сферы производства. Зато непомерно завышен банковский кредит, не говоря уже о запредельном проценте роста (т. н. лихвы) в обманных формах потребительского кредита. В Царской России банковский кредит не превышал 4–5 % роста. Примерно таков он сегодня в США, а в Японии составляет только 0,15 %! Вот одна из составляющих японского экономического чуда, когда кредитные деньги циркулируют практически без процентов и, соответственно, без инфляции. Денег в своей массе должно быть столько, сколько нужно. Это лишь техническое средство – как бензин для автомобиля. Центробанк не выполняет своей эмиссионной функции, а рубль не выполняет функции платежа, как и искажает другие свои функции. Заниженный паритет по отношению к доллару (по оценке специалистов почти на 50 %) значительно снижает покупательную способность рубля, давая «зеленую улицу» «зеленой бумажке», на которую и по сей день молится российский обыватель и, к сожалению, Минфин. Следует пересмотреть грабительскую, по сути, практику субсидирования банкам кредитных ставок. Львиная доля государственных денег уходит в банки по оплате ссудного, а точнее – подсудного процента. Национальные цели и приоритетные направления, определенные Указом Президента, следует обеспечивать льготным кредитованием под 0,5 %. Ставится вопрос о выходе нашей страны из Всемирной торговой организации: «Ничего, кроме убытков, наше вступление туда не принесло. За три года в составе ВТО потери бюджета приблизились к 800 миллиардам рублей, а косвенные оцениваются в 4 триллиона» [6].

В связи с растущей разбалансированностью между финансовым покрытием и реальным сектором экономики должен быть принципиально поставлен и решен вопрос о фондовом рынке. В условиях глобального кризиса ликвидности фондовый рынок не выполняет свои экономические функции по определению реальной стоимости компаний для привлечения ими дополнительных средств. Фондовый рынок не может служить чутким барометром истинного состояния финансового положения компаний. А выставляемые котировки взлета или падения курса акций, биржевые «игрища», к которым приковывается воспаленное внимание и погоня за прибыльным вложением средств, вгоняют доверчивых искателей легкой наживы

в панический страх или безудержную эйфорию. Поэтому в таком виде фондовый рынок не просто бесполезен, но и опасен. И поддержка государством фондового рынка порочна не только идейно, но и преступна в своей основе. По сути, это поддержка спекулятивно-финансового капитала за счет народа и ей должен быть положен законодательный запрет. Фондовая финансовая капитализация – это одно, а реальные активы – совсем другое. Как «тать в нощи», только прилюдно и ясным днем под «прикрытием» фондового рынка и односторонней глобализации к природным ресурсам России крадется иностранный капитал. Этому служит и криптовалюта как инструмент финансовых спекуляций.

9. Главной и определяющей целью экономического динамического равновесия и гармонического социального развития является сам человек. Три четверти создаваемого продукта обеспечивает сегодня человеческий фактор. Действительно, решающим фактором в целостной системе общественного воспроизводства, особенно в его постиндустриальном развитии, становится сам человек, его социокультурный личностный потенциал. Духовно-нравственный вектор развития определяется императивами совести и справедливости в гармонизации социально-трудовых отношений.

Осмысление труда как служения ближним и Богу воспринималось в нашем народе в качестве незыблемой нравственной нормы бытия. На Руси труд искони был больше, чем работа. Д. И. Менделеев в своих «Заветных мыслях» и капитальном исследовании «К познанию России» четко улавливал различия между ними. Он считал, что удел человека как творца – труд, а не работа, его развитие в том и заключается, чтобы ту часть труда, которую человек производит как работу, замещать работой машин: «Труду принадлежит будущее. Ему воздадут должное, нетрудящиеся будут – и печальная, очень крупная ошибка многих новейших учений состоит именно в смешении работы с трудом, рабочего и трудящегося... Работу можно дать, к работе можно принудить, присудить; труд – свободен был и будет, потому что он по природе своей волен, сознателен, духовен... Работа не творит, она есть только видоизменение единых сил природы... Небывалое, действительно новое дает лишь труд; его нет в природе, он в вольном духовном сознании людей, живущих в обществе» [7].

Все создается трудом, но, к сожалению, сегодня большинство устремлено не столько на правильную и тем более праведную жизнь, а к достатку и потреблению. Средоточие интересов концентрируется в сфере распределения. Но нельзя расписываться в своем бессилии и ставить телегу впереди лошади. А в основе должна лежать установка и мотивация на высококвалифицированный, сознательный и творческий труд. Вновь сошлемся на президента: «Нам крайне необходим рывок. Рывок в качестве жизни граждан. Рывок модернизации экономики и инфраструктуры. И рывок совершенствования государственного управления. Мы должны войти в пятерку самых развитых стран. Мы должны выйти на мировые темпы развития (сейчас это 3,5 %). И мы должны победить бедность» [8]. Прорыв через свободное общество, участие каждого в общем деле. Сегодня же из 77 млн трудоспособного населения 41 млн работает в «белую», а 36 млн пребывают в серой и темной зонах. Самозанятых числится 15 млн; в малом и среднем предпринимательстве – до 6 млн с перспективой выхода на 25 млн чел. Сейчас поубавились разговоры о пресловутом среднем классе, о стремлении всех сделать собственни-

ками. Даже если и сформируется такой средний слой, то пахать землю и собирать урожай в непогоду, лить металл у обжигающей печи, идти в опасный забой, вести тяжеловесный состав или возводить жилье будет не класс собственников и чиновников. Сегодня из занятых в материальном производстве, работающих на земле насчитывается чуть более 2 млн человек, квалифицированных рабочих – менее 3 млн.

Зато в банковском, финансовом, офисном «планктоне» структур недвижимости, торговли и посредничества в «поте лица» работает более 25 млн человек.

Без выхода на высшие рубежи экономики, науки и техники, производительности труда и эффективности производства принципы и идеалы социальной справедливости утопичны и нежизненны. И это даст возможность восстановить в достойных параметрах покупательную и соответственно платежную способность населения! Другим станет бюджет. Иным пенсионное обеспечение. И в целом социальная сфера воспроизводства человека. В социально-трудовых отношениях ключевой момент – способы и размеры оплаты собственно труда, достойной заработной платы. Сегодня «либерализованы» все основные факторы производства… кроме труда. Он обесценен, девальвирован. Бытует расхожее и весьма поверхностное суждение: «как работаете, так и живете». Скорее и вернее надо сказать с точностью наоборот. Как человек живет, так он и работает! Доля заработной платы в единице вновь произведенной продукции и добавленной стоимости составляет сегодня в среднем до одной трети в разных отраслях производства, а в некоторых из них всего лишь десятую часть. Для сравнения и сопоставления укажем, что в развитых странах она колеблется в пределах 60 %. В советский период с учетом общественных фондов потребления эта доля была примерно на таком же уровне.

Специалисты экономисты по социологии и экономике труда, сметчики и расчетчики всегда определят необходимую и возможную формулу оплаты труда, размеры, способы и формы получаемого дохода. Но эти расчеты закрыты за семью печатями. И понятно, почему так тщательно охраняется так называемая коммерческая тайна. На поверку за этим «секретом Полишинеля скрывается обыкновенный обман, а по-русски – грабеж. И это в полной мере относится к острым коллизиям, связанным с разрешением проблемы богатства и бедности, пониманием трудового достатка и социальной справедливости в целом. Предваряющим и базовым условием выступает здесь обеспечение равного доступа к тому, что создано самим Богом и матушкой-природой: к земле, ее недрам и ресурсам. Надо честно признать, что право, устанавливающее беззаконие, есть бесправие. И ему должен быть положен предел не только мерами прогрессивного налогообложения, но и возвратом природных ресурсов и соответствующей ренты под контроль всего общества и государства. Даже в острокризисный период последних лет дивиденды, бонусы и премиальные так называемых «эффективных» собственников и топ-мененджеров поражают воображение. И дело здесь не в обычной зависти, а в элементарной совести. Заглядывать в чужой карман всегда на Руси считалось зазорным, но взывать к совести было делом чести. Настала пора вернуть в законодательное поле прогрессивную шкалу налогообложения. Надуманными являются опасения, что она загонит в тень крупных налогоплательщиков. Пока же с точностью наоборот: плоская шкала налогообложения успешно и значительно занижает доходы бюджета и, соответственно, зарплату работникам бюджетной сферы.

Опасения, что прогрессивная шкала приведет к увеличению так называемых «налоговых уклонистов» и «оптимизаторов» серых схем выплаты заработков, могут и должны быть нейтрализованы соответствующими структурами всей вертикали власти. Сотня долларовых миллиардеров, 152 тысячи долларовых миллионеров, и даже 1,5 млн человек с относительно высокими доходами до 3 млн рублей. А это, по примерным подсчетам, увеличит доходную часть бюджета на добрую треть. Сошлемся при этом на показательный опыт других стран. Так, в ФРГ всего 4 % экономически состоятельного и наиболее успешного населения дают 40 % государственного бюджета страны.

Наше государство в соответствии с конституцией декларируется сегодня не только как правовое, демократическое, но и как социальное. То есть оно должно быть социальным, точнее, общесоциальным. Образование, здравоохранение, наука и культура в своих основных и социально обоснованных жизненных параметрах достойного воспроизводства человека должны быть выведены из коммерческого сектора. Из медицинской услуги, образовательного (и тем более культурно-воспитательного) товара как предмета купли-продажи они должны быть преобразованы и восстановлены в своей подлинной ипостаси – человекотворения, человекообразования, человекосбережения, культуры созидания личности в ее духовно-нравственной сущности. Социально гарантированный минимум, закрепленный в так называемых государственных социальных стандартах (в сфере труда, образования, здравоохранения, культуры, социального обеспечения и т. д.), безусловно, должен быть реализован. И постоянно возрастать, расширяя возможные и благоприятные условия для всех членов общества одинаково и равно. А остальное – это усилия самого человека, его труд, способности, талант, творчество, собственная социально-профессиональная и трудовая инициативность и активность как мера развития человека. Своими институтами и инструментами необходимо поддержать и развить созидательную деятельность и творческую инициативу, а с другой стороны, блокировать разрушительные тенденции и социально опасные и вредные проявления в хозяйственно-экономической и социальной сфере.

Никто еще не опроверг расчеты академика Дмитрия Львова, который утверждал, что соотношение между доходами самых богатых и бедных у нас различается в десятки раз. В экономическом разделе программы НТВ было озвучено, что 95 % населения России имеют всего лишь 1,5 % совокупного дохода. Количество олигархов – долларовых миллиардеров – за два года увеличилось с 77 до 106 человек. Эти люди владеют состоянием в 70 триллионов рублей, что сопоставимо с ВВП всей нашей страны. Если судить по отчетам ФНС, российское общество в результате «реформ» разделилось на три касты. Высшая каста включает высшую бюрократию и крупных предпринимателей, ее численность составляет 221 тыс. лиц со средним месячным доходом 2,5 млн рублей. По данным исследовательской компании New World Wealth, 152 тыс. российских долларовых миллионеров (это как раз 0,1 % населения) контролируют 62 % национального богатства. А если выделить из них только 200 богатейших семейных кланов с общим состоянием, приближающимся к 500 млрд долларов, то Россия становится страной с самым высоким в мире имущественным неравенством. Доля в богатстве – это несколько иное, нежели доля в доходе, но все равно показательно. Для сравнения, в США миллионеров 1,4 % населения, и контролируют они 32 % национального богат-

ства. Средняя каста включает менеджеров-приказчиков, назначаемых высшей кастой для обеспечения нормального функционирования построенной модели экономики; она составляет 16 % (11,5 млн) занятых со средним заработком в размере 2,83 среднего по стране и близким к среднему заработку стран «семерки». Низшая каста включает остальные 84 % (60,6 млн) занятых со средним заработком в размере 0,69 среднего по стране [9].

Благотворительность и меценатство предполагают прочную духовную и идейную основу, высокий уровень нравственного сознания. Дж. Сорос, к примеру, полагает в основу своей «мировой» благотворительности идею «открытого общества» в русле философии К. Поппера. Конечно, идею неприемлемую и заведомо враждебную российской ментальности и духовности. Не случайно наших «соросовских» профессоров иногда называют «власовцами» в науке. Всуе пока можно ставить вопрос, когда в России настанет время С. Т. Морозова, П. М. Третьякова, С. И. Мамонтова и Ф. П. Гааза. Этос современного российского предпринимательства в своем подавляющем большинстве негативен. Вряд ли когда-либо Орджоникидзевский район Екатеринбурга будет переименован в «бендукидзевский» район.

10. Формирование экономической свободы и стимулирование производительной активности хозяйствующих субъектов требует создания благоприятных макроэкономических условий. В условиях рыночной экономики базовым условием деловой активности и экономической свободы является формирование здоровой рыночной среды и механизмов рыночной самоорганизации. Должны быть задействованы системно и эффективно основные институты рыночной экономики. Это соблюдение законных прав собственности, обеспечение добросовестной состязательности, стимулирование конечного спроса, защита прав потребителей, антимонополистическое регулирование, государственная поддержка малого и среднего предпринимательства, законодательное и организационно-техническое обоснование применения процедуры банкротства и приватизации предприятий. Рынок должен быть расчищен от многочисленных посреднических и мафиозных структур, которые подавляют само производство, осуществляют многократную накрутку цен по сравнению с реальными издержками их производства и обращения. Требуется декриминализация всей товаропроизводящей и товаропроводящей сети и освобождение ее от контроля со стороны организационных монополий.

Налоговая система должна не только обеспечить сбор необходимого объема бюджетных доходов, но и давать стимулы общественно-полезной производственной, инвестиционной и инновационной деятельности. И в то же время она призвана подавлять социально вредные и опасные направления экономической активности путем деофшоризации, налогов на роскошь и наследство, декларации расходов, преодоления коррупции, усиления государственного и народного контроля. Налогообложение должно быть переключено с доходов, получаемых от трудовой, инновационной и инвестиционной деятельности, на налогообложение рентных доходов. От эксплуатации природных ресурсов, крупной собственности, эффективного использования государственного имущества, введения реальной государственной монополии на оборот и импорт этилового спирта, оптовую торговлю водкой, рынок алкогольной и табачной продукции, государственной монополи на экспорт природных ресурсов, драгоценных металлов и камней, редкоземельных и расщепляющихся материалов.

11. Разрушительные последствия формальной демократии были вскрыты еще Платоном и Аристотелем, применительно к России – И. А. Ильиным и А. С. Панариным на современном материале. Истина и справедливость не определяются большинством. Экономической основой формальной демократии выступает финансовый, спекулятивный, теневой, криминальный капитал. Можно сказать и так: рыночная экономика с ее компрадорским криминалитетом и формальная демократия нашли друг друга. Демократия есть рынок в политике с ее всеобщей продажностью. А рынок – это демократия в экономике со всеми своими фальсификациями. Достаточно сослаться на фармацию, в которой немало лекарств и препаратов сфальсифицированы, на всевозможные «пирамиды» и миллионы обманутых вкладчиков, обворованных дольщиков, взволнованных некачественным товаром потребителей и т. п. И таких массовых примеров в различных отраслях и сферах множество. Демократия не есть самоценность и не обеспечивает сама по себе ни целостность государства, ни прочность правопорядка, ни социальную справедливость, ни национальный духовный расцвет. Она есть формальный механизм вовлечения масс в отправление власти. Это имеет свои дурные последствия и свои великие опасности. По замечанию И. А. Ильина, даже на Западе демократия «спасается именно своими противодемократическими упорами и коррективами». На самом деле всегда правит не большинство, а меньшинство. Управлять должны лучшие. Необходимо готовить и выбирать людей дела и служения. Политика требует большой идеи, чистых рук и жертвенного служения. Для этого нужен отбор людей, отбор духовный, качественный и волевой. В политике нужны люди, доказавшие свою способность организовывать и править, мысля от целого и общих интересов всех слоев народа. По Евангелию, кто хочет быть первым, тот должен быть слугою всем. И. А. Ильин рассматривал государство не как равновесие конкурирующих классов и орган господства одного класса над другими, а как общение братского служения, как единение веры, чести и жертвенности. Государство тем прочнее, чем более оно приближается по духу к братской корпорации, а по форме – к отеческому учреждению. В проекте основ законодательства будущей государственности как конституционную норму он выдвигает ясную правовую формулу: «Единство, мощь и процветание Российского государства требуют единой и сильной государственной власти в центре, национальной по духу, внеклассовой и сверхсословной по направлению воли, доступной каждому гражданину во всех его справедливых притязаниях и нуждах» [10]. Вместо западной демократии необходимо восстановление исконно российского народовластия и всемерное развитие самоуправленческих начал: «Современное общество эволюционирует по принципу возрастающего делегирования функций сверху вниз, от центра на места и от государства к многообразным субъектам гражданского общества» [11]. Предстоит большая творческая работа по реконструкции и возрождению еще незабытых и близких русскому сердцу созидательных форм и устоев народной жизни. Их можно с полным основанием рассматривать в качестве одной из главных задач антикризисной стратегии, выхода из вселенского тупика на твердь собственного национального самобытного исторического развития.

В. В. Путин, выступая на XIII Международном Валдайском форуме 27 октября 2016 г., констатировал дефицит стратегий и идеологий будущего: «Это создает атмосферу неуверенности, которая прямо влияет на общественные настроения». По

его словам, для большинства населения планеты «будущее не зовет – оно пугает», а люди не видят возможности что-то изменить». Формально все элементы демократии в большинстве стран налицо, однако в реальности у большинства граждан нет влияния на власть. И представления элит о правильном курсе развития все чаще расходятся. Как следствие – референдумы, выборы все чаще преподносят сюрпризы для власти. Люди голосуют совсем не так, как им советовали респектабельные официальные средства массовой информации, и не так, как это рекомендуют так называемые системные партии. Такие результаты сначала объявляли «аномальной случайностью», а потом заговорили, что «общество не понимает тех, кто находится на Олимпе власти». А то и вовсе доходят до истерики: мол, это следствие зарубежной, как правило, российской пропаганды.

Все великие свершения были плодом единения власти и народа. Апостол Павел в своем послании к римлянам (Рим. 13:1) пишет: «Несть власть, аще не от Бога: все же сущие власти от Бога учинены суть». Это означает, что истинная государственность и власть (не существующие, а сущие!) должна отвечать по своей сути Божественным установлениям и повелениям русской истории, отвечать высшим духовно-нравственным смыслам служения Богу, своему народу и Отечеству. Такая власть зиждется на духовной основе, на «камне» святости. И тогда вертикаль власти не будет уходить в зыбкую топь административно-бюрократического построения, в тупики прагматизма и ситуативного реагирования. Сейчас люди ощущают, что от них ничего не зависит или зависит очень мало. И это парализует гражданскую активность людей.

В качестве завершающего вывода скажем чеканной формулой, ставшей гражданской молитвой самого Ивана Ильина: «Кто бы я ни был, каково бы ни было мое общественное положение, – от крестьянина до ученого, от министра до трубочиста, – я служу России, русскому духу, русскому качеству, русскому величию; не мамоне и не «начальству», «не личной похоти» и «партии»; «не карьере» и не просто «работодателю»; но именно России, ее спасению, ее строительству, ее совершенству, ее оправданию перед Лицом Божьим» [12]. Жить и действовать так – значит жить и действовать согласно главному, предметному призванию русского человека, т. е. службу превратить в служение, работу в творчество, интерес во вдохновение, «дела» освятить духом Дела, заботы возвысить до замысла, жизнь освятить идеей – Русской идеей.

Библиографический список

1. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений. В 8-т. Т.7. М.: Изд-во худож. лит – ры, 1955. С.265-718.
2. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриально общество. М.: АСТ, 2004. 602 с.
3.См.: Нужно ли России вступать в ВТО? [Сайт Русской народной линии] Дата обращения 25.05.2018.
4. Афанасьев А. Земля и Воля // Советская Россия, 24 мая 2018 г.
5. См.: Россия. Земля. Крестьянство. Материалы I Всероссийской Ильинской научно-практической конференции. Курган, 2009.
4. Мобилизация ради победы // Советская Россия. 31 мая, 2016.
6. См.: Менделеев Д.И. К познанию России. М.: Айрис-пресс, 2002.

7. См.: Послание Президента Российской Федерации В.В. Путин Федеральному собранию. 1 марта 2018 г.
8.Барсуков В. Первые жертвы прорыва. // Советская Россия, 23 августа 2018 г.
9. Ильин, И.А. Собрание сочинений: В 10 т. М: Русская книга, 1998. Т. 7. С. 526.
10.Панарин А.С. Философия политики. М.,1996.- С. 394.
11. Ильин И. А. О воспитании в грядущей России / Собрание сочинений в 10 томах Том 2. Книга 2. С.178-192.
12. Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи и речи. 1948–1954 гг. В 2-х т. М.: МП «Рароч», 1992. С. 265.

Глава 3. Гражданская война и советское государство

Сегодня все еще существует достаточно много порой диаметрально противоположных мнений по поводу социализма. Некоторые авторы рассуждают о «социализме с новым лицом», о «человеческом социализме», о «новом социализме» и т. д. Но как бы ни был привлекателен образ социализма в теоретическом своем измерении и как бы кто-то ни ностальгировал о социалистическом прошлом, необходимо вспомнить о том, что само появление социализма всеми его теоретиками и практиками всегда связывалось с классовой борьбой. А ее наивысшим развитием в России стала Гражданская война 1918–1920 гг.

В современной исторической науке присутствуют самые различные термины для обозначения социальной нестабильности и конфликтов: «восстание», «бунт», «революция», «гражданская война», «смута», «гибридная война» и т. д. Все они отражают ту или иную сторону острейших социальных конфликтов, которые периодически сотрясают разные страны, народы и цивилизации. При этом гражданская война как таковая – это, пользуясь терминологией С. Хантингтона, «цивилизационное столкновение». В отличие от других войн, это столкновение происходит внутри одного государства, внутри единого, с формальной точки зрения, политического пространства. Причинами такого «цивилизационного столкновения» могут быть этнополитические, культурные, экономические, идеологические и иные противоречия в фазе их обострения. Рассматривая различные парадигмы в развитии цивилизаций, некоторые исследователи (Дж. Бьюкенен, И. Пригожин, Э. Тоффлер, С. Хантингтон и др.) сегодня выделяют новую (четвертую) парадигму такого развития – хаос. Эта парадигма в развитии общества становится результатом неэффективности прежних цивилизационных парадигм.

В частности, С. Хантингтон следующим образом описывает эту парадигму: «Ослабление государств и появление «обанкротившихся стран» наводит на мысль о всемирной анархии как четвертой модели. Главные идеи этой парадигмы: исчезновение государственной власти; распад государств; усиление межплеменных, этнических и религиозных конфликтов; появление международных криминальных мафиозных структур; рост числа беженцев до десятков миллионов; распространение ядерного и других видов оружия массового поражения; расползание терроризма, повседневная резня и этнические чистки» [1, с. 37–38].

Гражданская война в России, столетие с начала которой приходится на 2018 год, также напоминала описанный хаос, связанный с распадом государства, массовой гибелью населения и миллионами беженцев. Разве что тогда не было еще ядерного оружия. И до сих пор эта война продолжает оставаться одним из важнейших событий нашей новейшей истории. Она оставила неизгладимый след в памяти народов России, ее последствия и сегодня все еще ощущаются в политической, экономической и духовной сферах жизни нашего общества.

Вопрос о характере и временных рамках такой парадигмы остается все еще слабо исследованным. Дело в том, что хаос может быть спонтанным, стихийным, а может быть спланированным, запрограммированным. Сингулярность хаоса, который в своем развитии проходит точку невозврата к прежней ситуации, также требует серьезного анализа. Прежде всего, в отношении роли экзогенных и эндогенных факторов, оказывающих свое влияние на развитие ситуации. Новая реаль-

ность, как ее называют современные исследователи, это реальность глобализма и информационной революции. В этой новой реальности соотношение отмеченных выше факторов и их влияние на развитие социальной нестабильности принципиально меняются. Если раньше решающим фактором развития социальной нестабильности и ее перерастания в фазу гражданской войны служил эндогенный (внутренний) фактор, то теперь таким решающим обстоятельством оказывается часто экзогенный (внешний) фактор. Он может быть сопряжен либо с имплицитным (немилитаристским) негативным воздействием на конкретный социум (этнос) извне, либо с прямым (милитаристским) внешним воздействием на него.

Примерами имплицитного влияния на ситуацию служат различные санкции (эмбарго, мораторий, блокады, торговые войны, товарные интервенции, саботаж, секвестр). Они способствуют ухудшению ситуации в стране, в отношении к которой используются. Дальнейшее ухудшение способно привести к острой фазе социальной нестабильности и гражданской войне. Примерами милитаристского воздействия на ситуацию могут служить прямые иностранные интервенции XX столетия в Афганистане, Вьетнаме, Лаосе, Ливии, Ираке, Сирии и других странах. Так, в 1983 г. США вторглись на о. Гренаду, где незаконно свергли, а затем убили президента М. Бишопа. Другой факт: вторжение США в 1989 г. в Панаму, где был захвачен и вывезен на территорию США лидер страны М. Норьега, умерший в американской тюрьме спустя почти три десятилетия в 2017 г. В обоих случаях результатом внешнего вмешательства стали гражданские войны. И все эти интервенции, естественно, проводились под флагом защиты демократии, борьбы с диктатурой и «во благо народов». Таких примеров организации гражданских войн можно привести десятки.

Все эти примеры свидетельствует о том, что гражданские войны в современных условиях все чаще носят запрограммированный и даже спровоцированный характер. Они превращаются в затяжной и разрушительный механизм деградации той или иной цивилизации. Все это объясняется растущей недобросовестной конкуренцией между различными странами на мировых рынках (за источники сырья, рынки сбыта и т. д.) и в политике, которая, как известно, является «концентрированным выражением экономики» (В. И. Ленин).

Примерами вызревания решающей роли именно экзогенных факторов полна вся мировая и российская история. Достаточно вспомнить Смуту XVII в. в нашей стране, вызванную не столько предательством политической элиты (семибоярщина), сколько польской агрессией и воцарением на московском престоле польского царевича Владислава.

Возможно, свою политическую элиту народ бы и «перетерпел», как он столетиями терпел ее и до Смуты, и после нее. Но терпеть внешнего врага и надругательство над национальными святынями русский народ не стал.

Ответной реакцией оказалось массовое народное возмущение, которое переросло в народную армию – ополчение, покончившее с польской агрессией. Движение за освобождение страны от польского владычества не переросло в гражданскую войну только потому, что сторонников поляков в России практически не было. А крайне малочисленная политическая элита оказалась внутренне расколотой и недееспособной.

Другая ситуация – ликвидация Советского Союза в конце XX в. Распад огромной страны также организовала политическая элита. Никаких объективных причин для «роспуска» СССР не было. Удалось ли при этом избежать гражданской войны? Или две чеченские войны, гражданские войны в Грузии и на Украине, этнические конфликты в Карабахе и Киргизии, ситуация в Приднестровье – это все звенья одной вялотекущей имплицитной гражданской войны нового типа? Ответ может быть дан только с учетом особенностей современной новой реальности. А она связана с так называемыми «информационными войнами», «цветными революциями», «гибридными войнами», которые предшествуют современным гражданским войнам или опосредуют их.

В начале XX столетия в России усиливаются противоречия, которые накапливались в течение всей ее предшествующей истории. Образуются и действуют политические партии, которые по-разному видят новую Россию после свержения монархии, некоторые пытаются сохранить старый уклад. Наблюдается так называемый «кумулятивный эффект», когда разного рода события (царский Манифест 1905 г., проигранная русско-японская война, революция 1905–1907 гг., Первая мировая война и т. д.) постепенно настолько дестабилизировали внутреннюю ситуацию в стране, что точка невозврата оказалась пройденной.

Сегодня сложно судить о том, когда и как еще можно было предотвратить гражданскую войну в России. И были ли такие социальные силы в стране. Была ли Октябрьская революция 1917 года таким поворотным моментом, ввергшим российское общество в гражданскую войну, или даже после нее все еще «можно было бы обойтись», не будь разогнано большевиками Учредительное собрание. История, как известно, не знает сослагательного наклонения.

Ясно одно: гибель монархии, а затем и недееспособность Временного правительства, Октябрьская революция 1917 г. и разгон Учредительного собрания в 1918 г. послужили катализатором гражданской войны. Но и о внешнем (экзогенном) факторе, о прямом вмешательстве в развитие ситуации извне также забывать не следует [2].

Полагать, что суть гражданской войны исключительно состоит в борьбе за власть – значит упрощать саму природу такой войны. Борьба за власть вполне может осуществляться и мирными способами (выборы в парламент, главы государства, муниципальные структуры и другие демократические процедуры и т. п.). Вместе с тем и недооценивать факт такой борьбы за власть в контексте гражданских войн нельзя.

В борьбе против Советской власти в России активно выступили не только Белое движение, в основном состоявшее из офицеров старой армии и активно поддерживаемое интервентами, но и казачество, духовенство, представители делового мира России, значительные массы крестьянства. Неслучайно крестьянское сословие рассматривалось Советской властью как «мелкобуржуазная стихия», которую надлежало в целом «нейтрализовать». Для этого крестьянское сословие предлагали пропагандистскими усилиями новой власти разделить на разные категории и противопоставить их друг другу: кулаки (богатые крестьяне) – враги Советской власти; середняки – «временные попутчики», а бедняки (сельские пролетарии) – союзники. Любые попытки объединительного характера воспринимались как утопия. А «цель создания государства-коммуны отражала утопические устремления

большевизма» [3, с. 105]. Иными словами, в условиях гражданской войны вновь был взят применявшийся В. И. Лениным еще в 1903 г (при расколе в российской социал-демократической партии – РСДРП – на меньшевиков и большевиков) лозунг известного итальянского философа, историка и политолога конца XV – начала XVI в. Н. Макиавелли «разделяй и властвуй».

Поэтому когда некоторые историки возлагают инициативу развязывания гражданской войны в России исключительно на Белое движение и примкнувшие к нему социальные силы, они лукавят. Советская власть со своей стороны немало поспособствовала развязыванию гражданской войны в России. Даже когда в январе 1919 г. президент США В. Вильсон выступил с идеей созвать международную мирную конференцию по России, в которой приняли бы участие все политические силы страны, большевики выступили категорически против этого. В. И. Ленин, правда, хотел послать на нее Л. Д. Троцкого, но из этого «ничего не получилось» [4, с. 347].

Гражданская война и военная интервенция 1918–1920 гг. в России, если дать общее определение, – это вооруженная борьба за власть между представителями различных классов, социальных слоев и групп бывшей Российской империи при участии Четверного союза и Антанты. Но и Россия в лице Советской власти стремилась в рамках перманентной мировой революции упрочить свое положение в мире, что также необходимо рассматривать в контексте причин и обстоятельств, обусловивших начало гражданской войны. Даже после провала наступления Красной армии на Польшу Советская власть продолжала исходить из необходимости расширения своего жизненного пространства и перманентной мировой революции. В частности, речь шла об азиатском направлении, о чем писал в 1919 г. Л. Д. Троцкий. Учитывая провал революционного натиска на Европу (гибель Венгерской и Баварской республик, военные неудачи на польском направлении и т. д.), он, в частности, утверждал, что «дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой, чем дорога в Советскую Венгрию» [5, с. 182].

Идея превращения империалистической войны в войну гражданскую, выдвинутая В. И. Лениным, имела далеко идущие последствия, связанные с распространением гражданской войны и в других странах.

Конечно же, приведенное выше определение гражданской войны не открывает нам полной картины этого явления. Но главное звено в этом определении – это непримиримое противостояние различных социальных сил внутри одной страны, а также противостояния между государством (действующим на конкретный момент времени) и обществом. Но на этом «общее» в понимании причин, характера и последствий гражданских войн не заканчивается.

Гражданские войны возникали во многих странах независимо или, наоборот, в зависимости от особенностей того или иного политического режима, поэтому их очень непросто сравнить друг с другом. Но все познается в сравнении. Как писал В. И. Голдин, «подобные сопоставления, несомненно, интересны и небесполезны. Но каждая гражданская война – в каждом обществе и на определенном историческом этапе – имеет присущее только ей своеобразие, военные, политические, социальные и другие характеристики» [6, с. 66–75].

На текущий момент существуют разные теоретико-методологические подходы к изучению гражданской войны в России. Традиционным является героиза-

ция событий гражданской войны, получившая свое распространение еще в советский период истории. «Российской Вандеей» по аналогии с событиями Великой Французской буржуазной революции назвал гражданскую войну в нашей стране Д. А. Волкогонов [7, с. 78–79]. Однако следует отметить и обратную сторону историографии гражданской войны, ее сведение к смуте, хаосу, катастрофе [8].

Вот как описывает ситуацию Гражданской войны В. Д. Успенский: «Большими и малыми фронтами исполосована была Южная Россия весной 1918 года. Красные, белые, немцы, казаки, анархисты, повстанцы-самостийники, просто бандиты. Всюду своя власть, свои порядки. Причем каждая власть считала себя главной, самой справедливой, а в каждом постороннем видела врага, которого надо либо убить, либо запрятать в кутузку. Любая власть имела свою охрану, свои дозоры, сторожевые посты, и их было так много, что, миновав один пост, непременно попадешь на другой» [9, с. 52].

В связи с историографией гражданской войны в России следует напомнить и так называемую «теорию заговора», согласно которой Советская власть сама публично объявила народу гражданскую войну. Так, в одном из изданий читаем: «В мае 1918 г. председатель ВЦИК Я. М. Свердлов поставил перед органами власти задачу разжечь гражданскую войну в деревне, организовать и вооружить бедняков для удушения кулаков» [10, с. 485–486].

В последние десятилетия возникла и получила свое развитие трактовка событий гражданской войны в контексте концепции повседневности [11]. Наконец, необходимо отметить и военно-историческую антропологию, в рамках которой в последнее время анализируются события тех лет [12; 13].

Между гражданскими войнами в разных государствах существует много общего: это объединяющая разные политические и социальные силы цель – борьба за политическую власть внутри страны. Но такая борьба отнюдь не является исключительной причиной гражданских войн, поскольку она ведется и мирными средствами, в мирное время. Другим общим признаком гражданских войн является колоссальная социально-экономическая дифференциация в обществе, рост нищеты на одном его полюсе и богатства – на другом. Имущественное расслоение предваряет гражданские войны и становится одной из их причин, когда объявляется «мир – хижинам, война – дворцам». Тем самым появляется еще одна цель, объединяющая массы, – передел национального богатства, собственности, доходов. В ходе гражданских войн часто сталкиваются сторонники и противники национализации земли, капиталов, предприятий и т. д. Под лозунгами социальной справедливости различные социальные силы в ходе гражданской войны осуществляют колоссальный передел национального богатства.

Еще одним общим для всех гражданских войн признаком является идеологическая непримиримость. Наличие различных идеологий, религий, культур оказывается порой связано с националистическими проявлениями, дискриминацией этнических меньшинств, представлениями о расовом превосходстве. Эти обстоятельства ничуть не меньше, чем названные выше, способствуют обострению социальной нестабильности и ее перерастанию в гражданские войны.

Не стоит сбрасывать со счетов и так называемый фактор демократии. Именно в демократических и светских странах в XX в. усиливается угроза распространения гражданских войн. Война за независимость басков в Испании, курдов в Турции,

Ольстера против Лондона – это точно такие же гражданские войны, как и в других странах. Только с поправкой на новую реальность: с активным использованием всего доступного арсенала террористических и информационных технологий.

Симптоматично, что в Великобритании Шотландия проголосовала за суверенитет, Уэллс – за создание собственного независимого парламента и т. д. В Италии о независимости мечтает Венеция, в Испании до массовых уличных протестов и столкновений с полицией на почве сепаратизма дошла Каталония…

Будем ли мы в дальнейшем свидетелями «цивилизованного развода» в этих демократиях, сохранят ли они свою целостность мирными политическими средствами или мы станем очевидцами нового вида гражданской войны в XXI столетии, покажет будущее.

«Парад суверенитетов» (как в конце прошлого века называлось стремление собственных национальных республик к выходу из состава Российской Федерации), борьба малых народов в других странах за независимость в условиях демократии также как и в условиях тоталитаризма создают не менее опасные условия для перерастания социальных противоречий в гражданские войны. И суть этой угрозы – национализм, который несет в себе опасность «превращения привязанности к своему в ненависть к чужому» [14, с. 81].

Гражданская война – это самая острая фаза непримиримого конфликта объективных интересов разных социальных, политических и этнических сил, которая превращается в вооруженную борьбу между его участниками.

Вместе с тем гражданские войны несут на себе и специфические черты, отличия, обусловленные как разным уровнем политического и социально-экономического развития различных стран и цивилизаций, так и соотношением экзогенных и эндогенных факторов. Например, освободительное движение во многих странах, направленное против колониализма, можно рассматривать как своеобразные гражданские войны, поскольку они также осуществлялись в ситуации общественного раскола и жесткого противостояния разных политических и социальных сил. Уместно вспомнить и о том, что отдельные гражданские войны в средневековой Европе тоже были вызваны «всего лишь» религиозными причинами, а со временем превратились в масштабные «разборки» между соотечественниками. Поэтому идеология (неважно, религиозная она или светская) часто оказывается ничуть не менее важной доминантой гражданских войн, чем политика или экономика.

Данные примеры свидетельствуют о том, что соотношение общего и особенного в феномене гражданской войны может быть различным. Но, помимо этого, интересен и сам характер возникновения гражданских войн.

Гражданские войны возникают не всегда во время политических кризисов и противостояний. Причинами таких войн могут быть и эпидемии, пандемии, голод и т. п. Гражданские войны могут вспыхивать неожиданно и столь же быстро заканчиваться. Но в других случаях их причины могут созревать медленно, подспудно, и длиться они могут годами, а то и десятилетиями. Примерами таких войн в XX веке могут служить гражданские войны в России (1918–1920), Югославии (1991–1999), Испании (1936–1939) и др. Из более ранних примеров – гражданская война в США (1861–1865), Крестьянская война в Германии (1524–1526) и др.

Необходимо различать основные и второстепенные причины гражданских войн. Основными причинами могут быть либо религиозные противоречия, либо поли-

тические расхождения (например, династические конфликты или разное отношение к рабству), либо экономические проблемы (нищета, массовая безработица и т. д.), либо иностранная интервенция. По большому счету, именно эти причины лежали в основе подавляющего числа гражданских войн в разных странах.

Но необходимо учитывать и так называемые «второстепенные» причины гражданских войн: дискриминацию отдельных категорий населения, девальвацию традиционных ценностей, расовую, этническую и иную сегрегацию и т. д. Апартеид, например, может стать точно такой же «побочной» причиной гражданской войны, как и массовая коррупция в государственном «аппарате».

Период Смуты в истории нашей страны исследователи обычно не называют гражданской войной, поскольку формально такие войны происходят вроде бы только в так называемом «гражданском обществе», т. е. в условиях определенных политических и социальных свобод. Но это – формальный подход к пониманию сущности гражданской войны. Дело в том, что гражданская война – это война не только свободных граждан, это война «всех против всех». Она приобретает тотальный характер, когда сын идет против отца (пример Павлика Морозова) и т. д. Активное участие в ней могут принимать (и принимали) и другие категории населения: рабы, колонисты, иностранные легионеры, иностранные интервенты (вооруженные силы других стран) и т. д. Тем самым гражданская война приобретает своеобразный гибридный характер (не только в технологическом, но и в социальном аспекте).

Этот гибридный характер проявляется и внешне, в сочетании гражданской войны и революции. Если власть в какой-либо стране имеет серьезную поддержку внутри или извне, то шансы на перерастание революции в гражданскую войну возрастают. И, наоборот, если правительство в той или иной стране такой серьезной поддержки не имеет, а власть полностью изжила себя, то революция заканчивается быстро и без гражданской войны. Примером ситуации, когда то или иное правительство, полностью утратившее поддержку среди собственного народа, длительное время сохраняет власть за счет внешней поддержки, могут служить революция и гражданская война на Кубе в 1953–1958 гг. При поддержке США режим Ф. Батисты смог продержаться с начала революционных событий (1953) до конца 1958 г.

Другой пример подобного рода – раскол страны извне, когда создается искусственный плацдарм для начала гражданской войны. Иллюстрацией такого «механизма» подготовки гражданской войны может служить организация сепаратных «выборов» в Сайгоне, когда, вопреки Женевским соглашениям, США в 1956 г. поддержали южновьетнамскую клику и отказались допустить общенациональные выборы [15, с. 203]. Южный Вьетнам постепенно стал превращаться в одну большую американскую военную базу. А затем последовали известные трагические события.

Современный конфликт в Украине между киевской властью и Донецкой и Луганской республиками – это пример гибридной гражданской войны нового типа. Поэтому далеко не все исследователи соглашаются называть этот конфликт гражданской войной. Хотя, по существу, никакой принципиальной разницы между нынешней гражданской войной в Украине и той же гражданской войной XIX в. в США нет. В Америке 24 северных штата выступили против 11 южных шта-

тов, одной из причин конфликта стало нежелание последних отменить рабовладение. Другой причиной стали приверженность северных штатов к федерализму, а южных – к конфедеративному устройству государства. В мировой истории это событие получило название войны Севера против Юга, или войны против рабства. В Украине идет война Запада и Востока, но она тоже война против рабства, поскольку лишать коренное население права говорить на родном языке – это изначальная форма рабства. Да и дилемма «федерация – конфедерация» в этой стране отнюдь не снята с повестки дня.

Главной причиной гражданской войны в Украине стало то, что «центральное правительство» выступило вооруженным способом против нескольких областей (части собственного народа), не пожелавших отказаться от русского языка и не захотевших проводить русофобскую политику. Напомним, что среди них изначально были Харьковская, Одесская, Херсонская, Николаевская, Луганская и Донецкая области и Автономная Республика Крым. В первых четырех областях с помощью кровавых разборок киевская власть пока удержалась. Но в трех остальных субъектах Украины она эту власть потеряла. Крым перешел в результате народного волеизъявления в состав Российской Федерации. Судьба Донецкой и Луганской областей пока окончательно не решена. На наш взгляд, в силу откровенного саботажа Минских договоренностей со стороны Киева, можно предположить, что единственным выходом из затянувшегося кровавого конфликта для жителей Донецкой и Луганской областей станет их вхождение в состав России. Либо в случае смены агрессивного националистического режима в Киеве их сохранение в составе обновленной, федеративной, добрососедской Украины. Третьего просто не дано. Надежды зачистить восточные регионы Украины силовым путем и таким образом завершить гражданскую войну не получится.

Рост националистических и русофобских настроений что в США, что в Украине – общее место. Этот рост, по существу, ультраэкстремистских настроений отнюдь не новость. Политика, как и экономика, имеет циклический характер развития. Вспомним о том, что еще в 60-х гг. XX в. в США наблюдался небывалый рост подобных настроений, приведший мир к Карибскому кризису. «Этот рост был порожден сложным переплетением социально-экономических, политических, социально-психологических факторов внутри страны, а также коренными изменениями на международной арене. Благоприятную атмосферу для распространения ультраправых настроений создавала общая моральная деградация американского общества, ведущая к росту цинизма и жестокости, расистским и шовинистическим предрассудкам, что облегчало многим неустойчивым элементам поворот на право» [16, с. 138]. Сегодня все это повторяется в Украине. Правильно говорят в народе: «с кем поведешься, от того и наберешься».

А ценой таких трансформаций может стать не только гражданская война, но и распад и даже гибель конкретного государства, утрата им собственной территории. Практика перехода отдельных территорий в ходе гражданской войны к другим государствам вполне тривиальная. Напомним, что по Брест-Литовскому мирному договору 1918 г. Россия вынуждена была передать Германии огромные территории. Но этот договор просуществовал с марта по ноябрь 1918 г., ровно до тех пор, когда в самой Германии не началась революция. Вскоре отданные территории были Россией возвращены. Точно так же могут развиваться и события в

современной Украине, которая потеряет свои восточные территории. Вопрос – навсегда или на время – будет зависеть от политики самой украинской власти и воли населения указанных территорий.

Кстати, в отличие от современной киевской власти, Советское правительство в 1918 г. в тяжелейшей для себя обстановке не только полностью выполнило условия крайне тяжелого для нее договора, но и продемонстрировало свои мирные намерения. Руководитель российской делегации на этих переговорах Л. Д. Троцкий, ярый сторонник мировой революции и милитаризма, тем не менее заявил: «Мы выходим из войны. Мы извещаем об этом все народы и правительства. Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий» [17, с. 150].

История свидетельствует о том, что если стороны не могут договориться в решении назревших кризисных противоречий и не приходят к согласию по поводу политических ценностей, то тогда вооруженная борьба внутри общества неизбежна. Проведем еще раз исторические параллели. В период Гражданской войны в США северные и южные штаты тоже надеялись на помощь извне: первые – на поддержку аболиционистов в стане противника; вторые – на помощь Англии (премьер Пальмерстон) и Франции (император Наполеон III). В этом не было ничего удивительного, поскольку, несмотря на все противоречия между Англией и Францией, у них был общий интерес в Новом Свете, который они воспринимали как колонию (источник сырья и даровой рабочей силы). Именно поэтому для американских судов еще с начала XIX в. действовал режим наибольшего благоприятствования даже в условиях знаменитой континентальной блокады со стороны Франции в отношении Великобритании. Еще в 1809 г. Наполеон I объявил, что «всякое американское судно, не осмотренное англичанами и не побывавшее в Англии, будет хорошо принято во французских портах» [18, с. 330].

Исторические параллели обнаруживают определенную схожесть и даже закономерность между событиями XIX и XXI столетий. В прошлом из-за колоний две крупнейшие европейские страны ввели санкции в отношении друг друга. Континентальная блокада – это такая же опция, как современные санкции, которые США и их европейские союзники пытаются использовать из-за конфликта в Украине по отношению к России. И делается это для того, чтобы дестабилизировать ситуацию внутри страны, вызвать недовольство населения властью, добиться утраты поддержки и доверия со стороны населения в отношении органов власти. К чему это может привести в дальнейшем – вопрос риторический.

Различие «в механизме расшатывания ситуации» прежде и теперь до смешного мало: в прошлом соперники рассчитывали на аболиционистов, сегодня – на коллаборационистов. Меняются только термины и технологии. Суть остается прежней. Тем самым мы имеем зеркальное повторение давних событий с поправкой на новую реальность.

Анализ исторического опыта гражданских войн позволяет сделать два основных вывода.

Во-первых, гражданские войны при всем многообразии причин и факторов, которые их опосредовали, связаны с главным обстоятельством, которое мы назвали бы «утратой доверия» населения к власти.

Понимание значимости этого фактора в сохранении социальной стабильности имеет ключевое значение. Ведь в конечном счете «даже главный закон страны –

Конституция – в любом государстве олицетворяет собой доверие, которое граждане испытывают к власти» [19, с. 525].

Доверие – это ключевой фактор, детерминирующий социальный мир и социальную стабильность. Ведь все мы нуждаемся в таком доверии. Человек, покупающий продукты питания в магазине, по сути дела, доверяет производителю и продавцу свою жизнь или по крайней мере свое здоровье. Пассажир, садящийся в самолет, поезд, автобус или такси, доверяет свою жизнь экипажу или водителю, надеясь, что они не сумасшедшие и не будут рисковать собственной жизнью, не захотят убить пассажира. Точно так же в аптеке, больнице, на производстве и т. д. Точно так же и в суде, в полиции, в других государственных учреждениях.

Когда граждане сталкиваются в таких учреждениях с откровенным равнодушием, непрофессионализмом или, что еще хуже, с коррупцией, с несправедливостью, доверие к власти стремительно падает. Это, свою очередь, вызывает нарастание социальных отклонений (девиацию, деликвентность, оппозицию и т. д.). В начальной фазе этого процесса государство успешно справляется с такими отклонениями, но они все равно подтачивают государство, ослабляют его, ведут к росту трансакционных затрат на осуществление властных полномочий и другим негативным последствиям. А затем начинается то, что во все времена и во всех странах называлось кризисом власти.

Поэтому утрата доверия – это начало будущей гражданской войны. Пускай она, эта утрата, начинается с малого, с конфликта интересов между двумя или несколькими субъектами деятельности. Но нарастание такой утраты, хочет это признавать кто-то или нет, уже есть прямой путь к гражданской войне как таковой со всеми ее последствиями.

Утрата доверия в повседневности вполне может со временем перерасти (и перерастает) в утрату доверия к власти, которая эту самую повседневность позволяет ухудшать либо ухудшает сама. Отрываясь от народа и принимая волюнтаристские решения (неважно, о сносе ли телебашни в центре конкретного мегаполиса или о повышении подоходного налога в стране), власть противопоставляет себя народу и нарушает тот самый «общественный договор», о котором когда-то писал Ж.-Ж. Руссо.

Какие бы информационные технологии и рекламные акции ни использовала власть для возврата доверия к себе (а она порой даже этим не озабочена), вернуть доверие несоизмеримо сложнее и труднее, чем его потерять. И, по большому счету, неважно, является ли доверие результатом рационального выбора или религиозного навыка, главное состоит в том, что «доверие является основой благополучия личности и общества» [20, с. 69].

Во-вторых, все гражданские войны начинаются с утраты властью собственной социальной ответственности. Чудовищной квинтэссенцией такой утраты становится психология, согласно которой лес рубят – щепки летят. Будь то классовая вражда в истории нашей страны за истекшее столетие или колоссальное социально-экономическое расслоение в современном российском обществе, все это является свидетельством девальвации социальной ответственности со стороны тех или иных представителей власти. Выступая от имени государства, отдельные его представители превращаются в бюрократию, которая монополизирует функцию власти и формирует собственную политическую экономию, реализует (максими-

зирует) собственные (отнюдь не государственные и не общенародные) интересы [21, с. 477–478].

Власть, если она в своем нравственном и социальном развитии переживает такую метаморфозу дегуманизации, обрекает себя, общество и страну на гражданскую войну. И хотя такие войны называются гражданскими, их единственным виновником и модератором является сама государственная власть. Следует отметить, что, к сожалению, «рост индустриальных государств привел к систематической монополизации насилия, перевоплощению его в закон» [22, с. 66]. Несоответствие норм закона высшим духовным ценностям человеческого бытия – факт, не требующий каких-то дополнительных доказательств. Но от этого проблема не перестает быть острой. Власть и закон в современных условиях нуждаются в серьезной гуманизации. Без нее социальные конфликты со временем будут только обостряться. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

Библиографический список

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: пер. с англ. М.: АСТ, 2003. – 603с.
2. Стожко Д.К., Благодатских В.Г. Роль западных держав в революционных событиях 1917 года (К 100-летию Октябрьской революции в России) // Ученые записки Курского государственного университета. Электронный журнал. 2017. № 4(44).С.36-42.
3. Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888-1938. М.: Прогресс, 1998. – 574с.
4. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Панорама,1991. – 624с.
5. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927. В 4-х т. М.: Терра – Terra, т.1, 1990. – 256с.
6. Голдин В.И. Гражданская война в России и на Русском Севере: поиски новых подходов в изучении и перспективы исследования // Европейский Север в судьбе России. Сб. ст. Мурманск: Изд-во МГПУ, 2006. С.66-75.
7. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. В 2-х т. Барнаул: Алтайское книжное изд-во. Т.1. – 576с.
8. Булдаков В.П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОСПЭН, 1997. – 968 с.
9. Успенский В.Д. Тайный советник вождя. В 2-х т. М.: Прометей, 1989. Т.1. – 308с.
10. История России сначала XIX века до начала XXI века / ред. А.Н. Сахаров. В 2-х т. М.: Астрель, 2005.Т.2. – 862с.
11. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М.: РОСПЭН, 2001. – 632с.
12. Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: РОСПЭН, 1997. – 209с.
13. Сенявская Е.С. Психология войн в XX веке: Исторический опыт России. М.: РОСПЭН, 1999. – 347с.
14. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М.: Эксмо, 2002. – 512с.
15. Громыко А.А. 1036 дней президента Кеннеди. М.: Политиздат, 1969. -280с.
16. Никонов В.А. От Эйзенхауэра к Никсону. Из истории республиканской партии США.М.: Изд-во МГУ, 1984. – 288с.
17. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. – 447с.

18.Тарле Е.В. Континентальная блокада // Тарле Е.В. Сочинения. В 12 т. Т.3. М.: АН СССР, 1958. – 654с.
19.Бурстин Д. Американцы: Национальный опыт: пер. с англ. М.: Прогресс, 1993. – 624с.
20.Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М.: АСТ, 2004. – 730с.
21. Нисканен В. Особая экономика бюрократии // Вехи экономической мысли. Т.4. Экономика благосостояния и общественный выбор. СПб.: Экономическая школа, 2004. С.477-494.
22. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: пер. с англ. М.: АСТ, 2003. – 669с.

Глава 4. Диалектика развития советского общества

Исполняется 100 лет со дня рождения государства, которое, как казалось многим «людям доброй воли» планеты Земля, не будет иметь конца. Которое будет укрепляться и развиваться, но которое, как пишет в книге «СССР – империя добра» С. Кремлев, «совершив немотивированное цивилизационное самоубийство, прекратило существование на семидесятом году своей жизни. Это государство, юридически образованное 30 декабря 1922 года в Москве, имело самое человечное и доброе в мировой истории название – Союз Советских Социалистических Республик. Кратко – СССР» [1, с. 11–12]. Это государство имело самый красивый в мире миролюбивый герб, сохранившийся ныне в монументальной лепке на улицах наших городов, в оформлении залов старых дворцов культуры. Автор С. Т. Брезкун скрылся за красивым псевдонимом, но в книге он утверждает, что секрет бурного роста СССР – в доверии и уважению к Человеку Созидающему, а не торгующему, в ставке страны на мысль и труд. И лишь в Стране Добра христианский завет «Человек создан, чтобы возделывать и хранить сад земной» [2] реализовался в полной мере.

С. Кремлев пишет: «Это было написано давно в книге, тоже давно доступной всем. Но лишь в Стране Добра этот христианский завет стал реальной общественной и государственной нормой. Лишь Страна Добра поняла, подняла и возвысила до высот общенациональной фигуры великого Садовника, возделывателя и преобразователя вселенского Сада по имени Земля. Сегодня этот сад загаживается силами Зла, Беззакония и Глупости. Но он все еще существует и ждет своих подлинных хозяев. Они будут относиться к жизни не бездумно, не скотски и не хамски. Они будут жить, понимая, что жить надо, всю жизнь совершенствуя в себе непростую профессию, которая только в СССР – Стране Добра – стала *массовой*. Профессия быть человеком!» [3, с. 477]

Поскольку Страна Добра в ходе холодной войны была объявлена империей зла, то обитатели Мордора должны были получить некий смысл своего существования. Дело обстояло так, как описал Л. М. Млечин эти слова Р. Рейгана: «Советский Союз – это империя зла! Я уверен, что русский народ – дружелюбный. Симпатичный, теплый народ. Но система – варварская!» Далее при проверке уровня звука во время подготовки обычного субботнего радиообращения он сказал, и эти слова вышли в эфир, так что возник международный скандал: «Я только что подписал распоряжение, объявляющее Советский Союз вне закона» [4, с. 750]. А так как буржуазное общество в принципе не способно дать ответ на вопрос о смысле жизни, кроме войны и смерти, Сталин и СССР для бывших советских людей-творцов становятся одними из самых популярных символов, которые нынешние буржуазные власти в стране пытаются использовать, ставят себе на службу. Перед каждым человеком в этом новом с 1991 г. обществе стоят вопросы, вывешенные много лет назад публицистом Ю. И. Мухиным в качестве заставки его сайта: «Зачем ты живешь? В чем смысл твоей жизни? Работа, еда, сплетни и попса в телевизоре или интернете, секс, снова работа, в отпуск – фотография под пальмой в Египте. Денег еще больше – еда дороже, экран шире, секс разнообразнее, фотография под пальмой на Канарах. Умрешь через 50 лет или умрешь завтра, а что изменится? Зачем живешь?» [5]

И. В. Сталин и СССР – один из самых популярных рефренов в тематике «охранительских» средств массовой информации. Практически все принадлежащие правящему классу СМИ такую «охранительскую» линию, естественно, проводят. Но она сводится к тому, что сегодняшняя эпоха прямо наследует сталинскую, что в Кремле работает чуть ли не продолжатель дела И. В. Сталина. Наконец, что у нас строится социализм с «другим лицом», что И. В. Сталин был борцом за рыночную экономику и что в своей работе «Экономические проблемы социализма в СССР» он оправдывал такие категории, как прибыль, частный капитал, строительство артелей.

Вся эта «политэкономическая» и «политологическая» (а точнее было бы сказать – публицистическая) мешанина используется не столько для дискредитации наследия И. В. Сталина, хотя и это происходит, но и для того, чтобы отвлечь людей от изучения того, кем И. В. Сталин на самом деле являлся, и еще скорее – для того, чтобы укрепить шатающийся авторитет самой власти.

Тем самым утверждается в обращении к массам, что вам не за что бороться, социализм и так есть, границы расширяются. И. В. Сталин тоже расширял границы, и он уничтожал врагов советской власти, и президент уничтожает врагов власти, а если ты не согласен с такой метафорой, то как троцкист заслуживаешь ледоруба или современного ускоренного судопроизводства как иностранный агент. В итоге вся эта публика начинает клеймить тех, кто на самом деле пытается разобраться в идеях и делах Ленина и Сталина, думает о преемственности двух эпох, клеймить их теми же терминами, какие использовала прежде «охранительская» монархическая и кадетская печать перед Октябрьской революцией. Мы становимся то агентами кайзера Вильгельма, то иудушками на содержании иностранного капитала, а в итоге в свете «охранительства» царского и капиталистического типа становимся предателями Отечества, которое сегодня прямо или косвенно объявляется сталинским. Любому логически мыслящему, классически образованному в советских традициях человеку ясно, что все это – надувательство и передергивание, которое называется особо нахальным «хайпом» или «лапшой» в пропаганде.

Но есть и немало тех в нашем народе, кто верит в это по-настоящему, отсюда и люди, носящие футболки, где изображен Сталин чуть ли не в обнимку с Путиным. Отсюда – мифологизация этого образа, лубочный культ вождя прошлого. И, конечно, вождя настоящего. А есть люди (и их много), которые, продавая такие футболки в интересах своего бизнеса, ненавидят И. В. Сталина. В первую очередь это представители имущих классов, у которых любое упоминание И. В. Сталина и советской власти вызывает судорожный страх потерять награбленное, потерять то, что было ими приобретено. Есть молодежь неразумная, которой наша развваленная система образования промывает мозги, и есть сравнительно небольшое число мыслящих, читающих людей, понимающих, что к чему, старающихся дойти до всего собственным умом и имеющих личный трагический опыт 90-х или по крайней мере просмотревших все 44 серии документального проекта ТНЦ «Девяностые».

В. И. Ленин побеждал, когда действовал диалектично

Материалистическая диалектика – революционный дух марксизма. Эта субъективная диалектика понятий и категорий отражает объективную диалектику рево-

люционного развития истории и медленного развития природы. Советская цивилизация как система власти советов строилась на базе марксистской идеологии, однако объективная диалектика истории привела к тому, что в реализации проекта коммунистического общества от классического марксизма эпохи домонополистического капитализма мало что осталось. Сегодня ортодоксальные марксисты во второй раз хотят войти в одну и ту же реку, не видя, что река другая и «людская вода» трансформирующегося общества от доиндустриального в индустриальное, из феодально-буржуазного капиталистического в империалистическое и революционным путем в социалистическое давно «утекла» и никогда не вернется. Идеология марксизма была жива в человеческих порывах масс при В. И. Ленине и И. В. Сталине. Но эта вера умерла в душах после прихода к власти троцкиста Н. С. Хрущева, который обнародовал утопический проект построения коммунизма за 20 лет и тем самым вызвал массовое отторжение населения планеты от всех мифов классической марксистской «науки» – от победы коммунизма во всем мире, диктатуры пролетариата, перманентной революции. Н. С. Хрущев расстрелял выступления рабочих в Новочеркасске и тем самым продемонстрировал, что государство пролетарской диктатуры изменило свой классовый характер: оно на деле стало государством буржуазной диктатуры.

В результате сразу после свержения Н. С. Хрущева при введении в вузах обязательного государственного экзамена по научному коммунизму с 1965 г. стало понятно, что студенты экзамен сдают. Интеллигенты позднее ставили вопрос радикально, отвергая весь опыт социалистического строительства: «Маркс выдвинул бредовую идею об особой миссии пролетариата, которая не подтвердилась нигде и ни при каких условиях. Может ли быть гением человек, обществовед, основной постулат которого оказался ложным?» [6, с. 57]

Они встали на буржуазные позиции и уверяли, вслед за идеологами буржуазии, что в XX в. произошло несколько десятков революций и ни в одной из них даже не вставал вопрос о диктатуре пролетариата, тем самым закрывали глаза на сохранившуюся и развивающуюся в Азии мировую систему социализма. Но тут бывают совершенно неожиданные повторы истории, как это было с рейтингом политиков (Н. Чаушеску, С. Хусейн) или веры в императора (300-летие династии Романовых, отпразднованное в 1913 г.): в один день все может обрушиться. Если в России сегодня 5 % населения считают себя истинно верующими православными, то напрасно отдельные представители ряда политических партий и группок думают, что в марксистский коммунизм у нас верят больше, чем в Христа.

Вера эта уже мертва, поскольку противоречит законам философии, истории, политики и даже самой религиозной вере. Идеологи классического марксизма хотели бы пропагандировать свои взгляды и дальше, как хитрые образованные оппортунисты, призывая к экономической борьбе, сокращению рабочего дня, повышению заработной платы, овладению стратегией забастовочной борьбы по правилам буржуазного законодательства. Но даже священнослужители христианских приходов давно не претендуют на такое целостное и длительное управление своими прихожанами, ибо поняли, что все живут в век науки и всеобщей информатизации. Это значит, что нужно знание законов истории, умение практически применять эти законы для реализации действия прогрессивных сил общества, навыки отделять случайность от необходимости, форму от содержания. Вопрос о социальной

истине и ее практическом применении – один из наиболее сложных в философии истории. Истина часто превращается в ложь и перемежается со слепой верой. Для ортодоксальных марксистов К. Маркс – гений, и он ни в чем не ошибался, поскольку «учение Маркса всесильно, потому что оно верно».

Но левые интеллектуалы и коммунисты по призванию, а не по той или иной партии знают, что общество и его диалектику следует познавать, используя всю совокупность социальных наук, и поклоняться следует знанию, а не вождям широкого спектра левых партий и движений. В сущности, все 55 томов сочинений В. И. Ленина были полемикой с представителями левых сил. С правыми, кадетами, монархистами он не спорил. С самого начала борьба шла именно в левой части политических сил, и В. И. Ленин начал переубеждение своих товарищей с критики народников, если вспомнить его замечательный крупный труд «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов». Он был написан в ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов. А далее В. И. Ленину было просто на протяжении эволюции своего мировоззрения выделять «две тактики социал-демократии в демократической революции».

В далеком 1899 г. В. И. Ленин закончил работу над книгой «Развитие капитализма в России» и сразу же, применяя диалектику к пониманию исторического развития России, обнаружил специфику России. Вместе с тем он подтвердил главный вывод марксизма о том, что капитализм неуклонно развивается, порождает противоречия, а отсюда всего шаг до социалистической революции. Сегодня нам пытаются внушить, что в 1917 г. революция произошла случайно, что сбили Россию с развития, что это результат заговора. На самом деле мы можем считать в духе ленинизма, что это вершина развития всей русской цивилизации, запрограммированная всем ходом истории.

Эти рассуждения о случайности и заговоре говорят о полном непонимании такого философского направления, как диалектика. Неслучайно молодой К. Маркс написал докторскую диссертацию по философии, избрав тему «О различии между натурфилософии Демокрита и натурфилософии Эпикура». Главным тут является вопрос о случайности и закономерности, и то, что сегодня называют случайностью, на самом деле непознанная закономерность, это отсутствие понимания того, как разворачиваются экономические и политические процессы. Случайное может, как рассуждал К. Маркс и вслед за ним В. И. Ленин, ускорить ход политического процесса, может замедлить, но оно не может его отменить. То же касается и государственного переворота, противопоставляемого революции: это или глупость, или провокация, и люди рассуждающие прекрасно понимают, что революция – это смена модели в отличие от переворота. В. И. Ленин обосновал позицию, что чем более в стране развит торговый и ростовщический капитал, тем менее в ней развит промышленный капитал. Вместе с тем эту работу В. И. Ленина нельзя применить к современной ситуации в России, поскольку у нас уже был социализм, а для В. И. Ленина в отсталой царской России в тот момент капитализм был прогрессивным будущим для страны и Европы. Значит, и нам в понимании советской власти и революции нужно исходить из позиции В. И. Ленина, а не из современных соображений.

Приведем пример из книги о развитии капитализма В. И. Ленина, где он описывает отсталый, удаленный от центра Урал с примитивным сплавом продукции

заводов по рекам. Для такого региона капитализм был бы прогрессом: «Главной причиной застоя Урала было крепостное право; горнопромышленники были и помещиками и заводчиками, основывали свое господство не на капитале и конкуренции, а на монополии и на своем владельческом праве» [7, с. 485–486]. И далее через несколько страниц своей выдающейся работы он дает общую картину Урала: «Итак, самые непосредственные остатки дореформенных порядков, сильное развитие отработков, прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и хищнически-первобытная эксплуатация природных богатств края, монополии, стеснение конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени – такова общая картина Урала» [8, с. 488].

Смысл этого описания в том, что В. И. Ленин в тот момент боролся с «легальными марксистами» в духе Э. Бернштейна, которые утверждали, что капитализм ныне не тот «дикий капитализм», который описывал К. Маркс, и капитализм сам без революции разрешает свои проблемы путем культурного развития. Очень напоминает посылы К. Шваба с Давосского форума 2021 г. о новом «инклюзивном капитализме» вместо старого «эксклюзивного». Действительно, сегодня происходят фундаментальные перемены, как это было при переходе капитализма в высшую стадию развития – империализм. Сегодня упраздняется глобальный рынок, конкуренция, политические свободы, наступление на права человека идет повсеместно. Это объясняется тем, что появляются новые технологические возможности, которых не было прежде: «нонеча не то, что давеча», как говорили русские крестьяне.

С. Г. Кара-Мурза в первой главе «Развитие капитализма в России: как изменялись взгляды Ленина» первого тома своего фундаментального труда «Советская цивилизация» показывает, что «История труда „Развитие капитализма в России“ – драма культуры». Однако мы должны настаивать на том, что эволюция взглядов Ленина шла под воздействием его диалектического метода. Ведь именно это и описывает С. Г. Кара-Мурза: «Труд написан великим мыслителем и одновременно великим политиком – с большой интеллектуальной силой и со страстью. Это сочетание определило убедительность, мощь и длительность воздействия труда – и в то же время глубокую противоречивость этого воздействия. *По сути, этот труд завершил построение философско-политической парадигмы, в рамки которой была введена общественная мысль первой трети нашего века и которая в суженном виде была перенесена в официальную советскую идеологию. Появление парадигмы – революция в мышлении, она всегда дает поначалу большой толчок развитию, приводит к расцвету мысли. Как говорится, даже ошибочная теория лучше, чем никакой теории вовсе. Если есть теория, можно формулировать вопросы и ставить эксперименты (хотя бы мысленные).

Но слишком жесткая теория быстро начинает давить мысль и накладывает шоры, особенно если не появляется мыслителей такого же ранга, способных поставить под сомнение, а потом опровергнуть утверждения, ставшие догмой. Ленин как политик затвердил достроенную им парадигму слишком жестко – в ущерб себе как ученому. И попал в тяжелое положение: жизнь быстро стала опровергать выводы его труда, но созданная Лениным партия стала расти и набирать силу именно на основе теории, идеологии и языка, заданных этим трудом.

В начале века марксизм в России стал больше чем теорией или даже учением: он стал формой общественного сознания в культурном слое. Поэтому Ленин как политик мог действовать только в рамках „языка марксизма“, отступая ради этого даже от Маркса. И Ленин совершил почти невозможное: в своей мысли и в своей политической стратегии он следовал требованиям реальной жизни, презирая свои вчерашние догмы, но делал это, не перегибая палку в расшатывании мышления своих соратников. Приходя шаг за шагом к пониманию сути крестьянской России, создавая „русский большевизм“ и принимая противоречащие марксизму стратегические решения, Ленин сумел выполнить свою политическую задачу, не входя в конфликт с общественным сознанием. Ему постоянно приходилось принижать оригинальность своих тезисов, прикрываться Марксом, пролетариатом и т. п. Он всегда поначалу встречал сопротивление почти всей верхушки партии, но умел убедить товарищей, обращаясь к здравому смыслу. Но и партия сформировалась из тех, кто умел сочетать „верность марксизму“ со здравым смыслом, а остальные откалывались – Плеханов, меньшевики, Бунд, троцкисты.

Для собирания России после Февраля 1917 г. оказалось жизненно важно, что Ленин в ходе революции 1905–1907 гг. и реформы П. А. Столыпина (1906–1911) понял ошибочность главных выводов труда „Развитие капитализма в России“. В чем же драма? В том, что не поняли и не задумались мы – и в результате „не знали общества, в котором живем“. Так позволили его погубить и вновь разорвать Россию. Легко было бы оправдаться: виноваты ошибочные выводы Ленина и то, что он явно от них не отказался. Но принять такого оправдания нельзя» [9, с. 11–12].

Получалось, что сам К. Маркс оказался в замешательстве от перспектив развития России и судьбы крестьянской общины. Поскольку К. Маркс не застал Великий Октябрь, он в ответ на письмо В. Засулич заранее пытался выявить специфику России в разрезе судьбы большинства населения – общинных крестьян. К. Маркс, ссылаясь на десятилетие возвращающейся нервной болезни, достаточно долго и основательно готовил ответ русской корреспондентке. Письмо от нее он получил 16 февраля, а ответил 8 марта 1881 г. Имеется три варианта его ответа в виде подробнейших набросков, и каждый из них крайне интересен. Укажем окончательный сверхкраткий ответ в несколько строк, в котором Маркс, по сути, блестяще предсказал возможности развития русского социализма, крах крестьянского социализма, столыпинщину и возможности появления советской власти, то есть союза с пролетариатом при наличии определенных условий.

Он пишет В. И. Засулич: «Анализируя происхождение капиталистического производства, я говорю: „В основе капиталистической системы лежит, таким образом, полное отделение производителя от средств производства... основой всего этого процесса является экспроприация земледельцев. Радикально она осуществлена пока только в Англии... Но все другие страны Западной Европы идут по тому же пути“. Следовательно, „историческая неизбежность“ этого процесса точно ограничена странами Западной Европы. Причины, обусловившие это ограничение, указаны: „Частная собственность, основанная на личном труде ... вытесняется капиталистической частной собственностью, основанной на эксплуатации чужого труда, на труде наемном“. В этом, совершающемся на Западе процессе дело идет, таким образом, о превращении одной формы частной собственности в другую

форму частной собственности. У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, превратить их общую собственность в частную собственность.

Анализ, представленный в „Капитале“, не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины» [10, с. 250–251].

И по случаю четырехлетия Советской власти на собрании рабочих Прохоровской мануфактуры 6 ноября 1921 г. В. И. Ленин произносит сверхкраткую речь: «Оглянувшись на истекшие четыре года, мы видим, что ни один пролетариат в мире, кроме русского, не одержал полной победы над буржуазией. Если же это удалось нам, то только потому, что крестьяне и рабочие знали, что борются за свою землю и за свою власть. Война с Деникиным, Врангелем и Колчаком была первой в истории, когда трудящиеся успешно боролись со своими угнетателями. Вторая причина нашей победы – Антанта не могла бросить против России достаточного количества верных себе войск, так как солдаты Франции и матросы Англии не желали идти угнетать своих братьев.

Четыре года дали нам осуществление невиданного чуда: голодная, слабая, полуразрушенная страна победила своих врагов – могущественные капиталистические страны.

Мы завоевали себе невиданное, никем не предвиденное, твердое международное положение. Теперь остается еще громадная задача – наладить народное хозяйство. Все, чего мы достигли, показывает, что мы опираемся на самую чудесную в мире силу – на силу рабочих и крестьян. Это дает нам уверенность, что следующую годовщину мы встретим под знаком победы на фронте труда» [11, с. 234].

Повторим лейтмотив: «Все, чего мы достигли, показывает, что мы опираемся на самую чудесную в мире силу – на силу рабочих и крестьян». Эти слова выбиты на памятнике вождю на Площади 1905 г. в центре Екатеринбурга.

Базовое общепринятое марксистами и капиталистами определение капитализма (частная собственность на средства производства) не позволяет в начале XXI в. обуздать Китай, который, пользуясь свободной конкуренцией, вырывается вперед. Это значит, что вновь заработали открытые В. И. Лениным монополистические тенденции в работе «Империализм как высшая стадия капитализма», продолжающей книгу «Развитие капитализма в России». До сих пор капитализм выходил из своих кризисов путем войны и фашизации. Исключение исторически составляла Советская Россия, возникшая в революции и переходе к социалистическим методам управления.

В разделе «Укрепление общины как условие развития капитализма: взгляд из начала XXI века» С. Г. Кара-Мурза показывает, что В. И. Ленин повторяет ошибку К. Маркса относительно прогрессивной роли капитализма: «в России, в отличие от Западной Европы, капитализм в сельском хозяйстве и в целом в стране не мог вытеснить общину. И не только не мог вытеснить и заменить ее, но даже *нуждался* в ее укреплении. Иными словами, чтобы в какой-то части России мог возникнуть сектор современного капиталистического производства, другая часть должна была «отступить» к общине, претерпеть «архаизацию», стать более традиционной, нежели раньше. Образно говоря, капитализм не может существовать без более или менее крупной буферной «архаической» части, соками которой он питается.

Глобализация капитализма, которая началась с XVI века, привела к тому, что эту «архаическую» часть Запад смог в значительной степени вынести за пределы метрополии, господствуя над архаическими укладами, находящимися в заморских территориях – сначала в колониях, а потом в «третьем мире». Но Россия, не будучи колониальной империей, могла вести развитие капитализма только посредством архаизации части *собственного* общества. И прежде всего объектом этой архаизации стало крестьянство. Именно после реформы 1861 г., открывая простор для развития капитализма, само царское правительство укрепляет крестьянскую общину. И это вовсе не стратегическая ошибка, иначе и быть не могло.

В своем труде «Развитие капитализма в России» Ленин делает вслед за Марксом ошибку относительно прогрессивной роли капитализма в целом, в рамках всей системы «центр – периферия». Создавая в колониях анклавы современного производства, господствующий капитализм метрополии обязательно производил «модернизацию» остальной части производственной системы, даже уничтожая структуры местного капитализма. Это хорошо изучено на примере Египта и Индии» [12, с. 34–35]. В сущности, речь идет об удивительной сотканной диалектикой общественного развития картине, когда экономический прогресс сопровождается не сокращением сферы традиционного труда, но ее разбуханием.

Такого история еще не знала (и классики марксизма-ленинизма не наблюдали): как традиционный сектор становится сектором бедности и ремесленных форм труда, эксплуатации женского и детского труда, и все это мы видим сегодня во многих странах Латинской Америки. Выясняется, что даже само рабство и труд рабов, который не оплачивается капиталистом, выступает не пережитком, а продуктом капиталистического развития. Все это нам напоминает уборочные сельхозкампании студентов в советское время и труд солдат на генеральских дачах в Советской армии. Но извращения были всегда, в любой цивилизации. Важно иметь в виду масштабы таких деформаций.

В СССР история отчасти повторилась, как она повторяется и в буржуазной Российской Федерации. Новая экономическая политика или горбачевская перестройка – это тот же капитализм, но в рамках формального, официального социализма. Беда, однако, состояла в том, что российский капитализм изначально был периферийным. «Россия в конце XIX и начале XX века была именно страной *периферийного* капитализма. А внутри нее крестьянство было как бы „внутренней колонией“ – периферийной сферой собственных капиталистических укладов. Его необходимо было удержать в натуральном хозяйстве, чтобы оно, „самообеспечиваясь“ при очень низком уровне потребления, добывало зерно и деньги, на которые можно было бы финансировать, например, строительство необходимых для капитализма железных дорог. Крестьяне были для капитализма той „природой“, силы которой ничего не стоят для капиталиста. Именно там, в России, где сильнее всего чувствовался пресс вестернизации и модернизации, особенно усиливались традиционалистские взгляды и настроения» [13, с. 36]. Объективная диалектика истории оказалась сложнее субъективной диалектики мышления.

По сути, эволюция взглядов В. И. Ленина пошла в результате эволюции самой жизни, и это подтверждает С. Г. Кара-Мурза: «И в момент написания „Развития капитализма в России“, и даже в первый период после революции 1905–1907 гг. Ленин следовал европоцентристскому тезису о неизбежности прохождения

России через господство капиталистической формации. Отсюда вытекало, что и назревающая русская революция, смысл которой виделся в расчистке площадки для прогрессивной формации, должна быть революцией буржуазной» [14, с. 52]. Обнаружение того обстоятельства, что капитализм – это система-кентавр, позволила сравнить две тактики социал-демократии в демократической революции и выдвинуть тезис о перерастании буржуазной революции в революцию социалистическую, а значит, поменять представление о движущих силах революции.

Массу иллюзий испытывали всегда вожди самых прогрессивных революций: О. Кромвель и М. Робеспьер как вожди революции третьего сословия, В. И. Ленин как вождь революции четвертого сословия – пролетариата и массы беднейших крестьян. Большевики за три месяца до революции, когда их вождь писал «Государство и революцию» полагали, что после революции в России она начнется повсюду, но она не началась сразу, и выходило – ввязались в драку, не зная, что ждет впереди. Не додумались заранее до некоторых выводов. Но драться пришлось и в отличие от анархистов, сразу начавших строить безвластное общество, коммунисты взяли курс на создание нового классового государства и его укрепление.

Наибольшей опасностью для новой России были даже не наступавшие германцы (они могли и уйти, что случилось сразу после немецкой революции), а Антанта. Николай II и Временное правительство наделали миллиарды долгов, которые России вовек было не вернуть. Не явись большевики, Россию немедленно превратили бы в колонию – в сырьевую базу мировых империалистов. И только большевики смогли сказать – никаких долгов, никому, мир без аннексий и контрибуций! Стало понятно, что без страшной кровавой борьбы построение нового общества не произойдет, но, чтобы победить, пролетариату надо твердо брать власть в свои руки, крепить государство. Древнее население Европы – кельты – не имели государственности, исповедовали самоуправление, а анархию, их жрецы-друиды запрещали письменность, веря во власть живого слова. При столкновении с малочисленными (в десятки раз уступавшими кельтам), но блестяще организованными и дисциплинированными римлянами кельты были разгромлены и утратили свои земли. Впрочем, через столетия и Рим был разгромлен варварами, а анархическое мировоззрение надолго осталось миросозерцанием крестьянских масс, у которых в эксплуататорском обществе сильно развито буржуазное, собственническое начало. Этой стихией махновского вольного государства Гуляйполе можно было управлять только сильной рукой и желательно под руководством пролетариата. Система управления советского общества отличается даже в чрезвычайных обстоятельствах войн и бедствий масс. Сравним, как социальная организация обращается к людям: обращается по-человечески, как это сделал И. В. Сталин словами «братья и сестры», или, демократически рассуждая, как это делал сраженный полиомиелитом творец «нового курса» Ф. Д. Рузвельт в «радиобеседах у камина», или генерал Ш. де Голль в обращениях по радио BBC из Лондона к порабощенной нацистами и преданной собственными коллаборационистами Франции.

Вопрос о диалектических противоречиях как движущей силы развития общества и противоречиях как разрушительных конфликтах наиболее адекватно разрешался в СССР на практике. Тот же С. Г. Кара-Мурза в книге «Антисоветский проект» различает два типа противоречий. Он пишет, обращаясь к антисоветским критикам социализма: «Как ни проклинай СССР, но именно в этом аспекте он пред-

ставлял систему с отрицательной обратной связью по отношению к конфликтам. Это значит, что при обострении противоречия автоматически включались экономические, идеологические и даже репрессивные механизмы, которые разрешали или подавляли конфликт, „успокаивая“ систему. Это делалось независимо от воли и личных качеств отдельных людей. Так была устроена система, в которой ключевую роль силы быстрого реагирования играла именно КПСС. Это было заложено в ее идеологической системе, возводящей в догму „единство“ и запрещавшей идущие вразнос конфликты, и в ее организационной системе, „пронизывающей“ все потенциально конфликтующие стороны. Такая система консервативна – но не конфликтивна.

Напротив, ослабление и изъятие КПСС из системы „общество – государство“ привело, помимо воли политиков (примем это как допущение) к возникновению системы с положительной обратной связью относительно конфликтов. Уже с 1988 г. с тем же автоматизмом и так же независимо от личных качеств политиков любой конфликт разжигался как автокаталитический процесс. Кое-кто оправдывал это как необходимые издержки перехода к иному типу общества, но это – факт» [15, с. 159–160].

В. И. Ленин и И. В. Сталин как марксисты

На практике в классовых боях В. И. Ленин побеждал, когда действовал не по К. Марксу, и терпел поражения, когда следовал букве его теории. В. И. Ленин критиковал К. Каутского как начетчика, который «берет из марксизма то, что́ приемлемо для либералов, для буржуазии (критика Средневековья, прогрессивная историческая роль капитализма вообще и капиталистической демократии в частности), и выкидывает, замалчивает, затушевывает в марксизме то, что неприемлемо для буржуазии (революционное насилие пролетариата против буржуазии для ее уничтожения). ... Вот в этом – коренном – вопросе Каутский преподносит «приятности» для буржуазии вместо научной критики» [16]. Этой мертвой букве препарированного в угоду буржуазии марксизма и следовали деятели II Интернационала, который пережил крах в Первой мировой войне, расстрелял коммунистов в революционных битвах в Берлине в Вене в 30-е гг. и фактически привел Гитлера к власти. Под влиянием этой измены В. И. Ленин перестал быть социал-демократом в августе 1914 г., заключенный как русский шпион в австрийскую тюрьму в Польше, когда узнал об измене социал-демократии рабочему движению. Он стал коммунистом и взял курс на создание III Коммунистического интернационала. После краха двоевластия Временное правительство вкупе с меньшевистско-эсеровскими советами объявили его немецким шпионом.

Аналогично этому И. В. Сталин побеждал, когда следовал В. И. Ленину, и терпел фиаско, когда слепо действовал соответственно тезисам К. Маркса. Впрочем, сам К. Маркс старался не давать точных прогнозов, чтобы не гадать на кофейной гуще и не давать поводов своим сторонникам превращаться в марксистскую секту, о некоторых из них он говорил, что если они марксисты, то он не марксист. Сегодня, когда реставраторы и ростовщики готовят новый удар по России и русскому народу, средства массовой информации вновь поднимают на щит гениальность К. Маркса и Л. Троцкого, ссылаясь на западное почитание марксизма. Почитание буквы марксизма. Почитание в первую очередь трудов раннего Маркса донаучно-

го периода. Где его внимание занимала личность. Ее отчуждение. А не классы и механизм эксплуатации. Произведения Л. Троцкого также включаются в школьные учебники. Если бы В. И. Ленин следовал предложениям молодого незрелого К. Маркса в части отрицания семьи и отмирания государства, то Октябрьской революции не было бы. Но тогда 1991 г. в Россию пришел бы в 1921 г., а Керенский и К° сдали бы Россию Западу быстрее М. Горбачева и Б. Ельцина в 1991 г.

Поскольку, как свидетельствуют опросы общественного мнения, И. В. Сталина сегодня считают самой выдающей личностью в истории России и современные члены партии – коммунисты – относятся к марксисту И. В. Сталину по-марксистски, т. е. как к мессии, от которого надо ждать, когда святой вручит им власть над Россией и русским народом. Отсюда призывы «Сталин, вставай» или ожидания вроде «Сталин придет, порядок наведет». Впрочем, и правые не прочь призвать Сталина и вынести его на свои знамена. Речь идет о правой национал-большевистской партии Э. Лимонова. Она не зарегистрирована и ныне, после смерти вождя, переименована в партию «Другая Россия Эдуарда Лимонова». Эта партия на красном знамени с лимонкой любит носить портреты Сталина и скандировать на шествиях речевки вроде «Ленин, Сталин, Ким Чен Ир, мы построим новый мир! Скоро, скоро выстрелит „Аврора“» или «Скоро, скоро будет так – Сталин, Берия, ГУЛАГ». Но это ожидание левого мессии не тот путь, на котором можно спасти Россию хотя бы потому, что он предполагает пассивное ожидание смены общественного строя или пришествия Спасителя, который это произведет. Массы при этом не собираются приступить к серьезнейшему делу строительства нового строя, они планируют разойтись по домам после смены власти. Однако такие действия возможны при верхушечном перевороте, а не при революции, которая представляет собой величайшее напряжение сил и целую эпоху перехода от одного общественного строя к другому.

Народу сегодня действительно необходим И. В. Сталин. Но нужен новый Сталин, который бы не повторял слепо идеи К. Маркса и Л. Троцкого, а шел ленинским путем. Тем путем, по которому сегодня идут Китай, Индия, Куба, Вьетнам, Корея, Венесуэла и многие другие страны Востока. Но наши марксисты склонны быстро достичь успеха – объявить социалистические партии коммунистическими и заставить в других странах повторять устаревшие рецепты сотрудничества с властью или тактику революционных скачков. Известно, что в Венесуэле правящей партией является социалистическая партия Чавеса – Мадуро, но российские марксисты упорно именуют ее коммунистической [17, с. 3]. По ленинскому пути сегодня идет ровно половина мира, а сам ленинизм стараниями марксистов и либералов изгнан только из России.

Перечисляя страны, которые идут по социалистическому пути, рядом с Китаем никогда обычно не ставят Индию. Тем не менее Индия – типично социалистическая страна. Ведущую роль здесь играет коллективно-государственный способ производства. Современная Индия – это антропогенно-коллективистская цивилизация нового, социалистического типа. Она на практике осуществляет ленинские социалистические идеи, может быть, даже не хуже, чем Китай. Политика здесь первична, а экономика вторична. Цивилизация эта противоположна по своей сути и содержанию западным техногенным цивилизациям ростовщического типа. И не исключено, что скоро весь мир обратит свое лицо к Индии как к эталону ци-

вилизационного развития. Выступая на Московской международной книжной выставке-ярмарке, председатель Национального книжного треста Индии Билан Чандр говорил, что «для индийской интеллигенции, воспитанной, с одной стороны на идеях Махатмы Ганди, с другой – на идеях марксизма *ленинского толка*, нынешние времена создают новые вызовы» [18]. Все социалистические революции XX в. совершались, побеждали и строили социализм в свой переходный период по ленинской, а не по марксистской политической технологии мировой революции с диктатурой промышленных рабочих.

Технология ленинизма проста как в политической, так и в духовной основе. Она практична. Следуя стихийно открытому им закону о первичности политики и вторичности экономики при социализме, который противоречил марксизму, В. И. Ленин средствами политической революции спас Россию в 1917 г., заставив живую, творческую национально-патриотическую часть российских чиновников, офицеров и интеллигентов служить российскому народу, а не наследственной и денежной аристократии, западным ростовщикам. Этим В. И. Ленин возродил традиционный русский социализм, а попутно спас и российское государство, которое, благодаря Ленинской революции, просуществовало до 1991 г.

И. В. Сталин, продолжая дело В. И. Ленина, спас Россию в 1937 г., создав новый политический класс на основе Ленинской партии и очистив СССР от прислужников западного ростовщического капитала. В 1991 г. потомки врагов В. И. Ленина и И. В. Сталина объединились с западными ростовщиками – Ротшильдами и Рокфеллерами – и нанесли сокрушительный удар по ленинизму, русскому социализму, русскому народу и российскому государству, которое существовало в форме СССР. На Западе и в России сегодня издаются новые книги о гениальности К. Маркса и Л. Троцкого. И Ротшильды с удовольствием финансируют их издания, как их предки в XIX в. финансировали издание трудов К. Маркса [19, с. 61, 63, 65]. А с книгами В И. Ленина дело обстоит не так – их находят на помойке собраниями сочинений, но не издают. Новые издания существуют только в электронном виде фрагментами на сайтах левых партий и движений, размещаются в библиотеках энтузиастов ленинизма.

В области духовной ленинская политтехнология столь же проста и эффективна. В. И. Ленин возродил Российскую империю без монархии, веру в справедливое будущее без Христа, без потустороннего спасителя, без иллюзии загробной жизни и воздаяния в ней за жизнь земную. Ельцинисты, выбросив за борт русский социализм, вновь подняли Христа и опустили государство до уровня банановой республики. Лидеры Китая, следуя ленинской политической технологии, создали империю без монарха и возродили конфуцианство без Конфуция. Поэтому КНР сегодня «на коне» и в противостоянии США, а Российская Федерация, накачанная западными финансами, с трудом поддерживает свою экономику.

И. В. Сталин был одним из крупнейших политиков XX в. Политически он переиграл не только Л. Троцкого, но и А. Гитлера. Да и У. Черчилля, который в душевной злобе раскрыл себя в Фултоне. Но идя на поводу идеи ускоренной победы мирового коммунизма, И. В. Сталин (а точнее – его окружение, пришедшее во власть после смерти вождя) «проиграл» Советский Союз Ротшильдам и Рокфеллерам, которые сами подталкивали советское руководство к рыночной экономике и политическому либерализму, хорошо понимая их пагубность для страны, экономи-

чески и демографически подорванной в годы Второй мировой войны, которую они сами организовали. Наблюдая за политикой дряхлеющего И. В. Сталина, они взяли инициативу в свои руки, выдвинув идею мирового глобализма, который является такой же химерой, как и первоначальный марксистский коммунизм и идея мировой революции «на штыках» в течение жизни одного революционного поколения. Поэтому Ротшильды и Рокфеллеры также потерпят поражение. Кризис современного глобализма – очевидное тому доказательство.

В отличие от И. В. Сталина В. И. Ленин больше доверял своему здравому уму и не проиграл ни одной крупной политической схватки. Даже позволяя А. Хаммеру вывозить из Советской России золото и ценности, В. И. Ленин получал за них то, в чем так нуждалась страна: технику, технологии, хлеб. Иначе говоря, поступал рационально и в интересах народа. Поэтому он и стал самым крупным политиком не только XX в., но и всего второго тысячелетия. В. И. Ленин повернул движение всей планеты в противоположную сторону. Именно потому сразу после его смерти появились предложения переименовать нашу планету в его честь. Своей деятельностью он положил начало переходу ведущей роли от западных техногенных ростовщических цивилизаций к антропогенным цивилизациям Востока. Политически В. И. Ленин на какое-то время переиграл Ротшильдов и Рокфеллеров, предотвратил порабощение мира западным ростовщическим финансовым капиталом. И попутно от этого рабства он спас русский народ и Россию. Это рабство реально угрожало России исчезновением в качестве самостоятельного национального государства уже в 1917 г. Этот срок благодаря Ленинской революции был отодвинут по крайней мере на целое столетие.

Однако, как выражается президент РФ В. В. Путин, «была заложена бомба» под основание новой государственности, хотя бомба иного свойства – идейного. Незнание этого заряда – источник четырех распространенных мифов о советском обществе.

А. В. Шубин пишет: «Миф первый: советское общество на протяжении всей его истории было тоталитарной казармой, где запрещались любые разногласия, и люди слепо подчинялись идеологическим решениям Политбюро ЦК КПСС. А кто хоть в чем-то не подчинялся – тот репрессировался.

Миф второй: советское общество было бесконечно отсталым от демократических стран Запада, глухой архаикой, провалом в древность. Следовательно, как бы ни была отсталой современная Россия – она все равно идет светлой дорогой либерализма вперед – из глухой древности к полуфеодальному капитализму.

Миф третий: СССР был бесконфликтным обществом всеобщего благоденствия, которое могло бы просуществовать в этом же виде еще сто или тысячу лет, если бы не предатели Н. Хрущев, М. Горбачев и Б. Ельцин.

Миф четвертый: советское общество было несвободным. Как и всякий миф, он содержит часть правды – свобода в СССР была ограниченной. Как является она ограниченной в любом обществе. Можно ли сказать, что служащий в офисе или рабочий у конвейера в западном обществе – свободен? Можно ли сказать, что свободно общество, опутанное законами, в которых может разобраться только опытный юрист? Интересные вопросы, на которые звучит и свой ответ: „Тоталитаризм в принципе нетерпим к разномыслию, но это общее правило имело важные исключения, еще не влиявшие на качественные характеристики режима. В некото-

рых вопросах тоталитаризм санкционировал ограниченное и четко очерченное разномыслие. Оно проистекало из двух источников“» [20, с. 3].

Первый источник разномыслия при коммунистическом тоталитаризме заключался в том, что советский проект представлял собой синтез коммунистической идеи и традиции народов страны. «Классиками» были не только К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, но и далекие от марксизма А. Пушкин, Л. Толстой и А. Чехов. Укрепляясь с середины 30-х гг., национальная традиция оказалась особенно востребованной во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 1943 г. Сталин пошел на ряд важных шагов, которые легализовали символы старой России. Важнейшей, системной мерой стал «конкордат» с Русской православной церковью, которая получала возможности для воссоздания своей структуры, разрушенной гонениями 30-х гг. Было восстановлено патриаршество.

При этом И. В. Сталин не намеревался отказываться от рациональной по форме коммунистической идеологии. Атеистическая литература, в отличие от религиозной литературы, была общедоступна, религиозные взгляды считались несовместимыми с членством не только в партии, но и в комсомоле. Рациональная основа советской культуры сохранилась под бетоном языческого культа личности.

Второй источник легального разномыслия заключался в самой ориентации советского общества на развитие (в отличие от правых диктатур). Тоталитарная олигархия просто не успевала контролировать все стороны жизни, поскольку развивавшийся социальный организм все время ставил новые вопросы, неведомые традиционному обществу. Как относиться к генетике, например?» [21, с. 6–7]

Эти источники-бомбы не взрывали советский социальный организм по той причине, что они создавали проект ближнего и дальнего будущего. К примеру, советская фантастика в отличие от западного потока фэнтэзи могла успешно заглядывать в будущее, «придумывать будущее, в котором бы мне хотелось жить», как выражался С. Снегов. А братья Стругацкие конкретизировали это будущее как «коммунизм – мир, в котором хочется жить и работать» [22, с. 327]. И как только фэнтэзи задавило социальную фантастику, мы перестали понимать, что «светлое будущее» было утрачено. Не случайно В. А. Шубин завершает свою книгу рассуждением о, казалось бы, частном вопросе – о фантастике, дающей общий урок нерешенных проблем, оставленный всем нам погибшей советской цивилизацией: «Откат в „глухой туман деградации“ – зеркало отката, деградации, который происходит в обществе после поражения Перестройки. Этот регресс продолжается на советском культурном пространстве до сих пор. Отсюда – и торжество вурдалаков в литературе и в жизни.

Фэнтэзи раздавила фантастику числом, помиловав лишь подражание американским боевикам. Но возрождение социальной фантастики неизбежно. Ведь утопия бессмертна. Человечество будет все равно искать будущее, в котором хотелось бы жить. Не в мечтах, а реально. И это – поле для работы социальной фантастики, искусства социалистического реализма, социального творчества. Закон инферно действует, но действует не только он. Впереди – либо кровавое возвращение в дикость, борьба империй и этносов на уничтожение, либо – принципиально новое общество. Это – урок, оставленный нам советской цивилизацией с ее нерешенными проблемами (не решенными и после того, как СССР исчез с карты), с ее свободой и с ее культурой, которая дожила до XXI века хотя бы потому, что думала о нем» [23, с. 324–325].

Советский социализм и марксистский коммунизм

Советский социализм, реализованный в Советском Союзе, не только отличается, но и прямо противоположен западному капитализму. Но он также противоположен и рафинированному марксизму, «творческими продолжателями» которого стали В. И. Ленин и И. В. Сталин. Вспомним о том, что марксизм допускал даже уничтожение семьи как первичной ячейки общества и предполагал полное обобществление всех сфер жизни людей. В СССР эта идея не нашла своего продолжения: семья оставалась основной ячейкой общества. «Чистый» марксизм исходил из необходимости уничтожения товарного производства, товарно-денежных отношений. В Советском Союзе товарное производство сохранилось, и товарно-денежные отношения после периода военного коммунизма получили свое дальнейшее развитие. И таких моментов достаточно много. Это позволяет сделать вывод о том, что, пытаясь копировать некоторые идеи «классического» марксизма, советские руководители вынуждены были затем от них отказываться, потому что это (по словам В. И. Ленина) выглядело как «прививка оспы телеграфному столбу».

2. Марксистский коммунизм ставил задачу уничтожения государства и в перспективе сдачи его в музей истории, а ростовщический капитализм превращает государство в ночного сторожа по охране награбленных частными собственниками богатств, равнодушного к защите чести, здоровья и жизни трудового народа. В противоположность этому советский социализм выступал за укрепление и развитие государства как диктатуру трудящихся. А позднее – за создание и развитие общенародного государства как органа защиты интересов граждан. Как главного гармонизатора отношений между государственной, общественной, частной, коллективной и личной формами собственности и в главное орудие защиты личности и развития человека. Государство здесь становится не формально, а реально народным государством, как это уже практически осуществлено в КНР, Республике Беларусь, на Кубе и в других современных реальных социалистических государствах. Такое государство В. И. Ленин называл полугосударством, понимая под ним широкий формат народного самоуправления и перспективы создания народного государства. И именно это государство, курс на формирование которого официально был провозглашен в начале 50-х гг. XX в., было затем уничтожено «преемниками» и политическими наследниками И. В. Сталина, когда они подавляли волнения целинных рабочих в Темиртау (1959), организовывали погром в Ингушетии (1960), отдавали распоряжение о расстреле рабочих, требовавших повышения заработной платы и улучшения условий труда, в Новороссийске.

3. Во второй половине 50-х – начале 60-х гг. XX в. в Советском Союзе произошла скрытая трансформация системы социалистических ценностей. Официальная экономическая наука занималась идеей о непосредственно-общественном труде, вопросами о превращении социалистического труда в первую жизненную необходимость человека, советское искусство – проблематикой социалистического реализма, а политика (государственное и партийное руководство) постепенно коммерциализировалась. Иными словами, государство превращалось из общенародного органа власти в плутократическую диктатуру. Политическая элита стремительно деградировала. Свою власть ее представители стали использовать для личного обогащения или для обогащения своих детей. Апогея этот процесс достиг в эпоху застоя («адыловщина», «рашидовшина», «кунаевщина», «хлопковое

дело», «бриллиантовое дело Г. Брежневой» и т. д.). Главными реальными ценностями советского общества эпохи застоя в СССР стали связи, или блат. И, конечно, деньги (вспомним фильмы «Афоня», «Берегись автомобиля», «Ты – мне, я – тебе», «Блондинка за углом», «Прохиндиада» и др.).

В противоположность этому главная ценность советского социализма – трудовая личность, выполняющая созидательную, творчески продуктивную деятельность, – оказалась девальвированной.

4. Старый марксистский коммунизм и ростовщический капитализм ведущую роль в обществе отдают распределителям материальных и духовных благ, созданных народом, – информократам, властителям культурных кодов и плутократам, чиновникам-коррупционерам и банкирам. Советский социализм отводил ведущую роль в обществе созидателям и творцам этих благ – труженикам города и деревни (рабочему и крестьянину, инженеру и учителю, сисадмину и программистам и др.). Как когда-то утверждал И. В. Сталин, по мере движения к социализму классовая борьба неизбежно будет обостряться. Эта идея доказала свою истинность на практике. В теории (в курсах научного коммунизма) людей уверяли в формировании бесклассового общества и затухании классовой борьбы. На практике в стране формировался новый класс – номенклатура. Реальный капитализм на корню перекупал политических руководителей – коммунистов. Меркантилизация политики стала формой ее коммерциализации.

5. В марксистском и ростовщическом государстве экономика первична, а политика вторична. В российском социалистическом обществе первичной объявлялась политика, а не экономика. Ленинский тезис о том, что «политика есть концентрированное выражение экономики», работал ровно до тех пор, пока политики корректировали свои теоретические представления о новом обществе и объективную реальность. Но постепенно новая реальность оказалась корпоративной, номенклатурной. Политики жили в своем особом мире, оторванные от народа. И эта пропасть только углублялась. Вспомним историю И. Н. Худенко и его совхозов «Илийский» и «Акчи». Автора бригадного подряда сгноили в тюрьме только потому, что приехавшему из центра политическому мерзавцу стало поперек, что механизаторы на селе, в совхозах добились роста своей заработной платы до уровня министерской и стали строить собственные дома. Став первичной, политика разрушила экономику, привела страну к застою, а затем и к полному макроэкономическому кризису.

6. Старый коммунизм, провозглашенный молодыми К. Марксом и Ф. Энгельсом до 1848 г., а также сложившийся в эпоху индустриализма ростовщический капитализм, по своей природе и своему характеру космополитичны. В отличие от них советский социализм по своей природе был интернационален и патриотичен. Между космополитизмом и интернационализмом существует принципиальная разница. Космополитизм не обладает признаком патриотизма: капиталу везде хорошо, где существует возможность наживы. Социалистический интернационализм исходит из трудовой солидарности, из признания принципа всеобщности труда: «кто не работает, тот не есть». Постепенный отказ от этого принципа способствовал и постепенному отказу и от интернационализма, росту националистических настроений в Советском Союзе, искусственно подогреваемом местными политическими элитами. Попытки задабривать их подарками (вроде передачи Крыма от РСФСР к

Украине) ситуации не изменяли. Торговля на высшем политическом уровне территориями собственной страны (да еще с ее населением) – самое очевидное доказательство коммерциализации политического истеблишмента, его сращивания с ростовщическим капиталом.

7. Интересен вопрос о соотношении раннего марксизма, «классического» марксизма и ленинизма (его плана построения социализма в СССР). Природа донаучного коммунизма, то есть марксизма до эпохи «Капитала», и ростовщического капитализма монистична. Марксисты-ортодоксы даже в революционные периоды добиваются абсолютного, безраздельного господства общественной собственности, а ростовщики – частной собственности. Но то и другое в принципе недостижимо. Российский социализм строится на основе бинарной парадигмы философии истории и бинарности реального исторического процесса, где частная и общественная формы собственности при их гармоническом сочетании взаимно дополняют и обогащают друг друга, при этом ведущую роль играет государственная, общенародная собственность.

8. Советский социализм не борется за мировое господство не только в силу несоответствия его философии логике человеческой истории, но и потому, что оно противоречит гуманизму, истинной человечности в отношениях между людьми, классами, народами, нациями и государствами.

9. Проектируемый марксистами коммунизм и реализованный в XX в. ростовщический капитализм ценят вещи и собственность выше человека. Здесь «средства к жизни стали сейчас важнее, чем сама жизнь. Да, они превратили жизнь в свое средство … забота о материальных условиях существования уничтожает само существование» [24, с. 88–89]. Российский социализм ценит человека выше вещей и средств к жизни, открывая тем самым путь к творческой созидательной деятельности для каждого человека.

10. Первоначальный марксистский коммунизм и ростовщический западный капитализм относятся к техногенным цивилизациям преимущественно именно западного типа, где главное «условие дальнейшего развития цивилизации – демонтаж человека как естественного существа, его замена рациональным робототехническим устройством … современные тенденции: кофе без кофеина, сигареты без никотина, вино без алкоголя, секс без партнера … человек без души» [25, с. 42, 54]. В противоположность этому российский социализм ближе стоит к восточным антропогенным цивилизациям, где основные цели и задачи российского социализма осуществляются практически, поскольку всякий реальный социализм, имея свои национальные особенности, содержит общие принципы возвышения человека. Если марксистский коммунизм и ростовщический космополитический капитализм опускают человека до уровня животного или машины, то национальный социализм поднимает его до уровня творца и патриота своей нации и страны. Это обстоятельство видели еще Ф. М. Достоевский и В. С. Соловьев. Последний считал, что путь истории идет от зверочеловечества, свиночеловечества к богочеловечеству.

Все перечисленные отличительные особенности российского социализма были наиболее полно воплощены впервые в России, во время реализации идей ленинского НЭПа. Председатель КПРФ Г. А. Зюганов в одной из своих самых ранних работ и затем в докторской диссертации, формулирующей геополитику русского

патриотизма, на этой теоретической основе формулирует представление о новом социализме: «История реального социализма на Земле подошла к переломному моменту. Практически завершена эпоха ранних пролетарских революций, явившихся непосредственной реакцией на загнивание первоначального империализма, на материальную и моральную катастрофу мировых войн, поставивших цивилизацию на грань выживания.

Эти революции выполнили свою историческую задачу *двояким образом*: с одной стороны, привели к прорыву цепи мирового империализма и образованию *первых социалистических государств*, а с другой – повлекли за собой *мировую реформу* в развитых капиталистических странах, закрепившую целый комплекс социально-экономических прав и политических свобод трудящихся и резко ускорившую переход капитализма в *стадию «потребительского общества»*.

Социалистическая революция в России была для нее не праздным «экспериментом большевиков». Она в огромной мере была вынужденным шагом, сделанным народом вопреки незрелости многих «предпосылок социализма». Она была единственным шансом на национально-государственное выживание в условиях экономического краха, территориального распада и социальной недееспособности правящего буржуазно-помещичьего блока. Именно поэтому Октябрьская революция была принята большинством народа [26, с. 63].

Г. А. Зюганов воспроизводит зрелую ленинскую диалектическую логику социалистической революции, которая «доделывает» буржуазные по своему существу социально-экономические преобразования в полуфеодальной стране. Этим во многом объяснялся НЭП в полуразрушенной после мировой и гражданских войн стране.

Однако в связи с внешней угрозой, нависшей над СССР, намеченная политика претерпела серьезные изменения. И в результате в стране был воспроизведен путь первоначального накопления, свойственный капиталистической индустриализации. Она была осуществлена за счет крестьянства с широким использованием принудительного (в том числе подневольного) труда в атмосфере военной дисциплины и обращений к идеалам революционного аскетизма.

Сам Г. А. Зюганов в работе по российской геополитике высоко оценивает сталинскую геополитику как внешний синтез, опирающийся на внутреннее единство: «Сталинская модель российской геополитики в ее полном развитии к середине XX века явилась *долгожданным синтезом двух традиционных русских геополитических концепций*: имперской – с ее идеей государственной самодостаточности – и панславистской – с ее идеей славянского Большого пространства» [27, с. 127]. Автор утверждает, что «создание самодостаточного типа хозяйства и установление прочного контроля над собственным внутренним пространством явились двумя важнейшими основами сталинской геополитической модели» [28, с. 127–128]. И далее следует очень важное замечание о преемственности внешней и внутренней политики России в различные периоды ее развития – той преемственности, которая с 1991 г. была прервана. «О том, что это была осознанная политика советского руководства, можно судить хотя бы по содержанию знаменитого тоста Сталина, произнесенного им 7 ноября 1937 года в узком кругу близких соратников за праздничным столом в доме у Ворошилова. Судя по дневниковой записи Георгия Димитрова, присутствовавшего на этой неформальной встрече,

Сталин сказал, что русские цари „сделали одно хорошее дело: сколотили огромное государство до Камчатки. Мы получили в наследство это государство, сплотили и укрепили это государство как единое, неделимое целое не в интересах помещиков и капиталистов, а в пользу трудящихся, всех великих народов, составляющих это государство. Мы объединили это государство таким образом, что каждая часть, которая была бы оторвана от общего социалистического государства, не только нанесла бы ущерб последнему, но и не смогла бы существовать самостоятельно и неизбежно попала бы в чужую кабалу“» [29, с. 128].

Оценки произошедших процессов могут быть разными. Одной из наиболее убедительных оценок может служить мнение Г. А. Зюганова. Его биограф А. П. Житнухин пишет: «По мнению Геннадия Андреевича, с конца 1991 года в динамике преобразований страны был совершен переход от ее реформирования в рамках формационных изменений к сверхрадикальной ломке сложившегося в социалистическую эпоху уклада жизни и образа мыслей. Главная особенность этого периода определялась не антагонизмом между основными классами и социальными слоями, а нарастающими противоречиями между правящим режимом, опирающимся на узкий слой либо компрадорской, либо националистической „ворократии“, и остальным народом, между объединительными тенденциями развития России и субъективными, волюнтаристскими устремлениями захватившей в стране власть узкокорпоративной группы.

Заметим, что Зюганов отнюдь не намерен игнорировать марксистский, классовый подход к анализу внутриполитической ситуации. Просто для него было очевидным, что говорить о „классическом“ противоречии между трудом и капиталом преждевременно – оно еще не назрело. Его отсутствие обусловило и особенность механизма социально-политических изменений в начале девяностых годов. С того момента, как политической группировке крайних, радикальных западников удалось при поддержке мировой олигархии взять в России политическую власть, стало ясно, что значительная часть россиян не примет тот путь развития, на который ее стремились направить „демократы“. Столь же очевидным было и то, что число недовольных станет расти по мере обнищания масс и углубления всеобщего хаоса – неизбежных последствий политического и экономического курса нового российского руководства. На определенном этапе всеобщее недовольство должно было неизбежно достичь критической точки, тех масштабов, при которых удержать страну без применения силы станет невозможно. Избежать этого позволял запрограммированный сценарий, в основе которого лежала методика контролируемого перевода России в новый политический режим с элементами диктатуры.

Такое программирование Зюганов назвал методикой „контролируемых взрывов“, или „управляемой катастрофы“. Ее главной целью являлось последовательное устранение с российской политической арены всех сил, которые в состоянии воспрепятствовать интеграции страны в единую сверхгосударственную систему „нового мирового порядка“. В рамках такой методики получают внятное объяснение многие загадки нашей новейшей истории, в том числе трагикомический „путч“ ГКЧП и события октября 1993 года. Более того, Геннадий Андреевич полагал, что предложенный им подход к оценке событий делает возможным достаточно четкое прогнозирование политической ситуации в ближайшем будущем» [30, с. 218]. Г. А. Зюганов не стал борцом за перестройку, антикоммунистом. Он стал коммунистом новой эпохи.

Победа нашего народа в Великой войне доказала эффективность шага партийного руководства в направлении предельно жесткой централизации и всепроникающего государственного регулирования. Однако вопреки предупреждениям классиков марксизма-ленинизма этот путь был возведен в абсолют, что привело к подрыву главной материальной и моральной основы социализма – общественной энергии и инициативы трудящихся. В сущности, на этой проблеме начал спекулировать в своей перестройке М. С. Горбачев. Другой проблемой оказалось упрощение социалистической идеи, когда удовлетворение потребностей трудящихся трансформировалось в идею обогащения и беспредельного удовлетворения потребностей в буржуазной форме богатства как скопления товаров. Таким образом, вся Третья программа КПСС была тем самым сведена к задаче «догнать и перегнать», то есть некритически копировать западное «общество потребления», причем на том же самом производственно-техническом базисе. И именно тут социализм утратил историческую инициативу. Такая утрата была предопределена абсолютизацией опыта ранних социалистических преобразований. Сосредоточив усилия на преодолении капиталистической формы собственности и распределения, советский социализм оставил в неизменности технологический способ производства и систему общественных ценностей. Социалистические чиновники презрели проекты компьютеризации общественного производства, проспали смену технологического уклада.

Ленинский социализм и новая экономическая политика

Ленинский НЭП в России был свернут частью слепо уверовавших большевиков в истинность марксистских догм. Но коммунисты помнили НЭП. Мы разделяем большевиков и коммунистов по народной традиции: первые, как марксисты, троцкисты, отнимали все, вторые дали землю. По крайней мере в фильме «Чапаев» крестьянин, задавший вопрос комдиву «Ты за большевиков али за коммунистов?», уже имел про себя такой ответ: под большевиками тут понимались марксисты, а под коммунистами – настоящие большевики. НЭП, убитый в СССР, возродился в Китае и теперь практически осуществляется почти в половине стран и государств мира. Идеи В. И. Ленина победоносно шествуют по странам и континентам, обходя стороной только США и Россию, где сегодня правит бал финансовый банковско-ростовщический капитализм.

Последние тома Полного собрания сочинений В. И. Ленина были настольными книгами китайского реформатора Дэна Сяопина. В этих томах несколько сот страниц были посвящены российскому НЭПу 20-х гг. А если мы посмотрим на содержание этих страниц хотя бы по предметному указателю к ним, то не сможем не увидеть разительного сходства ленинских идей с реформами Дэна Сяопина, практическим строительством национального социализма с китайской спецификой. Перечисление этих идей покажется скучным для российского обывателя, отягощенного ипотеками и безденежьем, но оно звучит как музыка для политиков Азии, Африки и Латинской Америки, занятых строительством национального социализма в своих странах. Вот эти идеи:

Новая экономическая политика

– НЭП и необходимость в переходном периоде от капитализма к социализму;
– НЭП и аренда мелких предприятий;

– НЭП и аренда и наемный труд в деревне;
– НЭП и борьба с мелкобуржуазной стихией и мелкобуржуазной идеологией;
– НЭП и борьба с правыми и «левыми» тенденциями по вопросам экономической политики;
– НЭП и восстановление и подъем народного хозяйства (в целом);
– НЭП и восстановление, подъем сельского хозяйства, развитие и поддержка хозяйственной инициативы крестьянства;
– НЭП и восстановление, подъем транспорта;
– НЭП и государственное регулирование внутренней торговли и денежного обращения;
– НЭП и государственный капитализм в экономике;
– НЭП и допущение использования частнокапиталистических элементов, соревнование и борьба с ними;
– НЭП и задача научиться хозяйничать, управлять хозяйством;
– НЭП и задачи государственного контроля, рабоче-крестьянская инспекция;
– НЭП и изучение, учет и обмен практическим опытом, развитие и всесторонняя поддержка инициативы мест;
– НЭП и классовая борьба в новой форме;
– НЭП и развитие практики концессий;
– НЭП и развитие кооперации;
– НЭП и лозунг научиться торговать;
– НЭП и мелкое товарное производство;
– НЭП и местный товарооборот;
– НЭП и госмонополия внешней торговли;
– НЭП и Наказ СНК «О проведении в жизнь начал новой экономической политики»;
– НЭП и Наказ от СТО (Совета Труда и Обороны) местным советским учреждениям;
– НЭП и отношение к новой буржуазии (нэпманы);
– НЭП и новые методы работы (задача научиться работать и управлять по-новому);
– НЭП и общественно-экономические уклады в Советской России;
– НЭП и ограничение эксплуататорских стремлений капиталистических элементов и кулачества;
– НЭП и укрепление диктатуры пролетариата;
– НЭП и отношение к нему коммунистических партий других стран;
– НЭП и отношение к нему контрреволюционной белой эмиграции;
– НЭП и отношение к нему эсеров;
– НЭП как отступление, его остановка, перегруппировка сил и подготовка наступления на частнохозяйственный капитал;
– НЭП и первые достижения, уроки НЭПа;
– НЭП и перестройка государственного аппарата;
– НЭП и перестройка партийного аппарата, задачи партийно-политической и партийно-организационной работы;
– НЭП и планирование;
– НЭП и помощь крестьянской бедноте;
– НЭП как построение фундамента социалистической экономики;

– НЭП и принципы хозяйствования (хозрасчет, режим экономии, рентабельность предприятий, материальная заинтересованность, предоставление предприятиям необходимых прав и развитие их самостоятельности);
– НЭП и причины перехода к нему;
– НЭП и проверка работы практическими успехами хозяйственного строительства;
– НЭП как продолжение и развитие хозяйственной политики весны 1918 года;
– НЭП и профсоюзы;
– НЭП как путь социалистического преобразования деревни;
– НЭП и развитие мелкой и кустарной промышленности;
– НЭП и развитие местной промышленности;
– НЭП и развитие производительных сил, темпов движения к социализму;
– НЭП и революционная законность, задачи органов юстиции;
– НЭП и роль командных высот в экономике;
– НЭП и сменовеховцы;
– НЭП и смешанные общества;
– НЭП и смычка с крестьянством (экономический союз рабочего класса с крестьянством);
– НЭП как стратегия и тактика партии;
– НЭП и товарообмен (товарооборот) между городом и деревней;
– НЭП и улучшение материального положения трудящихся;
– НЭП и финансы;
– НЭП и хозяйственные задачи мест. [31, с. 420–426].

Прочитав этот перечень ленинских идей по реализации НЭПа, нельзя не увидеть, что ленинский социализм по всем 58 пунктам не просто отличается, а прямо противоположен марксистскому коммунизму и ростовщическому капитализму. Говоря о том, что НЭП «надолго и всерьез», В. И. Ленин предложил совершенно новый для Запада национальный российский социализм. В основе его лежит не марксистская монистическая парадигма, а бинарная парадигма, провозглашающая связь общественной и частной собственности при ведущей роли первой. Дэн Сяопин в отличие от правителей СССР и России понял это и повел Китай по пути, который был указан России В. И. Лениным и по которому теперь идет почти половина человечества, поскольку этот социализм выражает не только специфику российской действительности, но и общие принципы возрождения коллективистских цивилизаций социалистического типа.

К идеологам и творцам НЭПа часто относят Н. И. Бухарина с его лозунгом «Обогащайтесь». Действительно, Н. И. Бухарин оказался актуален в тот момент. Когда на Л. Д. Троцкого обрушились в партии за работу «Уроки Октября», ему вспомнили труды двадцатилетней давности с теорией перманентной революции, в которой, как писал С. Коэн, «теперь официально видели разницу между троцкизмом и ленинизмом». «Троцкого обвиняли в „недооценке роли крестьянства“ и в неверии в присущие России социалистические возможности; его пессимизм противопоставляли в 1925 г. официально провозглашенной вере в возможность (в случае необходимости) построения „социализма в одной стране“ [32, с. 224]. Вместе с тем публичное заявление Н. И. Бухарина «обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство» вызвало политический скандал.

Политика вынудила его отказаться от лозунга, но не от его смысла. Поскольку смешанная экономика НЭПа производила довольно-таки отталкивающее впечатление («Посмотрите, как нелепо расплылась «рожа НЭПа»), эта политика вызывала пессимизм, а Н. И. Бухарин был уязвим как певец «идеализации НЭПа», и даже был назван одним оппозиционером «Пушкиным НЭПа».

Было необходимо убедить членов партии, что движение к НЭПу есть движение к социализму и что «мы отправились в такое плавание, какое не снилось даже Колумбу». Доктрина социализма в одной стране была впервые высказана И. В. Сталиным, но именно Н. И. Бухарин превратил ее в доктрину. Независимо от того, какие сомнения вызывала доктрина, но только она могла объяснить, как из России нэповской будет Россия социалистическая и как кулак врастет в социализм. Н. И. Бухарин приводил метафоры «пролетарского парохода», тянущего баржу кооперации, которая сама миллионами нитей тащит тяжелейшую баржу крестьянства. В результате его теория прокладывала рельсы для органического эволюционного пути в социализм, где не требовалось потрясений, и даже судьба кулаков была устроена наилучшим образом. Считалось, что крестьянские кооперативы представляют собой социалистические ячейки хозяйства. Получалось в рамках его теории, что простой рост хозяйства и есть движение к социализму. Такая метафизическая схема роста (а сейчас в РФ модны буржуазные партии роста, партии прогресса) напоминает хрущевскую модель построения коммунизма путем количественного роста и удовлетворения все возрастающих потребностей советских людей – «догнать и перегнать».

Н. И. Бухарин полагал, что после 1925 г. в стране «все мирно», классовая борьба ушла в прошлое, врагов революции нет – они либо разоружены, либо исчезли, нет заговоров и контрреволюционных актов, а акты насилия против представителей советской власти вызваны бюрократическими извращениями самой советской администрации. Сопротивление крестьян также вызвано злоупотреблениями «низших агентов власти», маленьких «героев Щедрина», чей облик ассоциировался с царскими сатрапами. Все 20-е гг. он не отказывался от убеждения, что все контрреволюционные силы мертвы, что также напоминает убежденность Н. С. Хрущева в ненужности функции подавления врагов государства диктатуры пролетариата, а значит и ненужности самого этого государства. Думается, что Н. С. Хрущева поверхностно называют троцкистом, в глубине же он бухаринец. Для Н. И. Бухарина это была формированная нормализация советского режима, и его политическая философия отражала двоящуюся реальность нэповского общества. Н. И. Бухарин в конце 20-х гг., как и полагается теоретику партии, сформулировал переосмысленную всеобъемлющую доктрину: он предлагал, что партия поведет страну по пути мирного эволюционного развития. Однако революционно-героическая традиция в партии была жива, и сама реальность не давала возможности для мирного развития, ибо была экономически неосуществима.

Если подводить итоги бухаринизма в истории, то понятно, что ни он, ни Рыков не были шпионами. Будущее репутации Бухарина определяем мы здесь и сегодня – она зависела от судьбы коммунистических реформаторов в СССР: при провале реформ Бухарин выглядел бы как неудачник, при успехе – как альтернатива сталинизму. Поскольку социализм погиб, возник третий вариант: И. В. Сталин полностью оправдан историей нашей победы 1945 г. и историей гибели СССР.

Что касается различения Л. Д. Троцким «двух душ большевизма – марксистской и якобинской», то они вносили путаницу в партийную дискуссию. Специалист по биографии Троцкого И. Дойчер отмечает: «в то время как Троцкий сравнивал свою позицию с позицией Робеспьера и считал своих противников „умеренными“, советский писатель (а ранее – революционер) А. А. Сольц и прочие видели в Сталине нового Робеспьера, а в Троцком – нового Дантона. На самом деле, как показали события, расстановка сил был намного более сложной и запутанной. Общей чертой, объединявшей и якобинство, и большевизм, была склонность к подменам. Каждая из этих партий, встав во главе общества, при реализации своей программы не могла рассчитывать на его добровольную поддержку. Как и якобинцы, большевики „не могли полагаться на то, что их истины завоюют сердца и мысли людей“» [33, с. 370–371]. Кругом из всех щелей выползали враги, считал Л. Д. Троцкий.

В. В. Кожинов в книге с говорящим названием «Правда сталинских репрессий» писал, что, со своей стороны, «Троцкий определил поворот, совершавшийся в середине 30-х годов, как «контрреволюцию» (которая, помимо прочего, закономерно привела в конце концов к уничтожению массы революционных деятелей; Троцкий написал приведенные выше тексты еще до второго суда над группой Зиновьева – Каменева, обрекшего ее на казни). Естественно, может возникнуть вопрос о своего рода абсурде: в стране идут контрреволюционные изменения, а между тем репрессируемых квалифицируют именно как контрреволюционеров! Это было настолько общепринятым обвинением, что возникло даже ходовое словечко „каэры“ (так произносилась аббревиатура КР)» [34, с. 235]. Далее он пишет о противоречиях в мышлении Л. Д. Троцкого: «В рассуждениях Троцкого с очевидностью предстает „дурное“ противоречие: он ведь сам заявил, что „каждая революция“ сменялась „реакцией“ или даже „контрреволюцией“, то есть справедливо увидел в перевороте 1934–1936 годов воплощение неотменимой исторической закономерности, однако далее начал негодовать по поводу вполне „естественных“ последствий этого поворота истории (определенное „восстановление“ прошлого)» [35, с. 237].

О том, что Л. Д. Троцкий был жертвой метафизического догматического мышления и мало что понимал в СССР и был бесполезен для нашей Родины в период наитяжелейших испытаний, свидетельствует то, что в 1939 г., то есть после периода террора, он настаивал на том, что «Сталин не способен воевать… Он не способен дать ничего, кроме поражений». Аргументировал сей вывод тем, что в СССР «задушен революционный народ» [36, с. 244]. Войну с нацистской Германией он представлял себе как войну гражданскую, классовую войну. Л. Д. Троцкий не сумел понять глубокое различие между «классовыми» схватками и войной в собственном смысле слова. Многие комиссары на фронте в первые месяцы войны делали те же ошибки, обращаясь к солдатам Вермахта, как к детям немецких рабочих и крестьян, призывая превратить войну захватническую в гражданскую.

Сказанное означает, что события 1937–1938 гг. нельзя объяснять личными качествами Вождя, как это делал Н. С. Хрущев на съездах партии и как это делают публицисты-антисоветчики по сей день.

«Ленинградское дело» и цезаризм

Дж. Боффа пишет, что цезаризм в условиях России в переходный период был неизбежен: «Можно ли было избежать прихода вождя-кумира, то есть одной из

разновидностей цезаризма, в изолированной и истерзанной революционной России? Вопрос этот ставился не раз. В 1931 г. Грамши, не ссылаясь, правда, на ситуацию в СССР, дал следующее определение цезаризма. Этот феномен, писал он, «является отражением такой ситуации, когда борющиеся между собой силы находятся в состоянии катастрофического равновесия, при котором продолжение борьбы может иметь лишь один исход: взаимное уничтожение борющихся сил». Это такое положение, уточняет Грамши, когда две противоборствующие силы, «не добившись победы, взаимно истощат друг друга, а извне вторгнется третья сила, которая подчинит себе» обе соперничающие стороны. Цезаризм в этом случае принимает форму «арбитража», то есть решения, доверенного великой личности и способного предотвратить такое равновесие сил, которое грозит завершиться катастрофой. «Начальную ступень цезаризма» Грамши видел уже во «всяком коалиционном правительстве».

Нетрудно установить, что подобное равновесие обрисовалось в России в начале 20-х гг. в отношениях между теми двумя классами – рабочих и крестьян, – которые в революции и в гражданской войне выступали одновременно и как союзники, и как противоборствующие силы. Следовательно, в условиях того глубинного компромисса, каким был для этих сил НЭП, в позиции РКП (б) уже был определенный цезаризм. Пролетарская партия, классовая основа которой была к тому же ослаблена, оказалась лицом к лицу с необъятной крестьянской Россией. Ее социалистические намерения по меньшей мере дважды приходили в столкновение с этой крестьянской массой: в 1918 и 1920 гг. Новое столкновение грозило увенчаться распадом страны на отдельные части (она уже была недавно близка к этому), установлением над нею почти колониального типа господства иностранного империализма» [37, с. 205]. Блок двух классов мог реализоваться только через консолидированную партию, и для этого в партии была построена централизованная вертикальная структура, которую ее критики назвали «иерархией секретарей».

Построив основы социализма и победив в переходный период от капитализма к социализму в борьбе пяти экономических укладов, наконец, одержав победу в Великой войне, И. В. Сталин совершил трагическую политическую ошибку для жизни России и дела русского народа. Это расстрел русских патриотов по «Ленинградскому делу» 1950 г. и, по сути, политическое преступление вождя, пожелавшего стать властелином мира после неудачной для него (в смысле реализации) проекта мировой революции, хотя и победоносной войны. «Суд, состоявшийся в сентябре 1950 года, действовал в соответствии с его указаниями. К расстрелу были приговорены Н. А. Вознесенский, А. А. Кузнецов, П. С. Попков, Я. Ф. Капустин, М. И. Родионов» [38, с. 467]. Несколько позже по этому же делу расстреляли еще 200 русских патриотов, и более 3000 были направлены в лагеря. Дело это было инициировано лично Сталиным. Главных «преступников» содержали не в тюрьмах МГБ и МВД, а в специальной тюрьме «Комиссии партийного контроля по ЦК партии… созданной по личному указанию Сталина, который и чекистам не доверял» [39, с. 318].

В отличие от процессов 1937 г., «Ленинградское дело» не освещалось в печати. Вспоминая об этом времени, сын А. А. Кузнецова говорил: «Ни о суде, ни о смертном приговоре мы не знали. Только через год или полтора Микоян сказал сестре: „Скажи своим, что Алексея Александровича больше нет…“» [40, с. 320]. Даже в

среде чекистов об этом деле говорили между собой только люди, вполне уверенные друг в друге. Были, конечно, и разговорные мифы. Но передавались и вполне достоверные факты. Сейчас, конечно, трудно отделить одно от другого. Правда, иногда мифы оказываются более правдивыми, чем некоторые факты. С учетом того, что многое по этому делу уже опубликовано в печати, можно сказать, что официальные обвинения совершенно не соответствовали действительным причинам, по которым их расстреляли. В официальном обвинении, которое было предъявлено в сентябре 1950 г., говорилось: «Кузнецов, Попков, Вознесенский, Капустин, Лазутин, Родионов, Турко, Закржевская, Михеев признаны виновными в том, что, объединившись в 1938 г. в антисоветскую группу, проводили подрывную деятельность в партии, направленную на отрыв Ленинградской партийной организации от ЦК ВКП(б), с целью превратить ее в опору для борьбы с партией и ее ЦК… Для этого пытались возбуждать недовольство среди коммунистов Ленинградской организации мероприятиями ЦК ВКП(б), распространяя клеветнические утверждения, высказывали изменнические замыслы… А также разбазаривали государственные средства. Как видно из материалов дела, все обвиняемые на предварительном следствии и на судебном заседании вину свою признали полностью» [41, с. 467].

На суде, который проходил в Доме офицеров в Ленинграде, присутствующие не слышали покаянных речей Вознесенского и Кузнецова. Алексей Александрович Кузнецов в последнем слове сказал: «Я был большевиком и останусь им; какой бы приговор мне ни вынесли, история *нас* оправдает» [42, с. 467]. По воспоминаниям чекистов, Кузнецову сломали позвоночник в первые же дни следствия. Избитого Вознесенского застрелили в грузовой машине во время перевозки из Ленинграда в Москву.

Вознесенский и Кузнецов были наиболее талантливыми руководителями в сталинском окружении. Академик Н. А. Вознесенский был после Н. И. Бухарина самым крупным экономистом в СССР. Он был председателем Госплана, членом Политбюро. На его плечах лежала основная тяжесть организации экономики в годы Великой Отечественной войны. А. А. Кузнецов был политическим руководителем обороны Ленинграда и талантливым партийным и государственным деятелем. Был замечен Сталиным, приглашен в Москву и назначен на должность секретаря ЦК ВКП(б), где курировал кадровую политику МГБ и МВД. Зная себе цену, они не стеснялись спорить со Сталиным и отстаивать свою точку зрения. Но «Сталин никому не прощал независимости и „вольнодумства“. Вознесенский и Кузнецов менее других славили его устно и письменно. Их большая, чем у других, независимость постоянно настораживала Сталина» [43, с. 466]. Некоторое время он не придавал особого значения наветам Берии и Маленкова, которые смотрели на Вознесенского и Кузнецова как на своих соперников в качестве преемников вождя. Но после внезапной и до сих пор во многом неясной смерти А. А. Жданова в 1948 г. авторитет Кузнецова и Вознесенского в Политбюро, ЦК, спецслужбах партии и в народе стал стремительно возрастать. Жданов официально считался преемником Сталина, и теперь взоры многих устремились в сторону Вознесенского и Кузнецова, которых Жданов вырастил в качестве крупных партийных и государственных деятелей. Но Сталин не собирался кому бы то ни было уступать свою власть или даже только уйти в тень. Поэтому решил пойти на очередную стрижку

умных голов по методу Дионисия Сиракузского. Но, в отличие от античного тирана, он это делал чужими руками. Черновую подготовку этого дела поручили министру государственной безопасности В. С. Абакумову. Кураторами сделали Берию и Маленкова, они столкнулись лбами с Вознесенским и Кузнецовым в ходе интриги: «Однажды в присутствии Маленкова, Берии и Молотова вождь стал говорить, что он становится стар и генеральным секретарем партии вместо него может стать Кузнецов, а главой правительства – Николай Вознесенский. Сталин не собирался никому уступать свое место, и его слова были поняты правильно. Именно тогда на Кузнецова и другого известного ленинградца Николая Вознесенского стали готовить дело» [44, с. 315].

И. В. Сталина пугают не только быстрый рост авторитета Вознесенского и Кузнецова, но и их вполне здравые политические идеи, отвечающие интересам народа и государства. И. В. Сталин и Л. П. Берия готовили страну к новой мировой войне, которую готовил мировой империализм, и итоговой победе коммунизма во всем мире. Большевики-ленинцы Вознесенский и Кузнецов думали о возрождении России, экономически и демографически надорванной самой кровавой войной в истории отечества.

Однажды на заседании Политбюро Вознесенский «высказал целый ряд убедительных доводов против дополнительного обложения новыми налогами колхозников» [45, с. 466]. Вождю это очень не понравилось. В народе ходили слухи, что Вознесенский еще в 1938 г. считал позицию Бухарина по сельскому хозяйству более правильной и что НЭП был свернут преждевременно. Говорили также, что Вознесенский выступал за возвращение к Ленинскому НЭПу еще в 1946 г., когда голод в Поволжье и в некоторых других районах России стал почти уравновешивать смертность и рождаемость. Хлеб же в это время отправлялся в республики Средней Азии, Кавказа и в некоторые зарубежные страны. Но это, возможно, миф. Если же это был реальный проект, то в СССР за 20 лет до китайских реформ Дэна Сяопина была бы установлена социальная гармония между частным и государственным секторами экономики и сегодня Россия насчитывала бы уже более 500 млн жителей, опережая по темпам развития Америку и Китай.

И. В. Сталину, скорее всего, по подсказке Берии и Маленкова «не понравилось намерение Кузнецова, ведавшего в ЦК кадрами, взять под более жесткий контроль Министерства внутренних дел и государственной безопасности. Сталину стали известны также высказывания Кузнецова о том, что расследование „дела Кирова“ не вскрыло подлинных вдохновителей преступления» [46]. Дальнейшие действия Кузнецова по чистке органов КГБ прямо затрагивали интересы не только Берии и Маленкова, но и самого Сталина. Расставаться с наиболее преданными деятелями своей охраны он не собирался.

Однако самое большое «преступление» Вознесенского и Кузнецова состояло даже не в этом, а в попытке создать компартию России, которая стояла бы в ряду с компартиями других союзных республик. Россия в этот период уже окончательно превратилась в данницу республик Средней Азии и Кавказа. Ленинские Советы были придушены Конституцией 1936 г., когда партийные органы стали командовать советами. А высшие партийные руководители состояли на партучете не в первичных трудовых коллективах и не присутствовали как рядовые члены на партсобраниях предприятий. Более того, жалование «слуг народа» стало называться

заработной платой, был по умолчанию устранен партмаксимум, или оплата труда партийных работников и госслужащих не выше среднего заработка квалифицированного рабочего. Выборы были организованы по округам, нарезанным не по производственному принципу, а по территориальному.

Социализм после В. И. Ленина

Сам Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин (в отличие от своего предшественника Я. М. Свердлова) в структуре власти советского общества не играл никакой политической роли. Ленинская партия, став сталинской, превратилась в реальную правящую власть, которой обладали все республики, за исключением РСФСР. Не имея своей реальной политической организации, Россия была превращена в средство для достижения устремлений вождя, ведь Сталин на деле был марксистом до мозга костей и «самым верным последователем теории Троцкого о перманентной революции» [47, с. 312]. Он считал, что «до Советского Союза, который охватит весь мир, остается всего несколько шагов, и тут Вознесенский с Кузнецовым со своей идеей, что самое главное – это укрепление России… Сталин сконструировал идеальное государство для борьбы за мировое господство. И в эту конструкцию русские патриоты Вознесенский и Кузнецов никак не вписывались. Когда пишут, что их свалили с помощью интриг Берии и Молотова, то интриги были, но интриганы сами висели на ниточке. Нет, их расстрел по „Ленинградскому делу“ – это, скорее всего, Сталин – от начала и до конца… Главным тут был… геополитический расклад» [48, с. 260–261]. Это и есть преступление Сталина-марксиста, которое не хотят признать в современной КПРФ, а признают лишь репрессии 30 гг. Между тем признавать их нельзя по причине их исторической оправданности и правды сталинских репрессий.

Любопытно, что сегодня Г. А. Зюганов на всех партийных мероприятиях и даже на встречах с президентом России предлагает проводить реформы по китайскому образцу. Председатель КПРФ Зюганов, как и Сталин, думает не о России, а о своей власти. Зачем нам китайский образец, когда у нас есть свой ленинский, учитывая, что китайские реформы были смоделированы по ленинским преобразованиям? Следовать этому предложению Зюганова – значит окончательно потерять свое лицо. Копировать опыт КНР – значит перейти от западного подражания к восточному, метаться между Западом и Востоком – значит потерять Россию как самостоятельное государство, перейти из объятий американского орлана в объятия китайского дракона.

Российский социализм иной, чем китайский. Социализм не интернациональное движение, как утверждают сторонники Г. А. Зюганова, а национальное. России сегодня необходимо не возвращение к власти того или иного марксиста, не возрождение российского социализма ленинского типа и русского традиционализма имперской эпохи, а формирование общества социальной справедливости. Выступая на съезде КПРФ и добиваясь своего выдвижения в кандидаты на пост Президента России, Зюганов говорил, что «самый сильный аргумент коммунистов в борьбе за власть заключается в том, что КПРФ – единственная настоящая и честная партия. Все остальные – муляжи, за которыми стоят те, кому нравится нынешнее положение. Те же, что хотят иметь будущее, проголосуют за Компартию. Ее противники могут сколько угодно твердить об „уходе КПРФ“. Мы не уходим. Наоборот, мы возвращаемся» [49, с. 359].

Г. А. Зюганов, мысли которого в сфере геополитики и державности уходят в прошлое, видимо, своими словами хочет потрясти мир: «Коммунистам не впервой переживать измены союзников и попутчиков. Мы практически в одиночку восстановили Великую Россию после катастрофы, в которую ее ввергло прогнившее самодержавие. Подняли из руин после Великой Отечественной войны. И на этот раз справимся собственными силами» [50]. Хвалясь силой марксистской партии, Г. А. Зюганов критикует «Справедливую Россию», отвергает ее идеи не ради истины, а, скорее, из зависти к ней, поскольку эта партия по своему духу стоит ближе к русскому народу, чем партия марксиста Зюганова. Не случайно она недавно объединилась с партиями «За правду» и «Патриоты России». Она получила новое название, ориентирована на русский социализм, о чем не раз писал С. М. Миронов в своих программных книгах.

Наблюдая за успешными информационными стримами М. Л. Шевченко, коммуниста, но не члена КПРФ, можно удостовериться, как ему удается отмыться от ярлыков и обвинений в поддержке государственного террора сталинщины. Когда отдельные политики во имя того, чтобы получить лишние голоса на выборах, демонстрируют свой сталинизм, они не думают о тех недостатках, которые ему были свойственны, а рассуждают о весьма абстрактно понимаемом ими возрождении России.

В России в 20-е гг. марксизм вновь становится популярным, потому что за монументальную фигуру К. Маркса как своего духовного вождя борются между собой коммунисты и капиталисты! Они выдвигают свои проекты спасения страны и народа, но наиболее реальным и эффективным будет путь спасения России как возрождения российского социализма традиционного и ленинского типа. Для этого патриотам России необходимо на основе социальных и философско-исторических идей В. И. Ленина объединить все существующие в нашей стране социалистические, коммунистические, патриотические партии и группы в одну социал-патриотическую партию России.

Партия и Октябрьская революция

Ядром строительства социализма и всей советской системы выступает, говоря словами В. И. Ленина, «партия нового типа». Ее иногда называют вслед за Р. Ароном тоталитарной партией тоталитарного общества. Если перевести эти термины на русский язык, то получится вполне исторически приемлемая конструкция «целостная партия» «целостного общества». Утверждают, что в этой партии и обществе требуются «люди-роботы», эффективно функционирующие по заложенной в них партией программе и тут же меняющие не только свою деятельность, но и свои мысли и чувства, как только меняется эта программа. Уточним это на примере обсуждения Г. Л. Пятаковым партии нового типа. А. А. Ивин в работе «Введение в философию истории» отмечает: «Пятаков подчеркивает, что то чудо, каким кажется Октябрьская революция, не могло бы претвориться в жизнь, было бы только кратковременной вспышкой, мимолетным для истории явлением, если бы не было другого чуда, основания которого были заложены Лениным, – коммунистической партии. Эта партия не имеет никаких исторических прецедентов, она не похожа ни по своей организации, ни по своему духу, ни по силе своего действия ни на какую другую партию. „Не будь скрепившей всю страну нашей

партии, не будь ее управления, не вдохни она повсюду свойственный ей дух – никакого СССР не было бы. Что было бы? Черт знает, что было бы. Когда отдаешь себе ясный отчет, что такое партия, что она сделала и делает, – просто чудовищным кажется вопрос: почему вы так огорчены, что вас – Пятакова – исключили из партии. Почему вы так хотите возможно скорее в нее вернуться?“. Пятаков убежден, что такой вопрос может задавать только член меньшевистской, противостоящей коммунистической, партии, не понимающий ее сути. „Характерной чертой меньшевизма было органическое непонимание, что такое настоящая партия, чем она может и должна быть. Это обнаружилось еще двадцать пять лет тому назад на втором съезде только что складывавшейся партии в связи с обсуждением первого параграфа устава партии, когда все еще было в тумане, недоговорено и все же можно было догадаться, что люди, образующие партию, состоят из индивидов разной породы, разного теста, разной психической натуры. Большевикам был совершенно чужд панический страх меньшевиков перед партийной дисциплиной, а эта черта и сделала возможным образование могущественной большевистской партии“. Различие психологии большевиков и меньшевиков остро сказалось на их отношении к такому вопросу, как диктатура пролетариата. „Наша революция шла под флагом диктатуры пролетариата, и Ленин превосходно показал, – отмечает Пятаков, – что действительным носителем и выразителем этой диктатуры может быть только партия. Он прямо заявил, что после опыта двух первых годов советской власти только тупым людям неясно, что диктатура пролетариата иначе как через коммунистическую партию осуществляться никак не может. Ленин говорил: „Диктатура пролетариата есть власть, осуществляющаяся партией, опирающейся на насилие и не связанной никакими законами“. На чем в этой формуле нужно делать главное ударение – на „насилии“ или на „несвязанности никакими законами?“ Конечно, на последних словах». Все, что находится вне физических или физиологических законов, все, на чем лежит печать человеческой воли, не должно и не может считаться неприкосновенным, связанным какими-то непреодолимыми законами. Закон – это ограничение, запрещение, установление одного явления допустимым, другого недопустимым, одного акта возможным, другого невозможным. «Когда мысль держится за насилие, принципиально и психологически свободное, не связанное никакими законами, ограничениями, препонами – тогда область возможного действия расширяется до гигантских размеров, а область невозможного сжимается до крайних пределов, надает до нуля. Беспредельным расширением возможного, превращением того, что считалось невозможным, в возможное, этим и характеризуется большевистская партия. В этом и есть настоящий дух большевизма. Это есть черта, глубочайше отличающая нашу партию от всех прочих, делающая ее партией „чудес“. Большевизм есть партия, несущая идею претворения в жизнь того, что считается невозможным, неосуществимым и недопустимым. Ей доступно то, что всем другим натурам, небольшевистским, кажется невозможным».

Интересна мысль Пятакова, что мысль о насилии, центральная в идеологии коммунистической партии, должна обращаться ее членами не только вовне, но и на самих себя. «Я согласен, – говорит Пятаков, – что небольшевики и вообще категория обыкновенных людей не могут сделать мгновенного изменения, переворота, ампутации своих убеждений. Но настоящие большевики-коммунисты – люди

особого закала, особой породы, не имеющей себе исторических подобий. Мы ни на кого не похожи. Мы партия, состоящая из людей, делающих невозможное возможным; проникаясь мыслью о насилии, мы направляем его на самих себя, и, если партия того требует, если для нее это нужно или важно, актом воли сумеем в 24 часа выкинуть из мозга идеи, с которыми носились годами. Вам это абсолютно непонятно, вы не в состоянии выйти из вашего узенького „я“ и подчиниться суровой дисциплине коллектива. А настоящий большевик это может сделать. Личность его не замкнута пределами „я“, а расплывается в коллективе, именуемом партией». Пятаков убеждает, что, когда он просит о восстановлении его в партии и утверждает, что изменил свои взгляды, он не лжет, а говорит правду. «Согласие с партией не должно выражаться только во внешнем проявлении. Подавляя свои убеждения, выбрасывая их, нужно в кратчайший срок перестроиться так, чтобы внутренне, всем мозгом, всем существом быть согласным с тем или иным решением, постановлением партии. Легко ли насильственное выкидывание из головы того, что вчера еще считал правым, а сегодня, чтобы быть в полном согласии с партией, считаю ложным? Разумеется, нет. Тем не менее насилием над самим собою нужный результат достигается». На возражение, что партия может ошибаться и что нельзя, чтобы быть в согласии с нею, с ее высшими органами, считать белое черным, Пятаков отвечает: «…Да, я буду считать черным то, что считал и что могло мне казаться белым, так как для меня нет жизни вне партии, вне согласия с нею… Чтобы быть в партии, участвовать в ее рядах в грядущих мировых событиях, я должен отдать ей без остатка самого себя, слиться с нею, чтобы во мне не было ни одной частицы, не принадлежащей партии, с нею не согласованной. И еще раз скажу, если партия для ее побед, для осуществления ее целей потребует белое считать черным, я это приму и сделаю это моим убеждением»» [51, с. 63–65].

Речь Пятакова ошеломила его собеседника меньшевика Валентинова, слушавшего ее с ужасом. А. А. Ивин пишет, что «еще более страшной ее делает просьба Пятакова за год до его расстрела предоставить ему „любую форму реабилитации“, и, в частности, внесенное им от себя предложение „разрешить ему лично расстрелять всех приговоренных к расстрелу по процессу, в том числе и свою бывшую жену“» [52. с. 67].

В итоге здесь формировался феномен «истинно верующего», как писал Э. Хоффер, то есть адепта социальной религии, зафиксированного в книге «Истинно верующий. Мысли о природе массовых движений». А. А. Ивин отмечает, что «в 30–40-е и даже 50-е гг. в Советском Союзе не было людей, не веривших, что в их стране построен социализм – самая прогрессивная форма человеческого общества, и задача заключается в том, чтобы постепенно переходить к строительству полного коммунизма. Проект построения совершенного общества представлялся настолько замечательным, что казались ненужными никакие утопические эксперименты и сама научная фантастика. Даже звучавшая иногда на бытовом уровне и вполголоса критика отдельных сторон жизни социалистического общества велась с позиции самого этого общества, с точки зрения более полного и последовательного воплощения в реальные отношения социалистических идеалов» [53, с. 202–203].

Автор отмечает также, что можно привести всем известные доказательные примеры: «Хорошим примером того, что вера советского человека в свое общество,

в его цель, в коммунистическую партию, ведущую общество к этой цели, была не показной, а естественной, могут служить писатели И. Ильф и Е. Петров. В их романах «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» в острой и злободневной форме описан конкретный период из жизни советского общества: 1927–1931 гг., время утверждения социалистических идеалов. Романы выразили эпоху в непринужденно веселой форме. Авторы восторгаются происходящим, их оптимизм искренен. Ильф и Петров не притворялись, не насиловали себя, не вели двойной жизни. Они без раздумий признавали советскую власть и в общем и целом – партийную линию» [54, с. 203–204].

Все описанное говорит об изменении личности при социализме и формировании социалистического типа личности. Прежде этот тип пытались описать в партийных изданиях книги «Советский человек». Чем отличается концепция книги Э. Хоффера [55], описывающая внезапное сумасшествие людей высококультурной Германии в эпоху фашизма, от концептуализации феномена «советского человека» [56] как представителя советского народа, новой исторической общности людей? Тем, что советские люди всерьез и добровольно соглашались с исполнением устаревших процедур и инструкций. А. С. Грачев, последний пресс-секретарь президента СССР, пишет: «Все выезжающие – в большинстве своем члены партии (это было одним из главных условий выезда за рубеж) – обязаны были сдать в партийное хранилище членский билет и одновременно поклясться перед олицетворяющим партию чиновником, что не изменят ей ни с чужой идеологией, ни с чужой женой. Те, кто удостоился „доверия Родины“ впервые, должны были прочитать и подписать многостраничную инструкцию „Правила поведения советских граждан за границей“» [57, с. 29]. Интересно отметить, что сам М. С. Горбачев разрушал старые формы общественной жизни и исподволь менял свою лексику. Так, в его четырехстраничном Обращении в связи с уходом с должности президента нет слова «социализм», нет слова «революция», то есть тех слов, с опорой на которые он начинал перестройку. Впрочем, там нет и ссылок на гласность и перестройку. В тексте на первый план вышли тоталитарная система, рынок, многоукладная экономика, демократические преобразования, реформы, суверенитет, современная цивилизация [58, с. 411–414]. Чисто буржуазный текст бывшего президента СССР – коммуниста. Текст показывает глубину падения руководства бывшей правящей партии в момент гибели первой формы мирового социализма.

Посмотрим на его громко прозвучавшую в стране и в мире книгу «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» 1987 г. В ней о социализме говорится только в четвертой главе и в интересном контексте «Перестройка в СССР и социалистический мир» [59, с. 169]. Тут вводится образ «реального социализма», который не должен перениматься без разбора и критики социалистическими странами, то есть речь идет об изменении отношений между социалистическими странами в связи с завершением этапа первоначального становления мирового социализма.

Ленинизм и перестройка

Итак, советская система, социализм в России были построены по В. И. Ленину. Если бы не Октябрьский переворот, то 1991 г. в Россию мог прийти уже в 1921 г. Западный банковско-ростовщический капитал, его транснациональные моно-

полии давно бы поселили на территории России более послушных рабов, чем русский народ. Борьбу за природные ресурсы России они начали еще в XIX в. В. И. Ленин не пустил в страну западный банковско-ростовщический капитал, его финансовые монополии и тем спас от гибели российское государство и русский народ.

Имя В. И. Ленина было знаменем для всех лидеров советского государства, включая первого (и последнего) Президента Советского Союза М. С. Горбачева. Но с этим знаменем он пошел не туда: вместо того чтобы идти на Восток, он пошел на Запад; вместо того чтобы обниматься с Дэном Сяопином, он стал целоваться с Р. Рейганом. Результаты этой стратегической ошибки сегодня налицо. Вместо модернизации без вестернизации, как это делает современный Китай, страна стала заниматься вестернизацией без модернизации. Следуя советам западных «доброжелателей», она разрушила свою государственность, экономику, науку и образование – и русский народ теперь вымирает по миллиону в год. Цель, которую ставили перед собой раньше наши внешние враги, горбачевцы осуществили с помощью западных советников. Они просто переместились из парткомов в банковские конторы и офисы, а партийная олигархия сменилась финансовой.

Ошибка М. С. Горбачева и многих других «спасателей» России состоит в том, что они находятся в плену общераспространенного мифа о том, что именно В. И. Ленин создал социализм в России с нуля. В действительности же социализм был построен по ленинскому плану и В. И. Ленин, борясь за мировую коммунистическую революцию, попутно, почти случайно, возродил традиционный русский социализм и этим действительно спас Россию от поглощения ее западным банковско-ростовщическим капиталом, спас народы России от деградации и вырождения. Среди других государств и народов мира Россия всегда была одной из самых социалистических стран и по способу производства, и по политическому устройству, и по духу коллективизма и жажде справедливости, свойственному русскому народу. «Царская Россия была… самым социалистическим государством мира» [60, с. 52].

Но если Россия была социалистической страной, то зачем ей была нужна Октябрьская социалистическая революция? Все беды русского и других народов России: смуты, социальные и политические катастрофы, захваты ее земель и собственности чужеземцами были связаны со временем, когда Россия отступала от своего традиционного социалистического развития. Так было в Смутное время на рубеже XVI–XVII вв., в начале XX в., на рубеже XX–XXI вв. и во многие другие переломные эпохи русской истории. Поэтому в октябре 1917 г. была не революция, а реставрация, точнее, возрождение в России традиционных социалистических порядков. В первое время после 1917 г. даже марксисты стеснялись называть октябрьский переворот революцией.

Революция в России произошла в феврале. Она окончательно задушила старую социалистическую Россию, а ленинский переворот по отношению к Февральской революции был контрреволюционным. Он вернул Россию на ее традиционно социалистический путь развития, разрушил столыпинские устремления уничтожить крестьянскую общину, возродил ее как социалистическую державу и сохранил российское государство, по крайней мере, на семь десятилетий. Большевики дали крестьянам землю в соответствии с их требованиями и чаяниями, но старая

община не возродилась, а на парцелльных участках при развитии кулацкого хозяйства крестьяне были обречены на коллективизацию через десятилетие после революции.

Оригинальные русские мыслители справедливо считали, что большевизм является возрождением традиционной русской цивилизации. По мнению Ф. Степуна, новая советская идеология (большевизм) оставалась и в послереволюционные годы выражением глубинной русской сути, «характернейшей национальной темой» [61, с. 204]. Этим же можно объяснить и тот факт, что русская эмиграция, как и китайская, не врастает в западную культуру. Коллективистские социалистические цивилизации всегда были и будут антагонистами индивидуалистических, ростовщических цивилизаций («Русская эмиграция, даже самая просвещенная, не врастает в другую реальность… Мы – хвостатые» [62, с. 207–208]).

Вторжение западного разведсообщества в перестроечный СССР внесло чужебесие, то есть вирус подражательства Западу, но опиралось на феномен независимой и инакомыслящей интеллигенции. Недаром Д. Сорос полагал, что открытие его фонда в КНР до 1989 г. было преждевременным, поскольку питательной почты инакомыслящей интеллигенции там еще не было. Однако она была в СССР и, судя по всему, была выращена в ходе спецопераций КГБ. На эту почву и легло зерно Фонда «Открытое общество». Вот что пишет сам Д. Сорос о его возникновении: «22 сентября 1987 года было полностью сформировано правление. В него вошли: Юрий Афанасьев, историк; Григорий Бакланов, главный редактор журнала „Знамя“; Даниил Гранин и Валентин Распутин, писатели; Тенгиз Буачидзе, грузинский филолог; Борис Раушенбах. специалист по космическим исследованиям и религиозный философ; Татьяна Заславская, социолог. Мясников и я стали сопредседателями, оба с правом вето, а Аксенов и Нина Буис – нашими заместителями. Все члены правления – исключительные люди. Они стали ведущими *фигурами* в Советском Союзе, они всегда в центре внимания, всегда до предела загружены работой, у некоторых не очень хорошее здоровье. Однако они регулярно приезжали на заседания и проводили там огромное количество времени» [63, с. 30–31].

Еще в августе он сомневался, существует ли в СССР «гражданское общество вообще», но все разрешилось в ходе устроенного им обеда, после которого через месяц был сформирован фонд для подрывной работы, о чем он сам пишет в изданной в «издательстве политической литературы» книге. На обложке которой изображена открытая дверца сейфа с прикрепленной связкой ключей: «Поворот осуществился в августе, когда большая делегация из Советского Союза была проездом в Нью-Йорке по пути на конференцию советско-американской дружбы в Чаппадуике. Среди них была Татьяна Заславская, с которой я очень хотел познакомиться. Я пригласил к себе всю делегацию, и моя жена Сьюзан устроила обед на 150 человек. Это было зрелище. Было очень тесно, но всем, похоже, прием понравился. Мы договорились встретиться еще раз в Чаппадуике, где мы долго разговаривали и обнаружили, что у нас очень много общего. Мы обсуждали состав правления, и мне показалось, что дело сдвинулось с мертвой точки. На одном из своих приемов я встретил будущего исполнительного директора нью-йоркского отделения фонда Нину Буис, известного переводчика русской литературы» [64, с. 30].

В своей книге Д. Сорос позиционируется перед читателем как «финансист, мультимиллионер, один из лидеров американского бизнеса, организатор гуманитарных фондов во многих странах, в том числе советско-американской „Культурной инициативы“, автор публикаций по глобальным экономическим и социально-политическим вопросам – рассматривает в книге революционные процессы, которые разворачиваются в СССР. Это как бы „взгляд со стороны“, критический, но доброжелательный».

О степени своего участия в «уничтожении старой системы» и замены ее на новую Д. Сорос скромно замечает: «Степень моего участия в историческом процессе, о котором я здесь говорю, увеличивалась по мере его нарастания. Я начал с робких попыток проковырять небольшие трещины в монолитной структуре коммунистической системы, исходя из убеждения, что для косной структуры даже маленькая трещина может иметь значительные последствия. По мере того, как трещины углублялись и расползались по монолиту, я увеличивал усилия, пока эта работа не стала занимать большую часть моего времени и сил» [65, с. 8]. Он был убежден, «чтобы создать новую систему, необходимы время и силы, а и того, и другого мало. Я твердо убежден, что только *deus ex machina* в виде помощи с Запада может сместить чашу весов в сторону конструктивного решения. Этим убеждением я руководствовался в своих действиях, и это я собираюсь доказывать в этой книге».

В заключении книги отмечается, что вклад мультимиллионера в уничтожение СССР огромен – он связался с Д. Саксом и пригласил его моделировать реформы, а также «оказал экспертную помощь руководству страны» (!) в виде проекта «открытого сектора» и программы «500 дней». В самом конце от советской редакции нам сообщают, что американская пресса называет Сороса «Микеланджело, Ренуаром и Бетховеном Уолл-стрит, соединенным в одном лице». С момента издания этой книги оставалось 20 лет до начала в США движения «Оккупай Уолл-стрит» и 30 лет до того, как бывшие советские люди вспомнили «Приключения Чиполлино», «Незнайку на Луне» и «Три толстяка», объявленную в буржуазной и «рыночной» России вдруг подрывной. Но «настоящую» подрывную литературу мы только что процитировали.

Посмотрим, что писала столь высоко ценимая Д. Соросом академик Т. И. Заславская. Она просто повторяла на социолого-экономическом языке высказанные западным гуру мысли, то есть, как он выражался, была введена в «режим автоматического говорения». В статье для книги «Постижение» из серии 13 разрушительных книг «Иного не дано» она писала, что для перестройки требуется демократизация, а для демократизации нужна гласность, открытость общественной жизни, которая «далеко не является полной». «Но гласность все-таки набирает силу, углубляется, захватывает новые области. То, о чем год назад люди едва позволяли себе задумываться, сегодня обсуждается на страницах печати. В результате происходит довольно заметная активизация и политизация сознания и поведения масс. Это проявляется в возникновении тысяч неформальных организаций, движений. Объединений, значительная часть которых носит политическую окраску. В образовании в ряде республик (включая РСФСР), а также в Москве, Ленинграде и ряде других городов Народных Фронтов содействия перестройке» [66, с. 240]. Так будили лихо.

Так рождали цветную революцию в соответствии с рецептами Дж. Сороса, учившегося у К. Поппера и Л. Мизеса: «Когда Горбачев ввел гласность, он расшатал официальную систему мышления. Мышление стало освобождаться от догмы, и людям разрешили выражать свои настоящие взгляды. В результате вновь появился разрыв между мышлением и действительностью. Более того, разрыв стал шире, чем когда-либо, потому что, в то время как интеллектуальная жизнь расцвела, материальные условия ухудшились. Налицо оказалось несоответствие между двумя уровнями, придающее происходящему характер сна. На уровне мышления – всеобщее воодушевление и раскрепощение; на уровне действительности преобладающим ощущением является разочарование: снабжение ухудшается, и валится катастрофа за катастрофой. Единственное, что свойственно обоим уровням, – неразбериха и замешательство. Никто точно не знает, какая часть системы уже находится в процессе перестройки, а какая еще работает по-старому; чиновники не смеют сказать ни „да“, ни „нет“; таким образом, почти все возможно и почти ничего не происходит» [67, с. 37].

Социалистическая природа русской цивилизации

Причины социалистической природы русской цивилизации видны, если посмотреть на процесс становления человеческих цивилизаций с позиций бинарной парадигмы философии истории. Переход человечества от дикости к цивилизации начался с изменения способа добывания средств к жизни. Сотни тысяч лет формирующийся человек добывал их собирательством и охотой, был потребителем благ, созданных природой. Переход от собирательства и охоты к земледелию и скотоводству, или от присваивающего хозяйства к производящему, – первый шаг к цивилизационному развитию человечества. В зависимости от характера первобытных общин и содержания производящей деятельности сложилось два основных типа производства.

В соседских земледельческих общинах, как правило, создавался коллективно-государственный способ производства и распределения. А в семейных скотоводческих общинах складывался преимущественно индивидуально-частный способ производства и присвоения. Природные условия и соседские формы общин Древней Руси больше благоприятствовали становлению коллективно-государственного способа производства, который является материальной основой всякого социализма, будь то княжества Рюриковичей, царство Ивана Грозного или ленинская Советская республика. Везде такое государство выражает прежде всего интересы тружеников, производителей, творцов, создателей материальных и духовных благ и делает все, чтобы обуздать или по крайней мере сдержать присваивающие, а часто и прямо воровские аппетиты родовой знати, бояр, дворян, торговцев, ростовщиков, помещиков-крепостников, политических и финансовых олигархов.

Как российскому государству удается сдерживать постоянно возрастающие аппетиты этих непроизводительных, «непроизводящих» классов, живущих за счет того, что создано производителями?

В этом главный секрет русской политической власти, которая по своей социально-исторической природе оказалась социально ориентированной и соответствующей коллективно-государственному способу производства и распределения, а

следовательно, в условиях нормального развития общества она всегда была социалистической. И только в эпохи социально-политических смут, иностранных оккупаций, социальных катастроф она являлась эксплуататорской, антинародной, антисоциалистической.

Если на Западе государство всегда было орудием экономически господствующего класса и служило прежде всего интересам этого класса, то на Руси государство являлось главным образом орудием защиты экономически слабых и средних слоев общества от своих мироедов и чужих поработителей. С момента своего возникновения русское государство создавало условия для социальной защищенности человека, закрепляло единство и социальную солидарность общества. Русский народ всегда нуждался в сильном государстве и поддерживал его потому, что видел в нем своего защитника от произвола бояр, князей, ростовщиков, бюрократов, политических проходимцев и прожорливых пришельцев из других стран. Отсюда вековечная вера русского человека в справедливость княжеской, царской и любой другой власти, объединяющей народ под знаменем национального единства.

Олицетворением веры в это единство в разное время являлись князь, царь, император, генеральный секретарь, президент. Авторитарная форма правления в России возникает не из амбиций первых лиц, а из внутренних духовных и материальных потребностей трудового народа, который не имеет иного орудия борьбы с тунеядствующим меньшинством, кроме сильного государства во главе с харизматичным лидером. «Европейский король был ставленником правящего слоя. Он, в общем, был действительно орудием угнетения низов. Русская монархия исторически возникла в результате восстания *низов против* боярства и – пока она существовала – она *всегда* стояла на защите именно низов» [68, с. 127].

Самые драматичные страницы русской истории были связаны с борьбой за единство народа и объединение его вокруг общенационального лидера. Там, где утрачивалось это единство, ослабевала центральная власть и начинали доминировать центробежные силы бояр, княжат, ростовщиков или олигархов, Россия впадала в хаос, варварство, дикий феодализм или не менее дикий капитализм. Племенные, княжеские, клановые, классовые или национальные междоусобицы всегда ставили страну на грань национальной катастрофы. Всю историю России можно изобразить как движение от раскола к единству, а затем – от единства к расколу и доминированию центробежных тенденций. Потом история повторялась с новыми лицами, новыми успехами и новыми трагедиями. Первое лицо становилось гармонизатором общества, часто используя для этого диктаторские методы. Отсюда идут все победы Русского государства. Но неудач и поражений в строительстве русской государственности было не меньше, чем триумфов. За отсутствие или ослабление национального единства русский народ всегда платил большой кровью. Так это было в период татаро-монгольского нашествия XIII в., польской интервенции начала XVII в. и в другие времена, в том числе в наши.

В свое время некоторые «соратники» по партии упрекали И. В. Сталина в цезаризме и бонапартизме, не понимая того, что цезаризм, бонапартизм – это аномалия для западного общества и нормальное состояние политической жизни для России, русского типа государственной власти и российского государственного строительства. Западная государственная власть всегда была орудием классовой воли верхов, которые держат в своих руках королей, кайзеров, президентов, пре-

мьеров и других первых лиц государства и используют их в качестве руководителей полицейской машины для подавления и ограбления своих и чужих народов. Репрессивная функция государства здесь доминирует над организаторской. В отличие от этого русская государственная власть утверждает коллективные и общенародные приоритеты над частными. Здесь доминируют хозяйственно-организаторские задачи и задача подавления антисоциальной деятельности разных форм «боярщины» и произвола верхов. Но только сильное государство может обуздать чрезмерные притязания сильных и богатых. Это и есть высшая форма русского общественного устройства – советская власть, которую прозападные диссиденты презрительно именовали эвфемизмом «Софья Власьевна».

В третьем томе авторского исследования «Была ли альтернатива?» знакомый нам В. З. Роговин описал перерождение Советского Союза в 1934–1936 гг. Автор развивает свою оригинальную социологическую концепцию, объясняющую разгул репрессий и колебания в «генеральной линии партии», оценивает возможность международной социалистической революции в 30-х гг. «Сталинский неонэп» существенно отличался от НЭПа 20-х гг. Главные отличия состояли в том, что либерализация экономической жизни в условиях НЭПа сопровождалась сознательным сдерживанием роста социального неравенства и резким уменьшением политических репрессий по сравнению с годами гражданской войны. Сталинский «неонэп» сочетал ослабление административно-командных рычагов в управлении экономикой с усилением социальной дифференциации и непрерывным нагнетанием политических репрессий ради подавления всякой оппозиционности и критики в партии и стране ради закрепления господствующей роли бюрократии и режима личной власти. Именно поэтому метафизики, которые не видят закономерностей общественного развития, не отделяют сущность от явления, форму от содержания. Так, ситуационисты, не понимая сущности социализма и акцентируя внимание на «радости революции», полагают, что «сталинский коммунизм» и «реформистский социализм» – это лишь вариации капитализма.

К. Нэбб полагает, что коммунистическое общество – это не идеальная модель далекого будущего и оно закладывается прямо здесь и сейчас: «мы приходим к выводу, что свободное общество может быть создано только через активное участие народа как целого, а не через иерархические организации, по идее действующие от его имени. Смысл здесь не в том, чтобы выбрать более честных или „отзывчивых“ лидеров, а в том, чтобы избежать предоставления какой-либо независимости любым лидерам. Отдельные лица или группы могут начать радикальные действия, но в них должна принять участие значительная и быстро растущая часть населения, если движение должно привести к новому обществу, а не просто к очередному путчу, устанавливающему новых правителей». Ситуационисты полагают, что капиталистическое общество превращается в «спектакль», из-за которого люди деградировали до уровня зрителей мира и над которым у них нет никакого контроля. А вот «социализм как живое творчество масс» – это контроль людей над обстоятельствами своего бытия. Нечто подобное рассказывал М. С. Горбачев, под речи которого реальный социализм из-за отключения функции контроля правящей партии разрушился.

А. Н. Данилов в работе «Переходное общество: проблемы системной трансформации» писал: «одним из последствий разрушения СССР и начала сложной

и противоречивой трансформации в России стал призыв ученых (Г. П. Лузгина, К. В. Павлова) к изучению кризисных, переходных социально-экономических состояний. Эту новую область знания они назвали „патоэкономикой“, и в рамках ее новых концепций поставили под сомнение традиционные представления о сущности противоречий при социализме и в период перестройки» [69, с. 90–91]. Аномальные процессы обычно привлекают внимание ученых-естествоиспытателей, но тут социальные ученые обратили внимание на патологические процессы. В обществе изменилось понятие нормы и изменились условия формирования новой нормальности, создалось новое «окно Овертона». Однако нельзя забывать, что патологические процессы в нашей советской стране в последние годы ее существования были организованы в соответствии с путевой картой серией книг «Перестройка: гласность, демократия, социализм». Это подготовленные к XVIII Всесоюзной партийной конференции чудовищные русофобские безграмотные книги разрушителей социализма «Иного не дано», «Погружение в трясину (анатомия застоя)».

Выступая 2 ноября 1987 г. в Кремлевском Дворце съездов с докладом «Октябрь и перестройка: революция продолжается» М. С. Горбачев сказал, что «цель перестройки – теоретически и практически полностью восстановить ленинскую концепцию социализма», и выразил надежду на «революционное очищение и возрождение» [70, с. 354]. В итоге под благовидной формой и аплодисменты ничего не понимающих участников торжественного заседания словами о возвращении к истокам социализма был поставлен вопрос о частичном возврате назад.

Фактически все приветствовали в тот момент возвращение к ленинскому НЭПу, и возник миф о нем как о светлой странице истории социализма. В. З. Роговин в книге «Была ли альтернатива?» пишет: «причины „советского термидора“ не крылись в самой природе НЭПа, а были связаны с более широкой совокупностью внутриполитических и международных факторов, которые были рассмотрены в нашей книге. Однако указание на совпадение во времени периода НЭПа и периода подавления левой оппозиции важно для опровержения ходячих представлений о НЭПе как наиболее светлой странице в истории советского общества» [71, с. 366]. И далее: «предпосылкой „советского термидора“ стала кристаллизация нового правящего слоя профессионалов власти, поставленных в привилегированное положение и прикрывавшихся идеей социализма перед массами. Этот слой стремился увековечить свое существование, закрепить и оправдать как свою монополию на власть, так и свои растущие материальные привилегии. Это стремление нашло идеологическое и практическое выражение в борьбе против социального равенства, которая первоначально сочеталась с серьезными уступками верхушечным слоям деревни. Законы, легализовавшие аренду земли и применение наемной рабочей силы в сельском хозяйстве, шли значительно дальше первоначальных замыслов НЭПа» [72, с. 367].

Продолжим вывод: «Уступки мелкой буржуазии сохранились гораздо меньшее время, чем предполагали их инициаторы и, прежде всего, Сталин. Эти уступки не только не располагали кулака к добровольной сдаче своих излишков, а, наоборот, пробуждали в нем уверенность в том, что государство заколебалось и что необходимо дальше нажать, чтобы добиться полной свободы оборота. Верхушечные слои деревни в 1927 году уже настолько нарастили свою экономическую мощь,

что смогли отважиться на „хлебную стачку“, поставившую города перед угрозой хлебной блокады.

Эмпирической реакцией бюрократии на череду „хлебных стачек“ стал ультралевый зигзаг Сталина в 1928–1929 гг., ликвидировавший НЭП и переросший в политику насильственной коллективизации и „ликвидации кулачества как класса“. Этот авантюристический зигзаг привел к установлению неограниченной власти бюрократии в городе и деревне. Вступив на путь фронтального столкновения не только с кулаком, но и со всем крестьянством, бюрократия поменяла свою социальную опору. Ею стала огромная и разношерстная „армия“, состоявшая из „людей обывательского типа, которые оставались в бурную эпоху революции и гражданской войны в стороне, а теперь, убедившись в крепости советского государства, стремились приобщиться к нему на ответственные должности, если не в центре, то на местах“» [73, с. 368–369].

Заключение автора совпадает с нашим мнением о разделении большевиков, коммунистов и сталинистов. Автор отмечает: «Правильные уроки из прошлого могут быть извлечены в результате уяснения подлинного содержания трех идейно-политических тенденций: большевизма, сталинизма и „троцкизма“. Расщепление большевистской партии на „троцкизм“ и сталинизм и победа последнего повлекли за собой цепь упущенных возможностей подлинно социалистического развития» [74, с. 370]. Но в этом разделении трех тенденций дело заключалось не в личностях, а в стилях их мышления, в методологии. По сути, это было столкновение метафизического метода Троцкого и диалектического метода Ленина.

Приведем пример из дооктябрьской жизни партии. Известный английский советолог Э. Карр пишет: «10 мая 1917 г. Ленин присутствовал на конференции „межрайонцев“ и предложил им участвовать в работе редколлегии „Правды“ и организационного комитета предстоящего съезда партии. Он намеревался предложить это и группе „меньшевиков-интернационалистов“ во главе с Мартовым. Судя по заметкам Ленина, сделанным в то время, Троцкий отвечал, что согласен „постольку, поскольку русский большевизм интернационализировался“, однако высокомерно добавил: „Большевики разбольшевичились – и я называться большевиком не могу... Но признания большевизма требовать от нас нельзя“. Встреча результатов не дала. Троцкий, верный своим старым принципам примирения всех вокруг, по сути дела, стремился к слиянию групп на равных условиях и под новым названием. Ленин же не намерен был ослаблять или растворять созданную им организацию: главенство и целостность партии должны сохраниться. Он мог позволить себе подождать» [75, с. 89].

То есть для ленинизма было важно главное и основное противоречие, ведущее звено, его связывали с практической необходимостью, хотя видели и все остальные характеристики. Таков известный пример со стаканом из работы «Еще раз о профсоюзах о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина», где на образе стакана дается понимание государства и приводных ремней к нему, то есть профсоюзов.

Э. Карр писал, что «еще до смерти Ленина была признана и провозглашена власть партии над всеми сторонами политики, над всеми сторонами системы управления. На высшем уровне главная роль партии при окончательном определении политики была обеспечена верховной властью Политбюро. В деле администра-

тивного управления комиссариаты подлежали контролю народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции, а через него – контролю Центральной контрольной комиссии партии. На низшем уровне партийные „фракции“, подчинявшиеся партийным указаниям и дисциплине, активно участвовали в работе любого официального или полуофициального органа, имевшего какое-либо значение. Более того, в таких организациях, как профсоюзы и кооперативы, и даже на основных промышленных предприятиях партия осуществляла те же руководящие функции, что и в государстве. Как автономия входивших в РСФСР (а позднее в Советский Союз) республик и территорий была ограничена их общей зависимостью от политических решений центральных органов вездесущей партии, так и независимость профсоюзов и кооперативов от государственных органов была ограничена таким же всеобщим подчинением воле партии» [75, с. 189].

Эта же структура соподчинения и управления лежала в основе воссозданной волей В. И. Ленина в форме СССР бывшей Российской империи: «К концу 1918 г. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика располагалась примерно в тех же границах, что и средневековая Московия до завоеваний Ивана Грозного и немногие – пожалуй, даже среди самих большевиков немногие – верили, что режим уцелеет. Тем не менее всего четыре года спустя разные части бывшей царской империи, за небольшим исключением, были снова объединены в Союз Советских Социалистических Республик, и оказалось, что по силе сплоченности новый союз по крайней мере не уступает исчезнувшей царской империи. Это свершение, которого никто не мог предвидеть в мрачные дни 1918 или 1919 г., представляет собой выдающийся результат созидательной государственной деятельности Ленина» [75, с. 209].

Историк фиксирует гениальное провидение В. И. Ленина относительно силы национализма национальных окраин и угнетенных народов империи: «Ленин давно различил в национализме революционные факторы и предвидел, что единственный верный курс – приветствовать эту стихию и ее использовать. Гражданская война явилась блестящим подтверждением ленинской идеи. Безоговорочное признание права на отделение не только дало Советской власти несравнимую ни с чем прежним возможность обуздать разрушительный национализм, но и подняло ее престиж много выше престижа „белых“» генералов. Генералы, воспитанные при царях в панроссийских традициях, отвергали какие-либо уступки угнетенным нациям; и в пограничных областях, где преобладали нерусские или невеликорусские элементы и где шли решающие бои гражданской войны, этот фактор сильно способствовал победе Советской власти» [75, с. 212].

С необычайной теплотой об этом же национализме отозвался И. В. Сталин в обращении к товарищам по партии в Докладе о национальных моментах в партийном и государственном строительстве 23 апреля 1923 г. на XII съезде ВКП (б): «Не забывайте, товарищи, что если мы с развернутыми знаменами шли против Керенского и свалили Временное правительство, то, между прочим, потому, что там за спиной мы имели доверие тех угнетенных народов, которые ждали от русских пролетариев освобождения. Не забывайте о таких резервах, как угнетенные народы, которые молчат, но своим молчанием давят и решают многое. Часто это не чувствуется, но они, эти народы, живут, они есть, и о них нельзя забывать. Не забывайте, что если бы мы в тылу у Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича не

имели так называемых „инородцев“, не имели ранее угнетенных народов, которые подрывали тыл этих генералов своим молчаливым сочувствием русским пролетариям, – товарищи, это особый фактор в нашем развитии: молчаливое сочувствие, его никто не видит и не слышит, но оно решает все, – если бы не это сочувствие, мы бы не сковырнули ни одного из этих генералов. В то время, когда мы шли на них, в тылу у них начался развал. Почему? Потому что эти генералы опирались на колонизаторский элемент из казаков, они рисовали перед угнетенными народами перспективу их дальнейшего угнетения, и угнетенные народы вынуждены были идти к нам в объятия, между тем как мы развертывали знамя освобождения этих угнетенных народов. Вот что решило судьбу этих генералов, вот сумма факторов, которые заслонены успехами наших войск, но которые в последнем счете решили все. Этого забывать нельзя. Вот почему мы обязаны круто повернуть в смысле борьбы с новыми шовинистическими настроениями и пригвоздить к позорному столбу тех чиновников наших учреждений и тех партийных товарищей, которые забывают о нашем завоевании в Октябре, именно о доверии ранее угнетенных народов, которым мы должны дорожить.

Нужно понять, что если такая сила, как великорусский шовинизм, расцветет пышным цветом и пойдет гулять, – никакого доверия со стороны угнетенных ранее народов не будет, никакого сотрудничества в едином союзе мы не построим и никакого Союза Республик у нас не будет» [76, с. 246–247]. Такие слова мы решили привести полностью для понимания всей картины, что представлял собой СССР в момент рождения и в пике своего могущества.

Важнейшим и острейшим моментом в понимании СССР и его судьбы стало «право наций на самоопределение», которое ныне ничтоже сумняшеся записывают в разряд фугасов, подложенных под невиданную прежде государственность. История оправдала ленинскую национальную политику и его соединение в союзе стран и народов двух тенденций к объединению и разделению. Э. Карр подводит итоги этой политики, глядя из наших дней: «В пользу большевистской национальной политики говорило то обстоятельство, что буржуазная теория самоопределения наций к 1919 г. зашла в тупик, из которого не было выхода; что при капиталистическом строе, в той его форме, какую он принял с разделением труда между передовыми индустриальными народами и отсталыми или колониальными народами, подлинное равенство между нациями стало недостижимым и что идея воссоединения при социалистическом строе действительно, а не только формально равных наций была смелой творческой попыткой вырваться из тупика.

Значение этой политики состояло в принятых ею мерах, направленных на установление равенства, уничтожение разделения на индустриальные и аграрные нации. Без сомнения, легче всего было принять и внедрять принцип равенства и отказ от дискриминации, основываясь на мотивах национальных, именно потому, что существовали другие мотивы, на основе которых было провозглашено неравенство и практиковалась дискриминация. Сталин сам говорил однажды о прекращении борьбы наций для того, чтобы открыть путь для борьбы классов. Когда подчеркивалось значение социальных разногласий, соответственно уменьшалось значение разногласий национальных. Но трудно преувеличить значение советской национальной политики с точки зрения исторической или с точки зрения ее последующего влияния. С самого начала она была решающим фактором в порази-

тельном ленинском Свершении – воссоединении почти всех бывших царских владений после их разъединения и распада в результате мировой войны, революции и гражданской войны. И надолго она осталась действенным элементом советской внешней политики во многих частях света» [77, с. 300].

Источником движения истории всегда является классовая борьба. В процессе построения социализма силой, сдерживающей классовую борьбу и направляющей силы в сторону победы над уходящим общественным строем, была партия. Руководящая и направляющая роль партии, заложенная В. И. Лениным, была аналогичной точкой опоры и концентрации сил, которую в догматике православия Святой Руси занимал Бог. Он был извечной и независимой от сознания непреодолимой силой. Эта сила имеет вектор воздействия и сферу приложения – это и есть страх божий как основание нравственности. Над людьми господствовала троичная воля Неба или впоследствии троичная воля Истории: воля военная, светская, духовная. Слом этой воли Истории, слом коммунистической партии, предательский демонтаж социалистического государства и есть результат классовой и идеологической борьбы между представителями старшего поколения коммунистов и поколением новых русских и их властных апологетов. Это было фундаментальное нравственное (а точнее было бы сказать, безнравственное) перерождение, повлекшее за собой гибель советского социалистического общества.

Библиографический список

1. Кремлев С. СССР – империя Добра. – М.: Яуза-пресс, 2009.
2. Книга бытия. Гл. 26.
3. Кремлев С. СССР – империя Добра. – М.: Яуза-пресс, 2009.
4. Млечин Л.М. Холодная война: политики, полководцы, разведчики. СПб: Амфора, 2014.
5. http://www.ymuhin.ru/
6. Самоваров А. В. Останутся ли в России русские? Русское национальное самосознание: триумф или катастрофа. М.: Самотека, 2007.
7. Ленин В.И. ПСС., т.3.
8. Ленин В.И. ПСС., т.3.
9. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. от начала до Великой Победы. – Харьков: Книжный Клуб «Клуб семейного досуга», 2007.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. изд. 2. т. 19.
11. Ленин В.И. ПСС. Т. 44.
12. Кара-Мурза С.Г. Указ. соч.
13. Там же.
14. Там же.
15. Кара-Мурза С.Г. Антисоветский проект. М.: Алгоритм, 2002.
16. Ленин В.И. ПСС. Т. 37.
17. См.: Правда. 2009. 8 – 9 сент.
18. Цит. по: Морозова Т. Детская книга – как детское питание // Правда. 2009. 8 – 9 сент. С. 4. Курсив мой. – В. Б.
19. См.: Саттон Э. Власть доллара. М.: Эксмо-пресс, 2003.
20. Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. – М.: Вече, 2008.
21. Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. – М.: Вече, 2008.

22. См.: Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. – М.: Вече, 2008.
23. Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. – М.: Вече, 2008.
24. Эвола Ю. Языческий империализм. М.: Белые альвы, 1994.
25. Кутырев В.А. Разум против человека. М.: ЧеРо, 1999.
26. Зюганов Г.А. За горизонтом. М.: Информпечать. 1995.
27. Зюганов Г.А. География победы. Основы российской геополитики. М., 1997.
28. Зюганов Г.А. Указ. соч.
29. Зюганов Г.А. Указ. соч.
30. Житнухин А.П. Геннадий Зюганов. М.: Молодая гвардия, 2007.
31. Справочный том к Полн. собр. соч. В. И. Ленина. Ч. 1. М., 1972.
32. Коэн С. Бухарин. Политическая биография 1888-1938. М.: Прогресс-Академия, 1992.
33. Дойчер И. Троцкий. Безоружный пророк. 1921-1929. Т. 2. М.: Центрполиграф, 2006.
34. Кожинов В.В. Правда сталинских репрессий. М.: Алгоритм. 2007. (Загадка 1937 года).
35. Кожинов В.В. Указ. соч.
36. Кожинов В.В. Указ. соч.
37. Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917-1941 гг. – М.: Междунар. отношения. 1994.
38. Волкогонов Д. А. Сталин. Политический портрет. Кн. 2. М.: Новости, 1998.
39. Млечин Л. М. Председатели органов госбезопасности. М.: Центрполиграф, 2006.
40. Там же.
41. Волкогонов Д. А. Указ. соч.
42. Там же.
43. Там же.
44. Млечин Л.М. Указ. соч.
45. Волкогонов Д.А. Указ. соч.
46. Там же.
47. Млечин Л.М. Указ. соч.
48. Самоваров А. В. Останутся ли в России русские. М., 2007.
49. Житухин А.П. Геннадий Зюганов. М.: Молодая гвардия, 2007.
50. Зюганов Г.А. Защищая наш мир. М.: ИТРК, 2006.
51. Ивин А.А. Введение в философию истории. М.: Владос, 1997.
52. Ивин А.А. Указ. соч.
53. Ивин А.А. Указ. соч.
54. Ивин А.А. Указ. соч.
55. Хоффер Э. Истинно верующий. Мысли о природе массовых движений. М.: ЕГУ, 2001.
56. Смирнов Г.Л. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. 2 изд. М.: ИПЛ, 1973.
57. Грачев А.С. Кремлевская хроника. М.: Эксмо, 1994.
58. Грачев А.С. Указ. соч.
59. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: ИПЛ, 1987.

60. Солоневич И. Л. Народная монархия. Минск, 1998.
61. Степун Ф. А. Мысли о России. Сочинения. М.: РОССПЭН,2000.
62. Ерофеев В. Энциклопедия русской души. М.: Zebra E, 2002.
63. Сорос Д. Советская система: к открытому обществу. М.: ИПЛ, 1991.
64. Сорос Д. Указ. соч.
65. Сорос Д. Указ. соч.
66. Заславская Т.И. Перестройка и социализм // Постижение. М.: Прогресс. 1989.
67. Сорос Д. Указ. соч.
68. Солоневич И. Л. Указ. соч.
69. Данилов А. Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации. Минск: Харвест. 1998.
70. Киселев В. Сколько моделей социализма было в СССР? // Иного не дано. М.: Прогресс, 1988.
71. Роговин В.З. Была ли альтернатива: «Троцкизм»: Взгляд через годы. – М.: ТЕРРА, 1992.
72. Роговин В.З. Указ. соч.
73. Роговин В.З. Указ. соч.
74. Роговин В.З. Указ. соч.
75. Карр Э. История Советской России. Кн. 1: Том 1 и 2. Большевистская революция. 1917-1923. – М.: Прогресс. 1990.
76. Сталин И. В. Соч. т. 5.
77. Карр Э. Указ. соч.

Глава 5. Социалистические альтернативы в советской истории

Любой историк понимает, что история не знает сослагательного наклонения. То, что было, ни вернуть, ни изменить, ни повторить нельзя. Как говорил Гераклит, нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Но поразмышлять о том, что могло бы быть, какие альтернативные сценарии исторического развития страны и общества были когда-то реальными, в высшей степени интересно и полезно. И раз уж некоторые современные «специалисты» этим занимаются, почему бы не заняться этим и нам самим. В известной телепередаче «Суд истории» телеведущий Н. Сванидзе, кстати, представляющийся как историк и выступающий как медиасудья, всерьез и даже как-то азартно «сотрудничает» с Л. Млечиным (обвинителем) и С. Кургиняном (защитником) в обсуждении (а точнее было бы сказать, в осуждении) нашей российской истории. Уж если кто-то взялся за «сослагательное дело» нашей российской истории, попробуем и мы представить свой анализ того, что было и что могло бы быть.

И начнем мы свой анализ с двух основных типажей политической элиты Советской России начала XX века: Л. Д. Троцкого и Н. И. Бухарина. Но чтобы у читателя не было никаких иллюзий на сей счет, определимся сразу (как это всегда делает и Н. Сванидзе) с вопросом о том, зачем это нужно. Нужно это не для рейтинга телепередачи или чьей-то личной популярности. Необходимо это для того, чтобы читатель понял: в истории всегда есть альтернатива. Безальтернативной истории не бывает. И конкретный исторический выбор путей развития осуществляется далеко не всегда галантно и объективно. Вроде бы банальность. Но именно эту банальность не следует забывать, слушая некоторые телепередачи. Потому что от понимания альтернатив исторического выбора до спекулятивного отношения к самой истории всего-то полшага. А переступать эту границу все же не следует.

Кто такой был Л. Д. Троцкий (Бронштейн) в российской истории? Мы знаем, что именно он руководил, по сути дела, Октябрьским восстанием рабочих в Петрограде в 1917 г., в то время когда «великий вождь» российского пролетариата В. И. Ульянов (Ленин) прятался в своем шалаше в Разливе. В самые трудные годы для Советского режима именно Л. Д. Троцкий как Главковерх «спасал революцию», носясь в военных эшелонах по разным регионам огромной страны. Именно он одерживал необходимые для новой власти кровавые победы над своими классовыми врагами – соотечественниками в гражданской войне. Хотя ведь известно, что в гражданской войне нет и не может быть победителей. Но кому из тогдашних лидеров Советской России это было интересно?

И вот возникает вопрос: а если бы именно Л. Д. Троцкий стал преемником В. И. Ленина, что бы стало с Россией? По какому бы пути пошло ее историческое развитие? На этот счет, как известно, мнения «судьи» Н. Сванидзе и зрителей его телешоу разошлись диаметральным образом. Как ни хотелось авторам и спонсорам передачи «Суд истории» доказать великое предназначение Л. Д. Троцкого, ничего из этого не вышло. Потому что… если бы Л. Д. Троцкий стал преемником В. И. Ленина, он бы превратился в кровавого российского Робеспьера, который утопил бы страну в еще большей крови, чем та, в которой Советская Россия захлебывалась при И. В. Сталине и без него. А для этого у данного персонажа были

все необходимые основания. К ним мы еще вернемся. А пока вспомним о самом человеке.

Лев Давидович Бронштейн (псевдоним – Троцкий) родился в один день с Октябрьской революцией (25 октября) и в один год со своим будущим заклятым врагом И. В. Джугашвили (псевдоним – Сталин) – в 1879 г. Вот и думай после этого о невозможности мистических совпадений!

Родился он в селе Янковка Херсонской губернии на Украине в семье крестьянина. Отец Троцкого арендовал несколько десятин земли, с которой и питалась вся семья Бронштейнов: отец, мать, два брата и две сестры. Семья не отличалась особым благополучием, но жила без каких-либо материальных затруднений.

Л. Д. Троцкий окончил реальное училище в Николаеве и уже там создал свою первую неформальную политическую организацию – Южно-Русский рабочий союз. О своих взглядах той поры он откровенно писал, что они «были очень смутны». Но его увлекали романтика революционной борьбы, атмосфера пропаганды новых идей. В январе 1898 г. союз был разгромлен [1]. За свои увлечения (а не убеждения) Л. Д. Троцкий угодил в ссылку в Восточную Сибирь. По дороге к месту ссылки он познакомился со своей первой будущей женой Александрой Соколовой.

В Иркутской губернии, где он отбывал срок ссылки, Л. Д. Троцкий вновь занялся «политической работой». Но, пробыв в ссылке чуть более года, он бежал, оставив жену и двух маленьких дочерей. Видимо, этого требовали «интересы революции». В дальнейшем все подобные весьма сомнительные с моральной точки зрения поступки Л. Д. Троцкий будет объяснять именно «интересами революции».

В 1902 году в Лондоне произошла встреча Л. Д. Троцкого с В. И. Лениным. Его энергия настолько понравилась будущему вождю российского пролетариата, что тот предложил Г. В. Плеханову даже кооптировать Л. Д. Троцкого в редакцию газеты «Искра». Во время одной из своих заграничных поездок Л. Д. Троцкий познакомился с Натальей Седовой, будущей своей второй женой. Л. Д. Троцкий принял участие в работе II съезда РСДРП, на котором произошел раскол партии на большевиков и меньшевиков. На этом съезде Л. Д. Троцкий вновь показал себя во всей своей двуличности. В вопросе о принятии устава партии сначала он поддержал В. И. Ленина, но затем переметнулся в лагерь Л. Мартова, возглавившего меньшевистское крыло партии. С той поры, казалось, всякое сотрудничество Л. Д. Троцкого и В. И. Ленина стало невозможным.

Историки по-разному объясняют этот разрыв. Но, конечно, здесь дело не только в амбициях или нечеткости политических взглядов Л. Д. Троцкого. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что Л. Д. Троцкий пытался использовать конкретную ситуацию в своих собственных интересах, удовлетворить свои личные амбиции. В 1904 г. в Женеве он опубликовал известную книгу «Наши политические разногласия», в которой обрушился на ленинские работы «Что делать?» и «Шаг вперед, два шага назад». Поэтому вполне понятно, что после возвращения в Россию в 1905 г. он оказался сначала не у дел. Его не жаловали ни большевики, ни меньшевики. Первых он упрекал за радикализм, вторых – за очень осторожную политику. А те, в свою очередь, не без оснований подозревали Л. Д. Троцкого в двуличии. Тем не менее 13 октября 1905 года он становится заместителем председателя Петербургского Совета рабочих депутатов. Вероятно, в этом сыграла

свою роль его связь с германским социал-демократом А. Парвусом (псевдоним А. Л. Гельфанда), который впоследствии также сыграет свою роль в организации социалистической революции в России. Об этом в дальнейшем будут много и горячо спорить, искать доказательства и опровергать их. Но как бы то ни было, вероятность такого момента в карьере самого Л. Д. Троцкого отвергать с ходу не стоит.

А уже 27 ноября 1905 г. (после ареста бывшего председателя Г. С. Хрусталева-Носаря) Л. Д. Троцкий становится фактическим председателем Совета. Но самостоятельная карьера нового лидера Петербургского Совета рабочих депутатов длилась недолго. В октябре 1906 г. он вновь был арестован и отправлен «на вечное поселение» в Сибирь. По дороге к месту ссылки ему удалось бежать. А в мае 1907 г. он уже присутствовал на V Лондонском съезде РСДРП как делегат с совещательным голосом.

Вторая эмиграция также свелась к противоборству с В. И. Лениным. На этот счет Л. Д. Троцкий выразился вполне определенно: «Мне тогда был неясен великий исторический смысл ленинской политики непримиримого идейного межевания и где нужно – раскола, чтобы сплотить и закалить костяк подлинно пролетарской партии» [2]. Но, как говорится, искренности в этих слова нет никакой, да и задним числом все умны.

В Петроград Л. Д. Троцкий вернулся только 5 мая 1917 г., то есть уже после Февральской революции. Благодаря своей энергии и ораторским способностям он быстро завоевал популярность в среде интеллигенции и особенно люмпенов-пролетариев, которых в столице было предостаточно. Это было сделать тем проще, что многие видные большевики и меньшевики еще только возвращались в столицу из ссылок, тюрем и из-за границы. А на безрыбье, как известно, и рак – рыба. Оказывая им теплую встречу, Л. Д. Троцкий тем самым завоевывал симпатии очень многих.

Как известно, Февральская революция 1917 г. привела к установлению двоевластия – Временного правительства и Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Следовательно, на повестке дня встал вопрос о переходе всей полноты власти к Советам. И в этом вопросе революции Л. Д. Троцкий и В. И. Ленин были единодушны. Им не нужна была широкая сословная представительная демократия, они стремились к установлению собственной власти в стране. Кстати, и в вопросе о перерастании российской революции в мировую они также были единодушны. Поэтому прежние противоречия и споры можно было на время отставить в сторону. Л. Д. Троцкий в одночасье вдруг стал «верным ленинцем». И причиной этого стало именно яростное его стремление к власти. Это В. И. Ленину было весьма на руку. Вот что Л. Д. Троцкий напишет о 1917 г. в неопубликованной рукописи статьи «Наши разногласия» в 1924 г.: «В центре октябрьских разногласий стоял вопрос о вооруженном восстании <…> Партия боролась тогда за власть Советов и в то же время – за созыв Учредительного собрания. Один из наиболее популярных лозунгов агитации гласил, что без захвата власти Советами Учредительное собрание не будет созвано, а если и будет созвано, то станет орудием контрреволюции. Именно так ставился вопрос Лениным и партией: путь к Учредительному собранию не через Временное правительство и Предпарламент, а через диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства <…> Противники захвата власти противопоставляли ленинскому пути восстания надежды на Учредительное собра-

ние» [3]. Развивая свои взгляды на «комбинированный тип государства» после социалистической революции, Л. Д. Троцкий приводит следующее суждение В. И. Ленина: «Сперва возьмем власть, потом созовем Учредительное собрание и, если понадобится, скомбинируем его с Советами <…> У Ленина и Учредительное собрание, и Советы являлись органами одного и того же класса, или союза неимущих классов (пролетариата и деревенской бедноты); вопрос о комбинировании учредилки с Советами получал для Ленина организационно-технический характер. У противников его Советы представляли один класс (пролетариат и бедноту), а Учредительное собрание оставалось органом имущих классов. Держать курс на такой комбинированный тип можно было лишь исходя из фантастической надежды на то, что безвластные Советы будут „револьвером у виска буржуазии“ и что буржуазия будет комбинировать с ними свою политику» [4].

На самом деле большевики не получили доверия народа. А их тайные намерения просвечивают в словах самого Л. Д. Троцкого, пренебрежительно называющего будущий высший орган государственной власти учредилкой. На выборах в Учредительное собрание большевики с треском провалились. Они набрали всего 25 % голосов, тогда как эсеры получили 410 из 715 мандатов [5]. Поэтому судьба Учредительного собрания была предрешена: его просто разогнали.

Как следует из дальнейших рассуждений Л. Д. Троцкого, именно вопрос о захвате власти был для него важнейшим. Что с ней делать, его мало беспокоило. Да и странным казался этот вопрос: что можно делать с властью, как не пользоваться ею? Расплывчатые, но весьма при этом радикальные теоретические взгляды Л. Д. Троцкого по поводу социалистической революции и социалистического строительства в полной мере сохранялись и в 1917 г. Однако, столь радикальные взгляды и жажда власти не могли не стать причиной новых репрессий: Л. Д. Троцкий оказался в «Крестах», из которых его выпустили только 2 сентября 1917 г. И он тут же развивает бурную деятельность по подготовке вооруженного восстания. Меньшевик Н. Суханов в своих «Записках о революции» прямо признавал: «Он (Л. Д. Троцкий – авт.) был центральной фигурой этих дней и главным героем этой замечательной страницы истории» [6].

Но и в эти бурные дни Л. Д. Троцкий отделял свою позицию от ленинской. В 1925 г. в своей книге «О Ленине» он писал: «В Центральном комитете определились три группировки: противники захвата власти, оказавшиеся вынужденными логикой положения отказаться от лозунга „власть Советам“; Ленин, требовавший немедленной организации вооруженного восстания независимо от Советов; и остальная группа, которая считала необходимым тесно связать восстание со Вторым съездом советов и тем самым выдвинуть его к последнему времени» [7]. Естественно, что себя Л. Д. Троцкий отнес к третьей группе членов ЦК. При этом в своих мемуарах он заявлял, что «Сталин держал курс на поддержку Временного правительства Гучкова – Милюкова и на слияние большевиков с меньшевиками» [8]. Такое «откровение» свидетельствует только о том, что они стоили друг друга: Сталин и Троцкий.

Поскольку именно Л. Д. Троцкий возглавлял в момент восстания Петроградский Совет, то и сценарий событий совпал с его предложением. II съезд Советов начал свою работу аккурат 25 октября 1917 г. в 22 часа 40 минут. Именно на этом съезде было объявлено, что «большевики взяли власть в свои руки всерьез и надолго».

Л. Д. Троцкий занял в первом составе Советского правительства пост народного комиссара по иностранным делам. Но уже 14 марта 1917 г. он был назначен народным комиссаром по военным делам. На этом посту Л. Д. Троцкий вновь продемонстрировал свои разногласия с В. И. Лениным, когда сначала пытался затянуть мирные переговоры с Германией в Брест-Литовске, а затем вообще отказался подписывать «унизительный мир» и выдвинул свой известный тезис: «Ни войны, ни мира, а армию распустить!» Оправдывая задним числом такую позицию, он утверждал: «Затягивание переговоров было в наших интересах» [9]. Чем окончилось такое затягивание переговоров, известно: германская армия в конечном счете оккупировала почти всю европейскую часть Советской России и поставила под угрозу сам факт ее существования. Оправдывая задним числом свое поведение, Л. Д. Троцкий вновь продемонстрировал непонимание важности исторического момента. Он писал: «Как сам Ленин глядел на брестский этап, когда последний остался позади? Ленин вообще не считал заслуживающим упоминания чисто эпизодическое разногласие со мною» [10]. Но поведение Л. Д. Троцкого в Брест-Литовске не было «чисто эпизодическим разногласием». Оно свидетельствовало о хроническом авантюризме Л. Д. Троцкого, который никогда не был силен ни в стратегии революционной борьбы, ни в дипломатии.

Уже 2 сентября 1918 г., в самый разгар Гражданской войны, Л. Д. Троцкий становится председателем Революционного военного совета Республики (РВСР). На этом поприще Л. Д. Троцкий показал себя весьма энергичным руководителем. При его активном участии были сформированы первые части Красной Армии, институт комиссаров в воинских частях, организовано всеобщее обязательное воинское обучение в школах и т. д. Однако в Красной Армии Л. Д. Троцким и его ближайшим окружением насаждался культ его собственной личности. Об этом откровенно свидетельствует и политический Устав Красной Армии тех лет [11]. Нетерпимость к инакомыслию, жесткость, граничившая с жестокостью, самомнение, амбиции и апломб – вот характерные черты Л. Д. Троцкого. Для напряженной ситуации Гражданской войны эти черты были, вероятно, не так опасны. Но после войны, уже находясь на других постах, Л. Д. Троцкий ничуть не изменился. А его характер стал препятствием для нормальной и конструктивной организации работы. Говоря на VIII съезде о создании Л. Д. Троцким «известной школы работы в своем ведомстве», В. И. Ленин особенно отмечал его пропагандистские способности [12]. Но это была та еще «школа»!

В 1920 г., оставаясь на своих прежних постах, Л. Д. Троцкий на короткое время стал наркомом путей сообщения. Под его руководством была разработана программа ускоренного восстановления паровозного парка, приняты меры по налаживанию работы транспорта. Однако все это достигалось при помощи сугубо административных методов, путем угроз, санкций, репрессий, откровенного шельмования подчиненных. «Его стремление к абсолютизации вполне оправданных в условиях разрухи и всеобщей неразберихи административных методов не замедлило вылиться в конструирование модели так называемого „милитаристского социализма“, представлявшего собой шаг назад к позициям домарксистского утопического социализма казарменного типа» [13]. Поэтому излишне смелым является суждение о том, что в 1923 г. Л. Д. Троцкий «силой обстоятельств в ходе дискуссии о партии стал выразителем демократических тенденций и совместно с

рядом старых большевиков отстаивал необходимость проведения демократических реформ в партии» [14]. Такие суждения нельзя делать на основе анализа мемуаров Л. Д. Троцкого. Тем более что любой мемуарист в такого рода сочинениях всегда пытается изобразить себя в лучшем свете. Вся предшествовавшая выходу мемуаров деятельность Л. Д. Троцкого убедительно опровергает представления о его демократизме. Просто необходимо вспомнить исторический контекст того времени: в 1923 г. Л. Д. Троцкий фактически уже утрачивал властные полномочия и свое влияние в партии. Поэтому его рассуждения о необходимости демократических процедур принятия решений были вызваны лишь его желанием эту самую власть сохранить. И ничем более. За чистую монету их принимать не следует. Да и сам Л. Д. Троцкий на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК РКП (б), рассмотревшем вопрос «О внутрипартийном положении в связи с письмами Троцкого» (25–27 октября 1923 г.) «признал несвоевременность» своих выступлений на этот счет. Как бы то ни было, особого накала отношения Л. Д. Троцкого с другими членами ЦК достигли в 1927–1928 гг. На VIII съезде партии К. Ворошилов прямо обвинил Л. Д. Троцкого в массовых репрессиях против командного и рядового составов Красной Армии в годы Гражданской войны. К этим обвинениям присоединился Н. И. Подвойский, который заявил: «Вы расстреливали коммунистов. Я представлю список расстрелянных вами людей» [15]. В такой обстановке участь Л. Д. Троцкого практически была предрешена. В начале 1928 г. он оказывается в политической ссылке в Алма-Ате, а в феврале 1929 г. его высылают из СССР. Вплоть до конца 1932 г. он поддерживает контакты со своими сторонниками в Советском Союзе [16]. У него появляется мысль о создании нового IV Интернационала, который мог бы стать серьезным оружием в борьбе со сталинизмом.

До 1933 г. Л. Д. Троцкий жил на Принцевых островах вблизи Стамбула, затем до 1935 г. – во Франции. Летом 1935 г. он перебрался в Норвегию. В январе 1937 г. эмигрировал в Мексику, где остановился в одном из пригородов Мехико – местечке Койоакан. Буквально через две недели после его приезда в Мексику в Москве открылся очередной политический процесс, на котором главным обвиняемым заочно снова стал Л. Д. Троцкий. Но это не охладило его энтузиазма. В 1938 г. при его самом активном участии был создан IV Интернационал. Главную роль в нем играла Социалистическая рабочая партия США. В воздухе уже пахло войной, которая начнется 1 сентября 1939 года. Л. Д. Троцкий возлагал надежды на то, что новая война всколыхнет революционное движение, а это будет иметь последствия, аналогичные тем, которые наступили после Первой мировой войны. К концу жизни Троцкий работал над новой книгой «Сталин». В ней он предполагал окончательно развенчать образ Сталина как вождя пролетарской революции. «Пока Гитлер ведет военные действия, – писал он в начале мировой войны, – Сталин действует в качестве его интенданта» [17]. Но закончить очередной свой замысел Л. Д. Троцкий не успел. Кольцо ГПУ вокруг него с каждым днем сжималось все больше и больше. 21 августа 1940 г. на Л. Д. Троцкого было совершено покушение. Спустя несколько часов он скончался от ран, нанесенных ему ледорубом по голове агентом ГПУ Рамоном Меркадером.

Однако со смертью Л. Д. Троцкого не исчезло то явление в истории нашей страны, которое называется троцкизмом. Как специфическое идейно-политическое явление троцкизм представляет собой определенный комплекс идей. Поэтому

для полноты картины обратимся к наиболее интересным и значимым идеям Л. Д. Троцкого.

Среди них наибольший интерес представляет идея перманентной мировой пролетарской революции. В своей книге «Перманентная революция» (1930) он писал: «Завершение социалистической революции в национальных рамках немыслимо <…> Социалистическая революция начинается на национальной арене, развивается на интернациональной и завершается на мировой. Таким образом, социалистическая революция становится перманентной в новом, более широком смысле слова: она не получает своего завершения до окончательного торжества нового общества на всей нашей планете» [18]. Ход мирового исторического развития доказал, что никакой мировой или перманентной социалистической революции не произошло. Как известно, история – лучший судья. Но не для Л. Д. Троцкого, который и спустя годы, в 1924 г., в своей работе «Новый курс» настаивал на том, что нет решительно никаких оснований отрекаться от теории «перманентной революции». «Какая политическая мысль вкладывается в эти слова? Та мысль, что для нас, для коммунистов, революция не заканчивается после достижения того или иного политического завоевания, той или другой социальной реформы, а развивается дальше, и пределом ее для нас является только социалистическое общество <…> Это относится как ко внутренним завоеваниям революции, в национальных пределах, так и к перенесению революции на международную арену» [19].

Другая ключевая идея Л. Д. Троцкого – это требование милитаризации всей экономики страны. В основе этой идеи лежал тезис о необходимости превращения всего хозяйства в некое подобие военной казармы, где все делалось бы по приказам сверху, а массы были бы послушными исполнителями воли своих командиров. «Субъективистский произвол, упор на административные методы, милитаризацию труда и устрашение, отрицание методов убеждения и материального стимулирования, «перетряхивание» и «закручивание гаек» как средства руководства общественными организациями трудящихся – такие методы пытался навязать Л. Д. Троцкий партии на определенном этапе» [20].

При этом Л. Д. Троцкий прекрасно понимал опасности администрирования. Он писал: «Отсюда совершенно ясны две опасности, связанные с применением государственных плановых методов хозяйствования в ближайшую эпоху:

а) при попытке опередить путем планового вмешательства хозяйственное развитие, заменить регулирующую работу рынка административными мероприятиями, для которых живой хозяйственный опыт еще не создал необходимой опоры, совершенно неизбежны частные или общие хозяйственные кризисы того специфического типа, какие мы наблюдали в эпоху военного коммунизма („заторы“, „пробки“ и пр.):

б) при отставании централизованного регулирования от явно назревших потребностей в нем мы будем иметь разрешение хозяйственных вопросов неэкономическими методами рынка и в тех случаях, когда своевременное административно-хозяйственное вмешательство могло бы достигнуть тех же результатов в более короткий срок и с меньшей затратой сил и средств» [21].

И тем не менее он считал, что «социалистическое строительство принципиально отвергает принцип „свободы труда“» [22]. И далее: «Принцип всеобщей трудовой повинности <…> должен найти ныне широкое и всестороннее применение на

деле. Законченное проведение всеобщей трудовой повинности в рамках общехозяйственного плана сможет быть осуществлено путем усовершенствования всего административного и хозяйственного аппарата страны <…> Переход к широкому применению трудовой повинности должен быть сделан немедленно <…> Аппарат для проведения трудовой повинности на местах <…> должен быть создан из сочетания местных отделов: Военного комиссариата, Отдела управления исполкома и Отдела труда <…> В центре создается Главный комитет по трудовой повинности» [23].

Именно в контексте милитаризации хозяйственной жизни и распространения административных способов его ведения и следует понимать троцкистские рассуждения о борьбе с бюрократизмом. «Элемент милитаризации труда в тех или иных пределах, в той или иной форме неизбежно присущ переходному хозяйству, основанному на всеобщей трудовой повинности <…> Милитаризация хозяйства означает в конкретных условиях Советской России, что вопросы хозяйства <…> должны быть в сознании трудящихся и в практике государственных учреждений приравнены к боевым вопросам. Все население города и деревни должно понять, что устранение всех видов трудового дезертирства и шкурничества, несвоевременной явки на работу, неряшливости, бездельничанья, злоупотребления является вопросом жизни и смерти для всей страны <…> [24].

В качестве средства милитаризации народного хозяйства Л. Д. Троцкий предлагал создание трудовых армий. Он писал: «В качестве одной из переходных форм к проведению всеобщей трудовой повинности и к самому широкому применению общественного труда должны быть использованы для трудовых целей освобождающиеся от боевых задач воинские части» [25]. Прямо аракчеевщина какая-то! Но не тут-то было! Мысль Л. Д. Троцкого гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд. Речь идет не о борьбе с советской бюрократией, а, по сути, о ее замене военной бюрократией. «Расцвет главкократии является необходимым этапом в развитии социалистического хозяйства. У нас много говорят о советском бюрократизме, о его пороках, о необходимости борьбы с ним <…> Но нельзя забывать, что в виде наших во многом неуклюжих комиссариатов и главков мы создали и создаем не нечто случайное и вредное, а нечто необходимое, именно – административно-хозяйственную советскую бюрократию, без которой не может существовать государство <…> в нынешнюю переходную эпоху к коммунизму» [26].

При этом особое место Л. Д. Троцкий уделял и борьбе с партийным бюрократизмом. «Бюрократичность – не случайная черта отдельных провинциальных организаций, а общее явление. Она вовсе не является „пережитком“ военного периода, а представляет собой результат перенесения на партию методов и приемов администрирования, накопленных именно за последние годы. Бюрократизм военного периода, какие бы в отдельных случаях уродливые формы он ни принимал, представляется младенческим по сравнению с нынешним бюрократизмом в условиях мирного развития» [27]. Речь идет о 1924 г. Под флагом развития внутрипартийной демократии, с одной стороны, и борьбы с партийным бюрократизмом, с другой стороны, Л. Д. Троцкий предлагает ни больше и ни меньше как «наведение порядка по военному образцу». Милитаризацию экономики и распространение в ней административных методов он считает нормальным, а вот «перене-

сение этих методов на партию» – причиной ее бюрократизации. Где же логика? И где последовательность? Как можно сочетать эти рассуждения с более ранними представлениями Л. Д. Троцкого о том, что господство пролетариата «будет означать демократическое равенство и свободное самоуправление» [28]. Но автора приведенных выше рассуждений мало интересовала последовательность, ему необходимо было добиться милитаризации страны, при которой он как опытный главковерх вновь оказался бы необходим. С этих позиций становятся понятны и его приверженность телеологическому направлению в планировании, и резкое неприятие генетического направления.

Еще одна идея Л. Д. Троцкого касается его представлений о крестьянстве. Суть идеи состояла в трактовке крестьянства как чужеродной пролетариату мелкобуржуазной социальной массы. Сам автор на этот счет заявлял: «Излюбленным аргументом, вошедшим в употребление в некоторых кругах за последнее время, является указание – преимущественно косвенное – на мою „недооценку“ роли крестьянства. Тщетно стали бы вы, однако, искать какого-либо анализа этого вопроса, приведения фактов, цитат, вообще доказательств» [29]. Действительно, в своих опубликованных работах Л. Д. Троцкий был весьма осторожен по вопросу о крестьянстве и его роли в строительстве социализма. Но обратимся к архиву Л. Д. Троцкого, включающего его работы с 1923 по 1927 гг., опубликованному Ю. Фельштинским. Обратим внимание на то, что речь идет не о ранних и не о поздних архивных источниках, а о тех, когда самым очевидным образом назревал конфликт между Л. Д. Троцким и И. В. Сталиным в партии. Поэтому, на первый взгляд, упреки в недооценке крестьянства, звучавшие в адрес Л. Д. Троцкого, могут показаться необоснованными, заказными. Но вот читаем: «Таким образом, ликвидация в 1923 году внутрипартийной, а вместе с тем и рабочей демократии оказалась лишь прологом развертывания крестьянско-кулацкой демократии. Политика ЦК не только связывает активность пролетариата, но и развязывает активность непролетарских классов» [30]. Оценивая период 1923–1924 гг. как период разгула «крестьянско-кулацкой демократии», Л. Д. Троцкий, вероятно, считал свою оценку адекватной действительности. Но как тогда эта оценка согласуется с его признанием правомерности перехода к новой экономической политике? Или он и НЭП отождествлял с «разгулом крестьянско-кулацкой демократии»? А вот еще одна цитата: «Растущая деревенская буржуазия является паразитической буржуазией, вредной не только с точки зрения успехов социалистического строительства, но и с точки зрения развития производительных сил вообще» [31].

Насчет «производительных сил» Л. Д. Троцкий преувеличил: благодаря новой экономической политике и «растущей деревенской паразитической буржуазии» с 1921 по 1926 гг. производство сельскохозяйственной продукции выросло в два раза и на 18 % превысило уровень 1913 г. [32].

Называя новую экономическую политику в отношении к деревне «кулацкой линией», Л. Д. Троцкий пикируется даже не столько с И. В. Сталиным, сколько с Н. И. Бухариным. Последний, как известно, выступал за развитие различных форм собственности и хозяйства на деревне, за поощрение частной инициативы, за распространение крестьянских трудовых хозяйств. Что же предлагает Л. Д. Троцкий? Читаем: «„Курсу на кулака“ нельзя противопоставлять „курс на бедняка“: успеш-

ной борьба с кулаком может быть лишь при установлении курса на крупное социалистическое сельское хозяйство в политическом союзе с бедняком и смычке через него с середняком» (выделено авт.) [33]. И далее он излагает целую программу из восьми пунктов по перестройке политики партии в деревне [34]. Особый интерес представляет идея «усилить организацию коллективных хозяйств, обязательно с участием государственного капитала и обеспечением за последним достаточного влияния». Речь идет, по сути, о государственном контроле над предприятиями. Но о каком государственном капитале рассуждал Л. Д. Троцкий? Вспомним, что только с июля по декабрь 1925 г. денежная масса в стране увеличилась по сравнению с 1924 г. на 400 млн руб. Это привело к нарушению равновесия между размерами товарооборота и находящейся в обращении денежной массой, спровоцировало инфляцию и резкое обесценивание денег [35]. По сути дела, тот государственный капитал, о котором рассуждал Л. Д. Троцкий, уже превратился в пустые фантики, а государство не имело никакой практической возможности создавать крупные государственные сельскохозяйственные предприятия со своим финансовым участием. Поэтому предложения Л. Д. Троцкого можно рассматривать либо как идеи на будущий период, либо как прожектерство.

Очень большой интерес и прежде, и сейчас представляет идея Л. Д. Троцкого о революционном термидоре – об опасности перерождения революционной партии и крушении самой социалистической революции. Эту идею явно не хотел признавать тот, кто впоследствии станет, по версии Л. Д. Троцкого, автором «Русского Термидора» – И. В. Сталин. Вот что на этот счет писал сам Л. Д. Троцкий: «Может ли у нас иметь место Термидор? В „Правде“ при помощи цитат доказывают, что не может. Сталин говорил что-то о невежестве тех, которые вспоминают о Термидоре. Но это все неправильно, бьет мимо цели <…> Есть ли у нас опасность Термидора? Этот вопрос означает: а) есть ли у нас опасность буржуазной реставрации вообще; б) есть ли основания думать, что эта реставрация совершится не сразу, одним ударом, а рядом последовательных сдвигов, причем первый сдвиг произойдет сверху, в значительной мере внутри одной и той же партии – от элементов, представлявших подъем революции, к элементам, приспособляющимся к ее спуску» [36]. Позиция самого Л. Д. Троцкого на этот счет была следующей: «Отрицать опасность буржуазной реставрации для диктатуры пролетариата в отсталой стране, в капиталистическом окружении – немыслимо. Говорить о неизбежности Термидора может только меньшевик или действительный капитулянт, не понимающий ни международных, ни внутренних ресурсов нашей революции» [37]. Оценивая ситуацию 1926–1927 гг., Л. Д. Троцкий указывал: «Происходят ли в стране процессы, которые могут сделать вполне реальной опасность Термидора – при бюрократически слепой политике с нашей стороны? Происходят. Не буду останавливаться ни на кулаке, ни на частнике, ни на империалистическом давлении извне. Это общеизвестно <…> Такие „сдвиги“ даже на заводах не составляют редкого исключения. Что это означает? Это не контрреволюция, не переворот, а перегруппировка элементов внутри одного и того же класса, одной и той же партии, – такая перегруппировка, которая поднимает кверху наиболее легко приспособляющиеся элементы и тем самым понижает революционную сопротивляемость класса. Идет ли у нас сейчас перегруппировка по этой линии в более широком масштабе? Я утверждаю, что идет» [38].

Были ли у Л. Д. Троцкого серьезные основания для таких оценок? Были, поскольку еще раньше, в апреле 1918 г., В. И. Ленин прямо заявил руководству партии о необходимости изменить курс. «Его план предусматривал прекращение национализации и экспроприации и *modus vivendi* с крупным частным капиталом. Новый экономический порядок должен был опираться на ограниченную государственную собственность, в то же время сохраняя частную (или смешанную) собственность и управление на большинстве предприятий <…> По мнению Ленина, чтобы его правительство могло продержаться, необходимы были техническое сотрудничество с крупной буржуазией, окончание стадии революционного разрушения и восстановление авторитета администрации на предприятиях <…> Одним словом, он открыто признавал необходимость „прекращения наступления против капитала“» [39]. Естественно, что позиция Л. Д. Троцкого была и тогда прямо противоположной. Не изменилась она и спустя десять лет.

Казалось бы, Л. Д. Троцкий предугадал последующий ход событий, вплоть до контрреволюционного термидорианского переворота. Но прожженный аппаратчик И. В. Сталин осуществил всего лишь административно-командный, кадрово-бюрократический переворот, попросту переиграв Л. Д. Троцкого в борьбе за власть. Последовавшие затем контрреформы 30-х гг. и «сталинский курс» мало чем отличались от идей милитаризации народного хозяйства и укрепления административных методов управления экономикой, к которым призывал сам Л. Д. Троцкий. А что касается подлинного термидора и реставрации капитализма в нашей стране, он состоится много позже, уже в конце 80-х гг. XX в. И важным субъективным условием реставрации капитализма в его самой дикой, извращенной форме в нашей стране станет «заговор М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина» [40].

Однако в Советской России были и другие политические силы, которые стремились к сочетанию плана и рынка, начал экономической свободы и демократии. Наиболее ярким их представителем был Николай Иванович Бухарин (1888–1938). Он родился в Москве в семье учителей Ивана Гавриловича и Любови Ивановны Бухариных. После окончания начальной школы поступил сначала в московскую гимназию, а затем в Московский университет на экономическое отделение юридического факультета. В 1905 г. Н. И. Бухарин был уже руководителем нелегального студенческого движения, связанного с социал-демократами [41]. А в 1906 г. он вступил в ряды РСДРП (б). На выпускном курсе в 1911 г. он был арестован. Проведя больше полугода в заключении в Бутырской и Сущевской тюрьмах, он был затем выслан в Онегу в отдаленной Архангельской губернии. С каторги Н. И. Бухарин бежал сначала в Москву, а затем за границу (в Ганновер). Его эмиграция продолжалась вплоть до 1917 г. Именно в эмиграции он стал одним из лидеров большевистской партии. В момент отъезда из России он был известен руководству РСДРП (б) как местный работник, но за границей он приобрел авторитет крупного теоретика в партии. Прежде всего, необходимо отметить первую его крупную работу «Политическая экономия рантье» (1914), в которой он дал развернутую критику австрийской школе предельной полезности. Поводом для написания работы стали лекции Е. Бем-Баверка, которые он прослушал в Венском университете. В этой работе Н. И. Бухарин попытался дать развернутую критику теории убывающей (предельной) полезности и охарактеризовал ее авторов как рантье. Он, в частности, заметил, что существует ряд признаков рантье: это пси-

хология потребителя, обостренный индивидуализм и боязнь социальных перемен [42]. Однако эти признаки нельзя произвольно приписывать теории потребления, каковой, собственно, и является теория убывающей (предельной) полезности. Н. И. Бухарин никоим образом не опроверг главного тезиса Е. Бем-Баверка о том, что по мере насыщения рынка конкретным товаром спрос на этот товар угасает и в предельном (конечном) случае становится равным нулю. Тем более что и сама идея принадлежала не Е. Бем-Баверку, который ее лишь интерпретировал, а еще его предшественнику, немецкому экономисту Г. Госсену. Что же касается вывода о том, что «именно тип рантье является предельным типом буржуа, а теория предельной полезности – идеологией этого предельного типа» [43], то это была пустая декларация, поскольку потребителями в действительности являются не только буржуа, но и пролетарии, а предельная полезность возникает не только в процессе потребления огромных ресурсов (что могло бы еще хоть как-то рассматриваться как признак буржуазного потребления), но и даже их небольшого (ограниченного) количества. Иное дело, что теорию предельной (убывающей) полезности нельзя трактовать как абсолютный экономический закон, поскольку на практике сплошь и рядом наблюдаются совершенно иные процессы. А именно: в предельном случае последняя сигарета для курильщика, какая-то вещица для коллекционера, рюмка для любителя спиртного или даже информация для клиента могут обладать и обладают более высокой полезностью, чем на первых этапах потребления этих благ. Что же остается после этого от «абсолютного закона убывающей полезности» – вот вопрос. Но Н. И. Бухарин прошел мимо этого вопроса. Он с молодой горячностью со ссылками на К. Маркса пытается опровергнуть правомерность употребления в экономическом анализе понятия субъективной и объективной полезности, поскольку полезность в марксистской политической экономии трактуется как потребительная стоимость. Что же касается понятия ценности, то она, по существу, отождествляется автором с ценой товаров, а последняя, в полном соответствии с трудовой теорией К. Маркса, есть не что иное, как отражение стоимости товара, но никак не его полезности. Н. И. Бухарин не задается вопросом о том, почему цена должна отражать только одно свойство товара, если у него их два. Для него потребительная стоимость (ценность) как бы растворена в стоимости. Но очевидно, что стоимость как затраты общественно-необходимого труда, которые предстают как расходы товаропроизводителя, далеко не всегда соответствуют потребительной стоимости (ценности). На рынке сплошь и рядом можно встретить товары, обладающие низкой потребительной стоимостью, но высокой стоимостью, и наоборот. Само наименование «товары первой необходимости», например, говорит о том, что их ценность высока по сравнению с ценностью предметов роскоши. Но ведь созданы они при относительно низкой стоимости по сравнению со стоимостью предметов роскоши. Поэтому логические умозаключения Н. И. Бухарина весьма поверхностные.

Полагая, что австрийская экономическая школа страдает тремя пороками – субъективизмом, антиисторизмом и потребительством, – Н. И. Бухарин попросту приписал эти пороки. На самом деле, для потребителя вполне естественно культурно и очень требовательно подходить к выбору благ. Поэтому обвинять его в наличии некоего культа потребления здесь просто смешно. Только юродивому может быть все равно, что он ест или надевает на себя. При этом любой клиент как субъект

вполне субъективен в своих предпочтениях. Поэтому надо было бы по логике вещей обвинять в субъективизме не венских экономистов, а самих потребителей. Но критерием истины является практика, а не умозрительные заключения. И здесь необходимо различать феномены, о которых писал Е. Бем-Баверк, и ноумены, которые излагал молодой Н. И. Бухарин. Одним из таких ноуменов была прибыль, которую он рассматривал как классический марксист. Обвиняя Е. Бем-Баверка в том, что он выводит прибыль логически, а не исторически, Н. И. Бухарин вновь погрешил против истины [44]. Е. Бем-Баверк писал о прибыли вообще, безотносительно к особенностям той или иной эпохи, тогда как Н. И. Бухарин имел в виду исключительно капиталистическую прибыль. Известно, что прибыль существовала задолго до капитализма. Сама по себе она есть явление рыночной экономики, в том числе и простого товарного производства. Капиталистическая же ее форма действительно отражает исторические особенности конкретного периода – капиталистического товарного производства. Но обвинять своего оппонента в том, что он логически рассматривает прибыль как общее для различных хозяйственных эпох явление, как разницу между выручкой и расходами, представляется нам неким «революционным наскоком студента на преподавателя». Пытаясь математически обосновать ошибочность расчетов Е. Бем-Баверка, Н. И. Бухарин ухватился за тезис венской школы о том, что настоящие блага всегда обладают большей ценностью, чем блага, которые относятся к будущему периоду. И здесь он пытается связать указанный тезис с марксистским учением о разделении труда: «Блага, которые удовлетворяют настоящие потребности, то есть потребности, относящиеся к настоящему времени, Е. Бем-Баверк называет настоящими благами. Наоборот, блага, удовлетворяющие будущие потребности, носят у него название будущих благ <…> Настоящие блага постоянно обладают большей ценностью, чем будущие блага того же вида, находящиеся в таком же количестве <…> В действительности же не приходится ни „ждать“, ни откладывать потребления по той простой причине, что какой бы производственный цикл мы ни взяли, если у нас имеется уже ход общественного производства, то общественный продукт потребления находится одновременно на всех стадиях своей выработки. Еще Маркс выяснил, что разделение труда заменяет «последовательность во времени» «последовательностью в пространстве» [45]. Однако далее Н. И. Бухарин почему-то ссылается на немецкого экономиста К. Родбертуса, который ничего общего с марксизмом не имел.

Если вдуматься в существо вопроса, то становится ясно, что существуют наличные (насущные) потребности и потребности в будущем периоде. И тут нет ничего антинаучного. Когда дольщик, вкладывающий свои средства по договору долевого строительства жилья, живет во временном жилье, то он удовлетворяет именно свои наличные (насущные) потребности и очевидным образом не удовлетворяет и никак не может удовлетворить свои потребности в будущем, то есть потребности в строящемся жилье. Почему? Да потому, что этого самого жилья еще нет, хотя оно уже и находится, по словам Н. И. Бухарина, «одновременно на всех стадиях своей выработки». Кто-то производит стройматериалы, кто-то занимается рытьем котлована, кто-то чем-то еще, но самого нового жилья как такового еще нет в наличии. Так зачем же «копья ломать», критикуя оппонента за совершенно очевидные вещи? А причина одна: увлечение марксизмом и представления о нем как о догме для социал-демократии.

Мы специально привели пример со строительством жилья потому, что его нельзя рассматривать исключительно как предмет потребления. Ведь будущий собственник может его сдать. А поскольку Н. И. Бухарин рассуждает не о потребительских товарах, а о факторах производства, то данный пример вполне корректен. Можно, в конце концов, вместо жилья взять офисную, коммерческую или еще какую-нибудь недвижимость. Суть вопроса от этого не изменится.

Начетничество и догматизм молодого марксиста наиболее ярко проявляются в критике теории синтетической стоимости М. И. Туган-Барановского, которую Н. И. Бухарин дает в конце своей книги. Смысл синтетической теории стоимости состоял в том, что ценность (а следовательно, и цена как ее денежное выражение) рассматривалась как результирующая трудовой стоимости (общественно необходимых затрат труда) и полезности благ. «Полезность последних единиц свободно производимых продуктов каждого рода, – писал М. И. Туган-Барановский, – должна быть обратно пропорциональна относительному количеству этих продуктов, произведенных в единицу рабочего времени, иначе говоря, должна быть прямо пропорциональна трудовой стоимости тех продуктов» [46]. Это рассуждение настолько «возмутило» автора книги, что он назвал его «теоретическим примиренчеством». Но почему марксизм должен иметь монополию на научную истину? Почему одно и то же явление нельзя рассматривать под различными углами зрения, а потом пытаться дать синтетическую картину? Опять мы упираемся в самый элементарный догматизм.

В 1915 г. выходит вторая крупная работа Н. И. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм». В ней дана систематизация главных факторов империализма, который автор рассматривает как элемент финансового капитализма, хотя и «интегральный». Напомним, что В. И. Ленин несколько иначе ставил этот вопрос. В своей работе «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916) он, наоборот, рассматривал финансовый капитал как элемент империализма в ряду других его признаков. Здесь он четко выделил основные признаки империализма:

1) концентрация производства и монополии;
2) новая роль банков;
3) развитие финансового капитала и финансовой олигархии;
4) вывоз капитала;
5) раздел мира между союзами капиталистов;
6) раздел мира между великими державами;
7) паразитизм и загнивание капитализма.

Поэтому необходимо дополнить оценку С. Коэна об отличиях между этими двумя работами. Он пишет: «Работы Бухарина и Ленина существенно отличались в трактовке современного капитализма; два различия были особенно важны. Во-первых, ленинская модель империализма основывалась на понимании национального капитализма, заметно отличалась от бухаринского. Хотя Ленин также понимал процесс превращения капитализма свободного предпринимательства в монополистический капитализм, отмечая, что главное здесь – вытеснение свободной конкуренции, тем не менее он в значительно меньшей степени был склонен делать выводы, что конкуренция и анархия производства вовсе перестали играть роль в национальном капитализме <…> Второе существенное отличие касалось роли национализма в эпоху империализма. Аргументация Н. И. Бухарина в рабо-

те „Мировое хозяйство и империализм“ не находилась в противоречии с последующим подъемом национально-освободительного движения в колониях, о чем свидетельствует тот факт, что впоследствии он стал принимать это движение в расчет. Но в 1915–1916 гг. он был убежден, что при империализме экономический и политический национализм превращается в анахронизм» [47].

Не возражая против этой оценки, заметим, что С. Коэн и другие биографы Н. И. Бухарина проглядели ключевое отличие в его трактовке империализма. Для Н. И. Бухарина финансовый капитал был общим понятием, а империализм – лишь его интегральной, но все-таки частной характеристикой (фактором). Для В. И. Ленина все обстояло с точностью до наоборот: империализм был общим понятием, а финансовый капитал – его конкретной, частной характеристикой. Как говорят в Одессе, это «две большие разницы».

«Мы говорим об империализме как о политике финансового капитала. Но можно говорить об империализме и как об идеологии», – указывал Н. И. Бухарин [48].

В первые десятилетия XX в. существовали различные теории империализма: теория ультраимпериализма К. Каутского, теория финансового капитала Р. Гильфердинга, теория империализма Р. Люксембург и т. д. В чем же специфика бухаринской интерпретации империализма? В этой работе акцент делается на глобальное противоречие между процессами интеграции и национализации капитала на новой стадии развития капитализма. С одной стороны, обращено внимание на развитие миграции рабочей силы, вывоза капитала, бурное развитие транспорта, выравнивание национальных и мировых товарных цен и т. д. С другой стороны, автор отмечал тесное переплетение монополистических структур в международном масштабе, а также их переплетение с государством [49]. Тем самым речь идет о превращении частного корпоративного капитализма в государственно-монополистический капитализм. «Когда конкуренция переходит, наконец, в свою наивысшую стадию – конкуренцию между государственно-монополистическими трестами, начинает играть крупнейшую роль использование государственной власти и связанных с нею возможностей <…> С образованием государственно-монополистических трестов конкуренция почти всецело переносится на внешнюю конкуренцию <…> Ясно, что именно поэтому должны до чрезвычайности усилиться органы именно этой „внешней“ конкуренции, и в первую голову государственная власть» [50]. Написано как будто для российских реалий начала XXI в.: в стране существуют государственные корпорации, государство (и на уровне центра, и на уровне регионов и территорий) давно срослось с крупным корпоративным бизнесом, отечественный финансовый капитал строит пирамиды (МММ, ГКО и т. д.). Что дальше? «Математическая вероятность социализма при таких условиях превращается в „практическую достоверность“», – заключает Н. И. Бухарин [51]. Ну что же, поживем – увидим.

В 20-е г. XX в. Н. И. Бухарин сложился как творческий ученый, хотя все еще и оставался под влиянием марксистских догм. Поэтому «анализ содержания экономических взглядов Н. И. Бухарина надо начинать с выработки общего представления о всей их совокупности и основных этапах эволюции» [52]. Но как проследить эту эволюцию, если не анализировать конкретные его работы? И что это значит: «Н. И. Бухарина нельзя изучать по отдельным работам. Здесь нужен анализ эволюции взглядов» [53]?

Почему мы полагаем, что в 20-е гг. Н. И. Бухарин стал более творчески подходить к различным социально-экономическим и политическим вопросам, хотя, естественно, оставался в рамках марксистско-ленинской традиции? Во-первых, он сам признавал: «Марксизм – не талмуд, дающий неизменные рецепты, а живой метод, который позволяет разбираться в окружающей и меняющейся действительности, который вменяет в обязанность „переделывать“ системы наших требований в зависимости от тех изменений, которые претерпевает сама жизнь» [54]. Во-вторых, он по своим собственным соображениям не поддержал ленинские идеи госкапитализма, хотя достаточно спокойно отнесся к идее сотрудничества с буржуазными специалистами, использования рациональных сторон капиталистической организации производства и управления предприятиями [55]. В частности, он заявлял: «Государственный капитализм при пролетарской диктатуре – это бессмыслица, сапоги всмятку. Ибо государственный капитализм предполагает диктатуру финансового капитала, это есть передача производства диктаторски организованному империалистическому государству» [56]. Естественно, что обстоятельства времени и места требовали компромисса, но, в отличие от В. И. Ленина, Н. И. Бухарин это осознавал далеко не в полной мере. В-третьих, он четко различал конечные цели социалистического строительства и ближайших задач, которые вытекают из конкретной обстановки в стране. Наконец, в-четвертых, он сформулировал ряд принципиально новых тактических задач и подходов к их решению, что можно рассматривать как творческое применение марксистской теории на практике. Попыткой творческого осмысления накопившегося опыта революционных преобразований в стране стала новая книга Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода» (1920). Рассматривая уроки военного коммунизма, автор пришел к идее о необходимости трансформации социальной и экономической политики с учетом тех негативных результатов, которые принесла эта политика. Поэтому первая часть данной работы и была названа им «Общая теория трансформационного периода». Главная цель работы – анализ переходного периода от капитализма к социализму. Вслед за К. Марксом автор рассматривает строительство социализма и коммунизма как конечную цель, как целую историческую эпоху. Ни о каком «революционном рывке» или «кавалерийской атаке» на капитализм, по его мнению, в России не может быть и речи. И в силу своей экономической отсталости, и в силу массовой безграмотности населения это невозможно. Но при этом сам факт отсталости он, в отличие от многих своих современников, рассматривает не как тормоз для строительства социализма, а как катализатор: «Экономическое истощение толкает нас еще сильнее к методам рационализации общественно-хозяйственного процесса» [57].

Н. И. Бухарин, по существу, ставит вопрос о необходимости проведения вслед за социалистической революцией в стране еще и технической революции. Рассуждая о необходимости экономического равновесия, он пишет: «Новое равновесие возникает в непрерывной борьбе, и потому его установление медленно и болезненно. Процесс идет тем скорее, чем скорее восстанавливается воспроизводство в индустрии, чем скорее пролетариат приступает к наиболее глубокой задаче – технической революции, которая совершенно изменяет консервативные формы хозяйства и дает мощный толчок к обобществлению…» [58].

Вот что интересно: тогда как Л. Д. Троцкий занимался внутрипартийными разборками и стремился насадить командный стиль управления экономикой, Н. И. Бухарин говорит о необходимости осуществления технической революции. Что же тормозит решение этой задачи? Н. И. Бухарин выделяет издержки социалистической революции. К ним он относит:

1) физическое уничтожение значительной части элементов производства;

2) деквалификацию элементов производства;

3) распад связи между элементами производства;

4) перераспределение производительных сил в сторону непроизводительного потребления [59].

Вполне конструктивный анализ, который, по сути, содержит основу для начала технической революции.

Автор предлагает целый план социалистической реконструкции: «Социалистическая реконструкция, эта величайшая историческая переделка общества, является его технической реконструкцией (механизация, химизация, электрификация, если говорить конкретными формулами) и неразрывно с этим связанной дальнейшей хозяйственной реконструкцией, т. е. изменением в организации труда. Эта технико-экономическая революция должна находить свое выражение: 1) в быстром росте производительных сил, 2) в подъеме благосостояния широких трудящихся масс, 3) в быстром росте социалистического сектора хозяйства. Вся огромность этого переворота демонстрируется в количественных масштабах трансформационных процессов – масштабах, которые по всему фронту вызывают крупнейшие количественные перемены» [60]. И далее Н. И. Бухарин перечисляет основные моменты технической реконструкции:

1) новые орудия производства;

2) новые типы технологических процессов;

3) новый размер производственной единицы;

4) новая комбинация производственных единиц;

5) принцип электротеплогидроцентралей сверхмощного типа;

6) синтез механизации, химизации и электрификации;

7) новые производства;

8) новое географическое размещение производств;

9) технически рациональная организация труда;

10) стандартизация и «симплификация» (упрощение) производства;

11) реконструкция транспорта и электрификация транспортной сети;

12) материально-техническое уравнение города и деревни [61].

Развивая тезис К. Маркса о превращении науки в непосредственную производительную силу при коммунизме, Н. И. Бухарин далее особое внимание уделяет научно-технической работе, научно-техническому прогрессу в организации труда. Среди основных направлений он здесь называет:

1) поиск новых естественных богатств (сырья, топлива, источников энергии);

2) изыскание наилучших методов их использования;

3) изыскание наилучших средств производства, необходимых для этого использования (машины, аппаратура);

4) изыскание наилучшей организации этого использования (типы, взаимосвязи, комплексы);

5) изыскания в области рационализации производства;
6) изучение работающего человека как субъекта трудового процесса;
7) экономический учет процесса;
8) его политический учет [62].

Основные линии технической реконструкции у него дополнены так:
1) индустриализация страны;
2) электрификация страны;
3) развитие всех видов транспорта;
4) развитие массового производства и применение двигателей внутреннего сгорания;
5) всесторонняя механизация индустрии, транспорта и сельского хозяйства;
6) применение новых материалов, сырья, топлива;
7) химизация индустрии и сельского хозяйства;
8) реорганизация промышленности на основе широко проведенной автоматизации производственных процессов;
9) развитие службы связи;
10) развитие кинематографии;
11) широчайшее развитие и применение науки [63].

Однако было бы опрометчиво рассматривать личность и взгляды Н. И. Бухарина в рамках прежней традиции: мол, и «чистый интеллигент» он, и «мягкий как воск» (В. И. Ленин), и «примиренец» и т. д. Он четко сознавал, что «наука вырастает из практики, из практики хозяйства и практики классовой борьбы» [64]. Вот его собственные рассуждения: «Господствующий пролетариат в первую фазу своего господства имеет против себя:

1) паразитические слои (бывшие помещики-рантье всех видов, буржуа-предприниматели, имевшие мало отношения к производственному процессу); торговые капиталисты, спекулянты, биржевики, банкиры;
2) вербовавшуюся из тех же слоев непроизводительную административную аристократию (крупные бюрократы капиталистического государства, генералы, архиереи и пр.);
3) буржуазных предпринимателей-организаторов и директоров (организаторы трестов и синдикатов, „деляги“ промышленного мира, крупнейшие инженеры, связанные непосредственно с капиталистическим миром изобретатели и пр.);
4) квалифицированную бюрократию – штатскую, военную и духовную;
5) техническую интеллигенцию и интеллигенцию вообще (инженеры, техники, агрономы, зоотехники, врачи, профессора, адвокаты, журналисты, учительство в своем большинстве и т. д.);
6) офицерство;
7) крупное зажиточное крестьянство;
8) среднюю, а отчасти и мелкую городскую буржуазию;
9) духовенство, даже неквалифицированное» [65].

Считай, весь остальной народ России. И вот ведь, не поленился, скрупулезно, как в бухгалтерской описи, всех поименовал. Только вот мелкую буржуазию записал в противники пролетариата «отчасти». Поэтому никаких иллюзий в отношении мнимой мягкости или интеллигентности Н. И. Бухарина строить не надо.

Это среди всего прочего послужило в определенной мере основой для более тесного временного сближения Н. И. Бухарина и И. В. Сталина. Последнему в его усиливавшейся борьбе с Л. Д. Троцким нужен был надежный и авторитетный союзник. Ни Зиновьев, ни Каменев не обладали уже таким авторитетом, как Бухарин. Кроме того, они стояли в оппозиции к официальной политике ЦК. Если учесть, что в тот момент в ЦК входили Троцкий, Зиновьев, Каменев, Рыков, Томский, Сталин и Бухарин, то для Сталина ситуация была весьма непростой. Троцкий, рвавшийся к власти, вполне мог снова объединиться со всеми членами ЦК (подобно тому, как ранее был создан триумвират в составе Троцкого, Зиновьева и Каменева), за исключением самого Сталина. Кроме того, Н. К. Крупская после «грубейшей выходки» Сталина также открыто поддерживала Зиновьева и Каменева [66]. Поэтому союз с Бухариным был для него жизненно важен. Особо следует отметить близость Бухарина к Ленину, что придавала его союзу со Сталиным некий флер преемственности ленинского курса. Устраивало И. В. Сталина и то обстоятельство, что Бухарин, как казалось, сосредоточился на вопросах хозяйственного развития. Тогда как Сталин в качестве генсека «старательно и умело насаждал в партии далеко простирающиеся полномочия центрального партийного аппарата» [67].

Поэтому нет ничего удивительного, что в первой половине 1925 г. Н. И. Бухарин вместе с И. В. Сталиным, по существу, возглавили большинство в ЦК ВКП (б). Однако теоретические взгляды Н. И. Бухарина со временем приобрели несколько иную окраску. Он стал постепенно отходить от идей классовой борьбы. Сформулированный им для крестьян знаменитый лозунг «Обогащайтесь!» стал восприниматься в условиях нараставших сложностей в промышленности как несвоевременный и даже вредный. Кроме того, Н. И. Бухарин и его сторонники начали подспудную атаку и на сталинские взгляды. На VIII съезде ВЛКСМ Бухарин раскритиковал призывы к классовой борьбе и некоему внезапному рывку в области сельского хозяйства как безответственные.

Трансформация его взглядов в полной мере относится и к его пониманию вопроса о месте и роли крестьянства в «социалистическом строительстве». Здесь главным вопросом был вопрос об отношении пролетариата и партии к середняку [68]. Возражая против попыток форсированного перехода к социализму, он публикует в «Правде» 30 сентября 1928 г. статью «Заметки экономиста. К началу хозяйственного года». Статья была направлена против волюнтаристских путей преобразования экономики. Эту же линию он продолжил и на объединенном съезде ЦК и ЦКК ВКП (б), состоявшемся 18 апреля 1929 г. Возражая К. Ворошилову, он на этом съезде заявил следующее: «Я называл идиотизмом положение, что мы обострение классовой борьбы должны возвести в закон нашего реконструктивного периода и что мы должны разжигать классовую борьбу» [69]. По существу, это был прямой выпад против сталинской идеи об усилении и обострении классовой борьбы по мере продвижения советского общества к социализму.

Отношения между Н. И. Бухариным и И. В. Сталиным продолжали ухудшаться. Поскольку развитие частного сельского хозяйства оставалось для Н. И. Бухарина основой его сельскохозяйственной программы [70], тогда как И. В. Сталин делал ставку на форсированную индустриализацию, то и в хозяйственных вопросах разрыв между ними был лишь делом времени.

И это время наступило. После высылки из СССР Л. Д. Троцкого позиции Сталина в партии окрепли как никогда. И по большому счету ему уже не нужен был никакой союзник, тем более Н. И. Бухарин, чей авторитет все еще оставался достаточно высоким. Наступил и его черед. Сталин весьма оперативно сколотил антибухаринский блок в партии и перешел в наступление. В апреле 1929 г. Н. И. Бухарин потерпел поражение [71]. Его концепция постепенного врастания в социализм была отвергнута большинством в партии. Сталинский курс на «великий скачок» победил. «Гнилой бухаринский либерализм» был осужден. Начался «великий перелом». А затем наступила и кровавая развязка. Сильнейший удар был нанесен И. В. Сталиным по самой партии. В 1936–1939 гг. была устроена самая настоящая кровавая чистка. Было арестовано по меньшей мере от 7 до 8 млн человек, примерно 3 млн из них были расстреляны. К концу 1939 г. число заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях выросло до 9 млн человек. Пострадала каждая вторая семья. Избиению подверглись партийные кадры. Из 2,8 млн кандидатов в члены и членов партии на 1934 г. был арестован 1 млн человек. Было физически уничтожено старое партийное руководство. Были арестованы 1108 из 1966 делегатов состоявшегося в 1934 г. XVII съезда партии, большинство из которых были расстреляны [72]. В 1937 г. Н. И. Бухарин был арестован, а после фарса – политического процесса – был приговорен к расстрелу. 15 марта 1938 г. было сообщено о том, что приговор приведен в исполнение.

На чаше своих весов история взвешивает не только ошибки и просчеты, но и доблести и пороки людей. Суд истории свидетельствует о том, что убийство Н. И. Бухарина было подлым преступлением со стороны сталинского окружения. Никаким «врагом народа» Н. И. Бухарин, конечно, никогда не был. Он не отдавал приказы о расстрелах и расправах, как это делали В. И. Ленин, Я. М. Свердлов, Л. Д. Троцкий и И. В. Сталин. Его идея постепенного и мирного врастания в социализм, врастания без кровавых классовых разборок, без насилия – это интересная и очень перспективная идея исторического развития нашей страны. То обстоятельство, что она оказалась невостребованной и не стала основой для такого развития, свидетельствует только о том, что исторический шанс оказался упущенным. Но навсегда ли? Не является ли для всех нас очередным уроком новая кампания по форсированному строительству капитализма в нашей стране? И не пора ли сделать из этого урока вполне конкретные выводы? Поживем – увидим.

Библиографический список

1. Невский В.И. Южно – Русский союз рабочих. М., 1922. С.24.
2. Троцкий Л.Д. Перманентная революция. Берлин, 1930. С.49.
3. Троцкий Л.Д. Наши разногласия // Архив Л.Д. Троцкого.
Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927. В 4-х т. Т.1. М.: ТЕРРА, 1990. С.128.
4. Там же. С.129.
5. История России с начала XIX века до начала XXI века / Под ред. А.Н. Сахарова. М.: АСТ – Астрель – Ермак, 2005. С.479.
6. Цит. по: Васецкий Н.А. Л.Д. Троцкий: Политический портрет // В кн.: Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990.С. 27.
7. Троцкий Л.Д. О Ленине. Материалы биографии. М., 1925. С.72.

8. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991. С.319.
9. Там же. С.355.
10.Там же. С.377.
11.См.: Васецкий Н.А. Указ. соч. С.34.
12. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.42. С.164-165, 293.
13. Васецкий Н.А. Указ. соч. С.35.
14. Симонов Н. о политическом автопортрете Льва Троцкого // В кн.: Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991.С.7.
15.Цит. по: Васецкий Н.А. Указ. соч. С.48.
16.Дойчер И. Троцкий в изгнании: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. С.328.
17.Там же С.487.
18.Троцкий Л.Д. Перманентная революция Берлин, 1930. С.167-168.
19. Троцкий Л.Д. Новый курс // В кн.: Троцкий Л.Д. К истории русской революции.С.193 – 194.
20. Васецкий Н.А. Указ. соч. С.36.
21. Троцкий Л.Д. Тезисы о промышленности // Архив Л.Д. Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927. В 4-х т. Т.1. М.: ТЕРРА, 1990. С.38.
22.Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция // В кн.: Троцкий Л.Д. К истории русской революции.С.153.
23. Там же. С.153-154.
24. Там же. С. 155.
25. Там же. С.157.
26.Троцкий Л.Д. Путь к единому хозяйственному плану // Там же. С.162.
27.Троцкий Л.Д. Новый курс // Там же. С.169-170.
28. Троцкий Л.Д. Итоги и перспективы. Движущие силы революции // Там же. С.97.
29. Троцкий Л.Д. Новый курс // Там же. С.193.
30.Троцкий Л.Д. Под знамя Ленина // Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-1927. М.: ТЕРРА, 1990. Т.3.С.167.
31. Там же. С.166.
32.Тимошина Т.М. Экономическая история России. М.: ИД «Филинъ», 1998. С.234.
33. Там же. С.163.
34. Там же. С.168-169.
35. Тимошина Т.М. Указ. соч. С.235.
36.Троцкий Л.Д. Термидор // Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-1927. М.: ТЕРРА, 1990. Т.4. С.14-15.
37.Там же. С.16.
38.Там же.
39. См.: Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888-1938: Пер с англ. М.: Пресс, 1988. С.99.
40.См.: Костин А. Заговор Горбачева и Ельцина: Кто стоял за хозяевами Кремля? М.: Алгоритм, 2010. – 608с.
41.См.: Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888-1938: Пер с англ. М.: Пресс, 1988. С.35.

42. Бухарин Н.И. Политическая экономия рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы. М.: Орбита, 1988. С.20-21.
43.Там же. С.25.
44.Там же. С.121.
45.Там же. С.133-134.
46.Там же. С.179.
47. Коэн С. Указ. соч. С.63.
48.Бухарин Н.И. Мировое хозяйство и империализм // В кн.: Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989. С.74. Прим.
49.История экономической мысли России в лицах. Словарь-справочник. М.: Кнорус, 2007. С.65.
50. Бухарин Н.И. Мировое хозяйство и империализм // В кн.: Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма.С.81-82.
51.Бухарин Н.И. Экономика переходного периода // В кн.: Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. С.100.
52.Цакунов С.В. Формирование взглядов Н.И. Бухарина на экономику переходного периода // В кн.: Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып.1. М.: Экономика. 1989. С.187.
53.См.: Вопросы экономики. 1988. № 9.С.93.
54. Бухарин Н.И. К пересмотру партийной программы // Спартак. 1917. 10 августа.
55.Цакунов С.В. Указ. соч. С.190-202.
56. Бухарин Н.И. Некоторые основные понятия современной экономики // Коммунист. 1918. № 3.С.10.
57.Цакунов С.В. Указ. соч. С.101.
58. Бухарин Н.И. Экономика переходного периода // В кн.: Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. С.122.
59.Там же. С.130-131.
60.Бухарин Н.И. Социалистическая реконструкция и естественные науки // В кн.: Бухарин Н.И. Этюды. М. – Л., 1932. С.218.
61.Там же. С.219 – 226.
62.Там же. С.226-227.
63.Там же. С.315-316.
64.Там же. С.243.
65.Бухарин Н.И. Экономика переходного периода // В кн.: Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма С.163.
66.Коэн С. Указ. соч. С.268.
67.Там же. С.255.
68.Бухарин Н.И. Выступление на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 18 апреля 1929г. // В кн.: Проблемы теории и практики социализма. С.260.
69. Там же. С.297.
70. Коэн С. Указ. соч. С.382.
71. Там же. С.395.
72. Там же. С.407.

Глава 6. Советский человек как новый тип личности

6.1. Советский человек: историко-социологический портрет

В преддверии столетнего юбилея со дня образования Союза Советских Социалистических Республик важно беспристрастно оценить как достижения, так и проблемы, которые привели к разрушению крупнейшее государство мира. До сих пор не прекращаются дискуссия о феномене *homo soveticus – советского человека*. Что это – феномен? Идеологический штамп? Ироничное название винтика государственной системы и безгласной народной массы исполнителей? Футурологическая модель, устремленная в будущее? Особое социально-антропологическое явление? Ответить на эти вопросы мы считаем необходимым.

Происхождение термина связано с идеями большевиков во главе с В. И. Лениным, стремивших к созданию нового человека – строителя коммунистического общества, относящегося к новой исторической общности. Сама по себе идея создания нового человека обусловила популярность евгеники, ставившей задачу улучшение человеческой породы методами «антропотехнии» для получения нового типа «сверхчеловека» [1].

Идея нового советского человека пронизывала творчество Максима Горького, Николая Островского, Михаила Шолохова и других писателей социалистического реализма. В 1982 г. (период застоя) писатель А. А. Зиновьев выпустил книгу «Гомо советикус», вызвавшую многочисленные дискуссии и обсуждения феномена советского человека, как в нашей стране, так и за рубежом [2].

Ретрорефлексивный анализ показывает, что советский человек как особый социокультурный тип и представитель новой социальной общности «советский народ» не мог не сложиться в силу многих причин. Прежде всего, отметим социально-исторические и геополитические факторы: исторический изоляционизм, «железный занавес», вера в особый путь и предназначение России, победа в Великой Отечественной войне, успехи в науке, образовании, освоении космоса, отсутствие безработицы и социальные гарантии.

Кроме того, сложившаяся в советском обществе система социальных институтов социализации личности работала на формирование единых целей, ценностей, установок, мотивов поведения и черт характера, таких как коллективизм, патриотизм, интернационализм, социальный оптимизм, установка на служение Родине, взаимопомощь, антипотребительство, аскетизм, героизм, лояльность к государству/руководству, приоритет семейных ценностей, осознание превосходства советского строя и священное отношение к советским праздникам, нацеленность в коммунистическое будущее и принятие коммунистических идеалов.

Институты социализации имели общую цель, идеологию и методы, которые позволяли выстроить единую воспитательную систему, целенаправленно и непрерывно формирующую личность советского человека под руководством Коммунистической партии Советского Союза, задающей четкие ориентиры, идеалы и единый смысл жизни каждого советского человека.

Ясли, детский сад, школа, октябрятские, пионерские, комсомольские, профсоюзные организации, кружки по интересам, спортивные секции, стройотряды, профессиональные училища, техникумы, институты, система послевузовского обра-

зования, трудовые коллективы, кино, театры, художественные выставки, музеи, средства массовой коммуникации (газеты, журналы, радио и, конечно, телевидение) – сопровождали человека на протяжении всех этапов его жизни, создавая синергетические эффекты и формируя стабильные паттерны поведения.

Весь образ жизни советского человека свидетельствовал о формировании особого интернационального этноса, базировавшегося на идеалах, ценностях, нормах, правилах и традициях советского общества. И ведущая роль в этом процессе принадлежала институту образования.

Несколько слов о сущности социального института образования. На наш взгляд, он представляет собой автономную устойчивую социальную практику, регламентирующую взаимодействие социальных общностей по поводу приобретения, усвоения знаний и компетенций, необходимых для эффективного функционирования социума. Роль института образования определяется формированием человеческого потенциала адекватного задачам и ценностям конкретного общества. Это относительно консервативный институт, нацеленный на сохранение устойчивости общества и в то же время способный оказывать мощное инновационное и конструктивное (или деструктивное) влияние на все сферы развития человека (через качество образования и интеллектуальный потенциал трудовых ресурсов).

Образование, реагируя на социальный заказ общества, выступает одним из аспектов многостороннего процесса социализации личности, реализуя через свои учреждения процесс усвоения социальных ролей, необходимых для активного включения в социальную жизнь (профессиональную, экономическую, политическую, культурную). Общественное производство для поддержания своего воспроизводства и развития формирует социальный заказ на профессиональные, интеллектуальные и моральные качества трудовых ресурсов.

Неоспорим факт всемирного признания высокого качества советского образования – как школьного, так и вузовского. Неслучайно успехи современного образования в некоторых западных странах (например, финского школьного образования) многие авторы объясняют копированием советской модели.

В чем же была сила и чем отличалась советская образовательная система от подобных систем в других странах? Постараемся ответить на эти вопросы.

Приведем известную фразу американского президента Джона Кеннеди, который в первом сообщении о запуске Советским Союзом человека в космос 12 апреля 1961 г. признал, что «СССР выиграл космическую гонку за школьной партой».

Эту же мысль высказал и 40-й Президент Соединенных Штатов Америки Рональд Рейган: «Самое мощное оружие русских – их образование» [3]. Высказывания американских президентов, сделанные в период холодной войны, можно расценить как объективное признание на международном уровне успешности и высокого качества советского образования. По развитию фундаментальных исследований и количеству людей с высшим образованием наша страна традиционно лидировала, а Советский Союз был признан «самой читающей страной в мире».

Глава Минобразования Соединенного королевства Джастина Грининг в интервью корреспондентам канала BBC о советской системе образования сообщила, что средние школы Великобритании переходят на систему образования, которая существовала в Советском Союзе [4].

Вот от чего отказались и что сознательно разрушили и продолжают разрушать современные либералы – бюрократы, чиновники «от образования», западники и русофобы.

В чем же причина успешности советской школы? Перечислим наиболее важные факторы результативности советского образования.

Ведущим фактором мы считаем установку советских образовательных организаций различного уровня на всестороннее развитие личности-творца, способной к креативной деятельности. Повсеместная практика развития письменной (сочинения) и устной речи (ежедневные ответы на уроках у доски, устные экзамены), обучение творчеству были важнейшей составляющей методического арсенала педагогов основного и дополнительного образования (кружков, студий, библиотек, творческих объединений). В постперестроечный период цели образования кардинально поменялись. Министром образования А. Фурсенко была поставлена принципиально другая задача – подготовка квалифицированного потребителя, способного пользоваться результатами творчества других.

Другим фактором качественного образования была программа и набор предметов для изучения. Во многих американских школах в 80-е годы прошлого века такие важные дисциплины, как математика, химия и биология, были предметами по выбору и преподавались достаточно поверхностно. Советскую школу отличала системная фундаментальная подготовка, особенно по естественно-научным дисциплинам, реализуемая по учебникам известных советских ученых – Розенталя, Ландау, Колмогорова. Известно, что эти учебники были переведены на многие иностранные языки и по ним до сих пор учатся во многих странах мира.

Следующим обстоятельством, обеспечившим высокий уровень советской системы образования, мы считаем высокий престиж образования, уважение в советском обществе к учителю и качественный педагогический состав школ и вузов. Известные слова В. И. Ленина о необходимости поставить учителя на высочайший уровень, на «недосягаемую высоту» в социалистическом обществе служили для Советской власти долгие десятилетия главным ориентиром в развитии образования.

О советских учителях снимались художественные и документальные фильмы, ставились пьесы, к их мнению прислушивались в обществе. Такие фильмы, как «Весна на Заречной улице», «Большая перемена», «Доживем до понедельника» и другие стали знаковыми в нашем обществе, потому что показывали реальное отношение людей к учителям. И это отношение было по большому счету всегда уважительным.

Сейчас престиж профессии учителя резко упал. На фоне нищенской зарплаты, бюрократизации работы учителей и нарастания бумажной отчетности, отвлекающей от основной работы, увеличился отток из школ лучших креативных педагогов. Да и как может быть иначе, если в рыночном обществе господствует антитеза «если ты такой умный, то почему такой бедный?».

Отметим и нарастание процесса коммерциализации постперестроечного образования, не только высшего, но и среднего, тогда как советское образование выступало социально защищенным социальным институтом, обеспечивающим социальное равенство советских людей. Главное достижение Советского Союза состоит в ликвидации поголовной безграмотности населения, в создании условий

для получения бесплатного среднего образования. Ни в одной стране мира эта задача не была решена. Только в нашей стране люди смогли учиться бесплатно и получать качественное образование. Не просто читать и писать, но и осваивать достижения современной науки, культуры, искусства.

И наконец, важным фактором высокой эффективности советского образования являлся тот факт, что оно никогда не считалось услугой (это даже не обсуждалось), а трактовалось как социальная миссия, высшая ценность и общественное благо, рассматривалось как основной ресурс развития общества и государства.

Современное образование имеет статус услуги на законодательном уровне (согласно статье 9.2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»), а учитель рассматривается как человек, оказывающий услуги населению наряду с услугами парикмахерских, салонов красоты и другими предприятиями бытовой сферы [5]. В итоге и ученики, и родители как потребители услуги оценивают ее качество, хотя не имеют для этого ни квалификации, ни достаточного уровня образования. Как говорится, «любой каприз за ваши деньги».

Но главная проблема при таком подходе заключается в том, что ответственность за качество образования перекладывается исключительно на педагога, предоставляющего услугу. Тогда как околообразовательная бюрократия постоянно ставит препоны в его работе, облагает его разного рода стандартами и техническими условиями, установками по развитию разных компетенций и своими доморощенными представлениями о том, что правильно, а что – нет. Ну, и конечно, потребитель образовательных услуг – клиент, как и положено, «всегда прав». Таков современный маркетинг образования.

Однако образование невозможно получить без усилий самого потребителя или нельзя улучшать в ситуации отсутствия мотивации к его освоению, приобретению. Знание невозможно получить, как пирожок или пирожное. Его можно приобрести только собственными усилиями, своим трудом и, конечно, в контакте с учителем. Переход к электронным схемам образования и вымывание учителя из отношений «производитель – потребитель» просто уничтожает образование как таковое. На его место заступает практика «натаскивания», «дрессировки», «зомбирования».

Введение единого государственного экзамена (ЕГЭ) и его статус, дающий возможность поступления в вуз, привели к возврату к объяснительно-иллюстративным и репродуктивным методам обучения и к отказу от проблемного обучения, что негативным образом сменило парадигму советского образования и привело к появлению института репетиторства (антрепренерства). Конечно, и в царской России существовали репетиторы (домашние наставники), но это было исключительным явлением. Пытаться перевести систему государственного образования на частные рельсы сейчас и в массовом варианте – большая ошибка. В результате, по мнению социологов, «по сравнению с советским временем социально-культурный потенциал россиян заметно снизился» [6, с. 20].

Это выражается, по мнению Т. И. Заславской, в трех важнейших тенденциях:

1) во-первых, «в сознательном и активном разрушении государством институциональной, материально-финансовой и кадровой базы развития науки, образования и культуры»;

2) во-вторых, «во все более глубокой сегрегации разных слоев общества по социально-культурным критериям (характеру ценностей, интересов, образу и стилю жизни), что, по сути дела, означает возрождение сословности»;

3) в-третьих, «в безусловном и очень резком снижении общественной морали и нравственности: личная выгода все чаще становится выше доводов совести, неуклонно падает авторитет закона и права, вульгаризируется повседневная массовая культура» [6, с. 20].

Данные тенденции свидетельствуют о глубоком кризисе постперестроечного (постсоветского) института образования и подчеркивают высокую роль советского образования как института социализации личности.

Поэтому можно и даже нужно сделать вывод о необходимости пересмотра целей современного образования и обратиться к советскому опыту образования и воспитания молодежи в образовательных организациях различного уровня.

Рассмотрим сущностные элементы феномена советского человека как исторически сложившегося типа личности и представителя интернационального этноса.

Феномен советского человека выступает, на наш взгляд, устойчивым объективированным надгрупповым явлением, отражающим ментальность, мировоззрение и образцы поведения большинства людей советского общества. Особенностями советского этноса мы считаем формирование цельности субъекта (личности, коллектива, народа, общества), основанной на общности духовных и практических регулятивов.

Базовым элементом его структуры традиционно выступала совокупность духовных ценностей, идеальных представлений о справедливости, достоинстве, добре и зле, человечности, красоте, истине, долге, патриотизме, трудолюбии, системных представлений о миропорядке в целом, придавая советским людям смысл деятельности и формируя окружающий его знаковый предметный мир.

Следующим элементом в структуре этноса советского человека являются нормы поведения и общения (мораль, нравственность, мода, этикет, типичные речевые обороты, ритуалы и обычаи).

Третий элемент связан с типичными формами организации советской жизни на уровне повседневности (коллективные форматы общения, собрания, праздники, бытовые условия и оформление социального пространства).

Как консервативное социальное образование советский этнос характеризуется повторяемостью, неизбежностью появления стандарта и стереотипности. Однако все эти характеристики системы советского образования оказались разрушенными к началу 90-х гг. XX в.

Поэтому неудивительно, что репрезентативный опрос, проведенный ВЦИОМ в марте 1991 г. (опрошено 1954 человека городского населения в ряде республик СССР), позволил получить результаты, свидетельствующие о прочных стереотипах, усвоенных в советском обществе. Результаты были следующие: 63 % согласны с тем, что «СССР должен идти по пути развитых стран Запада», 8 % – «по пути развивающихся стран Азии», 44 % полагали, что «у СССР свой собственный путь развития», 42 % указывали на «один путь развития человечества» (очевидно, что часть опрошенных отмечала более одного варианта ответов).

Но наш народ достаточно быстро понял всю иллюзорность европоцентризма. Уже в 1992 г. (исследование «Культура», ВЦИОМ опрошено 1800 человек в

России), только 16 % предпочли «путь стран Запада» (для сравнения: на Украине – 27 %, в Эстонии – 45 %, в Узбекистане – 4 %), 48 % – «свой собственный путь» [7].

Еще раз отметим, что природа этноса «советского человека» и его этоса, как и все ценностно-нормативные комплексы, имеет консервативный характер и сохраняется в той или иной степени у всех людей, прошедших духовную социализацию в советский период. Для подтверждения этой идеи приведем данные репрезентативного мониторингового исследования, проведенного Институтом социологии РАН на протяжении ряда лет: от начала перестройки в 1995 г., а затем в 2001 и 2011 годах (таблица 1) [8, с. 146].

Таблица 1

*Динамика представлений россиян о национальной идее, которая могла бы объединить российское общество (процент от числа опрошенных)**

Идеи	**1995**	**2001**	**2011**
Идея единения народов России в целях ее возрождения как великой державы	41	48	42
Идея укрепления России как правового государства	30	47	48
Идея объединения народов для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством	24	24	26
Идея сближения с Западом, вхождения России в общеевропейский дом	12	15	7
Возвращение к социалистическим идеалам и ценностям	10	15	21
Идея объединения всех славянских народов	9	15	13
Идея национальной уникальности, особой исторической миссии русского народа	7	8	9

**Сумма процентов превышает 100, так как респонденты могли выбрать до 3 вариантов ответов.*

Данные, приведенные в таблице, позволяют сделать вывод о высокой значимости идеи духовно-нравственного единения народов России с целью ее возрождения как Великой державы. Это прослеживается у большинства респондентов. Данная идея представлена как доминирующая в структуре ценностей советского и постсоветского человека. Можно ли рассматривать ее как своеобразную «ностальгию» о прошлом – вопрос отдельный. Природа данной идеи кроется глубже. Некоторые авторы связывают ее с «русской идеей», другие – с идеалами интернационализма и т. д. Но все-таки, на наш взгляд, в основе всех модальностей идеи единства многонационального российского народа лежит фундаментальный принцип социальной справедливости, который в максимальной степени был обеспечен именно в советском обществе.

Отметим еще одну любопытную тенденцию. Идея возвращения к социалистическим идеалам и ценностям человека с годами набирает все большее количество сторонников. А в группе респондентов старше 60 лет процент сторонников возвращения к социализму больше в 3,5 раза по сравнению с молодежной группой, что можно объяснить эффектом культурной травмы и попыткой поддержания коллективной памяти советских идеалов.

Тягу к возвращению к социальному государству можно объяснить не только устойчивостью советского этноса/этоса, но и социально-экономическими причинами: ростом социального расслоения (социально-экономического неравенства), обнищанием людей (относительное и абсолютное ухудшение экономического положения). А также ставшим уже постоянным снижением уровня жизни и социальной защищенности людей, что вызывает у них естественное чувство ощущения несправедливости, потери веры в завтрашний день и желание вернуться в прошлое. Как образно отметил польский социолог Петр Штомпка: «Прежние культура и образ мыслей преследуют посткоммунистическое общество долго после смерти старых институтов» [9, с. 4]. Суть мысли такова: в советское время было гораздо лучше, чем сейчас.

Речь идет о том, что сформированные в новых условиях модели поведения, привычки, стереотипы социального восприятия не могли не воспроизводить ценности и усвоенные ранее правила. После распада Советского Союза многих людей эти условия привели к ностальгическим воспоминаниям и резко негативному отношению к формирующимся капиталистическим нормам и явлениям. Таким, как «шоковая терапия», инфляция, безработица, резкое обнищание больших групп населения, изменение привычного образа жизни и др. В качестве подтверждения можно сослаться на данные упомянутого выше социологического исследования, проведенного Институтом социологии РАН. На основе их анализа можно зафиксировать растущую тенденцию негативного отношения к разбогатевшим в постперестроечное время соотечественникам четвертой части опрошенных. Чем это чревато для будущего – объяснять, думается, незачем.

Справедливости ради отметим и негативные паттерны поведения и убеждения, стихийно формируемые в исполнительской среде бывшего советского общества: формирование номенклатурного распределения, поддержка уравниловки, двойные стандарты, привычка работы «с прохладцей» и другие. Выделим наиболее распространенные габитусы, вошедшие в поговорки и популяризированные рок-музыкантами:

– социальная пассивность («инициатива наказуема», «не высовывайся», «тише едешь – дольше жить будешь» и др.);

– социальная леность («не торопись выполнять приказы начальства – их могут отменить»; «день гуляет, два больной, а на третий выходной», «работа – не волк, в лес не убежит»);

– приверженность патерналистской политике как на государственном, так и на организационном уровне (требования социальных гарантий, перекладывание ответственности за свою жизнь на государство);

– ориентация на уравниловку («у них денег куры не клюют, а у нас на водку не хватает», «всем – поровну, всем – по фигу»);

– стереотипность, жесткость и радикализм мышления («свои – чужие», «хорошо» или «плохо»);

– отсутствие собственной позиции, конформизм («не читал, но осуждаю»);

– социальное лицемерие («одни слова – для кухонь, другие – для улиц»);

– уклонение от личной ответственности на рабочем месте («можно делать и отсутствие дела»).

Кроме того, как и в любом другом обществе, в советское время встречались и девиантные формы поведения, среди которых доминировало пьянство [10, с. 14]. Но, на наш, взгляд, некорректно связывать отклонения со сложившейся и доминирующей ценностно-нормативной моделью поведения, присущей большинству советских людей.

Можно сделать вывод, что сложившаяся в постперестроечное время ситуация характеризовалась моральным релятивизмом и культурной амбивалентностью, приводившей к ценностному расколу общества.

Советская идентичность преобладала над этнической и групповой, что позволяло избегать социальных конфликтов и национальной вражды и жить в мире и дружбе многочисленным нациям и народностям, населявшим СССР.

Таким образом, феномен советского человека можно и необходимо рассматривать как сложившийся устойчивый ценностно-нормативный и культурный код, составляющий основу советского общества. Ретросоциологический анализ позволяет увидеть противоречивую природу данного образования и сделать выводы о корневых истоках проблем советского общества, которые привели к его распаду.

Отметим, что в постперестроечное время советские нормы и ценности были отвергнуты, а новые не предложены, что вызвало распространение морального релятивизма и роста девиантности в «лихие 90-е».

Базовые ценности и нормы советского общества сохранились у большинства людей, прошедших социализацию в советское время, и продолжают быть регулятором их поведения.

Этос современного российского общества состоит из совокупности разрозненных и нередко конфликтующих ценностно-нормативных комплексов различных социальных групп: территориальных, национальных, политических, профессиональных, культурных, демографических и т. д., порождая аномию и напряженность в обществе.

Формирование единого этоса современного российского общества как синкретичного надгруппового феномена во многом зависит от научного осмысления и прогнозирования образа желаемого будущего России, формулирования понятной и разделяемой большинством национальной идеи и идеологии. В этой работе будет полезен и критический анализ советского прошлого, позволяющий взять на вооружение положительный опыт по управлению процессом формирования этосообразующих ценностей и норм и избежать ошибок, ограничивающих их интернализацию.

Библиографический список

1. Профессор Кольцов Н. К. Улучшение человеческой породы. Издательство «Время». Петроград, 1923. Режим доступа: // https://oleg-devyatkin.livejournal.com/60218.html
2. Зиновьев А. А. «Гомо советикус». Режим доступа: // http://www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/zinoviev-homo-sovieticus.pdf
3. Рейган Р. Откровенно говоря. Избранные речи / Пер. с англ. М.: Новости, 1990. – 397 с.
4. Мишина И. Назад, в будущее: Англия переходит к советской системе образования. Режим доступа: https://newizv.ru/news/society/19-01-2019/nazad-v-buduschee-angliya-perehodit-k-sovetskoy-sisteme-obrazovaniya

5. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ (последняя редакция). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/
6. Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. 2005. № 4. С.13-25.
7. Свой путь: статья Юрия Левады о феномене «советского человека» Режим доступа: //https://theoryandpractice.ru/posts/14608-svoy-put-statya-yuriya-levady-o-fenomene-sovetskogo-cheloveka
8. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. – М.: Весь мир, 2011. – 328 с.
9. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования. 2001. № 2, с. 3-13.
10. Журавлева Л. А. Методология и методика процесса наркотизации молодежи. Екатеринбург, Издательство Уральского ГАУ, 2019. – 228с.

6.2. Политическая информированность советского человека – показатель культуры

Современное общество – информационное общество. Переживаемая человечеством современная парадигма общественно-политического, социально-культурного и социально-экономического развития связана с переходом от традиционных моделей общественных и межличностных коммуникаций к цифровым технологиям. Этот переход обусловлен необходимостью сочетания функционирующих ценностей и норм (социальных институтов) политики, культуры, хозяйства с новыми правилами и технологиями. Решение данной проблемы предполагает выработку новых теоретико-методологических подходов в анализе складывающихся противоречий и поиске способов их решения. И здесь особое значение приобретает информированность населения, поскольку ее антиподом выступает дезинформация, являющаяся средством манипулирования общественным и личным сознанием.

Политическая информация в образе жизни личности: определение ее места и роли в советский период

Смысловая информация является социальной, так как она возникает в процессе общения людей и отражает факты, события, явления, относящиеся к различным формам общественной жизни. В соответствии с этим ее подразделяют на определенные виды: политическую, экономическую, культурную, военную и т. д.

Политическая информация – это часть социальной информации, которая охватывает, прежде всего, явления, факты и события политической сферы жизни общества – отношения между странами, классами, нациями, государствами, партиями, политическими движениями, между людьми по отношению к политической власти и т. д. Сюда же включаются сообщения о событиях и явлениях, происходящих в других областях общественной жизни, прежде всего, в экономике, культуре, имеющие политическое значение. Содержание политической информации составляют сообщения о процессах в сфере политической жизни, о политической деятельности личности, политических групп, институтов, индивидов.

Политическая информация, которая раскрывает политическую линию политических институтов, их основные цели, пути и средства достижения этих целей, политическое руководство массами, политические отношения, политическую систему общества, его идеологию, относится к непосредственно политической информации.

Поскольку политика связана со всеми сферами жизни, то есть существует экономическая, социальная, культурная, научная, техническая политика, то и эта информация тоже носит политический характер, так как затрагивает интересы всех социальных групп общества. Следовательно, информация о том, как разрешаются те или иные интересы социальных групп в разных сферах жизни, имеет политический характер. Поэтому в понятие «политическая информация» следует включать непосредственно и опосредовано политическую информацию.

Политическая информация занимает ведущее место в системе социальной информации. Такое ее положение объясняется местом политики в системе социальных отношений, политической надстройки, местом политического сознания в структуре общественного сознания. Групповая направленность данной информации является основанием для отнесения ее к разряду политической. В широком смысле она есть вся совокупность социальной информации, пропущенная через призму государственных, политических интересов общества, социальных групп. Она является той частью социальной информации, в которой с политических позиций отражается содержание всей совокупности социальных отношений. В узком значении политическая информация – это идеологическое мероприятие, форма функционирования специализированного политического института, база устной политической агитации, идеологической деятельности.

Содержание политической информации определяется социальной средой, социальной системой. Она раскрывается и проявляется в политических процессах и тенденциях. Политически информированным является тот человек, который может разбираться в политической жизни с позиций политических законов, тенденций, на основе знаний политической теории, развитием которой занимается политология. Политическая информация не сводится к тому, чтобы узнать что, когда и где произошло. Ее цель – научить человека ориентироваться в стремительном потоке социальной информации, политической жизни на основе политических тенденций и законов. Наличие такой ориентации у личности является основным критерием, характеризующим уровень политической информированности, необходимым условием и нормативным требованием формирования личности современного общества. Современный человек – это человек высокой политической культуры. Политическая культура обязательно предполагает высокий уровень политической информированности. Поэтому последняя является личностным качеством каждого человека, элементом образа жизни.

Политическое информирование личности осуществляется по целому ряду направлений. Личность получает информацию по вопросам политической жизни страны, которая раскрывает сущность внутренней и внешней политики государства, его функционирование и развитие. В центре такой информации – раскрытие созидательной силы государства, реалистического характера и политического смысла его решения; информация о местных делах (жизни регионов, городов, районов, поселений, коллективов); разъяснение сущности современной демокра-

тии, деятельности политических институтов, защиты ими своих политических интересов.

Информация по проблемам экономики позволяет личности понять единство экономики и политики, определить задачи и итоги экономического развития, выявить пути повышения эффективности общественного производства, раскрыть смысл экономической политики.

Информация в вопросах культуры и морали дает представление о политике государства в области культуры, образа жизни, духовной жизни. Информация о социальной жизни дает представление о статусе личности, социальной защите человека в обществе. Она направлена на раскрытие основного противоречия современного общества – эффективности его экономического развития и социальной защиты личности [1]. По этим и многим другим направлениям ведется внутриполитическое информирование.

Внешнеполитическая информация – это сведения о политической жизни в других странах, об отношениях между государствами, социальными системами. Основное назначение внутриполитической и внешнеполитической информации – доведение до сведения личности политических задач, разработанных государством, политическими институтами.

Политическая информация личности обладает целой системой функций, среди которых определяющая роль принадлежит познавательной, ориентирующей, идеологической, мировоззренческой, организационно-управленческой, мобилизующей, активизации деятельности, апологетической, идейно-воспитательной.

Все функции политической информации взаимосвязаны и взаимодействуют как система. Ее целостность обеспечивает в определенной степени комплексную политическую деятельность личности, тем более что политическая активность личности (созидательная или разрушительная) зависит от ее уровня политической информированности.

Политической информации присущи определенные качественные свойства, которые условно по содержанию можно разделить на две группы. К первой группе относятся свойства, связанные с содержанием и направленностью политической информации; ко второй – свойства, характеризующие формы и методы ее распространения.

Основным сущностным свойством политической информации является ее политическая групповая ориентированность, направленность, которая требует подходить к событиям общественной жизни с позиции определенной группы, идеала, идеологии. Эта информация всегда целенаправленная, так как в ней ставятся определенные задачи, и политические группы стремятся их достичь. С этой точки зрения она всегда субъективная и не может отражать интересы всех групп общества. Каждая политическая группа ориентируется на конкретное содержание политической информации.

Вместе с тем политическая информация, переработанная в политическое знание, политические тенденции, законы, свидетельствует о наличии у нее такого свойства, как научность. Политическая информация является основой науки политологии. Научность политической информации дает возможность личности описать, объяснить, анализировать, синтезировать, прогнозировать политическую жизнь. В научности заключается один из основных источников ее эффективности.

Основа научности политической информации – это объективный подход к фактам и явлениям. Объективность политической информации означает, что в ее содержание вкладывается фактическое положение дел, явлений, процессов, научное их объяснение, анализ сущностных связей и тенденций. Объективная информация не допускает никакой маскировки, приукрашивания действительности, затушевывания недостатков, а также искажения действительности. Даже в самых сложных условиях личности нужна полная и правдивая информация.

Правдивость политической информации требует видеть в явлениях, раскрывающую их сущность происходящих событий общественной жизни. Факты только тогда имеют научное значение, когда они отражают тенденции, направления развития общественного процесса. При научном подходе необходимо располагать системой фактов, показать их причинно-следственную связь. Истинность политической информации проявляется в ее связи с жизнью, практикой общественного развития.

Политическая информация может быть не только правдивой, но и ложной. В таком случае она выполняет роль не политической информации, а политической дезинформации, следствием чего является формирование у личности ложного сознания, деструктивной деятельности, ложной политической ориентации. В условиях кризиса политической системы в политических конфликтах роль этого свойства политической информации возрастает, что ведет к информационной войне.

Политическая информация отражает общество в его динамике, развитии, которое идет из прошлого в настоящее, а из настоящего в будущее. Поэтому в ней всегда есть остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего. Ей приходится выполнять миссию исторической преемственности в политическом развитии. Она, с точки зрения ориентации ее в историческом, социальном времени, представляет тип информации, ориентированной на будущее, что свидетельствует о ее оптимистическом характере. Умение увидеть новое, оценить его, показать преимущества – такова непременная сущность целеустремленности политической информации.

Историчность политической информации предполагает ее конкретность, что возможно только тогда, когда какой-либо факт не только называется, но и раскрывается во всей совокупности его причинно-следственных связей и отношений. Основной показатель конкретности – не в политических фактах самих по себе, а в степени их научного освещения.

Конкретной является такая политическая информация, которая правильно, всесторонне передает сущность политической жизни, объективной действительности. Основной путь анализа политической жизни – от теории к фактам, от фактов снова к теории, конкретным выводам. Единство теоретического и эмпирического уровней анализа политической информации является одним из показателей ее научности.

Хотя объективность, целеустремленность и научность являются основными сущностными свойствами политической информации личности, они не могут полностью отразить ее природу. В центре политической информации стоит человек, личность. Отсюда политической информации личности свойственен гуманистический характер.

Политической информации присущи свойства не только содержательного, но и методического плана: оперативность, злободневность, актуальность, новизна,

популярность, дифференцированность, ясность, доходчивость, систематичность, полнота.

Политическую информацию с точки зрения воздействия на личность можно условно разделить на два потока, идущих сверху и снизу. Политическая информация, идущая сверху, содержит сведения о политический системе общества, государства и других политических институтов. Политическая информация, исходящая снизу, включает информацию о социально-экономическом положении людей в обществе, настроении работников, их реакции на решения государства, их политической активности.

Личность получает политическую информацию с помощью конкретных форм, средств, методов. Средствами политической информации являются каналы ее передачи (радио, газеты, телевидение). Под формой политической информации понимается, прежде всего, то, как она организуется, в какой форме полается (лекции, доклады, беседы, устно, письменно). Методы политической информации – это способы и приемы ее сообщения.

Личность получает информацию как теоретическую, так и эмпирическую. Если теоретическая политическая информация раскрывает закономерности, тенденции политической жизни, то информация эмпирического плана дает человеку отдельные сведения и факты.

Личность находится под воздействием не только текущей, но и стратегической политической информации. Текущая информация позволяет человеку быть в курсе политических проблем сегодняшнего дня, информация стратегического плана – в курсе наиболее важных, самых основных политических проблем, ориентированных на завтрашний день.

Важнейшим вопросом политического информирования является результативность и эффективность этой работы. Эффективность политического информирования личности связана с изменением ее качеств и свойств, жизнедеятельности, активности. Она обязательно включает результат воздействия политической информации на личность. Результативность политического информирования включает в себя степень политического информирования. При ее характеристике отмечается общая политическая информированность личности, которая предполагает выделение информированных индивидов по принципу «знает – не знает» без учета глубинны знаний того или иного вопроса. Уровень общей информированности характеризует степень распространения политической информации среди индивидов. В отличие от этого результаты воздействия, выражающие глубину ее усвоения, показывают степень информированности, то есть качество усвоения политической информации личностью, усвоение «вглубь». Этот уровень имеет следующие градации: «знает хорошо», «знает плохо», «не знает».

При этом важно подчеркнуть достаточность политической информации личности, которая выражается, прежде всего, соответствием уровня политической информированности потребностям производственной, общественно-политической, духовной жизни, реальной практике развития современного общества, статусу личности. Достаточность политической информации определяется конкретными условиями, обстоятельствами, в которых проходит процесс информирования.

В процессе анализа политической информации, сборе материала по данной проблеме нами были использованы социологические методы, которые позволяют

достаточно фундаментально, системно и глубоко подойти к ее характеристике и описанию. Выше было дано теоретическое представление о политической информации. При проведении эмпирического социологического исследования категория политической информации нуждается в определенной конкретизации, в сведении ее к формализованным, операциональным определениям, к характеристике ее содержания и структуры.

Взяв за основу исследования политической информации социологическими методами выявление того, как индивид трактует содержание и направленность политических процессов, фиксируем в анализе:

– *осведомленность* индивида в политической жизни, характеризуемую объемом принимаемой им информации о ней;

– *избирательность* индивида в политической информации, характеризуемую конкретным содержанием, направленностью усваиваемой информации;

– *степень активного* отношения индивида к политической информации, характеризуемую его участием в ее производстве и распространении;

– *степень влияния политической информированности* индивида на его поведение, в том числе на его ценности, образ жизни, самосознание, мировоззрение, политическую зрелость, активность.

Анализ и синтез эмпирического материала по данной проблеме осуществлены на основе этого подхода. Эмпирические исследования по информированности личности в разных конкретно-социологических условиях проводятся нами с 1970 г. (уже полвека). Основные результаты этого анализа в зависимости от времени оказались следующими:

1) с 1970 г. до конца 80-х гг. XX в. опрошено 16 000 человек [2];

2) информированность личности в 90-е гг. XX в. и начале XXI в. – опрошено 5000 человек [3];

3) информированность личности в 10–20 гг. XXI в. – опрошено 8000 человек [4].

Содержание политической информации личности

Важную роль в политическом информировании играют каналы получения инфомации. Для регулирования ими, повышения их эффективности и результативности необходима обратная связь о степени их воздействия. Опрос работников позволил выявить следующий ряд приоритетных каналов получения личностью политической информации в 70–80-е гг. Политическую информацию получали, прежде всего, из телепередач (I место); передач радио (II); газет (III); бесед с товарищами по работе (IV); журналов (V); лекций (VI); партийных, комсомольских, профсоюзных рабочих собраний (VII); политинформации (VIII); бесед агитатора (IX); в кругу семьи (X); из системы политического и экономического образования (XI); заводской многотиражной газеты (XII); бесед с товарищами, которые работают в других организациях (XIII); общественно-политических книг (XIV); конференций, активов, семинаров, оперативок (XV).

Таковы перечень и удельный вес каналов, по которым прежде всего узнавали о важнейших политических событиях. Основными среди них были передачи по телевидению, радио, газеты. Более 80 % опрошенных через перечисленные каналы

получали данную информацию. От 20 до 50 % предпочитали беседы с товарищами по работе, журналы, лекции, беседы агитаторов, политинформацию, беседы в кругу семьи, в системе политического и экономического образования, заводскую многотиражную газету.

Наименьшей популярностью среди опрошенных (всего у 1/7 части) пользовались общественно-политические книги, конференции, активы, семинары.

Характеризуя отношение личности к каналам политической информации, следует отметить, что они ее получали не по одному каналу, а из целой системы. Если в 20-е гг. она получала информацию по 2–3 каналам, то в 50–60-е годы их количество увеличилось в несколько раз, что позволило получать не фрагментарное, а целостное представление о политической жизни. Личность получала информацию как по официальным, так и по неофициальным каналам, планомерным и стихийным; основными являлись официальные и планомерные.

В отношении каналов получения политической информации фиксировалась избирательность в зависимости от потребностей и интересов индивида. Одни каналы он предпочитает в большей степени, другие – в меньшей. По всем каналам передавалось значительно больше политической информации, чем ее воспринималось и усваивалось. Основная группа предпочитала получать политическую информацию через наиболее легкие, доступные массовые каналы. В то же время среди всех опрошенных имелась весьма небольшая группа, предпочитающая такой канал, как общественно-политические книги, которые содержали наиболее глубинную и системную политическую информацию.

При регулировании данных процессов необходимо добиваться, чтобы каждый индивид, получал политическую информацию не только через наиболее доступные и легкие каналы, но и через такие, как общественно-политическая книга, многотиражная газета, журналы.

В 90-е гг. каналы получения политической информации принципиально изменились. Во-первых, исчезли такие каналы получения политической информации, как партийные, комсомольские, профсоюзные собрания, устные политинформации, беседы агитатора, система политического и экономического образования, семинары, активы, конференции, круглые столы, лекции, общественно-политические книги. Очень сильно сократилась роль таких каналов, как газета, журнал, беседы с товарищами на политические темы и т. д. Фиксировалась тенденция к сохранению общения на политические темы.

В то же время заметно возросла в этом процессе роль телевидения. Если в 70–80-е гг. рядом с ним была велика роль газет, радио и других каналов, то в 90-е гг. этот канал фактически один определяет содержание политического информирования, ранее носившего системный характер. Роль других каналов настолько сократилась, что они какой-либо конкуренции телевидению оказать не могут и теряют свою самостоятельность.

Тем не менее в 90-е гг. появились новые возможности распространения политической информации, которых не было в 70–80-е гг.: обсуждение политических вопросов во время митингов, забастовок, шествий, на встречах и собраниях в период предвыборных кампаний, обсуждение данных вопросов с кандидатом на выборную должность, мэра, губернатора, депутата и т. д.

Какой же информацией, прежде всего, интересовались люди в 70–80-е гг.? На основе опроса был выявлен следующий ранжированный ряд интересов к политической информации.

Из числа тем, проблем, вопросов, о которых писали в газетах, книгах, журналах, рассказывали по радио, показывали по телевидению, их интересовали международные обзоры (I место); внутриполитическая жизнь страны (II); справочные материалы (объявления, программы радио, телевидения, прогнозы погоды и т. д.) (III); фельетоны (IV); проблемы медицины (V); спорт (VI); юридические вопросы (VII); вопросы культуры, отдыха (VIII); быт, мораль, педагогика (IX); проблемы молодежи (X); вопросы развития науки и техники (XI); критические материалы на разные темы (XII); материалы о передовиках производства, социалистическом соревновании (XIII); теоретические материалы по вопросам экономики, политики, культуры, международного рабочего движения (XIV); материалы о работе комсомольских, профсоюзных, партийных органов (XV); передовицы газет (XVI); все материалы в равной мере (XVII).

Выявленный ранжированный ряд характеризует осведомленность, избирательность, активность личности по отношению к разным аспектам политической информации. Повышенный интерес проявлен к информации о международной жизни, жизни страны, мировой системе социализма, справочным материалам, фельетонам, юридическим вопросам, проблемам морали, педагогики. Этими вопросами интересовались от ½ до ¾ опрошенных.

Несколько меньший интерес проявлен к проблемам молодежи, науки, техники, критическим материалам на разные темы. Этой информацией интересовалось от ⅓ до ½ опрошенных.

Еще меньший, но значительный интерес проявлен к информации о работе комсомольских, профсоюзных, партийных органов, советов, общественных организаций, о передовиках производства, к теоретическим материалам по вопросам экономики, политики, культуры, международного рабочего коммунистического движения, в то время как она являлась нормативной и ею должен был интересоваться каждый. Эта информация в формировании мировоззрения личности занимала одно из основных мест.

Осведомленность, избирательность, активность индивида по отношению к политической информации не ограничивалась какой-либо проблемой, проявлялся интерес к целому спектру проблем и видов политической информации. Хотя в этом процессе у индивида фиксируется несоответствие между той информацией, которую он получал, и той, которую хотел бы получать.

В 90-е гг. система интересов личности к политической информации существенно изменилась. Фактически почти исчез интерес к информации, освещающей проблемы развития науки, техники; о передовиках производства, социалистическом соревновании; работе комсомольских, профсоюзных органов, теоретическим материалам по вопросам экономики, культуры и т. д. Значительно сократился интерес у всех социальных групп к информации по проблемам молодежи; морали, педагогики; быта, культуры; на юридические темы. Упал интерес к проблемам международного положения, жизни внутри страны, жизни регионов.

Усилился интерес к информации о жизни трудовых коллективов, проблемах безработицы, свободных рабочих местах, профессиональной переподготовке кадров,

социальной защите человека, заработной плате, материальном положении, преступности, коррупции, военном положении, деятельности политических лидеров, политических элит и т. д. К этой информации во второй половине 90-х гг. фиксируется устойчивый интерес. Таким образом, меняются проблематика политической информации, приоритеты проблем. Но потребность личности к политической информации, интерес к ней остаются устойчивыми у основной части населения.

В 70–80-е гг. XX в. уделялось большое внимание к повышению уровня политической информированности личности, и происходило это за счет информации о международном положении (I место); воспитании, морали, быта (II); проблемах медицины (III); последних известиях (IV); вопросов внутриполитической жизни страны (V); правовых отношений (VI); экономического развития страны (VII); литературы, искусства (VIII); спортивной жизни (IX); развития науки и техники (X); информации о теоретических проблемах развития экономики, политики, культуры, международной жизни (XI); жизни коллектива (XII). В потребности личности к указанной выше информации проявлялись осведомленность, избирательность, активное отношение.

Личность испытывает нехватку информации, во-первых, по тем вопросам, которыми она в большей степени интересуется; во-вторых, той, которая ею в меньшей степени усваивается. Кроме того, между ее идеалом политической информированности и реальной практикой существует не только взаимосвязь, но и некоторое несоответствие, так как практика много богаче идеальных представлений и вносит коррективы в реальный процесс политической информированности. Это противоречие между желаемым и действительным, потребностью в политической информации и удовлетворенностью ее, на наш взгляд, является основным в решении вопроса политической информированности современного общества.

Характеризуя уровень политической информированности личности советского общества, следует обратить внимание на то, какие проблемы работники обсуждали в рамках трудового коллектива. На основе опроса выявлен следующий ранжированный ряд тех проблем, которые обсуждались в коллективах в 70–80-е гг. XX в.: выполнение плана (I место); трудовая дисциплина (II); повышение качества продукции (III); результаты социалистического соревнования (IV); социально-экономическое развитие страны, области, города, района, трудового коллектива (V); международное положение (VI); санитарно-гигиенические проблемы коллектива, медицина (VII); воспитательная работа (VIII); участие в рационализации, изобретательстве (IX); юридические вопросы (X); перспективы развития коллектива (XI); развитие научно-технического прогресса (XII).

В 90-е гг. содержание обсуждаемых проблем в коллективе существенно изменилось. В этот период чаще всего обсуждают проблемы заработной платы; материального положения; поиска работы; сокращения рабочих мест; санитарно-гигиенического положения в коллективе; здоровья; поиска приработка; преступности; коррупции; приватизации; перспектив развития коллектива; социально-экономического развития страны, региона, их будущего.

Своеобразна система интересов личности к политической информации советского общества макро- и микроуровня в 70–80-е гг. Личность интересовалась международной жизнью на планете в целом, на ее континентах, в развитых и раз-

вивающихся странах, жизнью нашей страны, республик, регионов, области, города, района, коллектива, в котором она работает. Степень ее информированности по этим вопросам была разной. Анализ информированности по названным выше проблемам от общего к частному (от макроуровня и микроуровня) фиксировал следующую ситуацию.

Интерес к политической информации о проблемах международной жизни был выше, чем к информации о жизни страны. Интерес к информации о жизни республики еще меньше, чем к информации о жизни страны. Затем последовательно идет снижение интереса к информации о жизни региона, области, города и района. Самый низкий уровень интереса проявляется к жизни района, который находится в составе областного центра или другого крупного города.

Вместе с тем наблюдалось очень резкое повышение интереса к информации о жизни трудового коллектива. Интерес к этой информации у работника значительно выше, чем к информации о международной жизни, причем он усиливается в направлении от коллектива в целом к информации о жизни вторичного и первичного коллектива. Наибольший интерес был проявлен к информации о жизни первичного коллектива (бригады, участка).

Индивид получает информацию о жизни как на макро-, так и на микроуровне. В организации политической информированности важное значение имеет проблема наиболее оптимального сочетания информации о жизни за рубежом, страны и информации о жизни коллектива, района, города, области, региона. Это объясняется как необходимостью всестороннего информирования, так и взаимосвязью между этими видами и направлениями политической информации. Практика показывает, что политическая информация на макроуровне только тогда эффективно воспринимается, когда она взаимодействует и сопоставляется с информацией микроуровня.

Конкретная избирательность личности по отношению к политической информации в известной мере основана на том, что аккумуляция и передача ее носят общественный характер, априори – индивидуальный. Информации передается значительно больше, чем усваивается и воспринимается. Вся информация, передаваемая посредством СМИ, как правило, не может быть воспринята. Среди индивидов фактически не встречаются такие, которые читают всю газету от начала до конца или следят за всеми радио- и телепередачами. Обычно они выбирают из сообщений газет, радио, телевидения и т. д. только то, что их интересует. Между интересом к политической информации и степенью ее усвоения имеется не только взаимосвязь, но и некоторое несоответствие.

Например, личность проявляет интерес больше к информации о международной жизни, однако это не значит, что она ее усваивает больше, чем информацию о жизни страны. Политическая информация о жизни страны усваивается больше, чем о международной жизни. Информация на микроуровне усваивается больше, чем на макроуровне. Больше усваивается информация эмпирического уровня, меньше, труднее – теоретическая информация о политической жизни. В зависимости от тем и проблем последняя информация усваивается, как правило, от ⅓ до ⅒ части всего передаваемого объема.

От степени усвоения информации зависит уровень политической информированности личности. Условно можно выделить три уровня политической информации.

1. Эмпирические факты, или так называемая натуральная информация, которая содержит как важные, так и маловажные подробности, отражает события и явления в соответствии с их развитием. Такой информации много в газете, радио, телевидении. Она позволяет сопереживать политические события.

2. Кроме фактов необходима еще на их основе, комментированная информация. При комментировании факты группируются, сопоставляются, чтобы лучше была выражена их взаимосвязь и были четче выделены характерные черты явления. Комментирование – это дополнительная информация, которая позволяет лучше уяснить эмпирическую информацию.

3. Посредством обстоятельного научного обобщения фактов, событий, явлений получают теоретически обоснованную информацию. Это третий – высший уровень политической информации. Она содержится, прежде всего, в книгах, журналах.

Такое деление политической информации, конечно, условно, но политически необходимо. Довольно часто все три уровня объединены, но один из них, как правило, доминирует. Индивид эффективнее усваивает информацию первого и второго уровней. Меньше проявляет интерес к информации третьего уровня, и она значительно меньше усваивается, тогда как именно она является основной в формировании политической культуры. Усвоение информации высшего уровня обусловливает непрерывный рост уровня политической информированности личности, что является важной особенностью развития духовной жизни.

Политическая информация, получаемая индивидом, не остается в его сознании «инородным телом», а перерабатывается в средство практической деятельности. По мнению опрошенных, она способствует более глубокому пониманию жизни страны и за рубежом, умению ориентироваться в политической жизни (51 %); расширению кругозора, формированию мировоззрения (46 %); повышению культурного уровня, политической культуры; критическому осмыслению образа жизни, негативных явлений в общественной жизни (29 %); лучшему пониманию и решению производственных задач (25 %); повышению трудовой дисциплины в коллективе (18 %); участию в общественной работе (17 %); развитию соревновательных отношений между людьми (15 %); рациональному проведению свободного времени (15 %); общению (11 %); повышению производительности труда (7 %); активизации участия в рационализации, изобретательстве (5 %); просто вызывает интерес, так как все о ней говорят (5 %). Поскольку каждый респондент указал несколько мотивов, то сумма ответов больше 100 %. Такая мотивация оказалась весьма устойчивой как в 70–80-е, так и в 90-е гг.

Анализируя мотивацию восприятия политической информации, можно выделить следующие типы ориентации на нее: общекультурную, профессиональную, потребительскую.

Общекультурная ориентация присуща работникам более высокой квалификации, так как они интересуются информацией о жизни как своей страны, так и за рубежом. У них интерес к проблемам макроуровня больше, чем к проблемам микроуровня. У этой группы интерес к политической информации устойчив, избирателен. Люди данного типа не испытывают особых трудностей в восприятии политической информации.

Обладая широким кругозором, они хорошо ориентируются в ней и доброжелательно ее воспринимают. В политической информации они видят прежде всего средство для расширения кругозора, повышения уровня культуры, рационального проведения свободного времени, ориентации в важнейших политических событиях, повышения уровня активности.

Профессиональная ориентация прослеживается более всего у работников, занимающихся общественной работой и участвующих в управлении. Люди этого типа в политической информации видят прежде всего одно из средств повышения трудовой, общественно-политической, духовной активности. Наибольший интерес для них представляет политическая информация, передаваемая по телевидению, радио, публикуемая в газетах, журналах. Они свободно ориентируются в политической информации, умеют анализировать политические события.

Потребительская ориентация характерна для работников низкой квалификации и низкого уровня образования, которые воспринимают только ту часть политической информации, которая касается их труда и быта. Интерес к политической информации у них поверхностный, оценки политической жизни они дают, исходя из своего личного опыта или межличностного общения. Средства массовой информации для них служат прежде всего развлечением. Политическую информацию теоретического плана они почти не воспринимают и не интересуются ей. Часто люди этого типа имеют и достаточно многообразную личную материально-техническую базу получения политической информации. Книгу, журнал, газету они выписывают не для чтения, а как предмет моды. Они не умеют ориентироваться в политической информации, не могут объяснить происходящие политические события, а только констатировать в статике, не видя их развития.

В чистом виде эти типы ориентации на политическую информацию встречаются весьма редко. Наличие их всех можно фиксировать почти у каждого индивида, однако один из них преобладает, является основным, взаимодействует с другими типами.

Конечно, типы ориентации на политическую информацию в разных политических системах несколько отличаются. В 70–80-е гг. доминировала общекультурная профессиональная ориентация на политическую информацию. Потребительская ориентация играла определенную роль, но не была доминирующей в это время.

В 90-е гг. резко упала роль общекультурной профессиональной ориентации и очень резко возросла роль потребительской фактически у всех обследованных групп, хотя первые две свою доминирующую роль все же сохраняют на этом этапе.

Тип ориентации на политическую информацию во многом влияет на удовлетворенность людей ею. В 70–80-е гг. около ⅔ из них были удовлетворены получаемой политической информацией. Более ½ не испытывали никаких трудностей в ее восприятии. В то же время имелась достаточно большая группа среди опрошенных, которая испытывала разного рода трудности в восприятии политической информации.

Причины, обусловливающие трудности восприятия политической информации и неудовлетворенность ею, по мнению опрошенных, следующие:

– слабая увязка политической информации с реальной жизнью;

– акцентирование внимания не всегда на самых острых проблемах (либо наоборот);

– подача только негативной информации; недостаточное использование ее как средства воспитательного воздействия;
– не всегда убедительное и понятное изложение, иногда в интересах какой-либо группы;
– слабый анализ фактов при подаче трудных и сложных проблем;
– размытость информации, отсутствие выделения главного;
– недостаток оперативности, систематичности;
– изложение информации с целью создания конфликта;
– слабый учет специфики группы при подаче информации;
– непрофессионализм в изложении;
– безответственность в выборе передаваемой информации;
– частые повторы одного и того же.

Для устранения указанных трудностей опрошенные предлагают чаще проводить встречи руководителей с подчиненными; вечера вопросов и ответов; встречи с депутатами; социологические исследования; чаще практиковать ответы на вопросы руководителей на различных собраниях, заседаниях, активах; лучше изучать требования, выдвигаемые в ходе митингов; подробнее изучать вопросы, поступающие от людей в ходе бесед, лекций, докладов, собраний; быстрее рассматривать письма, жалобы, заявления, поступающие от населения. Следовательно, люди не только указывают на трудности в получении политической информации, но и предлагают конкретные пути их устранения, формировании стратегии и тактики в решении данного вопроса.

У всех социальных групп, опрошенных нами в 70–80-е гг. прошлого века, фиксируется достаточно высокий уровень интенсивности потребления политической информации. Так, в эти годы ежедневно смотрели телевизионные передачи, слушали радио, читали в газетах, журналах, книгах о политической жизни страны и за рубежом 50 % опрошенных; 5–6 раз в неделю – 8 %; 4–6 раз в неделю – 14 %; 2–3 раза в неделю – 16 %; 1 раз в неделю – 4 %; не указали частоту потребления политической информации 8 %.

В целом для основной группы опрошенных, которая в течение недели не менее 2–3 раз интересуется политической информацией, такую интенсивность можно считать достаточной. Конечно, в современных условиях, при очень высоких ритмах жизни, быстром старении текущей политической информации, людям, интересующимся ею 1–2 раза в неделю, практически очень трудно быть в курсе политической жизни страны и за рубежом. Основная группа (72 %) систематически интересовалась политической информацией, 20 % нерегулярно интересовались ею и только 8 % индифферентно относились к ней.

В 90-е гг. ситуация с интенсивностью потребления политической информации существенно изменилась. Из ежедневного потребления политической информации почти исчезли такие каналы ее получения, как книга о политической жизни страны и за рубежом, журнал. У 90 % опрошенных сильно сократилось время на потребление ее из газет, радиопередач. Даже интенсивность ее получения по телевидению резко сократилась.

Приведенные данные свидетельствуют об определенном уровне политической информированности личности на разных этапах развития нашего общества. В то

же время среди опрошенных имеется группа, которая не интересуется данной информацией. Если в советский период она составляла среди респондентов разных групп от 10 до 20 %, то в 90-е гг она увеличилась в 2–3 раза.

Существенной особенностью политической информированности личности в 70–80-е гг. являлось то, что она располагала информацией не только о социальном прошлом и настоящем, но и о социальном будущем эпохи, системы, страны, республики, области, города, района, коллектива, своей группы, своей личной жизни [5]. Интерес к такой информации сохранился и у личности современного общества в XXI в., но он существенно изменился [6].

В приведенном ниже материале дана характеристика содержания политической информации, которую получает личность из всех информационных каналов. Теперь важно проанализировать, какой интерес проявляет личность к политической информации, передаваемой по отдельным каналам, которые, исходя из их функций, можно разделить на следующие группы:

1) устное политическое информирование;

2) межличностное общение (общение в коллективе, семье, вне коллектива и семьи);

3) средства массовой информации (телевидение, радио, печать, кино и т. д.).

Рассмотреть все три группы каналов передачи политической информации в данном случае не представляется возможным. Проанализируем, какой интерес для личности представляет политическая информация, получаемая через СМИ, и каково ее отношение к ним. Политическая информация, передаваемая по телевидению, радио, печати, является самым мощным средством распространения, представляет собой краткие информационные сообщения или выступления комментаторов. Каждый канал выполняет свои задачи, обладает только ему присущими особенностями и возможностями.

Печать характеризуется силой обобщения и комментариев, интерпретаций политических событий. Радиовещанию свойственна оперативность. С помощью телевидения можно наиболее эмоционально передать информацию, показать, как данное событие произошло.

В 70–80-е гг. люди предпочитали смотреть по телевидению художественные фильмы (92 %); «Клуб кинопутешественников», «В мире животных» (80 %); передачи на морально-этические темы «От всей души», «02», «Человек и закон» (77 %); информационные программы «Время», «Новости», «Сегодня в мире» (73 %); концерты (70 %); передачи на актуальные внешнеполитические и внутриполитические темы (выступление Ю. Жукова, В. Зорина, Л. Вознесенского, «Международная панорам», «Камера смотрит в мир») (68 %); спортивные передачи, на военно-патриотические темы (52 %); научно-популярные темы («Очевидное – невероятное», «Наука сегодня») (50 %); передача на производственные темы «Клуб деловых встреч», встречи с передовиками производства (22 %); передачи по изобразительному искусству (18 %); передачи о литературе (18 %); передачи о театре (18 %). Поскольку каждый указал несколько передач, то сумма ответов больше 100 %.

Следует особо отметить разнообразную структуру телепередач по содержанию, которые смотрели опрошенные. Наибольший интерес для них представляли художественные фильмы, передачи на морально-этические темы и по актуальным внешнеполитическим и внутриполитическим проблемам, то есть те, которые ока-

зывали наибольшее влияние на политическую информированность, образ жизни, культуру личности. Необходимо отметить большую частоту просмотра телепередач. Около ⅔ опрошенных смотрели их каждый или почти каждый день. У ⅓ частота просмотра этих передач насколько меньше, но в целом достаточная.

В 70–80-е гг. большую роль в передаче информации играли кинофильмы. Так, среди респондентов в течение месяца смотрели кинофильмы 1–3 раза 62 %; 4–6 раз – 17 %; 7–20 раз – 11 %; только 10 % смотрели кинофильмы очень редко. Следовательно, у основной группы опрошенных (более чем у 90 %) фиксировалось систематическое получение информации из кинофильмов.

В 90-е гг. по телевидению шли в основном зарубежные фильмы, интерес к которым в начале 90-х гг. был выше, а в конце 90-х заметно упал (зарубежные фильмы смотрели менее половины опрошенных).

Одним из основных каналов получения политической информации для личности в 70–80-е гг. была газета, содержание которой составляли сообщения корреспондентов из разных уголков страны и из-за рубежа. Более 80 % опрошенных систематически получали политическую информацию из центральных и местных газет, более 50 % – из многотиражных газет. Из центральных газет наиболее предпочитаемыми были «Труд», «Комсомольская правда», «Правда», «Известия», «Советская Россия». Из местных газет наиболее популярными были «Звезда», «Вечерняя Пермь», более ⅒ читали газету «Молодая гвардия».

Следовательно, личность получала политическую информацию не из одной газеты, а из нескольких. Незначительная группа лиц читала «Литературную газету», «Экономическую газету», «Социалистическую индустрию».

В производственных коллективах большой была группа рабочих, которые не читали местных газет. Это приводило к тому, что они иногда лучше знали о событиях, происходящих в ином государстве, чем о делах в своем городе или районе. У жителей г. Перми фиксируется весьма низкий уровень информированности о жизни района, в котором они работают или живут.

Важную роль в решении этого вопроса тогда играли многотиражные районные, городские газеты. Являясь важным звеном в системе печати, эффективным инструментом местных органов власти в осуществлении

Политического руководства экономическим, социальным и культурным развитием районов, городов, мощным средством воспитания масс и формирования общественного мнения, независимым источником информации о местной жизни.

В 90-е гг. ситуация получения политической информации из газет сильно изменилась. Во-первых, сократилось количество газет, читаемых индивидом в эти годы. Фактически исчезли такие фундаментальные газеты, как «Экономическая газета», «За рубежом» и т. д. Во-вторых, появились новые газеты, на которые переориентировалась часть читателей. В-третьих, почти исчезла многотиражная газета в трудовых коллективах. В-четвертых, содержание новых газет стало менее интересным для читателей к концу 90-х гг. В-пятых, группа молодежи очень мало читает газеты. Информация, получаемая из газет, стала играть значительно меньшую роль в политическом информировании личности.

Большая роль в 70–80-е гг. в политическом информировании масс принадлежит журналам. Среди них предпочтение отдавали литературно-художественным –

45 %; сатирическим, иллюстрированным – 36 %; молодежным – 35 %; журналам по искусству – 35 %; журналам мод и по домоводству – 35 %; спортивным – 95 %; научно-популярным – 18 %; общественно-политическим – 16 %; узкоспециальным – 13 %. Поскольку каждый назвал несколько журналов, то сумма ответов больше 100 %.

Определенную роль в политическом информировании личности играли общественно-политические журналы «Политическое самообразование», «Агитатор», «Коммунист», «Партийная жизнь», «Международная жизнь», «Молодой коммунист», «Вопросы экономики», «Комсомольская жизнь», «Рабочий класс и современный мир», «Проблемы мира и социализма». Их роль в политическом информировании личности была достаточной. Ситуация с журналами изменилась в 90-е гг. Прежде всего, исчезли не только общественно-политические журналы, но и многие другие специализированные. Сократилось потребление информации из таких журналов, как «Новый мир», «Октябрь», «Наш современник» и т. д. Если в 70–80-е гг. информацией из этих журналов пользовалось ¾ опрошенных, то в 90-е гг. – менее ⅕ опрошенных. Следовательно, политическая информация из журналов для основной части населения современного общества перестала играть роль средства формирования их политической культуры.

Книга в 70–80-е гг. стала основным каналом получения системных, глубоких знаний о политической жизни, деятельности. Среди людей с высшим образованием около 70 % систематически читали книги; среди рабочих – около половины, из них около ½ в среднем в месяц читали от 1 до 10 книг и около ½ нерегулярно 1–2 книги. Группа работников, которые совсем не читали книги, во всех обследованных коллективах составляет около 10 %. Около 80 % работников предпочитали художественную литературу, около 50 % − мемуарную, документальную, детективную, около 20 % − научно-популярную, научно-фантастическую, общественно-политическую, спортивную.

Таково отношение личности к политической информации в 70–80-е гг., 90-е гг., получаемой из СМИ. В советский период политическое информирование стало составной частью жизнедеятельности, образа жизни, культуры общения личности, ее формирования, одним из средств, влияющих на уровень ее активности, статус в обществе. В этой связи нам удалось зафиксировать у работников промышленных предприятий взаимосвязь между уровнем их информированности и активности.

У работников с более высоким уровнем политической информированности в 70–80-е годы фиксировался более высокий систематический уровень выполнения нормы выработки, участия в социалистическом соревновании, рационализации, изобретательстве; общественно-политической жизни; воспитательной работе; более содержательные и разнообразные формы свободного времени, духовные потребности, ценностные ориентации; у них не фиксировались нарушения трудовой дисциплины; в мотивации труда отмечалась взаимосвязь материальных и моральных стимулов. Конечно, эта взаимосвязь не абсолютная, так как и у работников с высоким уровнем информированности не всегда фиксировалась высокая активность по ряду указанных выше показателей. Но тем не менее гипотеза о том, что «если дать людям достаточно информации, то они в конце концов начнут вести себя обдумано и осмотрительно, будут принимать верные решения, т. е. изменят

поведение в верном масштабе» [7], в советском обществе работала, причем весьма эффективно. Политическое информирование в советском обществе функционировало как система, которую демонтировали в 90-е гг. XX в., а взамен не предложили ничего нового в соответствии с потребностями информационно-инновационного общества. Информированность личности в этом обществе в 10–20 гг. XX в. рассмотрена отдельно [8].

Библиографический список

1.Стегний В.Н. К вопросу о противоречиях современного российского общества // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке. Материалы XIV Международной научной конференции «Сорокинские чтения». 2020. Москва-Макс ПРЕСС, 2020. – С. 1476-1478.

2.Стегний В.Н. Политическая информированность личности (1970-1990 годы) . Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2001. 80 с.

3.Стегний В.Н., Курбатова Л.Н. социальный портрет студенчества в условиях трансформации Российского общества. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2009. 384 с.

4.Стегний В.Н. Информированность студента как показатель его культуры // Высшее образование в России. 2013. № 3. С. 114–118; Стегний В.Н. Историческое сознание студента // Власть. 2015. № 3. С. 99–107; Стегний В.Н. Новые явления в становлении культуры информационного общества / Культура в информационно-инновационном обществе: монография / под общ. ред. В. Н. Стегния. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2017. С. 117-150.

5.Стегний В.Н. Личность и будущее. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1990. 168 с.

6.Стегний В.Н. Осознание личностью своего социального будущего / под ред. В.Н. Стегния. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2013. С. 121-136.

7.Медоуз Д.Х., Рандерс И., Медоуз Д.Л. Пределы роста: 30 лет спустя: пер. с англ. М.: БННОМ Лаборатория знаний. 2013. С. 21 с.

8.Стегний В.Н. Особенности функционирования личности в информационном обществе / Личность в информационно-инновационном обществе / под ред. В.Н. Стегния. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2015. С. 8-26; Стегний В.Н. Историческая память молодежи – показатель культуры / Молодежь в информационно-инновационном обществе / под ред. В.Н. Стегния. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2019. С. 297-320.

Глава 7. Феномен советской идеологии

Современное социальное развитие характеризуется постоянным нарастанием проблемного поля. Причем на всех уровнях социального общения – от геополитического уровня до отдельного организменного, закрепленного в специфике состояния той или иной страны. В этих условиях рушатся некие традиционно воспринимаемые как постоянные величины критериальные показатели этого самого социального развития. При этом одни критерии сами сходят на нет в результате естественного отбора, другие трансформированы в новые формы, однако среди такого неустойчивого многообразия существует сегмент особых характеристик состояния социума и социальных взаимодействий, без обнаружения которых социальный анализ попросту становится невозможным. Так, при всей критике марксистского экономического детерминизма в условиях постоянного кризисного состояния экономики даже противники марксистского основания в научном анализе общества вынуждены обращаться к исследованию состояния производственных отношений, что, в свою очередь, детерминирует потребность в углубленном рассмотрении специфики производительных сил, часто обозначаемых сегодня собирательным понятием «человеческий капитал» [4, с. 32]. В глобализированной форме человеческий капитал, формирующийся в сетях коммуникаций и потоках информации, выпячивает значимость надстроечных явлений как устойчивых состояний культуры. И в традиционной диалектике общего и единичного культуры, что проявляется в повседневном существовании отельных субъектов, обнаруживается некая фрагментарность, способная нарушать целостность культурного поля в целом. Но сама социальность внутри себя разрывов не терпит именно вследствие пересечения субъектного и объективного факторов развития. Поэтому проявившуюся атомизацию носителей общественных отношений с необходимостью должен компенсировать фактор некоторой целостности. Поскольку в социальное поле субъект включен, прежде всего, через собственную разумность, то цементирующей направляющей современного общества должна стать некая единая Идея, способная создать платформу взаимодействия уникально неповторимых разумов. Данная Идея будет складываться объективно, независимо от конкретных влечений этих разумов, но существовать она может исключительно через них. Эти исторические закономерности и объясняют непреходящую актуальность идеологической проблематики. Следует обратить внимание на то, что само идеологическое поле двухуровневое: требует различения сама Идея и непосредственная область общности интересов [9]. Такая неоднородность идеологии отчасти объясняет ее собственную мимикрию под политические доктрины. Лозунговая форма идеологического содержания в таком случае позволяет уйти от сложности содержания Идеи.

Но традиционное сведение идеологии к доктринам либерализма или консерватизма и сегодня успешно эксплуатируется в политической сфере. Поэтому представляется важным, во-первых, показать и их измененную форму, во-вторых, на их примере проиллюстрировать реальное поле функционирования идеологии в обществе.

Политические формы идеологии в условиях обострения кризисных явлений во многих областях социума, на наш взгляд, не столько отражают идейные програм-

мы политических объединений, сколько проявляют измененность социального субъекта. Отсюда объективно меняется их функционал: на место функции обеспечения сохранности и устойчивости приходит функция детерминации механизмов разрушительных тенденций. Социальная практика наглядно демонстрирует это в различных областях. Наиболее показательна проигранная война американской «мечты» с ее однозначной ориентацией на демократию, пропагандируемой как некоторое абсолютное благо, с террористическими концепциями. Это свидетельствует о том, что в современном мире кардинально меняются роль и содержание идеологических доктрин, главными функциями которых всегда были поддержание стабильной целостности общества и обеспечение внешней информационной безопасности. К сожалению, традиционные идеологические доктрины демонстрируют собственную беспомощность, временами трансформируются в содержательные противоположности. В традиционных формах – либерализм, консерватизм и социализм – такие процессы наиболее ярко выражены [19].

Либерализм, предметно позиционируя свободу, как следствие получает предметную историческую закономерность, что либо абсолютизирует волюнтаризм, либо вовсе разрушает человека. Свобода в данной политической идеологической доктрине становится исключительно индивидуализированной. Фактически она предметно ограничивает человека в социуме, подобно тому, как предмет ограничен пространственными линиями. Сведение свободы к предметности уже негативно в отношении целостности человека: она трансформируется в один из моментов отчуждения. Но, движимая собственной логикой, либеральная теория идет дальше. Она фактически вынуждена признать, что, если суть свободы в ее индивидуализации, то развертывание свободы личности должно быть защищено от посягательства государства и от свобод других людей. Тогда опредмечивается сам механизм власти: во власти главными становятся частная собственность и право заключать любые договоры. В отношении личности начинает складываться жестко определенный нормированный уклад жизни, приобретающий видимую экзистенциональную окраску: суть жизни – в выборе своего пути и в ответственности за него. Но приближение к экзистенциональному измерению человека лишь видимо. Идеологическая доктрина принципиально отлична от любого философского направления. Для нее личность объектна, так как это модель, прежде всего, ожидаемого поведения человека. В данном случае либерализм делает акцент на доминировании внешней оценки успешности человека как проекта со стороны социума. Выбор сводится к жесткой детерминационной связи: не можешь полагаться на себя – ты балласт этого общества. Свободное начало человека сведено к нулю. И это начинает изнутри разрушать либерализм как политическую доктрину. Позиционируется минимализация государства в управлении, оно превращается из органа управления в карающую машину, что логично трансформирует данную идеологию в либертизм, где государство отрицается вовсе и открывается прямой путь к анархии. Как следствие, начинает разрушаться и предметная модель самого человека, выбранная основанием этой доктрины: исторически необходимые характеристики: место, время рождения, статус, доход и т. д. разрушают миф о возможности абсолютно волюнтивного выбора.

Консерватизм способствует предметному захвату человека традицией и тем самым не только идет вразрез с процессами глобализации, но и невольно провоцируе-

ет крайние формы национального вопроса. С одной стороны, отрицание универсальной природы человека, казалось бы, должно высвобождать экзистенциально свободное начало. Но упор на традиционности заставляет признать, что потребности, желания, интересы людей определяются местом, временем, обстоятельствами их жизни. Следовательно, люди не могут сформироваться самостоятельно. Этот процесс происходит под воздействием социальной практики, общественных и политических институтов. Невольно возрождается общий идеологический смысл эпохи Просвещения, а социальные институты, будучи необходимым опредмечиванием социального, становятся звеньями предметного манипулирования человеком. В частности, в целях обоснования стабильности имеющегося социального состояния общества искусственно сводятся к предметности основные экзистенциональные характеристики. Так, справедливость, призванная сгладить разнокачественность людей, превращается в простое следование закону. Предметное фактически становится тождественным вещественному. Как следствие, становится закономерным искажение реальных процессов. Глобализация рассматривается не как грань интеграционных процессов, а как способ реализации узко национальных интересов. Нынешний кризис этнических отношений в Европе во многом вызван такими перекосами.

Социализм, нацеленный на высвобождение социальности человека в направлении нравственного совершенствования, на самом деле предметно ориентирует на растворение в социальных условиях. Данная идеологическая доктрина политического устройства изначально носит этический характер и в этом действительно мимикрирует под религию. Согласно ей только ценности морали могут служить надежным ориентиром в построении совершенного общества. Такими базовыми ценностями являются справедливость, равенство, братство (солидарность), достоинство индивида, сотрудничество людей вместо конкуренции и соперничества. Отсюда высвобождение творческого порыва в нравственном совершенствовании необходимо для сотрудничества людей и развития их индивидуальных способностей путем морального совершенствования личности. Более того, это единственно возможный способ построения социалистического общества как общества, отвечающего подлинным интересам и потребностям человека. Но возникают элементарные вопросы. Что считать справедливым: создание условий, при которых человек получает в полном соответствии со своими дарованиями, энергией, трудом? Или справедливо создание условий, исключающих возможность получения так называемых сверхдоходов? При приближении к ним становится понятным, что и данная идеологическая доктрина нарушает диалектическое единство бытия человека, что разрушительным образом действует на нее саму. На самом деле базовые ценности трактуются исключительно на основе предметного уровня бытия человека. Коммуникации по принципу сетевого маркетинга затягивают человека в паутину, и субъект действия превращается в некий предмет.

Однако следует помнить, что идеологии даже в сведении к традиционным политически ориентированным доктринам живут собственными закономерностями. В частности, из проведенного выше анализа четко прослеживается, что идеология не может быть навязана сверху, не может просто следовать развитию закономерностей общества: даже в простой политической оболочке идеологические конструкты не просто теряют эффективность – они не выдерживают единства се-

мантического поля, превращаясь в противоположные по содержанию концепции. Следовательно, только идеологии, восстающие против реальности, способны обеспечивать гармонию социальных отношений, так как в любую историческую эпоху человек бунтует в отношении себя и социума. Сама историческая практика выбирает победителя в войне идеологий потребления (все обозначенные выше политические идеологические формы в основании имеют исключительно модель общества потребления) и, пожалуй, в единственном числе – идеологию созидания – советскую доктрину. Интересно, что даже в принятом сведении данного противостояния к противоречиям капитализма и социализма бывшие политические недоброжелатели проявляют значительный интерес к недавнему прошлому нашей страны именно в аспекте советской идеологии [37]. Безусловно, и современные трактовки грешат «нужной» интерпретацией: убрав ярлык «коммунистическая», авторы фактически отождествляют советскую идеологию с попыткой утопического моделирования общества. Коммуникативное общество в силу многих причин, ведущей из которых является детерминанта сохранности целостности отчужденных разобщенных индивидов, продуцирует утопические модели в качестве стратегий развития. Общество, привитое ориентацией на удачу, неизбежно выстраивает иллюзии. Но такие построения базируются на канонах внешне регламентированных моральных норм, что противоречит традиционному аксиологическому ядру русского духа. И тот утопизм, который приписывают советской идеологии, связан, прежде всего, с коммунистическими ярлыками, лозунгами, которые в собственных функциях никогда и не претендовали на снятие сущности идеологического ядра [14]. Но показателен тот факт, что на фоне разрушений, привнесенных идеологиями потребления (наркомания, идеалы гендерного смешения, лженаучные практики, толерантные перевертыши насилия) происходит поворот к той идеологии, которую насильно похоронили.

Проблема интереса к советской идеологии в настоящее время приобретает статус геополитической. Приближение многих социальных и гуманитарных наук к геополитическому уровню исследования сегодня вообще можно считать одной из черт научного анализа. Вызвано это, во-первых, объективным изменением динамики социального процесса, во-вторых, движением самого социального знания. В качестве научного термина геополитика начинает применяться, прежде всего, в области политической географии. Однако заключенный в нем смысл как отражение контроля над организацией уже с самого начала начинает расширять объем самого понятия. Контроль детерминирует особенности распределения сфер влияния, тем самым выводит на межгосударственные отношения и объединения, на международный статусный престиж конкретного государства. Собственно, вне науки геополитическая характеристика изначально ориентирована именно на последнюю смысловую особенность. Еще до XIX в., когда вводится в научный оборот концепция геополитики, геополитическая структура мира обязательно учитывалась и в позиционировании государства, и в определении тех или иных особенностей его развития. Наиболее четко это прослеживается, например, в претензиях, на статус сверхдержавы или в концепциях сдерживающих сил, в основании которых безусловное геополитическое превосходство. Существует и более широкое проявление геополитической характеристики. В недавнем прошлом в реальной истории, например, многое определялось противостоянием Суши и

Моря или противостоянием однородных геополитических центров – Восточной и Западной Европы. Поэтому претензия современной геополитической концепции на особый философский сегмент («геофилософия» Ж. Делеза) – не что иное, как уточнение смысла термина, который изначально подразумевает в собственных смыслах глубинные цивилизационные отношения. Четким становится и сам термин «цивилизация». Во всех своих чертах цивилизация – это многомерное коммуникативное пространство, где неповторимость одновременно указывает на схожесть и общность. Культура морфологична в наличии конкретных рубежных линий общего геополитического пространства. Все это трансформирует геополитические концепции в универсальные видения социального развития.

Этим объясняется та значимость геополитических тенденций в общественных отношениях, которая наблюдается в настоящее время. Нарушение геополитической целостности приводит к дестабилизации мировой системы. При этом страдает не только система, но ее элементы. В целостности мирового сообщества нарушаются интегративные связи, интегративность замыкает себя внутри отдельного элемента, что нарушает структуру системы. Неблагополучие для отдельных элементов проявляет себя в тенденциях достичь любыми путями доминирующего статуса. Возрастают конкуренция и дезинтеграция, вступающие в противоречие с объективной закономерностью возрастания целостности человеческой истории, что начинает угрожать безопасности этих самых элементов. Другими словами, страдает безопасность как человечества в целом, так и отдельных стран. Преломление этих процессов в специфике собственно этнического развития усугубляет сложившуюся обстановку.

Распад СССР не только дестабилизирует сложившееся равновесие сил, но, прежде всего, отрицательно сказывается на геополитической позиции России. Собственная геополитическая концепция российского государства не просто уникальна, как у любого этноса [18]. Она принципиально отлична по способу формирования: внешний фактор (заимствование – крещение Руси или движение евразийства; угроза территориальной самостоятельности – многочисленные вражеские притязания) уникально в российском обществе трансформируется во внутренний стержень интеграции. Сам изначальный тезис «Москва – третий Рим» является наглядной иллюстрацией такого положения дел. Основой такой трансформации может быть только «наследственно» духовное общее основание. Именно поэтому сила и целостность России всегда определяются силой ее Духа. Последнее в реальном историческом процессе развития Руси являет себя в функционировании некой единой идеологической системы. В каждый исторический момент акцент в этом общем идеологическом стержне будет разный. Последние годы развития России, действительно, напрямую связаны с идеологическим противостоянием двух идеологических систем. При разрушении СССР как компонента, осуществляющего это противостояние, начинается искусственный дисбаланс: необоснованное доминирование уцелевшего компонента, его экспансия при одновременном разрушении интегративного информационного поля самого российского общества. По мере нарастания этих тенденций проблема идеологической безопасности становится не просто доминирующей в поле проблем современного развития России. Теперь нет основания геополитической силы, под угрозой оказывается адекватное развитие страны. Получается, что само выживание и возрождение рос-

сийского общества находятся в прямой зависимости от обретения подлинной идеологической безопасности. Отсутствие преемственности в идеологическом поле, правовой запрет на государственную идеологию в основном законе страны лишь ослабляют позиции страны [17], тогда как собственная история свидетельствует об ином. Например, преобразование идеологемы Филофея в идеологему «православие, самодержавие, народность» позволяло России чувствовать себя уверенно на международной арене, даже несмотря на возникающие неустойчивые состояния в обществе. А в современном состоянии общества обращение к неким традиционным устоям, например, попытки возрождения уклада казачества в качестве упрочения национальной традиции часто воспринимаются как фарс.

Следует отметить, что такая ситуация затрагивает не только собственно нашу страну. В последнее время устойчивой становится тенденция, когда Россия и ее культура вызывают раздражение, влекущее за собой геополитические решения, от которых страдает устойчивость социального развития в целом. Источник такого раздражения объективен, и коренится он в устоях российского уклада жизни, который живет и преемственен именно в идеологических механизмах культуры. Другими словами, действенность советской идеологии (отсюда и страх, который она вызывала под ложным лозунгом «коммунистическая угроза») пугает и сейчас. Похоронить то, что объективно преемственно в самой культуре, нельзя, если сама культура живет [10]. Но, безусловно, культуре непросто справляться с агрессией типизации всего и вся, когда ее идеологические механизмы откровенно тормозят.

Чтобы предметно говорить о сути советской идеологии, необходимо четко понимать онтологические базисные составляющие ее основания. Саму идеологию в этом случае следует понимать с позиции ее атрибутивности социальному бытию: идеология не сводима к политическим доктринам, последние – это лишь одно из явлений сущности идеологии. Идеология – это механизм преломления общего содержания культуры в индивидуальных сознаниях социальных субъектов, через которых и существует сама культура. Отсюда корни культуры питают все древо идеологических разветвлений.

Исследованию особенностей русской культуры посвящено множество работ отечественных и зарубежных мыслителей, поэтому подходы к толкованию ее сущности весьма разнообразны [1; 2; 12; 13; 18; 26; 35]. Нисколько не умаляя значение таких работ, отметим, однако, что все они несколько одинаковы в допущении некоторой субстанциональной основы, лежащей в сути русского Духа: от абсолютизации материалистических закономерностей экономического фактора до фактического обожествления некоего первичного начала – Слова, принципа Всеединства и так далее. Такая метафизичность, с одной стороны, позитивна, так как позволяет вскрыть специфику устойчивости данного культурного феномена. Но, с другой, как и любая метафизика, негативна, так как это искусственное основание выпадает из области самой культуры, оказываясь в автономном существовании наряду с ней. Чтобы преодолеть такие метафизические разрывы культуры, необходимо развернуть ее анализ изнутри, постараться в рациональности не потерять ее иррациональную сущность.

Основание такого исследования, безусловно, находится в специфике идеального бытия. Идеальное поле культуры также едино как едино материальное бытие. Именно духовное измерение бытия образует специфику бытия человека. Общее

поле Духа культуры преломляется в собственных носителях – в реально живущих субъектах человеческой истории. Субъект становится таковым тогда, когда погружается в поле культуры. Заимствуя ее, субъектное сознание никогда полностью с общим содержанием культуры не совпадает. Истоки любой культуры раскрываются для настоящего поколения через объективацию духа. Поэтому, безусловно, мифологические, религиозные и философские основания являются гранями сути уникальности любой культуры. Об этом свидетельствует, например, эстетическая составляющая художественного освоения мира, в которой наблюдаемы периоды интереса к «преданиям старины глубокой» [25]. Все это справедливо и в отношении русской культуры. Однако такие общие закономерности непосредственно в русском поле культуры обретают неповторимую конкретизацию.

Скромная в количестве божественных начал русская мифология (наиболее наглядно закрепленная в формах язычества) несоизмеримо сложней, например, индийской, насчитывающей более 3500 богов. Род создает все из себя – мир Богов и закона, мир основ и Былого, мир Света Благого. До этого момента все укладывается в классический канон построения мифологической картины мира. Единственное, что особо заслуживает внимания, – настоящее: Мир Яви – это Свет Благой. Это специфично, так как традиционно в мифологии Былое всегда более значимо. Но все же принципиально отличает русскую мифологию иное: Род создал мир для продления Рода. Получается, что космология зиждется на актуализации Воли для воплощения этой самой Воли. Обратим внимание, насколько позже европейский Дух дойдет до возможности «обнаружения» Воли как мирового начала. И будет эта воля в шопенгауэровской интерпретации метафизически трансцендентной.

Отлично это и от восточной традиции. Например, дао, имя не имеющее, и дао, имя обретающее, в космологии даосизма также одновременно и субстанционально, и закономерно. Но дао изначально абсолютно совершенно, что и ведет к принципу «у-вэй». Род же развивает даже абсолютное совершенство: развивая мир, начало одновременно развивает себя. Отсюда не мир посягает на волю человека, а человек воплощает Волю мира. Тогда общность рода человеческого, присущая всем мифологическим картинам, в русском духе детерминирована не социальным выживанием, а общностью духовного начала. Умереть рабом – значит остаться рабом мира навсегда. Поэтому русская культура сразу акцентирует собственное величие: «русские никогда не сдаются» Одновременно Воплощение Воли Рода может быть только коллективным: поэтому «один в поле не воин». Доминанта общности при сохраненном величии каждого, в свою очередь, неизбежно детерминирует мессианский Дух русской культуры. Этим же объясняется и метафизичность моральной проблематики в развитии русского Духа. Зло здесь скорее не антипод Блага, а поиск предела – своеобразный конец Света, предельности мира.

Но это означает, что семантическое поле отечественной культуры построено на принципах раскрытия смысла изнутри, а не на поиске смысла вовне. Современная же типичная картина культурного поля глобализированного мира, напротив, устойчиво прививает мысль о необходимости притягивания человеком неких внешних смыслов. Во многом здесь сказывается изменение статуса коммуникации: коммуникативный поток наделяется несвойственной функцией – передачей смысла, тогда как посредством коммуникации передается только информация. Получается, что русская культура начинает идти против общего течения, что, естественно, не может не вызывать раздражения.

Все это накладывает отпечаток и на специфику русских религиозных, философских картин мира. Например, в русском православии видоизменен грех. Если в христианстве греховность так или иначе подразумевает претензии человека стать равным Богу, то грех в русской культуре снимает собой желание властвовать ради власти, тогда как власть допустима только как средство воплощения воли Рода. Сохраняя общую эсхатологичность христианства, русское православие вместе с тем больше размышляет о жизни, а не о смерти. Свидетельством тому служит русская литература. Традиционно религия «обслуживает» человека, восполняя то, что более всего востребовано. Герои же русских произведений стремятся найти в христианской вере то, что им надлежит развивать. Кстати, на наш взгляд, в этом можно увидеть истоки «вечного» для русской культуры еврейского вопроса. Несвобода от оценки этого этноса коренится тогда в двух сущностных причинах: в претензиях евреев быть патриархами всех (в определении основ христианства иудаизмом) и в сущностном отличии самого иудаизма от христианства (Яхве способен только, осуждая, карать). И то и другое в русском менталитете равно воспринимается как рабство, несовместимое с существованием Духа. И русская культура, не приемля никаких внешних ограничителей, восстает против такой экспансии. Но в этом восстании русский менталитет бунтует одновременно против судилища Яхве в отношении собственного богоизбранного народа. Именно поэтому бессмысленные бунты против еврейства в России никогда не заканчивались геноцидом этого этноса.

Но гораздо более значим иной факт: в силу такой первичной интерпретации структуры мира в русскую культуру закладывается иная семантика основополагающей ценности – общности рода человеческого. Человеческое общежитие – это не следствие жесткого процесса выживания, а воплощение общности духовного начала. Помимо онтологической ориентации на коллективность, начинает закладываться универсальное аксиологическое основание – акцент на изначальное величие этноса [20]. В этом аспекте само внутреннее содержание российской культуры актуально современным социальным трансформациям, которые направлены на подчеркивание индивидуально неповторимого в личности. Корреляция прослеживается в том, что изначально традиционная для отечественной культуры общность также обостряет индивидуальность. Мессианство как общая черта во всех институтах и феноменах культуры имеет индивидуальное воплощение. Это объясняет и онтологическую укорененность моральной проблематики в русской культуре.

Еще большую уникальность являет русская философия. Ее самобытность настолько яркая, что до сих пор заставляет рассматривать русские философские направления в качестве не ак формы общей философской мысли, а отдельного феномена. От формы выражения (соединяя в себе литературно публицистический характер и одновременную конкретность изложения) до «непохожести» содержания на привычную философскую проблематику – все это, с одной стороны, рождает сомнение: а есть ли такая философия? А с другой – безапелляционно убеждает: только русской философии было под силу вскрыть именно философские бездны бытия. Она собой сняла общую особенность русского Духа: ставить и решать проблемы, которые не требуют однозначности ответа.

Получается, что и русская мифология, и русская религия, равно как и философия, не свободны от феномена человека. В этом и кроется главное основание русского Духа – всегда и везде признание ценности человека и его бытия.

Идеология формируется в механизмах «русскости». Самосознание русского народа складывается и разворачивается нетипично с точки зрения западноевропейской традиции [21]. В последней становление этнического духа так или иначе испытывает влияние соседних стран. При этом сам дух весьма спокойно принимает в себя накопленный другим этносом опыт. Русская духовная составляющая по преимуществу замкнута сама на себя. Своеобразным прорывом вовне можно условно считать XVIII век, когда наглядно заимствование элементов западной культуры. Однако даже государственный диктат в принудительном обращении к Западу не смог придать чужой культуре статус ведущего элемента. Более того, обретя миссионерскую окраску, в начале XIX в. опыт XVIII столетия устойчиво демонстрирует одну из самых отличительных черт русской культуры – этикоцентризм. Самосознание неотрывно связано с долгом оградить не только Россию, но и весь мир от пошлости, социальной несправедливости и неравенства. Отсюда считывающийся дисбаланс этического и эстетического в развертывании русского духа. «Мелочи» жизни как бы оказываются за пределами русского самосознания. Казалось бы, общность морали обусловит крайнюю степень рационализации культуры и успешно приблизит русский дух к традициям Запада. Но даже гегельянство не смогло рационализировать этнический дух русских. Аксиологический аспект набирает силу и упорно демонстрирует приверженность к образности и наглядности. Ситуация внутри Духа усложняется нарастанием внеиндивидуальности, что демонстрирует, например, русская литература. Обратим внимание: обычно Дух индивидуальный должен дорасти до возможности приобщения к Духу общему. Западное мышление не может и предположить изначально наличие в себе, например, философского «дошколярского» знания [22]. Здесь же, напротив, простой литературный герой как бы вбирает в себя суть того или иного антропологического подхода. Именно в этом, на наш взгляд, следует искать корни притягательности русской культуры. Она способна в становлении индивидуального сразу приобщить к смыслообразованию общечеловеческого.

Другой непохожестью русской культуры является ее «игнорирование» как официальной религиозности, так и уровня здравого смысла. Русский дух по своей природе не может допустить в себе ростков фанатизма. Это пошло. Бог интимен, вбирает в себя интимность русского язычества. Поэтому с ним в русской культуре совладать непросто. Неслучайно та же русская литература раскрывает богоискательство через богоборчество. И даже автор не всегда способен справиться с собственным детищем – со своим произведением. Тогда, например, столкновение христианской свободы и свободы индивидуалистической станет не последовательным оправданием той или иной, а «вдруг» откроет все беды морального искушения. Показательна, на наш взгляд, и определенная тоска, какая-то безысходность, присущая русскому Духу. Она определенно носит метафизически предельный характер. А ведь именно с такого отчаяния и начинается философствование как зрелое состояние души. Отметим своеобразное отношение к кумирам в русской культуре. Бессознательно считывая бесполезность собственных кумиров, он не очень щепетилен в их содержании. Кумир не входит внутрь Духа, он лишь условия его обитания.

Здесь мы выходим на уровень здравого смысла, где в любом Духе царствует традиция. В русском Духе нет ограничения в отношении традиционности, так как здесь она воплощена именно в привычках сознания. В иных формах Духа традиция

«обкатывается» в светских «высоких» формах культуры. Особенностью русского Духа выступает оторванность высокой культуры от народной. Высокая культура ориентируется преимущественно на Запад. Но быть свободной от своих корней ей не дано. Отсюда чувство вины перед собственным Духом, которое успешно трансформируется в нигилизм, в пролетароосвящение и так далее. Это говорит о том, что утопичность неизбежно присутствует в русском Духе. Как следствие – русская культура изначально доктринально идеологична [11]. Эта «природная» идеологичность в виде обязательного присутствия логически целостной доктрины требует оформления на уровне официальном, государственном, иначе ее ниша будет переполняться временными неустойчивыми духовными образованиями. Это особо значимо, так как народная культура, чувствуя разрыв с высокой, бунтует. Она изначально лишена политической умеренности. Ее дионисийное начало умеряет политически обработанная в виде какой-то самостоятельной идеи идеологичность Духа. Такая идея может иметь разное содержание, но апеллировать с необходимостью должна к достоинству человека. Особенностью всех официальных идеологических доктрин на Руси было утопическое конструирование именно значимости «Я».

В этой специфике самосознания русского Духа содержатся одновременно его величие и его определенная беспомощность. С одной стороны, русскому Духу не грозят большие потрясения в виде утраты официальной христианской морали или бездействия универсального кантовского императива, что болезненно переживается другими этносами в наше время. Он никогда и не попадал в их спокойное течение [13]. Но, с другой стороны, утрата видимого «сопровождения», например, в виде отказа от официально прописываемой идеологической доктрины, приводит в русском культурном поле к катастрофическим последствиям. Они катастрофичны не простыми негативными трансформациями духовности (как это происходит в других этнических феноменах), а в том, что самобытность русского Духа заставляет причины негатива и его последствия интерпретировать в разрушительном аспекте.

Так, с позиции сегодняшнего дня уже не вызывает сомнения болезненность перехода страны от советского периода в постсоветское пространство. Усредненная позиция исследователей этой проблемы сводится к тому, что ее суть состоит в опережении процессов слома ценностей в отношении создания системы новых, что и ведет к аномии и вседозволенности. Такое рациональное объяснение проблем западного Духа более чем оправдано, но в отношении отечественного не может быть признано адекватным. В культурах, подверженных рационализации, внешний слом ценностей может привести к формированию в процессах социализации желаемого типажа личности, в чем, собственно, и хочет убедить нас нынешняя власть. Более того, отдельные шаги (например, реформа образования) [29] демонстрируют ее уверенность в реальности достижения этих целей. И в этом власть сама обретает утопичный характер. Ее намерения разбиваются о действительное социальное положение: личность складывается в деструктивных тенденциях: от пассивного опускания на дно до разрушительного стремления выжить любой ценой. Самосознание народа являет свои закономерности.

Проявляется это в следующем. Вне официальной доктрины идеологии общество существовать не может, поскольку такая идея выполняет консолидирующую социальную функцию. Поэтому место волюнтаристски отрицаемой советской

идеологии занимает заимствованная западная доктрина, лелеющая в себе принцип удачи. Успех теперь напрямую связан с фортуной, которая никакого отношения к достоинству личности не имеет. Но самое главное – удача в своей сути отрицает солидарность и нестяжательство как стержни русского самосознания. Их нужно чем-то восполнить. На первый план выходят симулякры. В западном сознании имитация вполне может заменить реальное. Оно исторически к этому подготовлено, например, способностью допускать в себя канонически верные идеи. Они устойчиво влекут за собой личность, которая с комфортом им следует, например, в волнах принципа гедонизма. Моисей скитается, так как не знает, как обрести цель и как найти путь самостоятельно. Ему как воздух необходим Яхве. Иное дело – отечественный Дух. Бог необходим, но он в душе каждого, и каждая душа претендует на то, что уж она-то понимает этого Бога лучше другой. Отсюда западное мышление никогда не способно не только выполнить (поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что), но и это вместить в себя. Русское самосознание в этой неопределенности определено, тут нет даже сомнения: а то ли это, что необходимо? Поэтому свобода не может в России стать симулякром. А значит, ориентация на удачу убивает, необходима прежняя ориентация на успех, исходящий исключительно из «Я». Тогда отсутствие политической умеренности компенсируется особой «здравоосмысленной» толерантностью. Личность ориентирована на смысл собственного я. Сейчас же у нее отбирают эту константу. Чувствуя искусственность, русское самосознание ищет восполнения в упорной изнурительной борьбе за простое выживание. Часто она становится русским симулякром собственно жизни. Главная опасность заключена в том, что переворачивается главный принцип «русскости» – ориентация на жизнь сменяется ориентацией на смерть. Происходит надлом. Со всей неистовостью русского Духа личность сознательно отрицает себя, стремясь найти себе оправдание в рациональной идентичности всем. Энергийность выплескивается в формы обезличенности. Вот здесь экстремистские течения и получают свой шанс закрыть собой нишу отсутствия идеологической составляющей. Но сутью «русскости» им отпущен недолгий срок. Дух сметет их, так как в них он не может обнаружить то, что ему необходимо: любые формы экстремизма несовместимы с достоинством личности. Следовательно, они неспособны играть роль «умирения» русского Духа, который и впускает любой идеологизированный доктринальный элемент исключительно для этого.

Таким образом, и самобытность, и кажущаяся подражаемость русского Духа моде, внешним феноменам в виде заимствований есть не что иное, как развертывание его «русскости». Следовательно, процессы, происходящие в русской культуре, одновременно случайны и необходимы. Соответственно, волюнтаристски убрать негатив в виде чуждо выглядящих элементов попросту невозможно. Они изживут себя сами. Другое дело, что процесс можно ускорить, если волюнтаристски ввести грамотную идеологическую доктрину взамен. Но для этого необходим глубокий теоретический анализ самих основ Духа «русскости». В частности, исследование процессов «повторяемости» духовного развития в русской культуре, анализ постоянного доминирования субъекта речи в общей духовности этнически русского и так далее. Данное проблемное поле ждет своих исследователей. Проблема становится актуальной не только для теоретической философской мысли, но и в рамках реального политического и социального развития.

Сам феномен «советская идеология» специфично располагается в общем культурном поле. Аксиологическая оболочка данного феномена очень многослойна, часто истончается просто до оценки [23; 34]. Даже в самой отечественной культуре трудно отыскать ее действительно реальные формы. Во времена советского периода развития страны в социальной практике идеология структурируется в мертвую идеологическую систему.

Элементы последней очень неоднородны: большую часть занимает политическая доктрина как стратегия КПСС, менее широким элементом выступает срез общественного мнения, адаптированный к первому элементу, и, наконец, наиболее узко идеология позиционируется как некая модель уклада жизни (различные кодексы, например, кодекс строителя коммунизма; клятвы как допуск к определенному социальный статусу и т. д.). Трудно спорить, что в таком воспроизводстве идеология предстает косной, внешней. Более того, можно утверждать, что именно такое видение и рождает миф о жестком тоталитаризме всего советского строя [6; 16; 27].

Иллюзия формируется объективной данностью: в данном случае уместнее говорить о некоторой закрепленной нормативности, и форма прописанности этих норм вполне сопоставима с действием категорического императива. Данная форма идеологии, соединенная с очень специфичной пропагандой, начинает усиленно эксплуатироваться идеологией противоположного социального лагеря, для которого она враждебна содержанием. В результате после такой двойной обработки эта якобы идеологическая система начинает примерять оболочку негативных оценок. Собственно, переход от советского периода к постсоветскому в надстроечном срезе социального базируется на том, что советская идеология плохая, это она виновата во всех социальных деструкциях. Более того, внутри этой самой идеологической системы очень быстро формируется миф об особой деструктивности советской идеологии. В своих основаниях она религиозна, ее содержание подобно Абсолюту, Абсолют нельзя трансформировать, и косность идеологии уничтожает советский строй. С позиции сегодняшнего дня данный миф уже не жизнеспособен, социальная практика оказалась гораздо сложнее. Но оценки не теряют своей значимости: очищенные от пропаганды, они проявляют реальные черты самого феномена «советская идеология» [7]. Косвенным доказательством существования некоторой «живой» идеологии, в корне отличной от той самой идеологической системы, может служить и современный факт. Нет этой идеологии, под запретом государственная идеология, а по факту происходит нивелировка ментальности субъектов, которой советская эпоха и не знала. Как бы ни хотелось во времена политического противостояния двух социальных систем противникам советского строя показать «советский народ» неким безличным социальным роботом, это было голословно и бессильно.

Была ли советская идеология жесткой утопией с результатом в виде коммунизма? Была ли она религиозна в своих атеистических лозунгах?

Прежде всего, отметим, что даже формально советская идеология была далеко от политических деклараций и своим содержанием отражала Дух как ядро устойчивости культуры. Это считывается в том пафосе величия народа, который, собственно, и вызывает ассоциации с советским. В этом аспекте она не допускает никакого сомнения в своей правоте: это лучшая страна, это передовые умы, уни-

кальные климат и география, самобытность этносов как первичная ценность общей советской культуры и так далее. И в этом плане она максимально соответствует объективной сущности идеологии как механизма культуры. Будучи механизмом преломления содержания культуры в индивидуальных сознаниях субъектов, она обязана ценности этой культуры позиционировать в качестве атрибутивного основания. И этим объясняется живучесть советской идеологии. В нападках на недавнее прошлое страны необходимо помнить, что именно в этой идеологии в ужасных условиях тот самый советский народ одерживает победу – победу сил созидания над силами разрушения. Есть ли тут некая связь с сакральностью? Да, есть. Бог не избирает русских, Бог в русском народе [30]. Вследствие этого формируется устойчивая стереотипность – значимость собственного этнического и равная отстраненность от всего внешнего по отношению к собственному этносу. Последняя, сформированная в таких условиях, не может даже предполагать каких-либо форм воинственности наподобие исламских. Если трансцендетное начало внутри, то внешнее просто безразлично – даже применительно к Богам: мусульманин хан Мамай якобы молится Аполлону, Магомету и Перуну одновременно накануне битвы с Дмитрием Донским. Такое смешение богов – наиболее наглядный пример такого равнодушия вовне. Но равнодушие вовне рождает равное чувство внутри. Им становится сострадание как онтологически равная противоположность первому. И даже в иконописи Христос обретает черты человечности, и в нем доминирует Спаситель. В отличие от Византии, где главным образом была Богоматерь Оранта (Нерушимая стена), ведущими иконографическими типами становятся «Умиление» и «Путеводительница». Да и сюжет «Покров Богородицы» символизирует одновременно заступничество и внутреннюю силу. Сама Богородица в апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» страдает, наблюдая муки грешников в аду, но считает, что происходящее сугубо справедливо. При этом русский дух по своей природе не может допустить в себе ростков фанатизма. Одновременно Россия чужда религиозной трезвости. Другие этнические культуры трезво определяют свои отношения с Богом как определенной духовной квинтэссенцией, расчетливо выстраивая взаимовыгодный обмен. Русскому менталитету такой торгашеский подход не свойствен. Даже у ярого атеиста православный русский Бог пустит свои корни в виде истовости веры. А отсутствие идолов в религии с лихвой восполняется в конструировании их во многих областях жизни. В каком-то смысле русский дух не нуждается ни в каком авторитете, но жить без него он попросту не может.

Пространство для русского человека никогда не было географическим понятием. Оно четко делится на «свое» и «чужое». Пространство сакрально, что выражается, например, в особой роли монастырей. Монастыри и монастырский уклад жизни появляются на Руси сразу после Крещения. В отличие от Западной Европы здесь никогда не было нищенствующих монахов или воинственных орденов. Святые и чудотворцы аккумулируют собой Безмолвие. Но это Безмолвие – не индивидуализированное спасение себя, это опять-таки выражение общего подобия человека Богу. При этом монашеские обители возникают на пересечении торговых путей, пограничье княжеств, на путях, ведущих к крупным городам. Исторически это делает их привлекательными для основной массы населения страны – крестьян, которые обживали монастырское пространство своими поселениями. Религиозность

взращивается не церковной нормой, а самим бытом, каждодневной социализацией. И обратим внимание, что религиозность напрямую связана культурным образом пространства [31]. И в этом ключе советская идеология мудро адаптирует себя к субъектам. Она, прежде всего, формирует замкнутость пространства: оно замкнуто территориально – значимость каждого поселения: точки кумуляции – это памятники, площади и т. д., оно замкнуто социально – государство позиционируется как основная защита, и в этой защите образуются сакральные точки – основные социальные институты, включая бесплатное образование, медицину. Замкнутое пространство дает чувство безопасности. Но самое главное – такое пространство в советской идеологии подвижно, неагрессивно устремлено в будущее. Оно потенциально. И рост новых городов позиционируется как приближение к устойчивости качества жизни. Это ядро делает советскую идеологию позитивно настроенной. Не декларативный идеал коммунизма, который в последующим обрастает некими трактовками, выходящими за грани здравого смысла. В период перестройки само слово «коммунизм» становится чуть ли не бранным, но уж точно на этот самый коммунизм возлагается вся ответственность за застой: якобы внутри советской идеологии формируется идеал общества, в котором никто не работает, но у всех все есть. В качестве реальных причин таких трактовок обнаруживается только одна, и она внешняя по отношению к внутреннему ядру советской идеологии: это действие пропаганды чуждых политических идеологий. Отсюда и крен в сторону объявления той идеологии исключительно средством политических конъюнктур.

Но социальная практика убеждает в другом. Во-первых, сам коммунизм, провозглашенный в качестве некоторой стратегической цели, это не статика какого-то определенного социального положения, а некий процесс, в основании которого лежит постоянное совершенствование субстанциональной основы социума, а именно труда как деятельности, рождающей базис общества. Заслуга советской идеологии в том, что своим содержанием она вносит советскую культуру в реальные субъекты через идеал труда как основы улучшения качества жизни. Все элементы культурного наследия нанизываются на труд и через этот труд обретают живучесть. Во-вторых, идеал коммунизма – это не что иное, как закрепление той априорной ориентированности русского Духа на мораль и нравственные устои, о которых говорилось выше. Если интерпретировать содержание элементов советской идеологии, то такое исследование убеждает в том, что коммунизм должен был начинаться не как некий строй в будущем, он должен вырастать в каждом как некий стержень уклада, в основании которого лежит ценность труда.

Отсюда понятна притягательность советской идеологии как допущение некоторой формы жизни. За счет такой пространственной стабильности она была способна убирать неустойчивость времени [15]. Настоящее лонгировано, в нем органично снимается прошлое (а это есть отражение жизнеспособности культуры) и присутствует будущее. Будущее, безусловно, обладает чертами иллюзорности, но эта иллюзия не агрессивна, не деструктивна, так как воплощенное в ней желание уже укоренено в «сейчас». В этом принципиальное отличие от утопичности: в утопиях иллюзия строится на желании, которого сейчас нет.

Пространственно-временное конструирование советской эпохи обладает большим социальным потенциалом и в разрезе социального развития эффективно в предупреждении конфликтных ситуаций и в минимизации рисков. Последующее

развитие отечественной истории служит доказательством ее конструктивности. С позиции сегодняшнего дня очевидно, что намеренное разрушение существовавшей модели времени катастрофично для развития культуры в целом. Перестройка вырывает прошлое из настоящего, будущее превращает в иллюзию без основания в настоящем, и в результате начинает складываться разрыв между культурным наследием и отсутствием потребности в нем у его же носителей. Лишенное идеологической обработки пространство становится распахнутым, а значит, неопределенным. Оно лишается сакральности, последняя постепенно заменяется утилитарностью, и пространство деградирует в среду. А среда в ее логике не может быть пространственно однородной: в природе есть благоприятное для человека пространство, а есть места, которые в принципе непригодны для качественной жизни. То же самое происходит и с самим социальным пространством. Нынешнее социальное пространство утрачивает советскую однородность, оно теперь, образно говоря, не для всех. Диспропорция Центра и периферии, привлекательность отдельных комфортных регионов, не говоря уже об общей негативной окраске деревенской жизни, приводят к серьезным проблемам социального развития. Это и дисбаланс рынка труда, и отток населения в центр, и вымирание городов, и уничтожение локальных укладов жизни и т. д.

Основанием обозначенного выше конструктивного потенциала советской идеологии служит последовательное служение отечественному Духу. Пытаясь проникнуть в логику развития отечества, еще С. М. Соловьев выделял три особых условия, детерминирующих ее специфику: уникальность природы, уклад славянского племени и непосредственные связи с соседями, граничащими с Русью. Положение России, по его мнению, кардинально отличается от положения западных стран. Сам ландшафт (горы) служил определенным водоразделом между народами; море содействовало торговле и разнообразило занятия. Первоначально русская земля – огромное незащищенное пространство с суровым климатом, открытое нашествиям. Малочисленное население находится в постоянной борьбе с условиями существования и ведет постоянную борьбу с соседями. И борьба эта носит оборонительный характер. Специфично, что уже тогда отстаивается не материальное богатство, а независимость страны и свобода граждан. Это детерминирует необходимость содержания большого войска. В условиях отсутствия торговли платить служивым можно было только раздачей земель, которые могут заменить денежное вознаграждение только тогда, когда обрабатываются. Собственно, это вызывает закрепление крестьян, и возникает крепостное право. В принципе, такое рассмотрение традиционно в социальных, экономических исследованиях. Но обратим внимание, что крепостничество возникает под действием идеологического механизма, несущего к субъекту свободу. Другими словами, налицо намеренное закрепление противоречия формы и содержания. И содержание станет на долгое время ведущим: в сознании народа никакой негатив крепостничества не может трансформировать его в форму рабства. Правовое ограничение свободы отнюдь не отменяет ее наличие, что, в свою очередь, детерминирует действие идеологического механизма. Получается, что крепостничество оформляет устойчивость пространства, и вне социальной оценки качества жизни оно вследствие этого становится комфортным. В действии идеологического механизма это закладывает сразу несколько направляющих Духа. Во-первых, начинает складываться своеобраз-

ный отрыв от качества жизни – его уровень утрачивает доминирующие позиции. Аскетическая составляющая становится привычной для развертывания культуры. Аскетизм не считывается как выбор субъекта, он становится частью условий существования. Следовательно, снижение качества жизни не рассматривается как слом всего уклада. Несовершенство жизненных условий компенсируется некоторой духовной составляющей. Это во многом объясняет энтузиазм, детерминированный советской идеологией, на фоне даже деструктивных социальных явлений: репрессии, голод, разруха и т. д.

Во-вторых, в логике становления собственно человеческого начала мира в отечественном идеологическом механизме иную семантику обретают традиционные граничные деления «зима – лето», «близко – далеко»: это не просто способы упорядочивания внешней среды обитания, это выражение собственных границ человека. Отсюда в целом в идеологии русской культуры изначально доминирует сущностное «свой – чужой», что свойственно для мифологических форм рефлексии. В историческом прошлом православие берет на себя миссию облечь это противоречие в одежды сакральности. Советская идеология постарается вместить это противоречие в «Я» социального субъекта. Этот факт не может подлежать в современных условиях оценке, это не хорошо и не плохо, это объективная составляющая формирования идеологического механизма советской эпохи, впоследствии вырабатывающий содержательную советскую доктрину, до которой традиционно сужают сам феномен «советская идеология». И в этом объективном основании содержатся причины ее жизнеспособности: она не объясняет сложившиеся исторические условия (например, гражданскую войну), она одна из детерминирующих факторов устойчивости социума. Доказательством может служить социальная практика: политические решения переселения «не своих» на необжитые земли традиционны в истории России. Советская власть также продолжит эти традиции. И, имея гораздо меньший арсенал репрессивных мер и ограничений, советская власть не сталкивается при этом с теми кризисными миграционными моментами, которые свойственны сегодня почти всем развитым странам, а, напротив, в этих действиях получает собственное укрепление.

В-третьих, идеологический механизм русской культуры складывается в минимизации рисков самоотчуждения. Русская культура онтологическим основанием имеет общность рода человеческого. Помимо онтологической ориентации на коллективность, как отмечено выше, начинает закладываться универсальное аксиологическое основание – акцент на изначальное величие этноса. В русской культуре не может сложиться и работать идеологический механизм, основанный на принципах рабства. Здесь каждый должен быть избран, и эта избранность во внутренней силе Духа, а не статусность, определенная извне. Заметим, что такая черта русской культуры актуализирует ее поле фактически в каждую эпоху. В этом аспекте внутреннее содержание российской культуры в прошлых событиях, например, сегодня актуально современным социальным трансформациям, которые направлены на подчеркивание индивидуального, неповторимого в личности. Корреляция прослеживается в том, что изначально традиционная для отечественной культуры общность также обостряет индивидуальность. Мессианство как общая черта во всех институтах и феноменах культуры имеет индивидуальное воплощение. Одновременно оно носит вселенский характер: угроза русскому устою

жизни воспринимаема как некий конец света.

Советская идеология как доктрина сформирована действием такого механизма. В результате общность цели становится лишь формой, а содержание формируемого уклада возможно только через каждый конкретный субъект. Отсюда, например, диссидентство в содержании своего протеста при анализе глубокой семантики предстает интерпретацией все той же доктрины. Примечательно, что сам феномен «идеологических бунтарей» больше тревожит политические структуры, а на уровне общественного мнения его наличие воспринимается индифферентно. Диссидентство, в самом деле, питается той самой советской идеологией [3].

И, наконец, четвертое направление Духа, формируемое отечественным идеологическим механизмом, – четкая констатация связи духовной жизни и менталитета, где первая предстает как некий итог второго, представляющего собой процесс, направленный к этому итогу. В этих срезах начинает формироваться повседневность существования носителей общественных отношений. Само содержание повседневности, часто соотносимое в социальной теории с качеством жизни, вырастает из границ менталитета: восприятие тела, смерти, отношение к космосу, страх и надежда как осознание настоящего, будущего и прошлого, способ отношения с другим и так далее. Вследствие рефлексивного характера менталитета в ядре самобытности отечественной культуры складывается уникальный нормативный стержень. В соотношении с логикой развития цивилизации внутри культуры устойчивость всех ее форм так или иначе зависит от форм законности как основания власти. Русский закон изначально ориентирован на правду больше, чем на правовую норму и гибко сочетает в себе светскость и духовность. Русский Дух столетиями формировался так, что преступление юридической нормы общественным сознанием воспринималось как преступление против Бога, который олицетворял прототип европейского категорического императива. Другими словами, здесь наблюдаем симбиоз морали и права. Советская идеология как механизм адаптации культурного наследия в индивидуальном сознании социального субъекта умело использует рефлексивную ориентированность культуры. В пафосности уставов, кодексов, клятв и т. д. доминирующим элементом является самооценка степени и эффективности ответственности. Как следствие, в содержании идеологической доктрины советского периода развития истории взаимопроникновение «должен» и «обязан» наблюдается практически в каждом положении и элементе. Как результат – общественное сознание той эпохи фактически лишено некоторых искусственных построений. Оно действительно практически ориентировано и утилитарно. Тимуровское движение принципиально отлично от благотворительности: оно не реализует некую программу добра в отношении иного, оно есть суть жизни действующих, так как они не могут поступить иначе. Те самые поступки без ожидания успеха, что, по мнению М. К. Мамардашвили, и есть суть бытия человека. Именно поэтому советская идеология не углубляет, а, напротив, предотвращает разрыв бытия и экзистенции простого человека.

В социальной практике следует отметить два факта объективации такой доктрины.

Первое, что вызывает особое раздражение иных идеологических доктрин, это эффективность советской идеологии в процессах структуризации общества. Способность сформировать энтузиазм, который в созидательном аспекте подчас

превосходит сам предел человеческих возможностей, – это самая заветная цель любой идеологической доктрины. Советская идея оказывается способной вести за собой в самых разных условиях. Собственно говоря, она воплощает желание большинства: минимизирует область сомнения, формирует непротиворечивую картину мира и тем самым облегчает процедуру выбора. Ведом ли такой субъект? Безусловно. Но он ведом собственным «Я». Оно для него четко определено и значимо именно принадлежностью к отечественной культуре. Следствием становится уважение к Отчизне, ее принятие со всеми недостатками. В отсутствие такой целостности субъект также будет ведом – срабатывает объективный социальный закон: субъект не может быть вне действия идеологического механизма, так как именно через этот механизм субъект погружается в саму культуру. Но он ведом внешними факторами, его «Я» расколото. И фактически благотворительность сегодня становится частью пиар-акций. Запрет на идеологию не позволяет легализовать некий общий идеал, который может служить предполагаемой основой футурологического предвидения «завтра». Однако в силу действия объективной социальной закономерности, если нет предполагаемой целостности «завтра», начинает распадаться целостность настоящего, «сегодня» оказывается под угрозой. В таких условиях прежде всего страдает этническая составляющая культуры конкретного социума. В частности, в реалиях сегодняшнего дня встает резонный вопрос: возможно ли раскрытие этнического содержания родной культуры в субъекте, избравшем нишу исключительно искусственных языков? То есть можно ли считать, например, профессионального программиста выразителем русскости культуры современной России? Или он космополитичен вне этнических корней? А если все носители трансцендентальны по отношению к своему этносу, жизнеспособна ли сама этническая культура, в которую эти носители погружены? Сами по себе ответы на эти вопросы уже затрагивают сущность социальных отношений. Глобализация детерминирует неустойчивое состояние человечества как открытой сложной социальной системы, когда фрустрации обретают особую значимость, следовательно, деятельность каждого носителя общественных отношений влияет на состояние системы в целом [5]. Неопределенный в отношении этнического наследия культуры субъект, таким образом, влияет на ее конкурентоспособность и жизнеспособность в целом. Поликультурность усугубляет данную ситуацию. В частности, невозможно не признать, что технизация быта приводит к уверенной экспансии технических языков в отношении естественных. Насколько реальна угроза этнической самобытности в такой ситуации? А ведь по факту большинство активных субъектов поглощены интернет-сленгом, действие которого усилено возрастанием коммуникаций через соцсети.

Второй факт – своеобразный КПД советского законодательства. Советские законы в отличие от современных законодательных инициатив не стремятся регламентировать некие мелкие нюансы быта. В этом нет необходимости – недостающие области могут быть закрыты моралью. Сегодня в механизме идеологии симбиоз морали и права нарушен. И это, безусловно, более созвучно теории правого государства. Наверное, «очищенная» правовая норма более эффективна, например, в сохранении устойчивости культуры. Однако социальная практика демонстрирует иное. Запрет ненормативной лексики не способствует возрождению языка. Возрастные ограничения на доступ к определенному контенту информации не

снижают уровня агрессии и деструкции. Действие первой инициативы и не может быть эффективным в условиях, когда грамотность теряет последнюю значимость в системе ценностных установок. Вследствие этого нарушается смысловое поле культуры, и пустоты начинает замещать конструируемая бессмысленность родного языка. Сбой действия идеологического механизма приводит к весьма существенным последствиям. Если советская идеология стремится сформировать основание устойчивости культуры в содержании информации, то в настоящее время фундамент соотносят со способом отношения субъекта к информации [28]. Но мнение не может служить действительным основанием общего в силу доминанты в нем субъективной единичности. Устойчивость культурного поля замещается неопределенностью. В действии советской идеологии мультфильм «Ну, погоди!» не способен привить деструктивное негативное поведение и тем более спровоцировать агрессивность поведения. Поколение советских детей изначально было «критично»: в разряд «хороших» попадал и заяц, и волк в зависимости от ситуаций. Сегодня в силу разрушения такого основания само понятие «хороший – плохой» размыто, и внешняя попытка их демаркировать через «Гадкий я» бесперспективна. Приходится констатировать: отсутствие осознанных границ менталитета ведет к смене позиций. Духовная жизнь есть теперь процесс, менталитет находится лишь впереди. В плане сохранности этнической самобытности это тупиковая ситуация, так как духовность становится исключительно имитацией. Сложно все и с содержанием смысла. Добрый уникальный голубой щенок вызывает совсем не те ассоциации и вполне может рассматриваться как целенаправленная пропаганда определенного образа жизни, в принципе отличного от нормативности и традиционности русского уклада. Главным риском становится формирование устойчивого негативного восприятия устойчивости. Но если все абсолютно текуче, то бытие теряется. И философия это уже проходила.

Особую спекуляцию в теоретическом анализе всегда вызывают манипулятивные практики идеологических доктрин [8]. Советская идеология в этом аспекте подвергается наибольшим нападкам. Со стороны воинствующих противоположных идеологических систем (систем потребления) как эффективная идеология созидания она не может не вызывать раздражения. Но и внутри отечественного анализа манипулятивный аспект в действии советской доктрины всегда приводит к негативным оценкам, вплоть до ярлыка «идеология застоя».

На самом деле манипуляция действительно не только неотделима от процесса развития истории, но и в логике исторического процесса является гранью его необходимой закономерности. Манипуляция как форма скрытого побуждения синкретична, соединяет манипулятора и манипулируемого через внедрение в сознание последнего цели первого. Собственно, такой синкретизм детерминирует сегодня глобализацию социальных процессов, и одновременно он же является ведущей формой существования общества космополитов. Однако человек не утрачивает необходимого качества быть индивидуальным, но эта индивидуальность теперь должна быть вплетена в обезличенно многое типичное, целостность которого становится все более плотной. Выходом может стать только ситуация, когда субъект управления пребывает в иллюзии самостоятельного целеполагания, находясь реально в процессе общего целеисполнения [24].

Следует отметить, что в механизме идеологии ориентация на типизацию обяза-

тельно присутствует в силу того, что сама идеология преломляет общее содержание культуры в индивидуально неповторимых сознаниях субъектов. Манипуляция как навязывание определенного типа поведения скорее присуща типам пропаганды. Эффективность последней опять-таки напрямую зависит от соответствия общей логике развития механизма идеологии. Советские манипуляции следует признать позитивными, так как они направлены на воспроизводство самобытности этнической культуры. Манипуляции как навязывание извне цели, идеала, способа поведения всегда негативны, прежде всего, вследствие того, что они нежизнеспособны. Отчетливо прослеживается данный факт на простом употреблении слов родного языка. Например, в устоявшейся форме приветствия. Так, замена в современном русском языке общепринятого обращения «товарищ» на «господина» претендует на некоторую социальную корректность. Если советское «товарищ», казалось бы, намеренно обезличивает субъекта, то «господин», видимо, претендует на некоторую неповторимость. «Товарищ» – это «ты как все», а господин – каждый как замкнутое «Я». На первый взгляд, это отвечает общей логике развития социальной сферы, которая демонстрирует усиление процессов отчуждения и возникновения новых форм этого феномена. Но в общей логике культуры предстает совсем иначе. В этимологии понятие «господин» прослеживается от «господен человек», что логично приводит к следующему звену цепочки – к Богу. Бога можно позиционировать как некоторое ядро устойчивости «русскости». Последнюю мысль можно фундаментально «онаучить» либо через ссылку на отечественную историческую школу, либо через русскую философскую традицию. «Воспоминания» о Боге становятся весьма востребованы. Почему поднимается некий ажиотаж вокруг идеи Бога – понятно. Народу нужна единая идея, а власть предержащим – некий универсальный лидер нации. В этом случае ответственность современной управляющей элиты уменьшается, так как основное бремя лежит на Боге как реальном лидере нации. И самое главное – в таком случае становится безопасной процедура переписывания истории, так как есть благая идея, объединяющая постоянные осколки (в основном негативного окраса) в единое целое, на котором и строится модель манипуляции с историческим наследием. Негатив в отношении прежних лидеров становится устойчивым фундаментом построения имиджа действующих лидеров. В принципе, этот процесс является устойчивым механизмом манипулятивных практик в процессах управления. Сам факт того, что в исторических и философских первоисточниках такой интерпретации Бога в качестве составляющей русской идеи никогда не было, игнорируется, размывается. В этом обнаруживается одна из главных черт современных манипулятивных практик: замена знания, истины невежеством в отношении собственных корней. Последнее постепенно начинает входить в формируемую современную иерархию ценностей. Возникает вопрос: почему советская идеология не паразитировала на идее Бога? Почему акцент делается на атеизм? Отметим сразу, что в данном случае мы анализируем специфику только идеологического механизма и порождаемой им доктрины и оставляем без внимания проявления в практике. Заметим лишь, что вандальское отношение к церквям, например, никакого отношения к провозглашаемому атеизму не имеет: происходит подобная современному состоянию дел подмена истины невежеством. Так почему атеизм? Потому что снятие безличного общего начала позволяет типичное извне перенести вовнутрь: каждый как все, но при этом все уникальны в

каждом. Нет лишних искусственных элементов. Включенность в культуру одновременно и общая, и уникальная. Грамотность – хорошо, безграмотность – плохо.

Представить культуру без языкового оформления невозможно [36]. Равно как и отменить процессы манипулирования в социальных отношениях. Для сравнительного анализа можно привести пример манипуляции вне официального признания некоторой идеологической доктрины.

Упомянутый выше поворот от «товарищей» к «господам» приходится на годы перестройки, которую можно определить как эпоху сознательного разрушения советской идеологии. С позиции современного социального анализа очевидно, что возрожденные «господа» на самом деле более привязаны не столько к субъекту, сколько к новому социальному процессу – к приватизации.

Чисто формально понятно: «новый» статус – «новое» социальное измерение – «новые» социальные отношения. Однако встает вопрос: почему вводится чуждое слово «приватизация», а не используется «денационализация» или «разгосударствление», фактически напрямую отражающее происходящий в стране процесс? Тем более что изначально термин «приватизация» лишь односторонне способен указать на существо процесса – начавшейся передачи государственного или муниципального имущества в собственность отдельных лиц или коллективов. Однако, учитывая масштабы процесса передела государственной собственности, фактическое отсутствие скрытых форм приватизации (через длительные сроки) и прямое присвоение частным лицом бывшей общественной собственности, более корректно эту процедуру было определить именно как «денационализация» или «разгосударствление». Но определение процесса как денационализации несет угрозу проводимым реформам. Во-первых, собственность подлежит переделу, а не включена в процессы восстановления прав прежних владельцев. Во-вторых, в самом термине «денационализация» содержатся смыслы утраты национальной идентичности, что вполне способно вызвать недовольство социального субъекта. В-третьих, немаловажно и то, что «приватный» – это не государственный. Ведь фактически приватный человек – это человек, живущий сам по себе, он вне государственной должности. Следовательно, субъект, попавший в процессы приватизации и произведший ее, – субъект неофициальный и закрытый. Все остальные участники приватизации, не получившие в свои руки собственность, такой статус уже получить не могут. Создается видимость основания разделения на элиту и остальных. Защищенность самого социального субъекта отсутствует, так как нет некоторого универсального основания, позволяющего реально оценить происходящие процессы. Учитывая проведенный выше анализ, можно задать вопрос: в каком случае – в действии советской доктрины или в позиционировании отсутствия всякой идеологии – манипуляции однозначно тождественны процедуре превращения субъектов социальных отношений в марионетки? Такая манипуляция принципиально противоречит сути манипулятивных практик в культуре. Традиционно манипуляции лишь формируют направление погружения в культурное поле.

Отметим социальные последствия манипулятивных практик в отсутствие единого идеологического стрежня. В приведенном примере начинающееся социальное расслоение субъектом по факту сразу не может быть замечено. Психологический дискомфорт от неопределенности ситуации вполне преодолевается мнимым чувством величия – Я есть «господин». Однако по мере развития новых социальных

отношений иллюзия собственной значимости начинает разрушаться. Нарастает дискомфорт включения в социальные отношения. Он явный или скрытый. Его усугубляет проросший росток действительной национальной культуры. В частности, введение в качестве обращения приветствия «господин» уже начинает вызывать некоторое отторжение. Язык начинает демонстрировать собственную логику развития. В самом деле, в отличие от англоязычных культур «господин» в русском языке никогда не употребляется с именем собственным. «Господин» – это, прежде всего, обобщенный образ. В этой логике следует констатировать, что обращение к аудитории: «дамы и господа», наверное, не совсем верно. В аудитории все «господа». Более того, традиционно в русском языке обращение «господин Иванов» подразумевает указание именно на государственный официальный статус Иванова, на его государственную должность. Отсюда налицо противоречие в смыслах единого смыслового поля коммуникаций при соединении смыслов двух наименований социальных феноменов «приватизации» и «господина»: единично неповторимое приватного в субъекте и обобщенно повторяющийся статус господина в нем же. Кроме того, данные характеристики всегда погружены в определенное лингвистическое окружение. Приватизация, так или иначе, привязана к «бизнесу», процессам «монетизации» и так далее. Но искусственные игры с лингвистическими значениями «приватизации» детерминируют трансформации близлежащих категорий в описании социального. Так, «бизнес» уже устойчиво ассоциируется со спекуляцией в форме перепродажи; «монетизация» становится обозначением универсальной конвертации всех процессов в деньги и т. д.

И может быть, именно в этих процессах закладывается причинное основание такого странного социального феномена как «новые русские». Во-первых, отметим, что их «новизна», мягко говоря, сомнительна: это люди с советским менталитетом, но трансформированным комплексами по отношению к Западу. Вся их «новизна» базируется на деструктивном презрении к тем, кто мало имеет. Но презрение вырастает на отсутствии целостности Я: менталитет уже не питает духовность. Отсюда главная черта – боязнь собственного социального статуса. Во-вторых, их социальная неопределенность и временная безосновность. Совокупность социальных субъектов, сформированная советской доктриной, была устойчивой, хотя и не была тождественна социологическому определению – «советский народ». «Новые русские» в позиции современного состояния социума – то ли в ассоциации с неким криминальным окружением, то ли совсем сошли на нет. Но, и в социальной сфере действуют законы «сохранения»: не имея некоей основы целостности, данная социальная группа на место сломанного идеологического механизма встраивает механизм коррупции. И прекратить действие последнего и в настоящее время совсем не просто.

Все факты социальной практики убеждают в необходимости серьезного анализа идеологического среза социальности. Представляется неэффективным сведение идеологии к узкому определению в «Немецкой идеологии» как ложному сознанию. Иначе возможны заблуждения даже на уровне простых формулировок. Советская идеология ни по каким параметрам не попадает в разряд идеологии потребления. А вот в качестве механизма формирования определенного устоя жизни демонстрирует большую эффективность. В настоящих реалиях интересен не просто исторический ракурс на ту эпоху, а определение действительных причин опре-

деленного качества жизни. Акцент советской идеологии на людях, а не на вещах во многом раскрывает сущность советской доктрины. Не вещи должны дифференцировать людей, и люди – вещи. Поэтому в обществе сужено место рекламы, а та, которая наличествует, скорее играет ознакомительную роль, чем является директивными нормами потребления и поведения. Важны даже мелочи. «Нигде кроме, как в Моссельпроме» – знаменитое В. В. Маяковского не рекламирует вещи или марку (бренд), а пропагандирует значимость труда, привязанного к определенному месту и отвечающего насущным потребностям общества. И на контрасте – современная реклама К. Собчак бренда одежды SAVAGE. В ролике используется слоган «Свобода быть собой». В русском языке предполагаемый смысл должен звучать так – «Свобода быть самим собой». Всего лишь одно пропущенное слово. Но во втором варианте подсознательно заложена личностная непохожесть. А в первом – исключительно индивидуальная неповторимость, которая, к сожалению, не означает ответственности, да и необязательно предполагает некий рефлективный смысл.

Особо следует отметить значимость исследования действия идеологического механизма советской эпохи для минимизации рисков современного социального развития в условиях коммуникативного общества. В частности, представляется, что своей цельностью советская доктрина может вооружить социальный анализ средствами возрождения активности и самостоятельности социального субъекта. Для этого нужно реабилитировать экзистенцию как проблемное поле исследования, незаслуженно загнанную постмодерном в интертекстуальность, где через повторяемость сюжетов экзистенция теряет уникальность. Следует отметить, что риск питается тем, что в культуре, видимо, снижается интерес к чтению. Нечитающий субъект более суггестивен. Игра текстов, в настоящее время уже сведенных до коротких скетчей, имитирует поиск смыслов. В запрете идеологии это ведет к повсеместному распространению Иванов не помнящих родства. Это реальная угроза для самобытности и сохранности родной культуры. Но в плане идеологической сферы формируется новый риск. Переплетение информационных потоков создает объективную среду размытия авторства первоначальных источников информации. Социальный субъект начинает жить иллюзией, что он просто черпает информацию из общего информационного поля. Данная иллюзия создает почву для последующих. Любому социальному теоретику очевидно, что данная ситуация не минимизирует поле информационных войн, а, напротив, детерминирует их интенсивность. Начинается война за умы. И настоящее – это уже поле сражений, где, к сожалению, наблюдается сдача позиций. Например, последнее время позитивно отлично от недавнего прошлого, когда в общественное мнение усиленно вбрасывалась негативная оценка русской культуры. Сегодня акцент делается на патриотизм, самобытность. Но в социальных реалиях наблюдаема лишь картина, в социальном субъекте не формируется тот стержень российской культуры, о котором говорилось выше, – гордость за собственный этнос. Советская идеология не просто эксплуатировала это традиционное действие отечественного механизма идеологии. Она вводила эту гордость в смысловое поле субъекта. Энтузиазм и героизм никогда не могут быть определены страхом или простым действием кнута. Они нуждаются в нуминозмном. Советская доктрина в качестве обожествленного притягивающего и одновременно страшащего выбирает величие Отечества. Это

страшащая ценность, так как постоянно детерминирует чувство собственного несоответствия, что, в свою очередь, заставляет двигаться, совершенствоваться. Но это величие – величие всех, поэтому советская идеология не формирует чувство отчаяния. Она идеология незавершенного человека. Отсюда и возникает платформа, что завтра не просто будет, оно обязательно будет лучше. А значит, есть сильный стимул в настоящем.

Современный социальный субъект, оторванный от механизма идеологии в культуре, утрачивает это чувство творчества [33]. Сам процесс устремленности к созиданию вытесняется стремлением к душевному комфорту. Нарушаются естественные психологические процессы. Так, диалектика «удовольствия – неудовольствия» сменяется простой процедурой узнавания чего-либо знакомого. Вот где начинает формироваться пресловутый застой, в котором почему-то винят все ту же советскую идеологию. Это реалии сегодняшнего дня, когда не социальная практика, а информация становится местом, куда субъекту постоянно хочется возвращаться. Уютный сериал гораздо комфортнее и ленивее, чем реальные проблемы жизни. Запрет и якобы отсутствие идеологии не исключают риск манипуляции субъектом. Напротив, сегодня информация имеет власть над любым членом общества, чья сила не сопоставима с действием на сознание привычных политических доктрин. Информация творит субъекта, используя его лишь в качестве материальной оболочки. Человек сознательно ставит себя в рамки дурной бесконечности: информация начинает порождать сама себя, ее последующее развитие есть некий слепок существующей, и так до бесконечности. Происходит умножение сущностей, смысл размывается до неопределенности. Говорить об информационной безопасности культуры, о границах демаркации внутреннего содержания и внешнего вмешательства становится достаточно тяжело. В этих условиях начинается смешение между оборонительными и наступательными действиями и достаточно сложно выдерживать стратегию на возрождение величия российской культуры и одновременно отвечать чаяниям времени.

Нарушение действия идеологического механизма ведет не к исчезновению идеологических доктрин, а к нарушению логики и преемственности восприятия культуры. В результате вместо освобожденного субъекта общество получает субъекта дезориентированного. В качестве примера можно привести сюжет одного из мультипликационного фильмов проекта студии «Мельница» 2012 года «Три богатыря на дальних берегах». Содержание фильма включает в себя и вербальное, и образное, и идеологическое, и литературное заимствование. Так, заговор плетут отрицательные герои, один из которых – привычная Баба-Яга. Ее подельник приезжает из-за границы, имитирует европейские привычки. Его принимают за немца и предлагают через царский двор ввести европейские порядки на Руси. Баба-Яга заманивает богатырей в огромную бочку и закидывает их в океан. В дань современным гаджетам и технизированному сознанию Баба-Яга же материализует с известной картины клоны богатырей. А дальше и вовсе все смешалось в кучу. Князь киевский объявлен сумасшедшим. В Киеве бал Бабы-Яги, экспроприация имущества бояр, прыжки говорящего коня на башню, партизанское движение в коровнике и т. д. Литературные вкрапления на фоне чрезвычайно вольного обращения с историей страны сливаются в нечто сумбурное даже для субъекта, в полной мере владеющего культурным наследием. Для подрастающего поколения это

абсолютно проходящий сюжет, призванный развлечь, доставить некоторое удовольствие. И узнавание остается на уровне узнавания фрагментов других фильмов франшизы. На этом фоне размываются критерии правдивости последующей информации, например, относительно развития отечественной литературы или оценки той или иной исторической эпохи развития страны. Трансформируется и ядро культуры. Баба-Яга, оторванная от своих корней, превращена в эксцентричную старуху. Будучи в исконной мифологии хозяйкой иного мира, она не дотягивает даже до персонажа фильма ужасов. Теперь она – олицетворение предприимчивости (один из содержательных фрагментов информационного воздействия насаждения английского языка, о чем уже говорилось выше). В советской интерпретации традиционного мифологического персонажа таких моментов не могло быть. Баба Яга стоит на границе царства мертвых. Она действительно способна на козни: заманивает маленьких детей и добрых молодцев и стремится зажарить их в печи. Но она же помогает – одаривает детей или юношей магическими артефактами, косвенно помогая одолеть главного злодея. Ее образ укладывается не только в традиционные ценности отечественной культуры, он не диссонирует с привычными ценностями уклада. И уж тем более Баба Яга последовательна в логике самой идеологии: она есть образное воплощение деления «свой – чужой», символ устойчивости пространства и времени, открывающего расширяющееся поле возможностей.

Таким образом, очевидно, что советская идеология по праву занимала естественное место в российской культуре. Представляется, что в рамках такой своеобразной онтологической демаркации интересен был бы и семантический анализ содержания самой советской доктрины, сформированной тем самым идеологическим механизмом. Но это иная задача исследования, и, думается, данное поле проблем обязательно станет предметным полем как философского, так и научного анализа. Полученные здесь результаты способны, на наш взгляд, стать новым теоретическим основанием анализа идеологических процессов, так как раскрывают объективные сущностные характеристики. Сам идеологический механизм формируется в решении противоречивого положения человека в мире: в одновременной принадлежности как миру вещей, так и миру знаков. Язык в культуре делает доступным мир, но в оформлении природы и культуры словами он выводит субъекта в необходимость убежденности. Самой природой социальности заложено кредо среднего человека: он в принципе не хочет свободы мысли, сомнений, он хочет, чтобы ему дали непротиворечивую картину мира и сказали, зачем он живет. В символической реальности, созданной языком, складывается объективная потребность во внушении. Идеологический механизм, который трансформирует общее содержание культуры в индивидуальное мировосприятие, погружен в центр этой потребности. В отечественной культуре данная ситуация преломлена в сущностном противоречии между христианскими и языческими ценностями. Советский идеологический механизм запущен как модернизация родного способа инкультурации. Поэтому в советской идеологической доктрине номос, логос и этос синкретичны и, собственно, отражают Царства земное и небесное как границы самой русской культуры. Небесное (спорно, что это провозглашенный коммунизм) – это не просто далекая цель, оно есть и настоящее, так как земное не бессмысленно и экзистенциально открывает смысл в будущем. Чудесное также реально как обы-

денное, именно поэтому возможны индустриальные прорывы, «город-сад» и т. д. Сила советской доктрины в том, что и прошлое не изучается, оно переживается (хотя и не свободно от конъюнктурных трактовок). Но действительно происходит «обыкновенное» чудо: где-то таинственное, но одновременно реальное повторение событий прошлого образует настоящее, которое символично оторвано от повседневности. В этом плане советская идеология всегда была перформативна. В этом ее сила и слабость. Сила – в нарастании эффективности вбирания субъектом смыслов предшествующих поколений. Пусть даже в трафаретном использовании культуры: промышленные гиганты, целинное покорение земель как поглощение изначального пространства (ранее пространство в русской культуре, например, поглощалось лесом); эксплуатация традиционного образа рек; обязательное наличие любимого князя, которого все почитают, а потом и оплакивают и т. д. Это было сохранение Высшей воли, но Воли самой культуры, традиционного уклада. Слабость – неспособность развернуть символизм восприятия мира против внешних потоков фрагментации человеческой экзистенции в условиях информационного общества. Отставая в грамотности, в нормировании светского этикета, будучи в своей сути крестьянской, советская идеология смогла стать по своей сути просветительской. Главным результатом становится принципиально русское позиционирование человека – нераздельная часть целого, которым выступал весь советский народ. На фоне деструкции демографического единства вокруг это вызывает сильное раздражение. Страшит и разрастание принципа интернационализма, центром которого выступает все та же советская идеология. Кстати, косвенно сила советской идеологии до сих пор признается и ее противниками. Чаще всего советскую доктрину ассоциируют с сознательно конструируемой мифологией. Но следует заметить, что любая идеологическая доктрина, любой идеологический механизм должны быть отчасти мифологичны, так как самой простой формой социализации был и будет именно миф.

И последнее. Идеологический механизм нельзя остановить и тем более отменить. Это объективная социальная закономерность, вне которой культура не сможет существовать, так как именно в его работе закладывается непосредственная связь ее содержания с носителем. При сознательном вмешательстве в его работу могут происходить сбои. Главное – не пропустить точку невозврата. Часто сегодня предельную границу и в русской культуре обозначают словом «дедлайн». В рамках проведенного выше исследования это достаточно символично. Дедлайн не просто определяет границу крайнего срока исполнения необходимых действий. Сам термин deadline родом из эпохи гражданской войны в США, когда пленных из-за нехватки охраны просто ограничивали линией на земле. А тех, кто выходил из круга, расстреливали. При нарушении собственных идеологических демаркационных линий культура вполне может оказаться на линии огня.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Азбука-Аттикус. 2015. – 320с.
2. Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря. М.: Республика, 1995. – 375с.
3. Васильев А.Д. Подсохин Ф.Е. Информационная война: лингвистический аспект / А. Д. Васильев, Ф.Е. Подсохин // https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-voyna-lingvisticheskiy-aspekt (Дата обращения 20 апреля 2021).

4. Ветошкин А.П., Некрасов С.Н., Стожко К.П. Кластерная структура возникающего нового общества и опыт истории / В сборнике: Социально-гуманитарное образование и наука: вызовы современности. Материалы Всероссийской национальной научно-практической конференции. 2020. С. 38-49.
5. Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности / Л. Витгенштейн. М.: АСТ, Астрель. 2010 – 250с.
6. Гарифуллин Р.Р. Иллюзионизм личности как новая философско-психологическая концепция. Психология манипуляций, обмана. М. 1997. – 404 с.
7. Гурова О.Ю. Идеология потребления в советском обществе [Текст] /О.Ю. Гурова // https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-potrebleniya-v-sovetskom-obschestve (Дата обращения 26 апреля 2021)
8. Демьяненко Н.В. Использование манипулятивных техник в СМИ как реальная проблема // Российский академический журнал. 2012 Т.19 №1 с. 20-27.
9. Жилина В.А. Идеологическое управление как сущностная черта развития социума // Социум и власть 2016 №1(57). С.51-55.
10. Жилина В.А. Идеология: новый взгляд // Новосибирск: ЦРНС, 2009. – 162 с.
11. Жилина В.А. Унификация смысла понятия «идеология» в категориальном анализе // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 22 (276). С. 76-78.
12. Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Эксмо, 2009. – 1024с.
13. Карамзин Н М Предания веков. М.: Правда. 1988 – 478 с.
14. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм. 2017. – 464 с.
15. Карнаух М.П. Экзистенциальный кризис как основа самопознания // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. 2005. № 2 (10). С. 55-57.
16. Комов С.А. Информационная борьба в современной войне, вопросы теории // Военная мысль. 1996. № 3.
17. Конституция Российской Федерации. М.: Айрис-Пресс. 2017 – 64с.
18. Леднев В.П., Стожко К.П. Судьба России. Очерки. В 3-х т. / под редакцией К.П. Стожко. Екатеринбург: ИД «Стягъ», 2011. Т. 1. – 499с.
19. Лифшиц М.А. Либерализм и демократия. Философские памфлеты. М.: Искусство-XXI век. 2007. – 336 с.
20. Лихачев Слово о полку Игореве (Историко-литературный очерк). М.: Просвещение, 1976. 176с.
21. Макаровский Д А Эволюция мифологических форм: от управления к манипуляции [Текст] / Д.А. Макаровский // https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-mifologicheskih-form-ot-upravleniya-k-manipulyatsii. (Дата обращения 23 августа 2018 г.)
22. Маркузе Г. Одномерный человек [Текст] / Г.Маркузе. – М.: АСТ. 2003. – 336 с.
23. Молостова Е.С. Модели «Нового человека» в советский период: подступы к трансгуманизму [Текст] / Е.С. Молостова// https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-novogo-cheloveka-v-sovetskiy-period-podstupy-k-transgumanizmu (Дата обращения 23 апреля 2021)
24. Оруэлл Дж. 1984[Текст] / Дж. Оруэлл. – М.: АСТ 2013 – 320с.
25. Петрухин В.Я. Древняя Русь – IX в. М.: АСТ, 2005. – 190с.
26. Повесть временных лет. [Текст] / Наука. Ленинградское отделение 2007. – 672с

27. Пирумов, В.С., Родионов, М.А. Некоторые аспекты информационной борьбы в военных конфликтах // Военная мысль. 1997. № 5. С. 44-47.
28. Расторгуев, С.П. Информационная война. М.: Радио и связь, 1998. С. 35-37.
29. Соколков Е.А. Проблемы поликультуры и полиязычия в гуманитарном образовании // http://thelib.ru/books/evgeniy_alekseevich_sokolkov/problemy_polikultur_i_poliyazychiy_v_gumanitarnom_obrazovanii-read-5.html (Дата обращения 23 августа 2018 г.)
30. Соловьев В. С. Россия и Вселенская церковь. М.: Типография Товарищества А. И. Мамонтова. 1911 – 450с.
31. Стожко К.П. Фольклор в развитии мировосприятия личности // Социально-гуманитарное образование в современном мире: проблемы, поиски, решения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Магнитогорск, 2019. С. 387-397.
32. Тоффлер Э. Шок будущего. М.АСТ. 2008. – 560с.
33. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика. 1993. – 445 с.
34. Черныш М.Ф. Читая статью Л. Д. Гудкова. Заметки на полях // https://cyberleninka.ru/article/n/chitaya-statyu-l-d-gudkova-zametki-na-polyah (Дата обращения 25 апреля 2021)
35. Черная Л. А. История культуры Древней Руси. М.: Логос, 2007. 288с.
36. Zhilina V.A., Kuznetsova N.V., Akhmetzyanova M.P., Teplykh M.S., Zhilina E.A., Prilukova E.G., Bashirova T.A. The Issues of the Dialogue of a Modern Subject with the Society // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. 2019. С. 3454-3461.
37. Stephen White Alex Pravda Ideology and Soviet Politics // https:// link.springer.com/book/10.1007%2F978-1-349-19335-6#about (Дата обращения 2 мая 2021).

Глава 8. Идеологическая борьба и советский опыт государственного развития

8.1. «Теория» социокультурного опыта: критика некритической «критики»

Распад Советского Союза состоялся не сам собой. Ему предшествовала долгая подрывная работа разного рода «исследователей», которые изнутри разрушали идеологические основания существования советского строя. Причем делалось это часто и за счет дискредитации опыта развития России в целом, и за счет разного рода инсинуаций и вымыслов, которые объявлялись чуть ли не новыми достижениями науки. Одним из ярких примеров этого является так называемая «теория» социокультурного опыта социального философа А. С. Ахиезера, семинары которого стали в 90-х гг. XX в. фокусом притяжения для всех «диссидентов-интеллектуалов» российской столицы. В 1991 г. была опубликована его известная книга «Россия: критика исторического опыта», а в 2005 г. – «История России: конец или новое начало?»

В Википедии А. С. Ахиезер даже удостоился титулов «основатель российской культурологии» и «автор концепции социокультурной эволюции». Как будто и не было до него Н. Я. Данилевского, К. Д. Кавелина, В. О. Ключевского, П. Н. Милюкова… Но обо всем – по порядку.

В предисловии к книге А. С. Ахиезера «Россия: критика исторического опыта» написано: «В целом нельзя признать самостоятельность и оригинальность теории А. Ахиезера и в методологических основаниях, и в концептуальном аппарате» [1].

Тем не менее А. С. Ахиезер далеко не рядовой мыслитель, а созданная им теория применительно к истории России весьма заметна. А. С. Ахиезер определяет историю России как «беспрецедентный путь».

Несовершенство его концепции заметно уже в первых строках. Во введении к этой любопытной книге автор с уверенностью утверждает, что человеку «унизительно складывать оружие перед тайной социальных катастроф... Человек способен разгадывать тайны игры с демоном истории» [2]. Такому уровню уверенности могло позавидовать большинство исследователей, начиная от античности до XXI в., включая и незабвенных троцкистов-ленинистов, которые полагали, что можно познать и предвидеть свои и мировые действия. Хотя следует подчеркнуть, что А. Ахиезер настолько противоречив, что порой в одном абзаце говорит одно, а в другом – противоположное. Так и здесь буквально в следующем абзаце он пишет: «однако существует общий элемент, т. е. неспособность людей, общественного субъекта продолжать, нейтрализовать опасность установить свой контроль над угрожающими процессами… В истории племена и народы гибли в результате действия сил, над которыми они не могли, не умели, не хотели установить свой контроль» [3].

А. С. Ахиезер не прав и тогда, когда призывает ради общественного прогресса критиковать не людей, государственные институты и идеологию, а движущие силы истории. Во-первых, если он положил в основу исторического развития социокультурные процессы, то они не протекают помимо людей, государственных учреждений и идеологий. Идеология – основа, фундамент движущих сил истории, в том числе и культуры. Это касается религиозной, светской, позитивистской,

любой идеологии. Автор и сам признает, что «Люди сами творят свою историю и лишь в силу ограниченности своих представлений, достигнутого уровня рефлексии, исторического опыта возлагают ответственность за нее на кого-то другого, на силы, стоящие вне истории» [4].

В основе концепции А. С. Ахиезера лежит понятие «культура», которая, по его мнению, является двигателем всех действий людей, в том числе и массовых. «Все тайны человеческой деятельности, – писал он, – и, следовательно, и деятельности, определяющей исторический процесс, запечатлены в содержании культуры» [5]. По его мнению, культура определяет как механизм исторической деятельности, так и механизм формирования общества и государственности. Культура – реальность, которая определяет как уровень развития личности, так и того или иного общества, человечества в целом. Если для К. Маркса на первом месте были экономика и социальные отношения, то для Ахиезера – культура и социальные отношения. По существу, автор рецензируемой работы качество, формы и направление исторического процесса определяет через соотношение или даже равновесие культуры и социальных отношений. «Если культура, – писал он, – создает основы для сохранения через деятельность людей, исторически сложившихся социальных отношений, то тем самым она сохраняет и социальную основу своего существования. Если культура это обеспечить не может, то тем самым гибнет ее массовая социальная база, гибнут социальные институты, которые ее сохраняют» [6]. Культура и социальные отношения, таким образом, выступают у него как главные аспекты всего процесса воспроизводства.

При этом следует подчеркнуть, что процесс воспроизводства он понимает не как создание нового продукта, а как постоянную способность личности и сообщества сохранять социальную цельность, определенные жизненно важные центры, способность противостоять разрушению рода, семьи, общины. Он понимает культуру как рычаг против дезорганизации. Опираясь на второй закон термодинамики, автор трактует процесс воспроизводства как средство против социальной энтропии, как способ защиты против постоянного посягательства сил разрушения на личность и общество. По его мнению, в обществе постоянно возникает противоречие между социальными отношениями и культурой, которые он называет социокультурными.

А. С. Ахиезер сделал даже попытку сформулировать специальный социокультурный закон, в соответствии с которым «любой социальный объект может воспроизводить себя, свою воспроизводственную деятельность, свою культуру, свои социальные отношения, обеспечивать их единство, взаимопроникновение, снимая постоянно возникающие социокультурные противоречия, не допуская их роста до уровня, угрожающего значимым снижением эффективности воспроизводственной деятельности вплоть до неспособности противостоять необратимой дезорганизации, распаду» [7]. Он распространяет действия этого закона и на российскую, и на мировую историю.

А. С. Ахиезер полагает, что культура развивается по другим законам, нежели социальные отношения. Культура, по его мнению, – всеобщая форма человеческой деятельности. Она не признает ограничений, т. к. она «самокритична, многомерна, рефлективна, альтернативна», она заставляет человека искать «самого себя в мире и мира в себе», формирует утопии, проекты, создает новые основания,

постоянно игнорирует социокультурный закон. Нравственность является определяющим аспектом культуры, несет в себе идеал социальных отношений и государственности, позволяет определить мотивы действий больших масс людей, направление движение исторического процесса.

Для того чтобы объяснить суть исторического процесса, механизм действия и соотношения культуры и нравственности, автор ввел понятие дуальной оппозиции, в соответствии с которым культура и нравственность выступают в виде противоположных полюсов: добро – зло, правда – кривда, полезное – вредное и т. д. По мере развития культуры растет число этих антагонистических пар. Для русской культуры, по А. С. Ахиезеру, характерно противопоставление Правды – Кривды, Добра и Зла. Их дуализм он относит к манихейству, которое возникло на основе зороастризма более 3500 лет назад и является одной из древних мировых религий. От Зороастра берет начало идея об одном Творце и о Мире, где идет борьба двух космических сил. С одной стороны – силы Света (Правды), с другой – силы Тьмы (Кривды). Суть манихейства А. С. Ахиезер понимает как «абсолютизацию этих начал при осмыслении мира, в формировании культурной основы для конструктивной напряженности, жестко ориентированной против срединной культуры». Манихейство, по его мнению, основано на абсолютизации жесткого противопоставления добра и зла» [8]. Он считает, что манихейцы тяготели к решению социальных задач «на путях ненависти к людям, помеченным признаками зла, на путях ненависти к государственности и сословности как таковым» [9].

А. С. Ахиезер – западник по убеждениям, и во всей его работе чувствуется неприятие русской культуры и государственности. Уже в первой главе, анализируя вечевой идеал, он постоянно подчеркивает расколотость восточнославянского общества. Он полагает, что все историки едины в признании его мысли о том, что «в социальной организации славян господствовало локальное сообщество…, что уже отсюда берет начало его идея расколотости и замкнутости древнерусского общества. Не случайно он утверждал: «Способность древних славян воспроизводить локальные сообщества является исходной клеточкой, если угодно логическим и конкретно – историческим началом дальнейшей государственной истории страны» [10]. А. С. Ахиезер подчас выдвигает какой-то справедливый или несправедливый тезис, а затем дает такую аргументацию, которая фактически противоположна этому тезису.

Например, он приписывает способность древних славян к воспроизводству статичных локальных сообществ и локального мира, с другой говорит, что понятие мира и общности включает одновременно и сход, и весь народ, и все человечество, и даже Вселенную. Если это так, то в таком случае где статичность и локализм? Не только у древних славян, но и у древних кельтов, готов и евреев было то же самое. Если человек нарушает принятые нормы, то его просто наказывали, изгоняли, а евреи умудрились даже распять Иисуса Христа как представителя другой культуры. Каждая культура защищает себя как может.

Следует заметить, что А. С. Ахиезер не случайно ссылается на труды историка К. Д. Кавелина, который, как и он, был убежденным западником. Для норманистов культура древних славян – прообраз дикости, неорганизованности и выдуманного рабства. Даже древнерусское вече – «неопределенное», юридически «неустановленное», «неправильное» собрание. Как будто у других народов сразу же было все

установлено и обосновано юридически. Что касается рабства, то его у древних славян вообще не было. Холопство – да, но ведь холопство не рабство. Человек отдавал в холопство сам себя, и он никогда не был на положении раба. Даже пленных славяне никогда не превращали в рабов. Прожив год, им предлагали остаться жить среди славян, но если пленный желал возвратиться к своим сородичам, то его тут же отпускали. У других племен и народов с пленными обходились много жестче.

По мнению А. С. Ахиезера, вечевой идеал распадался на соборный и авторитарный, и им не были присущи такие понятия как демократия и ценности личности. Вечевой идеал у него нес в себе авторитаризм, власть князя и т. д. Автор настолько осовременивает трактовку древних исторических реалий, что осуждает вече за то, что тогда не практиковалось право меньшинства на «особое мнение» и «независимые» права личности. Такой подход явно антиисторичен, поскольку право меньшинства и права личности нельзя требовать от древних народов. Не случайно автор не приводит ни одного исторического примера. Тут ему можно бы щегольнуть примерами из практики первого Иерусалимского храма, но ведь этого не было и у евреев. Он и сам знал об этом изъяне своего исследования. Чтобы доказать, что раскол органически присущ русскому обществу, он заявлял, что главными категориями истории России являются опять-таки локальные сообщества, локальность славянского мира, локальность вечевого идеала, эмоциональный механизм принятия решений. При этом для него «решение вече выступает не в качестве позиции большинства, но как единственно возможная точка зрения» [11].

Авторитарной является, по А. С. Ахиезеру, и соборность. Взяв на вооружение эту гипотезу, он стремится во что бы то ни стало доказать, что авторитаризм В. Ленина, Л. Троцкого, И. Сталина, Л. Брежнева – закономерное детище русской истории, а не плод случайностей, идеологических заблуждений, ошибок, некомпетентностью в области высшего управления и отсутствием так необходимого патриотизма. Не понимая сути соборности, а также характера сложившихся в России национальных отношений, автор писал, что «Монологичность каждого вечевого голоса органически связана с жесткой социальной организацией, со стремлением каждого человека усилить свой престиж в социальной системе» [12].

Так мог написать о славянах и русских только тот, кто плохо знает (или не желает знать) русскую ментальность и исторический контекст ее формирования. При этом «критик» никак не доказывает, что на соборе или любом собрании царил монолог, а если он даже и имел место, то не объясняет, почему «каждый голос выступал как монолог». Кроме того, далеко не секрет, что монолог может содержать в себе не меньше истины, чем диалог.

Никак нельзя согласиться с мнением А. С. Ахиезера, что «Соборные институты по своей природе основаны на принципах эмоциональных связей людей, знающих друг друга и оказавшихся неспособными обеспечивать воспроизводство большого общества» [13]. Во-первых, соборные институты имели в своей основе родовое, а не эмоциональное начало и родственные связи всегда главенствовали. Во-вторых, соборные институты были способны на воспроизводство большого общества. Так было раньше, так обстоит дело и теперь. Этого не видит и не знает только чужой или плохо знающий историю русской православной церкви человек. Не случайно в русских летописях фактически нельзя найти примера, чтобы князь поступил

вопреки решению собора. Этот поверхностный вывод был нужен Ахиезеру для того, чтобы доказать, что распад Киевской Руси – первая национальная катастрофа, возникшая на основе раскола и неспособности первой государственности обеспечить интеграцию общества той поры. Он прав, что в массовом сознании было тогда много от до государственности, но это была неспособность не общества, а неспособность князей к интеграции.

А. С. Ахиезер пришел к выводу, что соборный идеал на Руси обанкротился, так как оказался неспособным воспроизводить большое общество и государственность. По его мнению, на смену соборности пришел авторитаризм. Причину этого, как и ранее К. Д. Кавелин, он видел в том, что «с XIII в. развитие государственности протекало в наименее культурных областях Руси» [14]. Опираясь на выводы К. Д. Кавелина, он справедливо считает, что неблагополучные климатические условия, разделение населения лесами и болотами, его малочисленность не способствовали сплочению народа. Вслед за К. Д. Кавелиным он недооценивает разрушительные факторы Хазарского каганата и монголо-татарского нашествия, которые изматывали народное хозяйство и моральное состояние общества. Вряд ли убедительно его умозаключение, что «обширные территории, возможность переселения в более отдаленные, более безопасные районы» повлияли на тот фактор, что авторитарное начало стало постепенно входить в русско-славянский мир. Скорее на этот процесс повлияли монголо-татарское иго и постоянные конфликты с половцами, печенегами, принявшими иудаизм хазарами, которые были далеко не ангелами. Именно иудеи наладили торговлю живым товаром, а это огромная душевная травма для коренного населения. Иудеи же наладили работорговлю и в ходе колонизации коренных народов Америки. Работорговля для евреев стала одним из важнейших источников первичного накопления капитала. Жесткому обращению с людьми евреи научились еще в Вавилоне и в Египте.

А. С. Ахиезер ошибочно считает, что соборность была уже в XIII в. побеждена авторитаризмом. Одним из самых главных недостатков его логики и методики исследования является то, что он, опираясь на придуманную им самим «инверсию» и «дуальную оппозицию», всегда противопоставляет типы власти, в том числе и соборность, авторитаризму. Хотя, по существу, типология власти во все времена носит весьма условный характер. При соборности возможно проявление каких-то черт авторитаризма, который мог проявляться в поступках князей, а не рядового человека, что совсем не учитывается Ахиезером. Он всегда без оглядки переносит функции князей на весь народ, а у народа социальная психология не всегда была одинаковой с властителями. Это было тогда и проявляется до сегодняшнего дня. У Ельцина, Гайдара и Чубайса была одна психология, а у народа – совсем другая.

По нашему мнению, современная историческая и юридическая науки постепенно начинают сознавать искусственность жесткого противопоставления одних типов власти другим. В реальной социальной практике власть всегда имеет смешанный характер, что тоже, видимо, неведомо этому опытному исследователю. Это понимали еще В. Н. Татищев, Феофан Прокопович и другие классики русской исторической науки. Главная причина состоит не в уровне культуры (хотя и она важна), не в особенностях климата и географической среды обитания, а в отрыве власти от народов, в безразличии ее к интересам народа. Именно это порождает безразличие народов к типу власти. У народа одни критерии оценки качеств

власти, а у практикующих властителей – совсем другие. Высшей власти могут нравиться «скоробогачи» и коррупционеры, а народ их всех проклинает. Рабочих, крестьян, большинство интеллигенции интересует всегда не тип власти и форма правления, а то, насколько лучше живется им при той или иной власти, том или ином князе, царе, короле, императоре или президенте.

Историческая и юридическая науки после В. Н. Татищева мало обращали внимания на этот фактор, хотя он действует в реальной жизни. Не случайно все революционеры и политики рано или поздно убеждались, что их идеи были восприняты далеко не всем обществом. В России в этом неоднократно убеждались лидеры еретических движений, крестьянских восстаний, декабристы, лидеры народничества, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, а позднее большевики, меньшевики, эсеры. Знают это и лидеры современных политических партий.

Для А. С. Ахиезера как мыслителя и историка России характерно выискивание противоречий и раскола, которые его почему-то радуют. Он убежден, что раскол древнерусского общества был предопределен «экономической слабостью личности», преобладанием городского элемента в Киевской Руси и деревенского в Московской» [15].

На самом деле это все второстепенные причины, ибо горожанин и деревенский житель Средневековья различались мало. Главные причины скрывались в реальной социальной практике, в борьбе за существование, в религиозной вере, в том, что выиграть сражение, добиться успехов в труде можно было более эффективно под чьим-то руководством: Бога, князя, царя или лидера общины. И эта реальная потребность в вожде пронизывала сознание всех социальных групп, городских и сельских жителей, воинов и пахарей.

А. С. Ахиезер исторически неоправданно расширяет употребление термина «авторитаризм» вплоть до Древней и Средневековой Руси. Люди тех исторических периодов в отличие от А. С. Ахиезера понятия не имели о каком-то авторитаризме. Для них это была естественная норма жизни, и никто от нее не страдал. Так было во всех странах Древнего мира и Средневековья. Не случайно и сам термин «авторитаризм» появляется только в новое, а в ряде стран – даже новейшее время, а потому он применим к анализу только этих исторических периодов. Конечно, опираясь на данные социальной психологии, можно находить корни современных общественных явлений даже в первобытном обществе, но объяснять ими современную историю вряд ли целесообразно. Такая «история» не исторична и не очень точна.

На наш взгляд, не всегда оправдан перенос ценностей Древнего Востока на Россию. В каждой нации, у каждого народа и государства устанавливаются такие «правила игры», которые характерны только для него, хотя внешнее подобие может просматриваться. А. С. Ахиезер этого не чувствует в историческом анализе. Он распространяет на Россию азиатский способ производства, тотемическое мышление подает как «стремление субъекта отдать себя под власть сильного» [16], везде выискивает социокультурную основу для раскола, антигуманизма, рабства и деспотического государства.

На самом деле каждый народ имеет свой, присущий только ему способ производства, исходя из своих сырьевых и полезных ископаемых и только в тот или иной исторический период. Тотемизм не случайно понимается как комплекс веро-

ваний и обрядов первобытного общества, где тотемом могло выступать животное, растение, даже явление природы, по сути, любой предмет, и это далеко не всегда соответствовало «стремлению субъекта отдать себя под власть сильного». Нельзя игнорировать тот факт, что любой термин работает в любой исторической среде, в какой угодно исторической эпохе. Это может исказить характеристику исторической эпохи. Перенос понятий, поступков и идеалов из одного исторического времени в другое не позволяет точно определить качество поступков тех или иных действующих в то время лиц.

Возьмем для примера победу Суздальского князя Андрея Боголюбского (годы правления: 1157–1174) в 1169 г. над Киевом и его отказ стать Киевским князем. С. А. Ахиезер подает это как победу «локальных ценностей над государственно-соборным идеалом». Между тем ни Боголюбский, ни Иван I (1328–1341), которого он также считает одним из основателей авторитарного типа власти в России, даже не предполагали разрушать соборное начало. У них были другие заботы: выжить в обострившейся борьбе за передел земель, укрепить в целом Северо-Восточную Русь.

То же самое можно сказать и об Иване III (1462–1505). В усилении Москвы он видел выгоду для себя и своего народа. Ахиезеру не нравится, что «Вся страна мыслилась как вотчина государя-батюшки» [17]. Он почему-то не понимает, что в тех исторических условиях все цари, короли, а позднее президенты во все времена мыслили подобным образом. Но это не означает, что правители ликвидируют соборное или утверждают авторитарное начало. Для представителей другой культуры, другого народа или княжества он может показаться одним, а для своих – другим. Так было всегда в истории и, похоже, еще очень долго будет. В Израиле И. Рабина застрелили только из-за того, что делал мизерные уступки Палестине. И это в наши дни, не в период Средневековой Руси, где выискивает «ранний умеренный авторитаризм» уважаемый А. С. Ахиезер.

Боярская Дума, лакеи и вече для него тоже авторитарны, поскольку они являлись собранием не локальных миров, «а первых лиц, отождествляющих себя прежде всего с бывшими независимыми княжествами» [18]. Думается, что В. О. Ключевский и С. М. Соловьев знали термин «авторитаризм», но не употребляли его, так как они хорошо знали, что не все современные слова применимы при анализе времен давно минувших. Ахиезер цитирует Ключевского, что Государство и Дума – «нераздельные элементы единой верховной власти», и сам же делает правильный вывод: «Никто не стремился и не мог изменить сложившийся порядок» [19]. Тут главные, ключевые слова «никто не стремился», в этом кроется вся суть тогдашнего порядка вещей, который устраивал за редким исключением все общество.

Это понимал даже Иван IV (Грозный) (1533–1584), которому понравилась идея соборности, и он был первым, кто стал ее внедрять в социально-политическую практику России. Если для А. С. Ахиезера на первом месте всегда стоял локальный мир (и в нем он видит прежде всего соборность), то для Ивана Грозного на первом месте была соборность всей России. В этом и состоят особенность мышления и недостатки его социокультурной концепции. Для него решения Боярской Думы авторитарны, а решения местных удельных князей, «локальных миров» соборны. Но ведь это говорит не о реальной, а о кабинетно выдуманной, даже местами спекулятивной Отечественной истории. Соборный идеал никогда не обо-

рачивался авторитаризмом. В истории, как и других науках, действует своеобразный закон сохранения энергии. Ничто не исчезает – только приобретает другую форму, но не всегда противоположную себе, как это представляет А. С. Ахиезер. Например: реформа противоположна революции, но она может ее продолжить, как это случилось в Китае, в отличие от российского варианта (Б. Ельцин и его поверхностно мыслящие советники).

А. С. Ахиезер постоянно подчеркивает несовершенство сознания деревенского человека, приписывает ему неспособность отделить зло от его носителя, разобщенность, низкий уровень культуры и мышления, способность верить слухам и т. д. Однако крестьяне, как и все другие жители России, всегда умели разбираться в сути власти. Делали это осторожно, не спеша, хотя разного рода «революционеры» типа А. Л. Парвуса, В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого настойчиво их торопили. А. С. Ахиезеру не нравится тот факт, что они больше верили царю и не доверяли местному начальству. Все дело в том, что троцкисты-ленинисты приучили многих к мысли, в том числе, видимо, и А. С. Ахиезера, что царь, монархия только и думали о том, как бы навредить крестьянину и всем народам России.

Но если бы А. С. Ахиезер внимательно изучил труды русских дореволюционных историков России (Л. А. Тихомирова, А. С. Хомякова и др.), то непременно убедился бы, что великие князья, цари и императоры всегда стояли над политическими партиями, классами и сословиями. Они должны были решать судьбу ссорящихся сторон, мирить их. Кстати, это одна из причин того факта, что политические партии в России возникли гораздо позднее, чем в других европейских странах, а монархия не исчерпала своих возможностей как тип государственной власти. Это направление общественной мысли было известно уже Владимиру Мономаху, Даниилу Заточнику, Ярославу Мудрому, а тем более поздним русским мыслителям и князьям. Идея «Царь-Солнце» состояла именно в этом, и она передавалась из поколения в поколение. На наш взгляд, в этом плане гораздо ближе к истине был историк И. М. Дьяконов. Он справедливо отмечал, что в ранних фазах человеческого общества всякие причинно-следственные связи, воспринимались как волевые. А «воля предполагает наличие некоего обладающего волей начала, а раз обладающего волей, значит, обладающего и разумом… За каждым случаем причинных связей, социально-политически воспринимаемых явлений стоит божество, а за множественностью явлений, с которыми сталкивается в своей жизни человек, стоит множество отдельных сил, независимых от человека, – божеств. Божество, конечно, может считаться объяснением явлений мира, но осмысление это подчинено не рассуждениям, логически проверяемым, а вере» [20].

И. М. Дьяконов пишет, что «основное правило «быть как все» (что предопределяет и побуждение к взаимопомощи) содействует возникновению консенсуса в человеческом социуме, а это очень важно для его целенаправленной деятельности» [21]. Да ведь и сам А. С. Ахиезер чуть подальше признает, «что высшая Правда в лице царя является реальным гарантом справедливой жизни, защитой от зла» [22]. В действиях царей гуманизма было много больше, чем в действиях Ленина, Троцкого, Сталина, Ельцина, Гайдара, Чубайса и всей их камарильи. Поэтому массовое сознание, при котором низшие слои не любили своих местных, порой вороватых и несправедливых начальников, базировалось на вере в Царя-батюшку. И правильно делали. Не только российская, но и мировая история свидетельству-

ют, что цари, императоры президенты и премьер-министры, как правило, гораздо лучше защищают права и обязанности низов, чем местные бюрократы. Этот уровень сознания имеет к язычеству очень малое отношение. Оно и теперь характерно для всех наций и народностей, имеющих собственную государственность и живущих на земле предков.

И уж совсем ни теоретически, ни практически не оправдан вывод А. С. Ахиезера, что «Идеалом крестьян были земли, освобожденные от воевод, бояр, государства» [23]. Речь идет, вероятно, о плохих воеводах и боярах, а хороших чиновников и справедливое государство крестьяне, как и все нормальные люди, не мигранты, ценили и уважали. Никакой антигосударственности в понимании Ахиезера у них не было. Даже известные крестьянские бунты не отвергали государство, а боролись за более справедливого царя. Тут он идет явно за троцкистами-ленинистами, которые 70 лет в школах и вузах вдалбливали нам эту ахинею.

А. С. Ахиезер говорит об «извечной борьбе России с Западом» [24]. Точнее было бы сказать – Запада с Россией, поскольку на Россию нападали гораздо чаще, чем Россия на другие страны. И если бы ей не приходилось абсолютно в каждом веке терять огромные людские и материальные ресурсы, то она имела бы не сегодняшние исторические результаты.

Как и другие мыслители-западники, А. С. Ахиезер критикует старообрядцев, протопопа Аввакума, обвиняет их в манихействе, доказывая, что России и русским издревле присущи раскол, рабство и недостаток культуры. Он обвиняет Аввакума и его единомышленников в стремлении к насилию и злу, пишет, что «Зло по существу занимает у староверов центральное место» [25]. Тот, кто плохо знает историю старообрядчества, прочитает это утверждение, может и поверить версии Ахиезера, что «эта манихейская натуралистическая концепция зла разрушительна для общества, коренным образом расходится с христианством» [26].

В эту, с позволения сказать, «идею» в свое время поверил даже российский монарх Петр I, который преследовал старообрядцев как врагов христианства. Его прозападное окружение просто натравило власть на людей, никогда не выступавших против христианства. Это теперь признала официально вся православная церковь, кроме А. С. Ахиезера и М. Шагинян, которая в своей книге «Человек и время» тоже «научно» определила все старообрядчество как «кавардак» [27].

На самом деле старообрядцы никогда не были носителями зла и не отступали от главных постулатов христианства. От Ветхого завета – может быть, а Нового – никогда. Самосожжение старообрядцев он с заметным удовольствием подает как «очищение от скверны», а на самом деле это был безвыходный протест против нововведений патриарха Никона и царя Алексея Михайловича, отца Петра I.

Нельзя приписывать старообрядцам национализм, антисемитизм, как это делает А. С. Ахиезер. И уж никак нельзя согласиться с его выводом, что «староверие явилось важнейшим компонентом в антигосударственном движении» [28].

Поставив перед собой цель во что бы то ни стало доказать, что авторитаризм и раскол находятся чуть ли не в генах русского человека, А. С. Ахиезер не учел одного очень важного методологического факта. Большинство ссылок в его сочинении сделано на устаревшую, пропитанную русофобией литературу. Текст его книги буквально пестрит такими сносками [29].

В главе «Крайний авторитаризм и зрелость раскола» он писал: «Отсутствовало сопротивление черносошных дворцовых крестьян при передаче их в вотчинное землевладение. Вотчинники и помещики не оказывали сопротивления строжайшей законодательной регламентации, ограничивавшей их инициативу в распоряжении землей. Не было решительного сопротивления крестьян росту власти помещика над крестьянским миром. Возрастали тенденции к единовластию помещика и его доверенных лиц среди крестьян» [30]. Ему представлялось, что если бы все было наоборот, то было бы все гораздо лучше помещикам и крестьянам, всей России. Он ссылается при этом на работы П. К. Алефиренко и Е. И. Индовой, которые были выпущены в 1952 г. и 1965 г., когда написать и издать что-либо другое было невозможно. Приходится еще раз повторить, что крестьянам и большинству помещиков была просто неинтересна власть, «скачки бюрократов», как говорит один мой знакомый доцент. Они занимались конкретным хозяйством, его экономикой, а политические игры ведут вплоть до сегодняшнего дня верхние этажи власти. Те и другие хорошо знали, что практически любая власть во всех странах обижает в уездах крестьян и деловых помещиков, мало на что влияет в их деле. Обещают и требуют все, но мало в чем помогают.

В этом месте мне еще раз надо подчеркнуть, что для А. С. Ахиезера как исследователя характерны преувеличение роли текстового, книжного факта, какого-то написанного или напечатанного документа, а также игнорирование национальной социальной психологии и патриотизма. Во всем чувствуется, что страна для него чужая и он плохо знает реальную Россию. Он цитирует документ, и ему кажется, что он овладел истиной. Убедиться в этом можно на примере его ссылки на письмо костромского помещика Лугинина [31], которое он цитирует. Ему представляется, что крестьяне этого помещика не любят, что у них есть «брожение в умах» и «остановка в оплате оброка», что они стремятся к неповиновению.

Могу сказать, что помещик В. Ф. Лугинин и его крестьяне – мои земляки. О Лугининых я неоднократно писал в нижегородских изданиях (теперь Ветлужский район входит в состав Нижегородской области) и хорошо знаю историю этой выдающейся ветлужской семьи. Лугинины пользовались огромным авторитетом и как помещики, и как предводители Ветлужского дворянства. Совсем не случайно, что именно братья Лугинины стали основателями кооперативного движения в России. Их опыт создания первого кредитного товарищества в с. Рождественском Ветлужского уезда изучался и распространялся по всей России.

В. Ф. Лугинин был одним из основоположников термохимии в России, профессором МГУ. Он был лично знаком с А. И. Герценом и И. С. Тургеневым. Есть мнение, что он входил в состав «Великоруса» и был близок с Н. Г. Чернышевским, который в романе «Пролог» вывел его под фамилией Нивельзин. Термохимическая лаборатория в МГУ и теперь носит его имя. Он подарил МГУ еще и библиотеку, насчитывающую не менее 6000 книг по разным наукам. Владимир Федорович был удостоен во Франции ордена Почетного легиона. Его отец Федор Лугинин, которого цитирует А. С. Ахиезер, входил в состав одного из комитетов по отмене крепостного права. Это письмо писалось Костромскому губернатору для того, чтобы убедить его и царя в необходимости отмены крепостного права. Да ведь и в письме Ф. Лугинин писал, что крестьяне стали хуже работать, «не оказывая, впрочем, явного и общего неповиновения». Документ в истории, бесспорно, важен, но

он должен не искажать ту общероссийскую социально-политическую обстановку, в которой оно писалось.

В городах Ветлуге, Костроме и Москве Лугининых знали многие. Это я знаю по рассказам моих предков. Мой прадед Иван Иванович Скопин при них работал волостным старшиной села Ново-Успенское, а потому встречался с ними по службе. Лугинины и теперь известны, по крайней мере, интеллигенции. Помнят, что к В. Ф Лугинину приезжал в гости сын А. И. Герцена и многие другие известные в то время люди. Не забыто и то, что в селе Рождественском, бывшем имении Лугининых, до сих пор лечатся в построенной ими больнице. Профессор В. Ф. Лугинин умер в Швейцарии, а похоронен в Париже.

Историкам настало время перестать подавать помещиков, купцов, дворян как людей некультурных, ограниченных, стремящихся только к наживе и эксплуатации трудящихся, антисемитизму и преследованию инородцев. Если посмотреть на всемирную историю, то нельзя не заметить, что русские всегда отличались удивительной толерантностью. Кому уж очень хочется кого-то критиковать, то пусть переходит теперь на современных олигархов, которые ограбили всю Россию и продолжают это делать безнаказанно до сих пор.

В оценке крестьянства и его духовных идеалов в России ошибался не только А. С. Ахиезер, но и многие мыслители XIX–XX вв., особенно Н. Г. Чернышевский, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, Н. И. Бухарин, Л. Д. Троцкий и другие деятели радикального, революционного направления. А. Парвус и Л. Д. Троцкий вообще не понимали крестьянства, а В. И. Ленин всегда относил крестьянство к мелкой буржуазии. Таким образом, А. С. Ахиезер просто «перепевает» троцкистско-ленинскую песню, хотя и дожил до перестройки. Несмотря на изменившуюся историческую ситуацию, он навязывает читателю мнение, что регламентация жизни, рост числа инструкций князей Щербатовых и других, необходимых в государственной деятельности мероприятий, – все это тенденции авторитаризма, ведущие к расколу общества. Но ведь во всем мире и всегда было так. А. С. Ахиезера, таким образом, можно относить не только к антигосударственникам, но и утопистам, не понимающим реалий государственного управления.

Истина же, как всегда, многофакторна и находится, как правило, в середине. А. С. Ахиезер не способствует поиску равновесия в российской общественной практике, а работает скорее на углубление раскольных тенденций. Хотя следует отметить, что в любой стране и в любой исторический период в процессе развития объективно присутствует борьба мнений, точек зрения, положительных и отрицательных тенденций. Их взаимодействие и составляет содержание исторического процесса. Главной задачей историка является выявление в первую очередь тех тенденций, которыми могло бы гордиться молодое, подрастающее поколение. Отрицательный опыт нужно знать, но он, как показывает история педагогики и психологии, менее эффективен в столь важнейшей сфере, как воспитание, особенно в той его части, которая работает на патриотизм.

Но А. С. Ахиезера эта проблема никогда не волновала. Проблема раскола у русских людей всегда ассоциируется в первую очередь с религиозным расколом XVII в., где главными героями выступали патриарх Никон, царь Алексей Михайлович, протопоп Аввакум. Позднее Петр I ликвидировал в России патриаршество и, по сути, лишил православную церковь политической самостоятель-

ности, устроил гонения на старообрядцев, что вызвало недовольство боярства и церковной иерархии.

Распространять термин «раскол» на всю историю России, по нашему мнению, нецелесообразно, так как он не соответствует фактам (времена Смуты в отечественной истории составляют лишь ее определенную часть, которую нельзя выдавать за целое, за всю историю), не способствует национальному сплочению, интернациональному воспитанию коренных народов России, особенно национальному самосознанию русского народа.

А. С. Ахиезер соглашается, что представление о расколе возникло во время церковного раскола, но он в своей книге утверждает, что это представление будто бы «приобрело обобщенный смысл некоторой всеобщей характеристики России» [32]. Он считает, что в средневековой России и позднее не было, как он сформулировал, «срединной культуры», что идеологические, политические и религиозные ценности «располагаются у нас в двухполюсном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны» [33]. Это схоластическое мудрствование не случайно, поскольку таких «резких черт» и «аксиологических зон» нет и не будет в обозримом будущем ни в одной культуре мира. Они существуют только в буйной рефлексии и воображении автора. Он предъявляет претензии к русским людям, что они не умеют синтезировать, лишены чувства меры и у них это гипертрофированное отношение «лежит в основе воспроизводящей деятельности» [34]. Рефрен его суждений: «Общественный субъект постоянно воспроизводит раскол в той степени и масштабах, в какой он его не преодолевает» [35].

А. С. Ахиезер уверяет читателя, что у нас беспрестанно меняются идеалы, царит дискомфорт, ведущий к крайнему авторитаризму, господствует азиатский способ производства и азиатские общественные отношения [36].

Нельзя согласиться с выводом А. С. Ахиезера, что «господство авторитарного идеала возникает на основе разочарования людей в своей способности брать на себя ответственность за собственную жизнь в масштабе общества» [37]. Во-первых, в масштабе всего общества ни в одном государстве в любой исторический период никто не застрахован от нападения, а во-вторых, автор никак не может понять, что, сколько бы он ни критиковал царя, монарха, ни приписывал ему и его народу идеалы тотемизма, манихейства и т. д., все равно он смотрит на историю не из того времени, а из сегодняшнего дня. Корни нашей социальной психологии, безусловно, имеют историческую природу, но их нельзя абсолютизировать. Они всегда современны, конкретны, больше опираются на нынешнюю, а не прошлую основу. На наш взгляд, С. Полоцкий, Ю. Крижанич, Ф. Прокопович, которых А. С. Ахиезер упрекает, что они подавали царя как наместника Бога на земле, были не менее глубокими мыслителями своего времени. Он и сам это хорошо знал, иначе зачем бы ему при его подходе вспоминать, что и Петр I, и Ф. Прокопович, и многие другие русские цари и мыслители стояли на позициях теории «общего блага». Он зря пишет, что в России эта идея идет от Петра I [38]. На самом деле она присутствует уже в «Поучении» Владимира Мономаха и «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона. По сути дела, идея общего блага была уже в Библии. В Новом завете, в послании от Матфея, говорится: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» [39]. Сам

А. С. Ахиезер определяет азиатский способ производства как «единство власти, собственности и жреческо-идеологических функций» [40].

Но ведь такого рода единство характерно почти для всех типов власти, не только авторитарной. Оно присутствует в коллективной, представительной, монархической, республиканской, президентской. Любая из них содержит в себе и демократические, и авторитарные черты. Это знали еще Ф. Прокопович и В. Н. Татищев, утверждавшие, что всякая власть имеет смешанный характер. Похоже на то, что современным мыслителям, особенно юристам, настала пора пересматривать типологию власти. По сути, она почти везде одинакова. Везде есть верхи и низы, подчиненность снизу доверху. Это характерно для светской, церковной и даже криминально-уголовной. И везде «самостоятельное хозяйство и самостоятельная борьба за существование становятся настолько трудными, что слабые люди предпочитают отказаться от свободы, а иногда и от личного имущества, чтобы жить и вести самостоятельное хозяйство под защитой сильного человека» [41]. На наш взгляд, автор без достаточного основания эту всеобщую мировую тенденцию относит к тотемическому уровню сознания. Наверное, он и сам не свободен от этого, тем более что долгое время писал в стол.

А. С. Ахиезер пишет, что «вольный человек немыслим в России вплоть до конца XVIII века» [42]. При этом он не учитывает, что многие указы и распоряжения, в том числе и при Петре I, были направлены не для закрепощения, унижения людей, а для того, чтобы не было в стране бездельников, дармоедов, праздно шатающихся, гулящих людей, которых до сих пор полно. Не говоря уж о переполненных тюрьмах, где сидят десятки тысяч людей с девиантным поведением, не желающие работать, служить в армии и просто прилично вести себя в обществе. Законы всегда страшны тем, кто их нарушает. Российская общественная мысль, в том числе и историческая наука, сильно преувеличили в оценке русского крепостничества. Не случайно многие мыслители XIV–XVIII вв., в том числе и прогрессивно мыслящие, например, И. Посошков, М. Грек, Ф. Прокопович, Ю. Крижанич, М. Щербатов, Н. Карамзин и другие, огульно крепостничество не охаивали, а их социальные проекты были проникнуты заботой о судьбе России. Ахиезер и тут идет за В. Г. Белинским, ранним Н. Г. Чернышевским, отчасти за В. И. Лениным и Л. Д. Троцким.

Он прав, когда пишет о чрезмерной численности чиновничьего аппарата, который приносит много бед России. Справедлива его оценка Петра I и многих других царей, цариц, общественных деятелей, писателей, ученых. Он справедливо отметил наличие раскола между правящей и духовной элитой. В целом справедлива его оценка либерализма, славянофильства, западничества, хотя с некоторыми его выводами можно и спорить. На наш взгляд, если говорить о светском расколе, то начинать его лучше с противостояния западников и славянофилов, которое не прекратилось до сих пор. Он прав в том, что «борьба славянофильства и западничества – не эпизод истории духовной жизни России» [43]. Со второй частью этого высказывания согласиться нельзя. Он полагает, что эта борьба – «модель жизни духа в расколотом обществе» [44].

Особенно неприемлема его мысль о возможности синтеза западничества и славянофильства, поскольку «последовательное самоуглубление славянофильства приводит к западничеству», а «последовательное самоуглубление западничества

неизбежно ведет к славянофильству» [45]. К этому взаимопроникновению не готовы ни славянофилы, ни западники. Разница во взглядах тех и других в обозримом будущем представляется непреодолимой.

Отметим, что многое, что писалось в первом томе А. С. Ахиезером, было оригинально, хотя надуманность, кабинетность и тенденциозность подхода к русской истории у него отмечались и там. Здесь же самая главная его ошибка в том, что после появления западничества и славянофильства в сформулированном виде действительно произошел полный, строго очерченный духовный раскол между ними. А. С. Хомяков, Ю. Самарин и братья Киреевские вынуждены были писать фундаментальные исследования, чтобы защитить честь и достоинство русского народа. Особенно их возмутил П. Я. Чаадаев, умудрившийся написать, что «мы никогда не шли об руку с прочими народами, мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого» [46]. Это взорвало славянофилов, и они засели за письменные столы. Многие из них заслуженно навечно вошли в историю русской исторической и философской мысли.

Ошибкой А. С. Ахиезера является то, что этот раскол он подал только через политику, политическую культуру, а на самом деле после оформления западничества и славянофильства раскол всегда шел по пути национального противостояния, в том числе в области культуры и политики. С этого момента, как ни странно, русское национальное самосознание встало на дыбы, и оно не успокоится до тех пор, пока русские сами будут определять свою духовную, культурную, государственную, всю социально-политическую жизнь. Славянофилы первыми попытались защитить подлинно национальную культуру и духовность, попранную в момент пресечения династии Рюриковичей и выходом на политическую арену Петра I, Елизаветы Петровны, Анны Иоанновны, Екатерины II, которые активно протекционировали всему иностранному. Партия славянофилов была гораздо слабее западников, которые при содействии царствующих особ успели взять под свой контроль образование, редакции газет и журналов, университетские и институтские кафедры, ученые советы по присуждению ученых степеней и званий. Безответственность Романовых зашла так далеко, что славянофилы просто не могли победить эту уже крепко сложившуюся машину западников. Ярким тому свидетельством стало отношение к М. В. Ломоносову иностранцев (немецких академиков) в Российской академии наук.

Вопреки якобы существующему социокультурному закону А. С. Ахиезера, славянофильство и западничество никогда не были и не будут как «равноправные голоса в диалоге», о чем он так печется в трехтомном сочинении. Эта его «теория» из разряда досужих умозаключений. Потому ныне, как никогда ранее, можно понять министра народного просвещения и президента Петербургской академии наук, графа С. С. Уварова, который в свое время пророчески писал: «если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовит ей теория, то я исполню свой долг и умру спокойно» [47].

А. С. Ахиезеру представляется, что граф С. С. Уваров – реакционер, стремившийся тормозить общественный прогресс, выдвинув знаменитую триаду «православие, самодержавие, народность», а на самом деле это была предельно перспективная, самая реальная формула образования. Она с учетом поправки на специфику

современной исторической ситуации совсем не устарела и для нынешнего общего образования. Ведь и сегодня существует противостояние между западничеством и почвенничеством.

Эти духовно-мировоззренческие школы никогда не найдут общего языка, т. к. у них в основе разные религии, разная философия жизни, разная культура и совершенно разные этика и мораль. Это было ясно уже А. С. Хомякову, Н. Я. Данилевскому, Т. Н. Грановскому и другим русским мыслителям. Никакого гибридного идеала, о чем пишет А. С. Ахиезер, в обществе никогда не существовало и существовать не может. Духовная жизнь, культура, в отличие от растений и животных, всегда предельно конкретна. Большие и малые нации заимствуют что-то друг у друга, но это заимствование так ассимилируют, что его очень трудно вычленить из национальной культуры. Даже христианство не смогло в России полностью отвергнуть языческие основы. Вначале существовало так называемое двоеверие, но и сегодня некоторые языческие обряды сохранились, а в некоторых регионах их даже реставрируют, чтобы почувствовать свою родственную и духовную связь со своими предками.

Если же культура в процессе заимствований разрушает фундаментальные собственные основы, то она прекращает свое существование.

В концепции А. С. Ахиезера есть еще один существенный недостаток. Он писал о постоянном кризисе в России, «заботился», чтобы в России не омертвело государство, утверждал, что Россия постоянно выбирает «колебательные маршруты», что в России существует «инверсионный тип принятия решений», что история России представляет собой «цепь переходов от одной крайности к другой» [48].

Но если причину всего этого он видит в недостатке культуры, то мы отметим другую, а именно отрицательную роль интеллигенции, куда мы относим и правящую элиту. Первыми поставили этот вопрос авторы «Вех» и сборника «Из глубины». При этом следует подчеркнуть, что вплоть до настоящего времени, хотя написаны десятки работ по истории культуры и интеллигенции, никто не пошел дальше этих авторов в оценке места и роли интеллигенции в историческом процессе России. При этом хотелось бы выделить роль и значение гуманитарной интеллигенции, которая больше всех влияет на умы и сердца людей. Многие недостатки и проблемы как нынешней, так и давно прошедшей истории порождены именно интеллигенцией и теми людьми, которые работают в высших сферах властных структур.

В таком случае вполне уместен вопрос: почему Россия никак не может воспитать такую интеллигенцию, которая была бы способна предотвратить бросание народа из одной крайности в другую, уверенно вела ее по пути развития своей культуры, своей экономики, своей государственности, своей политики? Ответ на этот сложный вопрос достаточно прост. В России определяли (особенно в XVIII–XX вв.) плохо образованные, малоквалифицированные (за редкими исключениями) люди, стоящие у кормила высшей власти, а в среде интеллигенции победу раньше и теперь при попустительстве и протекционизме онемеченных Романовых одерживали чуждые России западники. Они порой сознательно, часто по подсказкам извне приглашенных или позвонивших консультантов, разрушали жизненно важные российские центры, чтобы Россия не выдерживала конкуренции. В случае надобности они использовали даже локальные и мировые войны, постоянно прибегали к санкциям, то есть всячески мешали нашей стране успешно развиваться.

Чуждые духу русского человека, его ментальности, навязываемые сверху идеалы типа диктатуры пролетариата, классовой борьбы, социальной конкуренции, рыночной экономики, мировой революции, глобализации не могут полностью и окончательно овладеть народным сознанием.

Не стоит забывать и тот факт, что интеллигенция в России очень часто оказывалась продажной, оторванной от народа, легкомысленной, враждебно настроенной к государству. Об этом много сказано в известном сборнике «Вехи». Но не случайно еще в Новом завете, в Евангелии от Матфея, говорится: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей шкуре, а внутри суть волки хищные» [49]. А еще раньше там сказано: «Кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном» [50].

Мы не можем согласиться с историком А. Яновым, что только в России одно и то же политическое нововведение требуется вводить по нескольку раз. Это положение существует во всех странах, во всех социальных группах, политических партиях и даже семьях. А вот с его утверждением, что «Русская история … постоянно беременна трагедией» [51], согласиться можно. Только виноваты в этом не русская культура, не русский народ, а именно российская интеллигенция. Как русская, так и нерусская прозападно ориентированная интеллигенция. А. С. Ахиезер считает, что «в стране преобладает менталитет с господствующей инверсионной логикой» [52], а мы полагаем, что дело не менталитете народа, а в менталитете тех, кто организует столь провальные для России приватизации и «неуправляемый хаос», по терминологии Дж. Сороса.

Русское национальное самосознание было покалечено спекулятивно сформулированными социализмом, коммунизмом, пролетарским интернационализмом, классовой борьбой, искалеченным средним и высшим образованием, насильственным разрывом дореволюционных и советских идеалов, отринувших традиционную национальную мораль и религию. Был отчасти разрушен сам код русской национальной культуры.

Во втором томе сочинения А. С. Ахиезера особенно видны избирательность и предубежденность в оценке истории России. Это видно даже по названию глав. Когда правили В. Ленин и Л. Троцкий, тогда, оказывается, был «умеренный авторитарный идеал». То есть ГУЛАГ, «военный коммунизм», созданные ими, были умеренными. А ведь именно под их непосредственным руководством взрывали православные храмы, сбрасывали кресты, сжигали иконы и книги, расстреливали и ссылали сотни тысяч ни в чем не повинных людей. Это они высылали на «философском пароходе» лучшие умы России, топтали грязными сапогами тех, кто веками создавал экономику и культуру России. Ленина и Троцкого десятилетиями подавали нам, нашим детям и внукам как гениев современной эпохи, а они, как оказалось, принесли России бездну горя и унижения. Именно они породили тот раскол, о котором с удовольствием писал А. С. Ахиезер.

В предисловии ко второму тому он справедливо отметил, что исторический опыт передается из поколения в поколение, что он «существует в каком-то особом виде, принципиально отличном от той формы, в которой он представлен в историко-философских исследованиях. Этот опыт включает опыт общения людей в

семье, с соседями, с иными племенами и народами... как реагировать на оскорбления, что именно считать оскорблением» [53].

Он, верно, почувствовал, что на уровне обыденного сознания люди бывают мудрее оторванных от реальной жизни ученых. Они честнее, гораздо добрее, менее спекулятивны. Сам он не относился к этому типу людей, что чувствуется во всех его работах. Далеко не случайно ему показалось, что русский народ и русская культура расколоты, разобщены и не способны к уравновешенной, спокойной, нерасколотой жизни.

А .С. Ахиезер полагает, что его «теория социокультурного исторического процесса» способна «создать основу для оценки значимости отклонений от исторической инерции» [54].

Мы уже отмечали выше, что объяснить всю историю того или иного народа только через один какой-то измеритель (культуру, экономику, государство, мораль или право и т. д.) пока никому не удавалось, да и вряд ли это возможно. В таком случае история непременно получится в чем-то непременно урезанной, даже если измерителем будет выступать такой всеобъемлющий фактор, как культура. Она, как известно, тоже распадается на такие важные составляющие, как материальная, духовная, национальная, да еще и внутри каждой из них возможно много подразделений.

В том и состоит недостаток цивилизационного подхода, что у него нет необходимых измерителей исторического прошлого, а если они и есть, то носят весьма приблизительный, не всеобъемлющий характер. История же в отличие от философии наука точная, конкретная, если в нее не полезут неграмотные политики. Она требует не приблизительного, а предельно точного, всеобъемлющего анализа. Насобирать фактов, примеров, документов можно сколько угодно, но они непременно должны быть точны, сопоставимы, должны отражать самое существенное в том или ином историческом явлении. Спросите у И. М. Дьяконова, С. С. Аверинцева, Л. Н. Гумилева, Б. А. Рыбакова, И. Я. Фроянова, А. Кузьмина, всех, кто занимается или занимался сравнительно-историческим анализом эпох и цивилизаций, и вы непременно убедитесь, что культуры народов подчас просто несопоставимы по самым разным параметрам.

На наш взгляд, именно в этом и состоит необоснованность общечеловеческой культуры. Мы имеем ее высший, а не бытовой, обыденный уровень. А если вспомнить известного русского философа В. С. Соловьева и его позднее сомнение по поводу реализации, о его очень прогрессивной до сих пор концепции всеединства, то станет ясно, что социокультурная теория (по крайней мере, в обозримом будущем) пока может существовать не более как литературный факт, которых в истории науки было великое множество. А. С. Ахиезер и сам осознавал, что «Реальная история... не сводится к слепой ее экстраполяции... Она возникает как результат того, что в процессе воспроизводства сложившегося содержания культуры человек (осознанно или нет – это другой вопрос) каждый раз воспроизводит культуру... как бы заново, пропуская через себя, через свои способности и возможности, через свою исторически сложившуюся версию исторического опыта» [55]. Культура не только объективна, но и субъективна, и пока не ясно, чего в ней больше: всеобщего или единичного, индивидуального.

Поэтому говорить, а тем более сформулировать социокультурный закон, пока не представляется возможным. Даже применительно к прошлому, не говоря о будущем. На наш взгляд, законов культуры вообще не может быть, так как культуру духовную, ее высшие качества может определить только Бог. Человек слишком субъективен, меркантилен и ограничен.

Одним из серьезнейших недостатков концепции А. С. Ахиезера является то, что он постоянно выдает желаемое за действительное. Да ведь иначе и не докажешь постоянное присутствие раскола внутри российского общества. Так, говоря о победе советской власти в 1917 г., он писал, что «Она пыталась управлять страной на основе либерального идеала, в которой господствовала вечевая стихия, массовое стремление к локализму, к уравнительности, к натуральному хозяйству, к слому власти выше местного уровня» [56].

С приходом новой власти, по мнению А. С. Ахиезера, «восторжествовали идеи славянофилов, утверждающие высокую ценность народного духа. Восторжествовали идеи западников, поскольку новый идеал включал ценности западной науки и модернизации. Восторжествовали великие нравственные ценности Аввакума, поскольку единственная высшая Правда воссияла на вершине власти. Восторжествовал идеал апологетов сильной государственности, таких как К. Леонтьев; восторжествовала вера Н. Федорова в ничем не ограниченные возможности человека. Восторжествовали интересы рабочего класса во всем мире... Восторжествовала исконная мессианская идея русского народа, начало осуществляться его предназначение в мире» [57].

Но если внимательно прочитать всю эту тираду, то подготовленный читатель непременно поймет спекулятивность данного текста А. С. Ахиезера. Ничего этого в действительности не было. Потому что восторжествовать может либо одна идеология (славянофильство), либо другая (западничество). Логика исторического процесса, которую игнорирует А. С. Ахиезер, не терпит суеты и неточности. Кстати, И. В. Сталин ввел курс формальной логики даже в школах.

Пытаясь выдать лишь гипотезу за аксиому, А. С. Ахиезер любит прибегать к приблизительности и наукообразности. Вот что он пишет далее: «Народная Правда и научная истина, вообще говоря, совершенно разные и даже противоположные явления. Правда – нравственный идеал традиционного общества, тогда как истина науки – мысль, претендующая на соответствие некоторому объективному содержанию» [58]. И что, спрашивается, в этом «глубокомыслии» глубокомысленного?

А. С. Ахиезер не прав, утверждая, что после прихода к власти большевиков «в обществе массовой силой во всем многообразии своих функций стала возрождаться община, которая явилась результатом более древних, изначальных форм» [59]. По его мнению, будто бы эта община «сломила столыпинскую реформу и заняла прочную оборону против больного общества, заставив, в частности, большевиков принять уравнительную земельную политику, органически враждебную частной собственности» [60].

Видимо, А. С. Ахиезеру «было неизвестно», что аграрная реформа П. А. Столыпина (1906–1911) была насильственно прекращена убийством самого реформатора, думавшего о крепких индивидуальных крестьянских хозяйствах. Большевики, по признанию В. И. Ленина, опасались, что царь внедрит идеи Столыпина в жизнь, и тогда «социалистическая революция» в России будет уже не нужна.

Что касается советских колхозов, то их нельзя сравнивать с общиной, поскольку в них была принципиально иная организация труда, иное распределение результатов труда, другие производственные отношения. К большому сожалению, большевики, как и П. А. Столыпин, не оценили общины.

Любопытно, что, доказывая существование общины после 1917 г., А. С. Ахиезер ссылается на работу П. Н. Зырянова, в которой анализируется крестьянская община 1907–1914 гг. [61]. Он добывал фактический материал не в архивах, где мог бы найти необходимые, ранее закрытые документы, а в устаревшей литературе. Например, в книге Н. А. Миненко (вышла в свет в 1979 г.), в статье В. П. Данилова (1973 г.). Ссылается А. С. Ахиезер и на идеологически ориентированную работу С. П. Трапезникова, который утверждал, что Октябрьская «революция приостановила распад общины», а аграрные реформы советской власти привели к «возрождению и развитию общинного землепользования» [62].

Здесь стоит напомнить о том, что известный отечественный экономист А. Н. Кауфман уже в советское время тоже заявлял о том, что «славянская родовая община превратилась в крестьянскую поземельную общину, которая сохранилась на протяжении всей русской истории» [63]. Но этот тезис фактически не подкреплен доказательствами.

Говоря об истории общины, следует сделать еще одно замечание. А. С. Ахиезер, как и многие другие авторы, писал, что «личность растворялась в общине» [64]. Письмо И. Л. Чернышева, которое он цитирует, говорит о личности очень мало. Такого уровня частные мнения, во-первых, возникают постоянно и не только в общине, где люди думают серьезно о рациональном ведении хозяйства, во-вторых, полезное, целесообразное никогда не отвергалось общиной или сходом. А. С. Ахиезер прав, что сход представлял не лиц, а семьи, дворы [65], но тут нет никакого противоречия. Глава семьи приносил на сход «отработанное» дома решение, где участвовали все взрослые. При этом надо иметь в виду, что сход на 80 % (если не больше) решал проблемы, которые выходили за пределы одной личности.

Крестьяне были правы, когда стали сомневаться в советской власти и ее лозунгах. Они были правы в том, что сохраняли «глубоко архаичные локальные формы социальных отношений и нравственного идеала» [66], иначе подлинно национальная культура была бы давно растоптана экспериментаторами «от власти». Но «новое не имело выбора» [67], новая власть этот выбор как раз имела. Но сначала она объявила крестьянам классовую борьбу, организовала продразверстки, допустила голод 1921 г., а только потом выбрала путь кооперации и новой экономической политики.

События 1917 г. никоим образом нельзя трактовать как «фактически крестьянскую революцию» [68]. Ни по задачам, ни по движущим силам.

Сомнительно и утверждение А. С. Ахиезера о том, что благодаря революции в стране «возник узкий слой, способный к напряженнейшей организационной работе». Такой слой в России был и до 1917 г., иначе вообще кто бы такой работой в стране занимался. Попытка А. С. Ахиезера представить Россию до 1917 г. какой-то неорганизованной и полностью дезорганизованной политически и идеологически сильно натянута. Прежде всего, потому, что дезорганизация, о которой он, собственно, ведет речь, пришла в нашу страну уже в военное время, в условиях Первой мировой войны, когда под влиянием политического противоборства

различных оппозиционных сил (партий, движений и проч.) власть не справилась с задачами организации фронта и тыла. Но тогда не надо клеветать на страну и на власть, необходимо честно указать на виновников такой дезорганизации и не называть их «новым слоем способных людей».

Никак нельзя согласиться с мнением А. С. Ахиезера о том, что «соборный идеал амбивалентен авторитаризму», что он несет в себе жесткое закрепощение человека за его местом в общине» [69]. Пожалуй, А. С. Ахиезер вообще не разобрался в смысле соборности, постоянно путая ее с общинностью. Соборность предполагала совместное служение высшим идеалам и ценностям русского духа, православной веры, тогда как общинность представляла собой специфическую форму коллективизма и способ совместного решения текущих хозяйственных и бытовых проблем. Кроме того, отношения в общине строились на основе обычного, а не государственного права. Понятие «соборность», таким образом, не тождественно понятиям «сход» или «вече». Оно несет несколько иную смысловую нагрузку: принятие совместных решений во имя высоких целей. В соборе люди не галдят, как на рынке или на сходе.

Соборность не предполагала никакого «жесткого» закрепощения, а тем более хоть какого-то диктата. Для общины был характерен дуализм коллективного и частного начал, о чем или не знает, или сознательно умалчивает автор. Функции общины распространялись на взаимопомощь, регулирование межкрестьянских отношений, представительство интересов крестьян в государственных органах, регулирование повинностей, содержание культовых учреждений, передаче опыта старших младшим, ибо позднее этим вплоть до настоящего времени должна была семья. Человек мог спокойно перейти из одной общины в другую. Автор имеет в виду что-то другое или из другой эпохи. Но и то и другое, не соответствуют исторической истине.

И уж никак нельзя согласиться с его утверждением, что В. И. Ленин стоял на позициях соборного идеала. Он, как известно, не принадлежал к русской культуре ни по происхождению, ни по воспитанию, а потому он просто не знал и не любил ее. Иначе он не мог бы сказать, что у русских «говно», а не мозги. Не случайно и в состав своего правительства он предпочел взять не русских людей. Тех, кто по-настоящему был достоин занять место в правительстве, он со своими единомышленниками выгнал из России или расстрелял. Разве можно говорить о принадлежности его к соборному идеалу, если он был убежденным атеистом, не мог терпеть священнослужителей и приказал их беспощадно стрелять, как бешеных собак? Он установил личную диктатуру в партии (Вспомните резолюцию X съезда РКП (б) «О единстве в партии»), делал все, что приходило ему в разгоряченную голову. Вот то, что он был вынужден иногда «следовать соборному идеалу», это верно. С. А. Ахиезер отмечает, что «массовый соборный идеал и его интерпретация правящей элитой не были абсолютно тождественны» [70]. Точнее было бы сказать, что идеалы их были глубоко различны.

Но автор и тут говорит неправду. Он пишет: «секретом не было то, что Ленин отчетливо осознавал различия своей доктрины и массовых ценностей крестьянства» [71]. Но ведь и славянофилы не говорили, что «каждая кухарка способна управлять государством», а для В. И. Ленина, а тем более его неграмотного окружения это было привычной демагогической уловкой. Это как раз и отличает запад-

ников от славянофилов, которые не способны на обман родного народа. Вспомним оценку А. М. Горьким власти большевиков в 1917 г.: «Новое начальство столь же грубо, как и старое, только еще меньше благовоспитанно. Орут и топают ногами в современных участках, как и прежде орали. И взятки хапают, как прежние чинуши хапали, и людей стадами загоняют в тюрьмы. Все старенькое, скверненькое пока не исчезает» [72].

Поэтому рассуждения о «торжествующем локализме», «псевдосинкретизме», «инверсиях глобального периода», «инверсионных волнах» и т. д. – плод кабинетных вымыслов, предельно оторванных от реальной жизни. А. С. Ахиезер пытается в своей книге все время выискивать доказательства закономерности социалистической революции, гнилости империализма, бесперспективности капитализма и врожденных способностях кухарок в управлении государством и т. д и т. п. Но ни слова об обмане новой властью собственного народа. А ведь, еще выступая на VII экстренном съезде РКП (б), В. И. Ленин заявлял делегатам, что «Советская власть есть новый тип государства, без бюрократии, без полиции, без постоянной армии» [73]. И уж совсем смешно, когда А. С. Ахиезер полагал, что идеи В. И. Ленина «вполне в духе славянофилов» [75].

Если бы эти утверждения показать А. Хомякову, Ю. Самарину, Киреевским, они бы просто пришли в недоумение: как можно путать божий дар с яичницей? Но по поводу этой самой «яичницы» А. С. Ахиезер пишет: «Многочисленные критики ленинизма прошли мимо этого фундаментального взаимоперехода» [76], то есть авторитарного идеала, в соборный, и наоборот. И тут же себя опровергает. Ведь славянофилы жили традиционными русскими ценностями, духовным опытом русского народа, тогда как В. И. Ленин, по мнению А. С. Ахиезера, «жил ценностями мировой культуры» [77].

Любопытны и другие выводы А. С. Ахиезера по периоду военного коммунизма. Он полагает, что этот период открыл «важную тайну истории страны», что «реальный уровень товарно-енежных отношений... является... одновременно результатом вынужденной ненавистной потребности работать на продажу» [78]. Мы уже отмечали выше очень характерную деталь научного мышления и сочинений А. С. Ахиезера, когда он в одном и том же предложении, а иногда в соседнем утверждает, по сути, разные вещи. Делает это тонко, витиевато, но всегда с намерением показать несовершенство русского человека.

В выводе об уровне развития товарно-денежных отношений в деревне он и не предполагает, что главная причина не в «ненавистной потребности работать на продажу», а в том, что высокий уровень товарности хозяйства возможен только при личной заинтересованности каждого работника.

Антиисторизм «методологии» А. С. Ахиезера приводит его к выводу о том, что «без понимания этого (т. *е. уровня развития товарно*-денежных отношений, снижения товарного производства, ненавистной потребности работать на продажу – В. Л.) нельзя понять... таких явлений, как Великая Смута XVII века, массовая активизация общины и наконец существо военного коммунизма» [79]. Какое отношение все это имеет к Смуте XVII века? Это останется тайной для читателей опуса А. С. Ахиезера.

Анализ объемного труда А. С. Ахиезера позволяет сделать некоторые выводы общего характера:

1. Автор неоригинален в своей концепции по той причине, что в основу своих рассуждений положил не столько культуру, сколько общину. Он близок по взглядам немецкому историку Г. Л. Мауреру (1790–1872), создателю общинной (марковой) теории. Маурер также использовал сравнительно-исторический метод и исходил из убеждения о неизменности общины, допускал смешение исторических эпох. Из русскоязычных авторов он ближе всего к К. Д. Кавелину и особенно Н. И. Костомарову. У последнего он заимствовал и идею раскола, как общей тенденции русской истории.

2. А.С. Ахиезер не прав, когда корни русской культуры усматривает в манихействе. Действительно в христианском миропонимании имеются два полюса, две крайности, но обе ложные в своей односторонности. Один – манихейство, проповедующее непроходимую пропасть между Богом и миром, а другой – пантеизм, или космотеизм, принимающий мир таким, какой он есть. Манихейство ближе протестантам, а не православным. Православию ближе идея Богочеловечества, которая лежит в основе софиологии и учения о Святой Троице. Поэтому подача русской культуры как манихейской не соответствует ни богословской, ни исторической традиции. Такая трактовка генезиса русской культуры и православия ошибочна. Она ближе к сути только язычества, древней мифологии, но не православия. А отказ на этом основании русской культуре в возможности и наличии «срединной» культуры – грубая ошибка. По крайней мере, вся подлинно музыкальная, художественная и духовная культуры всегда имели не только срединный, но и общечеловеческий характер. Еще Е. Н. Трубецкой не случайно подчеркивал, что дуализм «чужд духу христианского жизнепонимания» [80].

3. Если А. С. Ахиезер серьезно претендует на авторство в создании новой социокультурной теории и открытии социокультурного закона, то ему нельзя было ограничиваться анализом только политической культурой народа. Политическая культура, если ее можно считать таковой, является самой малой частью большой материальной, духовной и художественной культуры, о которых у автора совсем ничего не говорится.

4. А. С. Ахиезер постоянно путает неинформированность народа и культуру народа. Неинформированным может быть не только крестьянин или рабочий, но и доктор наук. Следовательно, менталитет и культура – разные понятия.

5. Вряд ли целесообразно в исследовании концентрировать внимание на катастрофизме истории, поскольку такого рода выводы разрушают положительный идеал народа и отрицательно сказываются на воспитании подрастающего поколения.

6. Нельзя абсолютизировать, а тем более подавать в качестве закона или закономерности раскол российского общества.

7. Нельзя абсолютизировать и использовать в качестве измерителя качества исторического процесса той или иной страны только один показатель, как, например, экономику (К. Маркс), государство (С. М. Соловьев и В. О. Ключевский), культуру (Н. И. Костомаров, П. Н. Милюков, А. С. Ахиезер). Генезис, течение и будущее исторических процессов настолько сложны и разнонаправленны, что, по сути, каждое явление истории необходимо изучать, используя их все сразу, опираясь на многообразную базу источников.

8. Народная воля и народная культура могут быть выявлены только национально мыслящими историками и практическими политиками. Н. Я. Данилевский справедливо писал, что «все явления общественного мира суть явления национальные и как таковые только и могут быть изучены и расматриваемы» [81]. Исконно российские основания организации общества свидетельствуют о том, что «критика» исторического опыта развития России и ее народа со стороны А. С. Ахиезера не является ни научной, ни объективной, ни правдивой.

Библиографический список

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. М: Издательство Философского общества СССР, 1991, с. 7.
2. Указ, соч., Т. 1, с. 21.
3. Там же, с. 22.
4. Там же, с. 24.
5. Там же, с. 26.
6. Там же, с .27.
7. Там же, с. 30.
8. Там же, с. 47.
9. Таи же.
10. Там же, с. 56.
11. Там же, с. 63.
12. Там же.
13. Там же, с. 78.
14. Там же, с. 81.
15. Там же, с. 82.
16. Там же, с. 85.
17. Там же, с. 87.
18. Там же.
19. Там же, с. 88.
20. Дьяконов И. М. Пути истории. М: Восточная литература, РАН, 1994, с. 20.
21. Там же, с. 21.
22. Ахиезер А. С. Указ, соч., с. 119.
23. Там же, с. 111.
24. Там же, с. 114.
25. Там же, с. 115.
26. Там же.
27. Шагинян М. С. Человек и время. М: Художественная литература, 1980. с. 282.
28. Ахиезер А. С. Указ. соч. С. 116.
29. Там же, с. 213-214 и др.
30. Там же, с. 120.
31. Там же, с. 214.
32. Там же, с. 141.
33. Там же с. 143.
34. Там же, с. 144.
35. Там же.
36. Там же, с. 121.

37. Там же.
38. Там же, с. 123.
39. Библия, -М: 1988, гл. 7, с. 7.
40. Ахиезер А. С. Указ, соч., с. 131.
41. Там же, с. 132.
42. Там же, с. 135.
43. Там же, с. 197.
44. Там же.
45. Там же.
46. Чаадаев П. Я. Философические письма В кн.: Россия глазами русского. СПб: Наука, 1991, с. 22.
47. АхиезерА. С. Указ, соч., с. 210.
48. Там же, с. 312.
49. Библия. – М: 1988, Новый завет, гл. 7. с. 9.
50. Там же, гл. 5, с. 4.
51. Янов А. Если перестройка потерпит поражение «Общественные науки, 1990, Ns 3, с. 46-47.
52. Ахиезер А. С. Указ, соч., с. 316.
53. Ахиезер А. С. Указ, соч., Т. 2, с. 4-5.
54. Там же, с. 6.
55. Там же.
56. Там же, с. 8-9.
57. Там же, с. 10-11.
58. Там же, с. 12.
59. Там же, с. 13.
60. Там же.
61. Зырянов П. Н. Земельно-распорядительная деятельность крестьянской общины в 1907-1914 гг. Исторические записки, 1988, №116, с. 7
62. Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М: Наука, 1976, Т.2, с. 77, 79.
63. Ахиезер А. С. Указ, соч., Т. 2, с. 14
64. Там же, с. 15
65. Там же
66. Там же, с. 17
67. Там же
68. Там же, с. 18
69. Там же, с. 55
70. Там же, с. 56
71. Там же
72. Горький А. М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М: Советский писатель, 1990, с. 101.
73. АхиезерА. С. Указ соч., Т.2, с. 75
74. Ленин В. И. Поли. Собр. соч., т. 36, с. 51
75. АхиезерА. С. Указ соч. т.2, с. 76
76. Там же
77. Там же

78. Там же, с. 108
79. Там же, с. 102
80. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М: Республика, 1994, с. 102
81. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М: Книга, 1991, с. 160

8.2. Антисоветизм и русофобия как препятствия на пути развития российского общества

Исторический опыт является важным ресурсом научной и практической реконструкции социальной реальности, в который все мы живем. В качестве суммы накопленных «проб и ошибок», достижений и неудач он нуждается в постоянном переосмыслении в соответствии с вызовами времени. Точно, как об этом писал когда-то А. Тойнби, сформулировавший свой закон исторического развития «Вызов – Ответ» [1].

Прошло 30 лет с момента распада Советского Союза. Это была великая держава, наш народ все еще хранит воспоминания о ней и о советском прошлом. Нам есть чем гордиться. Мы совершили индустриальный рывок, каких не было никогда в истории. Мы победили чуму XX в. – немецкий фашизм. Мы первыми вышли в открытый космос. У нас было лучшее в мире здравоохранение и образование. И многое, многое другое! И хотя по историческим меркам Советский Союз просуществовал недолго, менее 70 лет (1922–1991), но значение, которое он сыграл в мировой и отечественной истории, никак нельзя умалять, а тем более отрицать, шельмовать, извращать. Это же касается и советского периода нашей истории в целом (1917–1991).

В прошлом многие великие державы существовали и того меньшее время, оставляли и того более слабый след в истории, чем Советский Союз. Империя Александра Македонского распалась сразу после смерти полководца. Империя Чингисхана распалась почти сразу после его смерти. Империя Тамерлана – аналогично. И таких примеров десятки. Но никто из ученых никогда не сомневался в том значении, которое сыграли такие государства в историческом процессе. Почему же нынешние «критики» так активно пытаются навязывать обществу собственные негативные оценки?

Ответ достаточно очевиден. Потому, что после распада СССР в нашем обществе стал с еще большей силой, чем прежде, распространяться открытый и агрессивный антисоветизм. Любые попытки тщательного рассмотрения советского исторического опыта начали трактоваться как апологетика. Стало предаваться очернительству и фальсификации наше прошлое, наши достижения, наша история. Об этом сегодня пишут многие авторы [2; 3; 4], но, как говорится, «процесс пошел»… Нас стали убеждать, что прошлое – одно сплошное плохое, что нам нечем даже гордиться. И что советский режим изначально был агрессивен по отношению к странам Запада.

Но обратимся к изначальным документам той эпохи. Еще до образования Советского Союза в марте 1921 г. X съезд РКП (б) принял резолюцию под названием «Советская республика в капиталистическом окружении». В ней, в частности, было сказано следующее: «Капиталистические державы в течение трех лет путем

вооруженных нападений пытались ниспровергнуть Советскую власть, низвести Россию до роли колонии и, таким образом, превратить русское сырье и русских рабочих и крестьян в источник прибыли для иностранного капитала. Геройскими усилиями трудящихся Советская республика отбила эти попытки и тем завоевала себе возможность вступить в общение с капиталистическими государствами как независимое государство, на основе обязательств политического и торгового характера» [5, с. 207]. Ни слова о классовой вражде, мировой революции, военной агрессии, уничтожении «гнилого капитализма»…

А вот более свежий пример нашего восприятия западных ценностей: «До тех пор, пока неизбежные компромиссы не возмущают Вашей совести, но способствуют согласной деятельности на общую пользу – они не только возможны, но и необходимы» [6, с. 246].

Тем не менее западные страны сразу же после появления советской власти стали проводить свою антисоветскую политику. И в этом нет ничего удивительного. Поскольку антисоветизм изначально возник на почве отрицания самого права нашего народа на строительство социализма и на формирование новой, советской модели государственности. С одной стороны, он прикрывался его сторонниками рассуждениями о праве на свободомыслие и на необходимость дискуссий, заявлениями о конструктивном обсуждении и критике социалистических и коммунистических идей и советских проектов. Но вот только «целились в коммунизм, а попали в Россию» (А. А. Зиновьев).

С другой стороны, он, этот самый антисоветизм, поддерживался и до сих пор поддерживается извне открытыми врагами нашей страны, их финансовыми, материальными, организационными и идеологическими ресурсами. В связи с этим антисоветизм даже приобрел одну из своих устойчивых разновидностей – западничество. Или, иначе говоря, он слился с западничеством, которое исторически возникло намного раньше, но которое всегда служило формой антирусского, антироссийского идейно-теоретического противостояния в обществе.

Известно, что западниками были многие видные персонажи российской истории. Искать истоки западничества можно в разных эпохах нашей истории. Например, в эпохе Ивана IV Грозного. Его переписка с бежавшим из страны Андреем Курбским, упрекавшим Русь в заскорузлости и отсталости и хвалившим польские и литовские порядки, вполне говорит о западничестве последнего.

Истоки западничества можно также найти и в эпохе Пера Великого, начиная с которого представителей российской интеллигенции стали регулярно посылать на Запад учиться и стажироваться. Сам император, в частности, отправил своего фаворита П. С. Салтыкова, будущего российского генерала-фельдмаршала, для учебы морскому делу во Францию. Полагая систему образования в нашей стране отсталой, Петр I искренне верил, что подобным способом он может поднять ее до уровня передовых стран. Но с профессиональным обучением в Россию пришло и западное идеологическое влияние.

После смерти Петра I практика «учебных командировок» была продолжена его преемниками. Так, студенты Московского университета С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков по указанию графа И. И. Шувалова, фаворита императрицы Елизаветы Петровны, были командированы в Великобританию (Шотландию) в университет Глазго для обучения юриспруденции, математике, химии и истории.

Впоследствии С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков стали первыми русскими профессорами политической экономии, поскольку учились у самого Адама Смита. Но, что интересно, С. Е. Десницкий, еще будучи в Шотландии, был принят в масоны, а по возвращении в Россию стал основателем петербургской масонской ложи «Осирис». Таким способом, в то время идеи Запада попадали на русскую почву.

Распространенным было западничество и при Александре I. Например, открытыми англофилами были Н. С. Мордвинов и М. М. Сперанский. Правда, масонов Александр I запретил, издав 13 августа 1822 г. рескрипт «О запрещении тайных обществ и масонских лож». Уж больно много развелось масонов в политической элите российского общества. Но российское масонство никуда не делось, оно лишь ушло в тень.

Не вдаваясь в дальнейшую историю, отметим только, что масонство родилось в недрах умирающего феодализма как идеология буржуазии, стремившейся утвердиться в обществе и реализовать свои интересы самыми разными способами, в том числе и мистическими, тайными. Например, осуществляя заговоры или дворцовые перевороты или дискредитируя неугодных политиков и т. д.

Очередное распространение масонство в России получило уже в XIX – начале XX вв. Ко времени Февральской революции 1917 г. Россия уже была покрыта густой сетью масонских лож. Через них как раз и шло раскачивание внутриполитической ситуации, идеологическое воздействие на общественное сознание в целом и на российское руководство в частности.

Известно, что даже Николай II одно время поддерживал масонов, но затем вышел из масонской ложи (мартинистов). Тем не менее его дяди великие князья Николай и Петр Николаевичи были «заядлыми» масонами. Масоном был и будущий глава Временного правительства А. Ф. Керенский (ложа «Малая Медведица), и председатель III Государственной думы А. И. Гучков, и многие другие видные политические деятели России, сыгравшие свою нелицеприятную роль в крушении монархии [7].

По большому счету, за работой российских масонов в 1914–1917 гг. стояли откровенная русофобия и желание союзников (прежде всего, Великобритании) держать нашу страну в состоянии войны с Германией. Этим в значительной степени и объяснялось активное влияние Великобритании в революционных событиях 1917 г. [8]. При этом, как справедливо отмечал Н. А. Бердяев, «в конце XIX и в начале XX века в масонстве преобладали направления атеистические и воинствующие, антихристианские» [9, с. 227]. Рассуждая далее о социальной основе масонства, он указывал: «Политические европейское масонство есть сейчас направление буржуазного радикализма. Менее всего масоны коммунисты. Масонство есть чисто буржуазная идеология, и духовно буржуазная, и социально буржуазная. Вокруг него группируются левые и свободомыслящие буржуазные элементы, представляющие буржуазного прогрессистского гуманиста. Господствующая идеология масонства, в сущности, очень плоская, это есть самая банальная вера в прогресс и в гуманность, непонимание глубокого трагизма мировой истории. Мистические и оккультные элементы в масонстве ослабели и остаются пережитком прошлого…» [9, с. 227].

В этих рассуждениях много справедливого, особенно что касается форм и содержания масонства и их исторической эволюции. Но в понимании сущности ма-

сонства Н. А. Бердяев глубоко заблуждался, полагая их «плоской идеей – верой в прогресс и гуманизм». Главная идея (сущность) масонства всегда и везде была одна и та же – захват вышей власти, подчинение общества и государства. Именно поэтому появление любого нового формата государства всегда вызывало у масонов повышенную активность и было связано с обострением политической борьбы в обществе. В разных условиях эта борьба носила и разный характер. Как правило, она приобретала скрытые формы и проводилась в форме заговоров, организованных против конкретных лиц. Поэтому нельзя согласиться с Н. А. Бердяевым, который сбрасывает со счетов «теорию заговора» и весьма критично оценивает отношение к масонству, когда пишет: «Отношение к масонству… носит характер исключительно эмоциональный, а не познавательный. Этот интерес рожден на почве патологической мнительности и подозрительности» [9, с. 224]. И далее: «В основе концепции масонства, изобличающей его зловещую мировую роль, лежит философия истории, до крайности переоценивающая значение сознательно организованных и централизованных сил в мировой истории» [9, с. 224].

Отношение к масонству со стороны российского государства по большей части было все-таки крайне настороженным, а порой и открыто враждебным. Поначалу власть даже симпатизировала масонству. Ведь по легенде его привез в Россию чуть ли не сам Петр I. А при Екатерине II масоны открыто устраивали в столице свои вечера. Первый русский Великий магистр Иван Елагин организовал первую Великую ложу России. Мода на масонство росла.

В 1770 г. Иван Перфильевич Елагин получил официальное разрешение от берлинской ложи «Ройял Йорк» на открытие первой в России провинциальной великой ложи и стал ее великим мастером. В 1772 г. Елагин обратился в первую великую ложу Англии и вторично получил разрешение на открытие ПВЛ. Ему присылают патент провинциального великого мастера. Кроме самого И. Елагина, в возглавляемую им провинциальную великую ложу в Санкт-Петербурге входили такие известные в то время масоны, как граф Р. И. Воронцов (наместный мастер), генерал-майор А. Л. Щербачев, князь И. В. Несвицкий и другие.

Под управлением великой ложи, возглавляемой Елагиным, в первой половине 70-х гг. XVIII в. й Елагинской масонской системе лож, стала так называемая «Шведская», или «Циннендорфова система», основанная приехавшим в Россию из Берлина в 1771 г. бывшим гофмейстером Брауншвейгского двора П. Б. Рейхелем. В 1772–1776 гг. Рейхель основал несколько лож:

– ложа «Аполлона» (Санкт-Петербург);
– ложа «Гарпократа» (Санкт-Петербург);
– ложа «Аполлона» (Рига);
– ложа «Изиды» (Ревель);
– ложа «Горусы» (Санкт-Петербург);
– ложа «Латоны» (Санкт-Петербург);
– ложа «Немезиды» (Санкт-Петербург).

В среде российского масонства происходила постепенная политическая активизация. Примером может служить известный масон Николай Иванович Новиков, который пытался вовлечь в масонство даже членов императорской семьи. Недовольство Екатерины II вызвали попытки Н. Новикова и его друзей привлечь в масонскую ложу наследника престола Павла Петровича. А также попытки критиковать русское

православие и активно пропагандировать европейский протестантизм. Приняв православие и отказавшись от протестантизма, Екатерина II была последовательной в своей политике до конца. После суда Н. Новиков был помещен в Шлиссельбургскую крепость (1792), из которой был освобожден только Павлом I (1796).

Но очень скоро ситуация поменялась еще больше. Масоны стали проповедовать революционные идеи, открыто призывать к смене политического устройства. Известный русский поэт Г. Р. Державин (1743–1816), которого российские масоны желали видеть в своем ордене (что следует из записки масона князя Н. Н. Трубецкого поэту А. А. Ржевскому) и который вполне сочувствовал им (хотя сам в орден все-таки не вступил), выразил общую политическую установку деятельности российских масонов следующим образом:

Цари!
И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет;
И вы подобно так падете,
Как ваш последний раб умрет.

При внешней напускной толерантности подавляющая часть масонов выступала против власти. Это проявлялось не только в критике царизма, но и в открытых призывах к свержению монархии.

В этой связи вспомним пример с А. Н. Радищевым, который сначала был обласкан властью, даже отправлен в Лейпциг на обучение за счет казны (именно в Германии А. Н. Радищев и был принят в масонство). А по возвращении в Россию – удачно трудоустроен (с 1790 г. – начальником Санкт-Петербургской таможни).

Но 30 июня 1790 г. коллежский советник, кавалер ордена Св. Владимира сорокалетний А. Н. Радищев был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Обвинение против А. Н. Радищева сформулировала сама Екатерина II сразу после того, как закончила чтение его книги «Путешествие из Петербурга в Москву».

В своем указе она написала, что книга А. Н. Радищева наполнена «самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное к властям уважение, стремящимися к тому, чтобы произвесть в народе негодование противу начальников и начальства, наконец, оскорбительными изражениями противу сана и власти царской» [10, с. 160].

Интересно также, что А. С. Пушкин, характеризуя А. Н. Радищева, называл его «политическим фанатиком», а его поведение – «действием сумасшедшего» [11, с. 190–191].

Возникает естественный вопрос о причинах столь жесткой реакции верховной власти на книгу А. Н. Радищева. Во-первых, необходимо иметь в виду революционные события, начавшиеся во Франции. Страх императрицы был небезосновательным. «В 1792 г. распространяется тревожный слух о «легионе убийц», посланном из Парижа, – и уж факты ложатся в фантастическую схему: скоропостижная кончина австрийского императора Леопольда II 1 марта 1792 г., убийство шведского короля Густава III 5 марта того же года» [12, с. 45–46]. Добавим сюда казнь Людовика XVI, состоявшуюся 21 января 1793 г. Таким образом, Екатерине II было чего опасаться.

Во-вторых, необходимо учитывать и внутренний фактор: пережитые страхи от недавнего восстания Е. Пугачева (1773–1775), противоборство двух политиче-

ских партий в России. Партия сторонников Павла, сына императрицы и будущего императора, была как никогда сильна. Она вполне могла организовать очередной дворцовый переворот, подобный тому, какой организовала сама Екатерина II, устранив своего супруга Петра III. Тем более что отношение к престолонаследнику в российском обществе было весьма воодушевляющим. «Павел – кумир своего народа», – докладывал в Вену австрийский посол А. Й. Лобковиц [12, с. 39].

Партии Павла симпатизировали и российские масоны, одним из которых, как известно, был А. Н. Радищев. Поэтому столь жесткая реакция на «измышления» последнего служила своеобразным сигналом для остальных российских масонов, чтобы они «поумерили свой пыл» и сохраняли преданность Екатерине II.

Время середины XVII в. оказалось периодом их наибольшей активности не только в России, но и в Европе. Как раз в 1778 г. вышел в печати трактат известного немецкого масона Э. Лессинга (1729–1781) «Эрнст и Фальк. Диалоги о масонах», где формулировалась идея разрушения европейских монархий и создания всемирного «гуманистического государства» [7, с. 231].

Учитывая эти обстоятельства, становится понятной реакция Екатерины II. За крамолу автор «Путешествия из Петербурга в Москву» сначала был приговорен судом к смертной казни (1790), которую затем заменили ссылкой в Сибирь на десять лет (реально он пробыл в ссылке с 1790 по 1797 гг.).

О влиянии масонства в стране можно судить хотя бы по тому, насколько кратковременной и при этом мягкой и комфортной была ссылка А. Н. Радищева, как радушно принимали его губернаторы и градоначальники сибирских городов, какова была свобода его передвижения и связь со столицей [13, с. 288–300].

Исторически, по мере превращения самой России в великую и передовую державу, западничество само по себе и в своих различных модальностях (в том числе и масонства), стало проявлением нашего провинциализма, комплекса неполноценности и хорошей почвой для протаскивания в наше общество и наше сознание разного рода враждебных идей.

В XX столетии западничество в еще большей степени превратилось в форму антирусского, антироссийского «самосознания» части нашей интеллигенции. И в этом плане масонство служило конкретным механизмом распространения не просто вольнодумства, инакомыслия, но и неприятия всего русского, национального, начиная от традиций и обычаев народа и заканчивая нормами его национального и политического самоопределения.

Подобный феномен четко отмечался еще в начале XX в. в известном сборнике «Вехи». Так, С. Н. Булгаков писал, что русской интеллигенции присущи черты религиозности, либерализм она воспринимает как религиозную догму, как абсолют [14, с. 47]. Будет, наверное, справедливым отметить, что именно С. Н. Булгаков первым (или одним из первых) обратил внимание и на то, что марксизм российская интеллигенция воспринимала как новую религию [15]. Эти суждения подтверждает В. В. Леонтович, когда отмечает, что в среде российской интеллигенции «преобладало стремление к либеральному абсолютизму» [16, с. 309].

Но вернемся к сути вопроса. После возникновения Советского Союза традиционная русофобия, зародившаяся изначально посредством западничества и масонства, постепенно эволюционировала в свою новую разновидность – антисоветизм.

И если после Февральской революции 1917 г. характер государственной власти масонов вполне устраивал (многие из них оказались в числе ее представителей), то с появлением советской власти ситуация принципиально изменилась. И дело тут не в том, что одни персонажи сменили других (по разным данным в 1908 г. В. И. Ленин в Париже тоже вступил в масоны, полагая «сотрудничество» с ними взаимовыгодным [17]). Дело в том, что большевики попытались просто использовать масонов как трамплин для прихода к власти, а затем этот трамплин отбросить. Но «не платить по счетам» для них оказалось непросто. Что и как в этом отношении происходило – тема отдельного исследования. Мы можем лишь согласиться с мнением о том, что история взаимоотношений масонства и Советской власти все еще слабо изучена [18; 19]. Поэтому не случайной стала ликвидация масонских организаций в Советском Союзе в 1920–1930 гг. [20]. Это среди всего прочего существенно ослабило и российскую эмиграцию, которая через масонские каналы пыталась оказывать свое влияние на общественное мнение и политическую ситуацию в Советском Союзе. Поэтому ликвидация с масонством была воспринята ею в штыки и объявлена как борьба со свободой слова и демократией.

И, что не выглядит нисколько странным, именно в 1991 г. в нашей стране началось очередное возрождение масонства, создание масонских лож. В 1992–1993 гг. Великой национальной ложей Франции на территории РФ были созданы ложи «Гармония» и «Лотос» в Москве, «Новая Астерия» в Санкт-Петербурге и «Гамаюн» в Воронеже. В 1995 г. в Москве была учреждена Великая ложа России (ВЛР), ставшая первой национальной великой ложей, воссозданной после запрета масонства в 1822 г.

Сегодня деятельность масонов по большей части связывают с благотворительностью, но вряд ли это верно. Масонские организации остаются центрами современного антисоветизма. Их представители не воспринимают советскую историю и негативно относятся к советскому прошлому. И действуют, как правило, тайно, чужими руками, вовлекая в орбиту своего влияния политиков, деятелей культуры, науки, крупных предпринимателей и т. д.

Тайная работа «вольных каменщиков» в полной мере проявляется в распространении в нашем обществе уже в начале XXI столетия антисоветизме и русофобии.

Этому распространению способствует и норма ст. 13 Конституции Российской Федерации, в которой утверждается идеологическое многообразие и записано, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [21]. Странная, если не сказать больше, норма. Получается, что государство не имеет своей собственной идеологии. Или, иными словами, патриотизм вовсе не обязателен для его граждан, важнее – свобода слова.

Отталкиваясь от мифологем западной демократии, конкретные составители последней российской конституции (С. С. Алексеев, С. М. Шахрай и др.) допустили серьезный просчет, состоявший в легализации идеологического плюрализма и отказе от единой государственной идеологии. А тем самым – и в легализации западничества, русофобии и антисоветизма.

Откуда «растут ноги» у этих идеологических деформаций, можно судить по разным источникам. Приведем один из них. Это слова известного американского деятеля Алена Даллеса, сказанные им еще в 1945 г., когда он был секретарем Совета по международным отношениям США, то есть еще до его назначения ди-

ректором ЦРУ. Он, в частности, говорил: «Окончится война, все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, – все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей. Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания.

Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением... исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и прославлять так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, – словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство. Национализм и вражда народов, прежде всего вражда и ненависть к русскому народу – все это расцветет махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы духовной нравственности. Мы будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов» [22].

Эти слова, заявления и призывы просто омерзительны и чудовищны. Они так и пышут антисоветизмом, русофобией и человеконенавистничеством.

Именно это «программное» заявление и стало «прелюдией» к ослаблению и последующему распаду нашей страны. Прежде всего, потому, что на основе этого программного документа в нашей стране стала активно формироваться «пятая колонна» из разного рода диссидентов. Ее представители не только занимались «литературной» и пропагандистской работой. Они проникали во властные структуры. Успеху их действий во многом способствовали и хрущевская оттепель, и брежневский застой, и, конечно же, горбачевская перестройка. «Новое мышление», заявленное М. С. Горбачевым и его ближайшими сподвижниками, на поверку оказалось лишь скрытой формой западничества и, соответственно, антисоветизма.

Отметим и «практическое», так сказать, «тыловое» обеспечение работы по ослаблению и развалу Советского Союза. Оно было связано с тем, что в США и Великобритании буквально на следующий день после Великой Победы над фашизмом был разработан план уничтожения СССР. Его кодовое название – «Немыслимое». Смысл этого плана состоял в том, чтобы накрыть всю террито-

рию нашей страны серией атомных взрывов наподобие тех, что США организовали в Японии (над Хиросимой и Нагасаки). Были даже определены конкретные цели атомных бомбежек, рамочные сроки и технические средства исполнения задуманного.

Напомним, что на тот момент наша страна еще не располагала атомным оружием. Поэтому и соблазн воспользоваться им для США был достаточно велик, и провокационные действия Великобритании, подталкивавшей США к новой мировой войне (любые войны с Россией Великобритания всегда вела чужими руками) были существенно активизированы.

Можно, в частности, напомнить об известном выступлении У. Черчилля в Фултоне (США), в котором Советскому Союзу практически объявлялась холодная война. Речь впрямую шла о превращении Советского Союза из бывшего союзника в главного геополитического противника Великобритании и США, о его уничтожении. Не получилось [23].

Тем не менее антирусская, а теперь уже антироссийская истерия является и сегодня основой антисоветизма и антиисторизма. И об этом следует помнить всем сторонникам и любителям европейских (якобы либеральных) ценностей или атлантической (якобы настоящей) демократии.

За антисоветскими суждениями почти всегда скрывается русофобия. Она присуща практически всем, кто демонстрирует враждебность нашему прошлому, идеологии социализма. Даже те из них, кто пытается изображать из себя патриотов, радетелей за интересы русского народа, якобы ущемленные с приходом советской власти, на поверку оказываются теми же русофобами, глубоко презирающими народ, его историю и достижения.

Советская история связана с утверждением первого в мире государства, основанного на принципах социальной справедливости. С победой нашей страны в самой страшной войне. С великим и беспримерным подвигом индустриализации, колоссальными экономическими, научными, культурными и социальными достижениями. Это и есть история высочайшего подъема русского народа. Подъема, в котором проявились его воля и безграничные созидательные способности.

А слова Аллена Даллеса сегодня западники стыдливо вуалируют и даже отрицают [24]. Хотя есть и несколько иные мнения [25; 26]. Кстати, о приведенном заявлении А. Даллеса руководство Советского Союза знало изначально [27].

Некоторые современные исследователи до сих пор вполне серьезно повествуют об отсутствии агрессивности наших бывших союзников и не совсем адекватной оценке ситуации с нашей стороны. Так, В. Мокина заявляет: «У США действительно была стратегия в отношении Советского Союза. Правда, ни о каком „моральном разрушении изнутри“ речи в ней не шло». Ссылаясь на меморандум 20/1 СНБ США («Задачи в отношении России») от 18 августа 1948 г., автор пишет: «Суть этого документа – сдерживание распространения коммунистической идеи и создание в мире новой международной ситуации, в которой не будет места экспансии советской идеологии». Но при этом она все-таки признает, что «Аллен Даллес предложил руководству США действовать не военно-политическими, а более изощренными методами – способствовать моральному разложению советской молодежи» [28].

Тем, кто пытается доказать «миролюбивые намерения» США и Великобритании, следует напомнить об официальных документах США в отношении Советского Союза:

– Меморандум Совета Национальной Безопасности 20/1 (NSC 20/1) от 18 августа 1948 г. «Цели США в отношении России»;

– Меморандум NSC 20/4 от 23 ноября 1948 г. «Задачи США в отношении России, направленные на обеспечение безопасности США»;

– Директива NSC 58 от 14 сентября 1948 г. «Планы США в отношении стран Восточной Европы»;

– Документ NSC 68 от 14 апреля 1950 г. «О специальных операциях против России».

И чтобы не оставалось иллюзии, приведем фрагмент из известного плана Dropshot: «В данной кампании упор делается на физическом истреблении противника» [29]. Все. Точка. Несостоятельность сторонников «западных ценностей» настолько очевидна, что больше и обсуждать нечего.

Следует, однако, помнить, что сегодня антисоветизм переживает фазу мимикрии, трансформируется, развивается по разным направлениям.

Первое из них связано с отрицанием интернационализма и обвинениями Советского Союза в «русском колониализме». Хотя очевидно, что после распада Советского Союза бывшие союзные республики стали жить намного хуже. Ежегодный отток населения из стран Прибалтики (Латвия, Литва, Эстония) составляет по 20 000 человек. И это при том, что общая численность населения в каждой из этих стран не превышает 2 млн человек [30]. На Украине ситуация еще сложнее: оттуда за последние десять лет выехало около 4 млн человек, то есть треть от всего трудоспособного населения страны [31].

Для отражения растущих внешних и внутренних угроз России крайне важна консолидация общества. Но нынешний курс, густо замешанный на русофобии и антисоветизме, убивает возможность единения. Рушит любую перспективу национального сплочения.

Возрождение России – наша судьбоносная задача. Для этого необходима твердая почва под ногами. Но она может быть только у такой страны, для которой священно бережное отношение к истории и к государствообразующему народу, являющемуся ее духовным, социальным и демографическим стержнем.

Опора на родную историю исключительно важна в периоды испытаний. На излете Советского Союза эта истина была попрана. И противники смогли взорвать наше Отечество. Для подрыва его фундамента активно использовали все то же оружие – антисоветизм и русофобию. В наше время оно способно принести не менее страшные результаты, посеять не менее разрушительный хаос, чем в конце прошлого века.

Мы не вправе забывать бессмертный завет Александра Сергеевича Пушкина: «Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности. Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие». Он напоминает нам о необходимости изжить пороки русофобии, защитить наши традиционные культурно-нравственные ценности (домашнего очага, семьи, продолжения нас в потомстве, мира и любви), оградить общество от пропаганды насилия и пошлости.

К этому все активнее стремится наш народ. Именно поэтому он так дружно приветствует возвращение Крыма и Севастополя в родную гавань. Поддерживает антибандеровскую борьбу Донецка и Луганска и миротворческие действия российских вооруженных сил в Сирии, уверенно встает в ряды «Бессмертного полка», поднимает на щит советские ценности. Где здесь агрессия, о которой кричат западные СМИ? Ее, этой агрессии, нет и никогда не было. А вот помощь и солидарность были и будут всегда. Как в братской Испании, воевавшей в 30-х гг. прошлого века против фашизма. Как в балканских славянских странах, народы которых безжалостно вырезали турецкие янычары. Как на Кубе, восставшей против проамериканских агрессоров.

Исторически Российское государство росло и крепло, пока у него хватало сил идти по пути самобытного развития, сохранять свою уникальную цивилизацию, следовать собственным историческим путем. Пусть и заимствуя при необходимости лучшие достижения соседей, но не смешиваясь с ними. Не допуская господства чужеродных идей и ценностей в душах и умах соотечественников.

Любое отступление от этого золотого правила оборачивалось неминуемой Смутой. Государство утрачивало эффективность и прочность. Появлялись разные самозванцы (три Лжедмитрия, «спасшиеся цари» Е. Пугачев и С. Разин, «верховный правитель» адмирал А. В. Колчак и т. д.).

Общество, раздираемое внутренними противоречиями, превращалось в поле бесконечных политических и идеологических конфликтов. Ясное национальное самосознание народа меркло на фоне безначалия и бушующих страстей.

Другое направление современного антисоветизма – отрицание конструктивного опыта государственного строительства в советское время и демагогия, выпячивание на передний план общих и часто отвлеченных тезисов и лозунгов. Их модно называть общечеловеческими ценностями. Это и гендерная распущенность, и алкоголизм, и наркомания. То есть все то, что ныне называют суверенитетом (свободой) личности. А что же государство?

Советское государство было государством советов. Советы возникли по инициативе самого народа, а не создавались сверху. Не лишним будет напомнить о том, что первые советы как форма самоуправления появились еще в марте – апреле 1905 г. на Надеждинском и Алапаевском уральских горных заводах. А после Октябрьской революции 1917 г. именно эта форма государственного устройства получила свое развитие.

А теперь вспомним о том, что Декларация о государственном суверенитете, принятая в июне 1990 г. Съездом народных депутатов РСФСР, стала одним из главных шагов на пути к развалу Советского государства. Провозглашение в начале 1990-х «суверенитета» России явилось предвестником тех негативных процессов, которые как раз и привели к фактической утрате нашей страной суверенности. Что, разве до этого Россия не была суверенной, то есть не была свободной и независимой? Была! Так для чего нужно было все это, как не для того, чтобы под шумок прийти к власти новым господам из числа «пятой колонны».

Необходимо напомнить, что еще до роспуска Советского Союза в Беловежской пуще, а именно в марте 1991 г., абсолютное большинство советских граждан высказались за сохранение СССР. Но в декабре того же года их воля была беззаконным образом попрана беловежскими «реформаторами» во главе с Б. Н. Ельциным

и его подельниками. Объявив о прекращении существования Советского Союза, они совершили одно из самых мерзких политических преступлений в истории человечества. Сегодня более 25 млн русских людей остались за пределами своей исторической родины, превратившись в меньшинство в соседних странах. И это преступление еще получит свою должную оценку в истории, которая, выражаясь словами русского поэта М. Ю. Лермонтова, «не подвластна звону злата, дела и мысли видит наперед».

Сегодня сложилась *новая реальность*. От этого никуда не деться. Оставаясь на строго научных исторических позициях, ее необходимо осмыслить и оценить. Очевидно, что и сегодня власть не желает до конца дать справедливую правовую оценку совершенному тогда беззаконию и призвать к ответу тех, кто в нем участвовал. Потому что в этом случае придется наказать и многих из тех, кто по-прежнему вхож в коридоры власти, прибрал к рукам целые отрасли промышленности, командует русофобскими и антисоветскими СМИ.

Фактически в результате политического авантюризма и социальной демагогии тех лет единая русская цивилизация оказалась разорванной на три части. Для каждой из них последствия такого разделения оказались разрушительны. И в социально-экономическом, и в демографическом, и в культурном планах.

Вопрос о новом воссоединении славянских республик, который часто поднимается сегодня, связан отнюдь не только с восстановлением утраченного геополитического статуса России. Вопреки утверждениям наших недругов он не исчерпывается исключительно российскими интересами. Это вопрос жизнеспособности всех трех республик и населяющих их народов, накрепко связанных общими корнями, которые не могут быть разорваны никакими противниками и никакими временными разногласиями.

Восстановлению полноценного союза России, Украины и Белоруссии помешало, прежде всего, отсутствие должной политической воли со стороны российского руководства.

Именно это в конечном счете развязало руки проамериканскому политическому истеблишменту, захватившему власть в Киеве в 2014 г. Именно это провоцирует сегодня процессы, грозящие нарастанием конфликта в отношениях между Россией и Белоруссией. Эта политика должна быть немедленно изменена.

Третье направление современного антисоветизма – это дальнейший экспорт демократии и экономических порядков Запада в нашу страну. Это происходит путем трансфера иностранных инвестиций на желательные для иностранного капитала управленческие решения.

Сегодня доля иностранного капитала в российской добывающей промышленности составляет более 55 %. А в обрабатывающей – около 40 %.

Еще выше она в энергетическом машиностроении – достигает 95 %. При этом очень высока и доля прямых иностранных инвестиций [32], а это создает, в свою очередь, еще большую угрозу, повышая зависимость отечественных производителей электроэнергии от зарубежных инвесторов.

В оптовой и розничной торговле – почти 90 %. В цветной металлургии – 76 %. В химической промышленности – половину. В электротехнической промышленности и в производстве нефтепродуктов – 43 %. В пищевой, текстильной и фармацевтической промышленности – более четверти.

При этом иностранный капитал оказывает давление не только на экономику, но и на политику. В 2018 г. ЦБ РФ зафиксировал рекордный отток зарубежных инвестиций из России, что стало ответом западных финансовых кругов на развязанную США против Российской Федерации войну санкций [33].

Развал советского народного хозяйства нанес колоссальный урон отечественной экономике и социальной сфере. Его результатом стало то, что в 1990-е гг. национальный доход сокращался в среднем на 5,7 % ежегодно – существеннее, чем в начале Великой Отечественной войны. В первые два десятилетия XXI в. наша экономика либо продолжала падать, либо демонстрировала «рост», не выходящий за пределы статистической погрешности. То есть экономика страны стагнировала. В 2019–2020 гг. ВВП Российской Федерации практически не рос [34, с. 264].

Обращает на себя внимание во многом антисоциальный характер нынешней экономической политики, что противоречит Конституции РФ. Из-за такой экономической политики миллионы людей стремительно нищают и погружаются в долговую яму, в то время как два десятка главных российских миллиардеров увеличивают свое суммарное состояние на 1,5 трлн руб. каждые полгода, почти на 300 млрд месяц, на 9,5 млрд – за день и на 400 млн за час. Таковы данные, опубликованные авторитетным зарубежным агентством «Блумберг».

В 2020 г. новый виток кризиса, к которому Россия не смогла достойно подготовиться, привел к тому, что стремительное падение экономики возобновилось. Ускорилось обнищание людей. Нанесен очередной удар по производственной сфере, по малым и средним предприятиям, по миллионам семей. Этому способствовали растущая макроэкономическая и политическая нестабильность, объявленная нашей стране западными державами война санкций, таможенные и ценовые войны, недобросовестная мировая конкуренция, эпидемия лихорадки Эбола, распространение птичьего гриппа, пандемия вируса COVID-19 и другие причины.

Поэтому следует признать, что в сохранении разрушительной системы, возникшей на руинах великой Советской державы, заинтересованы лишь олигархия, захватившая наши национальные богатства, и обслуживающие ее чиновники. Но народ заинтересован в том, чтобы из руин восстала великая, подлинно независимая страна. И наша история подтверждает, что это возможно только при условии, если в борьбе за свое возрождение Россия будет опираться на социалистические принципы.

По данным Счетной палаты, только с 2017 по 2020 гг. в стране было уволено 42 % медперсонала, а общий уровень безработицы увеличился в 3,2 раза! Но даже многие официальные данные расходятся с выводами специалистов. Росстат и Минздрав РФ, например, настаивают на том, что ожидаемая продолжительность жизни в России превысила 72 года и составила 67,5 года для мужчин и около 78 лет для женщин. Но, согласно выводам ученых, в действительности она на 5–6 лет ниже. Международные организации ставят нашу страну по этому показателю не выше 120-го места в мире. Здесь Россия оказалась в одной группе с такими странами, как Бангладеш и Гайана. При нынешней политике такой результат, увы, закономерен.

За последние годы онкологическая заболеваемость у нас выросла на 20 %. По данным Всемирной организации здравоохранения, Россия вышла на первое место в Европе по скорости распространения ВИЧ-инфекции. По количеству больных

туберкулезом на 100 тысяч человек мы оказались в одной группе с африканскими государствами Мали и Руанда, в 4 раза превзошли Японию, в 8 раз – Германию и почти в 20 раз – США. А ведь Советский Союз был первой в мире страной, остановившей массовое распространение этой болезни!

Уместно вспомнить, какие ясные и твердые гарантии защиты жизни и здоровья давал каждому гражданину советский Основной Закон. Вот что говорилось в статье 42 Конституции СССР, принятой в 1977 году: «Граждане СССР имеют право на охрану здоровья. Это право обеспечивается:

– бесплатной квалифицированной медицинской помощью, оказываемой государственными учреждениями здравоохранения;
– расширением сети учреждений для лечения и укрепления здоровья граждан;
– развитием и совершенствованием техники безопасности и производственной санитарии;
– проведением широких профилактических мероприятий;
– мерами по оздоровлению окружающей среды;
– особой заботой о здоровье подрастающего поколения, включая запрещение детского труда, не связанного с обучением и трудовым воспитанием;
– развертыванием научных исследований, направленных на предупреждение и снижение заболеваемости, на обеспечение долголетней активной жизни граждан» [35].

Это намного более твердые и широкие гарантии, чем те, которые обещает нынешняя Конституция РФ. Они, в отличие от современных «гарантий», реально выполнялись, пока существовала советская власть. И обеспечивались исключительно за счет казны, а не каких-то абстрактных страховок и взносов.

А что происходит теперь? Вымирание коренных русских областей в 2–3 раза опережает средние по стране показатели убыли населения. Представительство русских в ключевых сферах – в управлении, экономике, культуре, средствах массовой информации – категорически не соответствует их преобладающей доле в общем национальном составе государства.

На протяжении всей советской эпохи, за исключением Великой Отечественной войны, в которой мы потеряли 27 млн человек, стремительно росло и население СССР в целом, и население Российской Федерации. К 1941 г. оно на 43 млн превышало население Российской империи конца XIX в. А уже через 10 лет после Победы почти сравнялось с довоенным временем. К началу 90-х гг. XX в. в России жило в два с лишним раза больше людей, чем за 100 лет до этого. Безо всякой миграции, благодаря высокой рождаемости, которую стимулировала социальная политика советской власти.

Вот исторические данные о средней продолжительности жизни в нашей стране и на Западе: Россия в 1900 г. – 32 года; США в 1900 г. – 49 лет; СССР в 1967 г. – 70 лет; США в 1967 г. – 67 лет.

В Америке, где к началу XX в. люди жили в среднем на 17 лет дольше, чем в России, средняя продолжительность жизни к 1967 году увеличилась на 18 лет по сравнению с 1900-м. А в СССР через 50 лет после установления советской власти люди стали жить в среднем на 38 лет дольше, чем в России начала XX столетия. И в 1967 г. Советский Союз уже превосходил США по средней продолжительности жизни.

В нашей стране ее увеличение за советский период оказалось в два с лишним раза более существенным, чем в США – ведущей стране капиталистического мира. СССР опередил по продолжительности жизни не только Соединенные Штаты, но и такие страны, как Франция, Бельгия, Финляндия. И сравнялся по этому показателю с Японией, ФРГ, Италией и Канадой. Это говорит о том, что советское государство способствовало намного более быстрому социальному прогрессу, чем современная рыночная система в ее самом благополучном варианте.

В середине XVII в. русских насчитывалось на наших просторах лишь 7 млн. К концу XIX столетия их стало почти на 50 млн больше. На такой демографический рост в эпоху монархии ушло 250 лет. А в Советском Союзе за 63 года – с 1926-го по 1989-й – русских прибавилось на более чем 67 млн. В середине 1920-х гг. их было около 78 млн, а в конце 1980-х – уже более 145. И это после гражданской и двух мировых войн, унесших десятки миллионов их жизней!

Последняя советская перепись населения, проведенная в 1989 г., показала, что только в РСФСР русских тогда насчитывалось 120 млн. К концу 1991-го их стало на 1 млн больше. Ныне 121 млн русских в самой России и 25 млн – в других союзных республиках. Вот что мы имели накануне предательского уничтожения Советской страны и отказа от социализма.

А что имеем теперь? С 1991 г. по 2019 гг. Новгородская область потеряла 155 000 человек, Орловская – 165, Костромская – 170, Псковская – 217, Смоленская и Ярославская – более 220, Курская – 225, Пензенская – более 240, Владимирская – 300, Тульская и Тверская – 400, Архангельская – 430, Мурманская – почти 450, Нижегородская – 570.

За советскую эпоху численность русских увеличилась более чем вдвое. За последние тридцать лет она сократилась на 13 %. Неуклонно снижается и численность аграрного населения в стране. Так, в Свердловской области в 2004 г. на селе проживало 554 тыс. чел, а в 2014 г. – уже 502 тыс. чел., к 2029 г. прогноз составляет 456 тыс. чел. Аналогичная ситуация в Челябинской, Курганской и других областях Большого Урала. Так, в Челябинской области коэффициент рождаемости составляет 1,8. Иначе говоря, численность сельского населения в области неуклонно сокращается [34, с. 258].

Какие еще нужны доказательства тому, что советская страна была страной для людей, была народной страной?

Сегодня абсолютное большинство молодых россиян не может рассчитывать на приобретение собственного жилья, даже самого скромного. Более того, они лишены перспективы приобрести жилье и через 10, 15 или 20 лет. С начала 1990-х стоимость жилья в России выросла стократно. Даже если откладывать всю зарплату до копейки на покупку квартиры, что, само собой, невозможно, то среднестатистическому москвичу придется копить 12 лет, жителю Санкт-Петербурга – 11 лет, живущему в одном из центральных регионов России – 18 лет, жителю южных – 10 лет. А те, кто пытается решить проблему с помощью банковских кредитов, должны будут из-за грабительских процентов выплатить банку двойную, а то и тройную стоимость приобретенной квартиры. Либо убраться из нее, если выплата кредита окажется непосильной.

А что было в советское время? В 1946–1950 гг. в стране было построено 72,4 млн м^2 жилья, в 1956–1960 гг. – 105,4 млн м^2 жилья. И оно было бесплатным,

хотя это обстоятельство отдельные авторы часто называют мифом. Но миллионы граждан, живших в советское время и получивших от государства жилье за свой труд, могли бы таким «специалистам» убедительно доказать их ложь. Масштабы жилищного строительства в советское время сегодня признаются и зарубежными авторами [36]. Да и было бы трудно не признавать, если учитывать, что сегодня в год в Российской Федерации строится менее 20 млн кв. м. жилья. И все оно баснословно дорогое [37].

Накопленный опыт планирования советской экономики и успехи в решении социальных проблем, как нам кажется, вплотную подводят к необходимости широкого обсуждения и принятия стратегии социально-экономического развития страны.

Следует разработать и вынести на всенародное обсуждение проект комплексного социально-экономического развития России на ближайшие 10–20 лет. Потому что ведь и время турбулентное, растет макроэкономическая нестабильность, обостряется ситуация на мировых рынках. В таких условиях комплексная стратегия социально-экономического развития на перспективу, на пару десятилетий вперед, весьма необходима. Необходим также ясный и вдохновляющий общенациональный созидательный проект, способный объединить народ, его передовые, ответственные и способные социально-авангардные силы. Необходимо стратегически определиться в самом типе и курсе социально-экономического развития, модели применения рыночных инструментов. И в этом плане использование исторического опыта советского периода нашей страны имеет особое, очень конструктивное и перспективное значение.

В чем это значение состоит?

Первое. Необходимо строить государственную политику вокруг человека, его благополучия, интересов и запросов. Для этого нам предстоит продолжить модернизацию экономики и создание современных рабочих мест, обеспечить рост доходов граждан, сделать отечественное здравоохранение и образование одними из лучших в мире. Важнейшее направление – это улучшение состояния окружающей среды, что также станет вкладом России в решение глобальных экологических проблем.

Второе. Необходимо расширять пространство гражданской свободы. Это принципиально важно для становления сильного гражданского общества, для развития экономики и социальной сферы, науки и культуры. Курс на снятие барьеров, на гуманизацию законодательства отвечает, прежде всего, интересам и запросам наших граждан. При этом необходимо различать понятия гуманизации и либерализации законодательства. Иначе само содержание законодательства, права и правоприменительной практики впредь будут не соответствовать друг другу. Принцип неотвратимости наказания за преступления должен исполняться во всей своей полноте, равно как и принцип соответствия степени преступления мере наказания. А все суды и судьи, которые по тем или иным причинам нарушают эти принципы, должны лишаться иммунитета, неподсудности и наказываться в особом режиме. Потому что коррупция в судебной системе, равно как и в государственном управлении в целом, – это особо тяжкое преступление.

Третье. Для технологического прорыва, для того чтобы быть конкурентоспособными в современном динамичном мире, нужно быть восприимчивыми для но-

вых идей, для технологий, которые меняют жизнь людей, определяют будущее страны и мира.

Четвертый (ключевой) принцип современного развития – это открытость страны, ее нацеленность на активное участие в мировых процессах и интеграционных проектах. Следует усилить роль нашей страны в мировой транспортной и информационно-коммуникационной системе. А ведь после распада Советского Союза эта роль существенно ослабла. В 1990 г. мощность портов Советского Союза составляла почти 600 млн тонн, а в начале 2000 г. – только 300 млн т. И очень важно, что в 2018 г. пропускная способность морских портов превысила 1 млрд т. Это особо подчеркнул Президент Российской Федерации В. В. Путин [38].

Несколько слов о селе, о сельских тружениках и об аграрной экономике. Деревня взрастила современный город, вложив в него весь свой производственный и, прежде всего, демографический людской ресурс. Настала пора всенародной помощи селу, его восстановления и возрождения в новых условиях. Село и агропромышленный комплекс находится в состоянии развала и ускоряющейся деградации. Если на нужды АПК в советское время выделялось от 20 % до 30 % госбюджета, то сейчас в сто раз меньше! Большинство предприятий убыточно, их доходы даже на треть не покрывают понесенные затраты. Село душит диспаритет цен. Если в 1990 г. за 1 т зерна можно было купить 6 т дизтоплива, то сегодня с точностью наоборот! Более разрушительного обвала, которому подверглось наше село в социальном и техническом отношении, мировая практика ведения сельского хозяйства не знает. Необходимо вернуть крестьянам землю. Известно, что право собственности на общую землю и на недра принадлежит только народу, исключительно ему. И только после этого – государству, поскольку именно народ является, по Конституции РФ, единственным источником власти и носителем суверенитета [9]. Но за последние десятилетия эта норма не стала нормой прямого действия, не превратилась в норму императивного права. Она оказалась во многих отношениях девальвированной и декларативной. О том, как расхищают и присваивают земельную (природную) ренту, хорошо известно, но для пользы дела, чтобы переломить ситуацию, делается пока крайне мало [39].

Следует пересмотреть грабительскую, по сути, практику субсидирования банкам кредитных ставок. Львиная доля государственных денег уходит в банки по оплате ссудного, а точнее – подсудного процента. Национальные цели и приоритетные направления, определенные Указом Президента, следует обеспечивать льготным кредитованием под 0,5 %. Ставится вопрос о выходе нашей страны из Всемирной торговой организации: «Ничего, кроме убытков, наше вступление туда не принесло. За три года в составе ВТО потери бюджета приблизились к 800 миллиардам рублей, а косвенные – оцениваются в 4 триллиона» [40]. Многие, правда, предупреждали о «подводных камнях». Но надежды оставались даже после вступления [41]. Как все это было тривиально!

Как тривиальна и истина о том, что есть «время разбрасывать камни», но есть и «время собирать камни». Очень многие русские эмигранты, убежденные антисоветчики, масоны, западники в конце своей жизни разочаровались в своих прозападных пристрастиях. Тот же П. Н. Милюков, доживая свои дни во Франции, незадолго до смерти признал успехи «советского проекта» и искренне желал по-

беды русского (советского) оружия над немецким фашизмом [42]. Весьма показательная трансформация закоренелого англофила!

Теперь о выводах: «Единство, мощь и процветание Российского государства требует единой и сильной государственной власти в центре, национальной по духу, внеклассовой и сверх сословной по направлению воли, доступной каждому гражданину во всех его справедливых притязаниях и нуждах» [43]. Эти слова великого российского философа И. А. Ильина были сказаны почти сто лет назад. Но и сейчас они сохраняют свою актуальность.

И еще один вывод, в назидание. Нельзя прельщаться и тем более обольщаться никакими западными идеалами и ценностями (демократии, рыночной экономики, образа жизни и т. д.) Последние события избирательной президентской кампании в США (2020 г.) ярко показали истинную ценность демократии: когда финансовым воротилам понадобилось, все крупнейшие СМИ просто стерли в порошок имидж действующего президента могущественной станы. Путем многочисленных подтасовок они привели в Белый дом старого человека, возродив у себя ту самую геронтократию, которая сложилась в нашей стране в начале 80-х гг. XX в. и ослабила ее. А уж что касается пропагандируемых «гендерных идеалов», то, как говорится, «избави нас Бог от лукавого». Все отчетливее начинаешь понимать, что современное западничество – это обморок сознания нашей эпохи. А густо замешанный на нем антисоветизм еще более порочен как его производная фракция.

И последнее. Нельзя обольщаться собственными успехами и победами, поскольку они могут быть иллюзорными. Как это произошло в далекие 80-е гг. прошлого века, когда на июньском Пленуме ЦК КПСС (1983) было заявлено о «формировании духовно богатой, гармонично развитой и идейно убежденной личности, строящей жизнь по законам социальной справедливости, разума, добра и красоты» [44, с. 202]. Поспешили, выдали желаемое за действительное. И здесь тоже «избави нас от лукавого».

Наконец, необходимо всегда помнить о том, что «влияние Запада на Россию отнюдь не было улицей с односторонним движением», а идея преодоления отсталости Росси и ее вхождение на равных в «клуб» западной цивилизации со стороны самих западных государств всегда сопровождалась требованием безоговорочного признания западных ценностей. А если и допускалось сохранение собственно российской идентичности, ее традиций и культуры, то такая идея являлась, по сути, акциденцией и трактовалась как временный компромисс [45, с. 123–124]. Тогда спрашивается: зачем нам такая прозападная идеология, враждебная всему русскому и российскому по сути и агрессивная по содержанию? Россия – это великая культура и цивилизация. И она не должна стоять в очереди ни в какие «клубы» цивилизаций. Ни в западный, ни в восточный, ни в саксонский, ни в тевтонский и т. д. Для этого необходимо воспитание в себе, в каждом из нас, самодержавия духа – нашего самосознания, в котором мы должны воспринимать себя как полноценных и самодостаточных людей, не склонных к фетишизации чужих ценностей и идеалов [46]. Людей, понимающих объективную необходимость (обладающих такой способностью) противостоять любым внешним культурным, идеологическим и практическим попыткам нашей ассимиляции, агрессии против нас и тем более нашему уничтожению.

И здесь рыночная психология и ориентация на максимизацию прибыли не помогут. Она, эта психология дельцов и стяжателей, ставшая когда-то флагом протестантской Реформации в Западной Европе, только разъедает наше самосознание и нашу государственность.

И именно поэтому она должна иметь подчиненное значение. Она должна быть детерминирована нашими духовными ценностями. Не западными, а именно нашими. Теми, которые выпестованы народом на протяжении его многовековой истории, которые прошли проверку временем. И которые позволяли ему сохраняться и быть на этой планете.

Иные ценности – от лукавого. Как когда-то конкистадоры и колонизаторы разрушали великие цивилизации древности и с помощью побрякушек и лживых обещаний уничтожали их народы, они тоже несли свои «ценности». Только эти ценности повлекли за собой гибель, а не процветание. И когда теперь некоторые ожившие и выпавшие из нафталиновых шкафов либералы конца прошлого века заявляют о «новом мышлении», об «общечеловеческих «ценностях», о западной цивилизованности, а также о том, что их, видите ли, не так поняли, обманули, – все это представляется каким-то паноптикумом.

Да, мы крепко обожглись, полагая, что западничество, масонство и даже современный антисоветизм безобидны и по своей природе беспочвенны. Следуя советам А. Даллеса, современные колонизаторы находят и почву, и обиды, умело разжигая рознь между гражданами государства и государством, между разными религиями и нациями, везде и повсюду. И «пятая колонна» им в этом активно помогает. И в вузах, и в школах, и поликлиниках, и в прессе, и на телевидении…

Поэтому русскому народу как воздух необходимо возрождение своего духовного кода, своей духовно-нравственной основы, своего «духовного самодержавия», своих высших ценностей. И среди них воля к совершенству (И. А. Ильин); соборность (В. С. Соловьев); софийность (С. Н. Булгаков); сизигия (П. А. Флоренский); накопление в себе сил добра (С. Л. Франк); социальная взаимопомощь (П. А. Кропоткин). А также правдоискательство, трудолюбие, служение, патриотизм и др.

И они – основа нашей культуры, государственности, цивилизации. А инородные «идеалы» – это хорошо, но не у нас. Это прекрасно, но у них. По одной простой причине: потому, что «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Евангелие от Матфея 12:25).

Мы – колоссально духовно богатый народ. И речь именно о духовном богатстве, о том, что сплотило нас в разные века и эпохи против агрессии печенегов и половцев, хазар и монголов, шведов, поляков, французов, немецких фашистов. Три четверти своего исторического времени русский народ вынужден был отстаивать свою землю и свое право на жизнь. И отстоял. И еще отстоит, и не раз. Потому что с ним были его высшие духовные идеалы, высшие ценности его бытия. Не рыночные, не либеральные ценности». Не «идеалы» навара, стяжательства, мздоимства, сытости и пошлости. Те, кто был им привержен, всегда лишь предавали свой народ и свою страну. Будь то семибоярщина в Смутное время конца XVI – начала XVII вв. или семибанкирщина конца XX века – все они одним миром мазаны, все барышники, воры и предатели.

И совершенно прав был В. В. Путин, сломавший хребет этой олигархической вольнице, этим прозападным хапугам и ворюгам, вознамерившимся «хапнуть суверенитета сколько угодно» и щеголяющим своими яхтами и особняками в зарубежных странах. Став президентом России, он «жестко» поправил политику своего предшественника Б. Н. Ельцина, «первого президента» России, большого поклонника всего иностранного. В. В. Путин, в частности, создал централизованную бюджетную и налоговую систему, лишив местные олигархические и властные группировки финансовых источников для своих сепаратистских «экспериментов». «Проглотить суверенитета столько, сколько хотелось», у этих группировок не вышло.

А то ведь и об Уральской республике замыслили (Э. Э. Россель), и о Поволжской (А. Ф. Аяцков), о Дальневосточной (В. Ишаев), о Сибирской (А. Тулеев) и т. д. Даже свои деньги стали печатать (например, уральские франки в Швейцарии). А некоторые из территорий и совсем «выходить» из состава России вознамерились. Появилась независимая Чеченская республика Ичкерия (Д. Дудаев, А. Масхадов). 30 августа 1990 г. Татарстан (М. Шаймиев) провозгласил себя суверенным независимым государством. Калмыкия (К. Илюмжинов) заявила о намерении выйти из состава Российской Федерации… Это – та ситуация, которую не просто допустили, а спровоцировали Б. Н. Ельцин и его компания (Г. Бурбулис, В. Илюшин, П. Вощанов, Л. Суханов, С. Шахрай и др.). Россия на самом деле стояла на грани распада.

Без денег ничего не получилось. И благодаря В. В. Путину обошлось без большой крови, без новых чеченских войн. Спокойно разобрались и с поборниками свободомыслия и самостийности. И в этом – великая заслуга простого человека, российского офицера, который возглавил российское государство и не допустил новой гражданской войны.

Так ведь пора уже это понять и признать всякого рода антисоветчикам и русофобам, разным там Алексиевичам, Каспаровым, Навальным, Ходорковским и иной К°. Так нет же, врут и шельмуют, устраивают провокации и вовлекают в них молодежь. Классический образец поведения масонов, иезуитов и политических проходимцев – «разделяй и властвуй».

А коли так, то пусть не врут, что они не масоны, не русофобы и не антисоветчики. В правительстве Е. Т. Гайдара, с которым я лично когда-то в одно время учился в Московском университете и который всех нас пытался уже тогда «окучивать» за западные «идеалы» и «ценности», было более чем достаточно масонов.

При этом сам Е. Т. Гайдар (1956–2009) был внуком сразу двух известных советских писателей: П. П. Бажова и А. Т. Гайдара. Его родителями были военный корреспондент Т. А. Гайдар (приемный сын А. Т. Гайдара) и А. П. Бажова (дочь П. П. Бажова).

Однако, несмотря на свое вполне благополучное советское прошлое, этот «отпрыск» известной фамилии натворил столько дел (их пышно называют реформами), что великие дедушки, узнай они об этом, в гробу бы перевернулись.

Тут уместно напомнить, что матерью отца Е. Т. Гайдара была Лия (Рахили) Лазаревна Смолянская. Она была дочерью Лазаря Смолянского, председателя Пермского биржевого комитета, работала журналистской. Была осуждена и отбы-

вала наказание в Акмолинском лагере. Это – так, на всякий случай, а то уж больно «прилизанной» выглядит его официальная биография.

Данное обстоятельство, видимо, наложило свой отпечаток на отношение Е. Т. Гайдара не только к советской власти, но и ко всему русскому, советскому. В число масонов Е. Т. Гайдар был принят, как всегда, тайно [47]. Он состоял в масонском клубе «Взаимодействие» (кроме него, там числились А. Б. Чубайс, К. Н. Боровой, Л. И. Абалкин, Е. Г. Ясин, А. П. Починок, Е. Ф. Сабуров, О. Р. Лацис, Б. Г. Федоров, С. Н. Красавченко, Н. П. Шмелев, С. С. Шаталин и др.) [48]. Можно судить об этом и по улучшению его личного рейтинга, и по той активности, с которой он начал общаться с окружающими его людьми. Тогда же он познакомился с П. Авеном (впоследствии отвечал в правительстве Е. Гайдара за внешнюю торговлю), Г. Бурбулисом (впоследствии ставшим госсекретарем и зампредседателя правительства), А. Кохом (впоследствии ставшим председателем Госимущества) и др. Все это – достаточно мутные особы, которые сколотили свое личное состояние в лихие 90-е гг. XX в. Кого-то из них обвиняли в финансовых схемах, кого-то – в контрабанде…

Поэтому верить их заявлениям о том, что Е. Т. Гайдар был «бессребреником», «альтруистом», вряд ли уместно. Как говорится, «кто бы говорил». Скорее он бы убежденным любителем виски – это уж точно.

Для Б. Н. Ельцина, наверное, сыграло важную роль в приближении к себе Е. Гайдара не только то, что он был внуком П. П. Бажова, знаменито уральского писателя, земляка будущего президента. И не только то, что он носил знаменитую фамилию. Попав в Москву, Б. Н. Ельцин нуждался в поддержке московской политической публики. Тут и появились Г. Х. Попов (будущий мэр столицы), Е. Т. Гайдар (тогда – заведующий лабораторией в Институте системных исследований АН СССР), А. Чубайс (в июле – ноябре 1991 г. – советник по экономическим вопросам мэра Ленинграда А. Собчака).

Сыграло роль и личное участие в карьере Е. Т. Гайдара и советника Б. Н. Ельцина, бывшего доцента Уральского политехнического университета, так называемого «уральского философа», а впоследствии – государственного секретаря Российской Федерации Н. Бурбулиса. Так и формировалась новейшая антисоветская оппозиция. Сначала это была только «уральская команда» Б. Н. Ельцина. Но после его американского и европейского вояжа, получив поддержку на Западе, она трансформировалась в так называемую «межрегиональную платформу».

Кстати, Председателем Верховного совета РСФСР Б. Н. Ельцин стал абсолютно незаконно. Этому способствовало то, что летом 1989 г. благодаря отказу от мандата народного депутата со стороны А. Казанника Б. Н. Ельцин стал сначала депутатом Верховного совета, а затем и его Председателем. Вот только передавать («уступать») свой мандат как проездной билет в общественном транспорте другому лицу будущий прокурор Российской Федерации (им А. Казанник стал после победы Б. Н. Ельцина) не имел права.

Что касается самого Е. Т. Гайдара, то ему было наплевать на простой народ. Прав был академик А. Аганбегян, когда заявлял, что Е. Т. Гайдар «допустил крупнейшую ошибку – не проиндексировал советские вклады, в результате чего сбережения миллионов людей обесценились» [49]. Читайте – обворовал своих сограждан. Не расследовано до конца и участие Е. Т. Гайдара в дефолте 1998 г., ставшем

позором для России. Известно, однако, что за два дня до объявления этого самого дефолта Е. Гайдар и А. Чубайс встречались с руководителем департамента МВФ Джоном Одлингом и обсуждали с ним «чрезвычайные меры» [50]. Судя по реакции, Б. Н. Ельцин знал об этом, когда патетически кричал о заговоре и необходимости расследования. Но «весь пар ушел в гудок»…

Много чего было странного и мутного на политической кухне в лихие 90-е гг. XX столетия. В том числе и появление новых министров – масонов. Одним из них был В. Лопухин, бывший министр топлива и энергетики Российской Федерации. Это благодаря его деятельности в нашей стране расцвел махровый монополизм, а рыночная экономика оказалась пустым фантомом, учебной абстракцией. Именно он сделал все, чтобы сохранить в качестве мегакорпорации и «естественной монополии» «Газпром». Затем последовала поддержанная им корпорация ЛУКОЙЛ и т. д. [51].

А кое-кто, наверное, думает: откуда взялся в нашей стране этот махровый и вороватый монополизм, который убивает на корню здоровую конкуренцию и свободное предпринимательство, способствует загниванию и развалу экономики? Да от тех же масонов. Их среди олигархов тоже предостаточно.

Это настоящая «пятая колонна» от наших западных «партнеров», а точнее было бы сказать, врагов. Они окопались в СМИ, бизнесе, коридорах государственной власти, в науке, образовании, сфере культуры. Они активно влияют на сознание и менталитет россиян, манипулируя нашим сознанием [52].

И ведь их можно было в свое время остановить. Известно, что КГБ предоставил в конце 80-х гг. прошлого века первому и последнему Президенту Советского Союза М. С. Горбачеву всю необходимую и доказательную информацию, в том числе и о разведывательной сети, и о подрывной деятельности этих злоумышленников против государства. Что же сделал «начальник перестройки»? Он просто запретил предпринимать какие-либо меры против этих «агентов влияния» и всячески выгораживал их покровителя в Политбюро и своего «старшего советника» А. Н. Яковлева. Сколько времени прошло, всем все уже известно. Так нет же, пытаются «реабилитировать» этого персонажа нашей новейшей истории и сейчас.

Вот что на этот счет заявляет бывший помощник М. А. Суслова А. Байгушев, автор известной книги «Русский Орден внутри КПСС» (2006): «Был ли Яковлев действительно дьяволом, „хромым бесом“, специально запущенным из ЦРУ, чтобы изнутри взорвать КПСС, а вместе с нею похоронить Советский Союз как сверхдержаву – главного конкурента США в холодной войне? Скажу парадоксальную вещь: я убежден, что Яковлев был абсолютно честным русским человеком. Его повязка на международное „масонство“ и его связи с ЦРУ – это была „двойная игра“, на которую он пошел, как он сам искренне считал, во имя сохранения России. Да, он грубо ошибся с перестройкой. Но почему мы все валим на него, как на козла отпущения? Мы ведь все сами не без греха – в перестройку все абсолютно намудрили выше крыши. Я свидетельствую, что Яковлев был в душе православным, верующим человеком. Просто его бес попутал – он думал, что всех переиграет – и своих русских иезуитов, вроде Суслова и Андропова, и Кремль, и Лубянку, и масонов, и ЦРУ. Раису Максимовну Горбачеву, ставшую практически главой администрации у мужа, он боялся пуще Михаила Архангела (не Михаила Горбачева, а карающей руки самого Господа!). Но и ее надеялся переиграть ради преодоления «рабской

парадигмы русской нации… Я готов утверждать, что, несмотря на черную репутацию Яковлева как „хромого беса“, авантюриста и перевертыша, он всегда был принципиален. Я лично хорошо знал Александра Николаевича еще с советских 60-х годов, с хрущевской оттепели, и свидетельствую, что он сознательно шел на „бесовщину“ потому, что искренне считал, что с бесами-„большевиками“ можно бороться только их же методами» [53].

Вот же странная логика. Человека, боровшегося с «бесами-большевиками», одним из которых он был и сам, не считать перевертышем только потому, что он что-то «искренне считал» и что «его бес попутал», – это даже не логика, а какое-то извращение. А разве фашисты не верили в превосходство арийской нации? А разве европейские конкистадоры не искренне верили в собственную цивилизованность в сравнении с «дикарями» Нового света? А Пол Пот в Камбодже (Кампучии), уничтоживший во времена режима «красных кхмеров» более трех миллионов своих земляков, он разве не беспокоился о «чистоте нации»? Так что, теперь будем их обелять, ретушировать, оправдывать?

И вот таких «исследователей» и «адвокатов дьявола» все еще более чем достаточно в нашем обществе. Но никакого отношения к свободе слова они и их заявления не имеют. Потому что свобода слова – это не свобода эмоционального галдежа, не право врать налево и направо, не информационный беспредел, не плюрализм идеологий, а это – свобода честного и правдивого слова. А точнее – его диктатура! «Осознанная необходимость» (В. И. Ленин). А неограниченное словоблудие, которое сродни свободной любви (проституции) и которое нашими идеологическими врагами выдается за «свободу слова», – это технология масонства.

Здесь есть только одна претензия к нашему вежливому президенту: не называть этих врагов партнерами. Называйте, пожалуйста, их своими именами: они «враги народа». И пусть нас не пугает это «страшное» словосочетание, появившееся еще 28 ноября 1917 г., когда на заседании СНК В. И. Ленин назвал врагами народа руководителей партии кадетов.

И необходимо помнить справедливые слова И. В. Сталина о том, что по мере укрепления Советской власти и роста успехов в развитии советского общества идеологическая и классовая борьба будет только усиливаться. Произнесенные еще 9 июля 1928 г., эти слова впоследствии вызвали у некоторых историков отторжение и были подвергнуты незаслуженной и совершенно бездоказательной критике. Они даже были сочтены противоречащими курсу на укрепление интернационализма и создание «общенародного» государства.

Но давайте воспроизведем их: «По мере нашего продвижения вперед сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться. А советская власть, силы которой будут возрастать все больше и больше, будет проводить политику изоляции этих элементов, политику разложения врагов рабочего класса, наконец, политику подавления сопротивления эксплуататоров, создавая базу для дальнейшего продвижения вперед рабочего класса и основных масс крестьянства.

Нельзя представлять дело так, что социалистические формы будут развиваться, вытесняя врагов рабочего класса, а враги будут отступать молча, уступая дорогу нашему продвижению, что затем мы вновь будем продвигаться вперед, а они – вновь отступать назад, а потом «неожиданно» все без исключения социальные

группы (как кулаки, так и беднота, как рабочие, так и капиталисты) окажутся „вдруг“, „незаметно“, без борьбы и треволнений в лоне социалистического общества. Таких сказок не бывает и не может быть вообще, в обстановке диктатуры пролетариата – в особенности.

Не бывало и не будет того, чтобы отживающие классы сдавали добровольно свои позиции, не пытаясь сорганизовать сопротивление. Не бывало и не будет того, чтобы продвижение рабочего класса к социализму при классовом обществе могло обойтись без борьбы и треволнений. Наоборот, продвижение к социализму не может не вести к сопротивлению эксплуататорских элементов этому продвижению, а сопротивление эксплуататоров не может не вести к неизбежному обострению классовой борьбы.

Вот почему нельзя усыплять рабочий класс разговорами о второй роли классовой борьбы».

Справедливость этих слов показала история. Идеологи буржуазии, сторонники рыночной экономики и свободного предпринимательства стали удобной социальной базой для разрушения советского государства и советского общества. А для их вербовки западное закулисье использовало самые изощренные способы.

Открытым началом текущего витка информационной войны и роста антисоветизма можно считать 1953 г., когда американцы запустили проект «Радио Свобода», служивший для идеологической поддержки советских диссидентов. Собственно, именно американцы и возглавили информационный крестовый поход против СССР.

Планы широкомасштабной информационной войны появились в Великобритании и США еще раньше:

– Великобритания, Меморандум № 5736/G, 1939 г. «Долгосрочный план действий по противодействию СССР»;

– Директива Совета национальной безопасности США 20/1 от 18.08.1948 г., в котором для США ставилась цель – свержение Советской власти (хоть военными, хоть мирными).

– США, закон № 402, 1948 г., который заставлял СМИ «оказывать планомерное и систематическое воздействие на общественное мнение других народов».

– США, директива № 68 от 15 апреля 1950 г., которая ставила задачу «обеспечить коренное изменение природы советской системы, посеять внутри этой системы семена ее разрушения, поощрять и поддерживать беспорядки и мятежи в избранных, стратегически важно расположенных странах – соседях СССР».

– Закон Конгресса США PL 86-90 от 17 октября 1959 г., в котором для США определялись стратегические перспективы своей национальной безопасности – развал России на несколько десятков так называемых независимых государств.

Можно также вспомнить еще более раннюю историю: например, иезуитов, которые вели в XVII в. русофобскую пропаганду методами, весьма напоминающими современные.

В хрущевские и брежневские времена американская агитация успешно сдерживалась железным занавесом и цензурой. Относительно малочисленные диссиденты были вполне безобидны, значительная их часть работала на КГБ.

В горбачевский период, однако, взятый на гласность и перестройку курс открыл американцам дорогу к беззащитным мозгам советских людей. Потребовалось все-

го несколько лет, чтобы в СССР начались настоящие революционные брожения. Их итогом стали распад Советского Союза и фактическое подчинение властей новообразованной России добрым американским советникам.

Казалось бы, прошло 30 лет, и антисоветизм и русофобия могли бы исчезнуть из информационного пространства. Ничего подобного.

Официальная государственная станция «Радио «Маяк» периодически проявляет в эфире ничем не прикрытую, запредельную русофобию, которая, что характерно, не является самодеятельностью ведущих, а поддерживается их руководством.

Немного меньший уровень русофобии демонстрирует официальная оппозиционная радиостанция «Эхо Москвы». Немало негатива в адрес русского народа можно услышать на «деловом» радио «Бизнес-FM» и на радио «Серебряный Дождь».

Аналогичная ситуация и в печати, где подчеркнуто русофобскую политику проводят «Новая газета» или «Мир новостей». Редакционная политика таких «рупоров» деловой прессы, как «Коммерсантъ», «Деньги», «Власть», также в большой степени склоняется к русофобии.

Еще большее русофобская атмосфера – в пространстве интернета. Интернет является в настоящее время главным сектором прорыва западной пропаганды. Некоторые площадки Рунета (Dirty.ru, Newsland) захвачены русофобами целиком, другие (LiveJournal, Facebook) сохраняют видимость нейтральности, хоть русофобы и имеют на них серьезный перевес.

Огромное количество второстепенных площадок типа комментариев к статьям большинства сетевых СМИ намертво оккупировано либеральными ботами. Вызывает озабоченность ситуация на региональном уровне. Американским владельцам фактически принадлежат веб-порталы 13 городов России с совокупной аудиторией в десятки миллионов человек – речь идет о региональной сети Hearst Shkulev Digital, в которую входят ведущие городские порталы (первые по числу посетителей) в таких городах, как Новосибирск (NGS.RU), Екатеринбург (E1.RU), Нижний Новгород (NN.RU), Самара (SAMARA24.RU), Омск (NGS55.RU), Пермь (PRM.RU), Краснодар (NGS23.RU), Красноярск (NGS24.RU), Кемерово/Новокузнецк (NGS42.RU), Барнаул (NGS22.RU), Томск (NGS70.RU), Иркутск (NGS38.RU) и Сочи (SOCHI-EXPRESS.RU).

На сайтах из этой сети многократно зафиксированы случаи размещения провокационных материалов (например, нагнетающих панику в ходе спекулятивной атаки на рубль в конце 2014 г., когда основная часть данных сайтов была продана американцам в 2013 г., совокупная месячная аудитория сети составляла 12,2 млн посетителей, ежедневная – 1,15 млн.

В 2016 г. выяснилось, что предыдущие несколько лет американцы активно вели вербовку региональных редакторов и журналистов в России с помощью средств фонда Media development investment fund, Inc (MDIF).

Начиная с 1989 г. масоны уже осуществляли широкую и даже в известном смысле открытую кампанию по пропаганде подрывных масонских идей и вербовку новых своих членов в России. Проводится так называемая кампания «эктернализации», в рамках которой масоны выступают с лекциями, докладами в больших залах, в печати, на радио и по телевидению. В марте 1991 г. финансируемое на средства ЦРУ радио «Свобода» призывает жителей СССР устанавливать с ним

контакт для вступления в масонские ложи. Ведущая передачи Ф. Салказанова даже сообщила адрес, по которому советские граждане могли записаться в масонскую ложу в Париже. Ложа эта была не простая, а созданная специально, чтобы «способствовать распространению масонства в России» и воссоздать там «масонскую структуру». Чтобы сделать эту ложу привлекательной, масонские фальсификаторы назвали ее «Александр Сергеевич Пушкин» (хотя кому-кому, а им-то хорошо известно, что великий русский поэт масоном не был). Выступавшие в передаче «братья» из этой ложи призывали к моральному и духовному усовершенствованию общества, считая за образец США, в основу которых «с самого начала были заложены масонские принципы». При этом в 2012 г. в связи с выходом нового закона о СМИ радио «Свобода» прекратило эфирное вещание на коротких волнах, но продолжило вещание на средних волнах и в интернете [54].

Но возникает закономерный вопрос об эффективности и общественной полезности такой кадровой политики, в умах действовавших и будущих государственных руководителей. Чем и о чем они думали со своей гипертрофированной гласностью?

Расчеты на ответственность и сознательность с их стороны – напрасные ожидания, ведь большинство из них давно уже – иностранные агенты, находящиеся на содержании у Запада. Кому копчик помогли восстановить, кому – денег послать, кого просто «вразумить». И пусть не возбуждаются, не гонят волну популярности на себя – всему уже есть доказательства. Все из тайного рано или поздно становится явным. И неважно, мартинисты были эти господа или филолисты, франкмасоны или иллюминаты…

О. Платонов в своей книге «Россия под властью масонов» опубликовал подробный их список, с которым читатель может ознакомиться самостоятельно [55]. Сколько же этого «добра» в России! Сколько проходимцев и просто врагов! «Избави нас Бог от лукавого»! Спаси наши идеалы и наши души! А идеалы служения, верности, чести, совести, любви к Родине, прежде всего!

А ведь весь спектр наших духовных скреп давно и тщательно был разработан и предложен обществу сначала православными отцами-святителями земли русской, затем – русскими мыслителями и учеными, представителями идеал-реализма – совершенно особого и глубоко направления в истории философии. Направления, которое опять-таки все еще не в чести не только у философов-марксистов, но и у философов-модернистов. Направления, которое, однако, вполне успешно может стать философской основой формирования нашей государственной идеологии в XXI в.

И этот «философский пароход», опрометчиво отправленный когда-то радикальными марксистами-революционерами (идеологами опять-таки западного типа) в эмиграцию, необходимо ныне возвращать в родную гавань. Но возвращать осторожно, без впадения в радикализм (а именно к этому всегда и везде подталкивали и подталкивают масоны), без антисоветизма (потому что служение России и любовь к ней выше классовых рамок, нацелено на согласие и мир, что очень и очень важно).

А теперь о самых глубинных и сокровенных причинах антисоветизма. Их в сухом остатке две: алчность и подлость. Именно они стали главными причинами второго (после фашизма) преступления XX в. – предательства советского

народа и уничтожения Советского Союза. Именно антисоветская политическая элита, расколотая стараниями Запада и его агентов внутри нашей страны – «пятой колонны», – стала могильщиком Великого государства и Великой цивилизации. Несколько безответственных политиков, прежде всего М. С. Горбачев и Б. Н. Ельцин, организовали «роспуск» Советского Союза. Организовали тайно, скрыто, по-предательски. «Горбачев вел страну к катастрофе медленно, Ельцин – быстро. Но с соглашениями в Беловежской пуще моральная деградация политической „элиты“ страны завершилась» [54, с. 383, 531]. А чтобы обелить предательство, в преступлении обвинили тех, кто стоял у истоков создания Советского Союза. Точно по Й. Геббельсу: «Чтобы ложь была правдоподобной, она должна быть чудовищной».

31 октября 1991 г. в газете «Литературная Украина» была опубликована статья ярой антисоветчицы, научного сотрудника Лондонского университета В. Свободы и одновременно старшего научного сотрудника Института этнографии АН СССР, советника Б. Н. Ельцина по вопросам международных отношений Галины Старовойтовой. В этой статье создание Советского Союза в 1922 г. квалифицировалось как «международное преступление» [56, с. 365].

На протяжении всего советского периода нашей истории антисоветизм приобретал разные формы: антибольшевизм, антикоммунизм, антисталинизм, русофобия, западничество, масонство и т. д. По большому счету не Б. Н. Ельцин разрушил Советский Союз. При здоровом состоянии общества в нем не было бы никогда ни Ельциных, ни Горбачевых, ни Старовойтовых…

Но антисоветизм на протяжении всех семи десятилетий подтачивал и подрывал духовно-нравственные, идеологические и культурные устои советского государства и советского общества. Вот в чем суть. А на долю Б. Н. Ельцина «выпала лишь заключительная („техническая“) часть по реализации грандиозного проекта, задуманного международным империализмом и успешно претворенного в жизнь его предшественниками». Теми, кто по неведению, а кто сознательно крушили здание Советской империи, фундамент которого заложил В. И. Ленин, а выстроил на страх врагам – как внешним, так и внутренним – великий планировщик Советской цивилизации И. В. Сталин» [57, с. 606].

Конечно, в стране были и те, кто не хотел разрушения Советского Союза. Те, кто видел, куда страну ведет Б. Н. Ельцин. Но одни из них были ошельмованы уже «либеральными» СМИ, успешно приватизированными олигархами (Гусинский и К°). К таким ошельмованным можно отнести практически всех политиков, так или иначе выступавшим против Б. Н. Ельциным. Другие просто физически устранены (генерал Л. Я. Рохлин). Третьи доведены до самоубийства (маршал С. Ф. Ахромеев). Четвертые как-то «вовремя» погибли от «несчастного случая» (генерал А. И. Лебедь). Все это наводит на мысль о криминальном характере той эпохи.

После роспуска Советского Союза «целенаправленное уничтожение президентом (Б. Н. Ельциным – авт.) экономики России и присвоение народной собственности кучкой нуворишей оттолкнули от него массу людей. Даже многие его сторонники из числа народных депутатов расшифровали Ельцина и готовы были голосовать за отрешение президента от власти» [58, с. 340]. Ведь с «роспуском» Советского Союза советская власть еще не умерла. Важнейшую роль

в жизни теперь уже российского общества играл Верховный Совет. А это тоже была пока еще советская власть, хотя и в другом историческом и политическом формате. Но 21 сентября – 4 октября в Москве произошли события, окончательно уничтожившие эту власть: с помощью танков Б. Н. Ельцин разогнал съезд народных депутатов Верховного совета Российской Федерации и объявил о создании Президентской республики. Тем самым совершил очередное преступление против российского государства и нашего народа. Затем будут Б. А. Березовский, приватизация (ваучеры), «мутные» президентские выборы 1996 г., коробка из-под ксерокса, семибанкирщина, планы сделать собственную дочь Президентом России и многое-многое другое [59, с. 360].

Но это, как говорит в телепередаче «Следствие вели» артист Леонид Каневский (сыгравший роль инспектора Московского уголовного розыска Александра Томина в сериале «Следствие ведут ЗнаToКи»), «уже совсем другая история».

Таким образом, наше общество живет в состоянии постоянной информационной и идеологической агрессии со стороны Запада. Холодная война никуда не делась. Все разговоры о том, что она прекратилась, что ее нет, – из области фейков. Это необходимо понять всем и каждому. Потому что если предупрежден, значит, вооружен. Нас активно разъединяют, противопоставляют друг другу, сталкивают лбами, заставляют конфликтовать. Нас постоянно заставляют «бороться» за «свободу слова», «за общечеловеческие ценности», черт еще знает за что. Все это хорошо спланированная и организованная антирусская, русофобская, антисоветская, прозападная пропаганда.

У русского народа есть прекрасная поговорка: «ломать – не строить». Нашему обществу, всем нам предстоит большая творческая работа по реконструкции и возрождению еще не забытых и близких русскому сердцу созидательных форм и устоев народной, общественной жизни. И практическое использование позитивного опыта советского периода нашей истории в этом отношении может служить хорошим объединяющим стимулом, который позволит выйти нашему обществу и нашей экономике из кризисного состояния.

Библиографический список

1.Тойнби А. Вызов – и – Ответ // Тойнби А. Постижение истории: пер. с англ. М.: Прогресс, 1996. С.79 – 89.
2.О противодействии попыткам фальсификации истории народов в ущерб интересам России. Сборник материалов. М.: Совет Федерации, 2012. 96 с.
3. Кикнадзе В.Г., Изонов В.В., Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Мифы и реальность. М.: Изд-во Юго-Восток-Сервис, 2010. 60 с.
4. Рой Медведев: «Путин участвует в реабилитации Сталина? Это фальсификация [Электронный ресурс] https://www.business-gazeta.ru/article/362280
5. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. В 4-х т. Т.1. М.: Политиздат, 1957. 880 с.
6.Иоанн, митрополит. Одоление смуты. Обращение к русскому народу СПб., 1995. 352 с.
7.Замойский Л. За фасадом масонского храма: Взгляд на проблему. М.: Политиздат, 1990. 288 с.
8.Стариков Н.В. 1917. Разгадка «русской» революции. СПб.: Питер, 2018. 576 с.

9. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире // Новый мир. 1990. № 1. С.207 – 232.
10.Старцев А.И. Радищев: Годы испытаний. М., 1990. 432 с.
11. Пушкин А.С. Собрание сочинений. М.,1976. Т. 6. С. 210–221.
12. Эйдельман Н.Я. Александр Радищев. М.: Малыш, 1987. 384 с.
13. Стожко Д.К. А.Н. Радищев: Путешествие из Петербурга в Сибирь (к 270-летию со дня рождения) // Наука, образование, культура. Межвуз. сб. науч. ст. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2020. С.289-301.
14.Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909 – 1910. М.: Молодая гвардия, 1991. 462 с.
15.Булгаков С.Н. Родословная Христа. Карл Маркс как религиозный тип. Русская трагедия. Сб. науч. тр. М.: Директ-Медиа, 2008. 139 с.
16. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762 – 1914. М.: Русский путь, 1995.550 с.
17. Теория великого заговора: как тайные масонские ложи вершили историю СССР [Электронный ресурс]: https://www.m24.ru/articles/sovetskij-soyuz/01122014/61142
18.Брачев В.С. Масоны и власть в России. М.: Эксмо, 2003. 640 с.
19. Брачев В.С. Масоны у власти. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. 640 с.
20.Ермаков В.А., Андросов А.А. Политические уели ликвидации масонских организаций в СССР органами ОГПУ-НКВД 1920-1930 годов // Интерактивная наука. 2017. № 14. С.13-21.
21.Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). М.: Политиздат, 2020.
22.Доктрина Аллена Даллеса [Электронный ресурс] http://www.husain-off.ru/hb2n/h2doc26-5.html
23.Исторический опыт Великой Победы / под ред. О.Г.Лоретц, М.Ю. Карпухина, К.П.Стожко. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. аграр. ун-та, 2020. С.252-279.
24.Дейч М. «Зловещий план Даллеса: поиски шефа американской разведки // Московский комсомолец. 1005. 20 января. № 1460. [Электронный ресурс] https://www.mk.ru/editions/daily/article/2005/01/20/200843-zloveschiy-plan-dallesa.html
25.Красников М. Как нас предали… «Пятая колонна» опережает график Даллеса // Советская Россия, 9 мая 1995 г.
26.Вдовин А.И. «План Даллеса», «золотой миллиард» и российские либералы – космополиты // Politpros.com. 2012. – № 3(68) [Электронный ресурс] https://www.politpros.com/journal/read/?ID=1353&journal=96
27. Хлобустов О.М. Неизвестный Ю.Андропов. М.:Эксмо, 2009. 648 с.
28. Мокина В. «План Даллеса». История фальшивки [Электронный ресурс] https://vatnikstan.ru/history/plan-dallesa/
29. Главный противник. Сборник документов / под ред. И. М. Ильинского. М., 2006; Задачи США в отношении России. Директива 20/1 Совета Национальной Безопасности США от 18 августа 1948 года // Геополитика и безопасность. 2016. № 3-4. С. 159–176.
30. Газета.ru [Электронный ресурс]: https://www.gazeta.ru/business/2018/03/30/11701616.shtml
31. Lenta.ru [Электронный ресурс]: https:// Lenta.ru/news/2019/11/23/ukraina/

32. Зубкова Я.Н. Прямые иностранные инвестиции в электроэнергетике России. М.: Инфра-М., 2019. 204 с.
33.ЦБ зафиксировал рекордный отток зарубежных инвестиций [Электронный ресурс] https://www.rbc.ru/economics/08/04/2019/5cab58a09a7947da221f5958
34. Стожко Д.К. Модернизация российской экономики: История. Теория. Практика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 412 с.
35. Конституция Союза Советских Социалистических Республик. М: Политиздат, 1977. 127 с.
36. Мойзер Ф. Жилищное строительство в СССР 1955-1985. М.: Dom Publishers, 2020. 204 с.
37. Строительство жилья в Российской Федерации [Электронный ресурс] https://rg.ru/2020/06/23/skolko-zhilia-stroitsia-sejchas-v-rossii.html
38.См.: Послание Президента Российской Федерации В.В. Путин Федеральному собранию. 1 марта 2018 г. [Электронный ресурс] http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957/print
39.Стожко Д.К., Стожко К.П. Проблема земельной ренты в контексте устойчивого развития аграрной экономики // Историко-экономические исследования. 2020.Т.21. № 2. С.274-290.
40. Нужно ли России вступать в ВТО? [Сайт Русской народной линии]. Дата обращения 25.05.2018.
41.Россия в ВТО. Год после вступления /под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина, М.В. Федорова. В 2-х т. М.: Экономика, 2014. 42.Милюков П.Н. Воспоминания. В 2-х т. Т.1. М., 1991.
43.Ильин И. А. О воспитании в грядущей России / Собрание сочинений в 10 томах Том 2. Книга 2. М.: Русская книга, 1993. С.178-192.
44.Игнатовский П.А. Экономическая жизнь социалистического общества. М.: Экономика, 1983. 248 с.
45.Поздняков И.В. Условность слова и безусловность истории. Екатеринбург: Элита-Регион, 2009. 242 с.
46. Иоанн, митрополит. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. М.: Царское дело, 1995. 352 с.
47. Масонская ложа [Электронный ресурс]: https://versia.ru/bolshe-ne-slux-v-pravitelstve-gajdara-rabotali-masony
48. Список известных масонских лож и организаций России [Электронный ресурс]: https://eduard-456.livejournal.com/30498.html 49. Е.Т.Гайдар [Электронный ресурс]: https://www.kp.ru/daily/27067.3/4134892/
50. *Мартин Гилман.* Дефолт, которого могло не быть. М.: Время, 2009. С. 281-283.
51.Министр и масон [Электронный ресурс]: https://nangs.org/news/authorities/ministr-i-mason
52. Кара-Мурза С.Г. Манипулирование сознанием.
53.Основные увлечения наших «сверхлитераторов» //
Литературная газета. 2015. № 2013/ 10 от 23.02.2015 [Электронный ресурс]: https://litrossia.ru/item/6343-oldarchive/
54.Википедия [Электронный ресурс]: https:// ru.wikipedia.jeg/wiki/ Заглавная страница
55.Платонов О. Россия под властью масонов. М.: Русский вестник, 2000. 112 с.

56. Костин А. Заговор Горбачева и Ельцина: Кто стоял за хозяевами Кремля? М.: Алгоритм, 2010. 608 с.
57.См.: Белая книга. Сб. ст. М.: 2007. С.363-367.
58. Полторанин М. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М.: Алгоритм, 2010. 512 с.
59. Коржаков А. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М.: Интербук, 1997.480 с.
60. Самарин Ю.Ф. Иезуиты и их отношение к России. М.: Типография Грачева и К °, 1870. 538 с.
61. Морошкин М.Я. Иезуиты в России с царствования Екатерины II до нашего времени. М., 1867-1870.
62.Андреев А.Р. История ордена иезуитов. Иезуиты в Российской империи. XVI – XIX века. М.: Русская панорама, 1998. 290 с.

8.3. Трансформация ценностей и судьба Советского Союза

В конце XX в. учеными было отмечено, что среди многих научных дисциплин общая теория государства описывает и объясняет свой «закрепленный» за ней объект. «В диапазоне ее интереса – природа и формы устройства государства, способы организации и деятельности институтов публичной власти, генезис и основные исторические модификации государственности, взаимоотношения таковой с иными сферами социальной жизни.

Главную задачу этой науки обычно видят в раскрытии закономерностей возникновения, функционирования государства» [15, с. 45], но в меньшей мере его разрушения, исчезновения с географической карты мира.

На протяжении тысячелетий мыслители стремились оценить значимость материальных объектов, а также социальных потребностей для жизнедеятельности общества, что логически вело к постановке проблемы ценностей. Однако и сегодня уровень знания о природе ценностей, их разновидностях, технологичности применения оставляет желать много лучшего. Хотя исследования, связанные с ценностной проблематикой, предлагаются представителями различных наук постоянно. Философы и социологи используют понятие «ценность» для обозначения характеристики объектов, явлений, их свойств, а также абстрактных идей, воплощающих общественные идеалы и выступающих благодаря этому эталоном должного.

История свидетельствует, что постановка и разработка теорий ценностей с позиций аксиологического подхода начались со второй половины XIX в. Им уделяли внимание такие ученые, как Р. Г. Лотце, Ф. Ницше, Г. Риккерт, В. Виндельбанд, М. Вебер, М. Шелер, Н. Гартман, Т. Парсонс, Н. Решер, У. Робин, Н. Лапин, И. Ладанов и др.

Тот же Т. Парсонс утверждал: «Ценности … это составные части социальной системы … общепринятые представления о желательном типе социальной системы» [22, с. 368], которой является государство. Еще один американский ученый Н. Смелзер усматривал в ценностях «разделяемые в обществе (общности) убеждения относительно целей, к которым люди должны стремиться, и основные средства их достижения (терминальные и инструментальные ценности) [27, с. 660].

По М. Веберу, ценности – это обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм. Они обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях. Система ценностей образует внутренний стержень культуры, духовную квинтэссенцию потребностей и интересов индивидов, социальных общностей. В то же время она оказывает обратное влияние на социальные интересы и потребности, выступая одним из важнейших мотиваторов действия, поведения индивидов. Поэтому каждая ценность и системы ценностей имеют двуединое основание: в индивиде как самоценном субъекте и в обществе как социокультурной системе [5, с. 628–630].

Для Н. Решера ценность – это лозунг, способный рационализировать действие путем закрепления положительного отношения к предположительно благоприятному положению дел [1]. У человека есть потребности и желания, он способен к здравомыслию, в частности, разумно стремиться к достижению целей, а не просто реагировать на возбуждения. Вследствие этого и появляются ценности, так как «иметь ценность – это значит быть способным обосновать мотивы целенаправленного поведения с точки выгод и затрат, исходя из ясного представления о том, что в интересах человека и что идет вразрез с ними». [9, с. 54].

Таким образом, очевидно, что мы имеем дело с чем-то, относящимся исключительно к сфере идей. Идеи теоретически объясняют реальную действительность. Ценности же вытекают из нее. Следовательно, здесь имеется тесная связь между теоретическими аспектами и реальной действительностью.

Н. Решер относит к ценностям здоровье, комфорт, физическую и экономическую безопасность, производительность, порядочность, честность, щедрость, вежливость, свободу, справедливость, красоту, чистоту совести, умственные способности, профессиональное признание и т. д.

Американский социолог У. Робин определяют систему ценностей человека конца XX в. Ее базовые составляющие таковы: достижение, успех, активность, работа, гуманизм, эффективность, практичность, прогресс, материальный комфорт, наука, рационализм, национализм, практицизм, демократия, индивидуальность. Сегодня эти ценности служат для людей неким эталоном при сверке своей личности с идеальным имиджем современника.

Н. И. Лапин считает, что ценности суть не вспомогательная пристройка к экономике и политике, а обобщенные представления людей о целях и нормах своего поведения, воплощающие исторический опыт и концентрированно выражающие смысл культуры отдельного этноса и всего человечества [10, с. 3].

В монографии «Управление переносит будущее в настоящее» отмечено, что уточнение ценностей – всегда почтенное понятие [20, с. 142], они влияют на поведение людей во всех сферах жизнедеятельности, а потому простейшим основанием их типологии является их предметное содержание. По этому основанию различают ценности социальные, культурные, экономические, политические, духовные и т. д. Специалисты называют многие десятки, даже сотни ценностей. Олпорт и Одберт, связав ценности с качествами, способностями, чертами личности, насчитали их 18 000, Андерсон сумел сократить этот список сначала до 555, а затем до 200 названий.

Вместе с тем наиболее общих, базовых ценностей, составляющих основание ценностного сознания людей и подспудно влияющих на их поступки в различных отраслях жизни, не так много. Их число оказывается минимальным, если ценности соотнести с потребностями людей. Так, З. Фрейд предположил ограничиться двумя, А. Маслоу – пятью потребностями-ценностями. Г. Муррей сформировал список из 28 ценностей. М. Рокич оценил число терминальных ценностей в полторы дюжины, а инструментальных – в пять-шесть дюжин, но эмпирически исследовал по 18 тех и других. Словом, базовых ценностей насчитывается от 2 до 40.

С точки зрения социокультурного смысла ценностей, их важности для человека все они подразделяются на терминальные и инструментальные.

Терминальные (общечеловеческие), или целевые, ценности обобщенно выражают важнейшие цели, идеалы, самоценные смыслы жизни людей, такие как ценность человеческой жизни, семьи, межличностных отношений, свободы, труда, образования, прогресса, информации, здоровья, красоты, равенства, правды, культурного наследия и т. д. Их, в свою очередь, подразделяют на личностные и социальные.

В инструментальных ценностях запечатлены одобряемые в данном обществе или иной общности средства достижения целей. С одной стороны, это нравственные нормы поведения, с другой – качества, способности людей. Все инструментальные ценности существуют как бы на фоне ценностей общечеловеческих, а также индивидуальных ценностей работников. По сравнению с целевыми ценностями они менее устойчивы и имеют более низкий статус.

Другим основанием типологии ценностей может служить их отнесение к соответствующим потребностям индивидов: витальным – простейшим, или первичным, потребностям, значимым для сохранения и продолжения жизни (благополучие, комфорт, безопасность); интеракционистским – более сложным потребностям в общении, взаимодействии с другими людьми; социализационным – еще более сложным потребностям в усвоении ценностей, норм, образцов поведения, одобряемых в данном этносе, обществе культуре; смысложизненным – высшим по сложности и функциям потребностям в наполнении своей деятельности общим смыслом, значимым для всей жизни.

Важным социокультурным основанием типологии ценностей является их соотнесение с тем типом цивилизации, в недрах которой возникла та или иная ценность. Под этим культурно-генетическим углом зрения различаются традиционные ценности, или ценности обществ традиционного типа, ориентированных на сохранение и воспроизводство давно сложившихся целей и норм жизни; современные ценности, или ценности обществ типа *modernity*, ориентированных на инновации и прогресс в достижении рациональных целей; общечеловеческие ценности, в равной мере свойственные традиционным и современным обществам.

Системы ценностей каждого государства имеют своеобразный встроенный национальный интеллект, свою специфику, обусловленную так называемой разностью менталитетов. Другими словами, заимствованные у американцев ценности не будут эффективно работать в России, а японская система не привьется в Америке. У людей просто разный образ мышления.

Таким образом, можно обратиться к утверждению В. С. Магуна и М. Г. Руднева [13, с. 5], что ценность – это синоним неравнодушия к тому или иному аспекту действительности; она обычно осознается и переживается в двух случаях – либо в ситуации, когда необходимый для сохранения и развития индивида объект отсутствует, либо в ситуации, когда человек обладает тем, что необходимо, но это обладание не воспринимается как стабильное, раз и навсегда данное. Ценности человека не идентичны поступкам, но при определенных условиях они способны подтолкнуть его к практическим действиям, направленным на воплощение этих ценностей в жизнь. Правда, это лишь одна из функций, не менее важно воздействие ценностей индивида на его вербальные действия, а через них – и на вербальные и практические действия других людей.

Действительно, обладание ценностью не является стабильным, а при определенных обстоятельствах происходит не только потеря ценностей, а также их подмена. Потеря ценностей ведет к утрате смыслов, отчаянию, потере жизненных ориентиров. Подмена ценностей – явление не новое, а примеры падения нравов описаны в Библии: история о Содоме и Гоморре; в произведении Данте Алигьери «Божественная комедия»; у Иоганна Гете в «Фаусте», в известном произведении Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея»; в сериале «Тюдоры» о Генрихе VIII. Сегодня они шокируют людей в отупляющих шоу Comedy Club и «Дом-2».

Какие смысложизненные ценности выбирает индивид – это наиболее сложная проблема для каждого. Решение зависит от того, что было человеку предложено в семье.

Многие ценности индивид «присваивает» себе через трансляцию ценностей родителями: нравственность, физическое и духовное здоровье, самореализация, саморазвитие, близкие люди, дружба, доброта, сострадание, честность, порядочность.

Постепенно в человеческом обществе происходит конструирование трех основных форм существования ценностей, об архитектуре которых свидетельствуют исследователи.

Во-первых, ценности выступают как общественные идеалы. Это общечеловеческие, «вечные» ценности (красота, справедливость, истина) и ценности конкретно-исторические (демократия, равенство).

Во-вторых, ценности предстают в объективированной форме в виде произведений материальной, духовной культуры либо человеческих поступков, в которых предметно воплощаются общественные ценностные идеалы (этические, эстетические, правовые, управленческие, политические и др.).

В-третьих, социальные ценности, преломляясь через призму индивидуальной жизнедеятельности, входят в психологическую структуру личности человека в форме его личностных ценностей. Они служат связующим звеном между культурой общества и духовным миром личности.

Личностные ценности высокоосознанные, они отражаются в сознании в форме ценностных ориентаций (англ. *value orientations* – предпочтения и стремления личности или группы), которые, в свою очередь, служат важным фактором социальной регуляции взаимоотношений людей и поведения индивида.

Ценностные ориентации влияют на формирование потребностей личности, а следовательно, на мотивацию ее деятельности. В то же время возможность фор-

мирования сплоченного коллектива реализуется только тогда, когда между его членами существует ценностно-ориентированное единство [30]. И каждая организация создает присущие лишь ей общие и специальные ценности, где доминируют их выражающие интересы и цели.

В психологии ценностные ориентации рассматриваются как совокупность оснований для оценок субъектом окружающей действительности и ориентации в ней, содержат личностный смысл [11, с. 304]. Через ценностные ориентации личность формирует свое поведение, характер деятельности, способы самоактуализации, «сравнительно устойчивое избирательное отношение к материальным и духовным продуктам общества, социальной группы, окружения и средствам их усвоения» [21, с. 142]. Таким образом, они выполняют две основные функции: во-первых, позволяют человеку занять определенную позицию, обрести свою точку зрения, дать оценку ситуации, явлению; во-вторых, мотивируют деятельность и поведение, направленные на достижение определенных целей.

Как уже отмечалось, ценностные ориентации присущи и отдельным личностям, и группам. У группы они во многом зависят от места, занимаемого ею в системе общественных отношений и в иерархической структуре общества [7, с. 184].

Следует помнить, что в разные периоды жизни у человека происходит переосмысление, переоценка ценностей. Чаще всего их называют кризисами, испытаниями, которые могут быть связаны с событиями в государстве. Бывает, что обществу, как правило, предлагаются ложные ценности, вымышленные идеалы, некие идейные установки, символы и многое другое, что разрушает не только нравственные начала личности, но и государства.

Многие века Россию рассматривают как самобытную страну, отличную от стран Запада, с системой ценностей и целеполаганием – «страна должна быть». Традиционное противопоставление Запада и Востока выражалось, как правило, противопоставлением категорий «преображение» на Востоке и «охранительство» на Западе. Развитие на Востоке – императив преобразований, прежде всего, каждого человека. Императив Запада – господство над внешним миром. Доминантная идея «преображения» человека стала общественным проектом коллективного достижения цели на основе обращения к цивилизационным ресурсам. Западный мир взращивал индивидуалистский, материалистический характер отношений между людьми с доминантной идеей господства над другими народами. Ценностная шкала коллективизма: человек – социальная личность, сохранение гендерных различий и традиций; общность; отношения братства и дружбы; государство как большая семья; сохранение мира (мессианизм).

Для индивидуализма человек – индивидуум; глобальная рыночная конкуренция; отношения господства – подчинения; договорное (контрактное) государство; господство над другими народами.

За тысячелетия в России и западных государствах сменялись идеологемы, ценности, государственные идеологии, но противоречия оставались, превращаясь в военные угрозы и войны. По подсчетам С. М. Соловьева, с 1055 по 1462 гг. Русь перенесла 245 нашествий. За период с 1365 по 1893 гг. Россия 305 лет провела в войне. И всегда главная угроза для нее исходила с Запада. Как в XX в., так и сейчас. В этой связи даже А. Дж. Тойнби по причине научной честности не поддержал исследователей, что Россия – агрессор. В длительной исторической перспективе

можно утверждать, что русские, считая себя жертвой непрекращающейся агрессии Запада, имеют на этот взгляд больше оснований, чем нам бы хотелось.

Фактически отношение Запада к России в силу его приверженности к чуждой для них цивилизации остается и сейчас. «Именно Россия исторически являлась главным препятствием на пути мировой глобализационной экспансии Запада, реализации западного проекта» [6].

Сегодня в интернете можно прочитать фейковый план Даллеса – идеолога холодной войны, одного из организаторов разведывательной деятельности против СССР: «Окончится война, все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, – все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей! Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить».

Эта легенда в конце 40-х гг. XX в. была известна многим исследователям, а ее источником любят упоминать действительно существующий исторический документ, так называемый Меморандум 20/1 Совета национальной безопасности США («Задачи в отношении России») от 18 августа 1948 г. Его полный перевод опубликован и легкодоступен для анализа [23]. Российская власть идеологического противостояния Запада и СССР в те годы не отрицала. Это была холодная война, и у каждой страны имелся свой план.

Тем не менее 25 декабря 1991 г. в Кремле был спущен флаг СССР. И 25–26 декабря того же года Верховный Совет СССР подтвердил факт распада государства в связи с образованием Содружества независимых государств и проголосовал за прекращение полномочий союзных органов государственной власти. 22 декабря 2022 года ему бы исполнилось 100 лет.

Вопросы распада СССР, его причины и последствия еще долгие годы будут продолжать интересовать историков и исследователей.

Общество потеряло ценности советской эпохи, столкнувшись с якобы «демократическими западными», а также «рыночными» ценностями. Но не только советские ценности стали подвергаться сомнению. Каждый человек в Росси оказался, по мнению В. Лепехина [4], в состоянии затянувшегося и во многом самостоятельного поиска мировоззренческой доктрины: с одной стороны – свобода самостоятельного выбора, с другой – постоянные погружения в хаос интерпретаций происходящего. С момента исчезновения Советского Союза была запущена технология пропаганды западного образа жизни, при которой обыватель убежден в том, что любая информация или позиция, не вписывающаяся в идеологию западных государств – ложная и злонамеренная. Этот штамп стал функциональным инструментом информационной войны.

Более того, с вбросом категории симулякра «западные ценности» в информационное пространство Запад стремится решить некую смысловую коллизию: поскольку современная Россия не имеет официальной национальной идеи, но демонстрирует приверженность прозападной идеологии, то, следовательно, у нее «неправильные ценности».

По существу, это обновленная технология «ценностного управления, или управления по ценностям». Это управленческий инструментарий, позволяющий не только достигать текущих выгод, но и создавать новые ценности как внутри

организации, так и для общества в целом. Информационная прозрачность и развитие информационных технологий позволяют это делать стремительно. Те же социальные сети делают распространение «нужной» информации моментально.

Кульминацией ценностно ориентированного управления не без оснований считается работа К. Майджера. В его схеме присутствуют базовые элементы: ценности – видение – вера и отношения – поведение [14, с. 152].

«Управление по ценностям» существует с незапамятных времен язычества и приобрело организованность в такой системе воздействия на поведение личности и общества в целом, как религия. Ее основная роль – мировоззренческий и морально-этический регулятор поведения людей. Библия и Коран декларируют четкий свод правил и норм поведения, определяющих не только участие человека в религиозной жизни, но и многие сферы его деятельности и быта. Эти своды ценностей, бесспорно, закрепляют правила для индивидуального восприятия и руководства к действиям и бездействиям.

В аналитических исследованиях проблематики «управление по ценностям» [19, с. 10] отмечается, что воздействие религии всегда было велико, она влияла на создание не только систем моральных, духовных ценностей, но и шедевров архитектуры, изобразительного искусства, музыки: готические соборы Европы; православные церкви с иконами Андрея Рублева, Феофана Грека; Тадж Махал; комплекс площади Регистан в Самарканде; бесценные храмы Египта; живопись эпохи Возрождения; Бах; Гендель, а позднее Бетховен; Чайковский; современный живописец Илья Глазунов и др. В монастырских библиотеках были сосредоточены огромные книжные массивы.

Однако все мировые религии (буддизм, христианство, ислам) так и не достигли тех целей, которые провозглашали. Человечество не смогло сформировать глобальную общественную идею, в том числе религиозную. Но с позиций изменения ценностей и ценностных ориентаций методы религиозного воздействия на социум и личность, хотя и модифицировались, но остаются прежними. Особенно это касается ценности рыночных отношений, предложенных после развала Советского Союза. Более 770 лет назад на Западе зародилась рыночная экономика и вместе с тем и западная деловая этика, а затем и симулякры идеала «западных ценностей»: свобода перемещения, сильное гражданское общество, приоритет права, толерантность и т. п. Термин «симулякр» заимствуют из работ Ж. Бодрийяра, он означает «мир копий без оригинала» [3, с. 244].

В этом многообразии скрыто все многообразие характеристик той же «демократии» («умеренная», «сдерживающая», «правильная», «американская», «западная», «справедливая» и т. п.). Все это скорее декларируемые идеалы, объединенные единой формулировкой, находящейся в синтезированном мире симулякров, формирующих идентичные цели с претензией на ценности.

Зарождение капитализма в Европе XVI в. тесно связано с протестантской Реформацией. В известном смысле протестантизм и сегодня влияет не только на социально-экономические отношения, но и на систему ценностей граждан в государствах. Католицизм Средневековья трактовал прибыль как нечто сомнительное с нравственной точки зрения и, следовательно, не мог выработать этические нормы процесса обогащения. Предпринимательство и нравственность считались им несовместимыми.

Неудивительно, что многие средневековые купцы вели себя как торговцы наркотиками в наши дни. Коль скоро такой род занятий считается аморальным по существу и не является богоугодным, какой смысл соблюдать в делах какие-либо этические и нравственные нормы? Доход есть доход, какими бы путями он ни был получен.

Протестантизм вызвал к жизни этику предпринимательства, морально оправдав стремление к прибыли. В католической традиции труд рассматривался в худшем случае как проклятие, а в лучшем – как развлечение. Протестантские теологи стали высказывать мысль, что торговля может быть угодна Богу, труд может рассматриваться как служба Богу, а правильное использование богатства состоит как раз в его приумножении во славу Божию. Следовательно, погоня за прибылью и стремление попасть в Царствие Небесное не только совместимы, но и подкрепляют друг друга. Как считал протестантский богослов XVI столетия Жан Кальвин, финансовый успех следует трактовать как благословение свыше. Таким образом, благодаря Реформации преуспевающий предприниматель мог в то же время считаться нравственным человеком. Эта и другие, более светские, трактовки стали важным ценностным ориентиром западной культуры. Протестантизм сыграл огромную роль в легитимизации капитализма с его притязаниями на роль первой в истории «справедливой» экономической системы и с убеждением, что купец в отличие от римского воителя или феодального барона заслуживает благ, которые получает.

Капитализм был первой общественно-экономической системой, при которой богатые могли утверждать, что их материальный успех есть не более чем справедливое вознаграждение за выполнение общественно полезной функции. До мирового финансово-экономического кризиса 2008 г. в рыночной системе придерживались этой позиции. Но у академика РАН Ю. Журавлева свой взгляд на то, что произошло: это не просто кризис, а предвестник краха либеральной экономики и начало перехода к другому устройству мира. Будет найден принципиально новый способ управления, отличающийся от либерального и социалистического, изменятся и ценности достижения материального успеха. Но спокойного будущего не будет. Периоды спадов и подъемов в экономике неизбежны [33].

Да, рыночная экономика обеспечивает более высокий уровень материального благополучия, меняет ценностные ориентации и культуру личности, придает уверенность в будущем большему числу людей, предоставляет достаточно высокую степень свободы в принятии управленческих решений. Но в основе рыночной экономики лежат и эгоизм (фр. egotisme, лат. ego – Я), и себялюбие, и предпочтение личных интересов интересам других людей, а экономическим стимулом служит корысть. Последние столетия показали, что алчность способна скорее разжигать людские страсти, чем утихомиривать их. И неизвестно, когда наша совесть примирится с экономическим укладом, в котором доминирует принцип эгоизма как средство достижения целей, сколь бы похвальны они ни были [18].

К сожалению, в современном мире различные церковные конфессии принялись полемизировать между собой, демонстрируя противоречащие друг другу стремления, в том числе по отношению к ценностям – как традиционные, так и прогрессивные.

С психологической точки зрения управление по ценностям представляет собой «самодостраивание» человеком при решении разнообразных жизненных задач. Такое «самодостраивание» становится возможным благодаря самой природе ценностей, которая в отличие от целей и норм глубоко интегрируется в психику человека.

Основные принципы применения социально-психологической технологии управления по ценностям выглядят следующим образом:

1) принцип социальной целостности: ни в семье, ни в школе, ни на работе личность не исключается из активной социальной жизни;

2) принципы единства и разнообразия: возможность существования разного, отличного друг от друга, но без враждебных, взаимоисключающих способов удовлетворения предпочтительности. Удовлетворение интересов всех в рамках преобладающих ценностей, на основе социальной справедливости;

3) принцип цивилизованности: все равны перед законом, должны уважать каждую личность, ее права и свободы;

4) принцип плюрализма: уважение разных национальных ценностей, традиций, обычаев, обрядов, неприятие подавления иных территорий;

5) принцип гуманности: уважение личности при ее высокой ответственности; гуманизация культуры, образования, управленческих отношений, духовной сферы и сферы общения;

6) принцип экономизации: обеспечение условий трудовой, предпринимательской и иной деятельности для удовлетворения личностью своих потребностей и интересов.

В основе реализации этих принципов лежит психологический механизм идентификации ценностей, предлагаемых в обществе, а также личных ценностей индивидов. К примеру, человек радуется, когда он взрослеет. Поначалу он счастлив, что расстается с детством, хотя в этот период в его сознание вторгается колоссальный поток сведений, ощущений, ценностей, а его творчество поддерживается в семейном окружении. Приходит взросление, и его «детская самостоятельность» подвергается натиску новых предлагаемых ему ценностей. Но для их выбора ему требуется принимать решения уже осознанно, по-взрослому.

Именно на этих этапах начинает действовать механизм превращения ценностей в ценностные ориентации. В жизни человек встречается с нормами двух видов: императивными, навязываемыми силой принуждения (инструкции, регламенты, организационные документы и т. д.), и нормами культуры (умениями, навыками, традициями и т. п.). Центральную роль здесь играют нормы культуры, а в случае превышения требований императивных норм над нормами культуры человеку невозможно выполнять императивные нормы. Но если предлагаемые ценности во многом соотносятся с нормами культуры человека, он их принимает, эти ценности постепенно переходят в ценностные ориентации и влияют на его дальнейшее поведение и поступки.

Под ценностными ориентациями личности понимаются:

– осознание совокупности социальных ценностей (интересов), которые личность призвана защищать;

– оценочное отношение к правилам нормативно закрепленного поведения в обществе;

– представление об иерархии норм «ценностного» служебного этикета;
– оценка правовых гарантий личности.

В условиях формирования рыночных отношений ценности личности как бы преломляются через призму рынка, приобретают характер рыночных ценностей. Для России сегодня материальная и духовная жизнь общества и личности строится по законам рыночных отношений и экономического обмена. В результате человек нередко теряет свои высшие ценности, в том числе духовные, стремясь к материальному обогащению любыми путями. Возникают проблемы двойной морали, выдвижения на первый план псевдонаучных ценностей (мистика, колдовство, экстрасенсорика), когда логика разума заменяется верой и внушениями [17].

Нельзя сказать, что традиционные ценности ошибочны. Они, скорее, не рассчитаны на сегодняшние и завтрашние проблемы. Необходимо извлечь «до последней капли» и здравый смысл, и мудрость, заложенные в них. Но при этом нужно не только опираться на них, но и идти вперед, к созданию новых и переосмыслению старых ценностей, к новым знаниям о них.

Вместе с тем выявить противоречия между новыми традиционными ценностями, выработать рекомендации по их разрешению невозможно без анализа практики. Именно в этом прикладное предназначение многих наук. Если же эти противоречия оставить без внимания, при культивировании новых ценностей возникает сильное сопротивление со стороны как отдельных личностей, так и общества.

Стремительно изменяющийся мир все чаще предлагает ценности благосостояния: благополучие, богатство, профессионализм, образованность, статус, престиж, славу, репутацию и т. д.

А такая ценность, как власть, была и остается в числе наиболее универсальных и значимых, поскольку позволяет приобретать любые другие ценности.

Поэтому так важно анализировать, какие ключевые ценности имеют общее значение для всех (для общества и государства), а какие – только для личности. До какого предела можно удерживать от столкновения несовместимые ценности? Какие механизмы управления по ценностям целесообразны для более эффективного воздействия на поведение людей. Ответы для них должна дать практика.

Создание и разрушение государств может происходить и без войны через применение технологий управления по ценностям. Например, об этом свидетельствует сравнение анатомии распада Российской и Османской империй. Ценности разрушения и последующего зарождения арабского национализма были заложены еще IX–XII вв., задолго до создания мощного государства османов. В ценностных ориентирах правоверного араба фундамент государства мусульман должен опираться на арабов, а не на турков. Представители христианства и иудаизма, претендуя на государственные должности, как правило, принимали ислам и становились донме, которых в обществе называли «перевернутыми»; притворными, им не доверяли. Но они оставались носителями и приверженцами ранее принятых ценностей, а также идей младотурков о пантюркизме и национально-освободительном движении.

В России разрушением государства занималась, как и в Османской империи, внутренняя оппозиция, представленная в большинстве своем инородцами, членами масонских лож. Ценности, предлагаемые ими, содержали идеи объединения усилий рабочего класса в союзе с крестьянством против монархии, марксизм,

приспособленный к реалиям России с ярко выраженным классовым характером. И хотя более чем после 70 лет в статусе государственной идеологии марксизм утратил свою значимость, его ценностные ориентации оказались устойчивыми. В дополнение к заявленным ценностям свою роль сыграл национализм балканских народов, партикулярный национализм в Польше, Прибалтике, Украине и Закавказье.

Предложение иных, чем прежде, ценностей для государств и народов всегда происходит в процессе геополитической борьбы. Советский Союз ценой огромных потерь достиг Победы в Великой Отечественной войне, но потерпел поражение в холодной войне, в процессе которой осваивались все новые и новые формы информационного противоборства, где обман, дезинформация и ложные идеи стали основными инструментами управления по ценностям с целью разрушения государства. Причем доминирующим на Западе всегда было течение, продуцирующее фобии в отношении России. Ведущими мотивами информационных вбросов стали идеологемы порочности нравственных ориентиров советской системы и необходимость приближения к идеалам западной культуры; усредненности существующего образования «под копирку» и переход к его «свободному» получению в Европе с правом перемещения в любую страну для последующего трудоустройства; отказ от коллективизма и товарищеских отношений между людьми в пользу индивидуализма и социального эгоизма – ты никому не должен, думай о себе и своих приобретениях; ложность патриотизма и любви к Родине, которая через власть не уважает тебя, оставляя нищим и невостребованным; отсутствие социальной перспективы, которая может появиться только в «свободном обществе».

По прошествии времени сегодня можно оценить ошибки, допущенные в СССР. Действительно, идеологические посылки о коллективном стремлении к общему благу в отличие от западной модели конкуренции деформировались под влиянием уравнительных тенденций, номенклатурных подмен и перекосов при назначениях на должности.

Политические, экономические и социальные реформы в их «бюрократическом» формате спрятали человека как такового, оставив ему подчиненную, зависимую от государства роль. И хотя благосостояние в распределительном обществе слегка росло, интеллектуальное, культурное, духовно-нравственное развитие притормозили. Патриотизм, самоотверженность, уважение к творческой личности стали все больше восприниматься как уходящие ценности. Это были пусковые механизмы разрушения страны, обреченности стратегий развития в условиях централизованной планово-распределительной экономики, появления на уровнях управления посредственных людей.

Бытовала даже шутка, что «убеждения человека могут меняться, но только с линией партии». При анализе исследований о причинах разрушения и подмены ценностей периода существования СССР встретился один фрагмент статьи с заголовком «Роль государства. Человек как часть государства» [28].

Для советского человека это было очень важное понятие. Вся собственность принадлежала государству, законы устанавливало и соблюдало государство, от него зависела жизнь каждого. Но нельзя сказать, что государство воспринималось как нечто отдельное от человека, человек ощущал себя его частью. Беды и радости государства были его бедами и радостями, а в своих личных бедах и радостях он

желал участия государства. Он ждал от государства наказания своих обидчиков, ждал улучшения своих бытовых условий, ждал поздравлений с юбилеем, государственных наград по случаю своих достижений. Мы рождались в государственном роддоме, росли в государственном детском саду, учились в государственной школе и институте, получали от государства квартиру, работали на государственном предприятии, получали государственную пенсию, нас хоронили на государственном кладбище. Все это называлось советская власть.

А на эмоциональном уровне эта связь человека с государством проявлялась в чувстве защищенности. Люди знали, что их не бросят в беде, что помогут, что за них кто-то отвечает. Никто не боялся потерять жилье или работу, умереть без медицинской помощи, от голода и холода, не боялся, что в случае его преждевременной смерти его дети и родители пропадут. И еще каждый чувствовал себя отчасти хозяином всего, что его окружало. Переживали по поводу неубранного картофеля, по поводу того, что в колхозе все пьют, а коровы стоят недоенные, радовались, когда видели новые дома, когда узнавали об окончании строительства какого-нибудь объекта вроде огромной ГЭС.

Большинство народа действительно испытывало такие чувства: вышел на улицу – и знаешь, что все это – твое, приехал в новый город – это твой город, вышел из палатки на реку – вся даль твоя, и ты везде свой, и до всего тебе есть дело. Или когда играет гимн в шесть утра, или когда наш спортсмен стоит на пьедестале и вверх идет красный флаг СССР, или когда смотришь парад на Красной площади и печатают шаг войска, или когда смотришь фильм про историю своей страны – тяжелую, трагическую, но героическую историю своих предков, от которой нельзя отрекаться».

И хотя грандиозный исторический эксперимент, желаемый и декларируемый нравственный облик советских людей, отраженный в «Моральном кодексе строителя коммунизма», так похожем на многие библейские заповеди, не удались, но такой опыт для будущих поколений бесценен.

Для многих из тех, кто родился в СССР, распад великой страны всего за шесть месяцев был величайшей трагедией, а в сравнительно-историческом плане сродни крушению Римской империи.

Сегодня отечественные и зарубежные исследователи оценивают, как происходила трансформация ценностей российского человека. Они рассматривают разные этапы развития СССР: от момента создания до конца 1991 года. Чаще всего такие оценки имеют негативный оттенок и содержат положительное отношение к потребительским ценностям. Экспансия западных ценностей содержит два основных подхода: во-первых, понимание того, что российские ценности всегда будут некой альтернативой западной системе взглядов; во-вторых, убежденности в том, что европейские и западные ценности – самые прогрессивные: равенство, толерантность, свобода, демократия, прогресс. Основным механизмом распространения таких ценностей в Россию выбрана «мягкая сила» – средства массовой информации и культура, универсализация ценностей на примере стандартов потребления. Вполне реально, что на фоне существующих различий между прежними и предлагаемыми ценностями происходит укрепление национальной самоидентификации жителей той же России. Налицо длительный конфликт между сохранением национальных архетипов и экспансией западных ценностей.

В этом плане справедливо утверждение, что любая культура закладывает в своих носителей разные ценности, а в основе этнического характера лежит строго определенный их набор [2].

Культивирование западным обществом ценности либерализма содержит цель освобождения индивидуума от всех форм коллективной идентичности. Для либерализма богатство – единственная ценность, к которой надо стремиться: монетизация всего и вся и получение прибыли за счет ближнего. Это особенно проявляется в США при воплощении идеи «американская мечта». И если в российском обществе в основе нравственности остается социальная справедливость, то в западном – корысть и потребительство за счет другого.

Западной культуре свойствен культ личного богатства, а российской – культ достатка. Что касается русского самосознания, то понимание богатства для него – это грех, а достижение достатка должно происходить без унижения других, на справедливом договоре.

По данным специалистов ВЦИОМ, российская ценностная система пока еще хаотична, переживает сложную трансформацию, но среди главнейших ценностей оставались и остаются семья и семейные традиции [32]. Западный мир пропагандирует однополые браки, поддержку ЛГБТ в ущерб традиционному большинству, гендерное равенство (феминизация мужчин и маскулинизация женщин), ориентация детей на понимание, что к ним не относятся местоимения «он» и «она», называние их словом «оно». Управлять по выбранным ценностям людьми поодиночке удобнее. Справедливости ради СССР – величайшая ценность. Несмотря на трагизм произошедшего, отрицательный и положительный опыт этого государства, важно и в дальнейшем анализировать процесс трансформации ценностей в обществе. И здесь важно обратиться к такой ценности, как слово.

Цифровизация, получившая популярность в 60–70 гг. XX в. [32], привнесла и цифровые ценности, которые активно пропагандируются в новых формах информационной войны. В научных публикациях отмечено, что они всегда велись в истории человеческой цивилизации, имея целью не только покорить какую-то территорию, но и повлиять на сознание противника. В период холодной войны информационные атаки на Советский Союз приобрели иезуитский характер. Для исследователей будут интересы факты, о которых вспоминает М. Китаев, работавший в годы Второй мировой войны в Русской освободительной армии (РОА) власовского движения. По приказам из Берлина в сознание людей четко внедрялась установка: Германия – это «народ без пространства», но рядом с ней есть «пространство для народа». Против СССР вновь было запущено сфальсифицированное «завещание» Петра I, где указывалось, что большевики выполняют его послание о мировом господстве [16, с. 28].

После окончания Второй мировой войны против СССР начались информационные атаки, направленные на пересмотр ее итогов, фальсификацию военных событий. Они продолжаются и сейчас, чтобы показать ущербность, неполноценность истории России, текущего восприятия индивида, важность пропаганды преимуществ другого образа жизни. Проблематика использования таких технологий конечно же требует дополнительных исследований.

Последствия постепенного «вымывания» ценностей периода Советского Союза в социологических исследованиях ИС РАН определены как потеря идей патрио-

тизма и единения. Социологи пришли к пессимистическому выводу о том, что российских граждан мало что объединяет, нет ни общей идеологии, ни ценностей, ни целей развития. К этому авторы добавляют неопределенность общегражданской и государственной идентичности, т. е. «Мы – граждане России», которая среди ценностей должна быть главной [26, с. 9]. Однако под воздействием государственной национальной политики эта ситуация постепенно меняется в лучшую сторону. Безусловно, у России свой путь развития, что было отмечено В. В. Путиным в 2012 г. во время избирательной президентской кампании.

В программной статье о национальной политике он отмечал, что Россия – это «цивилизационная общность», «полиэтническая цивилизация», «государство-цивилизация», «историческое государство», «уникальная цивилизация», в которой культурное ядро русского народа обеспечивает свободное и гармоничное развитие всех народов, скрепляет общими ценностями исторически сложившийся симбиоз этносов и конфессий. Это прежде всего традиционные общие моральные, нравственные, духовные ценности: милосердие, взаимопомощь, правда, справедливость, уважение к старшим, идеалы семьи и труда. На основе этих ценностей и рождается единство, составляющее основу самоидентичности российского народа. Его надо формировать через систему национального гуманитарного образования, а это главная задача для построения гражданской нации. Патриотизм и идея великой державы – главные общественно-политические ценности, которые уже нашли отражение в общественном сознании и будут способствовать построению национальной идентичности. Дискурс власти исходит из понятия общественной стабильности на основе традиционных ценностей и государственного патернализма в национальной политике.

Таким образом, можно отметить, что современный российский политический истеблишмент во многом озабочен процессом формирования новых общегосударственных ценностей. Проявления этого процесса можно заметить в периодических попытках создания «национальной идеологии». Так, в 2004 г. В. В. Путин назвал национальной идеей конкурентоспособность, в 2011 г. – «сбережение народа», а в начале 2016 г. – патриотизм [24; 25].

Интересно, что спор о том, кто мы, характерен не только для России и для стран, решающих проблемы догоняющей модернизации. В современных условиях глобализации национальная идентичность размывается и в странах – лидерах модернизации. Ярко выразил эти противоречия С. Хантингтон в одной из своих последних работ в форме риторических вопросов. Действительно ли жители Соединенных Штатов – «универсальная нация», основанная на уважении к ценностям, признаваемым всеми людьми на планете, и включающая в себя представителей всех без исключения народностей Земли? Или же это нация западная, чья идентичность определяется европейским культурным и правовым наследием? Или же американцы уникальны и ни на кого вообще не похожи, создали собственную цивилизацию, как это утверждают «проповедники американской исключительности»? [31, с. 30].

На наш взгляд, при всей привлекательности подобной цивилизационной модели развития для общественного сознания ее обоснования тоже не лишено крайностей. В последние годы в СМИ появились публикации, касающиеся универсальных ценностей. Анализ многочисленных информационных сообщений дает основа-

ния считать, что многие ценности, сформированные в период Советского Союза, сохранили свои качественные характеристики. Они отражены в Стратегии национальной безопасности, а затем и в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации до 2025 г.

Они опираются на такие ценности, как приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, человеколюбие, честь, личные достоинства и др.

В свою очередь, западные ценности, как правило, трактуются как универсальные. Но их универсализм при очевидном культурном, религиозном и гуманитарном наследии Европы размывается неолиберальными идеями, которые касаются семьи с противоестественными нормами «родитель 1» и «родитель 2». Пропагандируются свобода самовыражения, дискредитация традиционных религиозных и духовно-нравственных ценностей и др. С целью их устойчивого закрепления применяются различные методики измерения ценностей, например, Портретный ценностный вопросник Ш. Шварца в рамках ESS (межстрановые сравнения отдельных групп населения) [29].

Сравнение России с другими европейскими странами свидетельствует о том, что после распада Советского Союза и отказа нового государства от многих социальных обязательств произошел рост индивидуализма как чувства личной ответственности индивида за свое благополучие и благополучие своей семьи [8]. В то же время ценности участия в конкуренции перешли из разряда осуждаемых в категорию одобряемых [12].

Подводя итоги нашим рассуждениям, можно утверждать, что слишком сложны, противоречивы проблемы, неоднозначны управленческие решения людей, облеченных властью, приведшие к распаду Советского Союза. Да и смысл исследовательской деятельности состоит, как представляется, в непрекращающемся обновлении научных знаний, в анализе архивных документов, а не в формулировании неких окончательных ответов.

Сегодня реальность такова, что уходящие поколения советских людей оценивают распад Советского Союза как величайшую мировую катастрофу и одновременно как трагедию личностного характера. Экономические, социальные, этнокультурные, человеческие ресурсы того времени были достаточно велики, чтобы страна развивались и далее. В ценностном плане так и не достигнут предложенный тогда идеал пресловутого «цивилизованного и демократического общества», а взамен «советской демократии» в России сформировались жуткий олигархический капитализм и нищета многих миллионов граждан. Огромное количество новых конфликтов, с которыми сталкивается сегодня страна, во многом зависит от потери духовно-нравственных ориентиров и ценностей, изменения сознания, где «человеческое» заменяется сребролюбием и отчужденностью. Как говорил Бернард Шоу, «Труднее всего отвечать на тот вопрос, ответ на который очевиден».

Исключительно сложно в одной статье предложить исчерпывающую аналитическую информацию о преимуществах ценностей СССР и потерях ценностных ориентаций в обществе после его распада. Тем не менее, огромные возможности для исследования представителями различных наук дают повод для дальнейших научных поисков относительно такого величайшего в истории государственного феномена как Советский Союз.

Библиографический список

1. Rescher N. Introduction to Value Theory. Englewood Cliffs (N. Y.): Prentice-Hall, 1969.
2. Апухтин Ю. Россия и Запад несовместимы [Электронный ресурс]. Режим доступа. http://ru-an.info/новости. (дата обращения 02.03.21)
3. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999. 244 с
4. В. Лепехин. Запад видит в России врага, потому что у нее «неправильные» ценности. [Электронный ресурс]. Режим доступа.
5. https://ria.ru/20160317/1391628897.html (дата обращения 4.03.21)
6. Вебер М. Избранные произведения. М.: Мысль, 1990. С. 628-630.
7. Государство и ценности: российская модель. [Электронный ресурс]. Режим доступа. https://zen.yandex.ru/media/id/5e274bc843863f00acd7ed97/gosudarstvo-i-cennosti-rossiiskaia-model-5ef0be549360fb2031890493 (дата обращения 2.03.21)
8. Деркач А. А., Дьячков В. М. Психологические характеристики госслужащих регионального управления и их личностно-профессиональное развитие. М.: РАГС, 1997. С. 184.
9. Кесельман Л. Е., Мацкевич М. Г. Социальное пространство наркотизма. СПб, 2001 (см. также: http://www.narcom.ru/ideas/socio/35.html#5. Разделы 5 и 6).
10. Ладанов И. Д. Психологические очертания бизнеса XXI века // Управление персоналом. 1998. № 7. С. 54-61.
11. Лапин Н. И. Модернизация базовых ценностей россиян // СОЦНС. 1996. № 5. С. 3.
12. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1997. С. 304.
13. Магун В. С. Ценностный реванш в современном российском обществе // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М., 1994.
14. Магун В. С., Руднев М. Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 5-6.
15. Майджер К. Ценностно-ориентированное управление. Революционный подход к достижению успехов в бизнесе и личному процветанию. Ростов-на-Дону. Феникс. 2005. 152 с.
16. Мамут Л. С. Ценность как проблема науки о государстве // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 45-55.
17. Митин А. Н. История и последствия информационных войн / В кн.: Уголовно-правовая охрана информационного пространства в условиях глобализации. Екатеринбург. Издательский дом Уральского государственного юридического университета. 2016. С. 28.
18. Митин А. Н. Культура власти и управления. Екатеринбург. 2001. ГП «Уралвнешнеторгиздат». С. 71 – 84.
19. Митин А. Н. Культура управления персоналом. Екатеринбург. 2001. С. 90 – 99.
20. Митин А. Н. Управление переносит будущее в настоящее. Екатеринбург. Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия». 2010. С. 10 – 12.
21. Митин А. Н. Управление переводит будущее в настоящее. Екатеринбург. Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия». 2010. С. 142-157.

22. Неловский Н. В. Право и ценности. М.: Прогресс, 1987. С. 142.
23. Парсонс Т. Общий обзор // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. М.: 1972. С. 368.
24. Планы США в отношении России в 1940-х и их интерпретации пропагандой. [Электронный ресурс]. http://www.sakva.ru/Nick/NSC_20_1.html (дата обращения 3.03.21)
25. Путин В. Россия: национальный вопрос // Российская газета. 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://rg.ru/2012/01/23/nacvopros.html (дата обращения 03.10.2020)
26. Путин назвал единственно возможную для России национальную идею // РосБизнесКонсалтинг. 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://www.rbc.ru/politics/03/02/2016/56b1f8a79a7947060162a5a7 (дата обращения 03.10.2020)
27. Рабочая группа Института социологии РАН. Российская идентичность в социологическом измерении: Аналитический доклад. Часть 3. Историческое самосознание и национальный менталитет россиян. Социокультурные аспекты европейской идентичности россиян // Полис. Политические исследования. М., 2008. № 3. С. 9 – 28.
28. Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 660.
29. СССР и общечеловеческие ценности. [Электронный ресурс]. Режим доступа. https://okoplanet.su/history/historydiscussions/45849-sssr-i-obshhechelovecheskie-cennosti (дата обращения 26.12.20)
30. Существует не менее пяти различных методик (SVS, PVQ21, PVQ29, PVQV, PPVQ-WVS).
31. Филиппов А. В., Князев В. П., Липинский В. К. Производственная социология, психология и педагогика. М., 1989; Филиппов А. В. Кадры: психологический аспект. М., 1990.
32. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2008. С. 30.
33. Ценности российского общества. [Электронный ресурс]. Режим доступа. https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/family/article/zhiznennye-prioritety-rossijan-semja-dengi-ili-tvorche.html (дата обращения 21.02.21)
34. Цит. по: Медведев Ю. Цифровой подход // Российская газета 2010. № 3.

8.4. Исторический опыт развития советской системы образования

Система образования охватывает воспитание, общее и профессиональное образование в обществе. Она является самой важной сферой жизнедеятельности каждого человека-общества в природе, их началом, предпосылкой развития, сохранения цивилизации и завершением. Отношение государства и хозяйствующих субъектов к организации системы образования в стране характеризует социально экономическую сущность их внутренней и внешней политики к экономике и проблемам развития общества. От степени рациональной организации системы образования и уровня образования населения страны зависят успехи и неудачи развития человека-общества в природе [22; 57; 59]. Анализ и синтез накопленного опыта в ходе истории человечества показывает несколько этапов, тенденций и несколько подходов к решению данной комплексной проблемы, а вместе с ними

показывает расцвет, падение, разрушение цивилизаций на Земле [1; 19; 37; 39; 49; 52; 64].

На первых этапах развития человечества все знания об окружающем мире распространялись между всеми участниками общества и его сообществ в виде воспитания, обучения, выполнения определенных работ, занятий-тренировок. Здесь использовалась подлинно гуманная исходная модель жизнедеятельности «каждый человек – хозяин своей жизни» [52].

В результате все члены сообществ старались жить в согласии между собой, с природой, а потому были достаточно воспитаны духовно, нравственно. Они знали, умели, учитывали в своей повседневной, хозяйственной и организационной деятельности объективные законы развития природы и общества [60; 65].

Однако на последующих этапах была введена в практику религиозно-дискриминационная исходная модель жизнедеятельности «тиран – жертва», используемая до сих пор почти во всех странах мира [52]. На этой основе по мере развития общества и разделения труда наступили целенаправленные изменения в распространении знаний, умений, навыков, опыта с учетом социально-экономического расслоения населения. Возникли тайные знания для правящей элиты общества, которые можно было использовать во благо всего общества и в корыстных личных целях элиты. С разделением общественного труда стали происходить также технологическое разделение и специализация в обучении знаниям. Это значительно затрудняло для самой правящей элиты, управленцев, исполнителей, простого народа видение и оценивание в целом состояния и положения дел, определение рациональных путей, форм, методов решения возникающих проблем [37; 39; 63; 64; 69]. До этого все знания охватывались единой наукой – эзотерикой. Одними из первых выделились знания по медицине при Заратустре [51], затем – по астрономии, физике, математике, химии, геометрии и т. д.

Тем не менее по мере развития цивилизации наблюдается устойчивая тенденция в развитии и системы образования в виде обратного процесса – объединения ряда дисциплин в единую целостность. Как верно, на наш взгляд, подчеркивал В. И. Вернадский, «исследователь имеет преимущественно дело с отдельной наукой…, в свою очередь практическая проблема имеет комплексный характер, и ее решение предполагает комплексный междисциплинарный подход» [7; 8; 9; 22].

В условиях феодализма и формирования капитализма ставилась задача развития системы государственного и церковно-приходского образования. Характерными для системы образования России того времени были: фундаментальность, комплексность, учет национальных традиций, воспитание честности, порядочности, уважительности к обычаям, местным традициям, старшему поколению, доблести, любви к Родине-Отечеству; профессионализму, самостоятельности принятия решений; знаниям, умениям, навыкам, отечественного и зарубежного опыта. Этими чертами характеризовалась большая часть элиты общества [38]. Однако в условиях государственно-монополистического капитализма в тренде, выражаясь современным языком, оказываются извращенные цели, интересы, потребности, на удовлетворение которых, по определению отдельных специалистов, элита мирового сообщества тратит порядка 1 трлн долларов в год.

Особого внимания заслуживает накопленный положительный опыт в системе образования дореволюционной России и Советского Союза. Были созданы про-

грессивные основы подхода к системе воспитания и образования человека-общества в природе. Выделены направления преимущества фундаментальной подготовки, подготовлены учебники, которые позволяли самостоятельно учащемуся осваивать необходимые учебные дисциплины, принципы соблюдения законов природы, окружающего мироздания и самого человека. Положительную роль сыграла разработанная Академией наук комплексная программа социально-экономического развития России в начале XX в. Однако первая мировая война и социалистическая революция не позволили ее осуществить по задуманному плану.

С проведением социалистической революции в России одним из первых мероприятий молодого государства явились решения по борьбе с безграмотностью и осуществлению всеобуча всего населения страны, а также по организации нового общего и профессионального образования. В начале 1920-х гг. в ходе «разрушения старого» в России стал осуществляться троцкистский вариант коренной революционной ломки школы в целях создания «нового человека социалистического типа», как и всего общества. Реформаторы советской школы не высказывали никаких оригинальных предложений. Все идеи заимствовались, по их мнению, из передовых буржуазных наук – педологии, евгеники, психоанализа, тестирования интеллекта, – которые не видели в учащихся человека.

Был отвергнут отечественный опыт и традиции в системе обучения, культивировались прозападные варианты и подходы. Подобная неразбериха продолжалась до конца 1920-х г.

Лишь в 1930 г. по инициативе И. В. Сталина были остановлены эти разрушительные эксперименты и начата реформа по возвращению к дореволюционной русской классической школе. Восстановление осуществлялось быстро, на базе социальных достижений и традиций русской гимназии была создана советская общеобразовательная школа, которая обеспечила высокий уровень образования. Подобные преобразования осуществлялись и в университетах. Следует отметить, что определяющую роль в формировании советской школы сыграла работа, проведенная в тяжелые военные годы (1943–1944). Именно в этот период была создана Академия педагогических наук РСФСР, которая осуществляла обобщения и использовала все лучшее, что отвечало потребностям социалистического развития человека и общества. Был сведен на нет формализм в обучении, определены главные государственные задачи перед учителями и управленцами, связанные с повышением качества преподавания и воспитания учащихся. Это предопределило развитие системы образования на многие годы вперед и стало основой формирования фундаментального качественного общего и профессионального образования, обеспечившего мощный скачок в развитии советской науки в 1950-е гг. и ключевых сферах социально-экономического и технического прогресса.

Следует отметить, что основу формирования системы образования нового поколения составляли подлинно гуманная идеология и социально-экономическая политика социалистического производства. Разумеется, многие вопросы рассматривались с позиций накопленного опыта и достижений с позиций общей полезности в воспитании, образовании, экономике и науке страны. Возник и широко распространялся подход в сочетании трудового воспитания и образования в процессе коллективного труда А. С. Макаренко, других ученых и педагогов страны, которые оказали положительное влияние на становление отечественной системы

образования. Впервые была организована форма обучения для взрослой молодежи в виде рабфака, университетов красной профессуры и др.

Значительную роль в развитии отечественной системы образования сыграли массовые исследования под руководством заместителя председателя Госплана СССР С. Г. Струмилина, который на их основе показал наибольшую выгодность инвестиций в систему образования и обосновал оптимальные сроки форм подготовки кадров различных категорий. Он исследовал зависимость между степенью квалифицированности работников и сроками их обучения. Были установлены методы определения оптимального периода школьного обучения и размеров расходов на образование каждого рабочего с учетом роста национального дохода государства – введение всеобщего начального образования дало в СССР экономический эффект, в 43 раза превышающий затраты на его организацию; рентабельность начального обучения для лиц физического труда в 28 раз превысила себестоимость обучения, а капитальные затраты на него окупились через 1,5 года [53; 54; 55]. Вся система образования рассматривалась с позиций повышения эффективности повседневной жизнедеятельности и производства общества, осуществления индустриализации страны во всех отраслях. Особую роль играли системы повышения эффективности труда и производства на предприятиях и в учреждениях. На различных предприятиях и в организациях создавались специальные станции по рационализации, консультационные бюро, лаборатории от Центрального института труда для проведения конкретных исследований в учреждениях и предприятиях по проблемам совершенствования процессов управления и производственной деятельности, процессов рационализации в области управления, производства и соответствующего повышения квалификации кадров [32]. В 1939 г. была введена программа «Методы повышения эффективности труда и производства» (МПЭ), которая охватила не только промышленность, сельское хозяйство, артели, но и систему государственного управления [56]. Эта программа непосредственно была связана с организацией общей, социально-экономической, управленческой подготовки кадров всех категорий, повышением квалификации по месту трудовой деятельности.

С точки зрения современного положения данный исторический опыт имеет важное практическое значение для повсеместного овладения системно-целостной междисциплинарной методологией всем взрослым населением с одновременным распространением ее изучения в системе общего и профессионального образования.

Характерным для программы советской общеобразовательной и профессиональной средней, средней специальной и высшей школы являлись:

1) использование дореволюционного передового отечественного опыта и национальных культурных традиций;

2) учет перспективных потребностей молодого социалистического государства и экономики страны;

3) соответствие программ, форм, методов воспитания и подготовки целям, интересам, потребностям социалистического общества, предусматривавшего политическое, правовое, социально-экономическое равенство всего населения страны;

4) учет и использование передового мирового опыта в интересах социалистического общества и каждого человека;

5) формирование уже в общеобразовательной школе культурного, самодостаточного, умеющего заниматься самообразованием и творчеством, владеющего опытом логически думать и правильно излагать свои мысли молодого человека;

6) последовательное сочетание фундаментальных, естественных, биологических, зоологических, общественных (социально-культурных), математических и иных учебных дисциплин, обеспечивающих развивающее обучение;

7) обучение осуществлялось в режиме человеческого общения, развития позитивного творчества, навыков, опыта с постоянным контролем и последующей отчетностью в коллективе;

8) предусматривалось также факультативное дополнительное воспитание и занятие по отработке пропущенных или неосвоенных уроков, а также по углубленному овладению учебных дисциплин по интересам самих учащихся, занятие видами физической и спортивной культуры, иностранными языками и т. п.

Выделенные положения были учтены при составлении учебных программ и учебников по классам общеобразовательной школы, курсам техникумов, вузов и т. д. К тому времени в России уже были изданы блестящие по структуре и содержанию учебники по математике, физике, химии, биологии, геометрии, географии, зоологии, биологии и иным дисциплинам, на базе которых можно было, например, самостоятельно овладеть не только элементарной математикой, алгеброй, но и высшей математикой для вузов и т. д. В школе и последующих учебных заведениях превалировали классовое идеологическое и социально-политическое воспитание, пропаганда и обучение. Также в 1949 г. в 10-х классах школы был введен курс логики, чтобы молодежь умела грамотно мыслить, участвовать в дискуссиях, обсуждать и убеждать собеседников [10]. Комплексной целью системы образования являлись:

1) формирование активной, гуманной, позитивной жизненной позиции у молодежи, трудящихся и населения всех категорий;

2) убежденность в том, что сами трудящиеся в совокупности и в единстве со всем населением и коммунистической партией смогут поступательно решить все социально-экономические и иные задачи;

3) сознательное овладение необходимыми знаниями, умениями, навыками, опытом для решения текущих и перспективных народно-хозяйственных задач под руководством коммунистической партии.

В основе системы обучения и учебников были заложены принципы:

– непосредственного воспитания на основе отечественного опыта и традиций в ходе человеческого общения с педагогами;

– непосредственного обучения, разъяснения материала программы;

– осуществление принципа развивающего обучения и возможности самостоятельного овладения учебными темами, обеспечивающими возможность выхода на самостоятельное и коллективное творчество, предусматривались факультативные занятия по интересам учащихся [17; 18].

Также учитывалось сочетание классово-идеологических, политических, фундаментальных, прикладных, естественных, математических, гуманитарных дисциплин, в первую очередь знание родного языка, отечественной и зарубежной истории, географии, культуры народов СССР и зарубежных стран, иностранного языка, опыта и достижений в различных отраслях знаний советской и зарубежной

науки. Это позволило в короткие сроки создать лучшую в мире систему образования, обеспечившую осуществление индустриализации страны и победу в Великой Отечественной войне. Одновременно во время войны были выявлены недостатки в системе образования, формировании руководящих кадров, государственном и хозяйственном управлении СССР.

Командно-военный стиль управления уже не давал желаемых положительных результатов, а управление на основе идеологических и классово-политических подходов, обусловливающих необходимость решения народно-хозяйственных задач методом проб и ошибок и ручного управления, слишком дорого обходилось для народа страны.

В результате в 1949 г. в связи с намечаемыми значительными преобразованиями в экономике, науке, обществе И. В. Сталин поставил на сентябрьском пленуме ЦК ВКП (б) качественно новую задачу перед коммунистической партией, наукой и системой образования Советского Союза. Необходимо было разработать научную теорию развития социалистического производства, о научном теоретическом социально-экономическом обучении всего населения страны. Также была поставлена задача об изменении роли коммунистической партии в управлении государством, народным хозяйством и обществом. За ней предполагалось оставить лишь функции по воспитанию кадров, что касается управления развитием народного хозяйства страны, регионов и предприятий, то этими вопросами должны заниматься соответствующие специалисты.

Для решения этих задач в состав Президиума ЦК ВКП (б) были введены новые структурные звенья, должности и лица. Это связано с тем, что, по большому счету, партией было, по существу, признано, что все время (с начала революции) строительство социалистического способа производства осуществлялось в условиях отсутствия научной социально-экономической и политической теории, соответствующих разработок в общественных науках. Выделенные вопросы активно обсуждались на последующих пленумах ЦК ВКП (б) в 1950–1952 гг. В статье «Самая длинная фамилия» Феликс Чуев передает со слов Д. Т. Шепилова следующее: «Положение сейчас таково, – сказал Сталин, – либо мы подготовим наши кадры, наших людей, наших хозяйственников, руководителей экономики на основе науки, либо мы погибли! Так поставлен вопрос историей» [61]. В конце марта 1953 г. на Пленуме ЦК ВКП (б) было предусмотрено решить вопрос об обновлении состава Президиума ЦК ВКП (б), в число которых включить больше молодых, знающих, проявивших себя на практике управленцев.

Однако за три дня до смерти в телефонном разговоре с Д. И. Чесноковым, отвечавшим в Президиуме ЦК ВКП (б) за разработку научной социально-экономической теории, И. В. Сталин подчеркнул: «Вы должны в ближайшее время заняться вопросами ближайшего развития теории. Мы можем что-то напутать в хозяйстве. Но так или иначе мы выправим положение. Если мы напутаем в теории, то загубим все дело. Без теории нам смерть, смерть, смерть!..» Он с нажимом закончил и положил трубку.

После смерти И. В. Сталина, все, что было связано с его именем, запретили, в том числе и рекомендованные им научные разработки. Всех членов Президиума ЦК ВКП (б), введенных для руководства разработкой научной социально-экономической теории развития социализма в СССР, Н. С. Хрущев своим волевым ре-

шением вывел из состава Президиума и назначил на третьестепенные должности, а весь проект был закрыт, и о нем никогда не вспоминали до недавнего времени.

По инерции система образования сохранялась прежней. Так, в 1940 г. заработная плата ученых была в 19 раз выше, чем средняя по промышленности. Это стимулировало научных работников к творческой деятельности и новым разработкам. С приходом Н. С. Хрущева и до развала СССР ученым не повышали заработную плату вообще, низкими оставались заработная плата у учителей, стипендии аспирантов, преподавателей без ученой степени. Изменилось также отношение государства в вопросе предоставления жилья, иных благ. Они стали распределяться этим категориям работников в большинстве своем по остаточному принципу. Такое отношение негативно сказывалось на отборе кадров в учебные и научные учреждения.

Однако сохранение прежней системы образования и науки позволило Советскому Союзу первому сделать прорыв в космос. В результате двухлетнего анализа спецслужбами США в 1959 г. была установлена основная причина такого прорыва СССР. Ей оказалась, по их выводам, самая передовая в мире советская система образования.

В 1972 г. к подобному выводу пришло и ЮНЕСКО, признавшее, советскую систему образования лучшей в мире. «Серьезность вызова, брошенного СССР, состоит не в том, что он сильнее США в военном отношении, а в том, что он опасен своей системой образования. Советское образование, по мнению адмирала Х. Риковера, главная причина трудно объяснимых научно-технических достижений СССР»[1].

Преимуществом системы образования в СССР по сравнению с другими странами являлись сбалансированность фундаментальных, общеобразовательных и иных учебных дисциплин; возможность самостоятельного овладения материалом по имеющимся учебникам; отсутствие формализма в обучении; воспитание активной жизненной позиции учащихся; все занятия проводились в непосредственном живом общении учащихся с учителями, преподавателями, наставниками на предприятиях, в учреждениях, которые являлись проводниками знаний, умений, навыков, опыта; деятельность, преподавателей, учителей, наставников одновременно осуществлялась в доброжелательной форме гуманного воспитания, развития творчества личности, в обучении, научных исследованиях, самостоятельности в выработке, принятии личных и управленческих решений. Этому способствовал также сам социалистический способ производства.

Одновременно усилилась борьба между Советским Союзом и США по всем сферам жизнедеятельности за лидерство в мире. Уже с начала 60-х гг. под влиянием догматических и троцкистских подходов начинается постепенное возвращение общеобразовательной школы к прежнему экспериментаторству, в том числе увеличение срока обучения на один год с 10 до 11 лет. За три года, с 9 по 11 классы, все учащиеся должны были получить массовую профессию, необходимую для территории и поселения. Идея была заманчива, но научно не обоснована. Эксперимент продлился три года и прекратился вместе с освобождением с поста генерального

[1] См. подробнее: Х. Риковер. Образование и свобода. Повышение стандартов в американском образовании – фундамент нашей национальной безопасности. 1959 г. [Электронный ресурс]. URL: https://regnum.ru/news/polit/2639995.html.

секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева. Однако в начале 70-х годов началась реформа средней школы, которая негативно отразилась на всем последующем профессиональном образовании. Суть свелась к изменениям в математическом обучении. Были отменены стабильные учебники, усилился формализм в школах и вузах, повысилась абстрактность в обучении, увеличилась перегрузка учащихся и пр.

Отечественными учеными было уже установлено, что более точно и правильно вести измерение затрат-результатов любого труда [3; 4; 12; 13; 25; 27; 62; 67].

Также следует отметить подход отечественных ученых, представителей фундаментальных наук (физиократов), которые понимали, что эффективно управлять экономикой без учета действия объективных законов развития природы и общества невозможно. Однако обнаружились определенные противоречия между естественно-научным и гуманитарным образованием [12; 13; 23; 25; 27; 28; 62].

Особое значение имели значительные расхождения в уровне общей и профессиональной подготовке гуманитариев.

Необходимо отметить, что в начале 1970-х гг. у Советского Союза была возможность выйти на первое место по науке, системе образования, экономике, жилищно-бытовой сфере и другим аспектам мирового сообщества. Однако благодаря умышленному сдерживанию развития на уровне Политбюро ЦК КПСС в данном направлении отечественной науки, системы общего и профессионального образования, промышленности, сельского хозяйства первенство было сохранено за США.

Анализ сложившейся обстановки в системе общего и профессионального образования в 1987 г. позволил выявить значительные недостатки, которые были допущены руководством страны в течение последних 20–30 лет с определенной долей негативного внешнего вмешательства. В то время была реальная возможность перевести общеобразовательную школу на качественно новый уровень и соответствующие условия развития.

Была создана группа при Минвузе СССР по разработке концепции стратегии развития системы общего и профессионального образования в Советском Союзе. Были определены основные направления, пути, принципы, формы, методы, определены параметры выхода на желаемые достижения.

Важнейшие звенья разработанной стратегии развития системы образования:

1) были учтены предложения Педагогической академии наук СССР, ученых фундаментальных, технических, прикладных, естественных, педагогических и психологических наук, генеральных конструкторов, членов Методологического совета по стратегии развития Советского Союза, созданного при Совете Министров СССР;

2) выделена необходимость усиления роли фундаментальных и экономических наук в общей и профессиональной подготовке кадров всех категорий со знанием и умением учитывать действие совокупности объективных законов развития природы и общества [3; 4; 7; 13; 17; 18; 44];

3) обращено внимание на необходимость сокращения в программах доли догматических подходов и схоластики в общественных науках, основанных на субъективизме и психологизме [2; 8; 9; 58; 59; 30];

4) при подготовке инженеров усилить комплексную, междисциплинарную методологическую подготовку, увеличить долю экономических знаний, базирующихся на непосредственном измерении, учете, контроле [2; 3; 4; 12; 44];

5) в подготовке экономистов, гуманитариев, юристов увеличить долю математических, инженерных знаний, умения учитывать объективные законы развития природы и общества [2; 3; 4; 25; 26];

6) при подготовке учебников по физике, химии, биологии, экономике, зоологии обращалось внимание на необходимость приведения перечня известных объективных законов развития природы и общества, их действия и объективную необходимость учета их действия в междисциплинарной методологии, теории и практике развития и управления обществом [12];

7) в методических подходах и при подготовке учебников уделить внимание формированию системы развивающего обучения [17; 18; 21];

8) уделить внимание возрождению системы повышения эффективности организации труда в общественном производстве на базе «Метода повышения эффективности труда и производства», внедренного в 1939 г. по всей стране [56];

9) в целом предусматривалось также уделить внимание качественному улучшению физической, психической, социально-культурной подготовке, здоровому образу жизни молодежи и созданию соответствующей материально-технической и кадровой базы для факультативных занятий по углубленной подготовке учащихся и студентов.

В конце февраля 1988 г. было намечено всесоюзное совещание по стратегии развития системы общего и профессионального образования в Советском Союзе. Но за неделю до этого в Минвуз СССР было сообщено, что предложенный вариант разработанной концепции отклонен. По предварительному решению Политбюро ЦК КПСС затем будет принята Болонская система образования [42].

Болонская система образования была разработана по заказу спецслужб США и Великобритании, финансировалась Всемирным банком, внедрялась Дж. Соросом в бывших колониях и странах третьего мира [71].

Исследования по результатам такого обучения в 1997–1998 гг. в ряде стран мира показали, что у 70 % учащихся не хватает знаний по общей культурной, исторической, географической, профессиональной, управленческой, фундаментальной и т. д. подготовке [71]. В основу Болонской концепции образования были положены деструктивные разработки зарубежных спецслужб, реализованные в деятельности последователей М. С. Горбачева [42], а также подобные труды в области отдельных зарубежных авторов [29; 49].

В 2010 г. был принят проект «Образование 2010–2030», предусматривающий окончательный слом и ликвидацию традиционной модели обучения в школе, на основе тестирования определяются группы учащихся с перспективной и неперспективной подготовкой, перевод школ на электронное обучение с вариативной программой. Соответственно, выделяются элитные учащиеся с учителями, фундаментальной подготовкой и обычные учащиеся – на дистанционной системе обучения с поверхностными знаниями.

Основной замысел проекта – всеобщая цифровизация образования, бизнеса, здравоохранения и т. п. [14; 16; 19; 68]. Отмеченное обусловливается тем, что по предположению разработчиков большая часть населения в ближайшие годы будет присутствовать в интернете, в 2018–2020 гг. должен быть введен универсальный идентификатор личности в интернете.

К 2022 г. вся поддающаяся оцифровке информация будет храниться в сети и будет доступна из любой точки планеты, что приведет к принципиальному пересмотру всей модели управления знаниями – наукой, образованием, архивами и т. д.

Принятый проект предусматривает в 2010–2030 гг. осуществление «сворачивания» классической школьной системы, углубление разрыва между «цифровыми» учениками и нецифровыми учителями, утверждение внесистемного образования, множества форм обучения, осуществление международной сертификации и трансформации ЕГЭ [14; 19].

В результате государство утрачивает стратегическое влияние на школу. В такой системе образования все определяет работодатель. Традиционная школа остается для неудачников, а от образования останется одно название.

Во втором варианте программы была разработана подпрограмма «Молодые профессионалы». В ней были более четко прописаны грядущие перемены, обусловленные глобализацией рынка образования, требующей утверждения онлайн-решений, «гибридной педагогики», несистемного образования и многого другого. Все вузы будут дифференцированы на три группы:

1) вузы для элиты, или элитное присутственное фундаментальное образование с педагогом (так называемый «университет для одного»);

2) традиционные вузы, в которых сохраняется какое-то образование;

3) вузы с примитивными онлайн-курсами для широкого пользования (так называемый «университет для миллиарда»).

Среди вузов четко будут определены лидеры, середняки и отстающие.

Важным направлением модернизации системы образования является обеспечение тотальной прозрачности вузовского обучения и его результатов, обусловленное конкурентной борьбой с глобальным провайдером, для чего нужна «оторванность» итоговых экзаменов от вузов по принципу внешнего аудита.

Согласно проекту, вместо традиционной системы оценки вводится электронный индивидуальный профиль компетенций обучающегося, который будет содержать всю необходимую о нем информацию и который в будущем заменит диплом и трудовую книжку. Он будет фиксировать все шаги, которые осуществляет обучающийся, все его достижения и недостатки. С помощью таких профилей компетенций крупный бизнес будет выявлять таланты, в которые и будут вкладывать деньги.

Перспектива подобной системы государственного и хозяйственного управления системой общего и профессионального развития становится полностью предсказуемой. В предлагаемых реформах системы образования России полностью исключаются фундаментальные наработки отечественных и зарубежных ученых по развитию человека-общества в природе и улучшению условий жизнедеятельности в природе [6; 20; 21; 22; 31; 33; 34; 40; 70].

Об этом свидетельствует большинство отчетов о постоянном невыполнении уже в течение 30 последних лет принимаемых в России программ, стратегий, планов развития министерств, ведомств, отраслей хозяйства, комплексов [50].

Обобщения по выделенной проблеме позволяют сделать несколько общих выводов относительно прошлого, настоящего и будущего в развитии системы образования России и мирового сообщества:

1. В каждой стране система образования преимущественно основывалась и основывается до сих пор на религиозных, идеологических, классово-политических,

социально-культурных, социально-экономических, национальных традициях и началах под влиянием религиозно-дискриминационной модели жизнедеятельности человека-общества в природе «тиран – жертва» [52].

2. В большинстве случаев научной базой развития систем образования являлись господствующие мировоззренческие идеологии, закреплявшие преимущества правящей элиты, частичное, «фрагментарное» познание природы и общества в условиях высокой степени неопределенности, субъективно-договорного ручного управления и лишь с отдельными элементами здравого смысла [4; 5; 6; 13; 24; 45; 46; 48; 73].

4. Возникновение социалистического способа производства в России, а затем и в ряде стран внесли альтернативные подходы и существенные изменения в системе образования, обеспечивающие позитивное творчество трудящихся и обучающихся масс. Однако в 60-е и последующие годы XX в. многие вопросы развития образования решались уже волюнтаристски, по наитию, на базе прошлой практики, политического видения, личного мнения и представления, убеждения политических лидеров страны и Политбюро ЦК КПСС со значительной долей влияния троцкистских взглядов.

Все эти недостатки не позволяли обеспечить подлинно научное формирование системы образования в России. Что касается периода перестройки, то в условиях осознанного и планомерного разрушения всех позитивных институтов перспективного развития социалистического общества, в первую очередь, системы образования.

5. По большому счету, теоретики образования всегда выполняли социальный заказ [36]. Поскольку данный соцзаказ был направлен на реализацию законных интересов граждан в получении образования, повышении грамотности, социалистическая система образования может считаться социально ориентированной. Иные модели образовательных систем отражают лишь определенные (корпоративные) интересы тех, кто является заказчиком образовательных услуг [11].

Общим характерным признаком современного образования в условиях цифровизации экономики является фактический отказ от изучения всеобщих законов развития природы и общества [48; 51]. По этой причине традиционно используются неадекватные технические, статические модели и не используются социально-экономические (динамические) модели по уровням хозяйствования, адекватно отражающие общественное воспроизводство, основанные на социально-экономических инвариантах [11; 35], обеспечивающих междисциплинарное методологическое решение проблемы перспективного развития системы образования в России и мировом сообществе [45].

Одним из комплексных вариантов учета названных обстоятельств и их успешного решения в практике является стратегическое направление – переход России на инновационный тип общественного воспроизводства путем форсированного осуществления новой индустриализации [43; 45; 47].

Особая роль в нем отводится качественно новой системе воспитания, общего и профессионального образования на альтернативной научной базе, системно-целостной междисциплинарной методологии [52].

В настоящее время уже созданы предпосылки для введения альтернативной системы образования в России нового поколения, впервые предусматривающей ка-

чественное развитие всего населения страны в единстве прежде всего личностных характеристик, способностей совместно с духовными, умственными, физическими, социально-экономическим мировоззрением, профессиональными качествами полезными для повседневной жизнедеятельности самого человека, общественного воспроизводства и природы.

Инновационный тип общественного производства предусматривает формирование и введение альтернативного междисциплинарного методологического понятийно-категориального аппарата в научно-практический оборот; формирования рационального духовно-нравственного, социально-экономического мировоззрения [43; 45; 73].

Важнейшие отличия формирования инновационного типа системы образования в России от прошлых типов:

1) формирование нового типа образования осуществляется с позиций полезности жизнедеятельности для каждого человека (комплексного развития личностных качеств), всего общества и природы;

2) научно обоснованное определение структуры, содержания, форм, методов, фундаментальности, комплексности воспитания, общего и профессионального обучения творческих личностей на подлинно гуманных началах и использования новых физических и социально-экономических принципах и технологиях, обеспечивающих развивающее образование всего населения России;

3) опережающее развитие человека по сравнению с темпами развития средств производства;

4) планомерный характер организации развития системы образования на основе изучения объективных законов развития природы и общества.

Только альтернативный подход с позиций системно-целостной междисциплинарной методологии, подлинно гуманной исходной модели жизнедеятельности, формирования рационального духовно-нравственного и социально-экономического мировоззрения всего населения страны создает предпосылки успешного решения перехода на инновационный тип общественного воспроизводства путем форсированного осуществления новой индустриализации России.

Библиографический список

1. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Изд-во «Институт практической психологии», 1996г.
2. Барташов Л.В. Конструктор и экономика. М., Экономика, 1977.
3. Бартини Р.О. Соотношения между физическими величинами. Проблемы теории элементарных частиц / Доклады АН СССР. М.: Атомиздат,1965. Т.163. № 4. С. 249 – 266.
4. Бартини Р.О., Кузнецов П.Г. О множественности геометрий и множественности физик // Проблемы и особенности современной научной методологии / УНЦ АН СССР. Свердловск, 1979.
5. Бауэр Э.С. Теоретическая биология. – М.: Изд. ВИЭМ, 1935.
6. Бейтсон Г. Экология разума. М.: «Смысл», 2000.
7. Бугровский В.В. и др. «Экологические корни культуры». Сборник статей в 3х томах. М.: «Слово», 2002.
8. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989.

9. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988.
10. Виноградов С.Н., Кузьмин А.Ф. Логика. Учебник для средней школы. М.: Учпедгиз, 1949.
11. Вторая индустриализация России. Настольная книга руководителя государства (основы теории и практики осуществления) / под ред. д.э.н., профессора Н.А. Потехина. Екатеринбург: ОАО «ИПП «Уральский рабочий», 2011.
12. Гвардейцев М.И., Морозов В.П., Розенберг В.Я. Специальное математическое обеспечение управления. М.: Радио и связь, 1978.
13. Гвардейцев М.И., Кузнецов П.Г., Розенберг В.Я. Математическое обеспечение управления. Меры развития общества / под ред. В.Я. Розенберга. СПб.: Издательство «Специальная литература», 2016.
14. Григорьев Ю.Г., Хорсева Н.И. «Мобильная связь и здоровье детей: оценка опасности применения мобильной связи детьми и подростками». М.: Экономика, 2014.
15. Горшков В.Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни. М.: ВИНИТИ, 1995.
16. Губин В.Б. О методологии лженауки // Философские науки, 2002, №1. С. 150-156.
17. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального психологического исследования. М.: Педагогика,1986. – 240 с.
18. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.: «Интор», 1996. -542с.
19.Доклад о развитии человека за 1995 год. Издано по заказу Программы развития ООН. Нью-Йорк: «Оксфорд юниверсити пресс», 1995
20. Данилов-Данильян В.И. (ред.) и др. Экологические проблемы: Что происходит, кто виноват и что делать? М.: МНЭПУ, 1997.
21. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М: РОССПЭН, 1997. – 464 с.
22. Казначеев В.П. Учение В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере. Новосибирск: Наука, 1989.
23. Конторов Д.С., Михайлов Н.В., Саврасов Ю.С. Основы физической экономики. (Физические аналогии и модели в экономике). М.: Радио и связь, 1999.
24. Кузнецов О.Л., Кузнецов П.Г., Большаков Б.Е. Система природа-общество-человек: Устойчивое развитие / Государственный научный центр Российской Федерации ВНИИгеосистем. Международный университет природы, общества, человека «Дубна», 2000.
25. Кузнецов П.Г. Энергетический анализ основ общественного производства. М.: Советское радио, 1972.
26. Кузнецов П.Г. Искусственный интеллект и разум человеческой популяции. Приложение в кн.: Александров Е.А. Основы теории эвристических решений. М.: Советское радио, 1975. С. 212 – 238.
27. Ларуш Л. Физическая экономика как платоновская эпистемологическая основа всех отраслей человеческого знания. М.: Шиллеровский Институт Науки и Культуры, 1997.
28. Ларуш Л. Российский вариант разрухи как составная часть кризиса мировой экономической системы. М.: Шиллеровский Институт Науки и Культуры, 1996, Бюллетень №7 (1).

29. Лефевр В.А. Формула человека: Контуры фундаментальной психологии: – М.: Прогресс, 1991.
30. Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. М., «Прогресс», 1966.
31. Маклюэн Г. М. Технологические расширения человека. М.: Жуковский: «КАНОН-Пресс», «Кучково поле» – 2003 – 464с.
32. Маршев В.И. История управленческой мысли: Учебник. М.: Инфра-М,2005.
33. Митчем К. Что такое философия техники? М.: «Аспект пресс», 1995. -150 с.
34. Мэмфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М.: «Логос», 2001.-408с.
35. Нариньяни А.С., Потехин Н.А. Информационные технологии нового поколения. // Образование, производство, кадры, 2008, №2(6). С. 46-49.
36. Нечволодов А.Д. От разорения к достатку. М.: Концептуал, 2015.
37.Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или как философствовать молотом. О философах. Об истине и лжи во вненравственном смысле. М.: ООО «Издательство АСТ», Минск: Харвест, 2005.
38. Ницше Ф. Странник и его тень / Избранные труды. Т.3. М., 1985.
39. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык и др. М.: Культурная революция, 2005.
40. Олдак Г.П. Экологически-ориентированное конструирование человеческих технологий. Сан-Франциско: Изд-во ЯИФЕТ, 1999.
41. Подолинский С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. М.: «Ноосфера», 1991.
42. Полный обзор преступлений Горбачева и его окружения [Электронный ресурс] // [сайт] URL: http://patriot-su-rf.ru/blog/43703548515/Polnyiy-obzor-prestupleniy-Gorbacheva-i-ego-okruzheniya.
43. Потехин В.Н. Государственное управление общественным воспроизводством в условиях осуществления Второй индустриализации России: теория, методология, практика. М.: Фонд «Кадровый резерв», 2019.
44. Потехин Н.А. Совокупный работник: интенсивное производство, управление. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1987.
45. Потехин Н.А., Потехин В.Н. Методология осуществления Второй индустриализации России. Настольная книга руководителя государства. Екатеринбург: СиРОМААО, 2018.
46. Потехин Н.А., Потехин В.Н. Эффективное решение проблемы подготовки кадров – основа конструктивной социально-экономической политики России // Аграрный вестник Урала, 2014, № 5 (123).
47. Потехин Н.А., Потехин В.Н. Новая общественно-экономическая формация – инновационный способ производства. Настольная книга руководителя государства. М.: Фонд «Кадровый резерв», 2019.
48. Потехин Н.А., Потехин В.Н. Основной социально-экономический закон объективного развития общества – источник мирового лидерства России // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 3. Ч. 1. Материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». Ч. 2 / отв. ред. В.И. Герасимов. М.: РАН ИНИОН, 2020. С. 81 – 88.

49. Пригожин И., Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.
50. Примаков Е.М. Современная Россия и либерализм. Российская газета. 9.12.2012. № 5964;
51. Рогожкин В.Ю. Эниология: Энергоинформационный обмен / В.Ю. Рогожкин. М.: Пантори, 2000.
52. Синельников В.В. Прививка от стресса. Как стать хозяином своей жизни. М.: Центрполиграф, 2013.
53. Струмилин С.Г. Планирование в СССР. М.: Госполитиздат, 1957.
54. Струмилин С.Г. Проблемы планирования в СССР. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1932.
55. Струмилин С.Г. На плановом фронте. М.: Госполитиздат, 1958.
56. Торгашев В.А. Сталинский СССР и хрущевская пародия на него. [Электронный ресурс]: URL: http://www.blog.kob.spb.su/2013/02/05/1216.
57. Тофлер Э. Война и антивойна: что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М.: АСТ, Транзиткнига, 2005.
58. Фролов И.Т. На пути к единой науке о человеке // Природа, 1985, №8. С. 65-74.
59. Цаплин В.С. Странная цивилизация. М.: «АСТ; Астрель», 2006. – 638 с.
60. Чудинов В.А. Вернем этрусков Руси. Расшифровка надписей древней цивилизации. М.: Поколение, 2006.
61. Чуев Ф. Самая длинная фамилия. Без теории нам смерть! – Газета «Дуэль» [Электронный ресурс]: URL: duel-gazeta.livejournal.com›1234306.html.
62. Шамиль Шеффи-гази-Магома. Энергетический анализ основы общественного производства / Зеленый путь России. М.: 2002, С.18-56.
63. Шарден Пьер Тейяр де. Феномен человека. – М.: «Наука», 1987. – 240 с.
64. Шеллинг Ф.В.Й. Система мировых эпох. – Томск: «Водолей», 1999. – 320 с.
65. Шилов Ю.А. Космические тайны курганов. – М.: Молодая гвардия. 1989.
67. Шмидхейни С. Смена курса: перспективы развития и проблемы окружающей среды: подход предпринимателя / Пер. с англ. – М.: Международный университет, 1994. – 356 с.
68. Шпитцер М. «Антимозг: цифровые технологии и мозг». – М.: Изд-во АСТ. 2013
69. Эмерсон Р.У. Нравственная философия. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001.-384 с.
70. Янушевский И.А., Ласточкин С.С. Кинетронные супертехнологии. – М.: 2009. – 212 с.
71. Ясюкова Л.А.Правовое сознание в структуре ментальности россиян/ – СПб.:Изд-во СПбГУ, 2008.
72. Karine Mauvilly-Graton, Philippe Bihouix. «Le désastre de l'école numérique – Plaidoyer pour une école sans écrans». Seuil. 2016.
73. Alexander N. Semin, Nikolai A. Potekhin, Viktor N. Potekhin. Formation of the Rational Socio-Economic Worldview Based on the Laws of Nature and Society // International Journal of Criminology and Sociology. No. 9, 2020, pp. 1144 – 1153.

Глава 9. Социально-экономическое развитие Советского Союза

9.1. Новая экономическая политика: уроки истории

Одним из ярких примеров способности государства кардинальным образом менять свою экономическую политику в соответствии с требованиями времени является НЭП – новая экономическая политика советской власти начала 20-х гг. XX в. Возможно, кому-то эта тема покажется рядовой и исписанной. Но, учитывая неспособность инициаторов перестройки середины 80-х гг. XX в. таким же кардинальным образом и столь же успешно осуществить новую экономическую политику, анализ феномена НЭП представляется весьма актуальным.

Известно, что после окончания Первой мировой и Гражданской войн экономическое положение в Советской России было крайне тяжелым. Крестьяне были недовольны продразверсткой, введенной в военный период. К концу войны продотрядами изымались не излишки произведенной сельскохозяйственной продукции, а практически все, что удавалось обнаружить у крестьян. В городах была введена карточная система обеспечения населения продовольственной продукцией. Если в военные годы население страны еще не выражало огромного недовольства политикой «военного коммунизма» (свертыванием рынка, ликвидацией частной собственности, закрытием предприятий и т. д.), то после окончания войны вопрос о разработке новой экономической стратегии государства встал очень остро. Кронштадтский мятеж в марте 1921 г., как и волнения в других местах, подтверждают данный факт. Недовольство подавляющей части населения экономической политикой правительства усиливалось голодом и хозяйственной разрухой.

То есть политика «военного коммунизма» полностью исчерпала себя. Сельское хозяйство находилось в полном упадке, отсутствовала заинтересованность крестьян в результатах своего труда. Значительная часть промышленных предприятий не работала.

Производство промышленной продукции в 1920 г. уменьшилась в 7 раз по сравнению с довоенным уровнем, выплавка чугуна сократилась в 33 раза, стали – в 22. Фабрики и заводы остались без топлива, на селе – продразверстка, которую отвергал крестьянин, и голод 1921 г.

В книге «Зимний перевал», изданной в 1988 г. Е. Я. Драбкина пишет о том, что «вдобавок к материальным трудностям промышленность унаследовала от „военного коммунизма“ бюрократическую систему управления, в которой вместо рыбы царила лишенная субстанции Главрыба, вместо соли – Главсоль, вместо стекла и спичек – Главстекло и Главспичка. В заработной плате преобладала натуральная часть, в учете – цифирная тьма, хозяйственного расчета не существовало, хозяйственные нули числились хозяйственными единицами. И все это – в условиях всеобщей нищеты и катастрофического падения ценности бумажных денег» [1]. Все эти факторы ставили перед правительством в качестве главного вопроса – изменение экономической политики.

Существует много различных определений НЭП. На наш взгляд, наиболее полно отражает суть, цели и задачи новой экономической политики следующее определение: НЭП – это цельный, неразрывный комплекс мер переходного периода. Экономического, политического, социального, идеологического, психологическо-

го характера. И ни одну из них нельзя рассматривать отдельно, вне связи с другими. И ни одну из них нельзя ни переоценивать, ни недооценивать.

К основным мерам НЭП относились:

– укрепление союза рабочего класса и крестьянства на экономической основе;
– развитие промышленности на базе электрификации;
– кооперирование населения России;
– использование товарно-денежных отношений;
– повсеместное внедрение хозрасчета, личной заинтересованности в результатах труда:
– временное допущение капиталистических элементов в экономику:
– совершенствование государственного планирования и управления;
– борьба с бюрократизмом, администраторски-командными замашками, комчванством;
– повышение культуры во всех сферах деятельности человека.

Хозяйственный механизм НЭП порождал стремление к высокой производительности труда, к добросовестной работе, к повышению качества продукции. Были разработаны формы, методы, средства привлечения к активному и действенному участию населения в реализации задач нэпа путем соединения личных интересов с интересами общества.

Одним из наиболее сложных вопросов новой экономической политики было восстановление товарно-денежных отношений, свернутых в период «военного коммунизма». Это было тем более сложно, если учесть реальную ситуацию в стране. В Наказе СНКза 1921 г. на этот счет говорилось: «Мы стоим перед новой задачей, не испробованной еще нигде в мире; мы решаем эту задачу при таких условиях, когда послевоенное разорение не позволяет ни точно рассчитать ресурсы, ни определить наперед, какую степень напряжения могут вынести рабочие и крестьяне» [2, с. 251].

На XI партийной конференции в декабре 1921 г. партия большевиков ставит перед правительством важнейшую политическую и экономическую задачу – считаться с рынком, владеть им, регулировать рынок и денежное обращение. В специальной резолюции конференции говорилось: «Считая, что советская власть вполне своевременно перешла к новой экономической политике и что правильность этой политики вполне подтверждена намечающимся оживлением хозяйственного оборота, конференция вполне одобряет новую экономическую политику» [2, с. 279].

Но не все было так «вполне». В политической верхушке существовало и недоверие к НЭП, которое порождало споры о путях развития экономики в стране. Часто НЭП рассматривался только с точки зрения большего или меньшего допущения капиталистических элементов. Отсюда и рассуждения о том, что допускаются «слишком большие» уступки НЭПу, его надо сократить.

Среди противников НЭП были и так называемые «борцы за принципы». Они считали, что с введением НЭПа позиции сдавались буржуазии, создавались предпосылки для недалекой капиталистической реставрации, допускался отход от лозунгов Октября 1917 года. Дело даже доходило до того, что некоторые демонстративно выходили из партии. Не случайно поэтому в специальной резолюции X съезда было сказано, что съезд «считает в корне неправильными попытки группы отдельных лиц защищать свои ошибочные взгляды» [2, с. 210]. Речь шла о

так называемом радикальном видении НЭП, о синдикалистском и анархистском уклоне в партии, представители которого предлагали денационализировать крупную промышленность и передать предприятия из государственной собственности в собственность самих рабочих. Тогда, в начале 20-х гг. XX в., такая приватизация не состоялась. Но в конце XX в. ее удалось провести сначала через раздачу населению так называемых ваучеров, а затем и через так называемые ваучерные аукционы. Если советская власть отстояла право на сохранение государственной собственности на основные предприятия и на землю, то в конце XX в. они пошли в разнос.

Успеху НЭП способствовало и то обстоятельство, что значительная часть крестьянства поддерживала новую экономическую политику. Один из делегатов X съезда Советов крестьянин Головкин говорил, что «при старой разверстке я сам зарывал в землю хлеб, а теперь все держу открыто, не боюсь, так как продналог уплатил. Надо крестьянина больше удовлетворить, а он все даст своему государству. Крестьянство – это основа» [3].

Каковы же первые результаты НЭПа? В короткий срок поднялось сельское хозяйство, было покончено с голодом. Страна была накормлена, одета. Может быть, и не очень быстро, но твердо и уверенно набирала силу кооперация, создавались смешанные предприятия с иностранным капиталом.

В отчете Наркомзема за 1922 г. отмечалось: «Сельскохозяйственная кооперация проявляла свою деятельность в снабжении своих членов семенами, удобрениями, машинами и другими предметами крестьянского обихода, в сбыте сельхозпродуктов и проведении среди крестьян культурно-просветительной работы» [3].

В 1921–1922 гг. было заготовлено более 38 млн ц хлеба, а в 1925–1926 гг. – более 89 млн. В 1925 г. размер посевных площадей достиг довоенного уровня. Поголовье крупного рогатого скота, овец, коз, свиней превысило довоенный уровень. Все это позволило заинтересовать крестьянина в дальнейшем развитии своего хозяйства и обеспечить городское население продуктами питания. Начался подъем промышленного производства.

За период 1921–1924 гг. валовая продукция крупной государственной промышленности возросла более чем в 2 раза. На действовавших предприятиях удалось сохранить основные кадры рабочих. А с 1923 г. начался быстрый рост числа рабочих, занятых на государственных предприятиях.

Темпы возрождения промышленности, преодоления хозяйственной разрухи были удивительными. Быстро восстанавливался транспорт, налаживалась его работа. Преодолевалась инфляция, укреплялась денежная система. Огромная сеть бирж, ярмарок, различных торговых предприятий устанавливала прочную связь государственной промышленности с рынком, крестьянскими массами. Был открыт ряд банков – Банк потребительской кооперации, Торгово-промышленный банк и другие. В октябре 1922 г. выпущен в оборот червонец, имевший твердое обеспечение. К весне 1924 г. денежная реформа была завершена. Торговый оборот начал строиться на основе твердой советской валюты. За несколько лет производственный потенциал достиг довоенного уровня. Процесс восстановления промышленности включал в себя обновление основного капитала. Оживились все стороны жизни страны.

Особую роль в осуществлении денежной реформы сыграл выдающийся советский экономист Г. Я. Сокольников [4, с.165–168].

Переход к новой экономической политике стал важным этапом в развитии производительных сил страны. Прежде всего, потому что именно в связи с НЭП впервые в августе 1921 г. встал вопрос о хозяйственном расчете, т. е. о том, чтобы предприятия самостоятельно вели свое хозяйство и не рассчитывали на финансовую или материальную помощь со стороны государства. Это был принципиально новый подход к организации практики хозяйствования [5, с. 147–153].

Первым документом, в котором шла речь о хозяйственном расчете, можно считать Положение о выделении льняных фабрик и порядке управления ими. Это Положение было подписано В. И. Лениным 8 августа 1921 г. Далее о необходимости распространения хозрасчета говорилось в Наказе СНК о проведении начал новой экономической политики от 9 августа 1921 г. и в Основных положениях о мерах к восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства, утвержденных СТО 12 августа 1921 г.

В качестве завершающего рубежа внедрения хозяйственного расчета на предприятиях можно считать Положение о государственных трестах, принятое 29 июля 1929 г. ЦИК и СНК СССР, «юридически оформившее пришедшую на практике трансформацию коммерческого и хозяйственного расчета в хозрасчет административный».

Кризис и голод 1921 г. доказали правомерность хозрасчетной перестройки системы управления предприятиями. Советская власть при этом не отказалась от идеи национализации прежних частных предприятий, но и не могла обеспечить эффективное управление национализированными предприятиями командными методами. Понадобилось серьезное научное переосмысление вопроса о том, как, во-первых, наладить работу промышленных предприятий и, во-вторых, обеспечить нормальные их взаимоотношения с сельскохозяйственными товаропроизводителями.

Для успешной организации НЭП в стране в 1921 г. был восстановлен Госбанк, в 1922 г. началась денежная реформа. В этих условиях советское правительство рассматривало хозрасчет как важнейший инструмент рентабельного ведения хозяйства.

Важным шагом на пути к развитию хозяйственного расчета стал декрет «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах), находящихся в управлении местных органов» (17 июля 1923 г.). В нем были учтены особенности местной промышленности и местных органов хозяйственного управления. Очередным шагом на пути к хозрасчету стало Постановление ВЦИК СССР «О порядке управления промышленными предприятиями, имеющими общесоюзное значение и находящихся в ведении Высших советов народного хозяйства» (12 ноября 1923 г.). Этим постановлением была распределена компетенция союзных и местных органов власти в отношении промышленных предприятий.

После этого, уже 26 марта 1925 г., был разработан и принят Примерный устав синдиката, особую роль в разработке которого приняли многие видные российские экономисты.

Одним из ключевых моментов развития хозяйственного расчета была дебюрократизация системы управления предприятиями. Другим важным моментом перехода к хозяйственному расчету являлось расширение самостоятельности советских предприятий.

Хозяйственный расчет ориентировался не только и не столько на извлечение прибыли любой ценой, сколько на развитие самого предприятия, в том числе и его социальной сферы. Кроме того, он также был направлен на развитие всего народного хозяйства в целом, в том числе и за счет содействия в проведении крупных строительных мероприятий, укрепления обороны и т. д.

Важным моментом развития хозрасчета стало самофинансирование. Переход к нему в условиях НЭПа предполагал привлечение частных капиталов к деятельности государственных предприятий, а не только развитие частного сектора как такового. Привлечение частных капиталов через акции потребовало создания в стране рынка ценных бумах. В случае, когда частные капиталы использовались без их участия в уставном капитале трестов, действовал декрет от 10 апреля 1923 г. Важным источником привлечение финансовых средств стало кредитование промышленных предприятий.

Однако на практике внедрение хозрасчета шло с огромными трудностями. В конце 1927 г. Госбанк вынужден был резко расширить кредитование промышленности, вследствие чего возросла масса денег в обращении, возобновился рост цен, усилилась нехватка товаров, обострились трудности с хлебозаготовками. Отмечая это, известный советский экономист В. Е. Маневич также справедливо указывал, что «управление промышленностью носило во многом черты бюрократического централизма» [6].

В такой ситуации оказались нарушенными основные макроэкономические пропорции, а восстановить их и общую положительную динамику развития народного хозяйства с помощью хозрасчета уже оказалось невозможным. Задолженность предприятий росла, производительность труда падала, возникла проблема так называемых «долгостроев», «незавершенки». Нарастали противоречия и между руководством трестов и самих предприятий по поводу расширения их полномочий. Однако предоставление предприятиям права самим вести операции на рынке или иметь собственный счет в банке уже не решали проблему. Неверно думать, что невыполнение закона 1927 г. о переходе предприятий в структуре трестов на хозяйственный расчет вплоть до 1929 г. стало главной причиной неудачи развития хозяйственного расчета в советской экономике. Важно иметь в виду и тот факт, что сами предприятия не были готовы к конкуренции на рынке, к принятию на себя всех рисков и имели весьма слабые представления о грамотном и научно обоснованном ценообразовании.

Переход к новой социально-экономической системе потребовал реформирования всего финансового хозяйства страны. Первые попытки по выпуску совзнаков оказались малопродуктивными. Уже к началу 20-х гг. в стране процветала гиперинфляция. Необходимо было создать такую валюту, которая была бы стабильной и обеспечивала бесперебойное обращение товаров и услуг. Особенно в той части, которая касалась обмена между городом и деревней. А это означало необходимость проведения денежной реформы.

Среди разработчиков этой реформы необходимо отметить Михаила Залмановича Лурье (псевдоним – Ю. Ларин) (1882–1932 гг.) и Григория Яковлевича Сокольникова (1888–1939).

Вот как описывает решение этой задачи известный российский экономист В. Л. Перламутров: «Реформаторы оказались талантливыми мастерами дела, за которое взялись. Замена продразверстки продналогом в деревне, перевод почти всей промышленности на коммерческие основы работы – самофинансирование и допущение свободы торговли в городе и деревне – привели к высоким и все убыстряющимся темпам восстановления и роста производства. А рост производства позволил в конце 1922 г. начать и в начале 1924 г. успешно завершить денежную реформу. В 1922/1923 хозяйственном году сельское хозяйство России выросло на 18,6 %. В 1925/1926 г. прирост сельскохозяйственного производства несколько превысил уровень высокоурожайного 1913 г.

Подъем промышленности шел столь же круто. В 1922/1923 г. – 28,3 %, в 1923/1924 г. – 27 %, а в 1924/1925 г., когда денежная реформа уже была завершена, – 56 %. Именно верный выбор момента начала денежной реформы, опора на начавшийся подъем производства в стране позволили и успешно ее повести, и сравнительно быстро ее завершить» [7].

Реформаторы уделяли большое внимание ограничению бюджетного дефицита, реформе налогового обложения, сохранению активного торгового баланса. Эти вопросы, безусловно, имели серьезное значение для осуществления денежной реформы. Благодаря их урегулированию первоначально ход реформы был достаточно обнадеживающим. В конце ноября 1922 г. Госбанк начал выпуск банковских билетов (червонцев), обеспеченных по закону на 25 % золотом и на 75 % краткосрочными векселями и легко реализуемыми товарами.

Особенностью реформы был строгий запрет использовать червонцы для покрытия бюджетного дефицита. Перед началом реформы этот дефицит покрывался на 98 % за счет эмиссии и только на 2 % за счет собираемых налогов. К осени 1924 г. червонец стоил на бирже 1,94 доллара, или 8,7 фунтов стерлингов. Уже к началу 1924 г. он составил почти ⁴⁄₅ внутреннего денежного оборота, вытеснив прежние советский денежные знаки. Для обслуживания розничного товарооборота стали выпускаться серебряные монеты, с восторгом встреченные населением.

«Трудно объяснить прирост промышленной продукции в 1922 г. по сравнению с 1921 г., – отмечает И. А. Благих. – Однако, если принять во внимание эмиссию денег за 1922–1928 гг., то становится ясно, что объяснение таким колебаниям можно найти в резком изменении масштаба цен, вызванном дополнительной эмиссией» [8].

Темпы роста эмиссии были просто огромными. В 1922 г. было выпущено 156,6 млн руб. В 1923 г. – 281,9 млн руб. В 1924 г. – 627,2 млн руб. А в 1925 г. – уже 1142,9 млн руб. В 1926 г. – 1343,2 млн руб. В 1927 г. – 1628,3 млн руб. Наконец, в 1928 г. – 1971,4 млн руб.

Такие темпы выпуска в каналы обращения денежных средств привели к тому, что реальная покупательная способность денег стала резко сокращаться. Начала раскручиваться новая инфляционная спираль.

Сначала ей способствовала накачка каналов обращения совзнаками (к ноябрю 1922 г. они составили астрономическую сумму – 1 217 883,6 млрд руб.), затем наступила очередь постепенно обесценивавшегося червонца. С той только разни-

цей, что червонец имел 25 % золотого покрытия. Прекратив в июле 1923 г. выпуск совзнаков, государственное казначейство выпустило в оборот серебряные монеты, а в феврале 1925 г. начался выпуск государственных казначейских билетов достоинством в 1, 3 и 5 руб. Государство специальным декретом гарантировало свободный размен бумажной казначейской валюты на червонец.

Спад производства и товарный голод 1925 г. обнаружили несоответствие объема товарной массы на внутреннем рынке страны и объема денежных средств, находившихся в каналах обращения. Государство попыталось разрешить ситуацию путем искусственной поддержки покупательной способности червонца. Для этого оно активизировало экспорт хлеба, служивший основной статьей валютных поступлений. Но вследствие неурожая 1924 г. этот экспорт составил всего 885 тыс. т, а выпуск червонцев – 28 млн. Валютный курс червонца поколебался. А падение курса червонца на внешнем рынке автоматически вызвало падение курса рубля и внутри страны. Госбанк вынужден был обменять червонцы на иностранную валюту, для того чтобы обезопасить себя от девальвации червонца. Операция по стабилизации курса червонца обошлась Госбанку в 56 млн руб. Еще более сложными оказались действия по стабилизации курса червонца на внутреннем рынке. Для этого требовалось сократить объем казначейских билетов. В 1925 г. впервые за всю историю НЭПа денежные изъятия из промышленности в государственную казну превысили размеры ее бюджетного финансирования. В целом 1925 г. стал поворотным в истории советского червонца и НЭПа в целом.

Для устранения негативных последствий денежной реформы нужны были глубокие структурные преобразования в народном хозяйстве. А они запаздывали. В связи с вынужденным экспортом хлеба за границу обострилась продовольственная проблема в стране. Для ее решения государство попыталось перевести на банковское кредитование промышленные предприятия и воздействовать на крестьянские хозяйства методами контрактации и усиления монополии внутренней торговли путем развития системы договоров между промышленными синдикатами и кооперативным сектором. Но из этого мало что получилось. Цифры говорят сами за себя. В 1925/1926 хозяйственном году промышленность недопоставила на внутренний рынок товарной продукции на 380 млн руб. В 1926/1927 г. эта диспропорция составила уже 500 млн руб. Аналогично в сельском хозяйстве организованные заготовки составили в 1925/1926 хозяйственном году 7,3 млн т, но из них 2,6 млн т было вывезено за границу. В 1926/1927 г. заготовки упали и составили 3,2 млн т, а экспорт увеличился до 3 млн т.

Несмотря на меры, предпринимаемые Госбанком по поддержке курса червонца, его курс на мировом рынке катастрофически падал. В 1924/1925 г. он составил 1 червонец за 21 немецкую марку, а спустя два года, т. е. в 1926/1927 г., уже 1 червонец за 7–8 марок. К 1928 г. обмен червонцев на валюту всеми иностранными банками был прекращен. В том же 1928 г. из обращения стали исчезать медные и серебряные деньги. В феврале 1929 г. была официально прекращена чеканка медной монеты, а в июне того же года – серебряной [9].

Судьба червонца оказалась тривиальной: он приобрел характер казначейской валюты. С 1932 г. в обращении появились бумажные деньги достоинством 10, 25, 50 и 100 руб. Потеряв свою конвертируемость (пусть и ограниченную), червонец во внутренних расчетах стал приниматься за 10 руб. бумажных денег.

Отдельные неудачи НЭПа были использованы властью для наступления на частное предпринимательство и для ликвидации всех его форм. Иногда это наступление называют контрреформами 30-х гг. XX в. Спорность такого подхода связана, однако, с тем, что в результате этих «контрреформ» в стране все-таки была осуществлена очередная модернизация производительных сил, получившая название сталинской индустриализации.

В современных условиях необходимо более тщательно изучать уроки новой экономической политики. Разумеется, речь не идет о восстановлении НЭПа. Другая историческая обстановка, другие исторические условия, другие задачи. Но исследование роли в экономическом развитии страны таких категорий, как товарно-денежные отношения, хозрасчет, рынок, кооперация, сочетание личных и общественных интересов, представляет значительный интерес. К сожалению, достаточно глубокого изучения этих категорий и их использования в период перехода к рыночной экономике с учетом положительного опыта НЭПа не было. Отсюда и перекосы в экономике, ее перманентно кризисное состояние. А изучение исторического опыта успешной кардинальной перестройки государственной экономической политики и названных выше категорий экономической науки очень важно. Тем более когда входят в жизнь новые методы управления, новые формы трудовых отношений на основе подряда и аренды, а также широкое распространение получает индивидуальная трудовая деятельность.

Библиографический список

1. Драпкина Е.Я. Зимний перевал. М., 1988. – 398 с.
2. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М.: Госполитиздат, 1957. Т.1. – 880 с.
3. Урок дает история. Сб. статей / под ред. Афанасьева В.Г., Смирнова Г.Л. М.: Политиздат, 1989.- 414 с.
4. Историческая судьба России: к 1150-летию образования государственности в России (861 – 2012 гг.) / под ред. Н.Н. Целищева. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. аграр. ун-та, 2012. – 342с.
5. Стожко Д.К. Модернизация российской экономики: история, теория, практика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 412 с.
6. Маневич В.Е. Экономические дискуссии 20-х годов. М.: Экономика, 1989.
7. Перламутров В.Л. Финансово-денежная политика и рыночные реформы в России. М.: Экономика, 2007. – 281 с.
8. Благих И.А. «Зигзаги» НЭПа // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. М.: Экономика, 1989. Вып. 1. С. 169 – 184.
9. Стожко Д.К., Стожко К.П. Денежная реформа 1922-1924 гг.: pro et contra // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. Крымский федеральный университет. 2019. № 2. С. 91- 99.

9.2. Аграрный вопрос и советская аграрная политика

Многие столетия Россия была аграрной страной, и аграрный вопрос, естественно, был актуальным в политике государства и общественной жизни. Серьезные перемены в государственной аграрной политике произошли после реформы

1861 г., в результате которой в стране официально было отменено крепостное право. Активное развитие предпринимательства в сельском хозяйстве получило в ходе аграрной реформы, названной в честь ее инициатора столыпинской, с 1906 г. Однако кардинальные изменения в организации сельскохозяйственной деятельности начались после Великой Октябрьской социалистический революции – Декрет ВЦИК «О земле» [1], отменивший частную собственность на землю и давший старт формированию новых земельных отношений в России.

Научной программой социалистического преобразования сельского хозяйства, которая была положена в основу политического курса партии по отношению к крестьянству на период перехода от капитализма к социализму, стал Ленинский кооперативный план. Стратегической целью кооперации в сельском хозяйстве было объединение многочисленных разрозненных крестьянских хозяйств в крупные земледельческие организации.

В истории развития аграрной политики в советской стране важное значение имели решения съездов и пленумов Центрального комитета партии и принимаемые на их основе правовые документы органов государственной власти.

На начальном этапе формирования социалистического сельского хозяйства на основе Ленинского кооперативного плана регулярно принимать партийные решения по вопросам построения и развития сельскохозяйственного кооперации.

В качестве примера можно привести такие документы: О кооперации (Резолюция Десятого съезда РКП (б) от 15.03.1921 г.), О задачах партии в кооперации (Резолюция Двенадцатой Всероссийской конференции РКП (б) от 05.08.1922 г.), О кооперации (Резолюция Тринадцатого съезда РКП (б) от 18.01.1924 г.), О кооперации (Резолюция Четырнадцатой конференции РКП (б) от 29.04.1925 г.), О сельскохозяйственной кооперации (Постановление ЦК ВКП (б) от 19.08.1926 г.), Об организационном построении сельскохозяйственной кооперации (Постановление ЦК ВКП (б) от 27.06.1929 г.).

В. И. Ленин указывал, что создание нового общественного строя в деревне должно идти через организацию государственных хозяйств – совхозов и объединение трудящегося крестьянства в колхозы. [2]

Существующие единоличные крестьянские хозяйства были обязаны объединиться в новые формы хозяйствования, создаваемые на основе государственной и кооперативной собственности на землю и имущество.

Как отмечалось в Программе КПСС, судьба социализма в такой стране, как СССР, во многом зависела от решения труднейшей проблемы – перехода мелкого распыленного крестьянского хозяйства на путь социалистического кооперирования. [3]

Первыми экономическими формами хозяйствования в российской деревне стали крестьянское хозяйство, состоящее из самостоятельных крестьянских дворов, коммуна, артель, товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ), государственные совхозы.

Кардинально изменились формы хозяйствования в сельской местности после решений XV съезда Коммунистической партии от 07.12.1927 г. [4], где был дан старт коллективизации сельского хозяйства.

Правовое регулирование колхозного строительства стало осуществляться новой правовой отраслью в системе российского права – колхозным правом. Ленинскими принципами, реализуемых в колхозах, явились:

1) добровольность объединения крестьян в коллективные хозяйства;
2) руководство и помощь колхозам со стороны партии и государства;
3) соответствие формы коллективного хозяйства достигнутому уровню развития колхозного строя;
4) бесплатность и бессрочное землепользование колхозов;
5) техническое перевооружение колхозного производства на основе ведущей роли государственной социалистической собственности;
6) правильное сочетание общественных и личных интересов в колхозах;
7) хозяйственная самостоятельность колхозов, правильно сочетаемая с централизованным плановым руководством;
8) материальная заинтересованность колхозов и колхозников в развитии общественного хозяйства и результатах труда;
9) уравление делами на основе колхозной демонстрации;
10) социалистическая законность. [5]

На основе вышеизложенных принципов формировались нормы и важнейшие институты колхозного права. Аграрная политика государства в период формирования колхозного строя была направлена на выявление и развитие основной формы колхозного движения, которой была признана сельскохозяйственная отрасль.

Наилучшей фермой производственно-технической помощи колхозах со стороны государства стали МТС (машинно-тракторные станции), в которых сосредотачивалось значительное количество тракторов, комбайнов сельскохозяйственного оборудования и инвентаря, необходимого для создания материально-технической базы, обслуживающей колхозы.

Динамика создания МТС выглядела так: 1929 г. – 102, 1930 г. – 158, 1932 г. – 2446, 1937 г. – 5818, 1938 г. – 6350, 1940 г. – 7069. Огромную роль сыграли МТС в период Великой Отечественной войны и в послевоенного восстановления сельского хозяйства. Организация МТС оказало заметное воздействие на ускорение темпов сплошной коллективизации крестьянства. Так, если 1930 г. в колхозы было объединено 23,6 % крестьянских дворов, то к 1937 г. – уже 93 %.

Во второй половине 50-х гг. система МТС в СССР включала в себя 8100 предприятий, которые обслуживали колхозы, где трудились более 2 млн человек [6].

Партия и правительство уделяли особое внимание развитию МТС.

Во-первых, это решения пленума ЦК КПСС (сентябрь 1953 г.), в которых было уделено большое внимание МТС. Они названы «решающей силой в сельскохозяйственном производстве». К их дальнейшему развитию и укрупнению и призывал пленум. Предполагалось направить работников из других отраслей народного хозяйства, из городов на должности директоров МТС и главных инженеров, а также «провести разъяснительную работу среди трактористов и других кадров механизаторов, ушедших из МТС на работу в промышленные предприятия, на строительство, в другие организации, и обратиться к ним с призывом вернуться в МТС, имея в виду, что теперь, когда трактористы будут находиться в штате МТС и получать высокую гарантированную оплату, многие бывшие механизаторы охотно пойдут на работу в машинно-тракторные станции.

В Постановлении мартовского (1954 г.) Пленума ЦК КПСС, на котором обсуждался вопрос об освоении целинных и залежных земель, вновь ставился вопрос о том, что основное внимание в дальнейшем со стороны государства должно уде-

ляться кадровому оснащению МТС. Отмечалось, что за время, прошедшее между сентябрьским (1953 г.) и мартовским (1954 г.). Пленумами ЦК было зачислено в штаты МТС 1 млн 250 тыс. трактористов, бригадиров и других работников. Из иных отраслей народного хозяйства вернулось в МТС 50 тыс. механизаторов, ранее работавших в них. Более 100 тыс. агрономов и зоотехников пришли в МТС, на руководящие должности (директорами, главными инженерами, заведующими мастерскими) прибыли по путевкам партийных комитетов 23 тыс. инженеров и техников.

В январе 1955 г. на Пленуме ЦК принимается постановление о развитии животноводства. В данном документе говорилось о том, что главная роль в механизации производственных процессов на животноводческих фермах должна отводиться МТС, а Министерство сельского хозяйства должно было разработать и осуществить систему мероприятий по организации работы между колхозами и МТС при установке и эксплуатации машин и механизмов на животноводческих фермах.

Директивы XX съезда КПСС (февраль 1956 г.) содержат новые указания на развитие МТС, в них содержатся требования укрепления кадрами и оснащения новой техникой, а также указания на перевод МТС на хозрасчет. Постановлением ЦК и Правительства от 6 марта 1958 г. возлагаются большие задачи на МТС: 31 марта 1958 г. Верховный Совет СССР принял Закон «О дальнейшем укрепления колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций». Согласно данному закону, сельскохозяйственная техника МТС продавалась колхозам и совхозам, а МТС постепенно реорганизовывались в ремонтно-технические станции.

В дальнейшем Пленум ЦК КПСС в марте 1962 г. обратил внимание на необходимость усиления механизации сельскохозяйственного производства как одного из главных условий повсеместного перехода к интенсивной системе земледелия и резкого повышения производительности труда. В области механизации общественного хозяйства колхозы получали помощь от предприятий районных (межрайонных) отделений «Сельхозтехники». В обязанности отделения «Сельхозтехники» вменялись обеспечение колхозов правильным техническим обслуживанием и производством ремонта машин, а также механизация животноводческих ферм и трудоемких работ, внедрение индустриальных методов ремонта машин и оборудования и новых форм технического обслуживания машинно-тракторного парка.

Договорные отношения колхозов с отделениями «Сельхозтехники» по ремонту машин, их прокату и по выполнению специализированных работ до начала 1962 г. регулировались утвержденными в 1958 г. Советами Министров союзных республик Положениями о порядке и условиях приемки ремонтно-техническими станциями машин на ремонт и выдачи их из ремонта, порядке расчетов колхозов с РТС за ремонт машин, порядке использования техники РТС, условиях расчетов за специализированные работы, выполняемые РТС, а также условиях предоставления колхозам и другим хозяйствам машин на прокат. В соответствии с этими Положениями Министерствами сельского хозяйства республик были разработаны и утверждены соответствующие примерные и типовые договоры на выполнение ремонтных, специализированных работ и прокат машин.

Формированию и развитию колхозного строя способствовало колхозное законодательство, существовавшее в СССР и союзных республиках. Важное значение для правового регулирования деятельности колхозов имел Примерный Устав кол-

хоза, служивший основой для разработки уставов и иных локальных правовых актов колхозов.

Первый Примерный Устав сельскохозяйственной артели был принят 1 марта 1930 г., он сыграл большую роль в укреплении сельскохозяйственной артели как основной формы колхозного движения. Дальнейшее развитие колхозного строительства основывалось на нормах Примерного Устава сельскохозяйственной артели, принятого в феврале 1935 года. Новацией этого правового документа стало то, что земля за колхозами закреплялась не просто в бессрочное пользование, но и навечно, с обязательной выдачей каждому колхозу государственного акта на вечное пользование землей.

На состоявшемся в конце ноября 1969 г. Третьим Всесоюзном съезде колхозников был принят новый Примерный Устав колхоза, который наряду с решением текущих вопросов колхозного строительства определил и новые органы управления колхоза в виде собрания уполномоченных, бригадных собраний, советов бригад и т. п. Появились нормы о денежной гарантированной оплате труда, причем с ежемесячной выдачей заработной платы, решался вопрос пенсионного обеспечения членов колхоза и другие важные вопросы.

Большое значение приобрел институт межколхозных организаций. 20 марта 1980 г. Всесоюзное собрание представителей Советов колхозов союзных республик внесло изменения и дополнения в Примерный Устав колхоза, отражающие принципиальные положения Конституции 1977 г.

Серьезные изменения и дополнения в Примерный устав колхоза внес Союзный совет колхозов 13 декабря 1983 г. Отдельные ученые рассматривали Примерный Устав колхоза в качестве кодифицированного правового акта, в котором в определенной логической последовательности изложены важнейшие правовые нормы, регулирующие колхозные отношения.

В вышеизложенных Примерных Уставах воплощались идеи аграрной политики, определенной партией и правительством Советского Союза на этапе становления социалистического государства.

В результате развития аграрной политики в Советском Союзе к 1983 г. сформировался аграрный сектор, состоящий из колхозов, совхозов и межхозяйственных объединений. Так, колхозов насчитывалось 26 тыс., в которых было занято 12,9 млн колхозников. Совхозов и других государственных организаций стало 22,3 тыс., и в них было занято 11,9 млн рабочих и служащих.

На 1 ноября 1983 г. за колхозами было закреплено в бессрочное и бесплатное пользование 245,9 млн га земли, из них 173,6 млн га сельскохозяйственных угодий, в том числе 102,1 млн га пашни, а за совхозами и другими государственными сельского хозяйства предприятиями – 797,7 млн га, в том числе 377,5 млн га сельскохозяйственных угодий, включая 121,8 га пашни [8]. Цифры показывают, что совхозы и другие государственные сельскохозяйственные предприятия практически стали доминировать в сельском хозяйстве страны.

В этих условиях колхозное право уже не могло быть единственной правовой отраслью, регулирующий аграрные отношения в Советском Союзе.

Таким образом, правовое регулирование наряду с колхозным правом стало осуществляется нормами советского сельскохозяйственного права.

Субъектами аграрных правоотношений, регулируемых советским сельскохозяйственным правом, стали совхозы и иные сельскохозяйственные и агропромышленные предприятия и объединения, внутрихозяйственные подразделения данных предприятий и объединений, подсобные сельскохозяйственные хозяйства промышленных и других предприятий, организаций и учреждений, граждане, ведущие личное подсобное хозяйство, либо заключаются садоводством и огородничеством, а также члены колхозов и совхозов.

Изменились и принципы, отличающие юридическую специфику этой отрасли права:

1) единство политического и хозяйственного руководства;
2) плановость;
3) бесплатность, бессрочность и особая социально-экономическая значимость землепользования социалистических предприятий и граждан;
4) организация сельскохозяйственного производства на основе внедрения достижений науки и техники;
5) хозяйственная самостоятельность сельскохозяйственных предприятий и объединений, сочетаемая с централизованным плановым руководством;
6) органическая связь трудовой деятельности с природно-климатическими условиями производства;
7) гармоничное сочетание общественных и личных интересов;
8) материальная заинтересованность сельскохозяйственных предприятий и их работников в конечных результатах труда;
9) управление делами сельскохозяйственных предприятий и объединений на основе демократического централизма;
10) социалистическая законность.

Поскольку советское сельскохозяйственное право как комплексная отрасль права охватывало своим воздействием и колхозы, то колхозное право фактически превратились в его подотрасль.

На основе сельскохозяйственного права сформировалось обширное сельскохозяйственное законодательство. Достаточно отметить также правовые акты: Положение о тресте совхозов, Положение о совхозе системы Министерство совхозов РСФСР. Общее положение о межхозяйственном объединении в сельском хозяйстве, Общее положение о Всесоюзном и республиканском объединениях в сельском хозяйстве. Принимались и иные нормативные правовые документы, направленные на реализацию положений советской аграрной политики.

Заметным явлением в сельском хозяйстве страны стало создание агропромышленных предприятий. В группу таких предприятий включались совхозы-заводы, колхозы-заводы плодоовощного и виноградарского направления; птицефабрики, имеющие убойные линии, цех по сортировке и упаковке яиц и утилизации отходов производства,; молочные совхозы и колхозы, имеющие цеха по нормализации, пастеризации и расфасовке молока, а также выпускающие другую молочную продукцию, подготовленную к реализации в расфасованном виде; животноводческие комплексы (предприятия), имеющие убойные и другие цеха по переработке мясной продукции.

Необходимо отметить, что в сельскохозяйственных районах функционировали РАПО (районные агропромышленные объединения), которые действовали на за-

крепленном в его оперативном управлении имуществу. РАПО, с одной стороны, являлись органом государственного управления сельским хозяйством, а с другой стороны – выполнения производственной функции.

С учетом мнения колхозов и совхозов и других предприятий и организаций, входящих в состав РАПО, оно централизует выполнение отдельных производственно-хозяйственных функций (откорм скота, выращивание нетелей, производство комбикормов, техническое обслуживание сельскохозяйственной техники, оборудование животноводческих ферм, агрохимическое обслуживание, капитальное строительство и другие функции).

РАПО имели вертикаль до уровня области, края, республики и были связующим звеном между Правительством Советского Союза, органам государственной власти и органами советской власти на местах [10].

Рассматривая развитие аграрной политики в Советском Союзе, необходимо уделить внимание формированию системы управления сельским хозяйством, которая прошла разные этапы своего существования.

В синтезированном виде такие преобразования решили следующие проблемы:

– предпосылок возникновения, особенностей становления и специфики функционирования органов государственного управления сельскохозяйственным производством страны (1920-е гг. – начало 1940-х гг.);

– попыток создания первых интеграционных аграрно-промышленных формирований – аграрно-индустриальных комбинатов – и причины их неудач (1920-е – начало 1930-х гг.);

– поиска оптимального сочетания сфер агропромышленного производства и формирования соответствующих органов высшего государственного управления (конец 1940-х – конец 1950-х гг.);

– поиска рационального построения системы органов государственного управления сельскохозяйственным производством на всех уровнях (1960–1970-е гг.);

– поиска рациональных форм межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции и юридического оформления единой их классификации (1950-е – середина 1970-х гг.);

– интегрирования сфер АПК под единым руководством на уровне административных районов (середина 1970-х – первая половина 1980-х гг.);

– переориентации с государственного руководства на хозяйственное управление и самоуправление систем АПК, в том числе и на районном уровне (вторая половина 1980-х – начало 1990-х гг.).

Начало процессу формирования системы земельных органов – органов государственного управления сельским хозяйством – было положено в первые послереволюционные месяцы.

Система земельных органов возглавлялась Народным комиссариатом земледелия (НКЗемом), образованным в конце 1917 г. и принадлежавшим, согласно Конституции Союза ССР 1924 г., к группе республиканских наркоматов [179, с. 205–206].

В соответствии с решением ноябрьского Пленума ЦК ВКП (б) 1929 г. года) с целью обеспечить «внесение единства в планирование и руководство сельскохозяйственным производством в масштабе Союза ССР и сосредоточения в едином центре непосредственного управления крупными сельскохозяйственными пред-

приятиями, с тем чтобы в максимальной степени обеспечить развитие инициативы и самостоятельности союзных республик». Постановлением ЦИК СССР от 7 декабря 1929 г. (без номера) «Об образовании Народного Комиссариата Земледелия Союза ССР» НКЗем был преобразован в объединенный союзно-республиканский наркомат.

Данным постановлением на преобразованный НКЗем было возложено решение следующих основных задач:

1) организация сельскохозяйственных предприятий союзного значения и управление ими;

2) руководство сельскохозяйственной кооперацией и системой сельскохозяйственного кредита и объединение их работы;

3) организация обслуживания сельского хозяйства по линии снабжения машинами, тракторами и удобрениями, метеорологической службы, ирригации, переселения, борьбы с вредителями и болезнями растений, ветеринарии, борьбы с эпизоотиями, создания необходимой сети проектировочных и строительных предприятий;

4) руководство сельскохозяйственной электрификацией и постановкой дела первичной обработки сельскохозяйственных продуктов;

5) организация переселенческого дела и руководство им;

6) организация научно-опытной работы в области сельского хозяйства и руководство ею;

7) наблюдение за ведением лесного хозяйства;

8) руководство созданием и переподготовкой кадров для реорганизующегося сельского хозяйства;

9) Рразработка генерального плана развития сельского хозяйства, перспективного плана и ежегодных контрольных цифр;

10) руководство проведением посевных кампаний [1312; 1354].

В октябре 1932 г. управление государственными зерновыми и животноводческими совхозами было изъято из ведения НКЗема СССР и сосредоточено в организованном в соответствии с постановлением ЦИК СССР от 1 октября 1932 г. (без номера) «Об образовании Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов Союза ССР» [12] союзном наркомате – Народном комиссариате зерновых и животноводческих совхозов (Наркомсовхозов). Всесоюзные объединения совхозов были переданы в ведение и управление Наркомсовхозов и реорганизованы в его управления.

В этой связи работа НКЗема СССР и всей системы земельных органов (машинно-тракторных станций, районных земельных отделов) была сосредоточена, главным образом, на обслуживании колхозов и руководстве ими. Кроме того, после реорганизации в соответствии с вышеназванным постановлением ЦИК СССР Тракторoцентра в составе НКЗема СССР были образованы отраслевые специализированные тракторoцентры: зерновой, хлопковый, свекловичный, льняной, овощекартофельный, машинно-сенокосный – с соответствующими органами на местах (обл. – край-трактор).

В дальнейшем количество и состав министерств изменялись в соответствии с развитием функций и изменением содержания деятельности государства, обеспечивая на каждом историческом этапе выполнение стоящих перед ним задач. Так, в

1946 г. Народный комиссариат земледелия СССР был преобразован в Министерство земледелия СССР. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 марта 1946 г. (без номера) «О разделении Министерства земледелия СССР на два Министерства – Министерство земледелия СССР и Министерство животноводства СССР», Министерство земледелия СССР было разделено на два союзно-республиканских Министерства: Министерство земледелия СССР и Министерство животноводства СССР с передачей Министерству земледелия СССР зерновых совхозов и Министерству животноводства СССР животноводческих совхозов, а находившихся в ведении бывшего Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов СССР. Указанные Министерства были образованы также в союзных и автономных республиках.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1947 г. (без номера) «Об объединении Министерства земледелия, Министерства технических культур и Министерства животноводства в Министерство сельского хозяйства СССР» [13] путем объединения Министерств земледелия СССР, технических культур СССР и животноводства СССР было образовано союзно-республиканское Министерство сельского хозяйства СССР с возложением на него руководства развитием всех отраслей сельского хозяйства. Объединения указанных Министерств были проведены в союзных и автономных республиках с образованием в них Министерств сельского хозяйства: на краевом и областном уровне были образованы управления сельского хозяйства, а на уровне районов – отделы сельского хозяйства в составе соответствующих исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1947 г. (без номера) «Об образовании Министерства совхозов СССР» [14] было организовано союзно-республиканское Министерство совхозов СССР с возложением на него руководства зерновыми, овощными, животноводческими и хлопководческими совхозами, находившимися в ведении Министерства земледелия, Министерства животноводства и Министерства технических культур СССР.

Согласно Закону СССР от 15 марта 1953 г. (без номера) «О преобразовании Министерств СССР», Министерство сельского хозяйства СССР, Министерство хлопководства СССР, Министерство совхозов СССР, Министерство заготовок СССР и Министерство лесного хозяйства СССР были объединены в Министерство сельского хозяйства и заготовок СССР. Указом Президиума Верховного совета СССР от 1 сентября 1953 г. (без номера) «Об образовании Министерства совхозов СССР» было вновь образовано союзно-республиканское Министерство совхозов СССР. Одновременно было признано необходимым образовать Министерства совхозов в РСФСР, Украинской ССР, Казахской ССР, Узбекской ССР, Киргизской ССР, Азербайджанской ССР, Грузинской ССР, Белорусской ССР, Литовской ССР, Латвийской ССР, Эстонской ССР и Карело-Финской ССР.

В связи с образованием согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1953 г. (без номера) «Об образовании общесоюзного Министерства заготовок СССР» общесоюзного Министерства заготовок СССР на базе организаций и предприятий Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР, связанных с заготовкой и переработкой продуктов сельского хозяйства, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 ноября 1953 г. (без номера) «О переи-

меновании Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР» Министерство сельского хозяйства и заготовок СССР было переименовано в Министерство сельского хозяйства СССР.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 30 мая 1957 г. (без номера) «Об объединении Министерства сельского хозяйства СССР и Министерства совхозов СССР в Министерство сельского хозяйства СССР». Министерство сельского хозяйства СССР и Министерство совхозов СССР были объединены в одно союзно-республиканское Министерство – Министерство сельского хозяйства СССР.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. в управлении народным хозяйством была осуществлена переориентация с отраслевого принципа на территориальный. Вместо упраздненных или реорганизованных союзных или союзно-республиканских министерств организационной основой территориальной структуры управления стали советы народного хозяйства, осуществлявшие руководство экономическими районами. Данные преобразования были ориентированы на преодоление ведомственного подхода, развитие производства, обеспечение комплексного развития экономических районов, установление рациональных хозяйственных связей между предприятиями.

В рамках расширения прав союзных республик в управлении народным хозяйством в аграрном секторе была осуществлена передача многих управленческих функций от Министерства сельского хозяйства СССР иным ведомствам и организациям:

– соответствующим республиканским органам – вопросы финансирования, снабжения и планирования;
– в ведение Госплана СССР – вопросы распределения капиталовложений, техники, минеральных удобрений и других материальных средств между республиками;
– Центральному статистическому управлению при Совете Министров СССР и его местным органам – ведение государственной отчетности;
– объединению по продаже колхозам и совхозам машин, удобрений и других материальных средств – вопроса использования машин и сельскохозяйственной техники организации ее ремонта.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 февраля 1961 г. № 152 «О реорганизации Министерства сельского хозяйства СССР» [15] дальнейшая перестройка аппарата руководящих сельскохозяйственных органов была ориентирована на превращение «его из аппарата административного управления сельским хозяйством в организаторский центр по внедрению в производство достижений науки и передового опыта».

Приложением № I к данному постановлению была определена следующая структура центрального аппарата Министерства сельского хозяйства СССР:

– Управление науки, пропаганды и внедрения передового опыта;
– Управление высшего и среднего сельскохозяйственного образования;
– Управление семеноводства;
– Управление по племенному делу;
– Управление ветеринарии;
– Управление водного хозяйства;

– Государственная инспекция по карантину и защите растений;
– Управление научно-технического сотрудничества с зарубежными странами;
– Научно-технический совет;
– Плановый отдел;
– Финансовый отдел с бухгалтерией и арбитражем;
– Отдел кадров;
– Секретариат (на правах отдела);
– Административно-хозяйственный отдел.

При Министерстве сельского хозяйства СССР состояли:
– Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина;
– Государственная комиссия по сортоиспытанию сельскохозяйственных культур;
– Государственная комиссия по химическим средствам борьбы с вредителями, болезнями растений и сорняками;
– Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, журналов и плакатов (Сельхозгиз):
– Трест «Союззооветснаб»;
– Всесоюзный трест биологической промышленности;
– Всесоюзная контора по заготовке и сбыту семян овощных культур «Союзсортсемовощ»;
– Всесоюзная контора по заготовкам племенного скота «Союзживконтора»;
– Гипроводхоз;
– Средазгипроводхлопок;
– Гипросельхоз [15]

Во исполнение постановления мартовского (1962 г.) Пленума ЦК КПСС «Современный этап коммунистического строительства и задачи партии по улучшению руководства сельским хозяйством» в соответствии постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 марта 1962 г. № 267 «О перестройке управления сельским хозяйством» [16] были созданы территориальные производственные колхозно-совхозные или совхозно- колхозные управления. В соответствии с этим же постановлением в областях, краях, автономных и союзных республиках были созданы комитеты по сельскому хозяйству; на союзном уровне также был создан Комитет по сельскому хозяйству. В состав указанных комитетов вошли руководители партийных органов соответствующих уровней.

К середине 1960-х гг. относится начало следующего этапа преобразований в сфере АПК, основные направления которых были обозначены в решениях мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС.

В рамках данных преобразований в целях усиления централизованного управления сельским хозяйством постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от марта 1965 г. «О повышении роли Министерства сельского хозяйства СССР в руководстве колхозным и совхозным производством» было восстановлено Министерство сельского хозяйства СССР. В утвержденной постановлением Совета Министров СССР от 18 мая 1965 г. структуре Министерства сельского хозяйства СССР были созданы Управление по делам колхозов и Главное управление совхозов.

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 ноября 1969 г. (без номера) «О районных производственных управлениях сельского хозяйства» было

решено преобразовать районные производственные управления сельского хозяйства в управления сельского хозяйства райисполкомов. При этом за специалистами и другими работниками районных управлений сельского хозяйства сохранялись заработная плата и другие условия, действовавшие на момент реорганизации в производственных управлениях сельского хозяйства. Данным постановлением признавалось целесообразным, чтобы начальник районного управления сельского хозяйства одновременно являлся заместителем председателя райисполкома. Кроме того, данным постановлением Советам Министров союзных республик поручалось по согласованию с Министерством сельского хозяйства СССР в двухмесячный срок уточнить структуру и штаты управлений сельского хозяйства райисполкомов, имея в виду при этом использование части численности и ассигнований для укомплектования государственных инспекций по закупкам и качеству сельскохозяйственных продуктов в районах.

В результате этого в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 декабря 1969 г. (без номера) «Об образовании управлений сельского хозяйства исполнительных комитетов районных, городских Советов депутатов трудящихся РСФСР» [18] были созданы управления сельского хозяйства исполнительных комитетов районных Советов депутатов трудящихся, а также управления исполнительных комитетов городских Советов депутатов трудящихся, в подчинении которых находились территории сельских районов. Таким образом, в декабре 1969 г. районные производственные управления сельского хозяйства по горизонтали были подчинены исполнительным комитетам районных советов, что восстановило двойное подчинение и привело к возможности влияния районные Советов (в составе которых появился соответствующий аппарат) на развитие сельскохозяйственного производства в районе. При этом начальник управления сельского хозяйства становился одновременно и заместителем председателя райисполкома, что также было ориентировано на повышение роли районных советов в развитии сельскохозяйственного производства этого периода, районные производственные управления сельского хозяйства стали именоваться производственными управлениями сельского хозяйства райисполкомов.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 марта 1971 г. № 1336 VIII «Об основных правах и обязанностях районных Советов депутатов трудящихся» была определена компетенция местных Советов в вопросах руководства сельским хозяйством на районном уровне [143, с. 16].

Принятие постановления ЦК КПСС от 26 мая 1976 г. «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции» знаменовало подход организации сельскохозяйственного производства, объединение усилий хозяйств в целях широкого использования достижений научно-технического прогресса. Создание единого агропромышленного комплекса страны, интеграция сельскохозяйственного производства, перерабатывающих его продукцию промышленных отраслей, обслуживающих производство сельскохозяйственной продукции, потребовало изменения и системы его управления.

24 мая 1982 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «Об улучшении управления сельским хозяйством и другими отраслями агропромышленного комплекса». Данный документ зафиксировал принципиально новый под-

ход к решению соответствующих организационных проблем, так как впервые в советский период было начато формирование системы управления группой отраслей, имеющих общий объект экономического и организационного воздействия. Вместо Министерства сельского хозяйства специально уполномоченным органом государственного управления в стране стал Государственный агропромышленный комитет, в областях – областные агропромышленные комитеты, в районах – районные агропромышленные объединения.

Впервые в нашей стране государственное управление сельским хозяйством становится многоотраслевым, ибо в состав агропромышленного комплекса, кроме Министерства сельского хозяйства, вошли министерства плодоовощного хозяйства, заготовок, мелиорации и водного хозяйства, мясной и молочной промышленности, сельского строительства, производству минеральных удобрений, а также государственные комитеты по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства. В состав АПК входило и Главное управление микробиологической промышленности. Причем все отрасли, входившие в АПК, были ведомственно самостоятельны. Это осложняло процессы управления АПК и потребовало нового подхода к решению вопроса о субъектах управления ими, т. е. об органах государственного управления. [19]

В хрущевские времена был проведен эксперимент по созданию сельских обкомов партии, что привело к разбалансированию системы органов власти в пределах республики, области, края и в итоге было признано нецелесообразным.

Следует отметить, что на советскую аграрную политику значительное воздействие оказывали решения коммунистической партии.

Заметный след в этом плане оставили:

– Постановление Пленума ЦК КПСС от 26 марта 1965 года «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР» [20];

– Отчетный доклад центрального комитета КПСС XXIII съезду коммунистической партии Советского Союза от 29 марта 1966 г. [21];

– Постановление Пленума ЦК КПСС от 27 мая 1966 г. «О широком развитии мелиорации земель для получения высоким и устойчивых урожаев зерновых и других сельскохозяйственных культур» [22];

– Постановление Пленума ЦК КПСС от 3 июля 1970 г. «Очередные задачи партии в области сельского хозяйства» [23];

– Постановление Пленума ЦК КПСС от 24 мая 1982 г., утвердившего Продовольственную Программу СССР на период до 1990 г. [24].

Решений КПСС и Советского Правительства было значительное количество, и все они так или иначе были направлены на успешное развитие сельского хозяйства как важнейшего сектора экономики советского государства.

Аграрный вопрос в Советском Союзе всегда был актуальным и требовал для его решения принятия экономико-правовых документов, создававших условия для развития сельского хозяйства. В арсенале аграрной политики советского государства можно найти разные подходы, приемы и методы, связанные с организацией сельскохозяйственной деятельности.

В первые годы советской власти получила развитие сельскохозяйственная кооперация, и сельскохозяйственная артель стала практически ведущей формой хозяйствования в сельской местности. Новеллой в правовом регулировании про-

изводственно-хозяйственной деятельности сельскохозяйственной организаций, функционировавших в форме колхозов, стало колхозное право. Колхозы как кооперативная форма хозяйствования на начальном этапе своего существования действительно руководствовались ленинскими принципами кооперации. В условиях неоднозначного подхода к развитию колхозного строя во многих регионах Советского Союза в целом уже в предвоенные годы колхозы стали основной формой хозяйствования на селе и успешно справлялись с заданиями по производству сельскохозяйственной продукции.

В последующие годы в стране появились колхозы-миллионеры, то есть хозяйства с высокой эффективностью производственно-хозяйственной деятельности. Колхозы успешно решали и социально-бытовые вопросы, строили жилые дома и объекты социальной инфраструктуры.

К сожалению, в условиях научно необоснованного подхода к реформированию сельского хозяйства в начале 60-х гг. XX в. партия и правительство стали отходить от ленинского кооперативного плана и практически административным методом начались преобразования колхозов в совхозы.

В ходе преобразований были ликвидированы сотни тысяч малочисленных колхозов, что повлияло на ликвидацию свыше 100 тыс. деревень, которым был присвоен статус неперспективных.

В итоге ликвидация колхозов и деревень стала серьезной проблемой, повлиявшей на развитие сельского хозяйства и сельских территорий, в том числе и в России.

Анализируя содержание государственной аграрной политики советского государства, необходимо отметить, что эксперименты по внедрению кооперативных и государственных форм хозяйствования в сельской местности, которые функционировали на основе государственной собственности на землю, не смогли обеспечить успешное выполнение Продовольственной программы СССР. Поэтому в последние годы своего существования СССР вынужден был перейти на закупку сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия за рубежом.

Самое страшное то, что сельские жители с крестьянскими корнями перестали трудиться в сельском хозяйстве, многие уехали из сельской местности, что было непростительно для государства.

Библиографический список

1. Декрет ВЦИК «О земле» 25.10.1917 г./ СУ РСФСР, 1917, 901. С. 3.
2. В.И. Ленин и КПСС О социалистическом преобразовании сельского хозяйства. Издательство Политической литературы. 1971 г. С. 4.
3. В.И. Ленин и КПСС О социалистическом преобразовании сельского хозяйства. Издательство Политической литературы. 1971 г. С. 3.
4. Резолюция XV съезда ВКП (б) 07.12.1927 г. / КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК изд.8 т 4. М., Политиздат, 1970. С. 13, 17, 18.
5. Колхозное право. Учебное пособие / под ред. В.К. Григорьева М., Юридическая литература, 1970. С. 17.
6. Воронин Б.А., Юсупов М.Л., Воронина Я.В., Новопашин Л.А. К вопросу о механизации сельского хозяйства через использование МТС: исторический взгляд. / Электронный журнал. Научно-технический вестник Технические системы в АПК. 2021 г.

7. Воронин Б.А., Юсупов М.Л., Воронина Я.В., Новопашин Л.А. К вопросу о механизации сельского хозяйства через использование МТС: исторический взгляд. / Электронный журнал Научно-технический вестник. Технические системы в АПК. 2021 г.
8. Народное хозяйство СССР в 1983 году. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1984. С. 273.
9. Сельскохозяйственное право. М.: Юридическая литература, 1985 г. С. 29-30
10. СП СССР, 1983. Отд. 1. № 1. С.1.
11. Народный комиссариат земледелия / Большая Советская Энциклопедия. М., 1939. Т. 41. С 205-206.
12. Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза СССР от 01.10.1932 от 01.10.1932 «Об образовании Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов Союза СССР. / Собрание Законов и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза СССР 1932 г., № 71. С. 435.
13. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1947 г. «Об объединении Министерства земледелия, Министерство животноводства в Министерство сельского хозяйства СССР / Ведомство Верховного Совета СССР 1947, № 6.
14. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 04.02.1947 г. «Об объединении Министерства совхозов СССР» / Ведомство Верховного Совета СССР 1947, № 6.
15. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 152 от 20 февраля 1961. «О реорганизации Министерства сельского хозяйства СССР» / Собрание постановлений Правительства СССР, 1961, № 3. С. 17.
16. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 марта 1962 № 267 «О перестройке управления сельским хозяйством» / Собрание постановлений Правительства СССР, 1962, № 5. С. 38.
17. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 152 от 13 ноября 1969 «О районных производственных управлениях сельского хозяйства СССР» / Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965-1974 гг.) – М. «Колос» 1975. С. 375.
18. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 22.12.1969 г. «Об образовании управлений сельского хозяйства исполнительных комитетов районных, городских Советов документов трудящихся РСФСР» / Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1969, № 52. С. 1497.
19. Управление и государственный контроль в аграрной сфере Российской Федерации. Нормативные акты. Составитель Б.А. Воронин. Изд-во Уральская государственная юридическая академия 2000 г. 284 с.
20. Постановление Пленума ЦК КПСС от 26 марта 1965 г. «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР» / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам т 5 (1962-1965 гг.) М., Политиздат, 1968. С. 606-609.
21. Отчетный доклад Центрального комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского союза от 29 марта 1966 г. / XXIII съезд Коммунистической партии Советского союза 29 марта – 8 апреля 1966 года. Стенографический отчет, ч.1. М., 1966. С. 63-71.
22. Постановление Пленума ЦК КПСС от 27 мая 1966 г. О цифровом развитии мелиорации земель для получения высоких и устойчивых урожаев зерновых и

других сельскохозяйственных культур / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. т 6 (1966 – июль 1968 года). С. 113-117.
23. Постановление Пленума ЦК КПСС от 7 июля 1970 г. Очередные задачи партии в области сельского хозяйства. М.: Политиздат, 1970. С.50-62.
24. Постановление Пленума ЦК КПСС от 24 мая 1982 г. О Продовольственной программе СССР на период до 1990 года. М.: Политиздат, 1982. С. 25-26.

9.3. Продовольственная проблема в России

Проблема продовольственной безопасности представляет собой часть более общей продовольственной проблемы, которая включает в себя ряд вопросов:

– самообеспечение страны необходимыми продуктами и продовольственная независимость (самостоятельность);

– создание стратегических продовольственных запасов для долгосрочного развития национального хозяйства и роста благосостояния населения;

– обеспечение необходимого (для здорового образа жизни) качества продуктов питания и продовольственного сырья для их производства;

– обеспечение продуктового равновесия на продовольственном рынке как в разрезе структуры и рациона питания, так и в региональном (территориальном) плане.

Конкретными признаками продовольственной безопасности служат следующие условия:

– физическая доступность достаточной в количественном отношении, безопасной и питательной пищи;

– экономическая доступность к продовольствию должного объема и качества для всех социальных групп населения;

– автономность и экономическая самостоятельность национальной продовольственной системы (продовольственная независимость);

– надежность, то есть способность национальной продовольственной системы минимизировать влияние сезонных, погодных и иных колебаний на снабжение продовольствием населения всех регионов страны;

– устойчивость, означающая, что национальная продовольственная система развивается в режиме расширенного производства.

В своем развитии проблема продовольственной безопасности в качестве важного компонента продовольственной проблемы в целом имеет свою богатую и неоднозначную историю. И хотя «на настоящий момент не существует устоявшегося подхода к вопросу о том, какие этапы эволюции понятия продовольственной безопасности необходимо выделить и каково содержание каждого конкретного этапа» [1, с. 123], тем не менее попытки определения такого подхода и характеристики наиболее значимых этапов в постановке и решении проблемы продовольственной безопасности страны в современной литературе имеются [2–6].

Проблема продовольственной безопасности возникла в нашей стране еще в глубокой древности. Дело в том, что русские земли исконно располагались в так называемой зоне рискованного земледелия, в неудобных для эффективной хозяйственной деятельности территориях. Резкие колебания температуры и суровые

природные условия делали проблематичным выращивание и сбор урожая сельскохозяйственных культур, занятия животноводством и т. д. Ранние заморозки, долгая зима, весеннее половодье и затопление больших территорий, обширная зона вечной мерзлоты и многое другое негативно влияли на производство продовольствия и ограничивали его ассортимент. Сказывался и резко континентальный климат, характерный для большинства регионов России. Например, температурные колебания в странах Западной Европы составляют до 20°, тогда как в России – от 50 до 80°. В силу географических и климатических особенностей средняя температура в России на 69 параллели на 15° ниже, чем в странах Скандинавии. Тогда как в США и странах Западной Европы реки вообще не замерзают или (как Рейн, Одер и Висла) замерзают на срок до одного месяца, в России подавляющее число рек замерзает на 5–6 месяцев, а многие сибирские реки – даже на 7–8 месяцев. Поэтому площади территорий, пригодных для ведения эффективного сельского хозяйства в России, составляют всего 13 % ее территории, тогда как те же оленьи пастбища – 19 %. В практическом выражении площади «эффективных территорий» в США составляют 7,89 млн км^2, Бразилии – 8,05 млн км^2, Австралии – 7,68 млн км^2, Китае – 5,95 млн км^2, России – 5,51 млн км^2 [7, с. 239, 241].

Наряду с природно-климатическими и географическими особенностями проблема продовольственной безопасности нашей страны исторически была обусловлена и геополитическими факторами. В частности, постоянными вторжениями и попытками соседних государств и народов отхватить часть (причем наиболее плодородную и пригодную для сельскохозяйственного производства) нашей территории. Даже сейчас, например, Китай скупил практически все черноземные территории в Украине и вывозит чернозем на свою территорию. Аналогично поступали и фашисты в годы Великой Отечественной войны.

В свою очередь, русское государство долгое время вообще не имело выхода к теплым морям и, соответственно, не имело возможности ввозить многие виды продовольствия для своего населения. А если и ввозило, то цены на такую продукцию были астрономические. О таких культурах, как цитрусовые, виноградное вино, восточные сладости (халва, пастила, нуга), даже сахар, не говоря уже о каких-то более редких продуктах (например, пряностях) на Руси стали впервые узнавать, пожалуй, только после известного путешествия тверского купца Афанасия Никитина, описанного им в сочинении «Хождение за три моря» (1466–1472 гг.). За четверть века до португальца Васко да Гама он первым из европейцев побывал в Индии и оставил описание ее рынков (базаров) и продававшейся там снеди. Со временем русские люди узнали и технику приготовления сыра (которую изобрели арабы), и даже впервые увидели вилку (тоже арабское изобретение).

Кроме того, следует помнить о том, что две трети своего исторического времени Русь (Россия) находилась в военном противостоянии: сначала с сарматами, хазарами, печенегами и половцами; затем с Византией (походы князей Игоря в 941 и 944 гг., Святослава в 971 г.), позднее в течение двух с половиной веков (1240–1480 гг.) терпела иго монголо-татарских захватчиков; затем – польская и шведская интервенция (начало XVII в.), в XIX веке – нашествие Наполеона, в XX веке – две мировые войны и т. д. И еще десять войн (если не считать Крымскую войну и Первую мировую войну) с Турцией, которую ныне, забывая историю, называют нашим партнером. Партнером, вооруженные силы которого сбивают российский

самолет в Сирии, где убивают российского посла. Партнером, который не признает воссоединения Крыма с Россией и т. д.

Поэтому вряд ли у серьезного читателя вызовет удивление то обстоятельство, что на протяжении многих веков наш народ в большинстве своем жил бедно и питался скудно. О здоровом питании, столь красочно расписываемом в кулинарных книгах про русскую кухню, в реальности (для простого народа) не было даже и речи. Известный отечественный социолог и экономист XIX В. В. Берви-Флеровский, впервые научно проанализировавший эти вопросы, отмечал: «Бедность мешает крестьянину держать скот, и по причине той же бедности скот, который он успеет завести, дает ему мало животных продуктов и погибает преждевременно… Редкий крестьянин ест мясо даже зимою или в праздники… вся их пища состоит из хлеба, квасу и редьки. Пища, которую едят между ними даже те, которые считаются пользующимися благосостоянием, так груба, что она совершенно не способна поддержать их силы… Питаться хлебом для крестьянина слишком дорого… Ячмень до такой степени тверд и неудобоварим, что даже для лошадиного желудка он вреден и дается лошади обыкновенно пополам с овсом, между тем ячменная мука считается крестьянином лакомством… Ячменный хлеб, если он хорошо испечен, кажется более вкусным, чем пшеничный, но в самом скором времени твердеет, как камень, и тогда трудно сказать, что питательнее – есть землю или этот ячменный хлеб… Квас, лук и редька играют такую важную роль в пище, что молоко самой здоровой и сильной женщины должно неминуемо портиться…» [8, с. 74, 75]. Изучив положение крестьян подавляющей части губерний России, автор пришел к следующему выводу: «По потребностям медицины нужно 14 фунтов питательной пищи; по крайне скудным требованиям административных статистиков – 6 фунтов… Как же живет бедный человек… Он ест всякую гадость, иногда по два – три дня не ест решительно ничего» [8, с. 243]. В лучшие времена рацион российского крестьянина включал картофель, ржаной хлеб, молоко. Дефицит мяса и рыбы традиционно существовал долгие столетия в рационе крестьянской семьи, их потребление было минимальным.

Сегодня существуют различные теории здорового питания. Например, теории Поля Брэгга, Герберта Шелтона и др. Одна из ключевых идей здорового питания состоит в сохранении традиционных продуктов питания в рационе населения. Иначе говоря, если раньше поколения предков питались полбой и репой, то и сейчас следовало бы продолжать такую традицию. Иначе как дикими такие теории назвать трудно. Со временем (с изменением агрокультуры, процессами глобализации экономики и т. д.), а уж тем более с развитием цивилизации и с глобализацией структура питания населения любой страны неизбежно меняется. И на этом пути его, это самое население, подстерегают многие опасности. Например, превращение той или иной страны в свалку для отравленной или генно-модифицированной продукции. История второй половины 80-х – начала 90-х гг. XX в., связанная с окорочками Буш, напичканными нитратами «под завязку», все еще в памяти представителей старшего поколения. В связи с чем проблема продовольственной безопасности становится лишь более актуальной. В настоящее время Россия полностью обеспечивает свои потребности в зерновых. Но по целому ряду продуктов она не может отказаться от импорта. На долю импортных продуктов питания в таких современных торговых сетях, как «Пятерочка», «Перекресток»,

«Карусель», «Копейка» и др., приходится от 40 до 60 % товарной массы. Но это лишь подчеркивает необходимость преодоления сложившейся ситуации и принятия немедленных и кардинальных мер. Однако вступление Российской Федерации в ВТО (2012) во многом сводит на нет возможности принятия таких эффективных мер.

Из таблицы 2, приведенной ниже, видно, насколько вступление нашей страны во Всемирную торговую организацию ослабило тарифную защиту отечественной продовольственной продукции и наши позиции в мировой торговле.

Таблица 2

Таможенный тариф на продовольствие, введенный Протоколом по присоединению России к ВТО, %

Наименование товара	**Уровень тарифа**	**Уровень единого таможенного тарифа**
Свиньи живые	5	40
Свинина сверх квоты	65	75
Свинина по квоте	0	15
Пищевые субпродукты	15	25
Прочее мясо и пищевые мясные субпродукты	15	25
Молоко и сливки сгущенные	15	25
Сыр и творог	9,5	19
Чай	12,5	20
Рис	10	29

** Источники: Протокол от 16.12.2011 «О присоединении Российской Федерации к Соглашению об учреждении Всемирной торговой организации» от 15.04.1994 г. Москва, 1994; Россия в ВТО: год после вступления / Под ред. В. А. Черешнева, А. И. Татаркина, М. В. Федорова. Москва, 2014; Ломакин П. Н. Обеспечение продовольственной безопасности России: внутренние и международные аспекты. Москва, 2017.*

Считается, что традициями питания русских людей можно назвать:

1) зависимость пищи от рода занятий человека (земледелие, рыболовство и др.);
2) религиозные запреты на еду (посты);
3) слабое воздействие характера питания соседних враждебных цивилизаций на русскую кухню (польская, шведская, немецкая кухни);
4) активное воздействие дружественных цивилизаций на характер питания русского человека (французская, итальянская кухни);
5) влияние окружающей природы на питание и т. д.

В целом структура продовольствия, которая складывалась в русском обществе, была вполне консервативной. Она характеризуется постоянством блюд и их вкусовой гаммы, строгими правилами приготовления. Основу питания нашего народа исторически составляли каши (полбяная, овсяная, ржаная) и квасной (кислый) хлеб из ржаной муки. Причем роль хлеба в структуре питания традиционно была и остается очень высокой: «хлеб – всему голова»!

В середине XI в. на Руси появился тот самый черный ржаной ноздревой и духовитый хлеб на квасной закваске, который стал основой национального питания. Вслед ему появились также такие виды хлебной и мучной продукции, как караваи, сочни, блины, пироги, оладьи, баранки, сайки, пышки и др. Национальным напитком служил и до сих пор является квас. Помимо кваса, русские люди употребляли и другие напитки: перевары (сбитни), меды и медки (медовухи) и т. д. Особую роль в жизни людей играли каши (рассыпчатые, размазни, кашицы). С древности в структуре питания русских людей появилось четкое разделение на скоромный (молочно-мясо-яичный) и постный (растительно-рыбно-грибной) стол. Из 365 дней в году от 192 до 216 (в разные годы) были постными. А многие виды продуктов питания (сахар, томаты, картофель, цитрусовые и др.) русские люди долгие столетия вообще не знали и не употребляли. В связи с этим вспоминается характерный эпизод из к/ф. Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию»: на царском столе в изобилии были представлены рыба (белуга, стерлядь, осетры), икра (красная и черная), а вот баклажанная икра называлась заморской и была представлена очень скудно – буквально чайной ложечкой на большом серебряном приборе.

Что касается рядового домашнего хозяйства, то таких изысков в нем, конечно же, не было, рацион питания был весьма ограничен: помимо хлеба и каш – свежая и квашеная капуста, соленые огурцы, грибы, репа, ягоды и др. Тем важнее была проблема заготовок и хранения продуктов питания, иначе говоря, продовольственной безопасности домашних хозяйств. Об этом красочно писал еще в XVI в. священник Благовещенского собора в Московском Кремле, один из сподвижников Ивана IV Грозного, автор знаменитого сочинения «Домострой» Сильвестр. В этом сочинении четко обозначено, когда и сколько раз нужно принимать пищу, что подавать на первое и на второе, как вести себя за столом, как придерживаться постов и мясоедов. Среди блюд, подаваемых в посты и по будням, были чай с булкой (утро), редька с квасом, иногда рыба и хлеб (в полдень), чай с хлебом (в полдник) и остатки обеда (на ужин). В мясоед и по будням: чай, молоко, калачи (на завтрак), щи, черный хлеб, квас (в обед), чай, молоко и калачи в полдник и остатки обеда на ужин.

Каждый прием пищи проходил в определенный час (5 и 9 часов утра, 12 часов дня, 5 часов пополудни и в 9 часов вечера). И в каждом приеме пищи непременно были хлеб и хлебные изделия. По праздникам – особое блюдо русской кухни – блины. В поэме «Евгений Онегин» А. С. Пушкин описал один из таких праздников – Масленицу:

«Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины:
У них на масленице жирной
Водились русские блины».

Блины подавались на стол, как правило, с горячим чаем из лесных трав или ягод. Праздник масленицы продолжался неделю, и каждый день имел свое название: понедельник – *встреча*, вторник – *заигрыш*, среда – *лакомка*, четверг – *перелом* или *разгул*, пятница – *тещин вечер*, суббота – *золовкины посиделки*, воскресенье – *проводы*. В пищу блины употребляли с маслом, икрой, вареньем. Помимо масленицы, было множество и других праздников со своими особыми трапезами и традициями питания. Об этом читатель может узнать из книги Л. Н. Лазаревой «История

и теория праздников» (2011), а также более ранней работы Ю. Рябова «История русской культуры. Художественная жизнь и быт в XI–XVII веков» (1997).

Кроме блинов, обычным русским блюдом служили пироги с капустой, рыбой, ягодами, грибами и т. д. Особой популярностью пользовались расстегаи, пирожки. Среди первых блюд преобладали супы, щи, похлебки, уха, окрошка. Больше всего распространение получили щи. В простонародье они, как правило, были пустыми, т. е. без мяса. Так и появилась известная поговорка «попал кур во щи», которая изначально несла не критическое или порицательное значение (как это сложилось позднее), а позитивное и даже желаемое содержание. «Щи с куром» – это уже мясные щи, которые в лучшем случае простому человеку доставались в большие праздники. Самая старая запись поговорки, которая содержалась в одной из хроник XVII в. о Лжедмитрии, именно так и толковалась. Попав официально в русский лексикон в 1731 г. (во фразеологический словарь), эта поговорка осталась историческим свидетельством реального состояния уровня и качества питания наших далеких предков.

Но как бы там ни было, в целом рацион питания русских (российских) крестьян (смердов), да и городских (посадских) людей, не говоря уже о холопах и челяди, был относительно скудным и сравнительно малокалорийным. Характерными явлениями в истории русского общества были хроническое недоедание и частые периоды голода. Случаи голода даже оказывали свое влияние на политику государства. Достаточно вспомнить, что несколько голодных лет привели к падению царя Бориса Годунова, а при царе Алексее Михайловиче в стране даже произошел хлебный бунт (в Новгороде, Пскове). И таких примеров из российской истории можно привести великое множество.

Положение начало меняться после 1861 г. Освобождение крестьян от крепостной зависимости, но без земли дало толчок к переселению сотен тысяч крестьянских семей на восток империи: в Зауралье, Западную и Восточную Сибирь, на Дальний Восток. Часть крестьян уходила в города, пополняя ряды промышленного пролетариата. Россия вступила в так называемый пореформенный период. Реформы С. Ю. Витте позволили осуществить крупномасштабную модернизацию отечественной промышленности, а аграрная реформа 1906–1911 гг., осуществленная П. А. Столыпиным, обеспечила невиданный ранее подъем сельского хозяйства. «В замысле реформ, предложенных П. А. Столыпиным, обнаруживается системный подход, предусматривавший синхронность преобразований почти во всех сферах жизни» [9, с. 251]. Все это вместе взятое позволило впервые за многие столетия российской истории сбалансировать отечественный рынок продовольствия, поднять уровень потребления сельскохозяйственной продукции и, как следствие, уровень жизни населения в целом. В российском обществе и за границей всерьез заговорили о «русском экономическом чуде».

Проблема сбалансированности продовольственного рынка как важное звено проблемы обеспечения продовольственной безопасности в России всегда стояла крайне остро. И эта проблема возникла отнюдь не в советский период отечественной истории. Хотя такие явления, как голодомор или тотальный дефицит, известны многим нашим современникам. Но сама по себе проблема сбалансированности отечественного продовольственного рынка имеет куда более долгую и трагическую историю.

Известно, что после двух с половиной столетий монголо-татарского ига наша страна оказалась в ситуации, которую принято называть догоняющим сценарием развития. Тот урон, который она понесла в XII–XV вв., на долгие столетия определил характер и динамику развития и главной сферы ее экономики – сельского хозяйства.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в XVI в. крестьянская запашка в стране сократилась в 2,0–2,5 раза и продолжала сокращаться в XVII и XVIII вв. [10, с. 244–245]. Это имело свои негативные последствия. К началу XIX века товарность по производству хлеба составляла только 65%, а треть его вообще не поступала на рынок и оставалась для внутреннего потребления [10, ч. 1, с. 562]. И никакие организационно-правовые формы торговли не были в состоянии насытить рынок в полной мере продукцией сельского хозяйства. Развитие сельскохозяйственного всероссийского рынка сдерживалось системой крепостной зависимости, которая оказывалась в антагонистическом противоречии с интересами крестьянства.

После отмены крепостного права ситуация на продовольственном рынке стала, как уже было отмечено, постепенно меняться. Начал формироваться рынок наемной рабочей силы – главная предпосылка для промышленного подъема. Появились крепкие (так называемые «кулацкие» и «середняцкие») хозяйства. Возникли хутора и отруба. Крестьянская община столкнулась с необходимостью существенной внутренней модернизации, без которой она теряла возможность дельнейшего существования.

Осуществление реформы 1861 г. не замедлило сказаться на развитии российской экономики. Если в 50-е гг. XIX в. среднедушевое производство хлеба и картофеля составляло около 21 пуда, то в 60-е гг. этот показатель возрос до 23 пудов, а в 70-е гг. – до 25 пудов. Наметился устойчивый экспорт российского хлеба за рубеж, составивший в 70-е гг. XIX в. в среднем 287 млн пудов ежегодно.

Но отток аграрного населения в города не исправил, а лишь обострил и без того острую продовольственную проблему в стране. Еще более острой она стала к концу XIX в. в силу как длительного сохранения пережитков прошлого (выкупные платежи с крестьян, отработки, общинное землевладение, практика откупов и т.д.), так и неразвитости отечественной промышленности, ее неспособности обеспечить сельское хозяйство новой техникой и технологией.

После реформ С. Ю. Витте ситуация постепенно стала меняться к лучшему. Поэтому период с 1897 по 1905 гг. – эпоха «великих реформ», как ее называют некоторые историки и экономисты, – действительно стал начальным этапом для экономического роста и в сельском хозяйстве. Несмотря на отдельные кратковременные спады в тех или иных отраслях экономики, вызванные сугубо конъюнктурными факторами, общий долгосрочный тренд оказался положительным. Но проигранная русско-японская война и некоторые другие события больно ударили по отечественной экономике, выявили ее узкие места и нерешенные проблемы, главная из которых – землевладение и землепользование. Как известно, С. Ю. Витте и созданное специально для этого Особое совещание о нуждах сельскохозяйственного производства практически не решили этот вопрос. Именно этим объясняется начало Первой русской революции и 1905–1907 гг. Возникла реальная угроза утраты не только тех конкурентных преимуществ, которые страна получила после

его реформ, но и масштабной дестабилизации на продовольственном рынке страны. Поэтому С. Ю. Витте и его кабинет были отправлены в отставку.

Второй период реформ связан с именем П. А. Столыпина, который начал как раз с решения аграрных проблем. Курс его правительства был обозначен просто: «Сначала успокоение, затем – реформы». Успокоение – наведение порядка в стране – требовало экстраординарных мер. Революционные события 1905–1907 гг. привели к обострению ситуации, в которой никакие реформы по определению не могли дать положительного результата. Особенно острой оказалась ситуация на продовольственном рынке, поскольку он, как в капле воды, отражал все трудности развития аграрной экономики.

Со своей задачей новый кабинет в целом справился. Период 1906–1913 гг. – это время нового общего экономического подъема. Практически все макроэкономические показатели свидетельствуют об улучшении ситуации. И ведь не случайно все годы советского периода нашей истории мы сравнивали достижения в экономике именно с 1913 г.!

Сам П. А. Столыпин был полон оптимизма. Реформатор заявлял: «Дайте государству двадцать пять лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете России!» [11, с. 148].

Как свидетельствует известный французский обозреватель начала XX в. Э. Тэри, в России существенно возросло производство зерновых. В 1898–1902 гг. производство пшеницы составляло 117,5 млн ц, ржи – 209,9 млн ц, ячменя – 57,4 млн ц, овса – 111,2 млн ц, кукурузы – 11,9 млн ц. А уже через 10 лет эти показатели выглядели иначе. С 1908 по 1912 гг. в стране было произведено: пшеницы 161, 7 млн ц, ржи – 215,0 млн ц, ячменя – 93,7 млн ц, овса – 134,5 млн ц, кукурузы – 17,2 млн ц [12, с. 8]. За эти же периоды увеличилось и производство картофеля с 250 млн ц до 329,1 млн ц, сахарной свеклы – с 74,5 млн ц до 105,8 млн ц [12, с. 8].

Главным фактором подъема сельского хозяйства служил интенсивный, а не экстенсивный подход к его организации. В самом деле, как признавали еще советские историки, в период проведения аграрной реформы и сразу после нее рост посевных площадей в стране был незначительным. «Процесс интенсификации характеризуется за эти годы медленным, но все же определенно выраженным ростом посевных площадей» [6, с. 275]. В наибольшей степени увеличились посевные площади под хлопком (111,6 %), подсолнухом (61 %), сахарной свеклой (39,5 %), картофелем (15,8 %). Под зерновыми площадь увеличилась лишь на 10,8 %. [10, с. 275–276]. Важнейшими ресурсами развития сельского хозяйства в эти годы были агрономия, агрокультура, развитие новых форм ведения хозяйства (хутора, отруба), повышение уровня аграрного образования в стране. Достаточно напомнить, что в 1906 г. в сельскохозяйственных школах и на курсах, организованных для крестьянской молодежи училось 48 тыс. чел., а уже в 1914 г. – 1600 тыс. чел. [13, с. 387].

Такой небывалый рост производства основных сельскохозяйственных продуктов позволил России существенно расширить свой экспорт. Если в период с 1898 по 1902 гг. экспорт сельскохозяйственной продукции составлял 1195,6 млн фр., то в 1908–1912 гг. он уже равнялся 2315,7 млн фр. Только вологодского масла из России в Великобританию в 1912 г. было вывезено на 68 млн золотых рублей. Это в два раза превышало годовую добычу золота в Сибири [14, с. 31]. Возрос и

импорт продуктов питания: с 883,2 млн фр. до 1796,1 млн фр. [15, с. 9.]. Поэтому справедливо суждение о том, что «золотой запас России прирастал, прежде всего, постоянно восполнимым продуктом, и не только хлебом, но, например, экспортом масла, продажа которого за рубеж выручала больше золота, чем сибирские прииски» [16, с. 77].

Вопреки распространенному мнению о том, что Россия ценой недопотребления сельскохозяйственной продукции на внутреннем рынке наращивала ее экспорт заграницу, можно отметить, что этот экспорт, во-первых, возрос незначительно. А во-вторых, осуществлялся не по квотам, устанавливаемым сверху, а естественным путем, в результате оттока избыточной товарной продукции с рынка. Совокупный спрос на подавляющее число сельскохозяйственных товаров был практически полностью удовлетворен за счет роста объемов внутреннего производства.

Производство пшеницы в России увеличилось с 678 029 тыс. пудов в 1898 г. до 1 036 356 тыс. пудов в 1912 г. А вот ее экспорт возрос с 117 544 тыс. пудов в 1898 г. до 160 942 тыс. пудов в 1912 г. Аналогично изменился этот показатель и по ржи. Ее производство составляло в 1898 г. 1 107 297 тыс. пудов, а в 1912 г. – 1 567 733 тыс. пудов. А ее экспорт – соответственно 66 914 тыс. пудов и 72 230 тыс. пудов [12, с. 53, 54]. То же и по ячменю. Его производство составляло 397 797 тыс. пудов в 1898 г. и 606 045 тыс. пудов в 1912 г. А показатели экспорта – соответственно 106 319 тыс. пудов и 168 277 тыс. пудов [12, с. 56]. Аналогично и по кукурузе: 82 157 тыс. пудов и 123 447 тыс. пудов по производству, 46 317 тыс. пудов и 46 917 тыс. пудов по экспорту соответственно [12, с. 59].

Во многом схожей была ситуация и в мясо-молочной отрасли. В 1898 г. Россия экспортировала мяса на 1288 тыс. руб., масла – на 6616 тыс. руб. А в 1912 г. уже на 8380 тыс. руб. и на 68 077 тыс. руб. соответственно [12, с. 78–79].

Более ощутимый прирост объясняется, однако, не только и не столько ростом физических объемов экспорта, сколько ростом мировых цен на сельскохозяйственную продукцию.

Из этих данных видно, что за период 1908–1912 гг. существенно возросло внутреннее потребление сельскохозяйственной продукции в России. Это и понятно, поскольку по сравнению с периодом 1898–1902 гг. численность населения России к 1912 г. возросла со 135 260 000 до 163 460 000 чел., что означало его прирост в 28 200 000 чел., или 21 % [12, с. 55].

Прирост населения – одна из причин роста внутреннего потребления сельскохозяйственной продукции в России. При этом неуклонно росло и среднедушевое потребление сельскохозяйственных продуктов. Э. Тэри отмечает, что российские крестьяне в 1908–1912 гг. жили и питались, несомненно, лучше, чем в 1898–1902 гг. [12, с. 88]. Научно обоснованные нормативы потребления в России были относительно высокими: для взрослого работника ежедневный норматив белка составлял 318 г, жира – 50 г, углеводов – 500 г [17, с. 353].

В целом в пореформенный период стал заметно улучшаться пищевой баланс России. В 1898–1902 гг. импорт продуктов питания составлял 105,4 млн руб., а их экспорт – 442,6 млн руб. Это объясняется положительным влиянием реформ, осуществленных С. Ю. Витте. В первую очередь, денежной, налоговой, банковской и железнодорожной реформам, а также модернизацией промышленности. Сегодня много спорят о характере и результатах реформ С. Ю. Витте. Но бесспорным яв-

ляется тот факт, что реформа только одного железнодорожного транспорта позволила существенно увеличить подвоз в российские города и ввоз-вывоз через границу сельскохозяйственной продукции [18, с. 140–141]. А укрепление российского рубля создало предпосылки для увеличения импорта не только продукции сельского хозяйства, но и сельскохозяйственных машин, другой техники [19, Т. 2, с. 73, 82–83].

Но, как оказалось, торможение на пути развития продовольственного рынка России все-таки оставалось. И оно было связано с главным – крестьянским – вопросом. Как известно, после освобождения крестьян в 1861 г. они остались, по сути, без земли – главного своего средства производства. И решение этой проблемы – наделение крестьян землей в 1906–1911 гг. – дало значительный, если не сказать поразительный результат. В 1908–1912 гг. экспорт сельскохозяйственных товаров составлял уже 140,2 млн руб., а импорт – 788,6 млн руб. Иначе говоря, излишки экспорта возросли с 349,5 млн руб. до 672,7 млн руб. [12, с. 87–88].

Начало Первой мировой войны стало поворотным пунктом в развитии аграрной экономики России. Миллионы крестьян были насильно оторваны от своих хозяйств и мобилизованы на фронт. Это не могло не сказаться на динамике развития сельского хозяйства и на ситуации на продовольственном рынке страны. Кроме того, появление огромной армии, численность которой возросла с 1370 тыс. чел. в 1913 г. до 14 290 тыс. чел. в 1916 г., также требовало огромных затрат на ее содержание. Эти затраты осуществлялись в первую очередь за счет недофинансирования сельского хозяйства. Все это привело к массовым разорениям крестьянских хозяйств. Численность сельского населения уменьшилась с 113,9 млн чел. в 1914 г. до 112,7 млн чел. в 1917 г.

Негативные последствия вступления России в войну сказались и на промышленном производстве. Валовая продукция промышленности по ценам 1913 г. уменьшилась с 5620 млн руб. в 1913 г. до 4344 млн руб. в 1917 г. Особенно значительным было сокращение в производстве сельскохозяйственных машин. В 1915 г. оно составило уже 50 % от довоенного времени, а в 1916 г. – только 20 % [20, с. 136].

Следует отметить, что рецессия в аграрной экономике России начинается уже в конце 1913 г., поскольку именно в этот момент началась системная подготовка к будущей войне. Однако в начальный период такой подготовки бремя военных заготовок оказалось тяжелым лишь в отношении отдельных продуктов, таких как мясо, масло, сахар. На главном же богатстве страны – хлебе военные заготовки поначалу почти не отразились, так как их увеличение полностью компенсировалось сокращением экспорта.

Однако уже в первый год войны ситуация стала меняться. Потребности войны вызвали необходимость мобилизации всех видов транспорта для обслуживания фронта и прифронтовых территорий. Особенно это коснулось железнодорожного транспорта. При общем росте железнодорожных грузоперевозок объем невоенных грузов упал в 1914 г. до 67 % от уровня 1913 г. А объем хлебных грузов сократился до 65 %. Плановые объемы перевозок хлеба в 1916 г. вообще были выполнены только на 48 % [20, с. 136]. Подвоз хлеба в крупные города страны сократился настолько, что возникла угроза голода. Местные органы самоуправления не могли исправить ситуацию по определению: им не подчинялся железнодорожный транспорт. Не они определяли квоты продовольственных товаров для местных рынков.

В апреле 1915 г. в стране были отмечены первые массовые продовольственные волнения в городах и городских поселках. На Урале, например, продовольственные волнения произошли в августе – декабре 1915 г. в Нижнем Тагиле, Челябинске, Камышлове, Каменске и некоторых других местах. В целом в Пермской губернии в 1915 г. произошло 15 продовольственных волнений. В 1916 г. в Пермской и Уфимской губерниях – уже 37, что составило примерно ⅕ часть от их общего количества. Крупные продовольственные беспорядки произошли также в начале мая 1916 г. в Оренбурге, в июле 1916 г. – на Воткинском заводе, в августе – в Нижнем Тагиле, Сылве, Нейво-Рудянске, в сентябре – в Кунгуре [21, с. 344].

В условиях военного времени заметно сократились и посевные площади.

Если в 1913 г. площадь посевов в стране составляла 97,8 млн десятин, то в 1916 г. она уменьшилась до 90,7 млн десятин, то есть на 8 %. Наиболее масштабными были сокращения посевных площадей в регионах товарного зернового хозяйства. На юго-востоке страны в 1916 г. посевы ржи уменьшились на 33 %, а посевы пшеницы – на 21 % по сравнению с довоенным временем. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, оказавшись перед лицом уменьшающейся товарности деревни, царское правительство в ноябре 1916 г. ввело на территории 31 губернии принудительную хлебную разверстку. Оно предполагало получить около 700 млн пудов хлеба, однако получило в действительности только 305 млн пудов [20, с. 137].

Продовольственная проблема продолжала обостряться. Огромная часть крестьян оказалась мобилизованной в действующую армию, соответственно, многие деревни и села столкнулись с проблемой нехватки рабочих рук для обработки земли, с сокращением посевных площадей. Простой факт: численность российской армии увеличилась с 1370 тыс. чел. в 1913 г. до 14 290 тыс. чел. в 1916 г. Посевные площади сократились с 97,8 млн десятин в 1913 г. до 90,7 млн десятин в 1916 г., что составило 8 % [20, с. 135, 137].

Были приняты меры по ограничению потребления продовольствия населением. В марте 1916 г. Государственная дума приняла закон о мясопустных днях. К началу 1917 г. в крупнейших городах страны была введена карточная система распределения хлеба, мяса, сахара. Но все это не смогло решить продовольственную проблему. Подвоз хлеба в Петроград и Москву к началу 1917 г. почти полностью прекратился. Возникла угроза массового голода. 21 февраля 1917 г. в столице начался разгром булочных лавок. Погром перерос в массовые антиправительственные митинги, стачки и демонстрации. Именно угроза голода стала спусковым крючком Февральской революции в России. К 24 февраля 1917 г. началась всеобщая забастовка на 224 предприятиях. 26 февраля начались массовые погромы полицейских участков. Появились баррикады. Бунтовать начали и войска, причем не только столичного гарнизона, но и в других городах и даже на фронте. 3 марта 1917 г. в стране пала монархия. Правильно говорят у нас в народе: «голод – не тетка».

Пришедшее на смену царскому правительству Временное правительство в марте 1917 г. издало закон о введении хлебной монополии, согласно которому все излишки хлеба должны были сдаваться по твердым ценам государственным продовольственным органам. Выступая в начале 1917 г. по вопросу о ситуации на продовольственном рыке России, известный российский экономист Н. Д. Кондратьев

(1892–1938 гг.), бывший тогда товарищем (заместителем) министра продовольствия в третьем коалиционном составе Временного правительства, заявлял: «Обострившийся продовольственный кризис поставил перед нами болезненно острый продовольственный вопрос. Недостаток продуктов питания и расстройство транспорта, дороговизну и спекуляцию, твердые цены и таксы, карточную систему и „хвосты очередей“ – все это мы относим к продовольственному кризису» [22, с. 167]. Учитывая характер ситуации, Н. Д. Кондратьев признавал, что «к тяжести дороговизны присоединилась и тяжесть недостатка продуктов» [22, с. 169]. Он выдвинул задачу организации, а было бы точнее сказать, реорганизации хозяйства. Одобряя введение хлебной монополии, он также выступил сторонником введения твердых цен на продовольствие.

В своей статье «Хлебная монополия и новые твердые цены» Н .Д. Кондратьев признавал временный и относительный характер таких мер. Он писал: «Через непродолжительное время мы снова встанем перед лицом необходимости повышения твердых цен» [22, с. 185–186]. Так оно и вышло. Если принять цены на продовольствие в 1913 г. за 100 %, то в январе 1916 г. они только в Москве составили уже 203 %. В январе 1917 г. уровень розничных цен в Москве достиг 421 % [20, с. 136].

Временное правительство оказалось несостоятельным в вопросах организации продовольственного снабжения. Об этом красочно свидетельствует содержание доклада «О состоянии продовольствия в России», сделанного известным российским экономистом, заместителем министра продовольствия во Временном правительстве Н. Д. Кондратьевым на заседании Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов 21 августа 1917 г. В этом докладе Н. Д. Кондратьев попытался защитить практику установления твердых цен на хлеб, которую осуществляло Временное правительство. Но в своей оценке причин острого хлебного дефицита автор выступления оказался полностью несостоятельным. Он всю вину возложил на самих крестьян, которые «не понимали сложности момента», и на уездные и волостные органы. Предложение Н. Д. Кондратьева было следующим: «Нужно внести организацию в продовольственные органы. Может быть, продовольственные органы на местах придется упразднить или поручить им роль контроля, техническую же работу передать кооперативам. Там, где нет кооперации, придется привлечь частные аппараты, поставить их под контроль» [27, с. 208]. Выступая за введение государственной монополии на хлеб, он также указывал: «Мы, встав на точку зрения необходимости монополизации хлеба, должны до конца стоять на пути поддержки этой политики, так как другого пути нет… Возврат к свободной торговле поведет к громадному росту цен на все, что приведет страну к гибели. <…> Мы должны сказать, что крестьяне, удерживая сейчас хлеб, губят государство, как губит его рабочий класс, заботясь только о себе» [27, с. 209]. Это было, конечно же, ошибочное представление о сложности момента со стороны самого Н. Д. Кондратьева. Обвинять российский народ в наступлении хлебного голода мог только человек явно безответственный. Как будто это не Временное правительство, выступая за продолжение войны, усугубляло тяжелую продовольственную ситуацию в стране. Вместо того чтобы тратить миллионы рублей не на закупку оружия, а на закупку зерна, оно в лице своего представителя упрекало россиян в том, что они «придерживают хлеб», а не отдают его безвозмездно на

благо Родины. Но слишком разное было представление о Родине у российских крестьян и министров Временного правительства представление…

К осени 1917 г. ситуация с продовольственным снабжением была доведена Временным правительством до предела. Мало кто из современников обращает свое внимание на то, почему именно 25 октября 1917 г. началось вооруженное восстание, получившее в истории название Великой Октябрьской социалистической революции. А все было просто: 25 октября – дата выплаты заработной платы на промышленных предприятиях. Но оказалось, что в стране не было денег для этого, а если где-то они и находились, то в силу дикой инфляции и физического отсутствия продовольствия даже хлеба на них купить было невозможно.

После Октябрьской революции 1917 г. хлебные заготовки приобрели характер военных действий против крестьян. В августе 1917 г. в Петрограде и Москве хлебный паек был сокращен с ¾ до ½ фунта хлеба [10, с. 137].

Таким образом, развитие продовольственного рынка в России, стимулированное реформами начала XX в., завершилось его коллапсом в силу неблагоприятной военной обстановки, а затем – революционных событий и начавшейся гражданской войны. Итогом таких событий стало разрушение миллионов крестьянских семей, которые в действительности являлись «первоначальной исходной величиной для построения хозяйства» [23, с. 294].

Главной причиной разрушения хрупкого продовольственного баланса, сложившегося на продовольственном рынке России накануне войны, стали сама мировая война и стихийное развитие дикого, компрадорского капитализма в стране. Вот что о перспективах капиталистического развития и разрушения крестьянских общин еще в 1869 г. писал В. В. Берви-Флеровский: «В то время когда крестьяне мягко и просто устраивали свои отношения, находили возможность оплодотворить землю даже при трудном условии спорного владения, значительная часть образованных классов думала только о разделах и о том, как бы изъять возможно большее количество земель из общинного владения. Цель тут одна – сосать земледельцев, сосать всех нас – русский народ. Успехи, которые сделаны были в этом отношении после освобождения (крестьян от крепостного права – авт.), громадны и представляют собой самую серьезную опасность. Мы все – русский народ во всем его составе – попадем в руки горстки людей, которые будут помыкать нами, как им угодно, и будут иметь возможность заморить нас голодом, если им это понравится» [8, с. 33].

Возражая утверждениям о том, что поземельная община стала тормозом на пути развития земледелия, а ее участники сами не обрабатывают землю и не дают сделать это другим желающим, В. В. Берви-Флеровский называл это ложью: «Наши общины вовсе не пользуются исключительно своими землями, большинство из них отдает часть этих земель в аренду. Человек толковый и знающий сельское хозяйство может получить от общин клочок земли для его улучшения или для заведения на нем рационального хозяйства гораздо легче и на несравненно более выгодных условиях, чем от помещика или крупного землевладельца. Не говоря уже о том, что с общинами в этих случаях несравненно приятнее иметь дело» [8, с. 208].

О взаимосвязи артельного труда и общинного землевладения он писал: «Для людей знаний и труда общинное владение представляет несравненно лучшее поприще, чем собственность, которая ставит и знание, и труд в унизительную для

него зависимость от заносчивого тунеядца. Явления экономической жизни на Западе показывают нам, что единственное нормальное отношение к земле имеет место только тогда, когда она находится во владении земледельца, обрабатывающего ее исключительно собственными своими руками. И у нас, и на Западе мы видим, что крупный поземельный собственник всего менее способен к успешному возделыванию земли. За ним следует арендатор и средний работник, который и сам работает и имеет наемных работников» [8, с. 208–209].

Высказываясь против подражания Западу и капитализации аграрной экономики, он отмечал: «Положим, что мы будем стараться мало-помалу улучшать наше социальное положение теми же путями, которыми идут на Западе, но разве западная цивилизация будет дремать?» [8, с. 210]. Отсюда следовал вывод о бесперспективности западного пути развития (капитализма) и необходимости укрепления и модернизации поземельной общины. Но такое обновление «старых форм» он видел не на пути чиновничьего произвола или организации «революции сверху», а на пути развития широкого самоуправления самих земледельцев.

Другим наиболее ярким идеологом некапиталистического пути развития как условия решения продовольственной проблемы в стране был известный экономист А. А. Исаев (1851–1924). Он выступал за развитие артельного движения и утверждал, что артели представляли собой едва ли не самую популярную организационно-правовую форму развития мелкотоварного производства [24]. В артели А. А. Исаев видел наиболее перспективную форму организации не только традиционных для русской экономики так называемы отхожих промыслов, охота и т. д.), но и производства продовольственной продукции.

В основе деятельности участников артели как особой формы предпринимательства лежали договорные отношения. В качестве самоуправляющегося союза артель предоставляла своим участникам равные права и возможности, что скреплялось договором. Только два вида артелей (тюремные и солдатские) таких договоров не практиковали. Артели получили свое наибольшее распространение в отраслях наименее сложного труда, не требующих крупных капиталов (лесоразработки, извоз, ремонтные работы и т. д.). Разнообразие артелей поражает воображение: на рубеже XIX–XX вв. в России насчитывалось свыше 1000 различных видов артелей. При этом распределение дохода между участниками артели (дуван) ставилось в зависимость от личного вклада каждого из ее участников.

Тот факт, что артельная организация предпринимательства в России оказывала существенное влияние на развитие духовно-нравственных начал бизнеса, отмечали разные авторы. Так, А.А. Исаев писал: «Артельное общение не может оставаться без влияния и на другие стороны духовной природы человека. Так как артель имеет главной целью взаимную помощь, создание из соединения разрозненных сил таких условий, в которых каждый способен изменить к лучшему свою обстановку, то она налагает на животные побуждения своих членов известную узду, требует от них исполнения относительно соучастников определенных обязанностей» [24]. При этом артели исключали использование наемного труда принципиально, поскольку использование наемной рабочей силы составляет основу капиталистической экономики, а артельная форма организации труда представляла собой специфическую форму кооперации. Основу деятельности артелей составлял личный труд, личное участие.

А. А. Исаев высказывался и за расширение практики переселения и освоения новых (залежных) земель в стране и расширение номенклатуры (ассортимента) создаваемой продовольственной продукции [25].

Еще более актуальными представляются размышления о судьбе России выдающегося отечественного ученого-экономиста Василия Павловича Воронцова (1847–1918). В своих работах «Судьбы капитализма в России» (1882) и «Судьба капиталистической России» (1907) он доказывал тезис о том, что развитие капитализма в России уродует ее сельское хозяйство. А погоня капиталистов за сверхприбылью ведет к неоправданному росту экспорта сельскохозяйственного сырья и продуктов питания и порождает их дефицит в самой стране. Тем самым появляются условия для ухудшения продовольственного рынка и недоедания. Рассуждая о структуре такого капиталистического экспорта, экономист отмечал, что «Россия играет в мировом товарообороте роль поставщика жизненных припасов, в меньшей степени – сырых растительных материалов, т. е. в международных промышленных отношениях она является представителем земледельческого промысла» [26, с. 768–769]. Современный капитализм точно так же, как и капитализм начала XX в., превратил нашу страну в аграрно-сырьевой придаток индустриально развитых стран: российская экономика все еще сохраняет свою экспортно-сырьевую ориентацию. Разница состоит лишь в том, что если на рубеже XIX–XX вв. Россия вывозила большую часть продуктов питания (зерно, мука, картофель, вологодское масло и т. д.), то сейчас она значительную часть продуктовой продукции ввозит. В конце XIX – начале XX вв. производство зерна и картофеля в России составляло 24,3 пуда на человека в год, а вывозилось из них 4,8 пуда. Для нормального потребления требовалось 25 пудов в год.

Таблица 3

Ситуация с рожью в России (1904–1910 гг.)

Год	Потребление (тыс. пудов)	Цена (коп. за пуд)
1904	600 510	164,2
1905	576 740	180
1906	966 009	196,6
1907	1 210 137	241,6
1908	1 201 128	237,4
1909	1 364 922	214
1910	1 317 500	191,4

Источники: Рыкачев А. Цены на хлеб и труд в С.-Петербурге за 58 лет // Вестник финансов. 1911. № 31; Лященко П. И. Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Санкт-Петербург, 1915; Лященко П.И . История народного хозяйства СССР. Т .2. Капитализм. Москва, 1956; Попов Г. Г., Чибисова Е. И. Внешняя торговля и хлебные цены в Российской империи // Terra Economicus. 2016. Т. 14. № 3.

Причиной такой ситуации В. П. Воронцов считал развитие крупного капиталистического сельскохозяйственного производства. Он заявлял о необходимости «принять меры, чтобы земля, уходящая из уставших рук прежних владельцев, миновав объятия кулаков, непременно попала к жаждущему ее мужику» [26, с. 253].

Конечно, капитализация российской экономики и погоня за максимальной прибылью со стороны основных производителей продовольственной продукции в на-

чале XX в. привели, с одной стороны, к сокращению внутренних ее поставок на региональные рынки, а с другой стороны, к росту спроса на нее и, как следствие, росту цен на основные продукты питания, а также способствовали существенному изменению качества и объема питания россиян. Об этом можно судить хотя бы по ситуации с рожью, служившей одним из ключевых элементов производства хлебопродуктов.

Однако начало Первой мировой войны, последовавшая затем буржуазная февральская революция 1917 г. и свержение монархии ничуть не улучшили положение на продовольственном рынке страны. В связи с началом войны разразился настоящий продовольственный кризис, который только был усугублен политикой Временного правительства.

Именно начало Первой мировой войны стало триггером в наступлении продовольственного кризиса. Так, к началу октября 1915 г., то есть еще в условиях царизма, о недостатке хлеба и нарушениях в снабжении им заявило 99 % городов Северо-Западного района страны, 95 % городов Западного района, 84 % городов Юго-Западного района, 88 % – Центрального промышленного района, 72 % – Центрального земледельческого района, 66 % – Южного района, 80% – Нижне-Волжского района и 88 % – Урало-Камского района [27, с. 169]. В августе 1915 г. для того, чтобы как-то стабилизировать снабжение продовольствием в стране, царское правительство пошло на учреждение так называемого «Особого совещания по продовольствию» и на установление сначала предельных, а затем и твердых закупочных цен и даже розничных цен. Интересно, что довоенные цены на основные продукты питания составляли: на мясо I сорта – 68 коп., II сорта – 60 коп. за фунт. Свиная задняя часть – 1 руб. 20 коп., передняя часть – 1 руб. за фунт. Голова без мозгов – 20 коп. Мозги – 50 коп. за 1 шт. Легкое – 15 коп. за фунт. Сердце и печенка – 40 коп. за фунт. Сало I сорта – 1 руб. 15 коп., II сорта – 1 руб. 5 коп. Масло сливочное и столовое – 2 руб. 20 коп., масло топленое – 2 руб. за фунт. Яйца – 1 руб. 50 коп. за десяток. Кура – 1 руб. 10 коп. за фунт., гусь – 85 коп. за фунт. Сыр русско-швейцарский – 1 руб. 80 коп., голландский и иной – 1 руб. 40 коп. [28, с. 118].

Но уже в мае 1915 г. цена на мясо составила в Москве 22 руб., а в Петрограде – 26 руб., а его подвоз постепенно прекратился. Что же касается цен на хлеб, к 31 августа 1916 г. цены на русскую пшеницу достигли 2 руб. 75 коп за пуд [27, с. 172, 175]. При общем росте цен на продукты питания их производство и доставка в крупные города страны неуклонно сокращались. В 1916 г. плановые перевозки хлеба были выполнены только на 48 %. А в целом государственные заготовки хлеба дали в 1915–1916 г. 343 млн пудов, тогда как оставшиеся в деревне «излишки» составили на середину июля 1916 г. 402 млн пудов [20, с. 136, 137]. Попытки царского правительства, а затем и Временного правительства ввести твердые цены и таким образом регулировать продовольственный рынок в стране мало что давали: негативная тенденция лишь нарастала.

С весны 1916 г. в ряде губерний страны была введена карточная система на продукты питания. А после свержения монархии Временное правительство 25 марта (7 апреля) 1917 г. ввело так называемую «хлебную монополию», в соответствии с которой все зерно становилось собственностью государства. Затем были введены хлебные карточки. С июня 1917 г. карточная система распространилась на снабже-

ние крупами, в июле – на мясо, в августе – на коровье молоко, в сентябре – на яйца, в октябре – на растительное масло, в ноябре и декабре – на чай и кондитерские изделия. Введение Временным правительством хлебной монополии, твердых цен и карточной системы стало шагом на пути последующего (уже при советской власти) перехода к политике «военного коммунизма» и продразверстке. Надо отметить, что, несмотря на все «чрезвычайные» усилия Временного правительства, к октябрю 1917 г. план хлебных заготовок был выполнен только на 19 % [20, с. 137].

И вот событие, которого ждала на протяжении сотен лет вся «мужицкая Россия», все российское крестьянство, случилось. 26 октября 1917 г. вышел Декрет II Всероссийского съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «О земле». Этим декретом земля помещичья частная собственность на землю отменялась, а вся земля передавалась трудящимся крестьянам на правах безвозмездного пользования. Все конкретные вопросы должны быть решены всенародным Учредительным собранием [29, с. 15–17].

Но, как это не раз случалось в мировой истории, большевики сначала дали землю крестьянам (хоть и на правах безвозмездного пользования), а затем отняли (национализировали и заставили крестьян расплачиваться за пользование землей большей частью своего урожая). После разгона Учредительного собрания большевиками ситуация с продовольствием в стране стала просто катастрофической. По сути, они повторили ошибку Временного правительства и ввели хлебную (а шире – продуктовую) монополию. 13 мая 1918 г. ВЦИК и СНК приняли декрет, согласно которому крестьяне обязывались к сдаче по твердым государственным ценам всех излишков хлеба сверх количества по установленным нормам. Советская государственная монополия хлебной торговли объявлялась незыблемой.

В такой ситуации миллионы крестьян попросту отвернулись от новой власти и стали прятать свой урожай, вместо того чтобы сдавать его продовольственным отрядам. Средняя доставка хлеба в Петроград за день в первую неделю месяца, закончившегося штурмом Зимнего дворца, равнялась 44 572 пудам, во вторую – 22 737 пудам, в третью – 19 639 пудам. Между тем суточная потребность столицы по существовавшим тогда пониженным нормам составляла 40 000 пудов. На каждого едока полагалось по полфунта хлеба в сутки. Во многих губерниях обнаружилась недостача хлеба. В Вологодской губернии – 6,5 млн пудов, в Новгородской не хватало 5,8 млн пудов, в Архангельской – 4,8 млн пудов, в Олонецкой – 2,8 млн пудов [28, с. 19, 74]. В 1921 г. в стране разразился голод.

Лидеры советской власти совершенно неадекватно оценивали ситуацию в сельском хозяйстве. Л. Д. Троцкий открыто призывал развязать гражданскую войну против российского крестьянства в деревне. Ф. Э. Дзержинский предлагал усилить репрессии против «врагов народа». Председатель Исполкома ВЦИК Я. М. Свердлов вообще озаботился организацией «крестового похода» против «мелкобуржуазных масс». А вождь российского пролетариата, председатель СНК В. И. Ленин предлагал расстреливать «несознательные элементы», повторяя: «Лес рубят – щепки летят».

Специальным декретом советской власти об уничтожении сословий и гражданских чинов в 1917 г. все население России было поделено на две категории: тех, кто имел права, и тех, кто их не имел (лишенцев). К последней категории, по сути, было отнесено все российское крестьянство, за исключением бывших батраков

(сельскохозяйственных наемных рабочих). Логическим завершением такой вивисекции стал лозунг об «уничтожении кулака как класса», реализованный уже в ходе коллективизации 1928–1930 гг.

Тем самым обострение классовой борьбы только спровоцировало начало Гражданской войны в стране. Ее ход привел к тому, что наиболее богатые в продовольственном отношении губернии страны оказались отрезанными от поставок продуктов питания в центральную и северо-западную части России. Если в 12 черноземных губерниях, охваченных белым движением, на 33 млн чел. населения приходилось 788 млн пудов хлеба, то есть по 23,9 пуда на душу, то в 14 западных, северных и центральных губерниях было собрано только 164 млн пудов зерна на 19,7 млн чел. населения, или по 8,3 пуда на душу. Для 12 богатых зерном губерний излишки хлеба составили 194 млн пудов, а в 4 бедных излишков не было вообще, а был недостаток в 67 млн пудов [20, с. 141–142].

Следует отметить не только негативную роль мировой и гражданской войн в обострении продовольственной проблемы. Свою роль здесь сыграли и природно-климатические условия. В 1918 г. под их влиянием существенно уменьшилась урожайность. Валовый сбор зерна оказался на 9 % ниже, чем в 1916 г.

Из-за плохого питания стала сокращаться и численность населения в крупных промышленных центрах России. А 1917 г. рождаемость в столице, например, уменьшилась до 18,7, в 1918 г. – до 17,3, в 1919 г. – до 13,7 чел. Смертность же, наоборот, увеличилась до 22,9 в 1917 г., до 46,7 чел. в 2018 г., до 77,1 чел. в 2019 г. [20, с. 145]. Вот и вся продовольственная безопасность (а точнее, ее полное отсутствие) в первые годы советской власти.

Как вообще можно было адекватно оценить складывавшуюся продовольственную ситуацию при таком сугубо классовом подходе и такой смертности населения? Однако вот что заявлял в разгар голода в стране заместитель председателя СНК (с 1924 г. – глава советского правительства) А. И. Рыков: «Несмотря на дефицит хлеба по сравнению с мирным временем более чем в 1 млрд пудов, довольно реальна та перспектива, что деревня даст на рынок такое количество хлеба, которое город не в силах будет оплатить из своей продукции <…> Если верно предположение, что хлебный излишек выразится в 400–500 млн пудов, то необходимо, чтобы промышленная программа <…> была исполнена в 100 %» [30, с. 208]. Полное непонимание того, что происходило в деревне, было связано еще и с тем, что большевики возлагали особые надежды на расширение посевных площадей в стране. А. И. Рыков заявлял: «В районах же, которые не были поражены неурожаем, мы наблюдаем расширение площади засева» [30, с. 210].

Его оптимистические рассуждения прозвучали в ноябре 1920 г. на V Всероссийской профсоюзной конференции, где он заявил о том, что «рост продовольственных заготовок увеличивается из года в год. Так, в 1917–1918 гг. было заготовлено 30 млн пудов хлеба; в 1918–1919 гг. – 110 млн пудов. Наконец, в 1919–1920 гг. – 265 млн пудов» [19]. Рисуя радужную картину в стране, он не мог и предположить, что скоро разразится катастрофа. В 1921 г. в стране начался страшный массовый голод. Он охватил 35 губерний (Поволжье, Южную Украину, Крым, Башкирию, Казахстан, Приуралье, Западную Сибирь) с общей численностью населения 90 млн чел., из которых голодало не менее 40 млн чел. В принципе, голодные годы для России были не новостью. В начале XX в. Голодными были

1901–1902, 1905–1908 и 1911–1912 гг. Но голод 1921–1922 гг. стал самым страшным, поскольку пришелся на послевоенный период, то есть на период разрухи и тяжелых последствий мировой и гражданской войн. От голода 1921–1922 гг., по официальным данным, погибло более 5 млн чел., по независимым оценкам – более 8 млн. чел. Своего апогея он достиг в Поволжье.

Советская историческая наука вопросам голода, который трижды охватывал страну в советский период нашей истории, значительного внимания не уделяла. Голод 1921–1922 гг. она списывала на засуху и тяжелые последствия гражданской войны [31, с. 463]. Второй голод, начала 1930-х гг., вообще умалчивался в литературе вплоть до 1991 г. [32]. Такой же была ситуация и с третьим, послевоенным голодом 1946–1947 гг., о котором впервые упомянули только в 1988 г., а специальные исследования стали появляться только с начала 1990-х гг. [33]. Вообще данная тема представляло своего рода табу для исследователей.

В условиях недоедания и голода советская власть не придумала ничего нового, как использовать карточную систему для решения продовольственной проблемы. Карточная система широко применялась в советской России с момента ее создания в связи с политикой «военного коммунизма». Первая отмена карточной системы произошла в 1921 г. в связи с переходом к политике НЭПа.

Вот как эту ситуацию характеризует известный российский экономист В. Л. Перламутров: «Реформаторы оказались талантливыми мастерами дела, за которое взялись. Замена продразверстки продналогом в деревне, перевод почти всей промышленности на коммерческие основы работы – самофинансирование и допущение свободы торговли в городе и деревне – привели к высоким и все убыстряющимся темпам восстановления и роста производства. А рост производства позволил в конце 1922 г. начать и в начале 1924 г. успешно завершить денежную реформу. В 1922/1923 хозяйственном году сельское хозяйство России выросло на 18,6 %. В 1925/1926 г. прирост сельскохозяйственного производства несколько превысил уровень высокоурожайного 1913 года.

Подъем промышленности шел столь же круто. В 1922/1923 г. – 28,3 %, в 1923/1924 г. – 27 %, а в 1924/1925 г., когда денежная реформа уже была завершена – 56 %. Именно верный выбор момента начала денежной реформы, опора на начавшийся подъем производства в стране позволили и успешно ее повести, и сравнительно быстро ее завершить» [34, с. 246].

Если же посмотреть на реальные условия, то переход к новой экономической политике был отнюдь не единовременным, он растянулся на несколько лет и оказался связан с острой внутрипартийной и политической борьбой. Но постепенно для многих советских и партийных руководителей приходило понимание того, что для решения продовольственной проблемы необходимо не реквизировать зерно, не давить крестьянина, а разрешить крестьянам его продавать по рыночным ценам, открыто торговать им. Поэтому замена продразверстки продналогом позволила эту проблему решить. Продналог был вдвое меньше, чем продразверстка [34, с. 259]. С 1 января 1924 г. продналог, преобразованный в единый сельскохозяйственный налог, стал взиматься исключительно в денежной форме.

Однако денежная реформа 1922–1924 гг., которую в историографии оценивают в целом весьма положительно, закончилась все-таки обесцениванием рубля и, соответственно, ростом цен на промышленную продукцию. Возникли так назы-

ваемые «ножницы цен»: промышленная продукция дорожала, а продовольствие предлагалось реализовывать на рынке по более низким твердым ценам. В результате неконтролируемой эмиссии рубль стал стремительно дешеветь, а цены расти. На 1 января 1923 г. в сравнении с 1913 г. цены увеличились в 20 млн раз [34, с. 261]. Аналогичная ситуация сложилась и после нескольких лет выпуска червонца, масштабы эмиссии которого к 1929 г. также стали огромными, что не соответствовало реальным возможностям его золотого и товарного покрытия. Началось его обесценивание. Если в 1925 г. 1 червонец равнялся 21 немецкой марке, то в 1926–1927 гг. – уже 7–8 маркам. В 1928 г. обмен червонцев на иностранную валюту вообще был прекращен. С 1932 г. в обращении появились бумажные деньги [35, с. 170].

С формированием командно-административной системы государственного управления народным хозяйством государство отказалось от дальнейшего проведения новой экономической политики и перешло к политике принудительной коллективизации. Оно полагало, что создание крупных государственных совхозов и развитие кооперации в виде организации колхозов позволит быстро переломить ситуацию и окончательно решить продовольственную проблему в стране. В Резолюции XVI конференции ВКП (б), принятой в апреле 1929 г., в частности, было сказано: «При общем росте сельского хозяйства происходит значительное замедление темпа роста отдельных отраслей сельского хозяйства, в особенности зерновой. В основе этого замедленного темпа развития сельского хозяйства и крайне малой его товарности лежит распыленность и дробность крестьянского хозяйства (число крестьянских хозяйств увеличилось за время революции с 16 млн до 25 млн), полунатуральный его характер, низкий уровень сельскохозяйственной техники и культуры» [36, с. 33]

Но не тут-то было! С 1928 по 1931 г. в стране резко сократилось поголовье скота: с 33,5 млн голов до 19,6 млн голов лошадей; с 70,5 млн голов до 40,7 млн голов коров; с 146 млн голов до 52 млн голов коз и овец. Уже в первые месяцы коллективизации крестьяне забили свыше 15 млн коров и быков, около 40 млн овец и коз, 7 млн свиней, 4 млн лошадей [37, с. 184]. Такова была цена перехода к политике коллективизации.

Здесь следует напомнить, что непосредственным поводом для отказа от осуществления НЭПа послужил кризис хлебозаготовок конца 1927 г., допущенный советской властью именно в силу непродуманной эмиссии червонца и неэффективной ценовой политикой. Он, этот кризис, был прямо связан с попытками власти форсировать объемы производства сельхозпродукции и удержать цены на зерно на низком уровне. Сложились уже упоминавшиеся выше «ножницы цен»: высокие на промышленные товары и низкие на сельскохозяйственные товары. Принцип эквивалентного обмена между городом и деревней оказался нарушенным.

В этой ситуации советская власть по заведенной традиции обвинила крестьян и местное руководство в срыве поставок сельхозпродукции. Был избран курс на общую коллективизацию. Согласно утвержденному весной 1929 г. пятилетнему плану, в колхозы предполагалось привлечь 4–4,5 млн крестьянских хозяйств, то есть примерно 16–18 % от их общего числа. Но уже в 1930 г. было предложено вовлечь в колхозы не менее 6 млн крестьянских хозяйств. Темпы коллективизации было решено форсировать. Началась политика раскулачивания.

Пытаясь показать, что обобществление и укрупнение крестьянских хозяйств дали безусловный выигрыш и самим крестьянам, и всей стране в целом, И. В. Сталин в декабре 1929 г. на конференции марксистов-аграрников привел такие данные. Если до революции помещичьи хозяйства давали 600 млн пудов хлеба, кулаки производили 1900 млн пудов, а беднота и середняки – 2500 млн пудов, то в 1927 г. помещиков уже не стало, кулаки производили 600 млн пудов, а беднота и середняки – 4 млрд пудов хлеба. Очевидна неточность в интерпретации статистических данных, которые выдаются за «колоссальный выигрыш от Октября». Суть этой неточности состоит в том, что общий, совокупный выпуск хлеба до революции составлял, если основываться на приведенных данных, 5 млрд пудов, тогда как «упразднение» помещиков привело к тому, что совокупное производство хлеба в 1927 г. составило только 4,6 млрд пудов, то есть сократилось на 400 млн пудов [38, с. 363]. И это за 10 лет существования советской власти!

В 1928 г. в стране наблюдается кризис хлебозаготовок, которому способствовали низкие закупочные цены, установленные государством на сельхозпродукцию. За пятилетие (1928–1932 гг.) почти вдвое сократилась продукция животноводства и птицеводства. Производство мяса, молока и яиц в 1934 г. оказалось ниже, чем в 1919 г. Существенно снизились сборы других зерновых и технических культур. Падение валовых сборов зерна до 5,7 ц/га в 1932 г. по сравнению с 8,2 ц/га в 1913 г. привело к голоду 1932–1933 гг.

Колхозная система, организованная сверху, была абсолютно неэффективной. Товаропроизводители вынуждены были сдавать государству свою продукцию по заниженным ценам – в 10–12 раз ниже рыночных цен. Еще часть урожая шла в виде натуроплаты МТС (материально-технические станции) за обработку колхозных полей.

В этой ситуации власть пошла на принятие нового Устава сельскохозяйственной артели (1935 г.), которым были проведены некоторые послабления для крестьянских хозяйств. Крестьянам разрешалось иметь личное подсобное хозяйство, приусадебные участки и т. д. Но многие пожелания крестьян так и не были учтены. И тем не менее даже небольшая либерализация отношений на селе позволила повысить темы развития сельского хозяйства. В 1937 г. валовой сбор зерна в стране достиг 97,5 млн пудов против 73,3 млн пудов в 1928 г.

Не лучше обстояло дело и в животноводстве. Поголовье крупного рогатого скота уменьшилось с 66,8 млн голов в 1928 г. до 33,5 млн голов в 1933 г. и 46 млн голов в 1936 г. [39, с. 37]. К 1937 г. коллективизация фактически была завершена. Почти 93 % крестьянских хозяйств были объединены в 243,7 тыс. колхозов.

Коллективизация и становление колхозной системы в 30-е гг. XX в. разрушили весь традиционный деревенский уклад. Несмотря на механизацию сельского хозяйства, по большому счету, коллективизация не решила ключевых экономических и социальных проблем села. Вместе с тем коллективизация отражала объективную необходимость в создании крупно-товарного сельскохозяйственного производства и стала основой последующей промышленной модернизации. В целом нельзя согласиться с мнением о том, что коллективизация не дала положительных результатов. При всех своих недостатках она стала основной материально-сырьевой базой для промышленных предприятий страны. Что касается главной (зер-

новой) проблемы, то коллективизация создала возможности для бесперебойного снабжения хлебом крупных городов и промышленных центров.

Новым этапом в развитии проблемы продовольственной безопасности стало военное время. В годы Великой Отечественной войны обеспечение населения страны продовольствием играло важную роль, так как решение этой проблемы тесно было связано с эффективностью промышленного производства, прежде всего – выпуска военной техники. В то же время следует отметить, что с началом войны в тылу возникли большие проблемы со снабжением населения продовольственными и промышленными товарами, что объяснялось оккупацией немцами западных территорий СССР. Уже в первые месяцы войны из 10 400 предприятий пищевой промышленности примерно 5 500 были на оккупированной территории, что привело к сокращению производства основных продуктов питания примерно в 2 раза. Ухудшение продовольственного снабжения коснулось не только населенных пунктов, расположенных вблизи линии фронта, но и находящихся в тылу.

Что касается тыла, то одной из основных причин обострения продовольственной проблемы был рост жителей городов тыла, прежде всего Урала и Сибири, за счет эвакуированного населения. В начале войны наиболее остро стоял вопрос о снабжении населения хлебом, являвшимся одним из основных продуктов питания. Руководство страны считало проблему снабжения населения хлебом важным «политическим» вопросом, так как люди воспринимали отсутствие в магазинах хлеба как предвестник голода. Перебои с поставками хлеба практически во всех регионах начались в середине лета 1941 г. У части населения стали возникать панические настроения. В архивных материалах того времени сохранились документы, подтверждающие данный факт. В целях решения продовольственной проблемы правительством было принято решение о введении в стране карточного обеспечения продовольственными продуктами всего населения СССР. В середине июля 1941 г. наступление немецких войск на центральном направлении фронта создало угрозу для бесперебойного снабжения продовольственными сельскохозяйственными товарами в Москве. С целью решения продовольственного вопроса было издано распоряжение Моссовета № 289, согласно которому в городе вводились карточки на некоторые продукты и промышленные товары. Через несколько дней перешли на карточную систему обеспечения продуктами в Ленинграде и в ряде городов Ленинградской области.

Уже в августе 1941 г. недостаток продовольственных товаров начал ощущаться практически на всей территории Советского Союза, так как предприятия, производившие и перерабатывающие сельскохозяйственную продукцию, были расположены на оккупированной немцами территории или вблизи линии фронта. Вследствие этих факторов постепенно начался переход к карточной системе обеспечения продовольственными товарами повсеместно.

Первым продуктом для распределения по карточкам стал хлеб, затем ввели нормы на распределение крупы, сахара, мяса, рыбы, кондитерской и другой продукции. Несколько позднее в стране вынуждены были ввести карточки и на предметы первой необходимости: мыло, обувь, ткани, швейные, трикотажные и чулочно-носочные товары. Нормы продовольственных и промышленных товаров в разных районах страны отличались. Там, где имелись предприятия легкой промышленности, нормы обеспечения по карточкам могли быть несколько выше. Кроме того,

продовольственных и промышленных товаров выдавали больше по карточкам работникам оборонных предприятий. Так как переход к карточной системе снабжения продовольствием населения проходил быстрыми темпами, то организовать своевременный и четкий контроль над выдачей карточек не удалось. В связи с этим во многих населенных пунктах возникли злоупотребления со стороны органов, занимавшихся выдачей карточек (домоуправлений). Имели место случаи мошенничества и спекуляции.

Как свидетельствую архивные источники, наиболее тяжелое положение со снабжением населения продуктами питания было в блокадном Ленинграде. Д. В. Павлов отмечает: «Ошибочно выданные или обманно полученные карточки приводили к дополнительному расходованию продуктов питания, а в условиях осады города это равносильно удару в спину. Однако эгоисты, в худшем смысле этого слова, фабриковали ложные справки, мошеннически, где удавалось, получали дополнительные карточки. Пути к незаконному приобретению их изобретали самые различные. Некоторые управдомы в сговоре с дворниками выписывали карточки на вымышленных лиц; возвращаемые жильцами карточки на выбывших или умерших людей в ряде случаев присваивались нечестными работниками в домоуправлениях, на предприятиях. Они использовали каждое упущение управления по учету и выдаче продовольственных карточек... Карточка была дороже денег, дороже картин великих живописцев, дороже всех других шедевров искусства» [40, с. 107].

Также обнаружились факты воровства карточек при печатании в типографии. Чтобы упорядочить карточную систему и исключить случаи злоупотреблений, руководство Ленинграда проводит ряд мероприятий:

– введение запрета на выдачу разовых талонов;
– проведение проверки документов, необходимых для выдачи карточек;
– усиление контроля над деятельностью органов, занимающихся учетом и выдачей карточек;

Для изъятия из обращения подделок в октябре в городе была проведена перерегистрация продовольственных карточек. «…определенный результат это дало. В октябре было выдано на 97 тысяч карточек меньше, чем в предыдущем месяце. Но в эту цифру также входят погибшие в результате бомбардировок и артобстрелов, а также эвакуированные через Ладожское озеро. При общем числе выданных карточек по городу в 2,4 млн штук, разница была не такая уж большая. Таким образом, ситуация в целом не изменилась» [40, с. 108].

Положение в Ленинграде было крайне сложное. В городе из-за каждодневных обстрелов и пожаров много было потерь карточек. Анализ сохранившихся документов показывает, что некоторые предприимчивые граждане обманным путем пытались получить дополнительно продукты питания. М. В. Зефиров, Д. М. Дегтев писали: «Если в октябре районные бюро выдали взамен утерянных 4 800 новых карточек, то в ноябре – уже около 13 000. В декабре предприимчивые питерцы „утеряли“ уже 24 тысячи карточек. В итоге государство отреагировало тоже по-советски: повторную выдачу карточек просто запретили. Сделать это можно было лишь в редких случаях, да и то чуть ли не после личного приказа секретаря Ленинградского обкома партии А.А. Жданова. Кроме того, вводилась практика прикрепления граждан к определенным магазинам, а на карточках появились дополнительные штампы типа „Продмаг № 31“» [41].

Проведенные мероприятия способствовали наведению порядка в организации карточной системы. Однако полностью ликвидировать спекуляцию продовольственными товарами не удалось. Продуктов питания катастрофически не хватало, и подавляющее большинство горожан страдало от голода. В то же время на городских рынках были очень высокие цены на основные продукты питания. Например, молоко стоило 4 руб. за литр, мясо – 26–28 руб., яйца – 15 руб., масло – 50 руб. Даже и при таких ценах на рынках данной продукции было крайне мало и в случае ее появления очереди были огромны. Уже в начале блокады с рынков практически исчезли и овощи. Чтобы хоть немного исправить ситуацию, руководство города сделало попытку установить контроль над рыночными ценами. К примеру, была предложена стоимость молока не более 2 руб. 50 коп., мяса – 18 руб. и т. д. Однако продавцы саботировали эти распоряжения и вскоре продукция с рынков практически исчезла.

В декабре 1941 г. ситуация со снабжением города продуктами питания еще более обострилась. Зима была суровой, и морозы привели практически к полному уничтожению водоснабжения. Прекратилась подача воды на предприятия, в том числе и на хлебозаводы. На один день прекратился выпуск хлеба. Вместо маленького блокадного пайка хлеба жителям города стали выдавать горсть муки. Но из-за отсутствия воды, отопления было невозможно в домашних условиях испечь хлеб. Необходимо срочно решать вопрос с водоснабжением города. По предложению адмирала Балтийского флота В. Ф. Трибуца на реке Неве прорубили лед и по рукавам вмерзших в него подводных лодок стали качать насосами воду на хлебозаводы, расположенные вблизи реки. На остальных, удаленных от Невы хлебозаводах, пробивали мерзлую землю, делая колодцы, и таким образом добирались до артезианской воды. Эти меры позволили восстановить выпуск хлеба в блокадном Ленинграде.

1 сентября 1941 г. советское правительство издает постановление о введении карточной системы распределения продуктов по всей стране. В данном документе речь шла только о трех наименованиях продуктов, а именно: хлебе, сахаре и кондитерских изделиях. Постепенное ухудшение обеспечения городов СССР продуктами и промышленнымитоварами поставило вопрос перед правительством о нормировании и других товаров. Карточные нормы дифференцировались в зависимости от отрасли производства, квалификации работников. Все трудоспособное население было разделено на две категории. К первой были отнесены рабочие, техники и инженеры, занятые в тяжелой промышленности (на предприятиях оборонного значения, а также в нефтяной, металлургической, машиностроительной, химической и т. д.), ко второй – занятые в других отраслях промышленности, а также ИТР и служащие. Для них нормы по карточкам были меньше. Нормы обеспечения хлебом работников тыла приведены в таблице 4.

Таблица 4

Нормы потребления хлеба в военное время (1941–1945 гг.)

Население	1-я категория	2-я категория
Рабочие и ИТР	хлеб – 800 гр., сахар – 800 гр.	хлеб – 600 гр., сахар – 600 гр.
Служащие	хлеб – 500 гр., сахар – 600 гр.	хлеб – 400 гр., сахар – 600 гр.
Иждивенцы	хлеб – 400 гр., сахар – 400 гр.	хлеб – 400 гр., сахар – 400 гр.
Дети до 12 лет	хлеб – 400 гр., сахар – 600 гр.	хлеб – 400гр., сахар – 400 гр.

Источники: Главные документы Великой Отечественной войны / Сост. В. П. Долматов. Москва, 2015; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. 1929–1945 гг. Москва: Госполитиздат, 1957.

Это что касается тружеников тыла. Что же касается военнослужащих, то в их ежесуточный паек входило 800 г хлеба летом и 900 г зимой, 500 г картофеля, 320 г других овощей, 170 г круп или макарон, 150 г рыбы, 50 г жиров, 35 г сахара. Офицерам полагалось дополнительное довольстве: 40 г масла или сала, 20 г печенья и 50 г рыбных консервов в сутки. Ну, и конечно, для всех военнослужащих – «наркомовские 100 граммов» спирта (эта традиция, кстати, берет свое начало еще с петровских времен, а также практиковалась во всех воюющих армиях мира). Руководство страны исходило из простого правила: «кто лучше ел, тот и победил».

Вместе с тем в постановлении о введении карточной системы распределения продуктов было дано разрешение на местах наряду с карточками вести свободную торговлю по повышенным ценам. Постепенно правительство отказывается от контроля над ценами на продуктовых рынках. Все это привело к росту цен на продукты питания на рынках страны примерно в 4–5 раз по сравнению с довоенным периодом. Так, 1 л молока в октябре 1941 г. стоил уже 10 руб. вместо 2 руб. в июне. Отсутствие в магазинах продукции привело к большим очередям на рынках.

«Впереди была зима, а между тем из-за нехватки рабочих рук в сельском хозяйстве убрать урожай в 1941 г. не успели. Возникла перспектива голода. Партийные власти решили бросить на уборку всех, кого только можно. Так, Горьковский обком партии 26 сентября приказал «привлечь в порядке трудовой повинности для уборки сельскохозяйственных культур все трудоспособное сельское население, в том числе учащихся обоего пола, а также население городов и поселков городского типа, однако не в ущерб работе госучреждений и предприятий». Районные комитеты партии были обязаны разъяснить данное постановление населению и обеспечить его выход на уборку урожая» [41, с. 334].

Производство практически всех продовольственных товаров зимой 1941 г. еще более сократилось, и правительство вынуждено было расширить перечень продуктов питания, распределявшихся по карточкам. Были установлены нормы потребления на мясо, рыбу, крупы и макароны. Месячная норма потребления мяса на в среднем по стране составляла 1,2 кг на человека. Однако в большинстве населенных пунктов не удавалось обеспечить население данной нормой. Вскоре во многих городах стал остро ощущаться недостаток соли и керосина, потребность в котором выросла из-за проблем с электричеством, в результате чего были введены

карточки и на эти товары. Вместе с тем следует отметить, что нередко дефицит продуктов в магазинах носил искусственный характер. Работники торговли передавали продукты, предназначенные для обеспечения карточек для реализации на рынках. Цены на рынках были огромными: стоимость одной буханки хлеба сначала составляла 200–250 руб., а позднее могла достигать и 400 руб., 1 кг моркови – 80 руб. Уровень же зарплат оставался прежним. Например, зарплата квалифицированного рабочего на военном заводе составляла 800 руб. в месяц, профессора – 1080 руб. Однако большая часть населения в среднем получали всего 100–130 рублей. Кроме того, был введен дополнительный «военный налог» в размере 12 % от заработной платы [42].

Сотрудники милиции вынуждены были постоянно проводить оперативные мероприятия по изъятию у спекулянтов хлеба. Недостаток продовольственных сельскохозяйственных товаров можно объяснить и имевшими место хищениями в селах, население которых также остро ощущало нехватку хлеба и другого продовольствия. «В некоторых колхозах администрация и прочие работники умудрялись расхищать по 50 % урожая. При этом показатели урожайности искусственно занижались. Чем меньше указывалась урожайность с 1 га, тем больше пшеницы было украдено. В ноябре 1943 г. был разоблачен колхоз им. 2-й пятилетки. Фактически отсыпая в „закрома Родины“ только по 250–260 ц зерна, руководство вписывало в отчеты 400 ц. Базой „Заготзерно“ выписывались фиктивные авансовые квитанции на приемку зерна… Рядовые колхозники, пухшие от голода, тащили поменьше, кто сколько мог. Но именно их чаше всего и ловили. Так, одна жительница города Лысково работала на складе зерна, перелопачивая пшеницу. Устав глядеть голодными глазами на это изобилие, она пришила к юбке два потайных кармана и выносила в них по нескольку щепоток зерна. Несчастная женщина была поймана и получила три года лишения свободы, хотя на ее попечении находились трое малолетних детей» [41, с. 336–337].

К концу 1941 г. голод охватил практически все население тыла СССР. Конечно, нельзя сравнивать положение с продовольственным обеспечением Ленинграда и городов и сел, находящихся в тылу [40].

Но тем не менее ситуация по всей стране с обеспечением продовольственными сельскохозяйственными товарами была очень сложной. Для того чтобы выжить в сложной экономической ситуации, многие горожане начали использовать цветочные клумбы, газоны под огороды. В основном выращивали овощи, а именно картофель, капусту, лук и т. д. В пригородных районах жители городов распахивали под овощные культуры земельные участки, либо на условиях аренды использовали земли колхозов, либо к ним же нанимались на уборку урожаю. С ними обычно расплачивались сельскохозяйственной продукцией. Тяжелые военные годы, безусловно, сказались на здоровье нашей нации, частыми стали инфекционные заболевания, значительно снизилась рождаемость населения, а смертность выросла.

Положение в стране осложнялось высокими темпами инфляции, что подтверждают данные о росте цен на продукты питания и товары первой необходимости. В течение 1942 г. рыночная цена в центральной части СССР на продовольственные товары выросла в разы. Например, стоимость 1 кг картофеля увеличилась в 25 раз, капусты – в 5,4 раза, репчатого лука – в 24 раза, а десятка яиц – в 325 раз.

В дальнейшем наметилась тенденция к снижению цены по ряду товаров, но в целом темпы инфляции оставались высокими. Ощущался к началу 1943 г. дефицит практически всех продовольственных товаров. И самым дорогим товаром становится водка: стоимость одной бутылки доходила до 1000 руб.

Но, конечно, основным продуктом питания в годы войны оставался хлеб. Разного рода причины (природно-климатические условия, приведшие к снижению урожайности зерновых культур; отправка зерна в районы, освобожденные к осени 1943 г. от фашистской оккупации; снижение производительности труда в колхозах из-за нехватки техники и рабочих рук) привели к снижению в конце 1943 г. норм выдачи хлеба по карточкам. В среднем норма хлеба сократилась по всем регионам СССР с 800 до 600 г в день для 1-й категории граждан. Ограничение норм хлеба привело к недовольству населения страны, о чем свидетельствуют высказывания ряда граждан.

Наиболее голодными в СССР стали 1944–1946 гг. Основными продуктами питания стали картофель и овощи, особенно остро ощущался недостаток сахара.

Таким образом, в военные и первые послевоенные годы проблема продовольственного обеспечения населения страна была одной из важнейших. И с этой проблемой государство в конечном счете справилось. 22 августа 1945 г. появилось Постановление СНК СССР «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольственных товаров предприятиями местной промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов». Среди прочих мер этим Постановлением предусматривалось закрепление за пищекомбинатами, пищевыми и промысловыми артелями земельных участков, которые им передавались в пользование сроком не менее десяти лет [36, с. 870]. Было также предусмотрено снижение процентов по ссудам Торгбанка для предприятий пищевой промышленности, некоторые налоговые льготы. Отдельно в Постановлении говорилось о продаже без промтоварных карточек рабочим предприятий и труженикам артелей товаров широкого потребления.

Урон, понесенный народным хозяйством нашей страны в годы войны, был огромным. Только прямой материальный ущерб составил около 30 % от всего национального богатства, или свыше 2,6 трлн руб. Если говорить непосредственно о сельском хозяйстве, то было разрушено более 70 тыс. сел и деревень, 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов. За период Великой Отечественной войны из СССР в Германию было угнано 7 млн лошадей, 17 млн голов крупного рогатого скота, около 50 млн среднего и мелкого скота (более 20 млн коз и овец, 20 млн свиней и др.) [54, с. 279], свыше 110 млн голов птицы [54, с. 279; 96, с. 187].

И тем не менее еще в годы войны государство задумывалось над тем, как будет отменена карточная система и осуществлена послевоенная денежная реформа. По свидетельству наркома финансов А. Г. Зверева, в 1943 г. его неожиданно вызвал в Кремль из командировки в Казахстан И. В. Сталин. Речь зашла о послевоенной денежной реформе [97, с. 77–78].

Полностью карточная система будет отменена 14 декабря 1947 г. Постановлением Совета министров СССР и ЦК ВКП (б) № 4004 и в процессе осуществления денежной реформы.

Суть же денежной реформы 1947 г. свелась к переходу на рыночные цены, которые формировались под контролем государства. Разрешалась государственная

и кооперативная торговля. Так, цена 1 кг черного хлеба по карточкам составляла 1 руб., а стала 3 руб. 50 коп. Цена 1 кг мяса выросла с 14 до 30 руб., сахара – с 5,5 до 15 руб., сливочного масла – с 28 до 66 руб., молока – с 2.5 до 8 руб. Тогда как минимальная заработная плата составляла в 1947 г. 550 руб. в месяц. Нетрудно подсчитать, сколько мог приобрести продуктов питания среднестатистический советский гражданин [43, с. 298].

Но главное состояло еще и в том, что интенсивность и экстенсивность труда советского аграрника были намного выше, чем соответствующие показатели в передовых странах. «Единственно честный способ определить дешевизну или дороговизну – это подсчитать, сколько времени надо работать, чтобы купить тот или иной товар. По такой мерке мясо нашему работнику обходится дороже, чем, скажем, американцу, в 10–12 раз, птица – в 18–20 раз, масло – в 7, яйца – в 10–15, хлеб – в 2–8 раз и т. д.» [53, с. 287].

Послевоенный период отечественной истории стал новым этапом на пути решения продовольственной проблемы. Понятно, что в военное время сельское хозяйство развивалось в сложнейших условиях, а потому – медленно и трудно. Соответственно, последствия войны сказались и на его состоянии в первые послевоенные годы. Валовой сбор зерна к 1952 г. так и не достиг уровня 1940 г., поголовье крупного рогатого скота было ниже, чем даже в 1916 г. Некоторые историки рассматривают эти факты как свидетельство провала советской послевоенной аграрной и продовольственной политики. Но вряд ли это справедливо. Просто авторы подобных оценок не учитывают тот урон, который понесло советское хозяйство, в том числе и сельское хозяйство, в результате Великой Отечественной войны. Не обошлось и без очередных «перегибов»: колхозникам настоятельно стали рекомендовать продавать государству имеющийся у них мелкий домашний скот, хотя Колхозный устав разрешал его держать на личном подворье. Начиная с 1946 г. каждый крестьянин обязан был платить и так называемый натуральный налог мясом, птицей, молоком, яйцами и т. д. В результате крестьяне начали тайно резать скот: только за вторую половину 1948 г. было забито свыше 2 млн свиней, коз, овец и т. д. [43, с. 295].

Однако сентябрьский Пленум ЦК КПСС 1953 г. принял меры, направленные на укрепление сельского хозяйства. Были введены новые закупочные цены, упорядочены налоговая политика и расчеты хозяйств с МТС, уменьшены, а затем и вовсе отменены обязательные в годы войны поставки с личных подсобных хозяйств и т. д. [39, с. 43].

Типичным явлением всей российской истории XX в. является отставание сельского хозяйства в своем развитии от промышленности. Это отставание можно объяснять разными причинами: недофинансированием или остаточным подходом к финансированию аграрного производства; его низкой механизацией и практически полным отсутствием автоматизации; природно-климатическими условиями и рисками; просчетами государства в управлении и т. д.

В начале 70-х гг. XX в. это отставание стало наиболее опасным, поскольку страна вступала в эпоху застоя. Именно отставание аграрного производства от промышленного привело впоследствии нашу страну к ситуации тотального продовольственного дефицита.

В это время на передний план выступила проблема интенсификации производства и сельского хозяйства в частности. В стране в середине 70-х гг. XX в. действовало 6800 межхозяйственных предприятий, организаций и объединений. Но их деятельность вряд ли можно было назвать высокоэффективной. «Имела место непродуманная оценка хозяйственной деятельности колхозов и совхозов, которая сковывала инициативу крестьян, сдерживала рост производства и эффективность использования ресурсов» [39, с. 46].

Ярким свидетельством этого стала история возникновения и распространения бригадного подряда. Он стал инициативой «снизу», формой развития трудового самоуправления, которая могла бы решить продовольственную проблему гораздо успешнее, чем любые инициативы «сверху», подобные насаждению совнархозов или «кукурузной компании», предпринятые в годы правления Н. С. Хрущева. Известно, что сельское хозяйство в начале 50-х гг. XX в. вновь оказалось в тяжелом состоянии. Если в предвоенном 1940 г. в СССР собирали 7,9 ц с 1 га, то в 1950 г. – всего 7,2 ц с 1 га. Чтобы «догнать и перегнать гнилой Запад», власть искала любые способы решения продовольственной проблемы.

Ради этого хозяйствам даже «простили» все долги, накопившиеся еще с военных времен (все равно они их вернуть не могли), и вдвое уменьшили сельхозналог; в 2–5 раз были повышены закупочные цены на продукцию, в том числе произведенную сверх нормативов. С трибуны партийного пленума Н. С. Хрущев объявил, что материальная заинтересованность сельских работников в развитии производства – есть один из «коренных принципов социалистического хозяйствования». К тому же колхозникам дали паспорта и впоследствии стали платить государственные пенсии. Как результат – объем валовой продукции сельского хозяйства за 1954–1958 гг. вырос на 35,3 %.

Особо стоит остановиться на кукурузной кампании как способе решения продовольственной программы в СССР. Первые разговоры о необходимости делать ставку на кукурузу как зерновую и кормовую культуру пошли почти сразу же, как только Хрущев укрепился в кресле генерального секретаря КПСС. «Я кукурузник», – любил шутить он, общаясь с партийцами и вспоминая, как в 1949 г., когда он был первым секретарем Компартии Украинской ССР, ему удалось спасти вверенную ему советскую республику от голода именно благодаря кукурузе. Уже на февральско-мартовском пленуме ЦК КПСС 1954 г. он впервые поднял вопрос о необходимости широкомасштабного распространения посевов кукурузы, к этому времени в региональной прессе уже вовсю шла кампания в поддержку этого начинания. Хрущев уверял, что производство кукурузы должно было снять сразу две проблемы советского агропрома – нехватку зерновых и нехватку кормов для животноводства. Хрущев поставил задачу интенсификации сельскохозяйственного производства и повышения его товарной рентабельности с целью приблизить сельхозпроизводство к производству промышленному.

Эту программу он разрабатывал несколько лет, но приобретать реальные очертания она начала с января 1954 г., когда Хрущев написал соответствующую записку для президиума ЦК КПСС. В ней он указал, что «удельный вес посевов кукурузы в СССР составляет 3,6 процента от всех зерновых, а в США — 36 процентов. Этим в значительной степени объясняется высокая урожайность всех зерновых культур в США (17,3 центнера с одного гектара), так как урожайность кукурузы

в США с каждого гектара более чем в два раза превышает урожайность пшеницы и овса».

Решение о начале «кукурузного проекта» утвердил в январе 1955 г. пленум ЦК КПСС, на котором Н. С. Хрущев выступил с докладом «Об увеличении производства продукции животноводства». На нем, ссылаясь на успешный американский опыт, он объявил о необходимости на порядок увеличить площадь отданных под кукурузу пашен. «Практика показывает, что везде, где возделывается пшеница, кукуруза может достигать молочно-восковой спелости... – доказывал он партии. – Мы обязаны в текущем году, а также в последующем году обеспечить новые районы возделывания кукурузы семенами, выращенными на юге».

Официально вторым хлебом в СССР кукуруза стала в сентябре 1956 г. Тогда в Москве состоялся всесоюзный семинар по кукурузе. Именно на нем Хрущев произнес крылатую фразу «Кукуруза, товарищи, это танк в руках бойцов, я имею в виду колхозников; это танк, который дает возможность преодолевать барьеры, преодолевать преграды на пути к созданию изобилия продуктов для нашего народа». Так он говорил, пообещав сажать ее от Казахстана до Таймыра.

Если в 1954 г. посевы кукурузы в СССР составляли 3,5 млн га, то к 1960 г. по решению Пленума ЦК их площадь должна была вырасти до 28 млн, то есть примерно сравняться с площадью освоенной целины. Средняя же урожайность должна была вырасти за счет использования селекционных сортов с 13 до 25–30 ц с 1 га, что было бы сопоставимо с американскими показателями. В записке, подготовленной Хрущевым для президиума ЦК КПСС в январе 1954 г., была указана и урожайность в США (26,2 ц/га) и Канаде (36,6 ц/га). В Днепропетровске для работы по выведению новых холодостойких сортов перспективной культуры был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт кукурузы. К селекционным и агротехническим разработкам были подключены все сельскохозяйственные вузы страны, ученые Тимирязевской академии.

На местах выполнять директивы центра решили нахрапом – под лозунгом «Дадим Родине 50 центнеров чудесницы с гектара!» кукурузу сажали везде, не обращая внимания ни на климат, ни на наличие или отсутствие сельскохозяйственной инфраструктуры.

Под «чудесницу» распахивались и целина, и земли под кормовые культуры, и малоурожайные зерновые, и поля под паром, и пастбища. Площадь земель, отведенных под кукурузу, в итоге сравнялась с площадью введенных в сельскохозяйственный оборот в результате освоения целины земель и даже превзошла ее. Под нее, чтобы не получить нареканий сверху, стремились отводить лучшие поля, которые до этого отводились под традиционные зерновые культуры – пшеницу и рожь.

В 1959 г. состоялся визит Н. С. Хрущева в США. Побывав на ферме Рокуэла Гарста в штате Айова и увидев там гибридную кукурузу, советский лидер еще более активно стал проводить кукурузную кампанию. Но расплата за авральную и плохо подготовленную операцию не заставила себя ждать. Уже к 1962 г. в стране возник дефицит хлеба. А если говорить прямо, хлеб и хлебобулочные изделия попросту стали исчезать с прилавков магазинов. Начались постоянные перебои с завозом хлеба в крупные города страны.

Этому были свои вполне объективные причины. В целом темпы роста сельскохозяйственного производства в стране упали с 7,6 % в 1955–1959 гг. до 1,7 % в 1959–1962 гг. Площади, отведенные под посевы кукурузы, составили в 1962 г. 37 млн га, что еще больше сократило производство хлеба. А целина оказалась не в состоянии его компенсировать: пыльные бури на целине и неурожай зерновых по всей стране сделали свое дело. В 1963 г. хлеб почти полностью исчез из продажи. Признав провал зерновой составляющей «кукурузной кампании», Н. С. Хрущев попытался сделать ставку на выращивание кукурузы под силос, на животноводство и увеличить поставки мяса на прилавки магазинов. Но зона животноводства к тому времени была существенно сокращена за счет распашки целинных земель (ранее служивших пастбищами), поэтому нарастить поставки мяса не удалось. В 1964 г. Н. С. Хрущев был снят с постов и отправлен на пенсию. С приходом Л. И. Брежнева в стране начинался период застоя.

Черной страницей этого периода стала история с бригадным подрядом, идею которого предложил Иван Никифорович Худенко. В декабре 1964 г. в своей обстоятельной статье для газеты «Сельская жизнь» он писал о возможности существенно поднять производительность труда на селе за счет внедрения принципа материальной заинтересованности и повышения доходов тружеников села до 300 и более руб. в месяц. По тем временам, когда средняя заработная плата по стране не превышала 100 руб., это были «революционные» предложения. Хотя, собственно, ничего нового в них не было. Речь шла о замене старой модели советского хозрасчета обычным коммерческим расчетом. Но не тут-то было. Коммерческий расчет официальная политическая экономия тех лет трактовала как пережиток капитализма, как идеологическое отклонение от «генеральной линии» партии.

Тем не менее И. Н. Худенко осуществил свой эксперимент: численность занятых по его системе работников в совхозе Илийском сократилась с 863 до 85 человек. Но новатора обвинили в создании искусственной безработицы.

Автор эксперимента предложил свое решение проблемы: построить в «Илийском» плодоовощной комбинат, который бы круглогодично снабжал казахскую столицу свежими и консервированными овощами и фруктами. Но на это нужны были дополнительные ассигнования. К тому же И. Н. Худенко предлагал распространить его опыт на все сельское хозяйство страны. В таком случае трудоустраивать заново пришлось бы уже не 700–800 работников, а 33 млн из 40 млн занятых тогда в аграрном производстве крестьян, то есть до 5 млн чел. [43]. «Дело запахло керосином».

В конце 1964 г. новый первый секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев посмотрел фильм «Человек на земле» и завершил дискуссию:«Это дело преждевременное». Пожалуй, именно этот момент и можно считать формальным началом эпохи застоя в нашей стране. Хотя, если рассуждать здраво, уже в последние годы хрущевской оттепели относительной самостоятельности крестьян пришел конец.

Материальное стимулирование, прогрессивные методы работы – все это считалось вторичным. Главное – просто надо лучше работать и следовать линии партии. Поэтому тем более удивительно, что И. Н. Худенко в 1969 г. добился проведения нового эксперимента. Буквально на голом месте, в казахстанской полупустыне, был создан небольшой совхоз «Акчи», официально именовавшийся «опытным хозяйством по производству витаминной травяной муки». Добавка такой муки, со-

держащей много белка и витаминов, в рацион коров поднимает удои на 30–40 %. «Акчи» вновь был выстроен из звеньев (рабочих групп) – механизаторских, строительного, управленческого. Все звенья работали на полном хозрасчете, и вопросы решались гласно и вполне демократично на совете хозяйства, которому подчинялся его директор. В управленческом звене было всего два человека – директор Михаил Ли и экономист-бухгалтер Иван Худенко.

Эксперимент проводился по Постановлению Совмина Казахской ССР, а его условия были согласованы с союзными ведомствами – Комитетом по труду, ЦСУ СССР, Минфином и Госбанком СССР. Как это удалось И. Н. Худенко – до сих пор загадка. Производительность труда в «Акчи» была в шесть раз выше средней по республике, зарплата выше в 2–3 раза. Необычно высоким было и качество самой продукции совхоза – травяной муки. Для высшего сорта содержание каротина в травяной муке устанавливалось в 180 единиц, а у И. Н. Худенко было 280.

В 1970 г. эксперимент был закрыт, причем самым варварским способом. И. Н. Худенко отдали под суд и сгноили в тюрьме.

Позднее истинные результаты эксперимента были установлены учеными АН СССР и опубликованы в статье В. Переведенцева «Для всех и каждого» в журнале «Наш современник».

«Ошибка» И. Н. Худенко, как оказалось, состояла не только в излишней самостоятельности. Свидетели событий в «Акчи» указывают на «истинную» причину закрытия второго эксперимента И. Н. Худенко. Друг Л. И. Брежнева министр сельского хозяйства Казахской ССР Михаил Рогинец, посетив «Акчи», увидел построенные для работников отдельные коттеджи с электроплитами и принялся орать: «Во дворцах жить захотели! Не по чину берете!» В ответ услышал, что в стране строится коммунизм, при котором все будут работать по способностям, а получать по потребностям. На это он резко возразил: «Но потребности будут разные. У меня – одни, а у вас – другие». Другой высокий чин из республиканского министерства сельского хозяйства добавил: «У вас тракторист получает 360 рублей! Это больше, чем у завотделом в нашем министерстве! Где же здесь справедливость»? Такова была истинная подоплека истории расправы с автором бригадного подряда [38, с. 505–515].

Еще одной яркой страницей в истории решения продовольственной проблемы стала перестройка 80-х гг. XX в. и попытка распространения фермерского движения в стране. С этой идеей выступил новый лидер страны М. С. Горбачев, который мечтал о создании 100 тыс. фермерских хозяйств, которые накормят советский народ. На одном из профильных совещаний в Орле он так расписывал свое видение будущего российской деревни, что, казалось, еще немного, и будет и ускорение, и подъем. Что из этого вышло? «Весь пар ушел в гудок». Продовольственная программа, принятая на майском пленуме ЦК КПСС 1982 г., стала свидетельством острой ситуации с продовольствием в стране. Несмотря на «бравые» рапорты официальной статистики, она, по существу, так и не была выполнена. Все закончилось продовольственными талонами и карточками. И хотя из статистических сводок поступала информация о том, что потребление мяса будто бы возросло на душу населения с 58 кг в 1980 г. до 70 кг. в 1990 г., молока и молочных продуктов – соответственно с 314 до 330 кг, яиц – с 239 до 265 шт., но даже талоны, выдававшиеся населению, часто оказывались неотоваренным из-за элементарно-

го отсутствия продуктов в торговых сетях. Даже по состоянию на 2011 г. цели, поставленные Продовольственной программой 1982 г., оказались не достигнуты. Россияне в среднем в 2011 г. потребляли 63 кг мяса (это, для сведения, менее 180 г мяса в сутки), около 230 кг молока и молочных продуктов. Власть пыталась ситуацию исправить старым традиционным способом – за счет наращивания импорта продуктов, но для этого необходима была валюта, которая катастрофически быстро заканчивалась. Цены на углеводороды и многие природные ресурсы в мире в то время падали. К 1981 г. СССР стал крупнейшим в мире импортером мяса, ввозя по 1 млн тонн в год.

Перефразируя великого В. Шекспира, можно констатировать, что «нет повести печальнее на свете, чем повесть о российской деревне». И эта повесть поистине трагична. Только враги могли сотворить с нашей деревней то, что она пережила. Между последними переписями населения 1989 и 2002 гг. из 142 тыс. деревень ушли в небытие 24 тыс., а еще 34 тыс. деревень и сел находится сегодня на грани исчезновения, в каждой из них прозябает менее 10 чел. Какой уж там 1969 год! Даже по сравнению с 1990 г. отечественное сельское хозяйство все еще демонстрирует масштабы переживаемой им катастрофы. По зерну произошло сокращение производства со 116 млн т на ⅓; по мясу – с 15 млн т до 7 млн т; по молоку – в 1,5 раза; по производству яйца – с 47 до 37 млрд штук. Импортная продовольственная зависимость достигает отметки в 50 % и более.

А что же потребление? Душевое потребление мяса к 2010 г. по сравнению с 1990 г. сократилось на 13 кг, молока – на 63 кг., рыбы – на 11 кг. Зато картофеля население стало употреблять больше на 35 кг, хлеба – на 16 кг. [39, с. 35]. Ситуация к концу первого десятилетия XXI в. «свалилась не с неба». Чиновники безответственно и безнаказанно продолжали свое «черное дело». Если в начале 90-х гг. XX в. на нужды АПК выделялось до 19 % госбюджета, то в 2007 г. было отпущено 0,4 %. Подавляющее большинство сельскохозяйственных предприятий РФ ныне убыточно. В 2006 г. (до начала глобального кризиса) их доходы составили 2000 млрд руб., а расходы – 300 млрд руб. Село душат не только налоги или нехватка инвестиций, но и диспаритет цен. Если в 1990 г. за 1 т зерна можно было купить 6 т дизтоплива, то нынче все с точностью до наоборот! [44, с. 126]. И до сих пор на финансирование села выделяется менее 1 % бюджетных средств. Чего удивляться, что аграрии ЕС получают в 22 раза больше финансовых средств, чем российские? Производительность труда в нашем сельском хозяйстве в 10 раз ниже, чем в США, в 5 раз ниже, чем в странах Европы. Доля отечественной продукции в объеме потребления РФ дошла до 40 % и имеет тенденцию к снижению. Вступление России в ВТО создает еще более неблагоприятные условия для восстановления продовольственной безопасности страны. И это при том, что США и страны ЕС стремятся достичь 100 % независимости своего сельского хозяйства. За последние четверть века почти 17 млн га земли выбыло из сельскохозяйственного оборота, зарастает бурьяном или становится объектом спекуляций со стороны разных аферистов [44, с. 572–573].

Вот такая «печальная повесть» о нашем сельском хозяйстве и «политическом жирафе». Так, может быть, хотя и «жираф большой», но его место все-таки в зоопарке, а не в руководстве нашей страны? Вопрос не риторический. Ведь некомпетентность руководителей дорого обходится стране.

Когда-то отечественный историк В. О. Ключевский сокрушался и говорил, что «уроки истории только в том и заключаются, что она ничему не учит». Но это касается только дураков, которые, как известно, ничему не учатся ни на своем, ни на чужом опыте. Русские люди отнюдь не дураки. Да, они терпеливы, выносливы, упорны, трудолюбивы. Они все могут вынести и перетерпеть, даже социальную чуму – свою собственную бюрократию. Но, как гласит народная мудрость, «русского человека долго запрягают, зато он быстро едет». И уж если он возьмется за дело, то никакая бюрократия не устоит, никакие экзотические жирафы со своим биокулярным зрением не помешают ему.

Исторический опыт успехов и неудач учит тому, что нужно уметь сосредотачивать свои силы и средства на важнейших прорывных участках развития.

«Россия сосредотачивается» – так президент В. В. Путин назвал одну из своих предвыборных программных статей (2012 г.). Вот только сосредотачивается наша страна постоянно. Как это было, например, в середине 60-х гг. XX в., когда Пленум ЦК КПСС (1965 г.) поставил задачу обеспечить подъем сельского хозяйства. Решения Пленума требовали устранить негативные последствия хрущевских «экспериментов» на селе, отменяли обязательные повсеместные посевы кукурузы, предполагали развитие Нечерноземья, затем – подъем целины, восстановление приусадебных участков. Менялась и система закупок сельскохозяйственной продукции: вводились твердые плановые показатели заготовки на несколько лет вперед. Но главное состояло в том, что в 1966–1980 гг. на развитие сельского хозяйства было направлено 383 млрд руб., что составляло 78 % всех капитальных вложений в сельское хозяйство за все годы советской власти [43, с. 334]. Это был мощный финансовый шаг. За счет этих средств началось осуществление грандиозных программ по комплексной механизации, электрификации сельского хозяйства, мелиорации и химизации и т. д. В рамках этих крупномасштабных преобразований как раз и начался переход к системе сельскохозяйственных звеньев, одним из разработчиков которой и был И. Н. Худенко. Этот человек показал, что работать иначе, самостоятельно и более эффективно не только можно, но и нужно [45, с. 485–491]. И решить продовольственную проблему вполне возможно.

Но и по нынешнее время она не решена. Потому что сырьевая ориентация российской экономики не оставляет крестьянству шанса полностью накормить страну и обеспечить ее продовольственную безопасностью. «Продовольствие закупать за границей в обмен на нефть, газ, лес и алмазы, наверное, возможно, но куда тогда деться 25 млн российских крестьян» [34, с. 121]. Российской экономике нужны особые законы и порядок их исполнения вроде законов Рузвельта в США. Пока же практика остается прежней. В XVIII в. Екатерина II своими рескриптами лично внедряла в России картошку, хотя это мог сделать еще Петр I. Она же стала инициатором разведения томатов, которые до того считались в Европе несъедобными. Летом 1780 г. русским послом в Италии была отправлена в Петербург императрице Екатерине II крупная партия местных ягод, овощей и фруктов, в которую входило большое количество томатов. Легенда гласит, что на сопроводительные слова посла о том, что простые итальянцы употребляют томаты ежедневно и в разном виде в своем рационе, императрица будто бы воскликнула: «Потому-то они такие красавцы и такие горячие! Быть этой диковинке и у нас!»

Даже некоторые вина (например, мальвазию) в Россию первой затребовала Екатерина (с далеких Канарских островов, где этим, кстати, очень гордятся местные виноделы). Именно при Екатерине Великой в Россию из Турции и Персии привезли и первые баклажаны. Еще раньше, по личному распоряжению царя Алексея Михайловича, на Руси появился ревень, государственная монополия на продажу которого сохранилась и при Петре I. «Просвещенный абсолютизм» Екатерины Великой лишь «замкнул» прежнюю традицию, согласно которой русские правители внедряли в своей стране новые сельскохозяйственные культуры (петрушка, салат, щавель, тыква и т. д.).

Удивительно, но и современное инновационное развитие аграрной экономики (да и всей экономики в целом) осуществляется во многих случаях также рескриптами – указами и распоряжениями президента В. В. Путина. Характерными в этом отношении являются президентские указы № 933 «О федеральной целевой программе стабилизации и развития агропромышленного производства в Российской Федерации на 1996–2000 годы», (1996); № 1139 «О некоторых мерах по поддержке крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов» (1993); № 120 «Об утверждении «Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» (2010) и др. Создается определенное впечатление, что, пока на самом верху не укажут, внизу, на уровне правительства и региональной власти никто ничего делать не будет. Так устроена вертикаль государственной власти в федеративном государстве!

И хотя каждый человек вроде бы и понимает, что продовольственная безопасность – часть национальной безопасности страны, но «воз и ныне там». Об этом можно судить по основным элементам продовольственной безопасности: физической доступности к достаточной в количественном отношении безопасной и питательной пище; экономической доступности к продовольствию должного объема и качества для всех социальных групп населения; автономности и экономической самостоятельности национальной продовольственной системы; надежности и способности продовольственной системы минимизировать влияние сезонных, погодных и иных колебаний на сбережение продовольствием населения всех регионов страны; устойчивость, означающую, что национальная продовольственная система развивается в режиме расширенного производства [46, с. 50].

Сегодня звучат бравурные рассуждения о передовых позициях Российской Федерации в производстве многих сельскохозяйственных культур. Так, в 2017 г. Российская Федерация занимала первое место в мире по производству сахарной свеклы (51,9 млн т); 3-е место по производству картофеля (21,7 млн т); 4-е место по производству зерна и зернобобовых культур (135,5 млн т); 5-е место по производству мяса (10,3 млн т); 6-е место по производству молока (30,2 млн т) [47]. Но если говорить об уровне потребления продуктов питания, то по многим позициям до сих пор не достигнут даже тот норматив, который предусмотрен Доктриной о продовольственной безопасности Российской Федерации и другими законодательными и нормативными документами. Например, по молоку уровень потребления составляет лишь 72,6 % от нормативов, по овощам – 80 %, по фруктам – 62 %. Аналогичная ситуация по мясу и мясопродуктам, сливочному маслу, яйцам, ряду других позиций. Только по потреблению хлебных изделий уровень потребления превышает норматив и составляет 121,9 %, по картофе-

лю – 125,6 %, сахару – 162,5 %, растительного (в основном пальмового) масла – 114,2 % [6, с. 129–130].

Из всего, о чем было сказано выше, следует вывод о том, что для реализации концепции продовольственной безопасности России необходимо постоянно учитывать естественно-исторические особенности развития аграрной экономики нашей страны. Естественноисторическими факторами принято считать такие, которые, во-первых, характеризуют всю историю развития этноса, и, во-вторых, сложились под влиянием местных условий, и оказывают существенное влияние на этногенез.

Перечислим основные естественноисторические факторы развития сельского хозяйства в России:

Первый естественноисторический фактор – территориальный. Территория Российской Федерации равна 17,07 млн км^2, или 12 % от всей суши на планете. Для сравнения, площадь Западной Европы составляет около 5 млн км^2, а территория США – 9,36 млн км^2. [7, с. 65].

Однако следует отметить, что сама по себе территория отнюдь не является фактором, обусловливающим более высокую конкурентоспособность сельскохозяйственных товаропроизводителей. Дело в том, что территории, действительно пригодных для сельскохозяйственной деятельности, в нашей стране составляют 5 млн км^2, то есть менее трети от общей территории страны. Более 11,5 млн км^2. территории России – это северные и приравненные к ним территории выше 65 параллели. Площадь вечной мерзлоты в нашей стране превышает 10 млн км^2 [7, с. 64, 241].

Земельный фонд Российской Федерации составляет 1709,8 млн га, из них только 400 млн га – это сельскохозяйственные угодья. Их структура выглядит следующим образом: пашня – 115,3 млн га, залежь – 4,2 млн га, многолетние насаждения (сады, виноградники т др.) – 1,2 млн га, сенокосы – 18,6 млн га, пастбища – 56,8 млн га [48].

Анализ данного фактора позволяет сделать вывод о том, что не размер территории, а именно структура земельного фонда является ключевым фактором динамичного развития сельскохозяйственного производства и многих связанных с ним отраслей промышленности. В нашей стране за последнюю четверть века этот фактор существенно ухудшился. По многим типам земель мы потеряли или существенно сократили возможности производства конкретных сельскохозяйственных культур (хлопок, сахарная свекла, цитрусовые, бахчевые, пшеница твердых сортов и т. д.).

Второй естественноисторический фактор развития национального хозяйства – климат. И, прежде всего, это температурный режим. В России он крайне неблагоприятный. Продолжительность залегания снежного покрова в нашей стране составляет от 60–80 дней на юге страны до 260–280 дней на ее севере. Средняя температура в европейской части РФ в январе от 0 до +5 °С, а в Сибири и на Дальнем Востоке – до –50 °С. Колебания зимней и летней температуры составляют в странах Западной Европы 20 °С, тогда как в России – от 50 до 70 °С. В связи с этим необходимо отметить, что подавляющая часть сельскохозяйственных угодий страны расположена в зоне рискованного земледелия. А это, в свою очередь, негативно сказывается и на животноводстве. В связи с этим государство вы-

нуждено выделять значительные дотации на производство молока, других видов сельхозпродукции.

С этими особенностями связан и третий естественноисторический фактор развития национального хозяйства – более низкая по сравнению с европейскими странами продуктивность растениеводства и животноводства. Первичная биологическая продуктивность естественной растительности (кормовой базы) в России колеблется от 10 до 150 ц с 1 га в год, тогда как в США она составляет 170–300 ц с 1 га. Структура почв и климат оказывают свое влияние на биологическую продуктивность: заболачивание, засаливание почв, опустынивание земель и их эрозия, техногенное загрязнение снижают биологическую продуктивность. Природа оказывается не в состоянии самостоятельно воспроизводить себя.

Четвертый естественноисторический фактор связан с крайней неравномерностью заселения территории нашей страны. Исторически сложилось так, что освоение Урала, Сибири и Дальнего Востока растянулось на столетия. А в определенном смысле оно не завершено и до сих пор. На огромных пространствах от Урала и до Тихого океана проживает чуть более 10 млн наших граждан.

Иначе выглядит ситуация в США, территория которых составляет 9,36 млн км^2, а на 1 км^2 приходится 26,7 чел. В Западной Европе плотность населения еще выше: 110 чел. на 1 км^2.

Если наложить сложившуюся в нашей стране территориально-демографическую диспропорциональность на общий демографический спад, то получается достаточно тревожная картина. Население России стареет и сокращается. По прогнозам отдельных зарубежных авторов, к 2050 г. РФ потеряет с уровнем рождаемости в 1,35 более 33 млн чел., а численность детей сократится почти в 5 раз [49, с. 33].

С этим фактором неразрывно связан и пятый фактор, который также имеет отношение к демографии. Его суть состоит в периодическом существенном сокращении численности общего и особенно сельского населения в нашей стране. По меркам истории такие сокращения носят циклический характер и обусловлены серьезными геополитическими или природно-климатическими катаклизмами (войнами, интервенциями, междоусобными распрями). Три четверти своего исторического времени Россия вынуждена была вести оборонительные войны. В XVI в. она воевала 43 года (почти полвека). В XVII в. на войны ушло 48 лет, в XVIII в. – 53 года. Это, естественно, вело к убыли населения. Только в XX веке значительные потери населения происходили, по меньшей мере, трижды: в результате двух мировых войн и после распада Советского Союза.

В современных условиях общий демографический спад в первую очередь касается сельского населения. Так, сельское население Свердловской области составляло в 2004 г. 554 тыс. чел. А через 10 лет, в 2014 г., – уже 503 тыс. чел. К 2019 г. прогнозируется сокращение сельского населения области до 456 тыс. чел., а к 2029 г. – до 346 тыс. чел. [50, с. 273].

К примеру, в Челябинской области на протяжении десятилетий сохраняется именно суженный тип воспроизводств сельского населения: коэффициент рождаемости здесь составляет 1,8. Разбалансирована структура семей: однодетные семьи составляют 68,1 % от их общего количества [51]. Суженный режим замещения поколений имеет и Свердловская область, в которой нетто-коэффициент

воспроизводства населения составляет на селе 0,968 [52]. Сокращение сельского населения создает новые проблемы и негативно сказывается на конкурентоспособности сельхозпроизводителей.

Шестой естественноисторический фактор связан с традиционно сложной экологической ситуацией в нашей стране. В отношении к решению проблемы повышения конкурентоспособности отечественных сельхозпроизводителей этот фактор также имеет самое прямое отношение. Важный момент здесь – загрязнение земли и водоемов. О таком загрязнении свидетельствуют многочисленные примеры.

Однако следует отметить, что это же происходит и в других странах. Так, в Китае 80 % крупных рек слишком токсичны, в них давно уже нет рыбы. Не лучше ситуация и в США, где только 16 % всех речных водоемов характеризуются как хорошие. В настоящее время в окружающую среду выбрасывается в 300 раз больше свинца, чем может поглотить естественная среда, в 23 раза больше цинка, в 38 раз больше сурьмы и т. д. [53, с. 286, 416].

В связи с ухудшением экологической ситуации за последние десятилетия площади под зерновые сократились на 30 %, под кормовые культуры – на 60 % [54, с. 438]. А рекордные урожаи зерновых обеспечиваются за счет колоссальной техногенной нагрузки на землю, ее ускоряющегося истощения.

Вопрос о судьбе земельных реформ в России – отдельная тема. Сегодня становится все более очевидной необходимость корректировки проводимой правительством современной земельной реформы. С марта 2015 г. начал действовать новый порядок предоставления земельных участков гражданам и юридическим лицам. В оборот было вовлечено большое количество новых земельных участков. Издан специальный Указ президента о «дальневосточном гектаре». Но есть и проблемы. Например, серьезную тревогу вызывают декларируемые Минэкономразвития РФ намерения об отказе от классификации земли по категориям (кадастровый подход) и переход к ее территориальной классификации. Такой подход может способствовать созданию дополнительных возможностей для нецелевого использования земли.

Одним из ключевых факторов, детерминирующих конкурентоспособность сельхозпроизводителей, является социальный фактор. Его смысл состоит в социальной защите интересов жителей села, сельхозпроизводителей. Уровень такой защиты исторически всегда был существенно ниже, чем у других сословий. Достаточно вспомнить кампанию по организации продразверстки в годы «военного коммунизма». Или осуществление «смычки города и села» в годы новой экономической политики, когда сложились так называемые «ножницы цен»: высокие– на промышленные товары, и низкие – на сельхозпродукцию

Но и сегодня положение крестьянства в нашей стране продолжает оставаться сложным. Вот пример: в структуре себестоимости сельскохозяйственной продукции на долю ее производства приходится 77 % затрат аграриев, а в рыночной цене – лишь 27 %, тогда как на долю переработчиков – 15 % и 31 % соответственно. В наибольшем выигрыше оказывается сфера торговли: 8 % и 42 % соответственно [55, ч. 1, с. 43].

Скрытой формой неэквивалентного обмена в современных условиях можно считать разницу в доходах работников сельского хозяйства, промышленности и сферы услуг. Прежде всего – по оплате труда. Средняя заработная плата работ-

ников промышленности в 2015 г. составила свыше 30 тыс. руб., а в сельском хозяйстве она не дотянула даже до 20 тыс. руб. При этом общепринятым является утверждение, что «основной причиной низкой заработной платы в отрасли является низкая доходность сельскохозяйственных организаций» [56, с. 94].

Значимость перечисленных факторов и их влияние на возможность решения продовольственной проблемы в целом и проблемы продовольственной безопасности страны в частности вряд ли могут вызывать сомнение. Но важно и другое – обеспечение устойчивости в развитии сельского хозяйства России. Исторический опыт свидетельствует о постоянных спадах и даже кульбитах аграрной экономики России, которые наносили вред ее народному хозяйству и обрекали население на голодное и полуголодное существование. Обеспечить устойчивый характер аграрного развития можно только на основе оптимального распределения доходов субъектов аграрной экономики и прежде всего земельной (шире – природной) ренты. Так, доходы крупнейших российских аграрных компаний вполне могут быть скорректированы на величину земельной (природной) ренты. В 2018 г., по данным АЦ «Эксперт», крупнейшие российские аграрные компании получили следующие доходы: «Мираторг» – 108,25 млрд руб., «Эфко» – 106,9 млрд руб., «Русагро» – 84,25 млрд руб., «Черкизово» – 82,4 млрд руб., «Каргил» и «Провими» – по 81,4 млрд руб., «Астон» – 76,6 млрд руб. Тогда у государства появятся финансовые ресурсы для повышения эффективности и роста объемов производства продовольствия в стране и, соответственно, снижения цен на него. Это будет тем более справедливо, если учесть, что эффективность производства в крупнейших российских аграрных компаниях остается крайне низкой, а их прибыль почти на 87 % состоит из государственных субсидий. Так, в 2016 г. совокупная прибыль аграрных корпораций России составила 333 млрд руб., а субсидии на 2017 г. планировались в размере 216 млрд руб. Получается, что даже та часть земельной (природной) ренты, которую получает государство, расходуется им затем в пользу самих же земельных собственников. Не мешало бы развивать и конкурентные отношения в области распределения земельного фонда, поскольку уровень концентрации земельной собственности в России уже просто зашкаливает. Отметим, что концентрация земельной собственности в Российской Федерации также остается одной из самых высоких в мире. По версии журнала Forbes, за 2005 г. крупнейшими собственниками земли в стране являются (в скобках указаны позиции в рейтинге самых богатых людей мира) Дмитрий Каменщиков (38), Алексей Светлаков (43), Роман Абрамович (10), Давид Якобашвили (154), Гаврил Юшваев (66), Николай Цветков (66), Дмитрий и Алексей Ананьевы (165). В целом же 20 земельных собственников в РФ контролируют 7,9 млн га земли стоимостью в 471,6 млрд руб. Крупнейшей аграрной корпорацией страны является АО «Агрокомплекс» им. Н. И. Ткачева с ежегодным оборотом в 44,7 млрд руб., который владеет самым крупным в стране земельным банком. Это, однако, не спасло предприятие от убытков, составивших в 2018 г. 2,92 млрд руб.

Результат такой неэффективности – частая корректировка норм потребления продуктов питания, которые из года в год уменьшаются. Если 6 лет назад россиянам среднего возраста рекомендовалось потреблять 95–105 кг хлебных продуктов в год, то с 2016 г. эта норма снизилась до 95 кг. Аналогично и по картофелю: со 100 кг в год норма снизилась до 90 кг. По мясу, рыбе, птице, молоку и

т. д. официальные нормы также снижаются. Но в реальности жизнь вносит свои коррективы: потребление хлеба и хлебобулочных изделий, молока и мяса растет вопреки рекомендациям Минздрава. Некорректность официальных рекомендаций и ограничений становится очевидной, если сравнить их с пороговыми показателями, прописанными в Доктрине продовольственной безопасности. По данным Росстата, в 2020 г. уровень самообеспеченности мясом в РФ составил 97,4 %, тогда как пороговое значение – 85 %. Также Российская Федерация достигла нужных показателей самообеспечения по картофелю – 95,1 % (в доктрине – 95 %). Но обеспеченность молоком осталась на уровне 2018 г. – 83,9 % (против 9щ % в доктрине). Еще хуже обстоят дела с фруктами (40,2 % против необходимых 60 %) и овощей (87,7 % против необходимых 90 %). Эти цифры говорят как минимум о двух вещах. Во-первых, даже достижение пороговых показателей, предусмотренных Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации, само по себе еще недостаточно для решения вопроса эффективной организации питания населения Здесь необходимо регулирование экспорта отечественной продукции таким образом, чтобы не агрохолдинги получали максимум прибыли, а чтобы в стране формировались стратегические запасы продовольствия на внутреннем продовольственном рынке продукция распределялась пропорционально и в соответствии с совокупным спросом. Во-вторых, речь должна идти о качественных продуктах питания, поскольку в структуре современных продуктов весьма высока доля некачественных и даже опасных продуктов, произведенных с использованием ГМО и других достаточно вредных и проблемных технологий. К глубокому сожалению, ГМО-лобби в нашей стране достаточно сильное, что не позволяет надеяться на быстрый рост производства органически чистой продукции, а значит, и на скорое решение проблемы продовольственной безопасности по существу. Оставляет желать большего и состояние крионики, востребованной для долгосрочного хранения продуктов. Современные техники замораживания сами по себе не уничтожают разного рода микробы (бактерии, дрожжи и плесень). А значит, сохраняется угроза пищевых отравлений такими продуктами (листериоз, микотоксикоз, сальмонеллез, ботулизм и др.). Однако время требует срочных действий.

При этом главными «полигонами» в использовании технологий и техник производства продовольственной продукции сомнительного качества остаются именно крупные агрохолдинги и корпорации. И хотя в России еще 24 июня 2016 г. был принят закон о запрете на выращивание и разведение генно-модифицированных организмов и продукции, именно под их влиянием в 2019–2020 гг. ввели исключения. Как итог – широкий ассортимент ГМ-продуктов оказался на прилавках российских торговых сетей. А в 2020 г. российское правительство освободило от регистрации генно-модифицированные соевые бобы и шрот (корм для животных). Дальше, по всей видимости, будет продолжена политика по облегчению ввоза в Российскую Федерацию генно- модифицированной продукции и развитию технологий ГМО на российских предприятиях.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что именно крупные агрокорпорации оказались сегодня фактически носителями реальной угрозы по качеству продовольственной продукции. В погоне за объемами продаж и максимальной прибылью именно они поставляют на рынок продукцию сомнительного качества.

А дальнейшая концентрация и монополизация земли в стране сопровождается постоянным и неуклонным снижением эффективности ее использования в аграрном производстве.

На эту закономерность в начале XX в. указывал еще известный российский экономист С. Н. Булгаков [58, с. 279], чьи выводы в настоящее время лишь подтверждается практикой [59]. Это обстоятельство отмечали в свое время также А. В. Чаянов [60] и М. И. Туган-Барановский [61]. Тем самым для развития эффективной конкуренции и подъема сельского хозяйства, для решения проблемы продовольственной безопасности нашей страны необходима демонополизация земельной собственности и кардинальное перераспределение доходов, получаемых с земли (ренты) [62] в целях их более эффективного использования. В самом деле, миллиарды рублей сегодня уходят на личное потребление российского олигархата, на покупку дорогостоящей недвижимости за рубежом, яхт, автомобилей, а не на воспроизводства материально-технической базы отечественного сельского хозяйства, не на увеличение производства продовольствия в стране. Налогами (акцизами) облагаются многие виды продовольственной продукции. А ведь еще в XVIII в. Видный экономист и лидер школы физиократов Франсуа Кенэ утверждал, что прямым налогом должна облагаться сама земля, а не продукты питания [63, с. 42].

Сегодня, в начале третьего десятилетия XXI в., продовольственная проблема и вопросы продовольственной безопасности вновь оказались в центре внимания. В условиях современного экологического и экономического кризисов под ударом оказались качество жизни людей и их здоровый образ жизни. Люди, оставшиеся на так называемой «самоизоляции», столкнулись с гиподинамией, стрессами, виртуализацией реального общения, социальным отчуждением и некоторыми другими вопросами, которые раньше не стояли так остро, в том числе и с вопросами правильного здорового питания. Прежнее общество постепенно превратилось в «общество риска» (У. Бек) [64], которое отражает новую социальную реальность. А прежняя жизнь в полной мере становится «жизнью соло» [65]. В связи с этим прежний здоровый образ жизни (активное передвижение, правильное питание, общение и др.) и само ее качество оказались во многом девальвированными. Восстановление этих компонентов здорового образа и высокого качества жизни представляет серьезную проблему [66]. Поэтому в сложившейся ситуации и проблема продовольственной безопасности приобретает особое, личностное измерение.

Под здоровым образом жизни подразумевается типичная совокупность форм и способов жизнедеятельности, способствующая полноценному развитию личности. Здоровый образ жизни предполагает качественное медицинское обслуживание, активную физическую и умственную деятельность, занятия физкультурой и спортом, трезвость и качественное питание, хорошую экологию и ряд других моментов. Вместе с тем в современной науке часто встречаются факты подмены понятий «здоровый образ жизни» и «качество жизни» понятиями «уровень потребления», «уровень благосостояния» и др. Между собой эти понятия соотносятся как всеобщее (качество жизни) – общее (образ жизни) и частное (уровень потребления, уровень благосостояния» [67].

Кроме названных понятий, для характеристики *качества жизни и здорового образа жизни* населения используются также понятия «жизненные стандарты», «индекс развития» «индекс счастья» и т. д. А также общие и частные индикаторы (например, демографические: плотность населения, смертность, рождаемость, миграция и т. д.) [68].

Многообразие и незавершенность совокупности понятий, терминов и индикаторов, применяемых в современной науке, позволяют, с одной стороны, модулировать разные теоретико-методологические матрицы образа жизни и качества жизни населения, взаимно дополняя и корректируя их, расширяя их морфологию (типологию). А с другой стороны, такое широкое многообразие дискурсов порождает и новые симулякры, оставляет определенный простор для квалиметрических и, что самое опасное, спекулятивных подходов. Поэтому представляется актуальным рассмотрение проблемы образа жизни и ее качества в контексте современной социальной и макроэкономической нестабильности на компаративном уровне.

Важным признаком, определяющим влияние продовольственной безопасности на качество жизни, а также всеобщий статус понятия «качество жизни» и обобщающий статус понятия «образ жизни» служит совокупность их качественных характеристик: здоровый, активный, креативный характер, нацеленность на жизненные процессы, среди которых важнейшую роль играют процессы труда, само(управления), творчества. Очевидно, что потребление, которое служило в рамках прежнего типа общества – «общества потребления» (Ж. Бодрийяр) [69] главной целью социально-экономического развития, в современных условиях превратилось в иррациональную самоцель, поскольку составляет лишь часть совокупного процесса жизнедеятельности человека и не может быть конституировано в виде определяющего понятия. Как бы оно ни было важно, «не хлебом единым живет человек».

Для более структурированного моделирования понятий «образ жизни» и «качество жизни», следует определиться с конкретными показателями, на основе которых можно было бы дать обобщенную реконструкцию выражаемой через них реальности с достаточной полнотой и конкретизацией. На наш взгляд, для этого вполне достаточными могут быть такие признаки, как здоровье население, качество питания, экология.

Основная ось многолетних дискуссий между представителями разных подходов и сторонниками разных научных подходов к оценке влияния продовольственной безопасности на качество и образ жизни состоит в разном понимании соотношения количественных и качественных характеристик оцениваемых ими предметов и объектов исследований. Если говорить о понятиях «здоровый образ жизни» (ЗОЖ) и «качество жизни», то они рассматриваются как «специфическая форма социального устройства» (Л. Вирт), которая характеризуется названными выше признаками: качество здравоохранения, питание (продовольственное обеспечение) и экология [70]. Разные авторы дополняют их разными параметрами и конструируют различные обобщающие понятия. Исходным в этом плане можно считать теорию «общественного благосостояния» [71], а последней новацией – концепцию «экономики счастья» [72].

Дальнейшая эволюция научных представлений о связи вопросов питания населения, качества жизни и здоровом образе жизни связана с ростом кризисных явлений в социально-экономической и политической сферах жизни современного

общества, что вызывает новый интерес ученых к вопросам анализа и оценки данных понятий и выражаемых через них явлений (новой реальности) в контексте перехода к новому (шестому) технологическому укладу, новой научно-технической революции, кризиса мультикультурализма и глобализма.

В настоящее время в науке существуют различные модели качества жизни: эволюционная, структурная, когнитивная, знаниевая, интегративная и др. Достаточно набрать словосочетание «модели качества жизни» - и в интернете можно увидеть десятки различных вариантов на эту тему. Вместе с тем, по большому счету, подавляющая часть предлагаемых моделей качества жизни и ЗОЖ замыкается на потребление, а само качество связано с количественными показателями потребления (уровень, структура, время и т. д.). Трактовка понятия качества жизни с позиций его соответствия потребностям человека, степени их удовлетворения сложилась благодаря исследованиям голландских авторов Дж. Ван Этингера и Дж. Ситтинга [73]. Популярность такого подхода обусловлена тем, что квалиметрия позволяет давать количественные характеристики процесса потребления и, соответственно, органично вписывается в процессы цифровизации современной экономики. Тем не менее это односторонний подход. Поскольку затраты н обеспечение здорового образа жизни и ее высокого качества ничего не говорят о реальном состоянии этих показателей, следует помнить о том, что количественные и качественные показатели соотносятся между собой как интенция и реальность, намерения и результат.

Важнейшими параметрами, свидетельствующими о качестве и здоровом образе жизни людей, является их здоровье, продолжительность жизни и качество здравоохранения. Это особенно актуально в условиях распространения различных пандемий (птичьего гриппа, лихорадки Эбола, COVID-19 и др.). В условиях макроэкономической, экологической и эпидемиологической нестабильности и высоких рисков именно здравоохранение играет решающую роль не только в улучшении качества жизни, но и ее сохранении как таковой.

За последние 10 лет в Российской Федерации ситуация в области здравоохранения изменилась в лучшую сторону. Если в 2002 г. РФ занимала лишь 130-е место в мире по состоянию здравоохранения, то сегодня она находится уже в середине первой сотни государств. Это, конечно, не означает, что решены все проблемы [74]. В частности, крайне остро стоит проблема всеобщей вакцинации населения страны и выработки коллективного иммунитета против COVID-пандемии. Несмотря на наличие в мире 60 антиковидных вакцин, в том числе нескольких вакцин в Российской Федерации («КоВиВак», «ЭпиВакКорона», «Спутник-V» и др.), доля вакцинированных составляет 34 млн чел., или около 24 % от общей численности населения. Растет число людей, болеющих сердечно-сосудистыми заболеваниями. В мире ежегодно от этих заболеваний умирает свыше 17 млн чел., а в Российской Федерации – более 1 млн чел. Неблагополучно обстоит и дело со сравнительно новыми и относительно слабо изученными заболеваниями. Например, с такой болезнью, как рассеянный склероз, численность больных которым составляет в РФ уже свыше 150 тыс. чел. и неуклонно растет.

Большинство экспертов сходится во мнении, что советская система здравоохранения была одной из лучших в мире, так как выполняла *все*, возложенные на нее функции [75]. Несмотря на незначительное улучшение современной системы здравоохранения и даже профессиональный героизм врачей в борьбе с COVID-

пандемией, ее качество остается намного ниже советской и оставляет желать лучшего. Особенно это касается вопросов диагностики и профилактики тяжелых и хронических заболеваний.

Сегодня общепризнанным является тот факт, что здоровье населения Российской Федерации – важнейший фактор обеспечения национальной безопасности страны [76]. С 2005 г. в РФ началась реализация объявленного президентом В. В. Путиным приоритетного национального проекта «Здоровье», который предусматривает существенное повышение качества медицинской помощи. Задачами проекта являются укрепление здоровья граждан; повышение доступности и качества медицинской помощи; развитие первичной медицинской помощи; возрождение профилактического направления в здравоохранении; обеспечение населения высокотехнологичной медицинской помощью.

Результаты реализации проекта очевидны. По итогам последних 4 лет продолжительность жизни у мужчин увеличилась до 63 лет, а у женщин – до 74 лет. Общая продолжительность жизни россиян составила 69 лет. Однако если в 2011–2012 гг. произошло снижение смертности от сердечно-сосудистых заболеваний на 10,4 %, то в последние годы этот показатель вновь стал расти. За последние 10 лет правительство РФ более чем в 6 раз увеличило финансирование системы здравоохранения: с 250 млрд руб. до 2 трлн руб. в год.

Вместе с тем все еще не до конца остаются решенными и вопросы привлечения молодого поколения к занятиям физкультурой и спортом. В РФ около 1 млн детей школьного возраста все еще отлучены от занятий физической культурой. Распространенность гиподинамии среди школьников достигла 80 %. Впервые за последние десятилетия врачи столкнулись с проблемой гипотрофии юношей призывного возраста, что отражается на комплектовании Вооруженных сил здоровым контингентом.

Особую тревогу вызывают вопросы алкоголизации и особенно наркотизации в молодежной среде. И эти вопросы касаются не только РФ, но и сопредельных с нею стран СНГ [77].

Распространенность только бытового пьянства в РФ составляет 20 %. Общая заболеваемость лиц, злоупотребляющих алкоголем, в 2 раза выше, чем среди остального населения. Злоупотребление алкоголем является причиной более 70 % несчастных случаев.

Одной из наиболее острых проблем современной социальной политики в РФ является проблема борьбы с наркотизацией населения. Статистика свидетельствует: процент российского населения, вовлеченного в употребление опиатами, в 5–8 раз превышает соответствующий показатель в Европе. А героин в России употребляют до 90 % всех наркозависимых. И весь этот героин имеет афганское происхождение, где только за первые полтора десятилетия XX в. его производство возросло в 44 раза.

Общее количество потребителей наркотиков в РФ превышает 3 млн чел., но только 300 тыс. из них официально зарегистрировано с диагнозом наркомания в медицинских учреждениях страны. Угрожающие размеры приобретает немедицинское употребление наркотических средств, психотропных и одурманивающих веществ. Количество больных наркоманией и токсикоманией за последние 10 лет увеличилось в 8 раз и превышает 425 тыс. чел. Особенно тревожна тенденция

«омоложения» наркомании. За последние 10 лет численность подростков, употребляющих наркотики и психотропные вещества, возросла в 17 раз. Подавляющая часть потребителей наркотиков – это молодежь. Задача выявления наркотической зависимости, ее предупреждения и лечения в молодежной среде остается как никогда важной.

Правительство РФ еще 15.09.2005 г. приняло своим постановлением № 561 Федеральную целевую программу «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту». Однако требуются существенная координация и ужесточение мер по противодействию распространению наркотиков. Особенно среди молодежи. Уже сама формулировка названия программы вызывает много вопросов и оставляет лазейки для распространения. Получается, что если не злоупотреблять ими и принимать в меру, то это нормально.

В этой связи назрела острая необходимость безотлагательного принятия на правительственном уровне концепции здорового образа жизни и концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2050 г., которые могут стать основой для формирования здорового образа жизни наших сограждан.

Одним из важнейших направлений развития здорового образа жизни является здоровое питание. Это одна из наиболее популярных сфер современного предпринимательства [78]. Под здоровым питанием подразумевают сбалансированное, экологически безопасное питание, обеспечивающее здоровье человека. Далеко не всегда питание было таким. Да и сегодня для многих россиян оно остается несбалансированным и экологически небезопасным. В погоне за прибылью поставщики и продавцы продуктов питания идут на любые ухищрения, вплоть до обмана потребителя. В системе общественного питания такие случаи далеко не редкость.

Исторически питание не всегда было здоровым. В средневековой Европе, например, люди практически не знали, что такое здоровое питание. Наиболее распространенной пищей там служила соленая свинина. И только в XVII веке европейцы узнали, что такое картофель. Спустя столетие уже в России Екатерина II своими указами понуждала дворян и крестьян сеять картофель. Просвещенная императрица выписывала с далеких Канарских островов свое любимое вино – мальвазию. А томаты из декоративных растений, которые знать выращивала в домашних вазонах на подоконниках, постепенно превратилась в важную аграрную культуру.

Но даже для богатых людей вплоть до XIX в. еда была примитивной и зависела от сезона. В тавернах или гостиных дворах им предлагался весьма скудный рацион. Считается, что только в 1795 г. Франсуа Аппер изобрел технологию высокотемпературной стерилизации продуктов, что позволяло их консервировать. На самом деле технология консервирования существовала еще в древней Греции. Известно также, что пищевые консервы использовались для снабжения армии при Наполеоне I. Тем не менее консервированные продукты были дорогостоящими и недоступными для рядового потребителя. Как и раньше, люди хранили продукты в подвалах, погребах, специальных ямах. Это считалось экологичным и стоило дешево. Не нужно было тратиться на дорогие холодильные камеры. В древности при дворах китайских и римских императоров для этих нужд использовался лед. Для того чтобы продукты питания не портились, их старались быстро привезти и употребить в пищу.

В известном романе А. Дюма «Граф Монте-Кристо» герой организовал для своих гостей в Париже роскошный обед. В меню оказались свежие стерлядь и минога с Волги. Гости были очень удивлены, каким образом свежая рыба попала на их стол так быстро, ведь она водится за тысячи километров от Франции. Хозяин пира рассказал, что рыб привезли в специальных бочках, обложенных одна – речными травами, другая – тростником и озерными растениями. Эти бочки поместили в специально устроенные фургоны, в которых рыбы прожили после того, как их поймали, еще некоторое время: стерлядь – двенадцать дней, минога – восемь. Обе рыбины были живыми, когда их доставили на кухню для приготовления.

Искусство консервации и пастеризации, которое было известно еще древним грекам, а затем – в раннее Средневековье, позднее было полностью утрачено. До сих пор в раскопках древней Фанагории (Таманский полуостров) или под Керчью (Крым) археологи находят огромные емкости (каменные цистерны, врытые в землю) для хранения продуктов: рыбы, вина, оливкового масла, зерна. В Боспорском царстве, как назывались в древности эти земли, греческие поселенцы умели не только выращивать, но и долго хранить продукты питания, сохраняя их безопасность. Но такая практика была редкостью.

Ситуация изменилась в начале XX столетия, когда в 1913 г. в Чикаго (США) был изобретен электрический холодильник. А в 1929 г. Кларенс Бердзай разработал глубокую заморозку продуктов питания, благодаря чему уже с 30-х гг. XX в. такие продукты в массовом порядке стали появляться на прилавках продуктовых магазинов и в учреждениях питания. Появилась возможность организации их поточного производства и долгосрочного хранения.

Именно эти изобретения стали толчком для появления различных учреждений массового общественного питания (ресторанного бизнеса, кафе, бистро и т. д.). До этого, например, появление ресторанов было скорее штучным и эксклюзивным. В XVIII в. ресторанный бизнес развивался относительно динамично только в отдельных странах. Так, к 1776 г. в США в таких городах, как Бостон, Нью-Йорк, Филадельфия, Ричмонд, Чикаго, появились первые рестораны. Они быстро набрали популярность. Заведения «Буллз Хед», «У мистера Литтла» и др. стали визитной карточкой Нью-Йорка. В этих заведениях стали проводиться банкеты, торжества, официальные мероприятия. Затем рестораны появились и в Лондоне: «Стивенз Холл», «Брайтон Павильон» и др. Соответственно, росло качество жизни людей.

Но наибольшего расцвета гастрономическое искусство и сфера общественного питания достигли во Франции. В XIX в. появились такие знаменитые рестораны, как La Gigalo (Nant, 1895), Chez Chartier (Париж, 1896), Miremot (Биарриц, 1872). Именно в Париже появился, и существует до сих пор знаменитый ресторан Максим. В 1893 г. его открыл Максим Гайяр, официант одного из парижских кафе. А в 1981 г. у последнего владельца фамилии Максим его выкупил известный кутюрье Пьер Карден, который организовал сеть подобных ресторанов в Брюсселе, Женеве, Нью-Йорке, Токио, Шанхае.

Индустрия общественного питания имеет в нашей стране большие перспективы. Но ее необходимо развивать в соответствии с принципами экологии, то есть в гармонии с природной средой и экологией самого человека. В этом состоит смысл социальной ответственности современного бизнеса [79]. И это означает, что в

ближайшие годы будут еще более востребованы экологичные формы организации питания и органически чистые продукты. Как всегда, вновь и вновь люди сталкиваются с вопросом экологизации собственной жизни. Это и есть тот самый периодический закон развития природы и общества, который регулирует гармоничное и безопасное существование человека.

Вместе с тем серьезную проблему в условиях COVID-пандемии представляет проблема мотивации участников оборота пищевой продукции в повышении ее качества и безопасности [80]. Отсутствие развитой системы торговой инспекции и пробелы в действующем законодательстве способствуют существенной дезорганизации функционирования рынка пищевой продукции. Тривиальным стали многочисленные нарушения СП 2.3.6.1079-01 «Санитарно-эпидемиологические требования к организации общественного питания, изготовлению и оборотоспособности в них пищевых продуктов и продовольственного сырья», а также ТР ТС 021/2011 «О безопасности пищевой продукции». К числу таких нарушений относится реализация продукции с истекшим сроком годности; дефростированной и повторно замороженной продукции; продукции, произведенной с использованием ГМО; продаваемой в загрязненной таре; с нарушениями в маркировке и т. д. В целом за последние два года динамика розничной торговли продуктами питания во многих мегаполисах страны изменилась. По итогам 2020 г. российский рынок реализации продуктов питания через интернет увеличился в 3 раза. И в соответствии с запросами населения растет и связанная с экологичным производством зеленая экономика.

Термин «зеленая экономика» впервые появился в 1989 г. в специальном докладе известных английских экономистов Д. Пирса, Э. Барбьера и Э. Маркандия. Однако до сих пор он не получил своего универсального и общепринятого толкования. Интерпретаций в этом плане много: от организации экологически чистого производства до создания органически чистой продукции. После некоторого периода забвения этот термин вновь был возрожден усилиями ЮНИТЕП (Программа ООН по окружающей среде) в связи с обсуждением разных глобальных экологических кризисов. Годом позже ООН был провозглашен «Зеленый курс», который предполагал, помимо искоренения нищеты и восстановления мировой экономики, также защиту окружающей среды, международное сотрудничество по климату и ряд других мер. Последним в этом ряду стал экологический саммит, прошедший в условиях пандемии в апреле 2021 г.

Очевидно, что чистая экология является важным признаком здорового образа жизни и ее высокого качества. Экология продуктов питания в этом смысле составляет важное звено обеспечения продовольственной безопасности населения страны.

В условиях современного глобального экологического кризиса разные регионы Российской Федерации испытывают разные неблагоприятные нагрузки. Неблагоприятные экологические факторы в сочетании с социальными и экономическими в течение последних десятилетий обусловили устойчивые негативные тенденции в состоянии здоровья населения. А появление пандемии COVID-19 стало триггером для резкого ухудшения экологической и эпидемиологической ситуации в стране. Особенно тяжелый урон эти факторы оказали на старопромышленные регионы, к числу которых относится и Уральский регион, прежде всего –

Свердловская область (мегаполисы Екатеринбург, Нижний Тагил) и Челябинская область (мегаполисы Челябинск и Магнитогорск). Жертвами неблагоприятных экологических условий в стране и в регионе становятся, в первую очередь, дети, беременные женщины и люди пенсионного возраста. Так, до 60 % россиян используют для питья воду, не соответствующую гигиеническим нормативам [81, с. 75]. Среди всех экологических экстерналий в Уральском регионе особо стоит отметить неудовлетворительное состояние атмосферы и качество питьевой воды. Именно эти элементы экологии оказались под наибольшим ударом. Конечно, можно отметить и рост коммунальных отходов, растущее загрязнение улиц и зеленых зон городов и т. д. Но они не идут ни в какое сравнение с атмосферой и качеством питьевой воды.

Важнейшим из негативных экологических факторов здесь является неудовлетворительное состояние водоемов, служащих источниками *питьевой воды*. Понятно, что питьевая вода – это также важный (если не важнейший) продукт питания наряду с хлебом, молоком, мясом и т. д. Загрязнение водных водоемов – источников питьевого водоснабжения – при недостаточной эффективности работы водоочистных сооружений влечет за собой ухудшение подаваемой потребителям питьевой воды и создает серьезную опасность для здоровья населения. Это связано с тем, что больше половины населения обеспечивается питьевой водой из источников централизованного хозяйственно-питьевого водоснабжения. Органами государственной санитарно-эпидемиологического надзора осуществляется мониторинг состояния водных источников и качества подаваемой населению питьевой воды. В настоящее время производственный контроль над качеством воды обеспечивают лаборатории владельцев водопровода, а также (по договорам) аттестованные и аккредитованные лаборатории.

Приоритетными загрязнителями питьевой воды в Свердловской области являются железо, кремний и остаточный алюминий. Они относятся ко второму классу опасных (вредных) веществ. Очевидно, что влияние столь негативных экологических факторов имеет отрицательный социальный характер. Уровень обеспечения жителей Свердловской области качественной питьевой водой в 2020 г. составил 78,2 %. Иными словами, четверть населения Свердловской области ею не обеспечена. При этом вызывают серьезные вопросы и сами показатели качества питьевой воды: некоторые из них свидетельствуют о завышенном характере норм предельно допустимых концентраций вредных веществ (ПДК).

Несмотря на развитие инфраструктуры (станция водоподводки в Кировграде, водозаборные сооружения в Верхней Туре, скважины с системами водоочистки в Кленовском, строительство первой очереди водозабора от Нижней Сысерти до Каменска-Уральского и др.), вопрос о качестве питьевой воды в области все еще остается острым.

Альтернативой централизованному водоснабжению может служить система производства бутилированной воды. Жители региона потребляют бутилированную воду намного больше, чем в среднем по стране. В РФ средний показатель составляет 47,8 л/чел., в Свердловской области – 71,7 л/чел. Это объясняется именно низким качеством водопроводной питьевой воды. И хотя спрос на питьевую воду по стране неуклонно растет (в 2019 г. он вырос на 14,4 % достигнув 5,8 млрд л), но и мошенничество на рынке бутилированной воды также растет. Из 2 000 произво-

дителей бутилированной воды отдельные компании пренебрегают самыми элементарными экологическими и эпидемиологическими требованиями. Общий оборот рынка бутилированной питьевой воды в РФ составляет 187 млрд руб. А в 2020 г. объем реализации бутилированной воды составил 7,55 млрд л. В Уральском регионе в основном бутилированная вода представлена водой из скважин, хотя есть и иные источники. Как ни странно, качество водопроводной воды контролируется государством намного жестче, чем бутилированной. Поэтому потребитель, сталкиваясь с ожидаемым низким качеством водопроводной воды, может улучшить его посредством бытового фильтра (или хлорировать). Что касается бутилированной воды, то здесь потребитель не ожидает подвоха и, соответственно рискует своим здоровьем в большей степени. В отдельных марках бутилированной воды могут присутствовать такие ядовитые элементы, как мышьяк и другие токсины. Кроме того, сам пластик, в который расфасовывается питьевая вода, вреден.

Другим фактором нарушения продовольственной безопасности и проявлением неблагополучной экологической ситуации в регионе является загрязнение атмосферы выбросами CO_2 и других токсинов от работы промышленных предприятий. Загрязнение атмосферы ведет к нарушению многих процессов при выращивании продукции растениеводства (фотосинтез, протравливание, инкрустация семян, опрыскивание, фумигация, десикация, химиотерапия и т. д.), а также в животноводстве.

Свердловская область занимает третье место в РФ по валовым выбросам загрязняющих веществ в атмосферу. Их объем составляет 1,9 млн т ежегодно. Наиболее неблагоприятными являются территории Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Полевского, Кировграда, Каменск-Уральского, Первоуральска, Серова, Ревды, Режа и Асбеста. На текущий момент в области насчитывается 14 территорий высокого риска по показателям вредных выбросов в атмосферу. Помимо CO_2, в атмосферу попадают и другие вредные для здоровья человека вещества: аммиак, бензпирен, формальдегид, окислы азота, бензол, сероводород, фенол, хром, нафталин и др.

Причиной неудовлетворительного качества атмосферного воздуха в регионе является сложившаяся промышленная инфраструктура, в частности, наличие большого количества промышленных предприятий металлургического и машиностроительного профиля. Так, только в одном Режевском районе Свердловской области находится ряд крупных предприятий цветной металлургии, которые оказывают существенное влияние на экологическую обстановку. Основной вклад в загрязнение атмосферного воздуха на этой территории вносят АО ПО «Режникель» и АО «Сафьяновская медь». Эти предприятия выбрасывают в атмосферу диоксид азота, оксид углерода и диоксид серы, а также соединения кадмия, свинца.

Особо стоит отметить тепловое загрязнение, связанное с отходами предприятий – производителей тепловой энергии. Это загрязнение наносит урон рекреационным зонам, зонам отдыха, потребителями которых является не только местное население, но и население других территорий. К продовольственной проблеме это имеет непосредственное отношение, поскольку тепловое загрязнение касается производства продуктов питания. Когда-то У. Черчилль сказал: «Через пятьдесят лет мы избавимся от абсурда выращивания целой курицы для того, чтобы съесть только грудку или крылышко, и будем выращивать эти части по отдельности в подходящей среде». Изменение теплового баланса как раз и позволяет осу-

ществлять подобные эксперименты: выращивать курицу с гипертрофированными частями тушки, куриные яйца гигантских размеров с двумя – тремя желтками и т. д. Естественные тепловые режимы играют столь значительную роль в аграрном производстве, что любое их изменение (люминесцентное освещение, подогрев и дренаж почвы и т. д.) должно осуществляться под жестким контролем экологов, агрономов и биоинженеров. А простое тепловое загрязнение может сыграть злую шутку с человеком как потребителем продуктов питания. Нарушая естественное развитие растений, условия обитания живых организмов, такое загрязнение ведет к различным их мутациям и опасным заболеваниям.

Эту шутку ярко выразила Наталья Кончаловская в своем стихотворении «Про огород», где рассказывается про садовода, который произвольно смешал все семена, изменил условия ухода за растениями, короче, натворил дел. Что же из этого вышло? Читаем:

«Посадил садовод
Нам такой огород,
Где на грядках, засеянных густо,
Огурбузы росли,
Помидыни росли,
Редисвекла, чеслук и репуста,
Сельдерошек поспел,
И моркофель дозрел,
Стал уже осыпаться спаржовник…
Но когда садовод
Нас позвал в огород,
Мы взглянули и все закричали:
«Никогда и нигде,
Ни в земле, ни в воде,
Мы таких овощей не видали!»

Обеспечение предприятий АПК тепловой энергией – вопрос крайне острый. Она необходима для тепличных, опытных хозяйств, роботизированных ферм и т. д. Подчеркнем, что рынок производства тепловой энергии в регионе совершенно неконкурентный, отсутствует даже так называемая интермодальная конкуренция (между видами топлива). Разделение стадий производства тепловой энергии является узким местом во всей технологической цепочке [82]. Другой ключевой загрязнитель – автомобильно-дорожный комплекс, доля которого постоянно растет (вместе с ростом размеров автомобильного парка) [83]. Эти два фактора самым очевидным образом убивают качественные органические продукты. Вместо них появляются разного рода мутанты. И здесь до массового клонирования и появления в животноводстве овцекоз, козобаранов или в нашем обществе – «зеленых человечков» уже вроде бы и рукой подать. Овечка Долли, которая появилась на свет в 1996 г., это уже далекое и примитивное прошлое. Во всяком случае, мясо и мясопродукты сегодня содержат в себе столько вредных веществ, что о продовольственной безопасности приходится только мечтать. Пищевые отравления продуктами современного животноводства и растениеводства перестали удивлять. Многие продукты питания сегодня производятся в экологически недопустимых условиях и к тому же с использованием весьма сомнительных технологий.

Вот и видим мы на прилавках магазинов растительное «молоко», соевое «мясо», пальмовое «масло», кофе из цикория, чай из травы, да и еще всякую другую гадость, которую крупные товаропроизводители агрессивно рекламируют на всех телеканалах.

Даже как-то становится грустно от всего этого. Кстати, считается, что Россия готова сократить вредные выбросы в атмосферу в ближайшие годы на 15–20 %, США выразили согласие сократить аналогичные выбросы на 17 % и т. д. [84, с. 192–193]. Но эти общие показатели ничего не говорят о конкретных регионах, особенно, о старопромышленных, где данная проблема стоит наиболее остро. Таким образом, загрязнение водоемов – источников питьевой воды и атмосферного воздуха – является основной экологической проблемой, требующей немедленного решения. Химическое загрязнение биосферы становится особенно важным фактором риска [85]. Но не менее опасно существование неконкурентных рынков, вертикально интегрированных монополий и неадекватной правоприменительной практики, что лишь поощряет нарастание негативных последствий в сфере экологической безопасности. В связи с этим хотелось бы отметить, что региональные и федеральные программы «Чистая вода» и «Чистый воздух», о реализации которых постоянно отчитываются «наверху», пока не дают ожидаемого результата. Как ни обидно было бы конкретным должностным лицам за такую оценку их упорной работы по решению вопросов обеспечения экологической безопасности в регионе, она все еще остается крайне низкой.

Поэтому ключевую роль в формировании продовольственной безопасности в стране играет экологическая безопасность. На примере Уральского региона можно судить о ее роли как важнейшего условия здорового образа жизни и высокого ее качества играет серьезная научная разработка экосистемного подхода к организации и стимулированию инновационных процессов на территории.

Если немедленно не поставить заслон экологическому произволу, если не принять Экологический кодекс РФ, то рано или поздно все мы столкнемся с феноменом Арчибальдо, станем человеко-растениями. Изображая на своих полотнах удивительные карикатуры, возможные гибриды человека и растений, порождаемые собственным воображением, итальянский художник XVI в. Джузеппе Арчибальдо стал одним из первых, кто в человеческой истории обратил внимание (и отразил это в своих картинах) на тесную и многомерную связь жизни растений и жизни людей. Много позднее великий естествоиспытатель Парацельс выразится на этот счет так: «Дерево – это то же тело, что и у человека. Кора дерева подобна коже человеческой, ветви – волосам. Подобно человеку дерево способно видеть, слышать, ощущать». Не в этом ли восприятии природы (экологии) состояли и причины появления многих инвариантов в сфере питания (вегетарианство, сыроедение и др.)? Ведь не случайно говорят: «человек есть то, что он ест».

Современная экономика стремительно переходит от старой модели бережливого производства к новой модели быстро реагирующего производства. На этом пути неуклонно растет роль инновационного и креативного подходов в постановке и решении вопросов укрепления здорового образа жизни и повышения ее качества. Соответственно, меняются технологии, стандарты и иные условия производства продовольственной продукции. Но это требует тем не менее надежности в ее производстве и обеспечении населения.

Вместе с тем в условиях столь стремительных перемен нарушается сам принцип устойчивого развития. Полагая его неудачным, академик Н. Н. Моисеев (1917–2000) еще в прошлом столетии выдвинул идею коэволюции биосферы и человечества как необходимое условие безопасного существования людей и обеспечения здорового образа жизни [86]. Другой выдающийся исследователь, сербский ученый Д. Ж. Маркович (1933–2018), автор самого термина «устойчивое развитие», также считал, что охрана и улучшение окружающей среды должны способствовать повышению качества жизни людей, поскольку они взаимосвязаны [87, с. 56].

Теперь о подлинной подоплеке так называемого «устойчивого социально-экономического развития». В реальности, как свидетельствует состояние продовольственной безопасности нашей страны, ни о каком ее устойчивом развитии всерьез говорить нельзя, пока не будет достигнута стабильность в снабжении населения продовольствием. А ее, этой стабильности и безопасности, как не было, так и нет. Идея ввести в России продуктовые карточки, талоны или сертификаты на продовольствие звучит в разное время и на разных уровнях. В последние годы инициативы исходят от отраслевых организаций, экспертов, депутатов, их предлагают руководству страны. Сторонники такого способа борьбы с бедностью предлагают дополнить или заменить им существующие форматы поддержки. Но многолетние призывы остаются без ответа – даже до чтений в Государственной думе проект не доходит. И тем не менее нынешний всплеск обсуждения темы карточек можно связать с пандемией коронавируса и современным глобальным кризисом. В связи с этим об адресной продовольственной помощи малоимущим слоям населения (по талонам и карточкам) в Государственной думе заговорили как о почти решенном деле еще летом 2008 г. С 2014 г. над этой программой активно стало работать Министерство торговли. В 2020 г. эту идею предложил реализовать российский бизнес. А директор Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН по связям с Россией О. Кобяков предположил, что рано или поздно руководство страны вынуждено будет ввести продуктовые карточки – иного пути, по его мнению, попросту нет.

Думается, все это является свидетельством рудиментарного сохранения старого мышления и самой тривиальной некомпетентности тех, кто периодически ратует за талоны, сертификаты, продуктовые карточки и т. д.

Прежде всего, потому, что для успешного решения данных вопросов может быть использован широкий набор современных научных концепций, среди которых в качестве наиболее перспективных отметим концепции эволюционного развития [88], циркулярной экономики [89], ноономики [90], нейросетевого моделирования [91], креативности [92], диджитализации [93] и др. В частности, на основе концепции эволюционного развития можно стабилизировать развитие современной биосферы и общества, противодействовать глобальным экологическим рискам, преодолеть турбулентность современной экономики и выйти на траекторию устойчивого развития, способствующую росту качества жизни населения [94, с. 91–92].

Освоение и практическое использование названных концепций предполагает и серьезную перестройку в системе образования и воспитания нового поколения людей, которым предстоит приложить гораздо больше усилий для обеспечения своей продовольственной безопасности, а значит, и для здорового образа жизни и ее высокого качества, чем предыдущим поколениям, не столь обремененным в прошлом растущими рисками и дефицитом жизненно важных ресурсов.

В целом круг практических мер по решению продовольственной проблемы может быть достаточно широким. И в этом плане изучение исторического опыта постановки и попыток решения данной проблемы представляет собой значительный исторический и практический интерес.

Библиографический список

1. Белугин А.Ю. Эволюция понятия «продовольственная безопасность»: история, этапы, современное понимание // Экономика сельского хозяйства и природных ресурсов. Электронный журнал. 2019. Т.11. Вып. 2. С. 122 – 143.
2. Сен А. Экономическая взаимозависимость и мировая продовольственная проблема [Электронный ресурс]: Экономическая политика: стратегия и тактика. 1999. № 2. Режим доступа: http://vasilievaa.narod.ru/1_2_99.htm
3. Clay E. Food Security: Concepts and Measurement, Paper for FAO Expert Consultation on Trade and Food Security: Conceptualizing the Linkages Rome, 11–12 July 2002. Published as Chapter 2 of Trade Reforms and Food Security: conceptualising the linkages [Электронный ресурс]: Rome.: FAO, 2003. – Режим доступа: http://www.fao.org/docrep/005/ Y4671E/y4671e06.htm
4. The Development Dimension. The Development Effectiveness of Food Aid. Does Tying Matter? [Электронный ресурс]: France.: OECD publications, 2006. 121 p. Режим доступа: http://www.sourceoecd.org/development/9264013466.
5. Белхароев Х.У. Продовольственная безопасность России. История и современность. М.: Спутник+, 2016. – 242 с.
6. Яркова Т.М. Продовольственная безопасность: российский опыт и зарубежная практика. Пермь: ИПЦ «Прокрость», 2019. – 192 с.
7. Марцева Л.М. Труд в контексте российской цивилизации. Социально – философский анализ. Омск: Изд-во ОмГУПС, 2002. – 311 с.
8. Берви – Флеровский В.В. Избранные экономические произведения. В 2-х т. М.: Соцэкзис, 1958. Т.1. – 620 с.
9. Экономические реформы в России. К 110-летию аграрной реформы П. А. Столыпина / ред. Б. А. Воронин, К. П. Стожко, Н. Н. Целищев. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. аграр. ун-та, 2017. – 508 с.
10. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. В 3-х т. М., 1956. Т. 1. – 648 с. 648; т. 2. – 728 с.
11. Столыпин П. А Речи в государственной думе и Государственном совете 1906-1911. Нью-Йорк: Телекс, 1990. – 383 с.
12.Тэри Э. Россия в 1914 г. Экономический обзор: пер. с фр. Париж: YMCA-PRESS, 1986. Ч. 2. – 158 с.
13. Чаянов А. В. Избранные труды. М.: Финансы и статистика, 1991. – 432 с.
14. Сироткин В. Г. Великие реформаторы России. М., 1991. – 122 с.
15. Тимошина Т. М. Экономическая история России. М.: ИД «Филинъ», 1998. – 432 с.
16. Сидоровкин Г. П. Лев Толстой против Петра Столыпина: спор о земле // Гуманитарий. Актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2016. – № 4(36). – С. 72-78.
17. Щербина Ф. А. Крестьянские бюджеты // Антология социально-экономической мысли в России. Дореволюционный период. СПб.: РХГИ, 2000. – 832 с.

18. Елисеева И. И. Политика железнодорожных тарифов в России // История финансовой политики в России. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. С. 140-141.
19. Леднев В. П., Стожко К. П. Судьба России. В 3-х т. Екатеринбург: ИД Стягъ, 2011. Т.2. – 463 с.
20. Бокарев Ю. П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. М.: Наука, 1989. – 312 с.
21. Формирование сферы гражданской деятельности на Урале второй половины XIX – начала XX вв.: социальный аспект. Екатеринбург: Банк культурной инициативы, 2011. – 388 с.
22. Экономическое наследие Н. Д. Кондратьева и современность. Межвузовский сборник / под ред. Л. Д. Широкорада, В. Т. Рязанова. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1994. – 248 с.
23. Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989. – 492 с.
24. Исаев А.А. Артели в России // Антология социально-экономической мысли в России: Дореволюционный период. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С.423 – 493.
25. Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве // Антология социально-экономической мысли в России: Дореволюционный период. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С.390-422.
26. Воронцов В.П. Экономика и капитализм. Избранные сочинения. М.: Астрель, 2008. – 981 с.
27. Кондратьев Н.Д. Экономическое наследие Н.Д. Кондратьева и современность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. – 246 с..
28. Щеглов Ю.М. Жажда справедливости. М.: Политиздат, 1990. – 351 с.
29. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. В 4-х т. М.: Госполитиздат.Т.1. 1917 – 1928 гг. – 880 с.
30. Рыков А.И. Хозяйственное положение страны и выводы о дальнейшей работе // Рыков А.И. Избранные произведения. М.: Экономика, 1990. С. 207 – 231.
31. Мстиславский С. Голод // Большая советская энциклопедия / под ред. О.Ю. Шмидта. М.: Госиздат, 1930. Т.17.
32. Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 года: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 18 – 26.
33. Волков И.М. Засуха, голод 1946 – 1947 годов // История СССР. 1991. № 4. С. 3–19.
34. Перламутров В.Л. Перламутров В.Л. Финансово-денежная политика и рыночное реформы в России. М.: Экономика, 2007. – 281 с.
35. Историческая судьба России. К 1150-летию образования государственности в России (862-2012 гг.) / под ред. Н.Н. Целищева. Екатеринбург: Изд-во Уральского ГАУ, 2012. – 342 с.
36. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т.2. 1929 – 1945 гг. М.: Госполитиздат, 1957. – 888 с.
37. Дойчер И. Троцкий в изгнании: пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. – 590 с.
38. Стожко Д.К., Стожко К.П. История социально-экономической мысли России: XX век. Екатеринбург: Стягъ, 2014. – 586 с.
39. Милосердов В.В. Многострадальная судьба российского крестьянства. М.: Колос, 2010. – 83 с.
40. Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. Л.: Лениздат, 1985. – 107 с.

41. Зефиров М.В., Дегтев Д.М. Все для фронта. Как на самом деле ковалась победа. М.: АСТ, 2009. – 416 с.
42. Корнилов Г.Е. Бедность как образ жизни: уральская деревня в военные и послевоенные годы 1941-1953 // Уральский исторический вестник.2013. № 3. С.91-98.
43. Тимошина Т.М. Экономическая история России. М.: Филинъ, 1998. – 432 с.
44. Россия. Земля. Крестьянство. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Курган. Изд-во Курской ГСХА. 2009. – 497 с.
45. Кулешов С.В., Волобуев О.В. Наше Отечество. Опыт политической истории. В 2-х т. М.: Терра, 1991. Т.1. С.489 – 491.
46. Ларионов В.Г. Продовольственная безопасность России // Продовольственная политика и безопасность. 2015. № 291). С. 47 – 58.
47. Россия в цифрах. 2018: Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2018 – 522 с.
48.Экологические проблемы использования природных и биологических ресурсов в сельском хозяйстве. Екатеринбург: Изд-во Уральского ГАУ, 2013.- 200 с.
49. Бьюкенен П. Смерть Запада: пер. с англ. М.: АСТ, 2003. – 444 с.
50. Шабуров А.С., Хрущева М.И., Хрущев К.В. Социальное государство: Проблемы формирования и функционирования. Екатеринбург: АМБ, 2011. – 228 с.
51. Митин А.Н., Сычев М.В. О государственном регулировании и государственной поддержке в аграрном секторе экономики // Аграрный вестник Урала. 2008. № 12(54). С. 7-12.
52. Кузьмин А.И. Новая форма рураризации России: выход из депопуляции села // В кн.: Аграрно-правовая наука России: история и современность. Екатеринбург: Изд-во Уральского ГЮА; ИД Пироговъ, 2003. С. 269-274.
53. Хокен П., Ловис Э., Ловис Х. Естественный капитализм. Грядущая промышленная революция: пер. с англ. М.: Наука, 2002.- 459 с.
54. Россия в ВТО: год после вступления / под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина, В.М. Федорова. В 2-х т. Т.2. Ч.1. М.: Экономика, 2014. – 848 с.
55. Основы социального государства / под ред. К.П. Стожко. В 2-х ч. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2015. Ч.1.- 216 с.
56. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию // Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2013 г. Вып. 15. М.: Росинформагротех. 2014. – 268 с.
57. Селюнин В. Истоки / В. Селюнин. Истоки. Н. Шмелев. Авансы и долги. М.: Правда, 1990. – 512 с.
58. Булгаков С.Н. Капитализм и земледелие. В 2-х т. СПб.: тип. В.А. Тихонова, 1900. Т.2. – 468 с.
59. Стожко Д.К., Стожко К.П. Политическая экономия С.Н. Булгакова (к 150-летию со дня рождения) // Экономическая история. 2021. Т. 17. № 2. С.178 – 190.
60. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. – 492 с.
61. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М.: Юрайт, 2019. – 418 с.
62. Стожко К.П., Стожко Д.К. Проблема земельной ренты в контексте устойчивого развития аграрной экономики // Историко-экономические исследования. 2020. Т.21. № 2. С.274 – 303.

63. Дроздов В.В. Франсуа Кенэ. М.: Экономика, 1988. – 282 с.
64. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну: пер. с англ. Москва: Пресс-Традиция, 2000. – 384 с.
65. Кляйненберг Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность: пер. с англ. Москва: Альпина нон-фикшн, 2018. – 284 с.
66. Иохвидов В.В. Здоровый образ жизни в условиях социально-карантинных ограничений: итоги и ожидания // Гуманитарная парадигма. 2020. № 3 (14). С. 8–15.
67. Качество жизни: диалектика духовного и материального / под ред. К.П. Стожко. Екатеринбург: Изд-во Уральского института бизнеса, 2007. – 653 с.
68. Биктимирова З.З. Качество жизни: проблемы измерения и оценки // Экономика региона. 2005. № 2. С.147 – 162.
69. Бодрийяр Ж. Общество потребления: пер. с фр. Москва: АСТ, 2019. – 320 с.
70. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни: пер. с англ. Москва: Strelka Press, 2016. – 108 с. [Электронный ресурс]: https://strelkamag.com/ru/article/excerpt-urbanism-as-a-way-of-life
71. Жадан И.Э. Концепции теорий индивидуального и общественного благосостояния населения // Вестник Саратовского государственного университета. 2009. № 3. С. 26 – 31.
72. Чинакова Н.В. Экономика счастья: современные исследования и дискуссии // Мир экономики и управления. 2016. № 1.С. 101 – 115.
73. Здравоохранение: современное состояние и возможные сценарии развития. Материалы XVIII международной научной конференции. Москва: Высшая школа, 2017. – 54 с.
74. Беловодский А.А. Здравоохранение в России: проблемы и пути решения // Современные наукоемкие технологии. 2009. № 11.С.21-27.
75. Соломенцева Г. Здоровье нации – важнейший фактор национальной безопасности // Наука. Культура. Общество. Научно – общественный журнал. 2006. № 6. С. 44–45.
76. Ергунова О.Т., Стожко Д.К. Стратегический менеджмент в индустрии туризма, гостеприимства и ресторанного бизнеса. Екатеринбург: Изд-во Малахит и К °, 2019. – 238 с.
77. Эттингер Дж., Ситтинг Д. Больше … через качество: пер. с дат. Москва: Изд-во стандартов, 1968. – 92 с.
78. Кружкова Т.И., Рущицкая О.А. [и др.] Организация предпринимательской деятельности. Екатеринбург: Изд-во Уральского ГАУ,2019. – 268 с.
79. Ергунова О.Т., Стожко Д.К. Проблема социальной ответственности в современной туристической индустрии // Креативная экономика. Сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во УМЦ – УПИ, 2021. С.55 – 66.
80. Козубская В.И., Синицына С.В., Мажаева Т.В. Возможные механизмы мотивации участников оборота пищевой продукции в ее качестве и безопасности // Индустрия питания. 2019. Т. 4. № 1. С. 63 – 71.
81. Экологические проблемы использования природных и биологических ресурсов в сельском хозяйстве / под ред. И.М. Донник. Екатеринбург: Изд-во Уральского ГАУ, 2013. – 200 с.
82. Демина О.В. Эволюция подходов к регулированию рынка тепловой энергии // Журнал экономической теории. 2018.Т.15. № 3. С.496 – 505.

83. Пепина Л.А., Созонтова А.Н. Загрязнение атмосферного воздуха автомобильно-дорожным комплексом // Alfabuild. 2017. № 1. С. 99 – 110.
84. Химическое загрязнение биосферы и его экологические последствия. Москва: Изд-во МГУ, 2013. – 304 с.
85. Моисеев Н.Н. Быть или не быть человечеству. Москва: МНЭПУ, 1999. – 288 с.
86. Маркович Д.Ж. Социология труда: пер. с серб. Москва: Изд-во РУДН, 1997. – 511 с.
87. Исламутдинов В.Ф. Эволюционная экономика. Ханты-Мансийск: Изд-во ЮГУ, 2014. – 197 с.
88. Попова Е.В., Стрих Н.И. Практики экологического менеджмента в условиях циркулярной экономики в России и их влияние на финансовую результативность компаний // Управленец. 2021. Т. 12. № 2. С.17-34.
89. Бодрунов С.Д. Ноономика. Москва: Культурная революция, 2018. – 432 с.
90. Летягина Е.Н., Петрова В.И. Нейросетевое моделирование региональных инновационных экосистем // Journal of New Economy. 2021. Vol. 22. № 1. P. 71 – 89.
91. Кефели И.Ф. Асфатроника. На пути к теории глобальной безопасности. Санкт-Петербург: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. – 228 с.
92. Мороз В.В. Обзор зарубежных теорий креативности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 12. С. 35 – 41.
93. Кругляк Л.И., Суровцев М.А., Улитко И.С. Диджитализация современной экономики // Сб. ст. по материалам конференций: Социально-экономические и гуманитарные науки; Технические и естественные науки; Безопасность: информация, техника, управление. Москва: ИПНБ РАНХиГС, 2019. С.198 – 201.
94. Чирков Ю.Г. Время химер. Большие генные игры. М.: Академкнига, 3003. – 397 с.
95. Исторический опыт Великой Победы. Екатеринбург / под ред. О.Г. Лорентц, М.Ю. Карпухина, К.П. Стожко: Изд-во Уральского ГАУ, 2020. – 284 с.
96. Стожко К.П. Экономическая наука России в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Стягъ, 2010. – 305 с.
97. Зверев А.Г. Записки министра. М.: Политиздат, 1973. – 270 с.

9.4. Трансформация советской социально-экономической системы во второй половине XX века

Как гласит восточная пословица, «Нет ничего вечного в мире». К истории советской социально-экономической системы, возникшей в 1917 г. и просуществовавшей до 1991 г., это относится в полной мерее. На протяжении своей истории она прошла несколько этапов:

1) «военный коммунизм»;
2) «триумфальное шествие советской власти»;
3) новая экономическая политика;
4) коллективизация;
5) индустриализация;
6) «военная экономика»;
7) реконструкция советского хозяйства;
8) оттепель;

9) застой;

10) перестройка.

На всех этих этапах хозяйственное развитие подчинялось тем или иным экономическим законам. А советская власть стремилась осуществлять хозяйственную политику в соответствии с объективными требованиями, хотя не раз скатывалась к принятию и волюнтаристских управленческих решений.

Пожалуй, наиболее важным в контексте осмысления истории советской социально-экономической системы является вопрос об отношении советской власти к экономическим законам.

Экономические законы можно определить как законы поведения людей в качестве субъектов хозяйственной деятельности. Именно поэтому историко-социологическая трактовка законов развития формаций, государств, общества и цивилизаций в общемировой геополитике страдает большой неопределенностью и вероятностными погрешностями в определении тенденций и закономерностей научно-технического и социального прогресса стран мира.

И тем не менее в основе советской экономической политики практически всегда лежали именно экономические законы, среди которых:

– основной экономический закон социализма (неуклонного повышения благосостояния советского общества);
– закон планомерного развития экономики;
– закон стоимости;
– закон неуклонного роста производительности общественного труда;
– закон экономии времени;
– закон перемены труда;
– закон пропорционального развития экономики;

Вопреки существующему обывательскому представлению, далеко не все законы социально-экономического развития, открытые и сформулированные К. Марксом и В. И. Лениным, оказались на вооружении советской власти. Так, за рамками социально-экономической политики оставались такие законы, как закон тенденции нормы прибыли к понижению, закон конкуренции, закон убывающей полезности (производительности) и др. Советская власть дифференцированно и избирательно относилась к тому, чтобы определять место и роль конкретного экономического закона в их общей иерархии и воздействии на принятие управленческих решений.

Тем самым уроки исторического опыта развития советской социально-экономической системы требовали постоянного соотнесения политики и реального положения дел. Как утверждал В. И. Ленин, «так говорила нам история, так сказал нам объективный ход развития» [1, т. 44, с. 151.].

Можно сказать, что там и тогда, где и когда властные структуры отступали от требований экономических законов и позволяли себе прожектерские и явно утопические проекты и решения, экономика давала сбои. В рамках «переходного периода» таким «сбоем» послужила продразверстка, которую очень скоро пришлось заменить продналогом в силу того, что она привела к голоду 1921 г. В 60-х гг. XX в. таким сбоем стала «кукуризация» всей аграрной экономики, объявленная Н. С. Хрущевым, предписавшим товаропроизводителям повсеместно вместо традиционных зерновых культур сажать кукурузу. В 80-х гг. таким «сбоем» стала госприемка, внедренная по указанию М. С. Горбачева без учета уровня механиза-

ции и амортизационного износа основных фондов советских предприятий, не позволявших обеспечить высокое (сопоставимое с мировым) качество выпускаемой продукции.

В рамках «переходного периода» (1917–1929) в стране остро велись дискуссии о сущности и характере планирования, о соотношении плана и рынка, о сохранении товарно-денежных отношений и т. д. [2–4]. Одновременно наблюдались и отдельные «шарахания» и «перегибы» в области экономической политики, предлагались разные варианты построения социализма в стране [5]. Есть такие альтернативы и сейчас [6].

К 30–40-м годам в нашей стране, как известно, был построен так называемый «государственный социализм», который управлялся тоталитарно генеральным секретарем КПСС и его командой, а экономика была жестко централизованной. Справедливости ради надо признать, что были как большие неудачи, так и большие индустриальные успехи. В таком тоталитарном состоянии СССР вступил во Вторую мировую войну. В процессе построения «государственного социализма», видимо, нашел осуществление лозунг, или тезис, идущий от Никколо Макиавелли: «цель оправдывает средства» [7, с. 280–281]. В сталинской интерпретации он звучал так: «лес рубят – щепки летят».

В послевоенный период Советский Союз долго приходил в себя, так как экономические дискуссии были опасны для самих авторов. Тем не менее уже в конце 50-х гг. XX в. были попытки проведения экономических реформ. Можно вспомнить решение Н. С. Хрущева создать Совнархозы в регионах страны как дополнительный управленческий орган по защите интересов народонаселения областей от монопольного диктата промышленных министерств. Реформа А. Н. Косыгина (1965–1970) – это реформа хозрасчетного планирования и управления народным хозяйством Советского Союза. Суть ее заключалась во внедрении экономических методов в систему управления народным хозяйством страны; расширении хозяйственной самостоятельности предприятий, объединений и организаций; широкое использование форм и методов материального стимулирования [8, с. 98].

В 1979 г. была сделана еще одна попытка повернуть курс развития экономики в сторону формирования полурыночной смешанной экономики. Разработанная к концу 80-х гг. программа проведения реформирования экономики предполагала осторожные, но серьезные изменения: сохранялась плановость, вводились принципы полного хозрасчета (самоокупаемость, самофинансирование и т. д.), поэтапность реформ в области ценообразования и образования частных кооперативов [8, с. 95].

Но время было упущено: оппозиционные мнения набрали большую силу на всех уровнях власти, и правительство Гайдара и Чубайса, пришедшее к власти в 1991 г., объявило «шоковую терапию» в реформировании экономических и политических институтов страны. Финал известен – рухнула не только держава СССР как международный политический институт, но и экономика «приказала долго жить». Страна оказалась на распутье: куда двигаться, что делать, кто виноват? К этому времени в мировом, глобальном пространстве были научно разработаны и практически апробированы как минимум четыре модели рыночной (смешанной) экономики:

1) либеральная (англо-американская);
2) социально-демократическая (скандинавская);
3) социально ориентированная (европейская) в двух вариантах – германская (рейнская) и средиземноморская;
4) азиатская.

К сожалению, «диктатура пролетариата» в силу бюрократических традиций и привычек не выбрала ни одну из известных моделей смешанной экономики и дорого за это поплатилась в начале 90-х. Трудно винить в этом только высшее руководство, как это делается современными рыночниками – либералами. Как писал когда-то наш великий баснописец, нечего на зеркало пенять… А что касается высшего руководства, приведем только два примера. Характеризуя бюрократический аппарат новой власти, В. И. Ленин писал: «Нас затягивает паразитическое бюрократическое болото. Говорение о декретах, писание бумажек. Ведомства – говно; декреты – говно» [1, т. 44, с. 368–370]. А вот что заявлял руководитель Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) Ф. Э. Дзержинский: «В наши учреждения бросилась масса авантюристов с целью обделывать свои делишки» [9, т. 1, с. 273].

К сожалению, болезнь бюрократизма оказалась хронической. Несмотря на все политико-экономические издержки и упущенную выгоду, правительство Российской Федерации до сих пор не вполне определилось с выбором национальной модели рыночной или полурыночной экономики, а это на практике означает продолжение нестабильности в экономике и других сферах народно-хозяйственного комплекса. Страна в целом, как и любое предприятие (организация), жаждет иметь стратегические ориентиры, плановые прогнозы, цели и миссию. Так, с учетом тысячелетней ментальности народонаселения Российского государства, тех жертв, страданий и издержек, которые принял на себя наш народ, необходимо было давным-давно, еще в начале XX в., разработать программу и модель социально ориентированной рыночной экономики. Но специфика конкурентоспособности экономики России такова, что не было еще ни одного случая или временного промежутка, чтобы кто-то из промышленно развитых стран, в частности англосаксонских институтов государственности, перестал нарушать писаные и неписаные правила международной конкуренции, избрав главным врагом, жертвой и объектом эксплуатации (прямого или косвенного вредительства) нашу страну. Об этом красноречиво свидетельствуют официально объявленные экономические и политические санкции со стороны США и стран Европейского союза.

Таким образом, Россия уже в третий раз попадает в ситуацию определенного изоляционизма и международной холодной войны, что никак не может свидетельствовать об успешном количественном и качественном экономическом росте макро- и микроэкономических показателей на ближайшее будущее.

Опыт социально-экономических потрясений российско-советского государства однозначно убеждает в том, что первопричиной необходимости проведения экономических и политико-юридических преобразований в стране является идеологическая переоценка системы идеалов и ценностей общества. Другими словами, кардинальные преобразования социально-экономической системы всегда становятся следствием и результатом переоценки прошлого (давнего и недавнего) представителями всех классов, страт и слоев населения.

Сама же периодически повторяющаяся переоценка идеалов и ценностей в обществе со стороны «отцов и детей» разных поколений в каждой данной стране является объективной закономерностью, т. е. историческим и социологическим законом развития цивилизации.

Критическая переоценка, которую можно выразить тезисом «так дальше жить нельзя», возникает не сразу, а постепенно накапливается, как критическая масса физических величин. Так, в системе всеобщих экономических законов можно особо выделить закон физического, морального и функционального износа всех факторов производства. Такому износу подвержены не только научно обоснованные классиками факторы производства (труд, капитал, земля, товары и услуги), но и все относительные ценности и истины.

Стоит заметить, что абсолютные, вечные истины износу, как известно, не подлежат. Пояснить нужно также и то, что всеобщие экономические законы потому и называются всеобщими, что действуют во все времена у всех народов. Логика рассуждений на тему «почему случаются промышленные, технологические и социальные революции?» требует вспомнить резюмирующие мысли и тезисы великих классиков немецкой классической философии, например, гениального Гегеля, который по вопросу государства и права утверждал, что «все действительное разумно, а все разумное станет действительным» [10]. Вывод, исходя из содержания такого тезиса, достаточно понятен. Во-первых, реально существующая система институтов в государстве есть опредмеченная человеческим капиталом функциональная реальность, когда-то теоретически и научно обоснованная идея. Но поскольку все в обществе (государстве), как и в природе (космосе) обладает свойством изменяться и развиваться, то и она подвержена качественным (революционным) скачкам. Все в подлунном мире подчиняется законам диалектики. Государство как экономический, правовой и политический институт в качестве организма и системы также непрерывно совершенствуется и имеет жизненный цикл своего развития. Существует довольно известный афоризм: «Пока есть государство – нет свободы. Когда будет свобода – не будет государства» [11].

Жизненный цикл имеет не только само государство, но и его системные элементы, начиная с национальной экономики, которая образует сущность народнохозяйственного комплекса страны [12].

В свое время классики марксизма-ленинизма прекрасно понимали и доказали, что экономическая, политическая и идеологическая (надстроечная) системы (институты) неразрывно взаимосвязаны. Связаны потому, что составляют единое целое: общественно-экономическую формацию, ядром которой является способ производства. Человек (работник) был, есть и будет главной производительной силой общества, и по мере ускорения научно-технического прогресса роль и значение этой силы постоянно возрастает. На практике это означает, что все в большей мере, по экспоненте, растет влияние идеологической составляющей во всей системе социально-экономического типа хозяйствования. Идеологические институты, которые во все времена заняты оценкой качества системы идеалов и ценностей общества, тоже имеют свои закономерные жизненные циклы [13, с. 125–137].

Но на практике события в СССР в послевоенное время, то есть с начала 50-х гг. XX в., убедительно свидетельствуют о присутствии большого идеологического кризиса. Именно идеологический кризис после объявления в стране гласности и

перестройки обострился до критического предела: началась переоценка ценностей, разумности, полезности всего, начиная с однопартийности и идеалов коммунизма. Социалистические идеи, в основе которых лежали идеалы справедливости, правды и истинности, продолжали казаться незыблемыми.

После революции 1991–1994 гг. и эти последние идеалы были незаслуженно оклеветаны, оболганы и отвергнуты новыми вороватыми, жуликоватыми собственниками, оказавшимися во власти каким-то до сих пор не до конца выясненным образом.

В заключение хочется подчеркнуть наиболее важные моменты историко-экономических процессов, через которые пришлось пройти российскому народу. Опираясь на знание законов и закономерностей развития российской цивилизации, достаточно уверенно можно заключить, что революции совершались и будут совершаться. Главное, чтобы смена и ломка общественных устоев происходили эволюционным путем в более приемлемых для российского менталитета формах, а издержки упущенных возможностей были бы минимальны. Идеологические и классовые противоречия отменить невозможно, как невозможно отменить реалии эксплуатации со стороны частных больших собственников (работодателей), олигархов, представителей крупной буржуазии, с одной стороны, и мелких собственников или наемных работников, с другой. А вот снизить степень эксплуатации, уменьшить показатели социального и экономического неравенства (так называемые коэффициенты К. Лоренца, К. Джини и др.) вполне возможно, и эти рычаги и инструменты находятся в руках у государства.

Проблема состоит в том, что современное государство уже и не советское, и не социальное (вопреки конституционной декларации), и не социалистическое. Оно представляет собой новое образование, о котором активно дискутируют современные политологи. Но это отнюдь не означает, что опыт советского государства и развития советской социально-экономической системы не является актуальным и востребованным. Представляется, что современная модернизация российской экономики, нацеленная на ее превращение в эффективную и конкурентоспособную, вряд ли сможет обойтись без серьезного теоретического переосмысления и практического использования этого опыта.

Библиографический список

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1970. Т.44.
2. История политической экономии социализма / под ред. Л.Д. Широкорада. Л.: Изд-во Ленинградского государственного университета,1983. 606 с.
3. Маневич В.Е. Экономические дискуссии 20-х годов М.: Экономика, 1989.142 с.
4. Каким быть плану: дискуссии 20-х годов / сост. Э.Б. Корицкий. Л.: Лениздат, 1989. 224 с.
5. Стожко Д.К., Стожко К.П. К вопросу о построении рыночной экономики в России: исторические альтернативы (к 130-летию со дня рождения Н.И. Бухарина) // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2018. № 4. С.41-49.
6. Мельвиль А.Ю., Тимофеев И.Н. Россия 2020: альтернативные сценарии и общественные предпочтения // Полис, 2008. № 4. С.66–85.
7. Макиавелли Н.Б. Государь //Философская энциклопедия: в 5 т. / глав. ред. Ф. В. Константинов. М.: Советская энциклопедия, 1964. Т. 3. С. 280–281.

8. Макроэкономика: учебник / под ред. М. Альпидовская, Н. Цхададзе. Ростов н / Д: Феникс, 2017.
9. Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения. В 2-х т. М., 1957.
10. Гегель Г.В.Ф. Философия права. пер. с нем. / Под ред. Д.А. Каримов и В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990. – С. 279-378
11. Душенко К.В. Большая книга афоризмов. М.: Эксмо-Пресс, 2002. – С.176
12. Лавров В.Н., Семененко В.В. Методологические вопросы мероопределения в современной рыночной экономике // Журнал экономической теории. 2015. №1. С.30-39.
13. Лавров В.Н. Сбережения российского народа и национальная экономика // Экономические реформы в России: к 110-летию аграрной реформы П. А. Столыпина / под ред. Б.А. Воронина, К.П. Стожко, Н.Н. Целищева. Екатеринбург: Ажур, 2017. 508 с.

9.5. Труд в истории советской цивилизации

Советская цивилизация, что бы там ни говорили, дала миру феномен всеобщего и творческого труда. Именно благодаря ему Советский Союз стал великой и передовой державой. Во многом это объясняется тем, что в основе советской цивилизации, ее формирования и развития была заложена не только и не столько техника и технология, сколько глубокая духовная культура. В менталитете многонационального советского народа исторически сложилось устойчивое убеждение в том, что человек – это не телесное существо, обретающее по мере развития своей биологической формы определенный духовный опыт, а духовное существо, обретающее и осмысливающее в процессе своей жизнедеятельности физико-биологический (телесный) опыт. Жизнь духа как основа физического существования человека представлялась русским людям настолько очевидной и не требующей каких-либо особых доказательств, что на этой почве возникли и развились в качестве массовых феноменов такие явления, как служение, жертвенность, правдоискательство, нестяжательство. Идея духовной доминанты в понимании и решении проблемы человека красной нитью проходит через всю русскую философскую мысль.

Результатом этого стало формирование в России не техногенной цивилизации англосаксонского типа, а своеобразной культурогенетической цивилизации совершенно особого типа. Весь вопрос сегодня заключается в том, какая именно из двух указанных типов современных цивилизаций выиграет в историческом споре, идущем между ними уже не одно столетие.

Если воспользоваться терминологией Л. Гумилева, то любая цивилизация в своем развитии проходит ряд фаз: инерционную фазу, фазу обскурации и мемориальную фазу. В рамках его теории этногенеза можно предположить, что любая цивилизация рано или поздно погружается в мемориальную фазу и становится лишь этнографическим материалом для вновь появляющихся цивилизаций. Однако если для Л. Гумилева это было «очевидно», то для нас этот тезис– свидетельство глубокого заблуждения. Оно связано с тем, что культурогенетическая цивилизация ставится на один уровень с более примитивными техногенными цивилизациями, которые не содержат в себе источника саморазвития, и потому ищут его на сторо-

не. Англосаксонская цивилизация постоянно искала такой источник саморазвития то в африканских колониях, то в Новом Свете. Германская цивилизация, начиная с Тевтонского и Ливонского орденов и заканчивая Третьим Рейхом, – на Востоке. Римская цивилизация – в экспансии и захвате всего Средиземноморья. Монгольская цивилизация – в покорении Китая, Семиречья, Ближнего Востока, русских земель. Перечень таких техногенных цивилизаций достаточно обширен. Благодаря луку и стрелам (монголы), первым огнестрельным оружиям – мушкетам и карабинам (англосаксы), «Тиграм», «Пантерам», «Юнкерсам», «Мессершмиттам» и «Фоке-Вульфам» (немцы) техногенные цивилизации временно «расширяли» свое «жизненное пространство». Они осуществляли агрессию и экспансию (или иллюстрировали свою пассионарность, по Л. Гумилеву). И делалось это вместо того, чтобы «возделывать» и совершенствовать свое историческое и родовое «жизненное пространство» (или, выражаясь в терминологии евразийства, собственный *Heartland*). Исторической закономерностью такого «расширения» техногенных цивилизаций, их «экстенсификации» за счет захвата других территорий, народов и культур всегда служила гибель. Рухнули Римская империя, Арабский халифат, Австро-Венгрия. Где сейчас колониальные империи Бельгии, Великобритании, Германии, Испании, Португалии, Франции?

Разрушение Советского Союза – вопрос особый. Он погиб не столько в силу объективных причин, сколько в силу субъективных причин, связанных с амбициями и моральной деградацией политической элиты. Но и в этом случае перестройка сыграла свою роль, «выпустив джина из бутылки»: влияние западных (так называемых либеральных) «ценностей» на общественное и личностное сознание россиян оказалось губительным для страны. Подобно тому, как при переливании крови из одного организма в другой необходимо учитывать резус-фактор, при слиянии и развитии цивилизаций (независимо от способа такого слияния или объединения) необходимо учитывать культурный базис конкретных этносов, его качество, место и роль в развитии той или иной цивилизации.

Поэтому вряд ли стоит безоговорочно соглашаться с прогностическими суждениями А. Тойнби, согласно которым «к 2047 году различие, угрожающе заметное сегодня, между Западной цивилизацией как агрессором и другими цивилизациями как жертвами, вероятно, будет незначительным. Когда одни влияния будут гаситься контрвлияниями, главное, что будет иметь значение, – это единый великий опыт, общий для всего человечества: испытание, связанное с разрушением собственного локального наследия при столкновении с локальным наследием других цивилизаций, с поиском новой жизни – общей жизни, – возникающей на обломках» [1]. Интересно, что бы по поводу этих строк их автору сказали сегодня в Ливии, Сирии, Сербии и многих других странах?

Однако еще раз обратимся к Л. Гумилеву, который, также будучи явным сторонником «единого великого опыта», выделял три основных типа «взаимоотношений» между различными цивилизациями: симбиоз, ксению и химеру. Попытки некоторых исследователей в современных условиях «сочетать» русскую цивилизацию с европоцентризмом или встраивать ее в идеологию евразийства – это чистой воды химера, потому что между русской культурогенетической цивилизацией и многими техногенными цивилизациями Востока и Запада существует глубокое противоречие в присущих им системах базовых ценностей. Попытки

подмены одних базовых ценностей другими – все равно что прививка оспы телеграфному столбу: итогом является деградация, а в ряде случаев и последующая гибель, не только цивилизации-аттракта, но и цивилизации-объекта. Плачевный итог подобных цивилизационных «трансплантаций» могли бы сегодня оценить, например, инки и ацтеки, если бы они, конечно, остались живы. Тот факт, что в XX в. все-таки, вопреки автору «Майн Кампфа», выжили «неарийские» расы», мало чему учит сторонников межцивилизационного «развития».

В контексте этих суждений необходимо выделить еще два типа цивилизаций (коллективистский и индивидуалистский), используя теперь уже не критерий места и роли культуры в цивилизационном развитии, а соотношение индивидуализма и коллективизма в истории цивилизации. Индивидуалистский проект цивилизационного развития достаточно подробно проиллюстрирован во многих изданиях, начиная с книги «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебера и заканчивая книгой «Введение в философию истории» И. И. Ивина. Коллективистский проект развития цивилизации также достаточно полно отражен во многих работах разных исследователей. Среди них труды С. Н. Булгакова, А. И. Ильина, Н. О. Лосского, Н. Ф. Федорова, С. Л. Франка и др. Среди исследований уже XXI столетия – монографии Н. М. Чуринова «Совершенство и свобода» (2006) и В. Тростникова «Православная цивилизация» (2004).

Цивилизация, основанная на абсолютизации принципа индивидуализма, оказалась в начале XXI в., возможно, и более успешной. Но это только с точки зрения уровня потребления и развития технологий. Но она оказалась явно ущербной с демографической и социально-психологической точки зрения. Не говоря уже о культуре, морали, нравственности. На почве индивидуализма возникли «одномерное общество» потребления, «эйфория в условиях несчастья», «преобладание репрессивных потребностей». При этом чем «более рациональным, продуктивным, технически оснащенным» становится такое общество, «тем труднее представить себе средства и способы, посредством которых индивиды могли бы сокрушить свое рабство и достичь собственного освобождения» [2].

Оказавшись «перед судом истории», техногенные цивилизации обнаружили не только свою «внешнюю», но и «внутреннюю» порочность». Это относится как к прежним, старым западным цивилизациям (романо-германской и англо-саксонской), так и к новоиспеченным. Такие сложились, например, в странах-«драконах» Азиатско-Тихоокеанского региона. Симбиоз европейских и традиционных для этих стран ценностей как одна из форм межцивилизационного «взаимодействия» уже доказал свою порочность во многих сферах жизни азиатских сообществ.

Это важно иметь в виду потому, что многие азиатские цивилизации в отличие от западных сложились все-таки под влиянием культа труда. Труд как одна из высших ценностей всегда играл исключительно важную роль в развитии цивилизаций Китая, Индии, Японии. Это же обстоятельство характерно и для России, в которой труд рассматривался как средство духовного возрастания, нравственного спасения, как подвиг, как служение, как «соборное бытие людей».

В противоположность этому западно-европейские цивилизации всегда были и остаются до сих пор цивилизациями-«вампирами», которые культ труда подменяли культом торговли. Только если раньше торговые компании Европы торговали рабами и чужими колониальными товарами, теперь они торгуют технологиями и «сво-

ими» товарами, произведенными трудовыми мигрантами: арабами во Франции, турками в Германии и т. д. Просто раньше «Ост-Индская компания» (1602) или «Вест-Индская компания» (1621) грабили Моллуккские или Зондские острова, вывозя оттуда в огромных объемах перец, корицу, гвоздику и мускатный орех. А теперь «Эксон-мобил», «Шеврон» или «Бритиш-петролуем» грабят весь мир, «выкачивая» из других стран нефть, газ, металлы и другие полезные ископаемые. Вампир на то и есть вампир, что ему всегда необходима свежая кровь в виде новых ресурсов, которые можно «прихватить» у более слабых соседей. Ничего не изменилось в характере техногенных цивилизаций, кроме масштаба того ущерба, который они наносят другим цивилизациям и народам. Поэтому крайне опасным является появление российских корпораций, созданных по «западным образцам», для которых максимизация прибыли является главной, если не единственной, целью.

Иное дело – традиционная исторически сложившаяся русская цивилизация. Это цивилизация труда. В отличие от спекулятивной «хрематистики», свойственной западным цивилизациям, российская цивилизация всегда была иной. Труд в русском обществе был не только и не столько средством добывания благ, сколько образом жизни, а значит, и высшей социальной ценностью. «Одной из мифологем постмодерна является исключение труда из системы социальных ценностей» [3]. В истории русского народа труд был способом самореализации личности, преодоления ею рамок повседневности, выхода в сферу реального творчества, способом удовлетворения и достижения счастья. Принцип счастья в советском обществе рассматривался как высший мотив трудовой деятельности советского человека. И это верно. Известно, что Левша у Н. С. Лескова и блоху-то подковал не за вознаграждение, не ради денег, а из профессиональной гордости и удовольствия, а также чтобы «аглицким» мастерам «нос утереть». Рассуждая о «рабочей гордости», известный экономист и социолог начала XX в. П. Тимофеев писал о том, что у «российских заводских рабочих была своя «ахиллесова пята» – гордость своею специальностью, «рабочая честь» [4]. Подчеркнем, не «грех гордыни», а гордость и честь. Но и не это даже было главное. Главное состояло в том, что для православного русского человека труд – это «божественное установление». Причем не наказание за «первородный грех», а нравственная норма. «Цель труда – не человеческое признание, а сам труд, поскольку не работать и жить за чужой счет стыдно» [5]. Для русского человек труд – средство нравственного спасения. Ни в одном европейском философском или теологическом трактате не найти сколько-нибудь развернутого и убедительно изложенного тезиса о том, что труд – средство нравственного спасения человека.

Кроме того, труд для русского человека – это едва ли не единственный способ осуществления русским человеком его самоопределения и социального самоуправления, т. е. обретения подлинной, а не мнимой, не мифологизируемой демократами и либералами различных мастей свободы. Свобода представлялась русскими людьми как широкое социальное (мировое, мирское) самоуправление. Основой такого мирского самоуправления в нашем обществе исторически служили труд, трудовая традиция, трудовой опыт. Вместо наемного характера труда в европейских странах труд крестьянина-общинника или рабочего-артельщика был в России самоорганизованным, самоуправляемым, саморегулируемым. Даже в условиях господства крепостного права мирской сход и крестьянская община решали важные социальные и хозяйственные вопросы. Именно поэтому лжена-

учными выглядят некоторые попытки западных и отечественных прозападных историков отождествлять античное рабство и крепостное право. И хотя крепостное право ограничивало свободу крестьянина-труженика, в организации своего труда он был достаточно свободен. В отличие от современного формализма нашей доморощенной бюрократии российские помещики в своем большинстве полагались на крестьянскую общину и не лезли «со своим уставом в чужой монастырь». Потому-то большинство помещичьих хозяйств России в XVIII–XIX вв. были центрами землепашества, сельского хозяйства.

Еще более интересен опыт развития артельного труда в России. Этот опыт свидетельствует о самостоятельности работников артели и о непосредственно общественном характере труда в артелях. Больше того, основным признаком организации трудовой артели в России традиционно считался принцип равноправия и равенства ее участников [6]. Поэтому справедливо следующее суждение: «Заимствование в конце XIX в. из Западной Европы демократических традиций не стало благом для России» [7].

Труд русского человека был органично встроен в его духовный мир, который выражался особым «духовным кодом». Именно представители идеал-реалистского направления в истории русской философской мысли посвятили много работ его исследованию. Этот «духовный код» представлял собой сизигию (термин В. С. Соловьева и П. А. Флоренского). Он включал в себя ценности православия, традицию (преемственность духовного и хозяйственного опыта поколений), самобытность народа (его ментальность, образ жизни), его патриотизм (прежде всего, державное мышление), соборность, коллективизм, богатую культуру и направленность на творчество [8].

Ценности духовной культуры русского народа всегда служили основой его трудового самосознания и трудовой нравственности. Даже в отношении к собственности русский человек руководствовался соображениями трудовой морали. Так, рассуждая о частной собственности, И. А. Ильин, по существу, имел в виду именно трудовую собственность. Он писал: «Частная собственность вызывает в человеке инстинктивные побуждения и духовные мотивы для напряженного труда, для того чтобы не щадить своих сил и творить лучшее» [9]. Такая «частная» собственность, «политая потом и кровью труженика», – это трудовая собственность, основанная на осуществлении своего, а не наемного, не чужого, труда.

Огромное уважение к труду как средству нравственного спасения человека позволило русским философам, представителям идеал-реализма, сформулировать особое учение о духовной диалектике труда. Особенно ярко эта идея звучит у С. Н. Булгакова, который утверждал, что «хозяйство было бы невозможно и непонятно вне предположения о том, что существует трансцендентальный носитель хозяйственной функции» [10]. Выделяя понятие «хозяйственный труд», он писал: «Но как цель хозяйства сверххозяйственна, так и происхождение хозяйственного труда лежит за пределами истории и хозяйства в теперешнем смысле. Этому последнему иерархически и космологически предшествует иное хозяйство, иной труд, свободный, бескорыстный, любовный, в котором хозяйство сливается с художественным творчеством» [11].

Рассматривая труд как синоним творчества, С. Н. Булгаков оставался в рамках церковного учения о том, что подлинным творцом является все-таки Бог. Но по-

скольку Бог создал человека по своему образу и подобию, то труд человека «уподобляется Божьему промыслу» – творчеству.

Итак, в русском идеал-реализме труд предстает не просто как инновационный хозяйственный процесс, не как технологический уклад, а как процесс созидания самого человека. Сущность труда трактовалась как «духовное делание» (И. А. Ильин), «работа со смыслами» (В. С. Соловьев), «накопление в себе сил добра» (С. Л. Франк), «жизнь не по лжи» (Л. Н. Толстой), «поиск абсолютных оснований добра» (Н. О. Лосский). Труд в философии идеал-реализма выступает в своей нацеленности на творчество, на создание совершенного, на одухотворение. И не только внутреннего мира самого человека, но и окружающего его внешнего мира. И поэтому та идеальная реальность труда, которую выражают посредством высших ценностей бытия представители идеал-реализма, позволяет сделать вывод о том, что их понимание сущности труда и его значения в жизни людей было гораздо более глубоким, нежели то, что мы наблюдаем у представителей техногенных цивилизаций. Однако вся проблема сегодня заключается в том, что под натиском пошлой и весьма примитивной трактовки сущности труда западными философами-постмодернистами, в общественном сознании россиян происходит трансформация самого знания о труде и связанная с этим девальвация ценности труда.

Для научного понимания сути современной метаморфозы труда огромное значение имеет именно ценностный подход. И здесь вновь необходимо определиться с тем, что понимается под словом «ценность». Понятие «ценность» в отличие понятия «благо» выражает принципиально иную связь индивида и мира. В случае с благами мы имеем в виду, как правило, мир вещей, в случае с ценностью – мир людей. Отношение индивида к вещи характеризует ее как благо, отношение между индивидами «по поводу» вещи – ценность. Если благо для одного представляет собой ценность, то оно и для другого индивида будет представлять ценность, но при этом может утратить ранг блага. Так, селедка в горчичном соусе не является благом для язвенника, но он хотел бы оказаться в состоянии (иметь возможность) этот продукт употреблять в пищу. Поэтому в магазине селедка имеет свою цену (оценку ценности) вне зависимости от того, кто ходит в этот магазин.

Если вместо селедки использовать другой объект, например, власть, то ситуация ничуть не изменится. «Власть человека над человеком – явление противоестественное, безнравственное и омерзительное. Быть человеком – значит быть личностью, а быть личностью – значит быть неподвластным» [12]. Однако власть – ценность. Ее не просто ценят субъективно, она является ценностью объективно, то есть вне зависимости от воли и желания отдельного человека. При этом она отнюдь не априори благо, поскольку часто используется во вред.

И здесь особое значение для понимания ценности имеет фактор принадлежности. Не случайно церковь во многих странах заявляла, что всякая власть «от Бога». Именно принадлежность переводит «чистые» формы идеального бытия в конкретное бытие исторических форм. Это означает, что то обстоятельство, кому принадлежит то или иное благо, опосредует его ценность. Лекарство в руках ребенка или пистолет в руках умалишенного по определению превращаются из блага в свою противоположность. В силу конкретной своей принадлежности они утрачивают свою истинную ценность, становятся «отрицательными ценностями». Н. О. Лосский писал: «Когда я мысленно абстрагирую (отвлекаю) от состава кон-

кретного бытия отношение принадлежности, я имею в сознании общее многому. Общность сознаваемого предмета не создается моим абстрагированием, она принадлежит самой природе такого предмета, как отношение принадлежности» [13].

Исторически человек принадлежит к категории трудящихся существ. Поэтому с исторической точки зрения труд является главным условием его существования. Однако, помимо этого обстоятельства, следует иметь в виду и тот факт, что труд представляет собой способ существования человека, поскольку именно посредством труда человек развивается, формирует свои потребности и осуществляет удовлетворение своих потребностей. Когда речь идет о предчеловеке, то форма его жизнедеятельности выражается отношением С – О. Предчеловек живет непосредственно в самой природе, он не отделяет себя от нее. Однако по мере развития самого человека возникает феномен труда. Изначально суть труда заключается не в пассивной деятельности по добыче неких благ (собирательство), а в активной деятельности по их добыче посредством определенных средств (орудий) труда. Тем самым жизнедеятельность человека как субъекта трудовой деятельности выражается формой С – Ор. т. – О. Создание орудий труда потребовалось не только в связи с определенными внешними изменениями в биогеоценозе (вымирание мамонтов и динозавров, освобождение саванн для предчеловека), но и в связи с определенными внутренними изменениями в самом человеке (переходом от однофазового мышления по принципу «я – природа», к двухфазовому мышлению, по принципу «я – орудие труда – природа». «Прежняя непосредственная связь С – О как бы разрывается вклинившимся в нее орудием труда» [14].

А если так случилось, то труд оказался ключевым обстоятельством в антропогенезе. Вряд ли можно согласиться с суждением, согласно которому «трудным делом, т. е. собственно „трудом“, для человека было, конечно, не изготовление орудия, хотя только оно, не требуя почти никаких физических усилий, выводило его из животного состояния, а как раз вся та его деятельность – поиски пищи, разделка туши, защита от врагов и т. п., – в ходе которой он вновь превращался в обезьяну» [15].

В этом суждении обращает на себя внимание ложное допущение о том, что создание орудия труда не было трудом как таковым. Подобная трактовка понятия «труд» сугубо спекулятивна и не соответствует самому содержанию труда не исторически, ни логически. Создание орудия труда – прямая функция труда, без реализации которой труд как таковой состояться не может. Поиск пищи или защита от врагов в гораздо меньшей степени могут рассматриваться как труд, чем изготовление орудий труда. Скорее это виды человеческой деятельности, поскольку их результатом не являлось создание нового блага или ценности. Защищаться от врагов без оружия или разделывать тушу без орудия труда столь же бессмысленно, как и отрицать роль труда в жизнедеятельности человека.

Иное дело – вопрос о том, какой именно труд в структуре совокупного общественного труда превратил человека в человека. В. Мерцалов невольно отметил, что изготовление орудий труда было сложным не столько физически. Отсюда напрашивается вопрос: а почему изготовление орудий труда было трудным или сложным? Ответ очевиден: потому что он был трудным процессом с умственной, интеллектуальной точки зрения. Для первобытного человека мысленное усилие было гораздо более сложным, чем применение мускульной силы. Но и толчок для развития такое усилие давало несопоставимо более сильный. И тут не поиск пищи

главное, хотя «голод – не тетка». Но почему-то подавляющая часть животных в поисках пищи осталась на прежней ступени своего развития. Тогда как человек, приложив умственное усилие, вырвался из тисков примитивного животного существования. Следовательно, именно умственный труд даже в условиях примитивного первобытного существования людей уже был главным по определению. Ведь сначала нужно было смоделировать в мыслях это самое орудие труда. Одно дело – заостренная палка. Но совершенно другое дело, когда речь идет о «ручном рубиле» – камнях, которым придавали форму миндалин с заостренными камнями. С этой целью их обивали другим камнем. Причем результат такой обработки получался не сразу, он сначала проецировался в сознании первобытного питекантропа. Заостренную палку можно было в принципе отыскать в природе. Но «ручное рубило» – результат трудовой человеческой деятельности. Чтобы в течение длительного времени его изготовить, человеку понадобились воображение и воля. Поэтому безосновательно и ненаучно утверждение о том, что «изготовление орудия не поглощало ни больших сил, ни большого времени предчеловека» [16]. Какой бы простой ни казалась современному человеку техника выработки каменных орудий труда, для первобытного человека она была не просто сложной, а революционной (палеолитическая революция).

С экономической точки зрения «ручное рубило» было примитивным благом, но его изготовление превращало его в значительную ценность. Некоторые члены первобытного общества, много лет занимаясь изготовлением таких орудий труда, накапливали в этом деле свой опыт. Они быстрее других справлялись со своей работой. Таким образом, общественное разделение труда обнаруживается уже у питекантропов, хотя их обычно называют «доисторическими людьми» на том основании, что объем их мозга составлял 850 см^3 против 1400 см^3 у современного человека.

В. Мерцалов полагает, что нельзя называть трудом производство орудий труда для собственного потребления. Он утверждает, что только производство блага для другого человека является трудом. «Это особого рода деятельность, для обозначения которой требуется и особое слово. Но поскольку его нет, воспользуемся тем, что есть, и назовем ее словом „труд“» [17]. И далее: «Нетрудно заметить, что такое ее наименование хорошо согласуется с терминологией классической политической экономии, в которой „труд“ – это производство товара, т. е. блага, создаваемого именно для обмена, а не для собственного потребления» [18]. Здесь В. Мерцалов подменяет более общее понятие «труд» более конкретным понятием «наемный труд», который действительно складывается в товарном производстве. Но это отнюдь не означает, что в условиях первобытно-общинного строя или эпоху натурального хозяйства труд как таковой отсутствовал. Это подтверждает А. Смит, когда пишет о том, что в первобытном некультурном состоянии общества именно соотношение между количеством труда, необходимым для добывания различных предметов, служило единственным условием для выработки правил обмена [19]. Это также не означает, что, когда домохозяйка ведет свое хозяйство или огородник выращивает для себя овощи, они не трудятся. Труд «на себя» точно также является трудом, как и труд «на другого». Труд «на себя» осуществляется в условиях простого общественного разделения труда, когда само производство как таковое не развито. Это означает, что человек может самостоятельно произвести все необходимые для его существования блага. По мере развития общественно-

го разделения труда от «простого» к «сложному», труд «на себя» превращается в труд «на другого». Он еще не приобретает капиталистически товарную форму наемного труда, однако уже выступает как общественно полезная деятельность именно в силу своей ориентации «на другого». Здесь даже пороки и недостатки конкретного субъекта труда оказываются нивелированными. «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими собственных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших надеждах, а об их выгодах» [20].

Итак, труд – это не просто производство «товара», а создание человеком блага. Товарную форму благо приобретает в определенных социально-исторических условиях. Что же касается труда как такового, то даже в условиях товарного капиталистического производства он не является товаром, не получает товарной формы. Такую товарную форму приобретает рабочая сила, то есть способность к труду, определенное свойство работника. Труд как процесс нельзя продать (и, следовательно, купить как товар) не только потому, что он процесс, который не упакуешь в таре, но и в силу того, что его опредмечивание (интериоризация) в продукте также не имеет ни одного грамма вещества. Результат общественно-необходимого труда – стоимость, которую не намажешь на бутерброд. Поэтому товар и труд – это, как говорят, две большие разницы. Труд на себя и труд на общество («на другого») представляют собой две стороны одного и того же труда, а не разные модальности труда.

В. Мерцалов игнорирует эти обстоятельства. Отсюда труд у него всегда есть производство товаров. Более того, раз товарное производство характеризует определенный характер социальных отношений, то и социальные отношения автор определяет как «отношения безразличия человека к человеку». Налицо не просто редуцированное понимание труда, а сведение общего к частному на почве самой тривиальной дизъюнкции.

На наш взгляд, основной причиной подмены понятий в данном случае выступает расплывчатое представление о труде как ценности, а если быть точнее, весьма поверхностное представление о ценностях, лежащих в основе трудовой деятельности. Вместо ценностного подхода предлагается принцип безразличия. Вместо социальной интерпретации трудовой деятельности – антисоциальный, индивидуалистический подход. «Нередко термин „социальное“ ассоциируется с представлением о некоей врожденной тяге людей друг к другу и ставится в связь с понятиями «помощь», «забота», «защита» и т. д. В действительности ничего подобного это понятие не предполагает… Кто изготовил вашу мебель, кто испек для вас хлеб, кто ведет трамвай, на котором вы едете, – ни имена, ни судьбы этих людей вас никогда не интересовали, они всегда были столь же безразличны вам, как и вы – им. В этом заключается совершенство социального отношения. Ибо только безразличие является нержавеющей связью, которая не прерывается от перемены эмоциональных отношений людей…» [21].

При таком подходе нельзя всерьез требовать от бизнеса или от политики социальной ответственности, от своих коллег по работе – элементарной дисциплинированности и уважительности. Но очевидно, что это не так. Досужие рассуждения В. Мерцалова отражают уровень его собственной социальной зрелости (незрелости) и ничего более. Печально, что такие суждения протаскиваются на страницах

открытой печати и преподносятся в ней как истина в последней инстанции. Что В. Мерцалову К. Маркс или Ф. Энгельс? Он «сам себе режиссер».

Читаем далее предлагаемую «режиссуру» труда: «…Мы можем признать, что деятельность социального человека трудом не является. Впрочем, это старая проблема, на которую общественная наука лишь по неряшливости не обращает внимание. Ведь „труд“, о котором писал К. Маркс, анализируя его двойственный характер и видя в нем субстанцию стоимости, и „труд“ обезьяны, на основе которого представители „синтетической“ теории строят свою концепцию антропогенеза, тем более „труд“ пчелы или бобра – это не более чем омонимы. Поскольку ни пчела, ни бобер не являются субъектами деятельности и не обладают соответствующими субъектными свойствами (сознательное целеполагание, продуктивно-творческое воображение, свобода выбора и проч.), то в рамках своей «деятельности» их нельзя обозначить ни как С – субъект, ни как О – объект труда.

Иное дело – человек, который даже на ранних стадиях своего антропогенеза уже характеризуется как «человек разумный». «Деятельность „дочеловека“ (С – О), „предчеловека“ (С – Ор – О), человека „социального“ (С – С) и „постсоциального“ (С – О – С) различается настолько глубоко, что каждая из них должна была бы иметь собственное наименование. Однако их, этих наименований (для его деятельности – авт.), нет, и поэтому приходится выбирать, в каком случае использовать термин „труд“. Как сказано, в данном случае мы его резервирует для личностной формы деятельности. Итак, труд возникает лишь на личностной ступени развития человека. Труд создает предмет обмена. А этот предмет имеет два назначения. Во-первых, …он может изменять свою потребительную форму на любую другую… Во-вторых, то, которое выражается в его способности удовлетворять чужую потребность» [22].

Разберемся по порядку. Ф. Энгельсу инкриминируется некая синтетическая теория. В. А. Мерцалов «запамятовал», что эту теорию в начале XX в. предложил М. И. Туган-Барановский. Ф. Энгельс к ней никакого отношения не имел. Далее, жонглируя понятиями «дочеловек», «предчеловек», «социальный человек» и «постсоциальный человек», автор не желает видеть ничего общего между ними, в том числе в их продуктивно-творческой деятельности. Поэтому он «резервирует» за собой право называть трудом исключительно личностную деятельность, тогда как общественный характер труда им отвергается напрочь. И, наконец, пассаж о том, что труд «создает предмет обмена», который обладает свойствами изменять свою «потребительную форму» и удовлетворять «чужие потребности». Но предметом обмена может быть и ракушка, обнаруженная на пляже. При чем же тогда здесь труд? Тот факт, что продукт труда может изменять свою «потребительную форму», то есть просто сгнить или сломаться, не дает ровным счетом ничего для понимания сущности труда. Таким образом, о труде написано много, написано с пафосом, но написано глупо. А уж отрицать «абстрактный» труд только на том основании, что в деятельности «дочеловека» и «постсоциального человека» имеются глубокие различия, это все равно что отрицать общую природу млекопитающих на том основании, что состав молока у каждого из них особый и кормят они своих детенышей по-разному.

Иное дело, если мы обратимся к ценностному аспекту труда. Выявив общее ценностное основание трудовой деятельности, мы сможем любые виды и формы

труда идентифицировать, не вступая в схоластические споры. Если мы будем отталкиваться от того, что труд – это сознательная деятельность, свойственная только человеку вне зависимости от конкретно-исторических уровней развития его, человека, сознания и обусловленная самим фактом наличия у него сознания как такового, то «труд бобра» или «труд пчелы», о которых повествует В. Мерцалов, можно будет отнести на счет развитости его собственного сознания.

Кроме того, труд, как признает сам В. Мерцалов, «служит средством самопознания, самореализации, самоопределения личности». Но личность – это результат не изолированного или «космического» развития, а продукт развития именно социальных отношений. Если такие отношения суть отношения безразличия, то и личность оказывается какой-то уродливой. О каком же самопознании и самоопределении такого уродца можно вести речь? Тут явно что-то хромает: либо представления В. Мерцалова о личности, либо о социальных отношениях. А может быть, и то, и другое.

И здесь мы сталкиваемся с необходимостью выяснить суть ценностного понимания и самой личности, и общества как такового, и труда. Ценность есть степень соответствия наличного бытия к абсолютному бытию. Этот тезис принадлежит Н. О. Лосскому, одному из наиболее ярких представителей русского идеал-реализма. Используя понятия «реальное бытие», «конкретно-идеальное бытие» и «отвлеченно-идеальное бытие», он писал: «Реальное бытие, характерная черта которого есть временная или пространственно-временная раздробленность, не может быть самостоятельным: сама раздробленность есть некоторый вид систематического единства, условием которого служит идеальное бытие. Таким образом, реальное бытие существует не иначе как на основе бытия идеального… Мировоззрение, утверждающее этот тезис, можно назвать идеал-реализмом» [23]. Переложив это суждение на исследуемую нами проблему, мы обнаруживаем идеальное бытие стоимости и реальное бытие труда. Реальность процесса труда проявляет себя в «производных ценностях». Однако высшие смысл и значение труда все-таки находят свое выражение в идеальном его бытии – в трудовой стоимости. «Значение и смысл есть идеальный аспект ценности» [24].

Идеальный аспект бытия труда отражает созидание добра. «Благо» и «ценность» выступают лишь операционально-предметными воплощениями «добра» посредством придания ему определенных значений и смыслов. Так, понятия «пользы» или «необходимости» характеризуют именно операционально-предметные воплощения «добра» в духовной и социальной жизни человека. Но само понятие «добро» – это «абсолютная самоценность», которая, согласно Н. О. Лосскому, «имеет характер добра с любой точки зрения, в любом отношении и для любого субъекта» [25].

Труд как «абсолютная самоценность» есть ценность для любого субъекта (дочеловека, предчеловека, социального человека и т. п.). Труд как конкретное реальное бытие человека есть создание им необходимых для жизни материальных и духовных благ. А это само по себе уже предполагает поиск и нахождение (обретение) человеком его (добра) абсолютных оснований: любви, веры, надежды, красоты. Вот почему нельзя ограничивать понимание трудовой стоимости исключительно количественным анализом общественно необходимых затрат труда. Необходимо выявить ценностные качественные его основания, без которых и вне которых на-

учное понимание трудовой стоимости подменяется вульгарным и пошлым представлением о ней, а понятие труда элиминируется различного рода доводами в защиту его сугубо индивидуалистической «принадлежности».

Подчеркнем, что именно *духовный труд* как «работа со смыслами» (В. Соловьев), как «духовное делание» (И. А. Ильин), как «накопление в себе сил добра» (С. Л. Франк) рассматривался представителями отечественного идеал-реализма в качестве ценностной основы всей трудовой деятельности человека. Для осуществления такого *духовного труда* одинаково важными являются и научный поиск, и молитва, и новация, и традиция. Именно *равновесие* между всеми компонентами духовного труда повышает социальное самочувствие человека, делает его *оптимистическим*, когда личность ощущает свою сопричастность миру, верит в будущее, настроена на созидание, нацелена на осуществление добра. Нарушение же *равновесия* между компонентами духовного труда ведет к появлению *пессимистического* социального самочувствия, которое проявляется в нигилизме, неверии в будущее, в чувстве утраты перспективы, постоянном ощущении собственной ненужности и бесполезности.

Духовный труд представляет собой напряжение не только человеческого ума, но и человеческого сердца в поиске возможностей реализовать естественную способность личности к созиданию добра. Именно напряжение ума и сердца создают тот необходимый настрой души, который созидает дух, т. е. *создает* его предметность в деятельности человека, наполняет ею человеческие поступки, вводит ее в человеческую материально-предметную практику. Наполнение высшим (сакральным) смыслом результатов обычного физического труда посредством «духовного делания» означает, что вещи (артефакты) и институции (нормы), создаваемые человеком, приобретают некий *духовный смысл*, совершенно определенное моральное, нравственное, этическое и эстетическое значение. И тогда не только кадило или хоругвь, алтарь или дарохранительница становятся сакральными по своему смыслу вещами, но и все те вещи (блага), в которые человек вложил свою душу, свое сердце будут произведениями как его физического или умственного труда, так и труда духовного.

Прав был И. А. Ильин, когда утверждал: «Хозяйствуя, человек не может не сживаться с вещью, вживаясь в нее и вводя ее в свою жизнь. Хозяин отдает своему участку, своему лесу, своей библиотеке не просто время и труд; он не только „поливает потом“ свою землю, дорабатывается до утомления, до боли, до ран на теле; он *творчески* заботится о воем деле, вчувствуется в него, радуется и огорчается, болеет сердцем <…> Это означает, что человек связывается с вещами не только „материальным“ интересом, но и волей к совершенству, и *творчеством*, и любовью» [26]. В этих суждениях русского философа звучит манифест человеческому труду, трудовой собственности, творчеству цельной личности. Поэтому можно на полном основании сделать вывод о том, что, когда духовность пронизывает трудовой потенциал личности, этот (трудовой) потенциал реализуется в виде социального творчества. Взятый вне духовности и без духовности трудовой потенциал личности обрекает ее (личность) на рутинный и бездарный труд, на элементарно репродуктивное существование. И хотя *любой* труд *достоин* человека потому, что само достоинство человека по отношению ко всему определяется именно характером и содержанием человеческого труда (как родовой характеристикой самого

человека), именно *творческий труд*, детерминированный абсолютными духовными ценностями, отражает *высшую* (предельную) *меру* (степень) самоопределения и самореализации личности.

Библиографический список

1.Тойнби А. Цивилизация перед судом истории: пер. с англ. М.: «Прогресс» – «Культура».1996. С.130.
2.Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества: пер. с англ. М.: «REFL-book» 1994.С.8,9.
3.Марцева Л.М. Труд в системе философского знания // Русское самосознание.2006. № 12. С.78.
4.Тимофеев П. Чем живет заводской рабочий // Антология социально-экономической мысли в России. Дореволюционный период. СПб.: РХГИ. 2000. С.746.
5.Марцева Л.М. Труд в контексте российской цивилизации. Социально-философский анализ. Омск: ОмГУПС.2002. С.189.
6.См.: Исаев А.А. Артели в России // Антология социально-экономической мысли в России. Дореволюционный период. СПб.: РХГИ. 2000.С.429-432.
7.Салохин Н.П. Самоуправление и самоорганизация труда в русской национальной традиции // Русское самосознание. 2007. №13. С.164.
8.См.: Качество жизни: диалектика духовного и социального / под ред. К.П. Стожко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та бизнеса. 2007.–652с.
9. Ильин И.А. О частной собственности // Русская философия собственности. XVIII-XX вв. СПб.: Ганза. 1993.С.120.
10. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. С.94.
11. Там же. С.123.
12.Мерцалов В. Логика антропогенеза. Происхождение человека еще не завершено. СПб.: Алетейя. 2008. С.67.
13.Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика. 1995. С.203.
14. Мерцалов В. Указ. соч.С.36.
15. Там же. С.37.
16. Там же. С.38.
17. Там же. С.54.
18. Там же.
19.Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов // Антология экономической классики. М.: ЭКОНОВ. 1993.С.103.
20. Там же. С.91.
21.Там же. С.46.
22. Там же. С.54.
23.Лосский Н.О. Указ. соч. С.197.
24.Лосский Н.О. Ценность и бытие // Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М.: Республика. 1994. С.286.
25. Там же. С.288.
26.Ильин И.А. О частной собственности // Русская философия собственности. XVIII-XX вв. СПб.: Ганза, 1993. С.125.

Глава 10. Межнациональные отношения в Советском Союзе

10.1. Опыт федерализации и формирования интернациональных отношений

Вопросы федерализации и пути интернационального опыта. В формировании многонационального государства российского государства ключевыми проблемами для сохранения целостности страны являлись вопросы, связанные с необходимостью учета интересов этнонационального характера и принципов субсидиарности (разделение полномочий между разными уровнями власти). Эти проблемы становились для нашей страны актуальными на переломах истории, особенно в периоды, когда общенациональные противоречия не только приводили к кризису власти, но и грозили потерей суверенитета.

Без понимания и знания факторов, повлиявших на выбор конкретной модели нового типа многонационального государства, каким стало советское государство в 1922 г., дать объективную оценку такой форме государственности невозможно. Как бы ни выстраивались оценки в современной историографии советского периода, очевидно, что большевики смогли вовремя и правильно определить принципы устройства нового государства, найти способы, которые позволили связать общегосударственные и национально-региональные интересы в масштабах огромной страны и тем самым, создать условия для укрепления его суверенитета и обеспечить относительно стабильное функционирование в сложнейших условиях 1920-х гг.

В основе решения оказалось умение политического руководства страны найти правильное соотношение между принципами социалистической государственности и учета проблем многонациональности. Фундаментом создания союзного государства стало решение национального вопроса на принципах федерализма и интернационализма. При этом большая часть исследователей, рассматривая так называемый советский проект, акцент делает на событиях собственно 1922 г.

На наш взгляд, предпосылки и причины выбора государственного устройства многонациональной страны стоит рассматривать в историческом плане с событий, предшествующих 1917 г. и с учетом анализа концепции национально-государственного устройства, определившей программу и деятельность такой политической партии, как РСДРП (б). Ни одна из всероссийских партий до 1917 г. не смогла выработать проекты новой структуры управления государством, составленного с учетом региональных и национально-региональных особенностей, кроме большевиков. А в России, где русские к началу XX в. составляли больше 40 % населения страны, недоучет настроений национальных окраин неизбежно привел бы к поражению любой политической партии. На 125 млн 640 тыс. 21 жителя (без Финляндии) национальный состав определялся в ходе первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. посредством вопроса о родном языке. Ответы на него выявили следующую этнолингвистическую структуру: великорусский язык назвали родным 55,7 млн человек, или 44,3 % жителей, малорусский – 22,4 млн (17,8 %), польский – 7,9 млн (6,3 %), белорусский – 5,9 млн (4,7 %), еврейский – чуть более 5 млн (4,0 %). При этом великороссы, малороссы и белорусы официально рассматривались как триединый русский народ, что позволяло считать «большую русскую нацию» доминирующей среди прочих этнических групп, населявших Россию. Всего переписью было зафиксировано около 150 различных

языков и наречий на которых говорили в России. Из других лингвистических групп, населявших империю, крупнейшей (13,6 млн, или 10,8 %) были носители тюркских языков: татары, башкиры, узбеки, кара-киргизы (киргизы), киргиз-кайсаки (казахи) и др. Далее следовали народы, говоривших на финно-угорских языках (финны, карелы, эстонцы и др.) – 3,5 млн человек, или 2,8 %. Население Кавказа составляло 2,4 млн человек, или 1,8 %. Также в Российской империи насчитывалось около 1,8 млн немцев, являвшихся влиятельной этнической группой. Из них 165,6 тыс. составляли остзейцы, проживавшие в прибалтийских губерниях, а остальные были выходцами из различных германских государств или их потомками, выходцами из различных германских государств или их потомками. В упомянутое выше сословие «инородцев», насчитывавшее 8,3 млн человек, включались далеко не все подданные нерусского происхождения. Таковыми не считались представители этносов, проживавших в Европейской России, например, эстонцы или татары. Напротив, в них включались «туземцы» Средней Азии и Казахстана, горцы Северного Кавказа, а также коренные жители Сибири и Дальнего Востока.

Таким образом определяющей была историческая и цивилизационная близость той или иной этнической группы к государствообразующему народу империи, то есть русским. Стоит согласиться с автором, который пишет, что «…этот, казалось бы, чисто статистический вывод имел большие последствия для дальнейшей политической истории России, поскольку все возникшие вскоре политические силы должны были выработать свой ответ на „национальный вопрос“. Различные формы его постановки и не менее различные варианты ответов вращались вокруг вызовов модернизации в условиях мультиэтничной империи: как именно интегрировать в ее общественно-политический, экономический и культурный механизм такое количество этнических сообществ, находящихся на разных уровнях социокультурного развития и различным образом связанных с общеимперским развитием?» [1].

Необходимо отметить, что до 1917 г. развитие российской государственности по факту проходило в унитарной форме. Государственная структура Российской империи была достаточно сложной: 74 губернии, 20 областей, 2 округа, 8 генерал-губернаторств, 9 градоначальств. Некоторые регионы были автономны. Например, Финляндия – княжество, которое вошло в состав России в 1809 г., – имела свой законодательный сейм, гражданство, аппарат управления, таможню, полицию, суд, свой язык и денежную единицу, хотя официально считалась частью империи. Попытки разрешить противоречия, связанные с обострением национальных отношений и укрепить административно-территориальную целостность государства, более активно стали предприниматься еще до 1917 г. [1], особенно процесс ускорили события Первой революции 1905–1907 гг. и революционные февральско-мартовские события 1917 г.

Необходимо стало учитывать усиление влияния националистических настроений и стремление формирующихся национальных элит на самоопределение. При этом в ряде национальных окраин российской империи партии возникли раньше, чем в центре страны. Так, к началу 1905 г. было создано 47 национальных партий и только четыре общероссийские партии.

Значительную роль стали играть среди национально-освободительных движений Национальная лига в Польше, Польская социалистическая партия (ППС), во

главе которой встал Ю. Пилсудский, Литовский социал-демократический союз, Белорусская социалистическая громада, Армянская социал-демократическая партия «Гнчак», армянский революционный союз «Дашнакцутюн», Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (БУНД) и другие. Деятельность Национальных советов в Латвии, Эстонии, Литве, Грузии, Армении, Азербайджане, на Северном Кавказе, в Киргизии и Среднем Поволжье; Рады на Украине и Белоруссии; Сфатул Цэрия в Бессарабии; Курултая в Крыму и Башкирии; автономного правительства в Туркестане и других организаций, имевших цель создать свои национальные государства в условиях утраты влияния центральной власти после свержения монархии в марте 1917 г., поставила Россию на грань развала.

При этом национальная буржуазия, представители которой и встали во главе этих организаций, выступали с лозунгом освобождения от национального гнета то царизма, то уже после Октябрьских событий – Советов. Право наций на самоопределение толковалось как право национальной буржуазии на окраинах взять власть в свои руки и стремление использовать кризисную революционную ситуацию для образования «своего» национального государства. По мере политического ослабления центральной власти националистические настроения и движения начинали оказывать все более усиливающееся влияние на общественно-политическую жизнь не только в национальных окраинах, но и в стране в целом.

Среди представителей националистических движений исследователи отмечают, что политическая партия, которая ставила цель захвата власти, должна была искать компромисс с той тактикой национального самоопределения, которая предусматривала сохранение целостности России на принципах федерализма. Такой политической партией стала РСДРП (б). Тем более, несмотря на стремление националистически настроенной региональной элиты, история России «обязывала» учитывать общность исторической судьбы всех населяющих ее народов. Несмотря на сепаратистские настроения части представителей национальных движений, объективно в период 1917–1920-х гг. предпосылки для объединения различных этнических групп на территории России все-таки были связаны с осознанием общей коллективной идентичности. Стоило учитывать, что и большинство национальных партий выступало или за автономию, или за федерацию в рамках России.

Сегодня затушевываются такие понятия, как братство, интернациональное единство. Но в конкретных исторических обстоятельствах осознание принадлежности к единому политическому сообществу больше создавало условия для объединения, чем для отделения. С момента вхождения различных народов в Россию и присоединения к ней новых территорий их объективно связывала общая историческая судьба, в условиях постоянной миграции ассимиляция усиливалась, складывалась единая хозяйственная система, основанная на разделении труда между территориями всего государства, формировался общероссийский рынок, налаживались культурные, языковые и другие связи. Соотношение центростремительных и центробежных тенденций, которые вступили в определенное противоборство друг с другом, определялось совокупностью многих обстоятельств: длительностью совместного «проживания» различных народов, наличием компактно заселенной территории, численностью конкретной этнической группы, прочностью «сцепления» их связей, наличием или отсутствием в прошлом своей государственности, традициями, своеобразием уклада, национальным духом и т. д.

На наш взгляд, категорически нельзя согласиться с теми, кто и сегодня спекулирует на сравнении Российской империи с колониальными империями начала XX в.: в отличие от стран, где колонизация приводила к сильнейшей эксплуатации коренного населения, иногда вплоть до его истребления, в России отсутствовал прямой геноцид по отношению к другим этническим группам, оформился полиэтнический характер заселения присоединяемых территорий. Конечно, отношения национального неравенства и насильственное русификаторство в царской России были, но была и другая тенденция: сохранить административно-территориальную целостность государства. Геополитическое положение определяло, что имперские связи были не только отношения подчинения, но и сотрудничества и защиты народов (в первую очередь на окраинах страны) от любой внешней агрессии.

Это, кстати, стало основой добровольности решений о присоединении к России как в XI–XIII вв., так и в XX в. При этом стоит отметить, что именно российские социал-демократы называли страну «тюрьмой народов» и всячески подчеркивали негативные стороны политики русификации и другие проявления великодержавного шовинизма. Именно это предопределило у идеологов данной партии установку на поиск такой формы национально-государственного устройства социалистического государства, при которой право наций на самоопределение будет выстраиваться на основе отмены всех национальных привилегий и ограничений. Но, несмотря на декларации по отмежеванию от политики царской России, при создании нового государства ведущие теоретики партии, конечно, учитывали и традиции совместного проживания на одной территории многочисленных народов, и способы межнационального урегулирования.

Более подробно об этом пишет В. Я. Гросул в своей монографии: «Русские революционеры, взяв на вооружение теорию марксизма, получили тем самым и ключ к пониманию национального вопроса вообще и национального вопроса в России в частности. Перемещение центра мирового революционного движения в Россию, многонациональный характер российского государства, особая острота межнациональных отношений в условиях перерастания капитализма в империализм требовали от русских революционеров дальнейшего развития марксистской теории по национальному вопросу и применения ее в конкретных исторических условиях. Важнейшая роль в решении этой задачи принадлежит В. И. Ленину. Понимание развития его взглядов по национальному вопросу чрезвычайно важно также и для осознания будущих принципов и конкретной практики государственного строительства в стране после 1917 г. и в частности в 1922 г., когда создавался СССР. Их действенность особо осознается при сравнении национальной программы большевиков с программой и конкретной практикой царских властей, потерпевших поражение по многим причинам, в том числе и по идеологическим. Не сработали ни ставка на ассимиляцию, ни планы создания большой русской нации (с включением в ее состав украинцев и белорусов» [2].

Не стоит соглашаться с утверждением некоторых исследователей, что уже к осени 1917 г. у большевистской партии имелась довольно четко разработанная программа по национальному вопросу. Необходимо отметить, что у большевиков не было вплоть до 1922 г. единства по решению национально-государственного устройства страны. Да, в 1918 г. в условиях Гражданской войны и начавшейся интервенции активизировались поиски оптимальных вариантов национально-госу-

дарственных форм объединения республик, где устанавливалась советская власть. Выработке какого-либо общего мнения в рядах самой большевистской партии мешали как собственно сами события гражданской войны, так и разногласия в идейно-теоретических подходах. Но при всех разногласиях в рассуждениях идеологов и лидеров партии ясно прослеживалась тенденция к организации сильной центральной власти и ограничению политико-правового статуса автономных национальных районов на основе принципа интернационализма («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»), принципа права наций на самоопределение вплоть до отделения и принципа федерализма, или союзного государства.

В то время это был оптимальный вариант построения взаимоотношений с многочисленными народностями огромной страны под названием Россия. На территории страны проживало 185 наций и народностей. Большевистская партия сумела привлечь на свою сторону значительные массы нерусского населения страны к концу 1917 г. (по национальному составу сама партия состояла из русских более чем на 66 %). Необходимость совместного противостояния перед лицом враждебного внешнего окружения привела к созданию военно-политического союза таких республик, как РСФСР, Украинской, Белорусской, Азербайджанской, Армянской и Грузинской советских республик, а также Бухарской и Хорезмской советских народных республик. Кстати, одной из причин победы большевиков и в Октябрьской революции, и в Гражданской войне стало привлечение к созданию Красной армии выдающихся командиров разных национальностей: И. Вацетиса, М. Фрунзе, Г. Гая (Бжишкяна), А. Иманова, В. Киквидзе, А. Корка, Г. Котовского, Ю. Коцюбинского, С. Лазо, А. Немитца, А. Пархоменко, Р. Сиверса, С. Тимошенко, И. Уборевича, Я. Фабрициуса, Н. Щорса, И. Якира и др. «Ни белые, ни розовые (меньшевики и эсеры), ни зеленые, ни черные (анархисты) столь видных командиров, представлявших различные народности страны, не дали» [3].

А кто же был во главе тех теоретиков и практиков, которые возглавили процесс объединения? Среди них, конечно, в первую очередь В. И. Ленин, И. В. Сталин. Но обязательно стоит назвать и Х. Г. Раковского, и М. В. Фрунзе, и К. М. Цинцадзе, и Б. Г. Мдивани, и М. Х. Султан-Галиева и других. При этом мы знаем об активном участии этих представителей в дискуссиях по национальному вопросу в начале 1920-х гг. Но недостаточно изучен оставленный ими теоретический багаж, их участие в реализации советского проекта на территориях своих республик. Изучение опыта и роли национальной политической элиты в создании советского государства требует самостоятельного изучения. Так, в этой главе анализируется опыт Казахстана.

В современной науке в развитии федерализма в России традиционно выделяют этап 1918–1936 гг. Именно в этот период проходило создание основ социалистического федерализма. Но не стоит забывать, что мощный толчок формированию федеративного государства на базе союзной и автономной государственности народов бывшей Российской империи дала Декларация прав народов России от 2 (15) ноября 1917 г., провозгласив равенство и суверенитет всех народов, ликвидацию всех привилегий и ограничений, связанных с принадлежностью к той или иной нации, и право последних на политическое самоопределение. Ссылаясь на решения съездов Советов о праве наций на самоопределение, в Декларации, которую подписали В. И. Ленин и И. В. Сталин, провозглашалось, что в основу своей

деятельности по вопросу о национальностях России будут положены следующие начала:

1) равенство и суверенность народов России;

2) право народов России на свободное самоуправление вплоть до отделения и образования самостоятельного государства;

3) отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений;

4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России. Советская Российская Республика учреждалась на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик. Параллельно шел процесс создания многих республик как по национальному (Украинская, Белорусская, Молдавская и др.), так и по территориальному (Одесская, Донецко-Криворожская и др.) принципам.

Но от декларации надо было переходить к практическим шагам. Здесь хочется отметить, что начало 1920-х гг. – это период поиска оптимальной экономической модели, которая бы позволила за короткий срок обеспечить восстановление экономики и социальную стабильность по окончании Гражданской войны и интервенции, укрепить авторитет советской власти на местах. Это период внутрипартийных дискуссий, когда разногласия среди лидеров партии переместились в сферу поиска путей дальнейшего развития. Различия во взглядах касались вопроса о том, можно или нельзя построить социализм в одной стране, а если нельзя, то как и каким образом удерживать подступы к мировой революции; можно или нет осуществлять «экспорт» революции в другие страны, какими путями и способами.

Сильно расходились точки зрения и по вопросу о темпах и методах строительства социализма, об отношении к отдельным классам и слоям советского общества. Сформировалось два основных направления: так называемое ортодоксальное (Л. Д. Троцкий) и национал-большевистское (Н. И. Бухарин, И. В. Сталин). Первое направление исходило из необходимости подготовки мировой революции и невозможности построения социализма в одной стране. Второе акцентировало внимание на необходимости установления социально-экономической стабильности и создания внутренних условий для построения социализма в СССР. Уход из политической жизни В. И. Ленина только активизировал борьбу внутри партийного руководства.

Государственное строительство на территории бывшей Российской империи осуществлялось после событий 1917 г. в двух основных направлениях. Во-первых, на основе провозглашенного советской властью права наций на самоопределение вплоть до отделения происходит выделение из состава России вновь образовавшихся независимых государств: Финляндии, Польши, а также выделение советских республик – Украинской, Белорусской, Азербайджанской, Армении и др. При этом независимые советские республики одновременно провозглашали установление федеративных связей с Российской Советской Республикой. Во-вторых, происходит изменение внутренней государственной структуры России. Российское государство – это образование, в которое входят автономные республики и области, созданные по национально-территориальному принципу. Внимание молодого советского государства к национальным отношениям в стране подтверждалось и тем, что в составе первого советского правительства был

предусмотрен Наркомат по делам национальностей (Наркомнац), который возглавил И. В. Сталин и который просуществовал до 1923 г. Параллельно в ноябре 1917 г. среди отделов, созданных во ВЦИК, создается также отдел по национальным вопросам, руководителем которого назначается М. С. Урицкий. Несколько позднее, в конце декабря 1917 г., этот отдел слился с Наркомнацем. Наркомнац способствовал организации национальных республик и областей, проводил работу с национальными кадрами. Наркомат состоял из различных комиссариатов (Польского, Литовского, Мусульманского, Еврейского, Армянского, Белорусского и др.) и отделов (Киргизского, Марийского, Украинского, Эстонского и др.), издавал специальный журнал «Жизнь национальностей», публиковал литературу на различных языках, подготавливал программные документы по национальным отношениям, участвовал в формировании национальных частей Красной армии. Численность Наркомнаца возросла с нескольких человек в ноябре 1917 до 875 сотрудников в 1921 г., не считая местных отделов и учебных заведений, существовавших при нем [4]. В советской доктрине длительное время господствовал тезис о необходимости создания федерации по национально-территориальному признаку. Такой способ построения федерации рассматривался как лучший и перспективный способ решения национального вопроса при условии компактно проживающих в стране крупных наций (этносов). Основу организации федеративного устройства составляет именно федерализм, но связанный с принципами пролетарского интернационализма.

В известном лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» не только была сформулирована программа в области межнациональных отношений («соединяйтесь»), но и определены стимулы его развития, а также его целевая установка, состоящая в создании условий социально-экономического переустройства общества, успех которого, в свою очередь, создает предпосылки для решения национального вопроса в новых исторических условиях. Таким образом, этот лозунг определенно указывал на подчиненное значение национального вопроса социальному в деле социально-экономического и политического преобразования общества. Едва ли не наиболее ярко эта установка была выражена И. В. Сталиным во время дискуссии на XII съезде РКП (б) по вопросу об образовании СССР. Поставив вопрос о связи и соподчиненности национального и социального вопросов в социалистической революции, он сказал: «...в национальном вопросе есть свои пределы. Это важный вопрос. Но есть другой вопрос, более важный, и вопрос [этот] о власти рабочего класса... вопрос национальный есть подчиненный вопрос в отношении к вопросу рабочему» [5].

Есть и другая грань у этой проблемы. Еще в ходе Гражданской войны во многих национальных регионах сформировались собственные национальные коммунистические партии. Имея одну цель и общих врагов, к тому же ратуя за интернационализм, эти национальные партии вступили между собой в теснейшее взаимодействие. Постепенно были объединены военные, хозяйственные и финансовые функции национальных компартий, центром этого объединения стала самая мощная – Российская коммунистическая партия (РКП (б)). Однако это объединение не было легитимным и полностью централизованным, что не устраивало ЦК РКП (б), поэтому для полного слияния всех республик была создана согласительная комиссия.

Проект, предложенный главой комиссии Сталиным, предусматривал полное подчинение национальных регионов России. Согласно этому плану «автономизации», республики входили в РСФСР на правах автономий, теряя всякую самостоятельность. Недовольство республик этим планом вынудило Ленина пойти на компромиссное решение. Республикам было предложено не войти в Россию, а объединиться с ней, имея свое представительство в высших органах власти и право при желании покинуть Союз.

Это предложение устроило всех, и ленинский план стал основой Союзного договора. Исключением стало название, оно было оставлено в сталинском варианте – СССР. Предложенное Лениным название Союз Советских Республик Европы и Азии было отвергнуто по причине нежелания большинства ЦК ограничиваться только этими двумя континентами. Планировалось по мере победы социализма включать в СССР все новые и новые республики. 30 декабря 1922 г. на Первом Всесоюзном съезде Советов было решено, что РСФСР, Белоруссия, Закавказская Федерация (объединившая Азербайджан, Армению и Грузию) и Украина, подписав Союзный договор, образовали новое государство – Союз Советских Социалистических Республик (СССР). Так в 1922 г. впервые была реализована идея создания союзного государства на национально-территориальной основе. В 1924 г. в СССР вошли Туркмения и Узбекистан (включавший в себя и Таджикистан). Казахстан и Киргизия входили в состав РСФСР. В Конституции СССР, принятой 31 января 1924 г. на Втором съезде СССР, за каждой республикой сохранялось право свободного выхода из Союза, а территория любой республики не могла быть изменена без ее согласия. Эти права на деле были чисто декларативными (условными), так как вся власть в республиках принадлежала коммунистическим чиновникам, а они были строго подчинены ЦК, находившемуся в Москве.

С полным основанием можно согласиться с мнением большинства современных исследователей, что пока власть в стране принадлежала наднациональной структуре – компартии, распад СССР был невозможен. На наш взгляд, необходимо определить соотношение принципов формирования абсолютно новой, еще нигде в мире не апробированной формы социалистической государственности и принципов интернационализма. Интернационализм, как и дружба, сотрудничество, предполагает обоюдное стремление к поддержанию данных отношений [6].

На соответствующие отношения могут рассчитывать лишь те национальные и социальные силы, которые сами пытаются решить свои национальные и социальные проблемы с позиций интернационализма и не препятствуют такому решению их другими. Тем не менее реализация принципов интернационализма шла на идеологической классовой основе в интересах пролетарских слоев. С позиций сегодняшнего дня очевидно, что рано или поздно могли возникнуть проблемы социально-политического характера, связанные с амбициями республиканской элиты. Образование СССР не было только навязанным сверху актом большевистского руководства. Это одновременно был процесс объединения, поддерживаемый «снизу». Это уже стало очевидно и в ходе обсуждения проектов и отразилось и на работе последующих за съездом конференций и различных совещаний. Для объединения народов России в государство, бесспорно, существовали объективные предпосылки, имеющие глубокие исторические, экономические, политические и культурные основания. Для образования национальных государств нужно много

благоприятствующих факторов, которые в редких случаях оказываются в наличии совместно: это заинтересованность международного сообщества или группы влиятельных государств, историческая территория; экономические, политические, демографические и другие предпосылки и, что немаловажно, уровень демократизма государствообразующей нации, из состава которой выделяется данная нация. Как правило, люди стремятся к национальной самостоятельности в тех случаях, когда их социально-политические, религиозные или культурные права ущемляются по причине принадлежности к другой нации или этнической группе.

Для более объективной оценки происходивших изменений в России необходимо учитывать сложившуюся после окончания Гражданской войны конкретную историческую ситуацию как внутри страны, так и на международной арене. При этом не стоит забывать, что у политических лидеров Советского государства не было ни развитой теории, ни опыта создания новых общественных отношений, ни кадров для решения этих проблем. Имелись лишь самые общие подходы марксизма к проблеме переходного периода (так трактовался социализм), да и то применительно к западному капитализму. Прежняя концепция интернационального (совместно с пролетариатом Европы) перехода к социализму, опираясь на базу развитого европейского капитализма, оказалась отодвинутой ходом истории – поражением пролетарских революций в Европе. История поставила более сложную задачу – выработать пути развития к новому общественному устройству в России, оставшейся в капиталистическом окружении. При этом приходится соглашаться с мнением, высказанным еще в конце 1990-х гг., что «…сложилась парадоксальная ситуация, когда решение важнейших проблем отечественной истории (в том числе и НЭПа) во многом обуславливается выбором того или иного подхода (формационного, цивилизационного, культурно-системного и др.), что, несомненно, ограничивает видение исторического процесса во всей его целостности» [7].

Как правило, характеризуя проблемы национально-территориального устройства советского государства, сравнивают проекты В. И. Ленина и И. В. Сталина. Вопрос о форме объединения независимых советских республик большевики начали активно обсуждать летом 1922 г. В августе была учреждена партийно-государственная комиссия во главе с наркомом по делам национальностей И. В. Сталиным. Проекты, вносимые на рассмотрение комиссии, содержали предложения о создании федеративного государства на разных объединительных основах. Один подход представлял собой идею расширения существующей федерации путем предоставления Украине, Белоруссии, закавказским республикам статуса автономий в составе РСФСР, другой подразумевал модернизацию существовавшей системы договорных отношений между независимыми республиками и РСФСР. Сторонником автономизации независимых от РСФСР советских республик был И. В. Сталин. В проектных тезисах он изложил мысль о том, что советские республики – Украинская, Белорусская, Азербайджанская, Армянская и Грузинская – должны войти в состав РСФСР на автономных началах [8, с. 192].

Руководители национальных республик по-разному относились к варианту объединения, предложенному И. В. Сталиным. Проект автономизации поддержали Закавказский краевой комитет РКП (б) и центральные комитеты компартий Армении и Азербайджана. В частности, Закавказский краевой комитет РКП (б) одобрил тезисы о политическом, военном и хозяйственном объединении Закавказской

Федерации с РСФСР. Пленум ЦК компартии Армении и Ереванский комитет единогласно приняли тезисы И. В. Сталина о политико-экономических взаимоотношениях советских республик. Пленум ЦК Азербайджанской компартии признал необходимость более тесного объединения Советского Азербайджана с Россией и выступил за создание единой Советской Федерации, подчеркнув своевременность формального закрепления единства Азербайджана с Россией на началах широкой автономии.

Иной точки зрения придерживались руководители Грузии. Грузинская сторона настаивала на том, чтобы советские республики вошли в состав союзного государства на принципах равноправия. Поэтому 15 сентября 1922 г. Центральный комитет компартии Грузии признал преждевременным «…предлагаемое на основании тезисов тов. Сталина объединение в форме „автономизации“ независимых республик». Большевики Грузии приветствовали объединение хозяйственных усилий и проведение общей политики, но при условии сохранения всех атрибутов независимости национальной советской республики. Отложить обсуждение тезисов И. В. Сталина об автономизации независимых советских республик попытались и руководители Украины, предложившие перенести совещание по вопросу о взаимоотношениях с РСФСР с 22 сентября на 15 октября. 3 октября Центральный комитет компартии Украины открыто выступил против плана автономизации, не обозначив приемлемый для Украины способ объединения советских республик. Белоруссия вслед за Украиной отвергла план автономизации, считая целесообразным установление между комиссариатами Белоруссии и комиссариатами РСФСР отношений, аналогичных существующим между РСФСР и Украиной. Таким образом, руководители Белоруссии настаивали на развитии практики договорных отношений.

Альтернативный вариант объединения советских республик был разработан В. И. Лениным под влиянием дискуссии, развернувшейся в партии. В письмах к членам Политбюро ЦК РКП (б) «Об образовании СССР» и «К вопросу о национальностях или об автономизации» В. И. Ленин подверг критике предложение И. В. Сталина о вступлении в состав РСФСР Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении на правах автономий. В. И. Ленин раскритиковал идею Сталина и выступил за равноправные союзные отношения, выдвинув свой «федеративный план». Ленин настаивал на заключении между республиками равноправных договоров с возможностью присоединения к Союзу в будущем некапиталистических стран Европы и Азии. Это предусматривало создание новой Конституции и образование федеративных органов власти с представительством от всех республик.

В. И. Ленин расценил идею автономизации самостоятельных национальных республик как отступление от принципов пролетарского интернационализма, находящееся в противоречии с задачами дальнейшего укрепления дружбы советских народов, их сплочения и сотрудничества в строительстве социализма. Соглашаясь с оппонентами И. В. Сталина в том, что «…вся эта идея „автономизации“ в корне неверна и несвоевременна», союзное государство В. И. Ленин предлагал строить на принципах добровольности и равноправия. Союз Советских Социалистических Республик должен был объединить на добровольной основе равноправные социалистические республики. Ленинская модель федеративного государства предусматривала создание новых высших органов государственного управления и не

требовала полного подчинения органам власти и управления РСФСР государственных структур независимых советских республик. Очевидно, что данный проект в большей степени отвечал потребностям национальных республик, т. к. 6 октября 1922 г. Пленум ЦК РКП (б) принял решение об объединении советских республик в союзное многонациональное государство, а также признал необходимым заключение договора между ЗСФСР, Украиной, Белоруссией и РСФСР об объединении их в Союз Советских Социалистических Республик с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава Союза. Консолидирующую роль в рядах большевиков, придерживавшихся строгой партийной дисциплины, сыграло решение Пленума ЦК РКП (б) о признании резолюции об отношениях РСФСР с независимыми Советскими Социалистическими Республиками, разработанной И. В. Сталиным, Г. К. Орджоникидзе, А. Ф. Мясниковым, В. М. Молотовым директивой. Пленум одобрил предложение членов комиссии ЦК по вопросу о порядке формирования руководящих органов союзного государства. Высшим органом власти СССР становился Союзный ЦИК, в состав которого вводились представители РСФСР, Украины, Белоруссии и ЗСФСР пропорционально представляемому ими населению, а исполнительным – Союзный Совнарком, назначаемый ЦИК СССР. Для разработки конституционных основ СССР была создана комиссия в составе Л. Б. Каменева, Г. Л. Пятакова, А. Н. Рыкова, Г. В. Чичерина, М. И. Калинина, а также государственных деятелей Украины, Грузии, Азербайджана, Армении и Белоруссии. Председателем был назначен И. В. Сталин.

Работа комиссии осуществлялась в соответствии с концепцией В. И. Ленина о союзном государстве. В письме «К вопросу о национальностях, или об „автономизации“», посвященном проблеме взаимоотношений между народами советского государства, В. И. Ленин требовал, чтобы идея равноправия народов не была извращена. По его мнению, следовало точно определить и гарантировать права союзных республик, сохранив полную независимость народных комиссариатов, в ведении которых находились внутренние дела республик. Он предлагал вопрос о форме объединения деятельности республиканских наркоматов представить на коллективное обсуждение союзных республик, хотя прекрасно осознавал необходимость создания единых союзных наркоматов обороны и иностранных дел. В. И. Ленин подчеркивал, что подлинный интернационализм пролетариата ранее господствовавшей нации состоит в особо бережном и внимательном отношении к национальным традициям и чувству собственного достоинства ранее угнетенных народов.

В ноябре 1922 г. на заседании Политбюро ЦК РКП (б) получили одобрение «Основные пункты Конституции СССР», на базе которых в декабре специальная комиссия Центрального комитета РКП (б) разработала проекты Декларации и Договора об образовании СССР. В проекте Декларации об образовании СССР были отражены как принципы объединения независимых республик, так и особый характер национальной политики советского государства. Республики, объединяющиеся в союзное государство, признавали три основополагающих принципа национальной политики большевиков: принцип интернационализма, принцип права наций на самоопределение вплоть до отделения и принцип федерализма.

Данные принципы позволяли устранить национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и установить основы братского сотрудничества народов.

Декларация об образовании СССР развивала принципы, установленные в ноябре 1917 г. Декларацией прав народов России, демонстрируя преемственность курса советского государства в области развития межнациональных отношений [8].

Другим основополагающим документом был «Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик», состоявший из 11 глав. В договоре разграничивались функции верховных органов власти союзного государства, Совнаркома СССР, союзных республик. В частности, республикам полагалось иметь свои бюджеты, являющиеся составными частями общесоюзного бюджета. При этом перечень и объемы доходов республиканских бюджетов определял ЦИК СССР. Договор устанавливал единое союзное гражданство для граждан всех союзных республик, утверждал флаг, герб и государственную печать СССР. Признание права свободного выхода союзных республик из союзного государства указывало на добровольность объединения независимых республик. Принятые I Съездом Советов СССР 30 декабря 1922 г. Декларация и Договор об образовании СССР законодательно закрепили принципы государственного устройства СССР и определили порядок вхождения РСФСР, Украины, Белоруссии и ЗСФСР в состав союзного государства.

Поскольку межнациональные отношения зависят не столько от национальных особенностей, сколько от характера социально-экономического строя и политических систем, в которых живут народы, то решение возникающих здесь проблем они неизбежно будут искать и в сфере интернационализма, который предполагает более оптимальное, чем предлагают национализм или космополитизм, сочетание методов решения национальных (очень осторожных, уважительных к национальному чувству) и социальных (весьма радикальных, но соответствующих коренным интересам народов) проблем. Итак, большевики в 1922 г., учитывая тяжелое наследие национальной политики царского режима и исходя из задач социалистического развития страны, остались верны принципам федерализма, взятым на вооружение в области национально-государственного строительства в январе 1918 г.

В декабре 1922 г. на добровольной основе было создано многонациональное государство, в числе преимуществ которого были реальные перспективы для экономического и культурного развития коренных народов всех союзных республик. На наш взгляд, исследователям стоит более внимательно изучить и опыт структурирования нового государственного аппарата и особенностей советской государственности, и в первую очередь состояние и деятельность представительных органов власти: именно по ним можно определить эффективность всей государственной системы. Обращение к практике советского строительства в нашей стране, к истории формирования конкретной структуры таких представительных органов власти, какими в нашей стране были Советы, только усилило бы компетентность сегодняшних лидеров общественно-политических движений и не торопило бы их отказываться от отечественного опыта, позволило бы преодолеть менее болезненно тот репутационный имидж, который в общественном сознании сегодня снижает доверие к тем или иным институтам власти, позволило бы сформировать свободный от политической ангажированности научный подход к активно дискутируемому сегодня вопросу о направленности реформ в сфере государственного управления. К 1922 г., помимо РСФСР, образовались самостоятельные республики Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Украина.

Встал вопрос об их более тесном сотрудничестве. Важнейшей предпосылкой для объединительного процесса являлся единый характер политического строя, общие черты организации государственной власти и управления. Потребность в объединении диктовалась также общностью исторических судеб народов многонационального государства, наличием многолетних экономических и культурных связей. 30 декабря 1922 г. на съезде Советов, где были представлены делегации РСФСР, Белоруссии, Украины и Закавказской Федеративной Социалистической Республики (объединившей к этому времени Азербайджан, Армению и Грузию), было провозглашено образование Союза Советских Социалистических Республик (СССР).

В принятом Договоре определялись взаимоотношения между республиками, образующими союзное государство. Формально оно учреждалось как федерация суверенных советских республик с правом свободного выхода и открытого доступа в нее. Однако механизм «свободного выхода» не предусматривался. Образование СССР имело и свою политическую подоплеку – необходимость совместного выживания созданных политических режимов перед лицом враждебного внешнего окружения. Период окончания гражданской войны и перехода к НЭПу был отмечен нарастающей активностью российских коммунистов на международной арене. Созданный в 1919 г. по инициативе В. И. Ленина Коммунистический интернационал (Коминтерн) провозгласил себя организацией открытого массового действия, построенной по образцу большевистской партии и ставившей конечной целью осуществление мировой социалистической революции. На III Конгрессе Коминтерна, который собрался в июле 1921 г. в Москве, присутствовало небывалое число делегатов (605 из 52 стран). Конгресс выдвинул задачу скорейшего образования коммунистических партий и завоевания ими масс, создания массовых революционных организаций. В их число входили КИМ (Коммунистический интернационал молодежи, 1919 г.), Профинтерн (1920–1921 гг.), Межрабпом (Международная рабочая помощь, 1921 г.), МОПР (Международная организация помощи борцам революции, 1922 г.) и др. передового революционного авангарда пролетариата.

Для левых политических движений по всему миру интернационализм, основанный на принципах марксизма-ленинизма, всегда имел большое значение. Однако провозглашение нового государства на I съезде Советов СССР 30 декабря 1922 г. еще потребовало большой последующей работы с целью претворения этих идей на практике. Работа была завершена на следующем съезде Советов СССР, утвердившем уже действовавшую с 6 июля 1923 г. первую Конституцию СССР. Суверенитет союзных республик по этой Конституции, конечно, был ограничен, он стал заметно менее значительным, чем был к концу 1922 г., но в целом СССР охранял суверенные права союзных республик, каждая из них имела право свободного выхода из Союза, имела свои конституции, верховные и исполнительные органы, право использования собственного языка и развития национальной культуры.

В очередной раз, стоит привести в заключении вывод В. Я. Гросула: «В стране, в которой насчитывались десятки наций и народностей, нелегко было регулировать межнациональные отношения. Сохранялись определенные коллизии, например, некоторые территориальные проблемы. Но в целом основы национальных

отношений были достаточно прочными. К принципам интернационализма, права наций на самоопределение вплоть до отделения и федерализма со временем добавился и принцип советского народа как исторической, социальной и психологической общности. Этот новый принцип особенно заговорил о себе во время испытаний Великой Отечественной войны» [9].

Библиографический список

1. Кильдюшов О. Россия накануне XX столетия // Живая история. 09.05.2017 // URL: http: lhistory.ru/statyi/rossiya-nakanune-xx-stoletiya (дата обращения: 24.04.2021).
2. Цит. по Гросул В.Я. Образование СССР (1917 -1924 гг.). Москва: ИТРК, 2012.– URL: https: // leninism.su/books/3578-obrazovanie-sssr-19171924- gg.html?showall=1 (дата обращения: 19.05.2021)
3. Там же.
4. Там же.
5. Сталин И.В. Заключительное слово по докладу о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б) 25 апреля 1923 г. / Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. С. 264–275.
6. Кремянская Е.А. Теория и практика федерализма: сравнительно-правовое исследование: монография. М.: МГИМО (Университет), 2015. Серия «Научная школа МГИМО(У)». – URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/ee8/ee8ef66f7136bf4c29464952562c0a46.pdf (дата обращения: 17.05.2021)
7. Орлов И.Б. Современная отечественная историография нэпа: достижения, проблематика, перспективы. – URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/tvgfuiig4i/direct/160247434 (дата обращения: 17.05.2021)
8. Из истории образования СССР // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 2.
9. Гросул В.Я. Образование СССР (1917 -1924 гг.). Москва: ИТРК, 2012. – URL:https: // leninism.su/books/3578-obrazovanie-sssr-19171924-gg.html?showall=1 (дата обращения: 19.05.21)

10.2. Исторический опыт формирования и развития Советского Казахстана

Особенности установления советской власти в крае

События 1917 г. стали поворотным моментом в истории Казахстана. Февральская буржуазно-демократическая революция не разрешила ни национальных, ни социально-экономических проблем в Казахстане. По-прежнему продолжалась эксплуатация трудящихся. В неприкосновенности оставались огромные земельные владения казачьих войск, кулаков-переселенцев и имущих слоев казахов. Переселенческие управления продолжали изъятие земель, пригодных для хозяйственных нужд. В Казахстане все шире разворачивается пролетарское, аграрное и национально-освободительное движение. К середине лета и осенью 1917 г. расширяются масштабы забастовок с экономическими, политическими требованиями. В ряде промышленных регионов забастовщики захватывают управление предприятиями.

Тем временем в центре страны события развиваются стремительно. Социал-демократы выдвигают лозунг «Вся власть Советам», что становится фактическим

шагом к большевизации Советов. И не только. В этих условиях данный лозунг становится призывом к вооруженному восстанию и свержению Временного правительства. К тому же 15 сентября 1917 г. ЦК партии большевиков начал обсуждение двух писем («Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание»), которые были получены от В. И. Ленина. Он требовал, чтобы партия призвала народ к немедленному восстанию. «Ждать „формального“ большинства у большевиков наивно: ни одна революция этого не ждет. И Керенский с К° не ждут, а готовит сдачу Питера... История не простит нам, если мы не возьмем теперь», – заключал Ленин. Никто из членов ЦК его не поддержал. Высказывалось даже мнение о необходимости уничтожить письменное свидетельство требования Ленина. Две недели спустя В. И. Ленин вернулся к своему предложению в статье «Кризис назрел», которая была на этот раз опубликована в газете «Рабочий путь». «Ибо пропускать такой момент и „ждать“ съезда Советов, – писал он, – есть ложный идиотизм или полная измена».

Настойчивость В. И. Ленина постепенно подтачивала «революционный легализм» большевистских руководителей. По инициативе Л. Д. Троцкого большевики-депутаты 7 октября покинули зал Советов республики. В этот же день В. И. Ленин тайно вернулся в Петроград. 10 октября, благодаря выступлению Я. М. Свердлова, который доложил о подготовке военного заговора в Минске, В. И. Ленину удалось изменить мнение ЦК (по крайней мере 12 человек из 21 полноправных членов, которые там присутствовали) и получить 10 голосов за при двух против (Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев) при голосовании по вопросу о вооруженном восстании. Оппозиция Л. Б. Каменева (к нему присоединились А. Рыков и В. Ногин – оба из Московского комитета, известного своей умеренностью) отнюдь не была неожиданной.

С марта – апреля Каменев выражал свое несогласие с Лениным, считая, что в России еще не сложились условия для установления социализма. По его мнению, взятие власти большевиками было бы несвоевременным, партии не удастся построить подлинный социализм, что дискредитирует саму идею социализма. Каменев и Зиновьев направили низовым комитетам письмо, в котором объясняли, насколько рискованно ставить в зависимость от преждевременного восстания судьбу не только «нашей партии, но и судьбу... международной революций».

Вечером 24 октября Красная гвардия и несколько военных частей, действуя от имени Петросовета, захватили, не встретив сопротивления, невские мосты и стратегические центры (почту, телеграф, вокзалы). За несколько часов весь город перешел в руки восставших. Только Зимний дворец, где заседало Временное правительство, был не занят. Там не вполне осознавали характер событий. Не дожидаясь отправки ультиматума правительству, по инициативе Ленина было опубликовано в 10 часов утра воззвание Петроградского военно-революционного комитета (ПВРК), в котором говорилось, что правительство низложено и что власть перешла в руки ПВРК. Это заявление до взятия власти II съездом Советов представляло собой настоящий государственный переворот.

Взятие власти в центре большевиками, а также соседних с Казахстаном крупных промышленных, политических и культурных центрах (Ташкент, Омск, Оренбург, Астрахань) сыграло решающую роль для перехода всей полноты власти в руки Советов в Казахстане. Процесс установления советской власти в Казахстане про-

должался четыре месяца (с конца 1917 г. по март 1918 г.), а в значительной части населенных пунктов этот процесс продолжался вплоть да начала Гражданской войны. Активное участие в установлении советской власти в Казахстане принимали А. Т. Жангельдин, С. Сейфуллин, К. Сутюшев, А. Асылбеков, Б. Серикбаев, А. Майкутов, И. Дубынин, К. А. Шугаев, Я. В. Ушанов, С. М. Цвиллинг, А. Иманов, Т. Рыскулов, П. М. Виноградов, Т. Бокин, Л. П. Емелев, Т. Утепов, А. Розыбакиев и др.

Заметное сопротивление установлению новой власти оказывали войсковые правительства Уральского, Семиреченского, Сибирского и Оренбургского казачьих войск, а также сторонники Временного правительства (особенно в Уральске), бежавшие из центральных районов страны. Достаточно быстро была установлена Советская власть в Сырдарьинской и Семиреченской областях, входивших в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Это было обусловлено поддержкой, оказанной большевикам со стороны местного чиновничьего аппарата, верхушкой переселенцев и армейских частей.

На III краевом съезде Советов, прошедшем в Ташкенте 15–22 ноября 1917 г., была провозглашена Советская Туркестанская автономия. Однако представители местных народов были отстранены от власти под предлогом их неготовности к пролетарской революции. Недовольство казахского и узбекского населения было подавлено вооруженной силой. В противовес 26 ноября в Коканде начал свою работу IV чрезвычайный съезд, главным итогом которого стало провозглашение Туркестанского мухтариата (автономии) во главе с Временным Советом. Главой Временного правительства стал М. Тынышпаев, министром иностранных дел – М. Шокай. Таким образом, на юге Казахстана в ноябре – декабре 1917 г. сложилось своеобразное двоевластие. Однако в ночь с 15 на 16 ноября на Коканд были брошены вооруженные силы Советского Туркестана и казачьи части. Город был взят штурмом, а большая часть жителей перебита, Временный Совет свергнут, и остатки защитников города ушли в горы и перешли к партизанским (басмаческим) действиям.

Сложнее проходило установление советской власти в Тургайской, Уральской, Семипалатинской областях, где сторонники Временного правительства имели значительные силы. Во многих районах (в частности, в областных центрах и уездных городах) советская власть была установлена силами красногвардейских отрядов и солдат большевиков местных гарнизонов путем вооруженного подавления сопротивления сил местных органов Временного правительства и их союзников.

Наряду с установлением советской власти принимались меры по преобразованию экономики и культуры: вводился контроль над производством и распределением продукции производства (на Спасском заводе, Карагандинских шахтах, Успенском руднике, Эмбенских нефтяных промыслах и т. д.), национализировались промышленные предприятия и банки. Стали осуществляться мероприятия по выполнению Декрета о земле. В Восточном Казахстане образовались первые три коммуны: «Первое Российское общество землеробов-коммунистов», «Второе Российское общество землеробов-коммунистов» и «Солнечная».

Декрет о земле, принятый 26 октября, узаконивал то, что было сделано начиная с лета многочисленными земельными комитетами: изъятие земель у имущих переселенцев и местной знати. Его текст включал наказ о земле, выработанный эсе-

рами на базе 242 местных наказов: «Частная собственность на землю отменяется навсегда. Все земли передаются в распоряжение местных Советов». Согласно Декрету о земле, каждая крестьянская семья должна была получить в среднем по 2–3 десятины земли. Прибавка значительная, но в то время малозначимая, так как за неимением материальных возможностей она не могла быть использована.

Декрет от 27 ноября определил его формы. Теоретически рабочий контроль должен был осуществляться всеми трудящимися предприятия через выборный заводской комитет, а также состоящих при нем представителей администрации и инженерно-технических работников. Трудящиеся получали доступ к бухгалтерским книгам, складам, могли контролировать обоснованность найма и увольнений.

Этот декрет как бы узаконивал положение вещей, реально существующее на многих предприятиях с лета 1917 г. Практически же он отстранял заводские комитеты от управления предприятиями. Они теперь входили в иерархическую структуру, где большинство составляли люди, далекие от проблем рабочих коллективов. При каждом городском Совете был создан Совет рабочего контроля, состоящий из представителей профсоюзов и кооперативов. Их высшим органом был Всероссийский Совет рабочего контроля. Структура его узаконивала поглощение заводских комитетов профсоюзами и Советами, где доминировали большевики.

14 декабря правительство подписало первый декрет о национализации ряда промышленных предприятий. Первые национализации (речь идет о 81 предприятии, национализированном до марта 1918 г.) санкционировались по инициативе на местах. Эта национализация была прежде всего мерой наказания и заранее не планировалась, в отличие от той, которая стала систематически проводится с лета 1918 г. Управление национализированными предприятиями было выведено из-под рабочего контроля и передано главкам Высшего совета народного хозяйства.

На крупные предприятия главки назначали своих комиссаров (представителей государственной власти) и двух (технического и административного) директоров. Административный директор, названный затем «красным» (обычно член партии, часто бывший рабочий или мастер этого предприятия), поддерживал отношения с заводским комитетом. За неимением «ИТР пролетарского происхождения» техническим директором назначался бывший инженер или управляющий предприятия.

Если промышленные предприятия национализировались постепенно, то крупные банки, прекратившие все операции и заморозившие счета, сразу же с 27 декабря стали объектом государственной национализации. В январе 1918 г. принадлежавшие им чеки и акции были конфискованы, а государственные задолженности (всего 60 млрд руб., из них 16 млрд внешнего долга) аннулированы.

Новая власть в лице большевистского приоритета значительное место в своей программе стала уделять национальным проблемам. Основные принципы национальной политики были провозглашены в Декларации прав народов России (2 ноября 1917 г.) и в обращении Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока».

В Декларации прав народов России провозглашались равенство и суверенность народов; право народов на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

В обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» Совнарком призывал мусульман России поддержать пролетарскую революцию и Советское правительство, а мусульман Востока – к борьбе против колониального гнета: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов – Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

...Мусульмане Востока, персы и турки, арабы и индусы, все те, головами и имуществом которых, свободой и родиной которых сотни лет торговали алчные хищники Европы, все те, страны которых хотят поделить начавшие войну грабители! Свергайте же этих хищников и поработителей этих стран... Вы сами должны быть хозяевами вашей страны. Вы сами должны строить свою жизнь по образу своему и подобию. Вы имеете на это право, ибо ваша судьба в ваших собственных руках».

5–13 декабря 1917 г. в Оренбурге собрался II Всеказахский съезд с участием делегатов со всего Казахстана (Бокеевская орда, Уральская, Торгайская, Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Самаркандская области, Алтайская губерния). Организаторами его были А. Букейханов, А. Байтурсынов, И. Омаров, С. Дощанов, М. Дулатов. Председательствовал на съезде Б. Кулманов. В сообщениях с мест было охарактеризовано положение на юге Казахстана, где население голодало, а местные власти не могли навести порядок. Обсудив эти сообщения съезд в своем решении призвал «к прекращению партийной борьбы и к единению». На съезде в качестве основных вопросов обсуждались отношение к автономии Сибири, Туркестана и юго-восточному союзу; автономия казахских областей; милиция; национальный совет; образование; национальный фонд; муфтиат; народный суд; аульное управление; продовольственный вопрос.

На съезде центральным вопросом стал доклад А. Букейханова о создании Казахской автономии, который потом отдельно рассматривался особой комиссией. От имени особой комиссии выступил Х. Габбасов и после него, ввиду того что «в конце октября пало Временное правительство, Российская Республика лишилась власти, пользующейся доверием и моральным авторитетом, при отсутствии всякой власти в стране возможно возникновение гражданской войны, анархия волна за волной заметает большие города и деревни по всему государству, анархия растет с каждым днем... единственным выходом из создавшегося трудного положения является организация твердой власти, которую признало бы все население казахских областей». Съезд единогласно постановил образовать Автономию казахских областей и присвоить ей имя Алаш. Был образован временный народный совет Алаш-Орда из 25 членов, 10 мест из которых предоставлялись русским и другим народам края. Местом пребывания Алаш-Орды был определен Семипалатинск. После обсуждения кандидатур Б. Кулманова, А. Турлубаева и А. Букейханова на должность главы праительства – Председателя Всеказахского народного совета был избран А. Букейханов.

Лидеры Алаш-Орды поддерживали отношения с Советской властью, Х. и Ж. Досмухамедовы встречались с В. И. Лениным и И. В. Сталиным, Х. Габбасов вел переговоры с И. В. Сталиным – наркомом по делам национальностей. Одновременно лидеры Алаш-Орды наладили близкие отношения с атаманом А. Дутовым после

свержения им Советской власти в Оренбурге, с комитетом Учредительного собрания в Самаре, с Временным сибирским правительством в Омске. От контактов и компромиссов с Советской властью алашординцы перешли к союзу с последними с целью борьбы с Советами. В июне 1918 г. было принято постановление Алаш-Орды, где говорилось: «Все декреты, изданные советской властью на территории Алаш, признать недействительными». В августе в Семипалатинске был сформирован первый Алашский конный полк. 11 сентября 1918 г. образовалось Западное отделение Алаш-Орды с центром в Жымпиты (Джамбейты) в Уральской области во главе Х. Досмухамедовым. Центр Восточного отделения переехал из Семипалатинска в Жана Семей.

В период установления советской власти взаимоотношения партии «Алаш» с новыми властями не перешли от контактов к компромиссам. Так, в Петропавловске, Перовске (Кзыл-Орда), Аулие-Ате (Тараз), где в местных Советах власть была в руках радикально настроенных сил РСДРП (б), активисты «Алаша» подвергались репрессиям. Напротив, в Семипалатинске, Верном (Алматы) и в некоторых центрах установилось непрочное временное сотрудничество. Например, в состав Семипалатинского областного Совета были введены один из руководителей местной организации «Алаш» Х. Габбасов, председатель уездного земства Казбагаров, в состав уездного совета – активисты «Алаша» Б. Сарсенов и И. Алимбеков. Однако, как показали последующие события, стороны недоверчиво относились друг к другу, каждая отстаивала свои политические цели. Советы хотели через лидеров и активистов партии «Алаш» поднять свой авторитет среди основной массы населения, а лидеры «Алаша», напротив, через формальную поддержку Советов пытались изнутри размывать суть новой власти.

В этом отношении партия «Уш Жуз» была более лояльна к партии большевиков и Советам. С осени 1917 г. и особенно 1918 г. стали кардинально меняться политические взгляды и практическая деятельность лидера этой партии К. Тогусова и его сподвижников. Если в начале «Уш Жуз» поддерживала линию на союз с партией социалистов-революционеров, то с января 1918 г. она активно стала проводить политическую и организационную работу по укреплению советской власти в Казахстане. С 1918 г. представители этой партии становятся союзниками большевиков в их борьбе против Алаш-Орды. Несмотря на такой поворот событий, правительство Алаш-Орды в течение нескольких месяцев (декабрь 1917 г. – март 1918 г.), пользуясь относительной поддержкой казачества и слабостью местных Советов, пытается создать административные структуры в областях, кое-где формирует отряды милиции. Но эти мероприятия были прерваны началом гражданского противостояния (войны), когда в условиях новой военно-политической ситуации ускоряется процесс поляризация противоборствующих сил в Казахстане.

Гражданское противостояние (война) в Казахстане

Установление советской власти, помимо интервенции иностранных государств, вызвало вооруженное сопротивление свергнутых политических сил, что и обозначено в отечественной истории как Гражданская война (противостояние). 31 мая контрреволюционные силы захватили Петропавловск, в июне – Акмолинск, Атбасар, Костанай, Павлодар, Семипалатинск. В результате Уральская, Акмолинская, Семипалатинская и большая часть Торгайской области оказались в руках бе-

логвардейцев. В этих условиях Декретом ВЦИК от 29 мая 1918 г. вводится всеобщая воинская повинность и формируются части Красной армии. Летом 1918 г. в Казахстане, как и по всей стране, создаются национальные воинские формирования. Были созданы казахские, мусульманские, дунганские, уйгурские подразделения. В Гражданской войне вместе с населением Казахстана принимали участие венгры, чехи, немцы, поляки и другие народы.

Летом 1918 г. сложная обстановка сложилась в Западном Казахстане, особенно в районе Оренбурга. 3 июля он был занят атаманом А. Дутовым, который приостановил движение на Оренбургско-Ташкентской железной дороге. Красная армия стала отступать вдоль железной дороги к Актобе. Здесь был образован Актюбинский фронт во главе с Г. В. Зиновьевым, который сыграл важную роль в решающих сражениях в Западном Казахстане. Тогда же была организована экспедиция во главе с Чрезвычайным комиссаром Степного края А. Жангельдиным. Экспедиция, выйдя из Москвы 18 июля 1918 г. с вооружением и обмундированием на несколько тысяч человек и проследовав по Волге, Каспийскому морю, через Мангышлак 11 ноября прибыла в Шалкар.

В октябре 1918 г. белогвардейцы начали наступление на Актобе с целью прорыва в Среднюю Азию и в южные районы Казахстана, но были остановлены и отброшены. После того как в 1919 г. были освобождены Оренбург, Уральск, Орск и осенью войска Актюбинского фронта соединились с войсками Восточного фронта, он был упразднен.

Летом и осенью 1918 г. активные боевые действия развернулись в Семиреченской области. Здесь контрреволюционные силы стремились захватить долины побережья реки Или, город Верный и далее продвигаться в южный Казахстан и Среднюю Азию. Были захвачены Сергиополь, Урджар, Сарканд и другие населенные пункты. С целью воспрепятствования продвижению белогвардейцев на юг, летом 1918 г. был образован Северный Семиреченский фронт, основные его части располагались в Талдыкоргане (село Гавриловское), командующим фронтом был назначен Л. П. Емелев. Осенью 1918 г. Северное Семиречье было захвачено белогвардейцами, но в обширном районе Лепсинского уезда (центр – Черкасское) сохранилась советская власть. Оборона этого района, длившаяся с июня 1918 г. по октябрь 1919 г., вошла в историю как Черкасская оборона. Специально, чтобы сломить ее сопротивление. из Семипалатинска была переброшена дивизия атамана Б. Анненкова.

В годы Гражданской войны в Казахстане развивалось и партизанское движение, народные восстания. Их центрами были Акмолинская и Семипалатинская области, среди них особо выделяются Костанайское, Шемонайхинское и ряд других восстаний, а также активные действия партизанских отрядов «Красные горные орлы», местом дислокации которых были предгорья Тарбагатая и Алтая. Летом 1919 г. главные силы армии Колчака на Восточном фронте потерпели поражение, что создало условия для освобождения Западного, Северного, Восточного Казахстана и Жетису, к концу года основная часть края была освобождена от белогвардейцев. В марте 1920 г. был ликвидирован Северный Семиреченский фронт, последний на территории Казахстана.

Гражданская война на территории Казахстана имела свои особенности. Одна из них заключалась в том, что край отличался экономической отсталостью, малочис-

ленностью и несплоченностью рабочих, в казахском ауле господствовали докапиталистические отношения. Далее на территории Казахстана находились четыре казачьих войска. Поэтому соотношение сил сторонников революции и контрреволюции было не в пользу большевиков. Близость внешних границ (Китай) облегчало антибольшевистским силам создание в приграничных районах военных баз. Силам советской власти противостояли организованные силы контрреволюции. Кроме того, из-за разбросанности фронтов на огромной территории и отсутствия сплошной линии фронта осложнялась координация боевых операций.

Одной из составных частей успеха большевиков является то, что они, учитывая ситуацию, в кратчайшие сроки смогли сформировать армию, создать и внедрить особый метод управления экономикой, обозначенный в истории «военным коммунизмом», и установили политическую диктатуру. В. И. Ленин впервые употребил этот термин в апреле 1921 г. На X съезде партии этот термин прозвучал в выступлениях Молотова, Преображенского, Троцкого, Рязанова, что говорит о том, что это была форма идейного утверждения политического курса, включавшая в себя элемент оправдания перед лицом трагических последствий тех лет (антоновщина, Кронштадт).

Справедливости ради заметим, что термин «военный коммунизм» ввел в оборот марксистский теоретик А. А. Богданов еще до Октября 1917 г. Это понятие он связывал не с коммунизмом или социализмом, а с армией. Армия в любых условиях представляет собой «обширную потребительскую коммуну строения строго авторитарного». Социализм – это «товарищеская организация производства», армия – «авторитарно-регулируемая организация массового паразитизма и истребления».

По Ленину, «своеобразный „военный коммунизм“ состоял в том, чтобы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги».

В октябре 1917 г. в армии (в основном на фронте) насчитывалось 6,3 млн человек, 3 млн находились в тылу. Принятие Декрета о мире и проведение демобилизации в разгар Брест-Литовских переговоров ускорили развал вооруженных сил. В этих условиях перед большевиками встал выбор: либо использовать структуры старой армии, либо ввести обязательную службу рабочих, расширяя, таким образом, Красную гвардию и лишая заводы рабочей силы, либо создавать вооруженные отряды нового типа из солдат-добровольцев и выбранных командиров. Но опыт создания демократической армии с треском провалился. Народный военный комиссар, председатель Реввоенсовета (РВС) Троцкий установил жесткую дисциплину и стал энергично бороться с дезертирством. Впоследствии служба в Красной армии становится одним из способов продвижения по социальной лестнице.

В армии прежде всего учили читать: миллионы неграмотных крестьян закончили различные курсы в частях. Там же учили «правильно думать», осваивая основы новой идеологии. Армия становится главным поставщиком политических кадров (комсомол, партия, профсоюзы). В 1921 г. около ⅔ председателей сельских Советов были из бывших бойцов Красной армии. Они сразу же начинали навязывать своим подчиненным армейский стиль руководства. Проникновение военных во все сферы культурной, экономической, социальной и политической жизни повлекло «огрубение» общественных отношений.

«Огрубение» затронуло и экономические отношения. Отказавшись от опыта рабочего самоуправления, обреченного на провал в условиях экономической катастрофы, большевики предприняли ряд чрезвычайных мер. Они продемонстрировали авторитарный режим, централистский подход к экономике. В литературе советского периода совокупность этих мер получила название «военного коммунизма». Тот «коммунизм», который, по Марксу, должен был быстро привести к исчезновению государства, наоборот, гипертрофировал государственный контроль над всеми сферами экономики. В мае 1918 г. перед новыми правителями встала дилемма: восстановить подобие рынка в условиях разваливающейся экономики или прибегнуть к принудительным мерам в распределении продуктов. Был избран второй вариант, так как лидеры большевиков были уверены, что усиление классовой борьбы в деревне решит проблему снабжения продовольствием города и деревни.

11 июня 1918 г. были созданы комитеты крестьянской бедноты (комбеды), которые в период разрыва между большевиками и эсерами (еще контролировавшими значительное число сельских Советов) должны были стать «второй властью» и изъять излишки сельскохозяйственной продукции у зажиточных крестьян. В целях «стимулирования» бедных крестьян (определяемых как «крестьяне, не использующие наемную рабочую силу и не имеющие излишков») предполагалось, что часть изымаемых продуктов будет поступать членам этих комитетов. Их действия должны были поддерживаться частями «продовольственной армии» (продармия), состоящими из рабочих и большевиков-активистов.

Создание комбедов свидетельствовало о недостаточном знании большевиками крестьянской психологии. Им представлялось, что крестьяне разделены на антагонистические классы кулаков, середняков, бедняков и батраков. На самом деле крестьянство прежде всего было едино в противостоянии городу как внешнему миру. Когда пришло время сдавать «излишки», в полной мере проявились общинный и уравнительный рефлексы деревенского схода: вместо того чтобы возложить груз поборов только на зажиточных крестьян, его распределяли более или менее равномерно в зависимости от возможностей каждого. От этого пострадала масса середняков. Возникло общее недовольство: во многих районах вспыхнули бунты; на «продовольственные отряды» устраивались засады – надвигалась повсеместная партизанская война.

Тем не менее это не помешало властям продолжить политику продразверстки до весны 1921 г. Декретом от 21 ноября 1918 г. устанавливалась монополия государства на внутреннюю торговлю. Уже с начала года многие магазины были «муниципализированы» местными властями, часто по просьбе граждан, раздраженных до предела недостатком продуктов и ростом цен, причина которых виделась им в действиях «спекулянтов» и «перекупщиков». В ноябре 1918 г. комитеты бедноты были распущены и поглощены вновь избранными сельскими Советами. Власти обвинили комбеды в малоэффективности и нагнетании напряженности в крестьянской среде, в то время как новый режим нуждался в установлении *modus vivendi* со всем крестьянством, поскольку оно поставляло большую часть солдат для Красной армии.

С 1 января 1919 г. беспорядочные поиски излишков были заменены централизованной и плановой системой продразверстки. Каждая область, уезд, волость, каж-

дый аул должны были сдать государству заранее установленное количество сельхозпродуктов в зависимости от предполагаемого урожая (определяемого весьма приблизительно, по ценам предвоенных лет, так как только за эти годы имелась более или менее правдоподобная статистика). В Казахстане сдавались мясо, масло, зерно, фрукты, молоко. Каждый аул или ру отвечал за свои поставки. И только когда весь аул выполнял план сдачи, власти выдавали квитанции, дающие право на приобретение промышленных товаров, причем в количестве намного меньше, чем требовалось (в конце 1920 г. нужда в промышленных товарах удовлетворялась на 15–20 %).

Продразверстка, восстановив против себя население аулов, в то же время не удовлетворяла горожан. В 1919 г. по плану предполагалось изъять 260 млн пудов зерна, но с большим трудом было собрано только 100 млн (38,5 %), а в следующем году план был выполнен на 34 %. Горожан поделили на пять категории, от рабочих «горячих профессий» и солдат до иждивенцев, учитывалось и социальное происхождение. Из-за недостатка продуктов даже всецело обеспеченные получали лишь четверть предусмотренного рациона. Получая полфунта хлеба в день, фунт сахара в месяц, полфунта жиров и четыре фунта селедки (такова была в марте 1919 г. норма петроградского рабочего «горячего цеха»), прожить было немыслимо. «Иждивенцы», интеллигенты и «бывшие» снабжались продуктами в последнюю очередь, а часто и вовсе ничего не получали. Помимо того, что система обеспечения продовольствием была несправедливой, она к тому же была чрезвычайно запутанной. Если в Петрограде существовало по меньшей мере 33 вида карточек со сроком действия не более месяца, то в промышленных центрах Казахстана их насчитывалось в три раза меньше.

В таких условиях расцветал черный рынок. Правительство тщетно пыталось законодательно бороться с мешочниками. Им было запрещено передвигаться на поездах. Местные власти и сила охраны порядка получали приказ арестовывать любого человека с «подозрительным» мешком. Весной 1918 г. по стране прокатились забастовки с требованием на свободный провоз мешков «до полутора пудов». Этот факт свидетельствовал о том, что не одни аульчане приезжали тайком продавать свои излишки, не отставали от них и рабочие, имеющие родственников, близких в ауле.

Участились самовольные уходы с работы (в мае прогуливала половина шахтеров Караганды). Рабочие бросали работу и по мере возможности возвращались в аул. Правительство противопоставило этому ряд мер, символизирующих «новое мышление»: введение субботников – «добровольный» труд в выходные дни, начатый членами партии, а затем ставший обязательным для всех. Были приняты такие принудительные меры, как введение трудовой книжки (1919 г.) с целью уменьшить текучесть рабочей силы и «всеобщая трудовая повинность», обязательная для всех граждан от 16 до 50 лет (29.01.1920 г.) Самым экстремистским способом вербовки трудящихся было предложение превратить Красную армию в «трудовую армию» и милитаризовать железные дороги.

Образование Киргизской (Казахской) АССР

Годы «военного коммунизма» стали периодом установления политической диктатуры, завершившей двуединый процесс, растянувшийся на годы:

1) уничтожение или подчинение большевикам независимых институтов, созданных в течение 1917 г. (Советы, заводские комитеты, профсоюзы);

2) установление диктата большевистской партии.

Этот процесс (к которому чуть позже добавился запрет на внутрипартийные фракции) проходил поэтапно и разнообразно. Сворачивалась издательская деятельность, запрещались небольшевистские газеты, производились аресты руководителей оппозиционных партий, которые затем объявлялись вне закона, постоянно контролировались и постепенно уничтожались независимые институты, усиливался террор политической полиции – ВЧК, насильно были распущены «непокорные» Советы. Все эти меры проводились во многом по инициативе органов ВЧК при одобрении высших партийных эшелонов.

Что же касается небольшевистских партий, то они последовательно уничтожались разными способами. 28 ноября 1917 г. кадетов объявили врагами народа. Левые эсеры, поддерживавшие большевиков да марта 1918 г., разошлись с ними по двум позициям: террору, возведенному в ранг официальной политики, и Брест-Литовскому договору, который они не признавали.

Еще накануне Гражданской войны, сразу после установления советской власти, стали ликвидироваться прежние органы власти и создавались новые. В ходе гражданской войны по мере восстановления советской власти 10 июля 1919 г. декретом СНК РСФСР был организован Казревком – революционный комитет по управлению Казахским краем. В него вошли С. Пестковский (председатель), а также такие известные общественно-политические деятели, как А. Байтурсынов, Б. Каратаев, А. Жангельдин и другие. В постановлении ВЦИК от 4 апреля 1919 г. была объявлена амнистия алаш-ордынцам. 9 марта 1920 г. было принято решение о ликвидации Алаш-Орды.

В конце 1919 – начале 1920 г. шла интенсивная подготовка к образованию Казахской Советской Автономии. В начале января 1920 г. в Актобе была проведена первая краевая советская конференция с участием депутатов от казахских районов Туркестана и Сибири. В начале 1920 г. при Народном комиссариате по делам национальностей состоялось совещание представителей Казревкома, Сибревкома и ТурЦИКа, на котором окончательно был решен вопрос о передаче Акмолинской и Семипалатинской областей Казахстану и отношении последней к РСФСР. 17 августа проект Декрета об образовании Киргизской (Казахской) Советской Автономной социалистической республики был рассмотрен и одобрен СНК РСФСР, а 26 августа 1920 г. этот декрет был утвержден и вступил в действие.

4–12 октября 1920 г. в Оренбурге прошел Учредительный съезд Советов Казахстана, избравший Центральный исполнительный комитет в составе 76 членов и 25 кандидатов. Во главе был избран С. Мендешев. В его состав также вошли А. Айтиев, И. А. Акулов, С. Д. Арганчеев, С. Сейфуллин, А. Жангельдин, А. Д. Авдеев, Г. А. Коростелев, И. Ф. Киселев, М. Т. Ряхов, П. Я. Струппе и др. ЦИК образовал Совет народных комиссаров, председателем которого был утвержден В.А. Радус-Зенькович. Территория республики составила около 2 млн км^2, население – около 5 млн человек, в нее вошли Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская и Уральская области, Мангышлакский уезд, часть Красноводского уезда, часть Астраханской губернии, населенной казахами. Две казахские области – Семиреченская и Сырдарьинская – входили в Туркестанскую Советскую

Федеративную Республику, провозглашенную в Ташкенте 30 апреля 1918 г. на Y съезде Советов Туркестана, в которую вошел Туркестан, за исключением Хивы и Бухары.

30 декабря 1922 г. был подписан договор об образовании СССР, первоначально он состоял из четырех республик – РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР (куда входили Грузия, Азербайджан, Армения), Казахстан был в составе РСФСР.

Таким образом, впервые за многовековую историю Казахстан стал автономией в составе РСФСР. Столицей был провозглашен город Оренбург. В связи с этим Оренбургская губерния в сентябре 1920 г. вошла в состав КАССР. Для более удобного управления партийными организациями Казахстана было создано областное бюро Российской коммунистической партии и Казахское бюро ЦК РКП.

Новая экономическая политика

В конце 1920 г. правящая партия приступила к разработке новой экономической политики, направленной, как было декларировано, на укрепление союза различных социальных слоев общества. Здесь на первый план ставилась задача укрепления союза рабочих и крестьян, поскольку только он мог решить все проблемы новой государственности. Решить насущные задачи можно было одним из двух взаимоисключающих способов: либо улучшить снабжение деревни средствами производства и таким образом повысить производительность труда в ауле, либо все средства направить на индустриализацию, чтобы создать рабочие места вне сельского хозяйства. В последнем случае крестьяне становились страдающей стороной. Прежний режим в свое время предлагал пойти по второму пути.

Ленинская концепция НЭПа отрицала возможность развития только промышленности или только сельского хозяйства и неизбежность ущемления (прямого или косвенного) одного другим как единственного источника экономического роста. Промышленность и сельское хозяйство должны были помогать друг другу и развиваться одновременно по следующей схеме «производственного союза»: восстановление тяжелой промышленности, ориентированной прежде всего на то, чтобы обеспечить сельское хозяйство средствами производства; поощрение мелких сельских предпринимателей; импорт сельскохозяйственной техники в обмен на сырье, которое советская промышленность еще не могла обрабатывать. Быстрое улучшение технической базы сельского хозяйства вызвало бы немедленное увеличение его производительности, которая будет направлена на рынок. Таким образом, город будет накормлен и страна снова сможет экспортировать сельскохозяйственную продукцию, получая взамен машины и оборудование для промышленности. В то же время излишки этой продукции стимулировали бы развитие внутреннего рынка и позволили бы промышленности накопить новые средства, необходимые для последующего развития народного хозяйства.

Что же осталось от этого замечательного проекта через шесть лет после введения НЭПа? Если взять только цифры роста производства, то они говорят об относительном успехе. По сравнению с 1913 г. общее промышленное производство увеличилось в 1927 г. на 18 %. Однако в период с 1924 по 1927 гг. производство зерна сократилось на 10 % по сравнению с довоенным уровнем. В целом было восстановлено поголовье скота, за исключением лошадей, численность которых уменьшилась на 15 % по сравнению с 1913 г. Увеличение площадей под промыш-

ленными культурами явилось в известной степени причиной того, что общий объем сельскохозяйственного производства возрос на 10 % по сравнению с 1909–1913 гг. Но несмотря на эти цифры общего характера, ленинская программа была еще далека от реализации. Тот факт, что в 1927 г. сельское хозяйство и промышленное производство приблизились к уровню 1913 г., не мог скрыть целого ряда экономических и социальных проблем, ставящих под угрозу будущее новой экономической политики. Приведем только одну ключевую цифру, по которой можно судить о масштабах аграрных трудностей. В 1926 г. количество зерна для продажи на внутреннем рынке было в два раза меньше, чем в 1913 г. Мало того, что страна, в 1905–1914 гг. экспортировавшая в среднем 11 млн зерна в год, больше его не продавала, но теперь каждый год вставал вопрос о снабжении городов, поскольку крестьяне упорно не хотели торговать с государством и тем самым сильно подрывали развитие всей экономики.

Сложившееся положение вытекало как из слабости структуры сельского хозяйства после семи лет войны и революции, так и из серьезных ошибок, допущенных правительством во внутренней политике в годы НЭПа. Советская историческая наука трактовала период НЭПа как период временного отступления от концепции социализма и как явление, вызванное задачами тактического характера. На самом же деле она представляла модель реформизма, заблокированный административно-командной системой. С окончанием Гражданской войны организационно-политическая структура государства стала входить в конфликт с новыми социально-экономическими реалиями. Революционная декларация о переходе к коммунистическому производству и распределению оборачивалась нарастанием разрушительных тенденций в экономике как страны, так и Казахстана.

Экономический кризис особо был ощутим на селе: посевные площади в период 1914–1922 гг. сократились в 2,3 раза, урожайность упала в 2 раза, а валовые сборы зерна уменьшились более чем в 3 раза. За это же время численность всех видов скота уменьшилась на 10,8 млн голов. Следствием сложившейся ситуации в ауле явился массовый голод. Так, в 1921–1922 гг. в четырех крупных регионах Западного Казахстана голодало около 2 млн человек. Вследствие смерти от голода и миграции численность населения республики по сравнению с 1914 г. сократилась почти на 1 млн человек.

Ситуация, сложившаяся в Казахстане, подтверждала общую картину экономического и политического кризиса, охватившего страну. Здесь, как и везде, создалась объективная необходимость перехода к новым принципам хозяйственной политики, определяющим стержнем которых должна была стать идея отказа от бестоварной утопии и возврата к нормальным экономическим, т. е. рыночным, товарно-денежным отношениям. Курс на кардинальные экономические изменения – переход от продразверстки к продналогу – был принят в марте 1921 г. на X съезде РКП (б). По этому решению предполагалось изменить налоговую политику, принять действенные акции в финансах, кредитах, денежном хозяйстве, аренде, трудовом законодательстве, земельной регламентации, а именно была отменена трудовая повинность, разрешались свободная торговля, аренда земли, использование наемного труда, внедрялся хозяйственный расчет.

Новая экономическая политика возымела действие в аграрном секторе. Так, в 1925 г. посевные площади приблизились к 3,0 млн га. По зерновым районам

(Уральская, Акмолинская, Семипалатинская губернии) был достигнут уровень 1913 г. В 1925 г. сбор зерновых превысил уровень 1914 г., а поголовье скота в 1922–1925 гг. удвоилась. Развивалась торговля. К 1926 г. на территории Казахстана действовало 128 ярмарок, широкую известность приобрели Кокжарская, Каракамысская, Караколская, Шибулакская, Кояндинская, Каркаралинская, Кокшетауская, Атбасарская ярмарки.

Курс на либерализацию экономики не стал масштабным, так как в политической жизни нарастали тенденции укрепления единовластия и диктата правящей партии, фактически со временем заменявшем собой государственный аппарат. К тому же провозглашение самоопределения и автономии практически оказалось номинальным. Республики, в том числе и Казахстан, так и не получили самоуправления. Значительная часть промышленных предприятий, средства коммуникаций находились под непосредственным управлением центра. Избирательные законы и демократические институты, декларируя гегемонию пролетариата, постепенно ограничивали количество казахов в правящей элите общества. Так, в 1922 г. в рядах Компартии Казахстана удельный вес казахов составлял 6,3 %, среди 162 делегатов I областной партконференции только 11 % были казахами. К 1920 г. и среди промышленных рабочих казахи составляли не более 17 %. По сути, оказалась декларацией и идея создания в южных областях Казахстана Туркестанской АССР. Попытка партийных организаций данного региона в 1920 г. объединить центральноазиатские народы в единую Тюркскую республику центральными властями были отменены, а инициаторы реформ во главе с Т. Рыскуловым были отправлены в отставку. Только в 1922 г. после официального признания своих «ошибок» они смогли вернуться к руководству республикой. В этом же году проводится ряд преследований по национальным мотивам представителей партии «Алаш», находившихся на руководящих постах. Тем не менее С. Садвакасов, туркестанский лидер С. Ходжанов продолжали выступать с идеями широкого привлечения представителей либеральной интеллигенции к руководству, необходимости национального размежевания внутри Казахстана с целью создания национально однородного государства.

В 1924 г. Туркестанская АССР была упразднена и разделена на Узбекскую и Туркменскую республики, а чуть позже возникли Киргизская и Таджикская республики. Тогда же отдельные регионы южных областей были присоединены к Казахстану. Часть Оренбургской губернии вместе с городом Оренбургом была передана России. Столица Казахстана была перенесена в центр Сырдарьинской области Перовск, который потом был переименован в Кзыл-Орду. Это событие стало важной вехой в истории казахского народа в XX в. и, несмотря на трудности того и последующего периодов, сыграло решающую роль в становлении и эволюции государственности на нашей земле.

В этих условиях в центре все более настойчивой и целенаправленной становится политика беспрекословного подчинения национальных окраин. В Казахстан на руководящую работу направляются Н. Ежов, Ф. Голощекин, которые возглавляют здесь организационно-партийную и политическую деятельность. Период правления их в Казахстане получил небезызвестное название «Малый Октябрь».

Особенности индустриализации и коллективизации в Казахстане

В 1920 г. была намечена комплексная программа перевода всех отраслей народного хозяйства на базу машинной техники. На XIV съезде ВКП (б) в декабре 1925 г. индустриализация была определена как генеральная линия партии, нацеленная на превращение СССР из страны, импортирующей машины и оборудование, в страну, производящую их на своих предприятиях. Основными источниками ее проведения должны были стать национализация средств производства, конфискация имущества буржуазии, повышение производительности труда, доходы от внешней и внутренней торговли, плановое хозяйство, мобилизация средств населения посредством государственного займа, строгий режим экономии.

В апреле 1925 г. в столице республики Кзыл-Орде специальное совещание ВСНХ, наметив меры по разведке новых месторождений полезных ископаемых, поручило Госплану и СНХ Казахской АССР разработать перспективный план развития промышленности, в первую очередь цветной металлургии. Совещание указало, что в условиях Казахстана жизненно необходимым является «широкое развертывание местной промышленности, в особенности непосредственно связанной с земледельческим и скотоводческим хозяйством», и в этой связи определило пути расширения производства в кожевенной, текстильной, рыбной, маслобойной, соледобывающей, мукомольной и других отраслях.

К 1927 г. промышленность республики по многим показателям превзошла довоенный уровень и ведущее положение в ней занимал социалистический сектор. В Риддере завершилось строительство обогатительной фабрики, свинцового завода и электростанции, в Карсакпае – сооружение главных цехов медеплавильного завода. Расширялось производство в нефтяной, золотодобывающей и других отраслях промышленности. Вошло в строй несколько районных электростанций, вступили в эксплуатацию Алма-Атинская суконая фабрика, кожевенные заводы в Петропавловске и Уральске, крупный хладокомбинат в Гурьеве. Развивались рыбная промышленность, соляные промыслы, были построены 92 маслозавода. Местная промышленность Казахстана в 1926/1927 хозяйственном году увеличила производство продукции на 50 %.

Самым важным объектом строительства была Туркестано-Сибирская железная дорога. В апреле 1927 г. одновременно с севера (Семипалатинск) и юга (ст. Луговая) началось сооружение дороги. При СНК РСФСР был создан Комитет содействия строительству Турксиба под председательством Т. Рыскулова. К октябрю 1927 г. на трассе работало более 2000 рабочих, в том числе 800 казахов. В Семипалатинске открылись курсы по подготовке квалифицированных рабочих из казахов.

Первые шаги по пути индустриализации внесли заметные изменения в структуру народного хозяйства Казахстана. Удельный вес производства промышленности в валовой продукции всего народного хозяйства поднялся до 13,5 %. Создавались предпосылки для радикальных перемен в масштабах и структуре промышленности республики. В годы второй пятилетки (1933–1937 гг.) промышленность Казахстана развивалась быстрыми темпами. Так, республика вышла на 7-е место в стране по выпуску валовой продукции промышленности, на 6-е место – по выработке электроэнергии, на 3-е место – по добыче каменного угля и нефти, на 1-е место по добыче свинца. Республика стала основной общесоюзной базой по добыче

цветных металлов, было освоено производство никеля, олова, вольфрама. В короткий исторический срок Казахстан стал заметным в темпах индустриализации, сделал решающий шаг в создании технико-экономической базы. Около половины капиталовложений в создание тяжелой промышленности страны предназначалось для восточных регионов. Именно в эти годы были созданы предпосылки для формирования казахстанской промышленности как сырьевого придатка СССР и последующих экологических катаклизмов в республике.

Растет число городов, идет процесс их урбанизации. Почти половина городского населения (47,5 %) проживала в городах с численностью более 50 тыс. человек. Городское население увеличивалось за счет механического движения (до 80 %), в некоторой степени – за счет преобразования населенных пунктов в поселки городского типа (15,5 %), а также за счет естественного прироста (4,5 %). В начале 30-х гг. наблюдалась сильная убыль населения в городах из-за резкого снижения рождаемости и повышения смертности в результате голода (1932–1933 гг.).

В годы индустриализации в Казахстан прибыло значительное количество специалистов и квалифицированных промышленных рабочих. Только в 1931–1940 гг. по организованному набору прибыло 559 тыс. человек, а механический прирост населения городов в 1928–1939 гг. за счет миграции превысил 1,8 млн человек. Среди мигрантов большинство составляли выходцы из России, Украины, Узбекистана и Белоруссии. В 1930 г. удельный вес русских в составе городского населения республики достиг 57,7 % против 53,7 % в 1926 г., украинцев – 8 % против до 6 % и т. д. Численность казахов составляла всего 21,9 %, хотя по сравнению с 1926 г. (14,2 %) их удельный вес среди горожан несколько вырос.

В процессе индустриализации изменился социальный состав населения, формировался казахстанский отряд рабочих в сфере материального производства и обслуживания. Предпринимались первые шаги по созданию системы подготовки рабочих, инженерно-технических кадров из среды казахов. Удельный вес рабочих казахов во всех отраслях народного хозяйства составил 29,4 %, в крупной промышленности казахов было 23,4 %, на транспорте – 9,6 5, а в среде других отраслей – 41 %. Рабочие кадры в составе занятых в народном хозяйстве республики в 1939 г. составил 33,8 % против 10,7 % в 1926 г.

Несмотря на широкие организационно-политические меры, во многом граничившие с экспрессивностью, темпы промышленного развития Казахстана были невысокими. Причин для этого было предостаточно. Медленно решался вопрос о национальных кадрах. Создать кадры квалифицированных рабочих из числа неграмотных было делом трудным. Обучение проводилось на русском языке и на предприятиях центральной части России и Украины. Как свидетельствует опыт, до середины 60-х гг. в отраслях индустрии и на промышленных предприятиях казахи, как правило, трудились на участках, не требующих высокой квалификации.

В проведении индустриализации также сказались общие экономические трудности, массовый голод, а также низкий уровень технической культуры населения. Правда, правительство Казахстана разрабатывало многочисленные мероприятия для выхода из положения, но их эффект был незначительным. Например, с 1923 г. казахский язык был объявлен государственным. Большое внимание уделялось выдвижению в аппарат управления и партийно-политических структур представителей из казахов. Как свидетельствуют документы, результаты этого были не

настолько эффективны, как ожидалось. Еще одна мера – привлечение специалистов и рабочих из-за пределов республики – также порождала определенные негативные проявления (локальные межнациональные конфликты).

Процесс индустриализации управлялся из центра, и Казахстан расценивался как источник сырья, где развивались главным образом обрабатывающая промышленность. Эту тенденцию ясно выразил секретарь ЦК ВКП (б) А. А. Андреев в речи на VI Казахстанской краевой партийной конференции. Он обвинил в национализме тех, кто думает, что каждая республика будет иметь «свою тяжелую индустрию».

Ф. Голощекин (профессиональный революционер, один из организаторов расстрела царской семьи), направленный Центром осенью 1925 г. руководителем краевой партийной организации сразу после прибытия заявил об отсутствии советской власти в крае и необходимости «пройтись по аулу Малым Октябрем». Эта линия должна была осуществляться путем разрушения традиционной общины через ликвидацию сложившихся социальных устоев и массовый вынужденный перевод казахов к оседлому образу жизни. Это вызвало у представителей казахской элиты различные позиции и суждения, что позже центром было оценено как национал-уклонизм. Далее последовали репрессивные меры к такого рода лицам. Так, в 1926 г. были сняты со своих постов, обвинены в национал-уклонизме и подверглись преследованиям С. Сейфуллин, М. Мурзагалиев, Н. Нурмаков, С. Мендешев, С. Садвакасов, Ж. Султанов, Ж. Мынбаев. В конце 1928 г. по политическим мотивам были арестованы А. Байтурсынов, М. Дулатов, Ж. Аймаутов, М. Жумабаев. Спустя два года были арестованы М. Тынышпаев, братья Жанша и Халел Досмухамедовы.

В 1926–1927 гг. был осуществлен передел пахотных и пастбищных угодий. Около 2600 десятин сенокосов и пашен были изъяты у зажиточной части населения и переданы беднякам и середнякам. Позже началась конфискация имущества у крупных баев-скотовладельцев с одновременным их выселением. По официальным данным, было конфисковано около 700 хозяйств. Конфискации подвергались не только крупные владельцы, но и середняки, замеченные в нелояльности к властям. Усиливался и налоговый пресс в отношении зажиточных хозяйств. Так, в 1927/1928 гг. 4 % хозяйств уплатили 33 % всей суммы налогов. Кроме того, существовала система «самообложения», по которой сумма могла превышать первоначальную в 2–3 раза.

Концепция социалистического преобразования села предусматривала объединение в коллективные хозяйства казахов-кочевников. Она началась в 1928 г. с изъятия излишков сельхозпродукции в крестьянских хозяйствах репрессивным методом, то есть путем обысков, арестов и судов, лишением свободы и расстрелов. Известные интеллигенты неоднократно высказывались, что при проведении коллективизации следует учитывать особенности образа жизни казахов. Однако эти взгляды и высказывания правителями были восприняты как сопротивление генеральной линии партии по социально-экономическим преобразованиям, и значительная часть прогрессивно настроенных людей подверглись гонениям и репрессиям.

«Степная» коллективизация началась с разрушения созданной в 20-е годы сельскохозяйственной кооперации. Насильственное создание колхозов сталинской

командно-административной системы являлось, по существу, действием антисоциалистическим, ибо фактически система отрицала кооперативную (самодеятельную) природу коллективного хозяйства, делала колхозы объектом мобилизационных функций. На самом деле коллективистская форма хозяйства, в которой заключалась главная суть социализма на селе, стала формой беспощадной эксплуатации шаруа.

Коллективизацию в Казахстане планировалось осуществить в четыре этапа:

1) май 1929 г. – март 1930 г. – кампания по ускоренной коллективизации;

2) март 1930 г. – август 1932 г. – период экспериментов с различными типами коллективных хозяйств;

3) сентябрь 1932 г. – ноябрь 1934 г. – использование ТОЗов для новой волны коллективизации;

4) декабрь 1934 г. – декабрь 1938 г. – реконструкция хозяйств ТОЗов, преобразование их в сельскохозяйственные артели.

Коллективизация и оседание кочевого населения были строго взаимосвязаны, поэтому правители решительно настаивали на окончательном устранении экономики кочевников. По плану коллективизации Казахстан был отнесен к региональной группе, где коллективизацию необходимо было в основном завершить весной 1932 г. (за исключением кочевых и полукочевых районов). К тому же местные чиновники и эти сроки искусственно форсировали, увлекаясь бесконечными рапортами о перевыполнении планов коллективизации.

Так, если в 1928 г. в Казахстане коллективизацией было охвачено 2 % хозяйств, то уже 1 апреля 1930 г. – более половины их общей численности (50,5 %), а в 1934 г. – 85,9 % хозяйств. При этом нарушался главный принцип коллективизации – добровольность и законность. К тому же ориентация на чрезвычайные меры сбора поставок осложнила обстановку в республике с первых дней заготовок. В аулы было направлено около 5 000 уполномоченных из краев и окружных органов с самыми суровыми инструкциями и безграничными полномочиями. Жестокость и неразборчивость в средствах воздействия стала основной линией их поведения. Основной удар был направлен по условному кулачеству и байству. Но уполномоченные, слабо владевшие обстановкой, в значительной степени притесняли середняков и бедняков.

Насильственная коллективизация во многих районах вызвало сопротивление сельчан. Первая волна сопротивления политике коллективизации прошла в ходе проведения конфискации 1928 г., где основными участниками восстаний были середняки и бедняки. Одно из первых выступлений произошло в сентябре 1929 г. в Каракалпакии, входившей тогда в состав КАССР. 2 сентября в местности Андатколь на собрании казахов и каракалпаков было решено оказать вооруженное сопротивление властям. Там же Жалел-Максума Исматуллаева выбрали ханом и Барлыкбая Нурымова – командующим. Но слабо организованное и стихийное выступление было подавлено отрядами ОГПУ, а участники восстания арестованы.

Более ожесточенный характер приняло восстание в Бостандыкском районе Сырдарьинской области. 27 сентября 1929 г. восстали жители кишлака Пскем, избравшие своим руководителем Талиба Мусабаева. Численность восставших достигала 500 человек, в числе которых были казахи, узбеки, киргизы и таджики. Осенью 1929 г. вспыхнуло восстание и в Костанайском округе. Возглавили

восстание А. Бекежанов, С. Калиев, А. Смагулов, О. Бармаков и агитатор Торгайского райкома партии Оспанов. Наиболее упорный и ожесточенный характер приняло восстание на обширных территориях Актюбинского, Костанайского и Кзыл-Ординского округов. Началось оно 25 февраля 1930 г. в Иргизском районе Актюбинского округа. Здесь было создано 6 повстанческих отрядов во главе с ханом А. Канаевым, Ж. Баимбетовым, М. Саматовым, И. Сатыбалдиным, А. Досовым, Т. Нурлыбаевым, Лаубаевым и Каблановым. Несмотря на неоднократные репрессивные меры властей, разгромить повстанцев не удалось, и в конце апреля правительственная комиссия во главе с А. Жангельдиным проводит переговоры с восставшими. На переговорах в Каракумах сарбазы во главе с Ж. Баймбетовым, Д. Караевым и А. Айменовым выдвинули следующие требования: возвращение конфискованного у казахов скота; соблюдение принципов свободы совести, возвращение мечетей и невмешательство властей в дела верующих; издание декрета о приостановлении конфискации и безусловное выполнение его властями; прекращение насильственной коллективизации; решение всех возникающих социальных вопросов в ауле демократическим путем, то есть на собраниях общественности; установление суммы налога в строгом соответствии с количеством скота в подворье, прекращение практики взимания хлебного налога со скотоводов; образование из повстанческих аулов особого административного района в Каракумах. При соблюдении данных условий повстанцы соглашались сложить оружие, а власти обеспечивали повстанцам амнистию. Но власти не сдержали своего обещания, и 3–4 апреля органы ОГПУ стали проводить массовые аресты участников восстания.

Драматические события происходили и в Восточном Казахстане. 20 февраля 1930 г. против коллективизации выступили крестьяне сел Кондратьевка, Васильевка, Зубовка Усть-Каменогорского района, Крестовка и Березовка Зыряновского района. Повстанцы выдвинули лозунг «Долой советскую власть, да здравствует свободный труд!» Эти выступления также были подавлены силами ОГПУ.

Одно из крупных восстаний произошло весной – летом 1931 г. на Мангышлаке. Казахи из племенных родов ру, адай и табын, недовольные условиями проведения коллективизации, стали массами откочевывать в Туркмению, Каракалпакию и на Кавказ. Попытки остановить откочевку казахов вызвали вооруженное сопротивление, охватившее 60 % хозяйств Мангышлакского района. Наибольший размах восстание приобрело в июле – августе 1931 г. В течение августа – сентября в итоге карательных мер представителями ОГПУ и воинских частей восстание было подавлено, несколько сот активных участников движения были арестованы и преданы суду. Часть повстанцев вместе с семьями ушли в другие регионы СССР, Афганистан и Иран и рассеялись по странам южной Азии и Европы. О географии и численности откочевавших из 27 районов Казахстана можно судить из сводки НКВД на 9 августа 1931 года (таблица 5).

Таким образом, антисоветские выступления 1929–1931 гг. потерпели поражение. Главной причиной этого стало плохое вооружение, неорганизованность повстанцев. Сыграл в поражении свою роль и голод 1930–1931 гг. Обессиленное, голодающее население уже не могло защищать свои интересы, и с 1931 г. основной формой протеста становится откочевка за пределы Казахстана. Всего в 1931–

1932 гг. откочевало 1 млн 30 тыс. человек, то есть половина уцелевшего от голода населения. Из них вернулись обратно только 414 тыс. человек, 616 тыс. откочевали безвозвратно.

Таблица 5

№	Территории	Количество семей	Поголовье скота
1	Узбекистан	3 436	187 909
2	Туркменистан	7 371	187 909
3	Кирреспублика	1 767	33 595
4	КАО	2 355	112 621
5	Н-Волжский край	2 562	13 797
6	Сибирский край	2 100	27 348
7	Украина	201	6 652
8	Остальная часть РСФСР	13 511	100 801
9	Китай	563	2 276
	Итого:	35 597	893 074

По данным ОГПУ, в 1929 г. в Казахстане действовал 31 повстанческий отряд общей численностью 350 человек, в 1930 г. 82 отряда численностью 1925 человек, в 1931 г. – 80 отрядов численностью 3192 человек. Кроме того, за этот период в селах и аулах была выявлена 2001 «враждебная группа» общей численностью 9906 человек, арестовано 10 396 «вредителей». Во многих районах обвиненные в антисоветизме были расстреляны без суда и следствия. Одновременно правители стали массами перемещать в Казахстан тысячи репрессированных и раскулаченных семей из центральных районов СССР.

Таким образом, идея проведения «мягкой» модернизации промышленной базы была заменена курсом на форсированную индустриализацию. Кооперирование же как экономически спонтанный процесс уступало место координируемой государством силовой коллективизации. Итак, на рубеже 20–30-х гг. нэповская линия развития была заблокирована. На долгие годы в сфере экономики и общественно-политической жизни воцарился дух «силовой» альтернативы.

Общественно-политическая жизнь в Республике Казахстан

Насильственная коллективизация и ускоренная индустриализация вызвали в стране миграционные процессы и высокую степень социальной мобильности. В ауле общественные структуры и традиционный уклад были полностью разрушены.

Одновременно формировалось молодое городское население, представленное быстро растущим рабочими кадрами, почти полностью состоящим из уклоняющихся от коллективизации вчерашних селян, новой технической интеллигенцией, сформированной из рабочих и крестьян-выдвиженцев, а также бурно разросшейся бюрократической прослойкой, состоящей из мелких служащих, и, наконец, властными структурами с еще довольно хрупкой, не сложившейся иерархией чинов, привилегий и высоких должностей. Социальное преуспевание одних сопровождалось смещением других, становившихся «чуждыми элементами» и отправляемых в ГУЛАГ для увеличения численности его населения (еще одна форма миграции).

Чрезмерный, хаотичный, не планируемый рост городов привел к тому, что и без того сложная жилищная проблема приобрела масштабы катастрофы (в Караганде, Усть-Каменогорске, Актюбинске, Алма-Ате, Семипалатинске площадь жилья на одного горожанина в 1921–1940 гг. снизилась в среднем в 5,5 раза). Последствия этого были настолько глубоки, что давали о себе знать во всей истории СССР. Сложившаяся в городах ситуация неизбежно влекла за собой рост негативных явлений в обществе, лишенном своих корней и сильно травмированном постоянными «встрясками». Растущая напряженность в семейных отношениях порождала новую волну (первая волна пришлась на 20-е годы) разводов, абортов и снижения уровня рождаемости. Интенсивное пополнение рядов производственных коллективов выходцами из аулов и сел приводило к снижению технологической и трудовой дисциплины, поломке технического оборудования, росту антиобщественных проявлений (хулиганство, алкоголизм, правонарушения), ухудшению качества выпускаемой продукции, текучести работников промышленности. Такая ситуация сохранялась до конца 30-х гг., пока правители не приняли в конце 1938 г. целый ряд репрессивных мер, направленных против малейших нарушений дисциплины труда.

Начало было положено опубликованным 11 декабря 1938 г. в «Правде» письмом свердловского стахановца, который выражал в нем негодование по поводу «лодырей и симулянтов». Далее события развивались по сценарию, который стал классическим до развала советской системы в стране (90-е гг. XX в.). Сразу же после публикации письма пресса запестрела статьями, авторы которых гневно осуждали падение дисциплины и клеймили позором прогульщиков. 20 декабря было принято решение о введении трудовых книжек, выдававшихся рабочим и служащим и необходимых при переводе на другую работу.

По мнению западноевропейских исследователей, «эти книжки были сродни тем, что нацисты ввели в 1935 г. в Германии». Так, постановлением от 8 января 1939 г. любое опоздание более чем на 20 минут приравнивалось к неоправданному отсутствию. А повторное опоздание вело к увольнению. 26 июня 1940 г. вышло новое постановление, предусматривающее значительное увеличение рабочего времени (семидневная рабочая неделя и восьмичасовой рабочий день вместо прежних шестидневной недели и семичасового рабочего дня). По этому постановлению любой случай неоправданного отсутствия на работе подлежал рассмотрению в суде, а нарушителя приговаривали к исправительным работам на рабочем месте сроком до 6 месяцев, удерживая при этом до 25 % заработка. Эти постановления действовали до 1956 г.

30-е гг. были периодом сильнейших потрясений, спровоцированных и навязанных высшим руководством. Это десятилетие пережило несколько волн «классовой войны», которые заканчивались, как правило, отторжением от общественного организма миллионов людей. Формы этого отторжения были самыми разными: от лишения гражданских прав, потери рабочего места, отстранения от должности до ссылки, тюрьмы, лагерей или «высшей меры социальной защиты» – смертной казни. Исследователи выделяют три значительных волны этой «классовой войны».

Первая была связана с проведением коллективизации и ускоренной индустриализации. Она затронула в первую очередь наиболее зажиточную часть населения, «ликвидированных как класс», а также значительное количество аульчан, отказы-

вавшихся вступать в колхозы. Она в основном пришлась на 1928–1931 гг. По разным оценкам, в это время в СССР было выслано из мест проживания от 250 тыс. до 1 млн семей, а их имущество было конфисковано. Официальный срок ссылки чаще всего определялся пятью годами, но в действительности длился гораздо больше, поскольку ссыльные после отбытия наказания практически не могли получить разрешения вернуться в родные места. Многие ссыльные и осужденные отбывали наказание на гигантских ударных стройках в качестве рабочих (Беломорско-Балтийский канал, железная дорога Караганда – Балхаш и многие другие). Другие использовались в качестве рабочей силы там, где одновременно применялся свободный труд. В Центральном и Южном Казахстане 38–49 % рабочих являлись осужденными и «спецпереселенцами». Сильным гонениям подверглись представители религии, все мечети, мектебы и медресе были закрыты в 1929–1932 гг.

Вторая волна особенно сильно затронула простых тружеников, рабочих и шаруа, которые как-то выражали свое нежелание подчиниться суровым требованиям дисциплины в колхозах и на заводах. В промышленности она началась сразу же после того, как были ослаблены репрессии по отношению к специалистам. Кульминационный момент этой волны на заводах и стройках пришелся на 1939–1940 гг., когда правовые отношения на производстве стали регламентироваться чуть ли не уголовным законодательством. В ауле наиболее суровые времена пришлись на 1932–1933 гг., когда подверглись арестам десятки и сотни тысяч работников, в разбазаривании народного богатства.

Третья волна прошлась по народно-хозяйственным, партийным, государственным, военным и научно-техническим кадрам и в более широком смысле – по остаткам старой творческой интеллигенции. Дела этих новых «врагов» должны были рассматриваться в принципе на заседаниях отделений военной коллегии Верховного суда. Но большей части обвиняемых приговор выносили административные структуры – особые отделы НКВД. Обвинение выносилось по одному из многочисленных пунктов 58-й статьи Уголовного кодекса, где была представлена целая подборка контрреволюционных преступлений. Приговор обрекал осужденных на 5, 10, 25 лет лагерного заключения. Каждому десятому из арестованных в 1936–1938 гг. выносился смертный приговор.

Массовые репрессии, приведшие, по мнению многих отечественных и зарубежных исследователей-юристов и политологов, к отторжению миллионов людей от общественного организма, осуществлялись параллельно с утверждением социалистической законности. В самый разгар этой кампании идея законности оказалась спасительной для простого народа, поскольку помогала ему идентифицировать себя с системой и была удобной для власти, обеспечивая регулярное отправление функций государства. В народном сознании идея законности в некотором смысле дополняла традиционно присутствующую в нем идею «нечистой силы»: беды и неудачи объяснялись кознями врага, предательством. В этом смысле широкие процессы по выявлению врагов, со своими героями (партийные и государственные руководители) и своими демонами (предатели, саботажники, шпионы), являли собой настоящие ритуалы по изгнанию «нечистой силы», поэтому с большой легкостью усваивались сознанием простого народа, сбитого с толку и лишенного своих корней, теряющего почву под ногами в жестоком и беспрестанно меняющемся мире.

Торжество «социалистической законности» подтвердил VIII съезд Советов, приняв 5 декабря 1936 г. новую Конституцию – «самую демократичную в мире» по оценке И. Сталина. Новый основной закон страны знаменовал собой победу социализма – «начальной стадии коммунизма». Конституция закрепляла существование Советского государства уже не как переходный и открытой политической формы, а как некоторой данности, некоего целого, занимающего место в пространстве и времени. В этих изменениях угадывалось стремление реабилитировать идею государства, что в принципе противоречило марксистскому тезису о его отмирании. В 1939 г. И. Сталин разъяснил на VIII съезде партии, что в условиях социализма, победившего в одной, отдельно взятой стране, находящейся под угрозой военного нападения извне, необходимо иметь достаточно сильное государство для защиты его завоеваний.

Само государство СССР все больше ассоциировалось с государством русским. Вырабатывалась стройная и настойчивая система внедрения в общественное сознание идея тождества марксизма-ленинизма и патриотизма. С начала 30-х гг. была развернута широкая кампания по пересмотру истории, цель которой состояла в узаконении преемственности сталинского и ленинского учений, а также в переоценке русского прошлого и истории отношений разных народов (в том числе казахов), входящих в состав Советского Союза. Мощь и значение прежнего русского государства отныне представлялись как позитивные факторы русской и мировой истории в ее движении к революции. Официальная пропаганда по всем каналам воспевала подлинных героев, объективно способствовавших развитию страны, – Александра Невского, Дмитрия Донского, Петра Великого, А. Суворова, М. Кутузова (125-я годовщина Бородинского сражения была торжественно отпразднована в 1937 г.). Однако до начала 30-х гг. XX в. марксистская историческая школа М. Покровского осуждала колониальную политику Российского государства. В 1937 г. появился «Краткий курс истории СССР», который совершенно по-иному освещал историю отношений России с нерусскими народами. Колонизация уже не представлялась «абсолютным злом», а считалась «относительным благом» благодаря цивилизаторской роли русского государства. СССР, объединивший по союзному договору 30 декабря 1922 г. все народы в «добровольной» федерации, рассматривался как преемник этой великой миссии.

Возрождение русского самосознания являлось фактором, ведущим к консолидации значительной части русского общественного мнения. Но это не был единственный элемент в возрождаемой системе традиционных нравственных устоев, оказавшихся спасительными для общества, охваченного социальными бурями, сбитого с толку и крайне возбужденного. Вопреки революционным идеалам всеобщего равенства, вопреки культивировавшемуся ранее духу жертвенности во имя всеобщего освобождения, приобретала значение и начинала все больше цениться идея личного преуспевания, которая легла в основу новой иерархии должностей и привилегий и способствовала созданию новой элиты (номенклатуры). Эта элита, свободная от всяких комплексов, примиряла, наконец, стремление к материальному благосостоянию и социалистические добродетели.

Преобразование Киргизской (Казахской) АССР в Казахскую ССР

Это событие произошло 21–26 марта 1937 г. в Алма-Ате на Чрезвычайном X съезде Советов Казахстана. 26 марта 1937 г. в итоге всенародного обсуждения съезд утвердил Конституцию Казахской ССР. В ней провозглашалось, что Казахская Советская Социалистическая Республика есть социалистическое государство рабочих и крестьян и ее политическую основу составляют Советы депутатов трудящихся, которым принадлежит вся власть в Казахстане. Экономическую основу Казахской ССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на средства производства, которая существует в двух формах: государственной (всенародной) и колхозно-кооперативной.

Конституция установила право ведения судопроизводства на языке коренной национальности, право граждан пользоваться родным языком в школах, культурных, общественных и государственных учреждениях. В этом же документе был зафиксирован состав республиканских и союзно-республиканских наркоматов, определена компетенция правительства в соответствии с суверенными правами республики. В составе высшего органа государственного управления Казахской ССР тогда было 14 наркоматов – 8 хозяйственных и 4 социально-культурных.

Но этому событию предшествовали ряд организационно-политических мероприятий, которые имеют существенное значение в истории нашего отечества. Так, 14 октября 1924 г. II сессия ВЦИК XI созыва приняла постановление «О реорганизации Автономной Туркестанской ССР», по которому нынешним среднеазиатским государствам и Казахстану было предоставлено право автономии. Постановление гласило: «…предоставить право киргизскому народу выйти из состава Автономной Туркестанской ССР и образовать Автономную Киргизскую Советскую Социалистическую Республику». В связи с происшедшим в 1924 г. национальным размежеванием Средней Азии (бывшие Туркреспублики, Бухары и Хорезма) две казахские области, Сырдарьинская и Жетысуйская, были присоединены к Киргизской АССР. Последняя постановлением V краевого съезда Советов (апрель 1925 г.) была переименована в Казахскую АССР, а новая столица Казахстана г. Ак-Мечеть (Перовск) – в Кзыл-Орду.

Тогда общее количество населения республики составляло 5 382 000 человек, из которых 92 % проживали в сельской местности и только 8 % – в городах. Национальный состав населения был следующим: коренных казахов – 50,3 %, русских казаков – 31,2 %, украинцев – 14,4 %, татар – 1,6 %. В городах 72,8 % населения приходилось на русских. В Сырдарьинской и Жетысуйской губерниях насчитывалось казахов – 74 %, русских – %. В Каралкалпакской же автономной области проживало 39,1 % каракалпаков, 22,1 % казахов, 30,4 % узбеков, 8,4 % русских. Таким образом, казахи являлись основным населением КССР. Казахов до сего времени в русской и иностранной терминологии было принято называть неправильно киргизами, тогда как сами казахи всегда именовали себя казахами, называя, наоборот, киргизами теперешний киргизский (кара-киргизский) народ, населявший главным образом горные районы Сырдарьинской, Жетысуйской и Ферганской губерний и объединившийся в одноименную автономную область.

Культура Казахстана 20–30-х гг. XX в.

Данный период стал историческим в развитии образования казахстанцев. В 1918 г. принимаются документы «Декларация о единой трудовой школе» и «Положение о единой трудовой школе», в которых провозглашались основные принципы советской образовательной системы – бесплатность, совместное обучение мальчиков и девочек, исключение из преподавания религиозных дисциплин, отмена всех видов наказания, школьное самоуправление. Все школы делились на две ступени – первую (для детей 8–13 лет) и вторую (для детей 13–17 лет). Повсеместно проводится преобразование медресе, мектебов и русско-казахских школ в советские. К 1920 г. уже в 2410 школах обучалось 144 тыс. детей, из которых третью часть составляли казахи.

В 1930 г. был декларирован переход ко всеобщему обязательному начальному обучению, а в 1931 г. было введено всеобщее обязательное семилетнее образование. Стали создаваться интернаты для детей кочевников, в которых к 1934 г. обучалось более 24 тыс. детей. В 1925 г. были установлены единый образец аттестатов, 5-балльная система оценки, единая продолжительность учебного года и каникул, упорядочена система школ. В 1921 г. правительством Казахстана была образована Центральная Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности (Казграмчека), взявшая на себя организацию пунктов и центров, где взрослое население обучалось азбучной грамоте. К середине 30-х гг. обучением в Казахстане был охвачен 91 % детей школьного возраста, треть которых училась в семилетних и средних школах, казахских средних школ еще не было.

С этого времени налаживается система издания учебников для школ. В 1921 г. в Семипалатинске впервые вышли в свет учебники А. Байтурсынова и М. Дулатова «Есеп Куралы», «Оку Куралы» и «Тил Куралы». При Госиздате была образована редакционная коллегия для создания новых учебных пособий, к написанию которых были привлечены А. Бокейханов (география), М. Жумабаев (история Казахстана, педагогика), Ж. Аймаутов (дидактика), Б. Омаров (алгебра) и другие представители национальной интеллигенции. В 1927–1928 учебном году для казахских школ было издано более 30 наименований учебников тиражом около 600 тыс. экземпляров. Ощутимой преградой в совершенствовании дела образования в республике стала непродуманная реформа алфавита (арабская – латинская – кириллица).

В 20–40-е гг. в Казахстане закладывается фундамент системы высшего образования. В 1926 г. в Ташкентском высшем педагогическом институте был образован казахский факультет, который в 1928 г. переводится в Алма-Ату и преобразовывается в Казахский государственный университет. Два года спустя он был переименован в Казахский педагогический институт, а в 1935 г. получил имя Абая. В 1929 г. в Алма-Ате был открыт зооветеринарный институт, в 1930 г. – сельскохозяйственный. В 1931 г. в Алма-Ате открылся первый в республике медицинский институт, а в 1934 г. приняли первых студентов Горно-металлургический институт и Казахский государственный университет им. С. М. Кирова (ныне Казахский национальный университет имени аль-Фараби). В эти годы открываются педагогические и учительские институты в Уральске, Семипалатинске, Актобе, Петропавловске, Шымкенте и Костанае. В 30-е гг. появились первые факультеты обучения без отрыва от производства (заочное, вечернее).

В этот же период формировались первые очаги научных учреждений. Но не следует забывать и о серьезных трудностях этого процесса. Отсутствовали сложившиеся структуры научно-исследовательских учреждений, не хватало средств и подготовленных научных кадров. Поэтому вначале развивались преимущественно прикладные науки, разработка диктовалась насущными потребностями формирующихся отраслей экономики. В 1918 г. стал работать Туркестанский восточный институт, а в 1919 г. – историко-статистический отдел при штабе Казвоенкомата, делившийся на историческую, этнографическую и естественно-географическую секции. В 1920 г. группа сотрудников Ученой комиссии основала общество изучения Казахского края как преемника Оренбургского отдела РГО и Оренбургской ученой архивной комиссии, в котором к 1924 г. были объединены 84 ученых. В 20-х гг. были изданы труды членов общества А. Чулошникова, Ф. Рязанова, А. Диваева, М. Тынышпаева, М. Дулатова.

В 1922 г. открывается первая научно-исследовательская химико-биологическая лаборатория, в 1924 г. – краевая станция защиты растений, в 1925 г. – санитарно-бактериологический институт, в 1926 г. – институт удобрений и агропочвоведения. Уже в начале 30-х гг. складывается академическая структура науки, объединявшая в своем составе Казахстанскую базу АН СССР (1932 г.), преобразованная в 1938 г. в Казахский филиал АН СССР. Возникает сеть из 12 НИИ, 15 опытных станций, 186 опорных пунктов, лабораторий, гидрометеостанций. Среди них были особо заметны институт национальной культуры (1933 г.), научно-педагогический институт (1933 г.).

Постепенно растут и научные кадры. Наряду с известными учеными из центра страны (А. Ферсман, А. Самойлович, И. Губкин, С. Руденко, А. Григорьев) в 30-х гг. удостаивается ученого звания профессора казахский историк С. Асфендияров. Однако доля представителей казахской национальности в среде ученых была еще незначительна.

Развивается казахская литература. Популярными становятся в то время произведения классиков казахской литературы А. Байтурсынова, Ш. Кудайбердиева, М. Жумабаева, Ж. Аймауытова. Формируется плеяда молодых литераторов: С. Сейфуллин, Б. Майлин, И. Жансугуров, М. Ауэзов, С. Муканов, Г. Мусрепов, М. Хакимжанова.

Музыкальное и песенное искусство казахов становится объектом особого внимания правящей партии Советского государства. Уже в 1919 г. в городе Верном проводится слет акынов Жетису, налаживается работа по сбору и систематизации творческого наследия казахского народа. В 1921 г. был образован Главный политико-просветительный комитет, музыкальный отдел которого собирал народную музыку, организовывал музыкальные коллективы. В результате такого внимания впервые в истории казахов А. Затаевич составил сборник «1000 песен казахского народа», а в 1931 г. опубликовал «500 казахских песен и кюев». В 1925 г. в Париже в составе делегации советских артистов выступил А. Кашаубаев, вызвав восторженные отклики французской прессы. В эти же годы окончательно зарекомендовали себя акыны и музыканты Ж. Жабаев, К. Азербаев, И. Байзаков, Т. Амренов, Н. Байганин, О. Шипин.

С начала 30-х гг. развивается музыкально-драматическое искусство, организуются казахские театральные и музыкальные студии в Москве, Ленинграде, Алма-

Ате. 13 января 1934 г. на базе музыкальной студии при Казахском драматическом театре был открыт Казахский музыкальный театр, первыми постановками которого стали «Айман-Шолпан» М. Ауэзова и «Шуга» Б. Майлина. Особое место в развитии оперного жанра занимает Е. Брусиловский, которым были написаны оперы «Кыз Жибек», «Ер Таргын» и «Жалбыр». Звездами казахского песенного жанра становятся артисты музыкального театра К. Байсеитова, К. Жандарбеков, прославилась танцовщица Ш. Жиенкулова. До середины 20-х гг. в Казахстане существовали лишь любительские театральные труппы, наиболее известными из которых были Семипалатинская и театр Оренбургского казахского института народного образования. На базе последнего в январе 1926 г. в Кзыл-Орде был открыт первый профессиональный казахский театр, где работали М. Ауэзов, Ж. Шанин, С. Кожамкулов, К. Куанышбаев, К. Жандарбеков, З. Атабаева и другие талантливые драматурги, режиссеры и артисты.

Особенности развития республики в 50–60 гг. XX века

Нанесенные Великой Отечественной войной 1941–1945 гг. человеческие и материальные потери были очень тяжелы. Их масштаб определялся не только жестокостью нацистов по отношению к населению, грабежом оккупированных территорий, но и ошибками советского командования, приведшими к гибели и пленению миллионов солдат. В отношении людских потерь итог войны может быть определен только приблизительно. В 1946 году население СССР (172 млн) едва превышало уровень 1939 г. накануне включения в Советский Союз территорий с населением около 23 млн человек. Потери составили шестую часть активного населения, в котором доля женщин после войны достигла 56 %.

Потери в экономическом потенциале были подсчитаны более точно: 32 тыс. разрушенных предприятий, 65 тыс. км выведенных из строя железнодорожных путей, сокращение поголовья лошадей наполовину, крупного рогатого скота – на пятую часть. 35 мл. человек остались без крова в результате разрушения 1710 городов и поселков, 70 тыс. деревень. В сентябре 1945 г. сумма прямых потерь, причиненных войной, была оценена в 679 млрд рублей, что в 5,5 раза превышало национальный доход СССР в 1940 г.

Помимо огромных разрушений, война обусловила полную перестройку народного хозяйства на военный лад, а ее окончание – необходимость новых усилий для его возвращения к условиям мирного времени. С этим было связано и глубокое преобразование общества, испытывавшего в течение некоторого времени, как и в начале 30-х гг., состояние повышенной мобильности, благоприятное для социального продвижения многих ее членов. Общественные изменения проявились прежде всего в обновлении состава рабочих коллективов, увеличении притока женщин в народное хозяйство, в приоритете технической и профессиональной компетентности даже за счет политической «правоверности» (особенно для военных и хозяйственных руководителей).

В экономическом отношении война привела к некоторому ограничению волюнтаристской практики: контроль государства над различными формами свободного рынка был несколько ослаблен; как следствие, в районах, избежавших оккупации, повысились доходы сельских жителей; поощрялось мелкотоварное производство. Смягчение мер экономического принуждения, несомненно, сыграло свою роль в

патриотическом единении, которое позволило строю выдержать испытание войной. Возвращение в мирные условия предполагало необходимость не только восстановления экономики, но и выбора путей этого процесса: поддержать ли и взаимоувязать наметившиеся во время войны направления эволюции или же отвергнуть их и вернуться к модели развития 30-х гг.

Казахстан, где в годы войны не только сохранялись, но наращивались рабочие темпы народно-хозяйственного комплекса, сразу же после войны принимал активное участие в восстановлении экономики оккупированных районов. Казахстанцы шефствовали над десятками городов и регионов. Тысячи рабочих, специалистов из Казахстана восстанавливали Ленинград, Сталинград, Брянск и Донбасс, трудились на Северном Кавказе, Украине и Белоруссии. Интенсивно перестраивалась экономика республики на работу в мирных условиях. Ускоренными темпами развивалась промышленность: производство стального проката, цемента, выпуск оборудования для черной и цветной металлургии, расширение горной и угольной промышленности. Новые мощности были запущены в Темиртау на металлургическом заводе, на Актюбинском заводе ферросплавов. Первый цинк дал Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинат, увеличилось производство меди на Балхашском медеплавильном заводе. Введены были в строй новые нефтепромыслы в Эмбинском бассейне – Каратон, Мунайлы, – что позволило в 1950 г. наполовину увеличить добычу нефти по сравнению с довоенным уровнем. Вступила в строй первая очередь Каратуского горно-химического комбината. В течение 1954–1958 гг. были введены в эксплуатацию 730 промышленных предприятий и цехов в Усть-Каменогорске, Актобе, Шымкенте, Караганде, Семипалатинске. Более 60 предприятий легкой промышленности стали выпускать товары повседневного спроса.

Опережающими темпами развивались отрасли, производящие сырье и топливо, в ущерб отраслям легкой и пищевой промышленности (примерно 90 % капитальных затрат в промышленности направлялось на развитие отраслей группы А). В 1951–1955 гг. абсолютный объем вложений в промышленности был больше, чем в 1941–1945 гг., в 2,3 раза, а промышленное капитальное строительство только в одном 1960 г. превысило соответствующие затраты за всю четвертую пятилетку почти в 1,4 раза.

В Казахстане сразу же после войны ускоренными темпами сооружаются объекты военно-промышленного комплекса СССР. С этого времени и до распада Советского Союза ряд регионов республики становится экспериментальными площадками для испытания новейших видов оружия массового поражения, а также военно-космической техники. 29 августа 1949 г. было произведено первое испытание атомной бомбы вблизи Семипалатинска. Позже здесь был возведен город-лаборатория Курчатов для испытания атомного и ядерного оружия. До 1964 г. испытания проводились в атмосфере (всего в открытой атмосфере было осуществлено 113 взрывов), начиная с 1964 г. – под землей (за время существования полигона было произведено 343 испытания). В 1969–1970 гг. также было произведено 3 подземных ядерных взрыва на территории Мангышлакской области. Позже на территории Атырауской, Уральской, Актюбинской областей были созданы испытательные полигоны войск ВВС, ПВО, а с 1953 г. в Кзыл-Ординской области стал функционировать космодром Байконур.

В 60-е годы было осуществлено невиданное ранее промышленное строительство, при этом в республике вследствие ярко выраженного сырьевого характера ее экономики преимущественное развитие получили отрасли добывающей промышленности. И хотя существование и развитие основных отраслей промышленности поддерживалось не интенсификацией производства, а главным образом за счет увеличения капиталовложений, ввода новых мощностей, тем не менее в базовых (особенно в сырьевых) отраслях республики развитие было заметным. Только в 1961–1965 гг. в народном хозяйстве республики было освоено капитальных вложений больше, чем за все предыдущие годы советской власти.

Нарастающими темпами развивались черная и цветная металлургия, нефтяная и газовая, химическая и нефтехимическая промышленность, появился ряд новых отраслей по производству титана, магния, глинозема, чугуна, кокса, асбеста, синтетического каучука, подъемных кранов, электродвигателей, новых волочильных станов и кузнечно-прессовых машин и др.

Развивались виды коммуникации: были построены железные дороги Моинты-Шу, Жамбыл-Шолактау. В 1958 г. была создана казахская железная дорога, объединившая управление всеми железными магистралями республики. Была введена в строй Алма-Атинская автоматическая телефонная станция. Развивалась электроэнергетика, к 1960 г. ее производство увеличилось в 10,5 раза по сравнению с 1945 г. Была введена в действие Северо-Казахстанская объединенная энергосистема.

Положение в сельском хозяйстве было более тяжелым, чем в промышленности. Казахстан в порядке оказания помощи республикам, пострадавшим от оккупации, отправил безвозмездно 17,5 тыс. голов крупного рогатого скота, 22 тыс. лошадей, 350 тыс. овец, по льготным ценам было продано около 500 тыс. голов скота. В то же время в аулах проводились меры по ужесточению колхозного режима. В 1946–1949 гг. у аульчан были изъяты и зачислены в колхозные земли, переданные колхозникам в период ослабления государственного контроля над аулом. С 1948 г. началась кампания насильственного изъятия у шаруа подворного скота. Объем утвержденных поставок ежегодно возрастал, в то время как закупочные цены оставались ниже уровня 1940 г., что покрывало 15 % себестоимости производства земледельческой или животноводческой продукции. Денежная реформа 1947 г., сократившая денежную массу на треть, ударила прежде всего по населению аула. Хотя в 1947 г. карточная система была отменена, но в большинстве регионов положение со снабжением населения продуктами питания оставалось критическим.

В 1950 г. была предпринята новая сельскохозяйственная реформа, заключавшаяся в укрупнении колхозов. В результате количество колхозов в республике сократилось с 6773 в 1945 г. до 2047 в 1952 г. Это привело к исчезновению ряда сельскохозяйственных пунктов, уменьшению личных наделов аульчан, урезанию натуроплаты и не улучшило положение на селе. Все это способствовало в конце 40-х – начале 50-х гг. постепенному обострению продовольственной проблемы. Уровень заработной платы рабочих и служащих вырос в 1950 г. по сравнению с 1940 г. в 1,5 раза, в то же время розничные цены на продукты первой необходимости выросли в 3 раза, что привело к снижению покупательской способности рубля. Колхозники же за свой труд получали в четыре раза меньше, чем горожане, и не имели права свободного продвижения по стране.

Историческим событием начала второй половины XX в. явилось решение об освоении целинных и залежных земель, принятое на февральско-мартовском (1954 г.) Пленуме ЦК КПСС. В этом же году весной было распахано 13,4 млн га земель, в том числе половина – в Казахстане. По всей стране развернулось патриотическое движение за освоение целинных земель. В республику эшелон за эшелоном прибывали молодые люди в основном с европейской части СССР (РСФСР, Белоруссии, Украины, Молдавии и др.), при этом они отличались по своему положению в обществе, моральному облику и профессиям. Только в 1954–1955 гг. были образованы 337 совхозов, названия которых сами говорят за себя: Московский, Ленинградский, Киевский, Кубанский, Ростовский, Одесский, Кантемировец, Таманец и т. п. Целинные земли осваивались в Акмолинской, Актюбинской, Кокшетауской, Костанайской, Павлодарской, Северо- Казахстанской областях. В 1954–1955 гг. по всей стране было поднято 29,7 млн га целинных и залежных земель, из них 18,6 млн – в Казахстане. За счет освоенных земель удалось увеличить производство зерна на душу населения до 2 тыс. кг, хотя, исходя из мировой практики, достаточно около 1 тыс. кг.

Спустя небольшое время стали заметны и негативные следствия освоения целинных земель. Уже в 1960 г. в целинном регионе Казахстана ветровой эрозии подверглось 9 млн га почвы. Прибытие на целину 2 млн мигрантов из европейской части страны существенно повлияло на этнический состав населения. Постепенно стали ограничиваться традиционная культура казахов, язык и социальные институты этноса, резко уменьшилось количество очагов культуры и учебных заведений на казахском языке.

В рассматриваемый период значительное внимание уделялось развитию животноводства. На конец 1960 г. общая численность скота по сравнению с 1955 г. увеличилась на 52,4 % и составила более 35,6 млн голов. Ведущей отраслью животноводства республики было овцеводство. Повысилась продуктивность скота.

В сентябре 1952 г. лидером правящей партии Казахстана был избран Ж. Шаяхметов, а в марте 1953 г. умер И. Сталин, почти 30 лет единолично руководивший СССР и сформировавший тоталитарную систему управления страной. Первым секретарем правящей партии был избран Н. С. Хрущев, соратник И. Сталина и первый политический лидер СССР, декларировавший необходимость развенчания автократического метода управления. Им была предпринята попытка демократизации политической жизни в обществе. Уже в конце марта новое руководство предпринимает меры по либерализации управляющей системы. Была объявлена амнистия для всех заключенных, чей срок не превышал пяти лет, несовершеннолетних и осужденных за экономические, административные и военные правонарушения. Было принято решение, осуждающее нарушения законности органами госбезопасности в ходе следствия по крупным политическим делам конца 40-х – начала 50-х гг. В июле 1953 г. был арестован главный организатор репрессий 30–50-х годов Л. Берия. ГУЛАГ был передан из ведения МВД Министерству юстиции, политическая полиция стала самостоятельной организацией – Комитетом госбезопасности (КГБ).

14 февраля 1956 г. в Кремле с участием представителей 55 «братских партий» открылся XX съезд КПСС, который завершился знаменитым секретным докладом Н. С. Хрущева. Этот доклад, вызвавший подлинное потрясение, был произнесен

при закрытых дверях только перед советскими делегатами и открыл дорогу управляемой десталинизации. Наиболее серьезное выступление против культа личности Сталина и нарушений социалистической законности на открытых заседаниях принадлежало Микояну, который подверг критике выводы и извращения, содержавшиеся в «Кратком курсе истории ВКП (б)» 1938 г. (в особенности по поводу революции 1917 г. и Гражданской войны), а также экономические теории, выдвинутые Сталиным в 1952 г.

Из секретного доклада участники съезда узнали о «завещании» Ленина, существование которого до тех пор отрицалось правящей верхушкой. Доклад анализировал извращение Сталиным принципа демократического централизма, рассказывал о чистках и незаконных методах следствия, в результате которых у тысяч коммунистов вырывались совершенно невероятные признания. Развенчав миф о Сталине как «наследнике» и «гениальном продолжателе» дела Ленина, доклад представлял в другом свете и миф о Сталине-военачальнике, разрушив канонический образ генералиссимуса и создав облик нерешительного и некомпетентного человека, ответственного за сокрушительные поражения 1941–1942 гг. Доклад также показал ответственность Сталина за депортацию кавказских народов, огульно обвиненных в сотрудничестве с немцами, за конфликт с Тито, фабрикацию фальшивых заговоров в 1949 г. («Ленинградское дело»), 1951 г. («Мингрельское дело») и 1953 г. («Дело врачей-убийц»). Доклад Н. С. Хрущева представлял новый образ Сталина – образ тирана, день за днем создававшего свой культ, образ некомпетентного, не желавшего никого слушать диктатора, оторванного от народа и ответственного за катастрофическое экономическое положение страны.

30 июня 1956 г. Пленум ЦК КПСС принял постановление «О преодолении культа личности и его последствий», которое было большим шагом назад по сравнению с секретным докладом и стало идеологической базой послесталинского консерватизма. Здесь Сталин характеризовался как «человек, который боролся за дело социализма», а его преступления – как «некоторое ограничение внутрипартийной и советской демократии, неизбежные в условиях ожесточенной борьбы с классовым врагом». Здесь уже заслуги Сталина явно перевешивали его слабости, которые не имели решающего значения и не смогли свернуть партию с правильного пути.

В русле политических событий в стране развивалась жизнь в республике. Несмотря на отказ от репрессивных методов, административно-командный стиль управления сохранился и совершенствовался. Казахстан, как и вся страна, управлялся непосредственно из Москвы, которая назначала и смещала руководителей высших рангов. Так, в феврале 1954 г. на VII съезде Компартии Казахстана по установке Кремля был снят Ж. Шаяхметов, а на его место назначен П. Пономаренко. Тогда же секретарем ЦК КП Казахстана стал Л. И. Брежнев, возглавивший республику в 1955–1956 гг.

В феврале 1957 г. были пересмотрены многие судебные дела осужденных по политическим мотивам и тысячи казахстанцев были реабилитированы. В эти же годы были реабилитированы чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы и калмыки, им разрешалось вернуться на исконные места проживания. В 1958 г. был принят новый Уголовный кодекс, отменявший понятие «враг народа», запрещалось прибегать к угрозам и насилию во время следствия, была узаконена презумпция невиновности.

22 мая 1957 г. на собрании представителей колхозников Н. Хрущев бросил фразу «Догнать и перегнать Америку!», подхваченную лицемерным окружением как программа действий. Речь шла о соревновании с США в двух конкретных областях: в производстве мяса и молочных продуктов. Как считают исследователи, этот призыв стал началом волюнтаристской политики «прыжка вперед», пагубность которой доказала предыдущая советская история. Выдвижение невыполнимых целей, последовавшая широкая кампания по пропаганде хрущевского проекта, исходившего из быстрого роста потребления, открывающего путь к обществу изобилия (коммунизму), поставили серьезную проблему не только в экономическом плане, но и в области общественных отношений. Они свидетельствовали о силе и постоянстве волюнтаристских методов мобилизации производительных сил, порождавших принуждение. Желание добиться максимально быстро и с наименьшими затратами впечатляющих результатов на основе отношений и методов, непосредственно вытекающих из сталинской практики, вскоре породило все более авантюристические инициативы, непродуманные административные реформы, экономические и социальные перегибы, которые не замедлили выявить пределы хрущевского проекта и привели к серьезному экономическому и социальному кризису начала 60-х гг.

Непродуманные реформы привели к обострению продовольственной проблемы и нарастанию недовольства населения. В августе 1959 г. социально-экономический кризис привел к массовым выступлениям молодых рабочих в Темиртау – одном из быстрорастущих индустриальных центров Казахстана. Строящийся в городе металлургический комбинат был объявлен ударной комсомольской стройкой, где работало около 200 тыс. человек. Тяжелые жилищно-бытовые условия, необеспеченность продовольствием и питьевой водой, откровенные злоупотребления администрации привели к стихийным выступлениям рабочих, перешедшим в трехдневные волнения, подавленные лишь с помощью войск, многие активные участники событий были осуждены.

В условиях углубления обострения экономической и социальной жизни людей, нарастаний тенденций волюнтаризма в 1959 г. был принят семилетний план развития народного хозяйства, по которому СССР к 1965 г. должен был выйти на первое место в мире по объему производства. Провозглашалось, что строительство социализма в стране завершено и в 80-е гг. нынешнее поколение будет жить при коммунизме. Радикально изменился и курс по отношению к национальной политике. В целях создания новой общности – советского народа – началось поощрение властями тенденции русификации, которая с легкой руки местных угодников сопровождалась закрытием национальных школ, сокращением сфер применения родного языка и возвеличиванием русского народа. Была выдвинута идея слияния всех этносов СССР и ликвидации национальных республик к началу 80-х гг. Эта идея некоторыми местными лидерами с позволения правителей Центра использовалась для перекраивания территорий республик. Так, в 1962 г. Узбекистану были переданы три хлопкосеющих района Южного Казахстана.

Трудности, с которыми столкнулась реализация хрущевского проекта, привели к все более авантюрным инициативам, к расцвету мифа о переходе советского общества к коммунизму, к умножению всякого рода кампаний (рязанского дела, кукурузной кампании, наступления на целину), призванных в кратчайшие сроки

добиться впечатляющих результатов, а также к возвращению в экономику начиная с 1958/59 г. явлений, во многом напомнивших о положении конца 40-х – начала 50-х гг.

В промышленности 1958–1965 гг. были отмечены:

– значительным увеличением капиталовложений и быстрым ростом кредитов, превышавших возможности государственного бюджета;

– резким неконтролируемым ростом промышленности, производящей средства производства;

– непредвиденным массовым потоком неквалифицированной рабочей силы из сельской местности, усилившим текучесть кадров, которую так и не удалось остановить принятым в 1960 г. законом против «летунов»;

– ощутимым снижением темпов экономического роста;

– увеличением дефицита, связанным со снижением интенсивности развития промышленности, средств потребления.

В сельском хозяйстве также произошло снижение темпов роста (сельскохозяйственное производство возрастало в среднем на 1,5 % в год в период 1959–1964 гг. против 7,6 % в 1953–1958 гг.; то же – 3 % против 9 % – имело место и в отношении роста производительности труда). В этот же период среднегодовое производство зерновых на душу населения едва превышало уровень 1913 г. Особенно низким был урожай 1963 г., что во многом явилось следствием предпринятой в 1962 г. кампании по ликвидации паров, отчего засуха 1963 г. переросла в подлинную катастрофу. Интенсивная монокультурная эксплуатация целинных земель привела к их сильнейшей эрозии, вследствие чего эффективность их возделывания упала по сравнению с первыми урожаями на 65 %. Чтобы избежать голода, правительство было вынуждено закупить за границей более 12 млн тонн зерна, что обошлось в 1 млрд долларов.

Трудности, переживаемые сельским хозяйством, непосредственно отразились на городском населении. Преследуя похвальную цель приблизить цены к реальным затратам, правительство весной 1962 г. повысило одновременно с оптовыми ценами (на 20–30 %) и розничные цены. В июне 1962 г. «Казахстанская правда» опубликовала постановление о повышении цен на мясо на 30 % и масло на 25 %, вызвавшее большое недовольство населения. Этот шаг сопровождался замораживанием заработной платы и отказом от постепенной отмены подоходного налога. В настоящий бунт перерос народный протест на предприятиях промышленности, а в Новочеркасске для восстановления порядка в городе были использованы войска, применившие оружие, что привело к десяткам жертв среди манифестантов. В Казахстане рабочие городов выражали свое недовольство митингами, политическими выступлениями на собраниях коллективов, партийных и общественных организаций.

Более, чем собственно климатическими причинами, кризис в сельском хозяйстве был вызван социально-экономическими формами организации данной отрасли, отсутствием сколько-нибудь глубокой реформы колхозного строя, принципы которого (ценообразование, производственные отношения, планирование), ориентированные в конечном счете на изъятие, делали невозможным расширенное воспроизводство.

Началом описываемого экономического периода стал внеочередной XXI съезд КПСС, созванный 27 января 1959 г. специально для одобрения нового семилетнего плана. Этот план заменял собой шестой пятилетний план, принятый в 1956 г. и подвергшийся основательной корректировке. Этот съезд стал свидетелем рождения нового мифа – о переходе СССР к коммунизму. Строительство социализма было провозглашено завершенным, и речь отныне шла о том, чтобы приступить к «созданию в стране коммунистического общества», которое на рубеже 80-х гг. обеспечит полное изобилие и счастье каждого советского гражданина.

После того как на XX съезде КПСС были сделаны первые шаги к признанию реально существующих проблем, партийно-государственный аппарат, казалось, снова повернулся спиной к действительности. Возвращение к мифологии было встречено населением, испытывавшем повседневные проблемы, со скептицизмом. Об этом свидетельствовал новый миф о построении «развитого социализма», который будто бы «победил полностью и окончательно». И другой миф – о скорой победе коммунизма, ставший источников горьких анекдотов («Коммунизм уже на горизонте. – А что такое горизонт? – Это линия, которая удаляется по мере приближения к ней»). Становилась все более очевидной неспособность властей решиться на радикальные перемены в экономике.

На XXII съезде КПСС, который проходил 17–31 октября 1961 г., в условиях широкой пропаганды политической линии партии и радикальной десталинизации были приняты III Программа и Устав. Данные документы должны были отвечать новому этапу, в который вступила страна, – переходу от социализма к коммунизму. Принятие новых партийных документов как у членов партии, так и у беспартийных не вызвало дискуссий. Текст программы излагал способы перехода к коммунизму, что вряд ли могло стать предметом для горячего обсуждения. Согласно программе, для достижения цели требовалось 20 лет, из которых 10 (1961–1971) отводилось на создание материально-технической базы коммунизма и еще 10 лет (1971–1981) на вступление в коммунизм. Успехи экономики, основанные на дальнейшем развитии тяжелой индустрии, на базе которой предстояло технически перевооружить все остальные отрасли народного хозяйства, должны были привести к созданию бесклассового общества с единой формой собственности на средства производства с постепенной передачей функций государства органам самоуправления трудящихся, с подлинным социалистическим равенством и т. д. Освобожденный от давления материальной необходимости, человек коммунистического общества тем не менее представлялся в соответствии с точной моделью: он полностью разделял все ценности этого общества и работал потому, что чувствовал в этом потребность, ценил мир, свободный от антагонизма между коллективом и личностью.

В 1961 г. первым секретарем ЦК правящей партии стал Д. А. Кунаев – яркая личность XX в. из числа казахов, прошедший путь от мастера рудника до председателя Совета Министров республики. Ему суждено было руководить казахстанским обществом почти четверть века – до начала развала Советского Союза. В обстановке секретности был подготовлен государственный переворот, и в 1964 г. Н. Хрущев был отправлен на пенсию, а Первым секретарем ЦК КПСС стал Л. Брежнев, главой Правительства – А. Косыгин. С приходом на олимп государственного управления новых лидеров начинается отход от политики десталинизации, проводится в

жизнь более консервативная политика. Постепенно исчезают упоминания о культе личности, XX съезде и докладе Н. Хрущева, был свернут процесс реабилитации жертв репрессий, а сами необоснованные обвинения режима власти трактовались как перегибы и временные отходы от ленинских принципов. Политический консерватизм характеризовался стабильностью кадров высшего эшелона, неимоверным ростом бюрократического аппарата, отказом от реформ. Как итог – стагнация или застой всей советской политической системы.

Эти особенности политической системы были закреплены в новой Конституции СССР, принятой в 1977 г. и констатировавшей построение в стране «развитого социализма». На основе общесоюзной Конституции в 1978 г. была принята Конституция Казахской ССР. В новом основном законе провозглашались суверенитет Казахстана, основные права и свободы личности, право свободного выхода республики из Союза, право самостоятельной внешнеполитической деятельности. Несмотря на это, конституция не предусматривала механизмов реализации всех провозглашенных принципов и осталась лишь декларацией, оторванной от реальной политической системы.

Последствия советских реформ второй половины XX века для Казахстана

Основной замысел экономической реформы середины 60-х гг. – расширение хозяйственной самостоятельности предприятий к началу 70-х гг. – фактически свелся к сокращению спускаемых сверху планово-отчетных показателей и изменениям порядка формирования поощрительных фондов коллективов. В итоге многие предприятия в погоне за прибылью пошли по наиболее легкому пути – искусственному повышению цен на свою продукцию. Прибыль, полученная за счет повышения цен, позволила увеличивать заработную плату, динамика которой стала опережать рост производительности труда, что уже в начале 70-х гг. стало причиной инфляционных тенденций, отрицательно влиявших на развитие экономики. Половинчатость реформ проявилась и в том, что, расширив самостоятельность предприятий, она усилила административные и экономические полномочия министерств и ведомств. Сохранилось централизованное планирование сверху по принципу от достигнутого, продолжали действовать валовые показатели, несмотря на их признанное несовершенство.

По выводам исследователей, основная причина неудачи реформы заключалась в сохранении прежней автократической политической схемы управления в государстве. Реформа не затронула политической структуры общества, отношений собственности, жестко сохранив при этом монополию государственной собственности. Сами лидеры советского общества – яркие представители сталинизма – твердо стояли на позиции сохранения в неприкосновенности административной системы в функционировании экономики.

В этих условиях правители страны продолжали наращивать капиталовложения в отрасли экономики республики. В 1970–1985 гг. в индустриальный потенциал республики вкладывается примерно третья часть средств, выделенных на развитие экономики всего СССР. В основном они вкладывались в химическую и нефтехимическую отрасли (фонды возросли в 6,5 раза), машиностроительную (4 раза), топливную (3,8 раза). В строй вошли около 1000 новых промышленных предприятий и цехов. Среди них – Казахский газоперерабаты-

вающий завод, Шевченковский завод пластмасс, Карагандинский завод резинотехнических изделий, Павлодарский и Шымкентский нефтеперерабатывающие заводы, цех белой жести на Карагандинском металлургическом комбинате, Экибастузская и Ермаковская ГРЭС, Шымкентский и Жамбылский фосфорный заводы, Жайремский горно-обогатительный комбинат и др. По объему промышленного производства Казахстан вышел на третье место в СССР после РСФСР и Украины. Сформировались территориально-производственные комплексы – Мангышлакский, Каратау-Жамбылский и Павлодар-Экибастузский.

По-прежнему сохранялась отраслевая структура экономики с жесткой централизацией управления ее и ярко выраженной сырьевой направленностью. Большие капитальные вложения вкладывались в сырьевые отрасли в ущерб наукоемким производствам. Доля добывающих отраслей в промышленности республики в начале 80-х гг. была в 1,7 раза выше, чем в среднем по стране. Около половины промышленности Казахстана находилось в ведении союзных министерств, что являлось главной преградой в выделении в республиканский бюджет средств на развитие инфраструктуры. Так, при общей прибыли своих предприятий в 15 млрд руб. в год в бюджет Казахстана отчисляли менее 2 %. При таком подходе к социальным проблемам промышленных предприятий со стороны отраслевых министерств и ведомств игнорировались и вопросы перспективы региона – подготовка национальных кадров рабочих, инженерно-технического персонала, охраны окружающей среды.

Ориентация в 70-80-е гг. на развитие сырьевых отраслей привела к тому, что темпы роста производства обрабатывающей промышленности оставались невысокими, а производство товаров повседневного спроса населения было весьма низкими и качество их не удовлетворяло запросов населения. 60 % таких товаров поступало из других регионов страны. К середине 70-х гг. нарастание кризисных явлений в экономике становится очевидным. Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции с 8,4 % в девятой пятилетке уменьшились до 3,8 % в одиннадцатой, а национального дохода – соответственно с 4,4 до 1,4 %. План девятой пятилетки по увеличению объема промышленного производства был не выполнен на 12,6 %, десятой – на 25 %, одиннадцатой – на 3,6 %. Обострялась ситуация с обеспечением населения жильем и со сдачей объектов социально-культурного назначения. Например, за 1976–1985 гг. население недополучило 1,4 млн м^2 жилья, 121,5 тыс. школьных мест, 49,5 тыс. мест в дошкольных учреждениях, 67 тыс. мест в профтехучилищах и 7 тыс. мест в больницах. В строительстве прочно утвердился долгострой, сооружалось много неплановых объектов в ущерб плановым, характерны были разбросанность объектов, распыление средств и рабочей силы по многим стройкам, отсутствие взаимосвязи между проектированием и поставками оборудования, ввод в эксплуатацию объектов с недоделками и дефектами, приписки и разбазаривание стройматериалов.

Все глубже пронизывала жизнь порочная практика ограничения инициативы работников и коллективов снизу. Так, в 70-е гг. началось массовое движение за внедрение бригадного подряда, в основе которого лежало стремление рабочих навести порядок на строительстве, эффективное использование ресурсов, устранение уравниловки в оплате труда, расширение самостоятельности предприятий. Фактически речь шла о том, чтобы большая часть средств, заработанная рабочи-

ми, получалась ими, а не шла на содержание многочисленной бюрократической иерархии. Формально бригадный подряд поддерживался и пропагандировался, но как только дело доходило до ограничения управленческих структур и передачи его функции трудовым коллективам, он оказывался оплетенным многочисленными инструкциями и правилами, в особенности в технологии распределения финансовых средств и заработной платы. Практически бригадный подряд был похоронен самой управленческой системой.

Не получил в республике распространения и экономический эксперимент коллектива химкомбината г. Щекино Тульской области, проходивший под девизом «Меньше работников – больше продукции». При этом сэкономленные средства по замыслу инициаторов могли бы использоваться для материального поощрения работающих. Проведение этого эксперимента вело к сокращению управленцев на предприятиях, главках, трестах, министерствах. Однако и этот почин остался декларацией.

В эти годы проявляется тенденция игнорирования правящими структурами вопросов внедрения в производство достижений НТР. На конец 1985 г.ода в республике функционировали вместе с вузами 227 научных учреждений, в том числе 91 научно-исследовательский институт; заводская наука была представлена 108 конструкторскими бюро, 99 лабораториями, 52 опытно-экспериментальными подразделениями. В 1981–1985 гг. инженерно-техническими работниками и рабочими ежегодно подавалось более 165 тыс. рационализаторских предложений и заявок на изобретения.

Таким образом, 70–80-е годы XX в. характеризуются углублением ведомственной бюрократии, жестким директивным управлением сверху, уравнительными тенденциями в оплате труда, сужением демократических начал в управлении производством. Это заметно влияло на творческую активность членов общества и в первую очередь на занятых в производственной сфере. На производстве, правящих партийно-советских органах были широко распространены мнимая, иллюстративная активность, приписки и фиктивные отчеты. Все эти негативные явления получали идеологическое обеспечение в общественно-политической деятельности правящих структур.

Существовавший хозяйственный механизм отторгал по-настоящему инициативных и активных работников, не давал проявлять себя в полную силу новаторам производства. Одни системой грубо подавлялись, другие, поддерживаемые ее же, годами оставались «маяками», хотя их опыт не находил распространения. По официальным данным, в социалистическом соревновании участвовало свыше 90 % рабочих, но это практически не отражалось на темпах роста производства и производительности труда, улучшении качества продукции, усовершенствовании трудоемких процессов. Все это и стало причиной уменьшения темпов производства, ухудшения качества продукции, падения технологической и трудовой дисциплины, нарастания отставания в сфере научно-технического прогресса. Стали привычными равнодушие, небрежность, безынициативность, хищения и другие негативные проявления как в сфере производства, так и в управленческой системе.

Непростым было положение в сельском хозяйстве. Эта отрасль оставалась громоздкой и инертной во всех отношениях. Начиная с 70-х гг. его рост был незначителен. К тому же в течение 15 лет страна пережила восемь сильнейших неуро-

жаев (1969, 1972, 1974, 1975, 1979, 1980, 1981, 1984 гг.), которые власти пытались оправдать климатическими причинами. Объяснение происходящего только климатическими условиями не может быть признано состоятельным. Более убедительными представляются те объяснения, которые указывают на объем потерь, вызванных перевозками и плохими условиями хранения продукции на складах (в 1976–1980 гг. они достигали 13,5 % собранного урожая.) Эти потери, в частности, происходили из-за плохой организации труда в отрядах комбайнеров и шоферов, которые направлялись в целинные районы, постоянно ощущавшие нехватку рабочих сил.

В 1981–1985 гг. фактически не произошло прироста валовой продукции сельского хозяйства. Закупочные цены часто не покрывали себестоимость продукции, что приводило к нарастанию числа убыточных хозяйств. Посевные площади в республике были огромны, только зерновыми засеивалось более 25 млн га, но в указанный период стала проявляться устойчивая тенденция снижения их урожайности. Производство продукции животноводства, помимо птицы, было убыточным. Половина колхозов и совхозов были убыточными, и их число из года в год росло. Например, поголовье овец с 1971 по 1981 гг. выросло на 3,4 млн голов, а в последующее 15-летие этот рост почти прекратился: производство баранины в 1970–1985 гг. сократилось на 19 %, снизилась ее упитанность. В одиннадцатой пятилетке в республике сократились закупки зерна, хлопка-сырца, сахарной свеклы, подсолнечника. Некоторый рост госзакупок мяса, молока и молочных продуктов, яиц не мог компенсировать возросшего спроса населения на эти продукты. В подавляющем большинстве мест было введено нормированное распределение основных продуктов питания.

Не дали положительных результатов неоднократные попытки реформирования сельского хозяйства, в частности, меры по совершенствованию управления и планирования. Так, на основе решения майского (1982 г.) Пленума правящей партии создавалась новая система управления сельским хозяйством – районные агропромышленные объединения (РАПО). В РАПО объединялись совхозы и колхозы, обслуживающие их предприятия и перерабатывающие сельхозпродукцию производственные коллективы. Как оказалось, такое объединение (интеграция) было формальным и главную преграду – ведомственную разобщенность в сельхозпроизводстве – не удалось преодолеть. Интеграторами обычно выступали обслуживающие организации и перерабатывающие предприятия, которые присваивали себе прибыль, созданную в значительной степени усилиями хозяйств.

Кризис в сельском хозяйстве неоднократно пытались преодолеть волевыми (административными) методами, игнорируя законы экономики. Заметно стал сворачиваться процесс демократизации колхозного самоуправления, усилились контроль и мелочная опека со стороны правящих органов. В условиях отчуждения труженика от средств производства и результатов труда, внеэкономического принуждения даже позитивные на первых порах меры, предпринимаемые сверху, обращались в свою противоположность. В оплате труда сельчан возобладали уравнительные тенденции, во многом оплата производилась за отдельные операции независимо от конечного результата. Единые государственные тарифы, коэффициенты и нормативы, на основе которых начислялась зарплата тружеников села, не полностью учитывали разницу в условиях труда, сложность и многообразие

работ, люди зачастую получали деньги за выход на работу, а не за конечные результаты приложения труда. Оплата труда опережала рост его производительности. Это вело к тому, что нередко фонд оплаты труда в колхозе был выше валового дохода.

Курс на ускорение социально-экономического развития в середине 80-х гг. также оказался несостоятельным для сельского хозяйства. Увеличились капитальные вложения в агропромышленный комплекс. Были повышены закупочные цены, списаны долги с колхозов и совхозов, проведены очередные совершенствования управления селом. Но, несмотря на многочисленные решения о расширении самостоятельности хозяйств, на практике возобладали силовые методы руководства, а возраставший аппарат управления не смог найти оптимальное сочетание централизма и местной инициативы.

Неизменными оставались экономические отношения в сельском хозяйстве. Попытка изменить их путем введения арендных отношений не имела успеха. Процесс перевода хозяйств на аренду приобрел характер очередной кампании и проводился административными методами. Арендные коллективы противопоставлялись другим формам хозяйствования, формирование их необоснованно форсировалось. Аренда не затронула глубинных экономических отношений, не изменила принципиально возможностей трудящихся и их коллективов в оптимальном распределении средств и результатов труда, создаваемого дохода и распоряжения им. Не получила широкого распространения система фермерских хозяйств и свободных кооперативов. С одной стороны, ее внедрение тормозилось руководителями хозяйств и местными партийными органами, с другой – психологической инерцией самих тружеников села. В итоге происходило дальнейшее падение аграрного производства.

Советский Казахстан пережил с другими народами Советского Союза все трудности и лишения, преодолел все препятствия на пути своего исторического развития. Сегодня народ Казахстана строит свое будущее и выстраивает новые экономические и политические отношения с Российской Федерацией как суверенное государство.

10.3. Советская цивилизация: минувшая реальность в современном дискурсе

Аксиологические ориентиры историографического дискурса

В «Лекциях по философии истории» Гегель, раскрывая внутреннюю логику всемирной истории, исходил из различения трех видов историографии: *первоначальная история*, *рефлективная история*, *философская история*.

Первый из этих видов повествует о событиях и деяниях людей, протекающих на их глазах: «внешнее явление преобразуется во внутреннее представление».

Рефлективная история подразделяется на четыре подвида:

1) в*сеобщая история* (история какого-либо народа или страны), главной задачей которой, по Гегелю, является «обработка исторического материала, к которому историк подходит со своим духом, отличающимся от духа содержания этого материала»;

2) прагматическая история (события прошлого становятся современными). От мастерства, духа самого историка зависит, будут ли такие события интересны, жизненны и современны;

3) критическая история, то есть собственно история истории, в рамках которой дается та или иная оценка исторических повествований, выявляется их истинность и достоверность;

4) частичная история (история искусства, права, религии, науки и др., которые находятся в тесной связи со всей историей народа), которая, прибегая к абстракции, представляет собой непосредственный переход к философской всемирной истории.

Понимаемая таким образом рефлективная история стремится к установлению общих точек зрения, которые, если оказываются в своей сути истинными, выступают «не только внешнею нитью, внешним порядком, но и внутренней душой, направляющей сами события и факты». А это уже та самая философия истории, которая, следуя Гегелю, и есть осмысленное рассмотрение самой истории: «…мы, обозревая прошедшее, как бы велико оно ни было, имеем дело лишь с *настоящим*, потому что философия как занимающаяся истинным имеет дело с тем, что вечно наличествует. Все, что было в прошлом, для нее не потеряно, так как идея оказывается налицо, дух бессмертен, т. е. он не перестал существовать и не оказывается еще не существующим, но по существу дела существует теперь. Таким образом, уже это означает, что наличествующая настоящая форма духа заключает в себе все прежние ступени. Правда, эти ступени развились одна из другой как самостоятельные; но дух всегда был в себе тем, что он есть, различие состоит лишь в развитии этого сущего в себе. Жизнь настоящего духа есть кругообращение ступеней, которые, с одной стороны, являются как минувшее. Те моменты, которые дух, по-видимому, оставил позади себя, он содержит в себе и в своей настоящей глубине» [1].

В этих глубоко проникновенных словах усматривается, во-первых, идея о включенности, следуя терминологии Гегеля, в философскую историю предшествующих видов и подвидов истории (в частности, прагматической истории) как ее отдельных моментов, ступеней. Во-вторых, дух у Гегеля – это постоянно обогащаемый мир человеческого знания, охватывающий бесконечное множество событий, явлений истории природы и социума и обеспечивающий возможность выявления всеобщей связи и внутренней логики развития – «жизнь настоящего духа есть кругообращение ступеней».

Наконец, аксиологические ориентиры историографического дискурса неизбежно предполагают обращение взора исследователя на ход истории сквозь своеобразную мировоззренческую оптику, прибегая к использованию в качестве политических, религиозных, этических и прочих «фильтров» определенную методологическую установку, не зависящую от политической конъюнктуры, но нацеленную на получение достоверного знания и понимания смысла истории.

Если же речь вести о поисках смысла *всеобщей истории* (в гегелевском понимании) России, то нам, очевидно, не стоит посыпать голову пеплом и признавать героическое (и трагическое) в отечественной истории «грандиознейшим историческим самообманом» (по выражению В. П. Булдакова; см. ниже). В противном случае мы начинаем терять ориентиры в поисках смысла истории и собственного бытия в ней, поскольку при этом сами себя начинаем настраивать на отрицание

достижений, полученных нашими предками, предшественниками, родителями. Аксиологические ориентиры должны, очевидно, предохранять историографический дискурс от выхода за пределы национальных интересов, которые выступают своего рода смысловыми скрепами народа, общества, страны, государства.

В 90-е гг. прошлого века, в период господства перестроечной идеологии, в среде профессиональных историков стала вынашиваться идея переформатирования того периода отечественной истории, который был связан с Великой Октябрьской социалистической революцией, и всего последующего периода советской истории. Так, председатель Научного совета РАН «История революций в России» С. В. Тютюкин тогда прямо указывал на то, что в 90-е гг. началось переосмысление истории Октябрьской революции и всего советского периода отечественной истории. Тогда же «наметилась тенденция рассматривать Февральскую и Октябрьскую революции, а также Гражданскую войну как неразрывно связанные между собой части Великой российской революции 1917–1922 гг., которая стала одной из крупнейших вех мировой истории» [2].

Я не претендую на включение в историографический дискурс, который основан, с одной стороны, на попытках новой интерпретации событий столетней давности, мотивируя это своего рода «расширением сознания», опорой на новые исторические документы и методологию современной науки (цивилизационный подход, теория катастроф, обращение к мемуаристике и др.), а с другой – на отказе в той или иной форме от признания Октябрьской революции социалистической по своему содержанию и сути. Вдумаемся в слова одного из отечественных историков В. П. Булдакова: «Несомненно, революционность в России имеет особенности – путчистские у интеллигенции, традиционалистские – в низах… Если учесть, что после Первой мировой войны массам поневоле пришлось выбирать между «виновным» в ней капитализмом и «указавшим» выход из нее «социализмом», то станет ясным, что Октябрь стал грандиознейшим историческим самообманом XX в.» [3]. Как говорится, здесь комментарии излишни: специалистам-историкам также не чуждо менять десятилетиями сложившиеся принципы научного исследования. «Красный Октябрь» наконец-то стал «нормальным» объектом исторического исследования с упором на такие проблемы, как динамика назревания и нарастания кризиса, институционный анализ кризиса отношений власти и народа, психосоциальная интерпретация революций 1917 года и др. [4]. Но при этом ни слова о революционном и трудовом героизме, о зарождении нового типа цивилизационного мироустройства – социалистического. По этому поводу вполне уместно вспомнить слова философа В. И. Толстых, высказанные в те же 90-е гг.: «У сторонников марксизма настали трудные времена. Но и у тех, кто марксизм хоронит и оспаривает, положение не лучше. Наступает момент, когда от критики надо перейти к позитивным предложениям, что, как известно, делать всегда труднее» [5]. В данном случае представляется более существенным то, как можно увязать этот дискурс с философской рефлексией, претендующей на понимание смысла исторических процессов – минувших и настоящих.

В современном отечественном историографическом дискурсе и в философской рефлексии по поводу «судьбы России» выделяются три группы мировоззренческих и теоретико-методологических позиций: *просоветская*, основанная на традициях коммунистической идеологии, *перестроечная* с присущей ей размытой иде-

ологией и *постсоветская* (якобы деидеологизированная на официальном уровне) с еще не определившейся концептуальностью в интерпретации событий XX в. и в прогнозных оценках XXI в.

Сегодня официальный статус обрела историографическая концепция, согласно которой Февральская революция, Октябрьская революция и Гражданская война рассматриваются как неразрывно связанные между собой этапы Великой российской революции 1917–1922 гг. Эта концепция «обладает большим потенциалом. Убедительно звучит утверждение о том, что революция – это длительный и многоэтапный процесс, начавшийся в 1917 году и завершившийся с окончанием Гражданской войны в России». Таково мнение председателя Российского исторического общества С. Е. Нарышкина, которое он озвучил 9 октября 2017 г., выступая перед участниками международной научной конференции «Великая российская революция 1917 г.: сто лет изучения» в Институте российской истории РАН [6]. В конечном счете такая «переоценка» отечественной истории (на уровне рефлективной истории, по Гегелю) получила конституционное оформление: в статье 67.1 новой редакции Конституции Российской Федерации с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года, указано, что «1. Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации. 2. Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство». Во всяком случае, признание Российской Федерации, объединенной тысячелетней историей, правопреемником и правопродолжателем Союза ССР дает основание утверждать закономерный характер существования советского общества, советской цивилизации в единой российской и в мировой истории. Правда, если мы будем отходить от сугубо историографического дискурса и доверяться во всей своей полноте дискурсу цивилизационному, то можем столкнуться с ситуацией, которую в свое время весьма изящно обрисовала Л. И. Новикова: «распространению понятия цивилизации как ключевого в объяснении исторического процесса, как бы это ни показалось парадоксальным, способствовала его концептуальная неопределенность, если угодно, „эстетическая необязательность”, особенно в сравнении с жестко фиксированным понятием общественно-экономической формации. Эта размытость термина позволяет использовать его в различных идейно-теоретических системах, строить с его помощью альтернативные версии, модели исторического развития отдельных стран и народов, будущего человечества в целом. При этом интуитивно угадываемый смысл понятия, его пред-знание обеспечивают возможность взаимопонимания представителей различных школ, а в случае нужды и „мягкой стыковки” отдельных фрагментов истории в общемировую» [7]. Состояние «концептуальной неопределенности» просматривается в статьях энциклопедического словаря «Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты». Так, к примеру, А. С. Ахиезер характеризовал цивилизационную специфику российского обще-

ства рядом особенностей его исторического развития, в том числе колонизацией отдаленных от политического центра территорий и связанной с ней отсталостью государственного управления, исторической ограниченностью внешней торговли и возрастающего отставания от Запада в уровне и эффективности хозяйственного механизма, расколом между традиционной и либерально-модернистской культурами, определившим «разделение супер-цивилизаций, между которыми „застряла“ Россия». По мнению автора, кризис российской цивилизации можно преодолеть, лишь ослабив этот раскол и углубив нравственные основы общества [8]. М. П. Мчедлов, отмечая, что понятие российской цивилизации вошло в научный и политический лексикон в 90-е гг. XX в. с появлением на международной арене Российской Федерации как правопреемницы Советского Союза, справедливо указал на необходимость объективной оценки всех этапов исторического развития российской цивилизации, в том числе и социалистического [9]. Именно этому и посвящена данная коллективная монография.

Преемственность российской, советской и евразийской цивилизации

Упомянутая выше статья 67.1 Конституции Российской Федерации закрепляет *цивилизационную* диалектику тысячелетней российской истории. Наконец-то результаты философских споров и многолетних теоретических изысканий, культурологического дискурса и полемических выступлений воплотились в государственном документе. Надо полагать, что начинает складываться весьма надежный и продуктивный союз гуманитарной науки с политической практикой в части воссоздания государственной идеологии, предписывающей цели и перспективы развития страны на десятилетия вперед. Правда, пока еще 13-я статья Конституции, утверждающая «идеологическое многообразие» в Российской Федерации и не допускающая установления в качестве государственной или обязательной идеологии чего-либо из этого «многообразия», сдерживает наметившийся прорыв в осознании тысячелетней истории и преемственности в развитии Российского государства. И все же всестороннее обоснование преемственности российской цивилизации должно в скором времени подвести нас к утверждению государственной идеологии [10].

Евразийская цивилизация: интерпретация отечественных авторов

Евразийство зародилось в 1920-е гг. в русской эмигрантской среде на основе общего понимания России как особого социокультурного мира – место-развития евразийского суперэтноса.

Представители философской и культурологической школы евразийства выделяли как одну из особенностей евразийской цивилизации наличие многонациональных народов и этносов место-развития Евразии (это понятие ввел П. Н. Савицкий). Одним из основных концептуальных положений теории место-развития, которое Савицкий детально рассмотрел в работе «Географические и геополитические основы евразийства», является наличие пространственно-временного взаимодействия между социумом и вмещающим его ландшафтом. И подтверждением этому является высказывание Савицкого о том, что место-развитие представляет собой социально-историческую среду на определенной территории. На этом основании следовал вывод, что наряду со взаимодействием со средой в этих явлениях имели

значение начала «генетической близости» и «расового смешения»: место-развитие формует расу, а раса «выбирает» и преобразует место-развитие [11].

Особенностью место-развития Евразия является его флагоподобное строение – чередующиеся с севера на юг зоны тундры, леса, степи и пустыни [12]. Большую часть населения Евразии исторически составляли народы леса и степи – славяне (русские, украинцы, белорусы) и туранцы (тюркские, финно-угорские и монгольские племена). Для евразийской цивилизации издавна была характерна поликонфессиональность [13].

Восточнославянские племена занимали первоначально лишь незначительную (западную) часть той громадной территории, которую занимает современная Россия, а именно речные бассейны, связующие Балтийское и Черное моря, – те самые пути «из варяг в греки» и « из варяг в арабы». Вся большая часть территории современной России, – отмечал Н. С. Трубецкой, – была заселена преимущественно туранскими или урало-алтайскими племенами. В истории этой географической области эти племена играли первоначально гораздо более значительную роль, чем восточнославянские, русские племена [14].

Такая многоликость национального состава России-Евразии сохранилась и до настоящего времени: на территории Российского государства проживает, согласно данным Всероссийской переписи 2010 г., более 190 народов. Евразийцы в этой ситуации задавались вопросом, как органично и бесконфликтно совместить национальное своеобразие и сверхэтническое единство народов Евразии. Такую объединяющую функцию, по мысли Трубецкого, как раз и призван сыграть тот самый «общеевразийский национализм», который не отрицает значения национального своеобразия, но лишь утверждает наличие единых глубинных исторических и духовных ценностей евразийских этносов, объединяющих народы и их культурную и религиозную принадлежность. «Сверхнациональное» не отрицает здесь национального и не противоречит ему, а, напротив, придает этому национальному не только всеевразийское, но и вселенское измерение; оттеняет и делает национальное

Евразийская цивилизация: взгляд со стороны

Как же представляется евразийское цивилизационное пространство в политологических и культурологических конструкциях европейских авторов? Стоит сопоставить позиции двух авторов – Карла Хаусхофера, выдвинувшего еще в 30-х гг. «пан-идеи» и Жана Парвулеско, исследователя «скрытой истории» (по признанию А. Г. Дугина). Первый из них – один из основателей и ярких представителей классической, силовой геополитики, второй – выразитель идей геополитики постмодерна, обращенной к построению теории заговоров, поиску тайных маршрутов мировой политики, покрытых неким сакральным флером.

В работе «Панидеи в геополитике» (1931 г.) Хаусхофер одну из глав («Пан-Азия – Евразия – пан-Европа») посвящает анализу работ представителей, как он их называл, «политической секты евразийцев», пытавшихся оспорить «традицию изображения пяти привычных частей света» [14]. Позиция Хаусхофера основана в данном случае на идеях политической географии: необходимо различать «велико-евроазиатскую и младо-евроазиатскую (евразийскую) точки зрения»: согласно первой, Европа рассматривается всего лишь как «одна из важнейших крупных

структур, полуостров – колыбель народов наряду с Аравией, Индией, Восточной Азией», согласно второй, Россия отсекается от Запада и устремляет взор на Восток, а потому «желает по-иному провести границу Европы» [15]. Хаусхофер определял «североазиатский миграционный пояс» (пространство между Маньчжурией и Карпатами) как «промежуточную Европу» (Советский Союз), обращенный «лицом к пан-Азии и спиной к Европе» и скрывающийся под личиной «русского империализма» [16]. Озабоченный трудностями с разграничением Евразии и промежуточной Европы, Хаусхофер высказывает свое мнение относительно евразийцев (да и Страны Советов) отнюдь недружелюбным образом: «В этом созвучном широкой душе восточного славянина пространстве евразийцы воздвигают свои воздушные замки будущего, в равной мере отходя и от западноевропейской, и от азиатской культуры, хотя и с противостоящей в религиозном отношении Советам, но родственной геополитически идеологией… нельзя предвидеть заранее, как сможет квиетическая (пассивная), выдуманная эмигрантами евразийская идея посредничать путем дистанцирования между пан-Азией и пан-Европой» [17]. Хаусхофер предлагал отказаться от евразийской идеологии в деле создания «первых ступеней будущей структуры всего человечества» и вернуться к традиционному делению частей света, мотивируя это тем, что фактически лишь «Европа и Азия обязаны продвинуть важнейшее решение о том, смогут ли панидеи (не говоря о захолустных пространствах Земли) и впредь плодотворно сказываться на дальнейшем развитии человечества» [18]. И все же почти столетие спустя евразийская идея возрождается, и не только на просторах России-Евразии.

Несмотря на неприятие российского варианта евразийства, Хаусхофер «взял его на вооружение» спустя 10 лет, рассматривая среднее звено в идее «пан-Азия – Евразия – пан-Европа» в работе «Континентальный блок: Центральная Европа – Евразия – Япония» (1940 г.): «Самым крупным и самым важным поворотом в современной мировой политике, несомненно, является формирование мощного континентального блока, охватывающего Европу, Северную и Восточную Азию». Заметим, что здесь Евразия упоминается как Северная Азия, далее по тексту рассматриваемая уже не как цивилизационный мир народов, культур, смыслов и ценностей, а в контексте сухих геополитических конструкций (площадь территории, численность населения, протяженность сухопутных и морских границ, природные ископаемые) блока «Берлин – Рим – Токио». Хаусхофер здесь же признается, что угроза создаваемого блока для «англосаксонского мирового господства», основанного на тактике «анаконды», была заявлена «авторитетными» англичанами и американцами еще в середине XIX в., тогда как немцы времен Второй империи даже не подозревали, «какие возможности могли бы возникнуть на основе связей Центральной Европы с ведущей державой Восточной Азии [то есть Японией] через необъятную Евразию» [19]. Сокрушаясь по поводу того, что «более широко-пространственное и геополитическое мышление и меньшее увлечение идеологией» позволило бы избежать ненужных жертв и трений на всем протяжении первых четырех десятилетий XX в. на всем протяжении оси «Берлин – Москва – Токио», Хаусхофер смело заявляет: «В 1940 г. перед всеми тремя евро-азиатскими партнерами стояла прежде всего задача позаботиться о новой устойчивости… организации пространств. Ведь каждая победа в конечном счете выражена в пространстве и приз победы – приобретенная территория» [20]. Остается только дога-

дываться, какие территории и кого имел в виду Хаусхофер, говоря об обладателях приза победы. Впрочем, автор далее дает небольшое разъяснение, упоминая о восстановлении треугольника «Берлин – Рим – Токио» 27 сентября 1940 г. (речь идет о подписанном тогда Германией, Италией и Японией трехстороннем пакте, зафиксировавшем претензии этих государств на мировое господство, передел мира и открытое выступление против Советского Союза): «Если бы удалось смело согнутую дугу треугольника „Берлин – Рим – Токио“ привести к обоюдной выгоде в соответствии с солидным массивом пространства и изобилием сырья в Советском Союзе и таким образом придать этому треугольнику неприступную глубину „хинтерланда“ и устойчивость, тогда все старания „третьих держав“… были бы исчерпаны» [21]. Итак, все добродушные поначалу рассуждения Хаусхофера о недальновидности российских евразийцев, предлагавших правильным образом обустроить Россию-Евразию, завершились вполне конкретными расчетами в духе военной геополитики использования ее (России-Евразии, то есть конкретно Советского Союза) в интересах «крайних составляющих» оси «Берлин – Москва – Токио».

«Осеобразная» геополитика – такой же прием использовался в постмодернистской интерпретации евразийского пространства Жаном Парвулеско. Языком геополитической беллетристики автор пытается объяснить (в статье «Православие и католицизм: великое возобновление?»), что «политико-историческое пришествие Евразийской империи конца, включающей Западную и Восточную Европу, Россию и Великую Сибирь, Индию и Японию, навсегда перечеркнет нынешние гегемонистские империалистические проекты тех сил, которые Билл Клинтон недавно собирательно назвал „планетарным сверхмогуществом Соединенных Штатов“» [22]. Автор ратует за объединение православия и католицизма, которые, объединив свои духовные усилия, приведут к становлению «Евразийской империи конца» – Imperium Ultimum. Однако автор не считает необходимым включать Китай (за исключением Тибета) в эту «империю», а единственным врагом последней он признает США. Такие псевдополитические посылы явно не на руку устроителям евразийской цивилизации и евразийского союза, объединяющего государства на единой платформе сотрудничества и разрешения межгосударственных конфликтов.

Парвулеско, ратуя за укрепление национальных интересов, в первую очередь, Франции и Германии, выдвигает ряд тезисов по установлению на месте оси «Париж – Берлин – Москва» «оси нового имперского велико-континентального и евразийского авангардного уровня». Вот некоторые из этих тезисов:

– «Россия – Новая, наша Россия – должна стремиться… предпринять сверхчеловеческую попытку отыскать свой полярный центр тяжести…»;

– «Великая Европа, нуждающаяся сегодня в мобилизационной оси „Париж – Берлин – Москва“, может и должна срочно сделать все для политического и индустриально-экономического восстановления Новой России…»;

– «Восток Великого континента и высший имперский континентальный проект должны воссоединиться через Новую Россию» [23].

Эти призывные тезисы чем-то напоминают положение России как «геополитического балансира» в Европе конца XIX в., когда (в 1882 г.) был основан Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии, который был направлен против Франции и России. В ответ на создание Тройственного союза возникли франко-русский союз (1891–1894 гг., кстати, после многочисленных просьб и обра-

щений с французской стороны к российскому правительству), англо-французское соглашение (1904 г.) и англо-русское соглашение (1907 г.), приведшие к формированию Антанты как временной геополитической коалиции России, Великобритании и Франции. И к чему это все привело? По этому поводу стоит напомнить доклад с примечательным названием «Европейская политика России. Доверительный меморандум, составленный летом 1912 года, в предвидении приближения мировой войны и грозящей России катастрофы, и сообщенный в Октябре того же 1912 года» барона Р. Р. Розена – известного дипломата, члена Государственного совета. Обращают на себя внимание следующие слова: «Россия, занимающая большую часть Европейского материка, есть не столько величайшая европейская держава, сколько сама по себе целая часть света, поставленная между Европою и Азией, и с точки зрения такого ее положения и должны быть рассматриваемы истинные ее интересы в мировой политике. Предоставлением Германии преобладания в западной половине Европы и устранением себя от всякого участия в соперничестве европейских держав на почве чисто европейских интересов, Россия обеспечила бы себе безопасность ее западной границы и полную свободу рук для преследования ее миссии в Азии, повелительно указанной ей ее географическим положением, от выполнения которой ей тем труднее будет отворачиваться, чем яснее будет обрисовываться начавшееся пробуждение азиатских народов» [24].

Мудрые слова, произнесенные более 100 лет назад, должны, очевидно, стать назиданием сегодняшним политикам и геостратегам, которые порой увлекаются постмодернистскими интерпретациями реальных политических процессов и частыми ссылками на уважаемых классиков западной геополитики.

Рассматривая вопрос об историософских и геополитических контурах евразийской цивилизации, следует четко представлять, что системообразующим фактором ее становления и развития явилась российская государственность, претерпевшая за многовековую свою историю многочисленные трансформации – от Киевской и Владимирской Руси до Российской Федерации и создаваемого Евразийского союза. Можно приводить многочисленные суждения отечественных (и не только) авторов, в которых с разной степенью убедительности утверждалась одна и та же идея – в геополитическом, этнографическом и историко-культурном отношении «Континент-Евразию» следует рассматривать как одну из локальных цивилизаций. На протяжении своей истории расширялись ее геополитические границы, этнический и конфессиональный состав.

История войн полна примеров того, какие усилия предпринимались близкими и дальними соседями, чтобы разрушить это цивилизационное единство. Но смысл истории выявляется в данном случае в том, что если в прошлые века этот процесс цивилизационного единения осуществлялся во многом стихийно, находя свое выражение в многочисленных историософских прозрениях (та же идея «Москва – третий Рим» или уваровская триада «Православие, самодержавие, народность»), то XX в. и начало XXI в. ознаменовались реализацией глобальных цивилизационных проектов – созданием единого Советского Союза и после его развала – Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Следует вникнуть в первоначальные слова Договора о Евразийском экономическом союзе: «Евразийский экономический союз… является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью» [25].

Пожалуй, эта формулировка – ключевая характеристика ЕАЭС как основы создания евразийской цивилизации, поскольку он изначально позиционирует себя как ядро континентальной интеграции.

Судьба Азиатской России как геоцивилизационного макрорегиона

Поставленный выше вопрос о взаимосвязи и преемственности русской (российской) и евразийской цивилизаций неизбежно приводит нас к необходимости выяснения того, что представляет собой Азиатская Россия (Азиатская часть России) в геополитическом и цивилизационном контексте. Кроме того, необходимо учитывать, что геополитическое пространство этого макрорегиона в последние годы оказывается зоной интересов и притязаний набирающего силу Тюркского союза, да и Китай рядом.

Азиатская Россия – глобальный регион, занимающий 77 % территории страны (около 13,1 млн км^2, что превосходит по территории любое другое государство мира). Само понятие Азиатской России закрепилось в научной литературе еще в дореволюционное время. К началу XX в. Азиатская Россия охватывала Сибирь, Дальний Восток, среднеазиатские владения и Кавказский край. В советское время в связи с изменением федеративного устройства страны это понятие исчезло из научного оборота. Ныне понятие Азиатской России достаточно прочно закрепилось в научной литературе и наполняется достаточно богатым и разносторонним содержанием [26]. Исторически Азиатская Россия сформировалась в ходе геополитической экспансии Российской империи. Однако цивилизационная динамика экспансии была гораздо сложнее, нежели продвижение государственной границы на восток и северо-восток. Народы Сибири мигрировали и на восток, и на запад. Так, пояс степей Южной Сибири (и Евразии в целом) на протяжении двух тысячелетий оставался родиной номадизма. Волны кочевников скифо-сакских племен, гуннов, авар, тюрок, монголов устремлялись на запад – современные тюркские народы вышли из степей и предгорий Южной Сибири. Тайга Западной Сибири была родиной народов уральской группы – финно-угорские народы оттуда. Народы Арктической зоны, веками проживающие в суровых климатических условиях, дали основание некоторым ученым заявить о существовании относительно самостоятельной цивилизации – циркумполярной [27].

В Сибири проходил один из маршрутов Великого шелкового пути, дороги стали основой всех цивилизаций и государств Евразии, в том числе Сибири – державы гуннов, Тюркского каганата, Монгольской империи и Российской империи. Сибирь объединила в себе элементы европейской, мусульманской, китайской цивилизаций с особенностями степного, таежного и приполярного образа жизни [28]. Первые научные исследования Сибири, обусловленные необходимостью государственного управления и защиты отдаленных границ, были связаны с развитием географических исследований, поскольку нужны были точные сведения о природных условиях неизведанных земель и о населяющих их народах, о речных и морских путях сообщения [29].

На рубеже XIX–XX веков естественно-научные исследования Азиатской России дополнились изысканиями на основе новых научных направлений – геополитики и антропогеографии [30]. Классическая (военная) геополитика, разрабатываемая отечественными учеными и военными стратегами, – тема самостоятельного ис-

следования. Вместе с тем многие из них сугубо военно-политические проблемы тесно увязывали с решением социально-демографических и разнообразных хозяйственных задач. Так, военный министр, генерал-адъютант А. Н. Куропаткин, опираясь на данные Всероссийской переписи населения 1897 г. и ратуя за сохранение Сибири в случае возможных военных действий со стороны Японии или Китая, предупреждал: «Необходимо помнить, что в 2000 году население России достигнет почти 400 миллионов. Надо уже теперь начать подготовлять свободные земли в Сибири по крайней мере для ¼ части этой цифры» [31]. Военная наука, в рамках которой формировалась российская геополитика, выделяла как один из важнейших имперских компонентов «политику населения», предусматривавшую активное вмешательство государства в этнодемографические процессы, регулирование миграционных потоков и этноконфессиональный состав населения на имперских окраинах для обеспечения безопасности вновь образованных границ.

В ходе масштабных географических исследований Азиатской России В. П. Семенов-Тян-Шанский, признанный основатель отечественной антропогеографии и политической географии, обратился к детальному анализу ее историко-цивилизационных аспектов в ракурсе разрабатываемой им антропогеографии: от нее к геополитике, зародившейся на рубеже XIX–XX вв. в недрах политической географии и государствоведения, всего «один шаг». И В. П. Семенов-Тян-Шанский сделал этот решительный шаг, предложив антропогеографический подход (в исследовании социоприродных процессов) как одну из основ цивилизационной геополитики. Так, еще в 1915 г. он ввел в научный оборот понятие Русской Евразии, которым определил пространство между Волгой и Енисеем и от Ледовитого океана до самых южных границ Российской империи в качестве особого культурно-экономического региона, наряду с Европейской Россией [32].

В решении вопроса о том, каким образом для укрепления системы «от моря до моря» можно сдвинуть культурно-экономический центр государства ближе к истинному географическому его центру, Семенов-Тян-Шанский усматривал два ответа.

Во-первых, это перенос столицы (в российском случае – на Урал, в Екатеринбург). Ученый считал этот вариант слишком дорогим, непригодным и нецелесообразным в условиях развивающихся железнодорожных путей сообщения.

Во-вторых, создание тех самых культурно-экономических колонизационных баз, которые должны занимать ключевые позиции в развитии страны, обеспечивая прочность государственной территории и способствуя более равномерному ее заселению и культурно-экономическому развитию. В Европейской России Семенов-Тян-Шанский выделял четыре таких чисто русских базы, возникших в разные времена: 1) Галицкая и Киево-Черниговская; 2) Новгородско-Петроградская; 3) Московская; 4) Средневолжская. На основе этих четырех баз, обеспечивших территориальную заселенность и экономическую мощь «до самых берегов четырех морей», Европейская Россия представила собой ту культурно-экономическую массу, которая обеспечила Российской империи место в числе великих держав мира. Для реализации принципа колонизации «от моря до моря» ученый указал на необходимость формирования и функционирования новых культурно-экономических колонизационных баз в Азиатской России. «Для этого, – пишет он, – наши старые четыре базы должны отрешиться в значительной мере от своих монопольных привычек в торгово-промышленном отношении, основать на пер-

вое время местные промышленные филиалы в наших азиатских базах, дать им вовремя экономическую независимость, развить там действительно культурные центры и относиться не только терпимо, но даже любовно и поощрительно к возникающим там промышленным и культурным начинаниям» [33]. В соответствии с географическими условиями Семенов-Тян-Шанский предлагал в дополнение к старым четырем колонизационным базам Европейской России создание четырех таких баз: 1) Урал; 2) Алтай с горной частью Енисейской губернии (обе в Русской Евразии); 3) горный Туркестан с Семиречьем (в среднеазиатских владениях); 4) Кругобайкалье (в Восточной Сибири). Тем самым Семенов-Тян-Шанский выделил Россию-Евразию (объединяющую Европейскую и Азиатскую Россию) из Евразии как континента в целом, что явилось важным конструктивным шагом в развитии евразийского дискурса. Более подробное обоснование этого дискурса он представил в вышедшей в 1928 г. работе «Район и страна». Это издание имело гриф учебного пособия для студентов географического факультета Ленинградского государственного университета, где он с 1925 г. работал профессором кафедры сравнительного страноведения, антропогеографии и методологии районирования. В этой работе Семенов-Тян-Шанский впервые применил для исследования расселения математические методы (дазиметрические карты), обосновывая закономерную, определяемую природными условиями, территориальную типологию могущественных владений, из числа которых для России присущ чрезматериковый («от моря до моря») тип геополитического могущества. Так, к примеру, на с. 192 (рис. 53) он представил карту «Великих чрезматериковых мировых путей будущего», многие из которых уже созданы или будут созданы в ближайшем будущем. На языке антропогеографии Семенов-Тян-Шанский ведет рассуждения о «культурных мирах», определяя их как коллектив государств, представляющих «высшую единицу сгущения населения на нашей планете». Этих «культурных миров» четыре: первобытный (тропический и «крайний полярный») мир, «остановившийся, обломочный мир древних азиатских культур», «деятельный, передовой западный мир» и переходный «медленно прогрессирующий мир белой расы – восточный греко-славянский» [34].

В заключение следует признать, что советская цивилизация (в контексте единой российской цивилизации), созданная на социалистической по своей сути экономической, социально-политической и идеологической основе, предстает не только как минувший этап мировой истории, но и как один из вариантов построения будущего цивилизационного мироустройства.

Библиографический список

1.Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. – СПб.: 1993. – 480 с. С. 57, 59, 60, 63, 125.

2.1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению / РАН. Отдел. истории. Науч. совет «История революций в России». Ин-т рос. истории и др.; Ред. кол.: С.В. Тютюкин (отв. ред.) и др. – Москва: ИРИ, 1998. – 510 с. С. 5.

3.Булдаков В.П. Октябрь и XX век: теории и источники: (1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению). М.: ИРИ, 1998. С. 19, 22.

4.Волобуев П.В., Булдаков В.П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5-6. С. 28-38.
5.Толстых В.И. От критики надо перейти к позитивным предложениям // Освобождение духа / Под ред. А.А. Гусейнова, В.И. Толстых. – М.: Политиздат, 1991. – 352 с. С. 350.
6.Сергей Нарышкин. Выступление на конференции в ИРИ РАН:http://rushistory.org/sergey-naryshkin/vystupleniya-s-e-naryshkina/sergej-naryshkin-vystupil-na-konferentsii-velikaya-rossijskaya-revolyutsiya-1917-g-sto-let-izucheniya.html
7.Новикова Л.И. Цивилизация как идея и как объяснительный принцип исторического процесса / Цивилизации. Вып. 1. – М.: Наука, 1992. – 231 с. С. 13.
8.Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь / ред. кол.: Мчедлов М.П. и др. – М.: Республика, 2001. – 544. С. 484-486.
9.Там же. С. 412, 496.
10.Кефели И.Ф., Комлева Н. А.К вопросу о роли информационно-идеологической безопасности в контрстратегии гибридной войны на евразийском пространстве // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 1(27). С. 54-60; Ильницкий А. Ментальная война и гибридность современного мира (интервью). https://amicable.ru/news/2021/05/07/19467/mental-war-and-hybrid-earth/.
11.Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – 464 с. С. 288-290.
12.Там же. С. 124.
13.Вахитов Р.Р. Евразийская цивилизация http://nevmenandr.net/vaxitov/eurcivil.php
14.Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник. Берлин, 1925 http://www.hrono.ru/statii/turan_ru.html
15.Хаусхофер К. О геополитике: работы разных лет: 2-е изд. / Карл Хаусхофер; пер. с нем. и примеч. И.Г. Усачева. – М.: Мысль, 2016. – 460 с. С. 238. И.Г. Усачев, отмечая многозначность толкования самих названий с частицей «пан-», справедливо подчеркивает субъективный характер оценки различными исследователями тех или иных аспектов пандвижений, что было присуще и Хаусхоферу. Немецкий геополитик, пытаясь быть предельно объективным в этих оценках, критиковал одни пандвижения и позитивно оценивал другие «без достаточных на то оснований, а порой и вопреки очевидной истине» (там же, с. 417).
16.Там же. С. 240.
17.Там же. С. 241.
18.Там же. С. 243-244.
19.Там же. С. 247.
20.Там же. С. 331.
21.Там же. С. 353-354.
22.Там же. С. 357-358.
23.Парвулеско Ж. Путин и Евразийская империя. Сб. статей / Под общ. ред. А.Г. Дугина. – СПб. «Амфора», 2006. – 447 с. С. 179.
24.Там же. С. 208-213.
25.Розен Р.Р. Европейская политика России. Петроград, тип. А. Бенке, 1917. – 40 с. С. 22.
26.Договор о Евразийском экономическом союзе. См.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW

27.См., например: Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI-XX века – М.: Наука, 2014. – 600 с.; Винокуров Е.Ю., Либман А.М. Евразийская континентальная интеграция – СПб, 2012. – 224 с.; Винокуров Е.Ю. Евразийская континентальная интеграция. СПб.: Евразийский банк развития, 2013 – 18 с.
28.См. подробнее: https://sites.google.com/site/civilizacium/home/civilizacium/cirkumpolarnaa-civilizacia; Дм. Семушин: «Циркумполярная» лженаука – против Русской Арктики: https://regnum.ru/news/1501301.html.
29.Mikkel W. Pedersen et al, Postglacial viability and colonization in North America's ice-free corridor, Nature (2016). DOI: 10.1038/nature19085 Read more at: https://phys.org/news/2016-08-textbook-story-humans-populated-america.html#jCp; Сибирь. Атлас Азиатской России / научный рук. проекта А.П. Деревянко. – Новосибирск – Москва: Изд-во ООО «Топ-книга», 2007.– 864 с. С. 10.
30.См. подробнее: Кефели И.Ф., Шевченко Н.Н. Большая Евразия: цивилизационное пространство, объединительная идеология, проектирование будущего. – СПб: ИД «Петрополис», ООО «Геополитика и безопасность». 2018 – 220 с.
31.Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне. Итоги войны. Издание второе. Берлин: J. Ladyschnikow Verlag GmbH, 1911. – 557 с. С. 77.
32.Семенов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России // Изв. Император. Рус. геогр. общ-ва. Петроград, 1915. Т. 51, вып. 8. С. 441.
33.Там же. С. 442-443.
34.Семенов-Тян-Шанский В.П. Район и страна. М.-Л.: Госиздат, 1928. – 311 с. С. 219.

Заключение

Завершая наше коллективное исследование о формировании и развитии советской цивилизации, о советском государстве и советском народе, необходимо подвести некоторые итоги. Они, конечно, не претендуют на статус окончательных. Скорее, это приглашение к дальнейшему разговору и серьезной научной работе, поскольку юбилеи и большие даты еще будут, и не раз, а значит, будут и поводы для обращения к нашей теме. Но пусть не обольщаются те, кто пытается принизить или даже очернить нашу бывшую и настоящую Родину – Россию – Советский Союз. Это та самая «красная линия», за которой каждый, кто ее нарушит, всегда будет получать отпор, будет считаться врагом, предателем и негодяем.

Подведем же некоторые итоги нашего совместного исследования.

Во-первых, хотелось бы обратиться к весьма распространенному тезису о том, что современная Россия (а точнее – Российская Федерация) – правопреемница Советского Союза. В каком-то смысле это действительно так. Поскольку подавляющая часть советского народа осталась жить на территории современной России, а многие духовно-нравственные ценности советского прошлого продолжают сохранять свою актуальность и в современных условиях, то отрицать этот тезис было бы бессмысленно. Но диалектика есть диалектика. Следовательно, термин «правопреемница» нуждается в уточнении. Когда мы говорим о зарубежных активах бывшего Советского Союза, это одно. Когда мы говорим о наших российских (и даже исконно русских, освоенных и заселенных русскими людьми) территориях, оставшихся в бывших советских республиках – ныне суверенных государствах, это другое. Наконец, когда мы говорим о чем-то ином (об СНГ, о конфедерации, о евразийстве и т. д.), это уже что-то третье, четвертое и т.д. И не стоит все смешивать в одну кучу.

Здесь «весь дьявол – в деталях». Соотношение и содержание таких понятий, как «правопреемница», «наследница», «продолжательница» и т. д., с юридической точки зрения может быть разным. И, соответственно, восприятие этих понятий также может быть разным. Кому-то покажется, что за ними виднеется идея реванша и восстановления Советского Союза или создания некоей могущественной Евразийской державы во главе с Россией. Кто-то посчитает, что право народов на самоопределение оказалось в непримиримом конфликте в правом государства на суверенитет своих территорий. И здесь необходимо помнить о том, что право всегда предполагает и обязанность. А также (и это самое главное) историческую справедливость. Стремясь получить право на зарубежные активы СССР, мы, хочется нам этого или нет, вынуждены брать на себя и определенные обязанности. Например, не претендовать на наши исконно российские (русские) территории в новых суверенных государствах – бывших союзных республиках. И здесь положение, согласно которому российское законодательство имеет приоритетное значение перед международным правом, часто просто не работает: нас отключают от финансовых систем, информационных баз, инфраструктурных коммуникаций. Пытаются давить санкциями и откровенным рейдерством.

Можно, конечно, на законодательном уровне запрещать любые разговоры о территориальных изменениях России, но думать об этом людям не запретишь. Да и история свидетельствует о том, что подобные запреты мало что значат. Вопреки

всем прогнозам наших «благожелателей» – евроатлантистов и их украинских иждивенцев – националистов, Крым все-таки вернулся в родную российскую гавань. Острова Шикотан и Кунашир 75 лет японцам не отдавали. И никто не собирается, нет такой необходимости. Возможно, и Донбасс вернется в Россию: меняются государственные руководители, меняется государственная политика, но время все расставляет по своим местам.

Если относиться к этому вопросу предельно серьезно и полагать, что принцип верховенства российского законодательства над международным правом – отнюдь не «увертка», а единственно правильное решение, тогда необходимо открыто и четко признать: наши территории в других странах – это все еще наши территории. Они были бездумно и опрометчиво предоставлены этим странам в соответствии с Беловежскими соглашениями, согласно которым принципы дружбы и добрососедства являются определяющими. Это черным по белому записано в документах. И если эти определяющие принципы были кем-то нарушены, девальвированы, если они пришли в противоречие с другими, пусть даже и очень важными принципами Беловежского соглашения (интеграции, кооперации, общественного разделения труда и проч.), значит, само это соглашение либо нуждается в денонсации, либо в обновлении. Со всеми вытекающими последствиями. Такова реальная, а не мнимая геополитика.

Не случайно еще в 1992 г. первый мэр Санкт-Петербурга А. Собчак высказал мнение, согласно которому республики – учредители СССР после того, как они сами же аннулировали договор 1922 г., должны были бы вернуться в те границы, в которых они вступали в состав Советского Союза. Ссылаясь на это мнение, Президент РФ В. В. Путин считает, что «все остальные приобретения» бывших республик Советского Союза – это «предмет для обсуждения, переговоров, потому что аннулировано основание» [1]. Только что-то не слышно никаких переговоров по этому поводу за последние 30 лет! Да и какие тут уже могут быть переговоры, кого и с кем. В народе говорят: что упало – то пропало. А задним число все умны.

И тем не менее Россия настолько могущественная страна, что только политическая трусость конкретных руководителей или очередная измена могут стать препятствием для воссоединения таких (исконно наших) территорий в случае недружественного или даже агрессивного поведения отдельных участников СНГ. «Не нужен нам берег турецкий, и Африка нам не нужна», но «своей земли ни пяди не отдадим». А таких «пядей» было роздано беловежскими подписантами много. Что же, так случилось: так пусть все живут вместе и дружно. А националистам и врагам – ни сантиметра, пусть задумаются.

Во-вторых, важнейший вопрос – о роли Советского Союза в мировой истории. Здесь следует определенно отметить, что именно Советский Союз стал гарантом мира на нашей планете. Есть ли сейчас такая гарантия? Хотелось бы верить.

Но слепых нет. Мы видим нарастание военной угрозы в отношении к нашей стране, продвижение границ (и войск) стран НАТО к нашим рубежам, учащение разного рода региональных конфликтов на территории СНГ. Да и в мире в целом. Мы видим безнаказанность и наглость основных наших стратегических соперников – партнеров, которые позволяют открыто оскорблять главу Российского государства (и не принести при этом извинений!), а следовательно, миллионы россиян.

Если мир не сошел с ума, если все чаще в интернете выкладываются карты будущих сценариев третьей мировой войны, если у нашей политической элиты опять не хватает политической воли и мужества, то надеяться всем нам не на что. Но почему-то все-таки есть уверенность, что этой воли хватает, что, несмотря на кулуарные разборки, на просто безобразное поведение отдельных «российских» и зарубежных СМИ, высшее политическое руководство страны устоит под беспрецедентным натиском современных евроатлантистов, справится с непростой ситуацией. Россия будет жить. И все достижения Советского Союза окажутся в ее распоряжении, в ее «бюджете», в ее воле. Вопреки либералам-распорядителям, очерняющим и отрицающим их. Лишь бы правильно и грамотно эти достижения использовать.

Думается, нет необходимости кому-то доказывать, что многие советские достижения все еще являются основой нашего существования и будущего развития. Заложенный нашим народом в советское время фундамент его самостоятельного, суверенного существования никогда, нигде и никем разрушен не будет. Это аксиома, убедительно подтверждаемая более чем тысячелетним существованием нашего государства и нашего народа [2].

В-третьих, главный вопрос – это вопрос о нашей советской и российской культурной идентичности. От ответа на него во многом зависит и ответ на вопрос о том, будет ли когда-нибудь возрожден Советский Союз. Распады и разрушения многих больших государств, происходившие в прошлом, традиционно преподносились многими историками как процесс с «односторонним движением». Идеи необратимости и фатальности стали для всех привычными. Но оказалось, что это отнюдь не так. Наступил XX в. с его кровавыми войнами и чудовищными трансформациями. В результате разных исторических процессов к его окончанию в мире сложилась новая социальная и политическая реальность. Появилась единая Германия, которой, как казалось раньше, уже никогда не будет. Сложилась единая Европа (Евросоюз), и это при колоссальных противоречиях между европейскими странами и их милитаристском прошлом! С другой стороны, все чаще возникает вопрос о выходе Техаса и Калифорнии из состава США, о выходе Шотландии из состава Великобритании, об отделении Каталонии от Испании… Есть и третья сторона – «великое переселение народов». Западную Европу на протяжении вот уже нескольких десятилетий захлестывают волны эмиграции. Сегодня арабов, турков или выходцев из стран Азии в европейских странах уже миллионы, если не десятки миллионов. Не остаются в стороне и другие государства, в том числе США и РФ. Когда такое было, чтобы вполне себе благополучные и даже известные американские или европейские граждане просили российское гражданство, переезжали жить в Россию?

Сейчас, в условиях XXI столетия, эта новая реальность обретает особые специфические черты. Одним из проявлений этой новой реальности является утрата многими народами своей культурной идентичности и через это – своей цивилизации (национального суверенитета, государственности, социальных институтов, собственной культуры и др.). На ее место заступает некая наднациональная, эфемерная и опасная «общая цивилизация», более космополитичная, агрессивная и менее культурная. Именно она все активнее продвигает в общественном сознании людей так называемые «общечеловеческие ценности», «новое мышление» (у нас

это уже было и известно, к чему привело). Начиная от поощрения ЛГБТ-сообществ и заканчивая эвтаназией и клонированием человека, эта новая «цивилизация», по сути, склоняет общество (да и конкретные личности) к самоуничтожению.

И в этом отношении исторический опыт советской цивилизации – социалистического (в буквальном смысле – общенародного) реализма должен и может быть востребован. Востребован не в смысле диктатуры вкусов (на вкус и цвет товарищей нет, как гласит известная поговорка), а в смысле единой общенародной государственной идеологии – идеологии патриотизма, единения, дружбы и созидания. А это означает, что необходимо срочно внести соответствующие изменения в Конституцию Российской Федерации (п. 2 ст. 3), где говорится об отказе от единой государственной идеологии, и перестать заниматься государственным «идеологическим плюрализмом», навязанным нам в моменты исторической слабости политического руководства. Россия была и остается Великой цивилизацией, и в этом отношении советская цивилизация – неотъемлемая ее часть.

Но главное состоит в том, что наша цивилизация – культурно-генетическая, в отличие от англосаксонской или евроконтинентальной техногенных цивилизаций. В основе зарубежных цивилизаций, несмотря на все их достижения в области политики, экономики, культуры, на первом месте всегда были рационализм, гедонизм, эгоизм, агрессивность и европоцентризм (евроатлантизм).

В основе нашей цивилизации всегда на первом месте была духовность и такие ее составляющие, как духовное единство народа, вера, патриотизм, самоотверженность, героизм, честь, соборность, служение, правдоискательство. Эта духовность основывалась не только на советской идеологии, которую сегодня стало модным «пинать», но и на основе качественного образования.

Как отмечал президент В. В. Путин еще в 2012 г., то есть спустя 90 лет с момента образования СССР и 20 лет после его распада, в России все еще сохранялся самый высокий уровень образования населения в мире: «среди граждан в возрасте 25–35 лет высшее образование имели 57 % – такой уровень, кроме России, отмечен всего в трех странах: в Японии, Южной Корее и Канаде. Взрывной рост образовательных потребностей продолжается: в следующем поколении (15–25 лет) впору говорить о всеобщем высшем образовании – его получат или стремятся получить более 80 % юношей и девушек» [3].

Но только это было в 2012 г. А к 2021 г. ситуация изменилась. В рамках «реформы» высшего образования, которую организовали нынешние чиновники, значительная часть вузов была просто ликвидирована. Уже к 2015 г. их осталось 724, более 600 вузов прекратили свое существование. К началу 2021 г. количество государственных вузов сократилось до 497, а негосударственных – до 213. Общая численность студентов государственных и негосударственных вузов Российской Федерации к 2019 г. снизилась до 4,07 млн чел., то есть на 700 тыс. по сравнению с 2015 г. [4]. Темпы разрушения впечатляют. Как и попустительство таким «реформаторам», их безнаказанность и вседозволенность.

Знают ли об этом в Кремле? А если знают, почему не остановят антинародную и разрушительную по своей сути «реформу» образования? Почему за красивыми словами о нем позволяют уничтожать его? Почему разрешают и дальше разрушать духовный код многонационального российского народа? Или проект «Анти-Россия» реализуется сегодня не только в ближнем зарубежье, но и в самой

России? Может, прав был М. Полторанин, бывший первый вице-премьер и министр информации и печати в правительстве Б. Н. Ельцина (1990–1992), когда писал: «Произошла интересная эволюция, не замеченная Ч. Дарвиным: превращение „новых русских“ в „новых иностранцев“. Покровитель этих „новых“ Владимир Путин по-мичурински выпестывает экзотический для России сорт фруктов – „человекоподобный“… Новые иностранцы переросли из хозяев градообразующей собственности в государственную и государствообразующую корпорацию» [5]. Значит, опять формируется номенклатура, но с той лишь разницей, что она в отличие от партийной номенклатуры советского времени уже изначально коррумпированная? Это вопрос, на который еще предстоит дать ответ, но, как говорят в народе, «цыплят по осени считают»…

Как в этой связи не вспомнить о том, что особенно высокого уровня своего развития этот духовный код достиг именно в советский период нашей истории (боевой героизм, трудовая доблесть, коллективизм и т. д.). Именно этот духовный код позволял нашей стране оставаться свободной, суверенной, самостоятельной. Об этом необходимо помнить и новым поколениям, живущим в России. Тем, кому предстоит защищать и возрождать свою Родину! И, что крайне важно, не плевать тем, кто из этого советского «родного колодца» всю свою жизнь «пил воду»!

Жизнь все расставляет по своим местам. Раньше или позже, но от этого никто и никогда не уйдет! Насладится всласть, или настрадается до предела, но не уйдет. Потому что Родина у каждого из нас одна. «Одна на всех, мы за ценой не постоим!» Хоть под пальмами Малибу, хоть под тентами роскошных яхт в «нейтральных водах». Все и всегда вспоминают о своей Родине, точно так же как русская женщина, рожая своего ребенка, всегда и везде кричит по-русски. Или когда простой советский солдат идет в атаку и кричит встречной ему пуле или осколку гранаты: «За Родину!» Чего после всего этого стоит болтовня наших диссидентов – «правдолюбцев» и «демократов-искателей»!

И ведь именно это и есть главное, а не размеры кошелька или счета в банке, или чья- то рента, или даже чьи-то «опухшие» амбиции. Это, в конце концов, всем и каждому из нас (от бедного до богатого, от простого до известного) надо понять и осмыслить, прочувствовать и принять: и нам самим, и нашим друзьям, и особенно всем нашим недругам, чтобы у них не было никаких иллюзий. Родина – одна. Любить ее можно и в благополучии, и в «непогоду». А отвернуться от нее – означает умереть душевно и духовно. Означает стать «духовным калекой», как выражался великий русский писатель Л. Н. Толстой.

Говорят, что космополитизм – это и есть «новое мышление», и он хорош везде. А патриотизм, видите ли, атавизм, пережиток. Что же, есть и такие болтуны и интерпретаторы [6; 7].

Конечно же, все это ложь! Спросите у любого русского человека, на долгое время оторванного в силу разных жизненных обстоятельств от своей исторической Родины, почему его охватывает ностальгия, мучает тоска, отчего часто ему кажется, что на чужбине «жизнь пуста и проходит» (выражение другого нашего великого писателя И. С. Тургенева), и не надо будет ничего и никому лгать. А ведь насколько лучше было бы (хотя, конечно, и гораздо труднее) жить достойно. Жить вместе со своею страной, со своим народом и со своей совестью! Только вот в

эпоху бурь и перемен кое-кто ее, свою Родину, уже потерял. Увы, отщепенцы или «духовные калеки» были в любое время, когда-то больше, когда-то меньше.

Но пускай такие «друзья» не беспокоятся. Потому что есть главное: есть многонациональный российский народ. Тот народ, который имеет одно историческое право – право быть сильным. И который это право никогда не забывает. Именно поэтому Россия всегда была и будет в веках великой, самостоятельной Цивилизованной и Культурной Державой!

Библиографический список

1. Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев // Коммерсант. 12.07.2021. [Электронный ресурс]: https://www.kommersant.ru/doc/4898918
2. Историческая судьба России. К 1150-летию образования государственности в России (862 – 2012) / под ред. Н.Н. Целищева. Екатеринбург: Изд-во Уральского ГАУ, 2012. – 342.
3. Путин В.В. Россия сосредотачивается // Известия. 16 января 2012. [Электронный ресурс]: https://iz.ru/news/511884
4. Развитие высшего образования в цифрах / Российская газета. 14.06.2021. [Электронный ресурс]: https://rg.ru/2021/06/15/kolichestvo-rossiian-s-vysshim-obrazovaniem-prevysilo-31-procent.html
5. Полторанин М.Н. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М.: Эксмо; Алгоритм, 2010. – 512 с.
6. Лурье Я.С. После Льва Толстого [Электронный ресурс]: http://www.olsufiev.com/4w/Gurdjief-AKI-2.htm
7. Таланцев Д. Ересь патриотизма. Клад истины: Христианский журнал [Электронный ресурс]: http://webcenter.ru/-gaspdm/erpat.htm

Сведения об авторах

Абдаллаев Нуртаза Акишанович – доктор исторических наук, профессор, Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова, г. Актобе, Республика Казахстан.

Благодатских Владимир Гурьянович – доктор исторических наук, профессор, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург.

Быков Михаил Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии, социологии, государственного и муниципального управления, Российский государственный университет транспорта, г. Москва.

Ветошкин Анатолий Петрович – доктор философских наук, профессор, Российский государственный университет транспорта, г. Москва.

Воронин Борис Александрович – доктор юридических наук, профессор, директор Института экологии и права, Уральский государственный аграрный университет, г. Екатеринбург.

Воронина Яна Викторовна – кандидат экономических наук, доцент, Уральский государственный аграрный университет, г. Екатеринбург.

Жилина Вера Анатольевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, Магнитогорский государственный политехнический университет, г. Магнитогорск.

Журавлева Людмила Анатольевна – кандидат философских наук. доцент, заведующая кафедрой философии, Уральский государственный аграрный университет, г. Екатеринбург.

Зарубина Елена Васильевна – кандидат философских наук, доцент, Уральский государственный аграрный университет, г. Екатеринбург.

Кефели Игорь Федорович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и глобалистики, Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, г. Санкт-Петербург.

Князев Валентин Михайлович – доктор философских наук, профессор, Уральский государственный медицинский университет, г. Екатеринбург.

Коноплева Лариса Александровна – кандидат исторических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург.

Кружкова Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, Уральский государственный аграрный университет, г. Екатеринбург.

Леднев Виталий Павлович – доктор исторических наук, профессор, Российский государственный профессионально-педагогический университет, г. Екатеринбург.

Лавров Владимир Николаевич – доктор экономических наук, профессор, Уральский государственный аграрный университет, г. Екатеринбург.

Марцева Лидия Михайловна – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, Омский государственный университет, г. Омск.

Митин Александр Николаевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики управления, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург.

Некрасов Станислав Николаевич – доктор философских наук, профессор, Уральский государственный аграрный университет, г. Екатеринбург.

Потехин Николай Алексеевич – доктор экономических наук, профессор, Уральский государственный аграрный университет, г. Екатеринбург.

Потехин Виктор Николаевич – кандидат экономических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург.

Семин Александр Николаевич – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Уральский государственный горный университет; Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург.

Стегний Василий Николаевич – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь.

Стожко Дмитрий Константинович – кандидат философских наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург.

Стожко Константин Петрович – доктор исторических наук, профессор, Уральский государственный аграрный университет, г. Екатеринбург.

Шабатура Любовь Николаевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, Тюменский государственный индустриальный университет, г. Тюмень.

Шепелева Валентина Борисовна – доктор исторических наук, профессор, Омский государственный университет, г. Омск.

Шиловцев Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, Уральский государственный аграрный университет, г. Екатеринбург.

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Коллективная монография

Редакторы:
М. Ю. Карпухин, К. П. Стожко
Верстка:
Н. А. Предеина

Текст дается в авторской редакции